

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ДОНБАССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**Республиканской
очно-заочной научной конференции**

«НАУКА И МИР В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

20 ноября 2015 г.

г. Макеевка

*Печатается по решению ученого совета Донбасской национальной академии
строительства и архитектуры. Протокол № 3 от 30.11.2015 г.*

Наука и мир в языковом пространстве : сб. науч. трудов Республиканской очно-заочной научной конференции (20 ноября 2015 г.). – Макеевка, 2015. – 644 с. : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://donnasa.org/inform.php?lng=r&pid=2378&art=2379>.

Сборник содержит 160 научных работ участников Республиканской очно-заочной научной конференции «Наука и мир в языковом пространстве» (Макеевка, 20 ноября 2015 г.).

Материалы представлены по таким тематическим направлениям: «Теоретико-методологические и прикладные проблемы филологии»; «Ономастика Донбасса»; «Язык как отражение духовных и этнокультурных ценностей»; «Межкультурная коммуникация: проблемы и перспективы»; «Методика преподавания лингвистических дисциплин: традиции и инновации»; «Язык и средства массовой информации», каждое из которых состоит из двух частей: 1) работы учёных-лингвистов, литературоведов, культурологов, методистов, педагогов (собственные и в соавторстве); 2) статьи и тезисы аспирантов, магистрантов, студентов, учащихся 10–11 классов под руководством преподавателей.

Издание заинтересует учёных-филологов, педагогов, студентов, учащихся, а также широкий круг читателей.

Редакционная коллегия:

Горохов Е. В.	– председатель оргкомитета, ректор академии, д.т.н., профессор;
Зайченко Н. М.	– проректор по учебной работе, д.т.н., профессор;
Мушанов В. Ф.	– зам. председателя оргкомитета, проректор по научной работе, д.т.н., профессор;
Назим Я. В.	– проректор по научно-педагогической работе и международным связям, к.т.н., доцент;
Левченко В. Н.	– проректор по научно-педагогической и воспитательной работе, к.т.н., профессор;
Назар Р. Н.	– заведующий секцией языковой подготовки и межкультурной коммуникации кафедры прикладной лингвистики и этнологии, к.ф.н., доцент;
Новикова Ю. Н.	– доцент секции языковой подготовки и межкультурной коммуникации кафедры прикладной лингвистики и этнологии, к.ф.н., доцент;
Стифеева А. А.	– начальник отдела дополнительного образования и воспитательной работы (Управление образования администрации Старобешевского района).

Рецензенты:

- Теркулов В. И. – заведующий кафедрой русского языка (Донецкий национальный университет), д.ф.н., профессор;
- Калинкин В. М. – заведующий кафедрой русского и украинского языков (Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького), д.ф.н., профессор;
- Федоров В. В. – заведующий кафедрой истории русской литературы и теории словесности (Донецкий национальный университет), д.ф.н., профессор;
- Лапынина Н. Н. – профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации (Воронежский государственный архитектурно-строительный университет), к.ф.н., доцент;
- Мозговой В. И. – профессор кафедры менеджмента и хозяйственного права (Донецкий национальный технический университет), к.ф.н., доцент;
- Назар Р. Н. – заведующий секцией языковой подготовки и межкультурной коммуникации кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры), к.ф.н., доцент;
- Новикова Ю. Н. – доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры), к.ф.н., доцент;
- Гапонова Т. Н. – доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры), к.ф.н., доцент;
- Чернышова Л. И. – доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры), к.ф.н., доцент;
- Ковалёва Н. А. – доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры), к.ф.н., доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ

1. **Анисимов Андрей Владимирович** – аспирант архитектурного факультета; **Шолух Николай Владимирович** – доктор архитектуры, профессор кафедры архитектурного проектирования, зав. кафедрой землеустройства и кадастра (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). "Этимология некоторых понятий и терминов в исследованиях, посвященных проектированию архитектурной среды для слепых". – С. 22–26.
2. **Божкова Ульяна Вячеславовна** – студентка IV курса филологического факультета; **Некрутенко Елена Борисовна** – к. пед. н., доцент кафедры теории и практики перевода (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Особенности перевода текстов медицинской направленности". – С. 26–30.
3. **Бугакова Надежда Борисовна** – к.ф.н., доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации (Воронежский государственный архитектурно-строительный университет). "Образ иконы в языковой картине мира И. С. Шмелёва (на примере произведения «Пути небесные»)". – С. 30–35.
4. **Валяникова Дарья Владимировна** – студентка IV курса филологического факультета; **Кисель Виктория Сергеевна** – ассистент кафедры теории и практики перевода (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Исторические предпосылки формирования отличительных черт марокканского диалекта". – С. 35–38.
5. **Волкова Наталья Валериевна** – к.ф.н., доцент кафедры второго иностранного языка (Горловский институт иностранных языков). "Основные причины, способствующие реализации словообразовательного потенциала существительных британского английского языка". – С. 39–44.
6. **Гапонова Татьяна Николаевна** – к.ф.н., доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). "Аспекты вивчення складного речення". – С. 45–49.
7. **Емельяненко Анна Владимировна** – к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и истории языка им. Е. С. Отина (Донецкий национальный университет); **Емельяненко Артём Вадимович** – руководитель отдела копирайтинга ООО "Стади Групп". "Необходимость модификации классических схем лингвистического анализа текста". – С. 50–53.
8. **Зенина Анастасия Владимировна** – к.ф.н., ст. преподаватель кафедры украинской филологии и прикладной лингвистики (Донецкий национальный университет). "Фонетическая адаптация англизмов в украинской терминологии банковского дела". – С. 54–58.
9. **Ильина Наталья Александровна** – заместитель директора по учебно-воспитательной работе, учитель украинского языка и литературы (Донецкая общеобразовательная школа №140). "Російсько-український суржик як проблема мовлення сучасних школярів Донеччини". – С. 59–62.
10. **Карпенко Валерия Алексеевна** – студентка IV курса филологического факультета; **Кисель Виктория Сергеевна** – ассистент кафедры теории и практики перевода (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Классификация буквенных заимствований в китайском языке". – С. 62–65.
11. **Касьяненко Наталья Евгеньевна** – к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и истории языка им. Е. С. Отина (Донецкий национальный университет). "Лингвопоетический анализ оды

М. В. Ломоносова «Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния»". – С. 65–70.

12. **Ковалёва Наталья Александровна** – к.ф.н., доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). "Вираження зворотної зумовленості у допущеному реченні". – С. 71–74.

13. **Кононченко Юлия Александровна** – ассистент кафедры украинского языка и общего языкознания (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Асоціативно образний світ «камерних мотивів» І. Світличного". – С. 75–78.

14. **Лапынина Надежда Николаевна** – к.ф.н., профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации (Воронежский государственный архитектурно-строительный университет). "Об особенностях формирования корпуса текстовых скреп". – С. 78–83.

15. **Литвинова Наталья Борисовна** – к.ф.н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин (Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского). "Типология синтаксиса мемуарного текста в творчестве М. Матусовского и К. Симонова: сравнительный аспект". – С. 83–87.

16. **Луценко Анастасия Владимировна** – студентка I курса строительного института; **Чернышова Лариса Ивановна** – к.ф.н., доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). "Роль греко-латинских заимствований в формировании украинской экономической терминологии". – С. 88–91.

17. **Марфина Жанна Викторовна** – к.ф.н., доцент, декан филологического факультета (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Контекстуальна асоціативність як узагальнення текстових асоціацій (на матеріалі поетичного слововживання назв спорідненості)". – С. 92–96.

18. **Мацько Дмитрий Сергеевич** – к. пед. н., доцент кафедры английской и восточной филологии; **Гревцов Владислав Владимирович** – магистрант кафедры английской и восточной филологии (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Вымышленный язык в романе Энтони Бёрджеса «Заводной апельсин» и особенности его художественного перевода". – С. 97–101.

19. **Мачай Татьяна Александровна** – к. пед. н., доцент, зав. кафедрой украинского и русского языков (Донецкий национальный технический университет). "Комунікативні аспекти наукового тексту". – С. 102–106.

20. **Москалёва Светлана Юрьевна** – ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Дискурсивные характеристики жанра резюме". – С. 107–110.

21. **Муковоз Алена Васильевна** – студентка III курса филологического факультета; **Ярошевич Ирина Андреевна** – к.ф.н., доцент кафедры украинской филологии и прикладной лингвистики (Донецкий национальный университет). "Інтерпретація образу русалки в поезії Я. Щоголева («Лоскотарки», «Лоскотарочка», «Кленчана неділя»)". – С. 110–113.

22. **Немыткина Ксения Сергеевна** – студентка I курса института городского хозяйства и охраны окружающей среды; **Назар Роман Николаевич** – к.ф.н., доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). "Еколінгвістика в житті студента-еколога". – С. 114–117.

23. **Пономарёва Татьяна Александровна** – к.ф.н., доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Эссеистика Иосифа Бродского: гендерный аспект". – С. 117–121.
24. **Сенчина Людмила Тимофеевна** – к.ф.н., доцент кафедры истории русской литературы и теории словесности (Донецкий национальный университет). "Оды Ломоносова в контексте эпох". – С. 122–124.
25. **Сердюкова Татьяна Игоревна** – к.ф.н., доцент кафедры украинского языка и общего языкознания; **Чебанова Марина Олеговна** – магистрант кафедры украинского языка и общего языкознания (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Темпоральні синтаксеми в українських та російських народних казках". – С. 124–128.
26. **Серебряк Марина Владимировна** – к.ф.н., ассистент кафедры украинского языка и общего языкознания (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Проектування комп'ютерного діалектного фразеологічного словника з урахуванням пізнавального інтересу користувачів". – С. 129–133.
27. **Скиба Ирина Геннадьевна** – к.ф.н., доцент, зав. кафедрой украинского языка и общего языкознания (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Порівняльна характеристика мікроструктури словників Б. Грінченка та В. Даля: відображення спільнослов'янських тенденцій кінця XIX – поч. XX ст.". – С. 134–139.
28. **Скнарина Елена Юрьевна** – к.ф.н., доцент кафедры социальных коммуникаций (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Жанровое разнообразие мемуаристики". – С. 139–143.
29. **Ткачева Елена Александровна** – к. пед. н., доцент, зав. кафедрой английской и восточной филологии (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Вербализация гендерного признака в английской лингвокультуре". – С. 144–147.
30. **Ткачева Юлия Геннадиевна** – ст. преподаватель кафедры теории и практики перевода (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Интерпретация лингвокультурных узлов художественного текста". – С. 148–152.
31. **Унукович Екатерина Андреевна** – ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Анекдот как жанр сжатого политического текста". – С. 153–158.
32. **Фадеева Елена Александровна** – директор, учитель украинского языка и литературы, учитель высшей категорії, пед. зван. "старший учитель" (Донецкая общеобразовательная школа №140). "Природа сміху в поемі І. П. Котляревського «Енеїда»". – С. 158–161.
33. **Цымбалова Наталья Александровна** – ассистент кафедры украинской филологии и прикладной лингвистики (Донецкий национальный университет). "Взаємозв'язок музики і літератури у творчості Ольги Кобилянської". – С. 161–164.
34. **Чернышова Лариса Ивановна** – к.ф.н., доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). "Семантико-парадигматичні зв'язки предметних іменників у межах будівельної лексики". – С. 165–169.

35. **Шевандина Лариса Сергеевна** – преподаватель кафедры романо-германской филологии (Горловский институт иностранных языков). "Коммуникативно-функциональная обусловленность синтаксической структуры реплик в немецкой диалогической речи". – С. 170–171.

36. **Ярошевич Ирина Андреевна** – к.ф.н., доцент кафедры украинской филологии и прикладной лингвистики (Донецкий национальный университет). "Романтична тональність поезії М. Петренка". – С. 172–175.

Студенты и учащиеся

37. **Афанасьева Евгения Игоревна** – студентка II курса института экономики и управления (Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского). "Заимствования иностранных слов в современном русском языке". **Науч. рук.:** Сереброва С. Б. – к.ф.н., доцент кафедры лингводидактики (Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского). – С. 176–178.

38. **Баранник Дарья Олеговна** – студентка III курса филологического факультета (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Армагеддон – лексема или идиома?" **Науч. рук.:** Шуран О. В. – к.ф.н., доцент кафедры украинского языка и общего языкознания (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). – С. 179–182.

39. **Бляшкина Анастасия Юрьевна** – студентка IV курса филологического факультета (Донецкий национальный университет). "Комунікативні стратегії формування іміджу політичного лідера (на матеріалі виступів Б. Обами)". **Науч. рук.:** Кудрейко И. А. – к.ф.н., доцент, зав. кафедрой украинской филологии и прикладной лингвистики (Донецкий национальный университет). – С. 183–187.

40. **Бондарчук Екатерина Андреевна** – студентка III курса факультета экологии и химической технологии (Донецкий национальный технический университет). "Умение убеждать как залог успешной профессиональной деятельности". **Науч. рук.:** Стеценко Н. М. – к.ф.н., доцент кафедры украинского и русского языков (Донецкий национальный технический университет). – С. 188–192.

41. **Высоцкая Анастасия Витальевна** – студентка I курса филологического факультета (Горловский институт иностранных языков). "Принцип ситуативности в коммуникативном методе обучения иностранному языку". **Науч. рук.:** Рочняк Е. В. – к. филос. н., доцент кафедры философии и истории (Горловский институт иностранных языков). – С. 192–196.

42. **Голда Полина Олеговна** – студентка V курса филологического факультета (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Проблема социально-корректного высказывания в дискурсе современной эстрадной песни". **Науч. рук.:** Соболева И. А. – к.ф.н., доцент, зав. кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). – С. 196–201.

43. **Голуб Светлана Александровна** – магистрант кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий филологического факультета (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Речевое поведение в гендерных характеристиках". **Науч. рук.:** Пономарева Т. А. – к.ф.н., доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). – С. 201–204.

44. **Горлова Виктория Николаевна** – магистрант кафедры теории и практики перевода (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Звукоподражания как средство выразительности текста: постановка проблемы". **Науч. рук.:** Санченко Е. Н. – к.ф.н., доцент, зав. кафедрой теории и практики перевода (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). – С. 205–208.

45. **Гудыменко Александра Олеговна** – ученица 11 класса (Макеевский лицей №1 "Лидер"). "Мастерство публичного выступления". **Науч. рук.:** Пряничникова И. И. – учитель русского языка и литературы (Макеевский лицей №1 "Лидер"). – С. 208–211.

46. **Зогова Ксения Сироджевна** – ученица 11 класса (Горловский лицей № 14 "Лидер"). "Деэтимологизация как проблема современного русского языка". **Науч. рук.:** Лешкова Н. В. – к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и славянских языков (Горловский институт иностранных языков). – С. 211–214.

47. **Козак Наталья Вадимовна** – студентка IV курса филологического факультета (Донецкий национальный университет). "Лексико-семантические группы неозаимствований в современном русском языке". **Науч. рук.:** Ярошенко Н. А. – к.ф.н., доцент, зав. кафедрой общего языкознания и история языка им. Е. С. Отина (Донецкий национальный университет). – С. 215–220.

48. **Контурская Екатерина Викторовна** – студентка III курса факультета экологии и химической технологии (Донецкий национальный технический университет). "Символика числительных в русской языковой традиции". **Науч. рук.:** Стеценко Н. М. – к.ф.н., доцент кафедры украинского и русского языков (Донецкий национальный технический университет). – С. 220–223.

49. **Котельников Владислав Дмитриевич** – студент II курса института экономики и управления (Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского). "Голос и его основные качества". **Науч. рук.:** Сереброва С. Б. – к.ф.н., доцент кафедры лингводидактики (Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского). – С. 223–227.

50. **Марченко Ирина Юрьевна** – студентка IV курса филологического факультета (Донецкий национальный университет). "Особливості перекладу двоскладових фразеологічних одиниць з української на англійську мову". **Науч. рук.:** Кудрейко И. А. – к.ф.н., доцент, зав. кафедрой украинской филологии и прикладной лингвистики (Донецкий национальный университет). – С. 228–231.

51. **Молодцов Алексей Борисович** – студент III курса филологического факультета (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Политические граффити в социокультурном пространстве г. Луганска". **Науч. рук.:** Соболева И. А. – к.ф.н., доцент, зав. кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). – С. 232–236.

52. **Парфенюк Николай Николаевич** – студент III курса филологического факультета (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Семантические особенности зооморфизмов в поэзии С. А. Есенина". **Науч. рук.:** Унукович Е. А. – ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). – С. 236–238.

53. **Протазюк Анна Ивановна** – студентка III курса филологического факультета (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Библеизм *Ноев ковчег* и психолингвистический эксперимент". **Науч. рук.:** Шкуран О. В. – к.ф.н., доцент кафедры украинского языка и общего языкознания (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). – С. 239–241.

54. **Самсон Роман Владимирович** – ученик 11 класса (Архитектурно-строительный лицей при ДонНАСА). "Роздуми Т. Г. Шевченка про долю України в його щоденнику (1857–1858 рр.)". **Науч. рук.:** Зиборова Е. В. – учитель украинского языка и литературы (Архитектурно-строительный лицей при ДонНАСА). – С. 242–243.

55. **Северина Яна Вадимовна** – студентка IV курса филологического факультета (Донецкий национальный университет). "Сучасний стан англо-українського машинного перекладу". **Науч. рук.:** Кудрейко И. А. – к.ф.н., доцент, зав. кафедрой украинской филологии и прикладной лингвистики (Донецкий национальный университет). – С. 244–248.

56. **Сейтимметов Сабурджан Сапарбаевич** – аспирант кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий филологического факультета (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Лексикографическая маркировка современных универбатов". **Науч. рук.:** Соболева И. А. – к.ф.н., доцент, зав. кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). – С. 249–253.

57. **Турбина Марина Александровна** – студентка III курса филологического факультета (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Концепт «сад» в поэзии М. Цветаевой и Б. Ахмадулиной". **Науч. рук.:** Пономарева Т. А. – к.ф.н., доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). – С. 253–257.

58. **Фоций Кристина Павловна** – студентка III курса филологического факультета (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Концепт *добро* в миропонимании восточных славян". **Науч. рук.:** Шкуран О. В. – к.ф.н., доцент кафедры украинского языка и общего языкознания (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). – С. 257–260.

59. **Черненко Светлана Юрьевна** – магистрант кафедры общего языкознания и история языка им. Е. С. Отина (Донецкий национальный университет). "Функции «криминальных» жаргонизмов в произведениях Ю. Алешковского". **Науч. рук.:** Касьяненко Н. Е. – к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и история языка им. Е. С. Отина (Донецкий национальный университет). – С. 261–266.

60. **Черноволова Наталья Сергеевна** – студентка IV курса филологического факультета (Донецкий национальный университет). "Типологія видавничих помилок (на матеріалі інтернет-видання «Газета по-українськи»)". **Науч. рук.:** Кудрейко И. А. – к.ф.н., доцент, зав. кафедрой украинской филологии и прикладной лингвистики (Донецкий национальный университет). – С. 266–270.

СЕКЦИЯ 2. ОНОМАСТИКА ДОНБАССА

1. **Мозговой Владимир Иванович** – к.ф.н., профессор кафедры менеджмента и хозяйственного права (Донецкий национальный технический университет). "Переименования топонимических объектов Донбасса: объективная необходимость или орудие экспансии?". – С. 271–275.

2. **Назарова Татьяна Петровна** – учитель русского языка и литературы (Осыковская общеобразовательная школа I–III ст. управления образования администрации Старобешевского района). "Любопытное о топонимах села Осыково Старобешевского района". – С. 276–279.

3. **Новикова Юлия Николаевна** – к.ф.н., доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). "Лексико-семантичні особливості прізвищ Донеччини, похідних від назв осіб за територіальною ознакою". – С. 280–285.

4. **Першина Клавдия Васильевна** – к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и истории языка им. Е. С. Отина (Донецкий национальный университет). "Топонимы Донбасса в этнокультурном измерении". – С. 286–289.

5. **Понежина Елена Владимировна** – заместитель директора по воспитательной работе, учитель украинского языка и литературы (Новокатериновская общеобразовательная школа I–III ст. управления образования администрации Старобешевского района). "Прізвища з суфіксом -енк-о в антропонімії Донеччини". – С. 289–293.

6. **Рочняк Елена Владимировна** – к. филос. н., доцент кафедры философии и истории (Горловский институт иностранных языков). "Социально-функциональная обусловленность эргонимикона Донецкой области". – С. 294–297.

7. **Усова Оксана Олеговна** – к.ф.н., доцент, зав. кафедрой краеведения (Донецкий государственный университет управления); **Светличная Влада Юрьевна** – ст. преподаватель кафедры краеведения (Донецкий государственный университет управления). "Состояние современного мужского именика Донбасса (на примере алфавитных книг школ г. Донецка)". – С. 297–300.

8. **Фролова Татьяна Васильевна** – учитель русского языка и литературы (Новокатериновская общеобразовательная школа I–III ст. управления образования администрации Старобешевского района). "История названий городов Донбасса". – С. 301–303.

Студенты и учащиеся

9. **Бондаренко Элина Сергеевна** – ученица 11 класса (Комсомольская общеобразовательная школа I–III ст. №5 управления образования администрации Старобешевского района). "Ономастика городов Донбасса". **Науч. рук.:** Саенко Е. Н. – учитель русского языка и литературы (Комсомольская общеобразовательная школа I–III ст. №5 управления образования администрации Старобешевского района). – С. 304–307.

10. **Васько Анастасия Дмитриевна** – ученица 11 класса (Макеевская общеобразовательная школа I–III ст. №11). "Лексико-семантические особенности фамилий учащихся МОШ №11". **Науч. рук.:** Боева Г. Т. – учитель русского языка и литературы (Макеевская общеобразовательная школа I–III ст. №11). – С. 307–311.

11. **Головань Екатерина Александровна** – студентка II курса факультета славистики (Горловский институт иностранных языков). "Специфика топонимических названий г. Горловки". **Науч. рук.:** Рочняк Е. В. – к. филос. н., доцент кафедры философии и истории (Горловский институт иностранных языков). – С. 312–314.

12. **Гордеева Дарья Денисовна** – ученица 11 класса (Петровская общеобразовательная школа I–III ст. управления образования администрации Старобешевского района). "Ономастика населенных пунктов Старобешевского района". **Науч. рук.:** Мартышевская Т. Н. – учитель украинского языка и литературы (Петровская общеобразовательная школа I–III ст. управления образования администрации Старобешевского района). – С. 315–318.

13. **Дадыка Анна Евгеньевна** – студентка I курса архитектурного факультета (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). "Топосленгонимия в онимном пространстве современного Донбасса". **Науч. рук.:** Назар Р. Н. – к.ф.н., доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). – С. 319–321.

14. **Жуков Анатолий Евгеньевич** – студент IV курса филологического факультета (Донецкий национальный университет). "Аптеки м. Макиївки (лексико-семантичний аналіз ергонімів)". **Науч. рук.:** Кудрейко И. А. – к.ф.н., доцент, зав. кафедрой украинской филологии и прикладной лингвистики (Донецкий национальный университет). – С. 322–324.

15. **Музыченко Дмитрий Игоревич** – студент I курса механического факультета (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). "Особенности образования патронимов". **Науч. рук.:** Новикова Ю. Н. – к.ф.н., доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). – С. 325–327.

16. **Новикова Анастасия Олеговна, Ищенко Илья Евгеньевич** – студенты I курса лечебного факультета (Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького). "Антропонимы в основах географических названий Донетчины". **Науч. рук.:** Мишина Н. В. – ст. преподаватель кафедры русского языка (Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького). – С. 327–332.

17. **Пашков Александр Сергеевич** – студент II курса факультета компьютерных наук и технологий (Донецкий национальный технический университет). "Эмоционально-экспрессивные онимы Донбасса". **Науч. рук.:** Кульбида Н. И. – ст. преподаватель кафедры украинского и русского языков (Донецкий национальный технический университет). – С. 333–336.

18. **Яцкая Анна Вадимовна** – ученица 10 класса (Старобешевская общеобразовательная школа I–III ст. управления образования администрации Старобешевского района). "Золотая россыпь слов (Ономастика Старобешевского края)". **Науч. рук.:** Фёдорова Л. И. – заместитель директора по учебно-воспитательной работе, учитель русского языка и литературы (Старобешевская общеобразовательная школа I–III ст. управления образования администрации Старобешевского района). – С. 337–339.

СЕКЦИЯ 3. ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНЫХ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

1. **Богданов Александр Викторович** – канд. наук по государственному управлению, доцент кафедры краеведения (Донецкий государственный университет управления); **Тесунова Юлия Александровна** – студентка I курса специальности "Социология" (Донецкий государственный университет управления). "Графические средства паралингвистической коммуникации". – С. 340–345.

2. **Дьякова Татьяна Алексеевна** – к.ф.н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин (Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского). "Етнокультурне підґрунтя фразеології вдалого сватання в українських східнослов'янських говірках". – С. 345–349.

3. **Ефремова Оксана Игоревна** – ст. преподаватель кафедры теории и практики перевода (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Взаимосвязь между языком и культурой в процессе преподавания иностранного языка". – С. 350–352.

4. **Зарубина Дарья Николаевна** – к.ф.н., доцент кафедры русского и французского языка; **Бут Иван Сергеевич** – студент II курса электромеханического факультета (Ивановский государственный энергетический университет). "Антикризисные модели поведения в русском фольклоре (на материале пословиц)". – С. 352–354.

5. **Корнас Кристина Игоревна** – студентка I курса строительного института; **Чернышова Лариса Ивановна** – к.ф.н., доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). "Виховний потенціал мови фольклору". – С. 355–359.

6. **Лашко Екатерина Юрьевна** – студентка I курса строительного института; **Чернышова Лариса Ивановна** – к.ф.н., доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). "Дотепність одного й мудрість багатьох (на матеріалі англійських прислів'їв і приказок)". – С. 359–364.

7. **Уварова Александра Михайловна** – студентка I курса института городского хозяйства и охраны окружающей среды; **Назар Роман Николаевич** – к.ф.н., доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры); **Першина Галина Яковлевна** – учитель русского языка и литературы (Макеевская общеобразовательная школа № 32). "Книги – спутники нашей жизни". – С. 364–367.

8. **Фефелова Виктория Валентиновна** – к.ф.н., доцент кафедры романо-германской филологии (Горловский институт иностранных языков). "Лингвокультурный код французских национальных блюд". – С. 368–369.

9. **Чичигин Михаил Владимирович** – студент III курса строительного института; **Новикова Юлия Николаевна** – к.ф.н., доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). "Роль этнокультурных ценностей в формировании нравственной культуры человека". – С. 370–372.

Студенты и учащиеся

10. **Бондаренко Елена Андреевна** – ученица школы МАН ДНР, ученица 10 класса (Донецкая профильная гимназия №122). "Проблемы развития русского языка на современном этапе". **Науч. рук.:** Кирильчук Л. В. – учитель русского языка, литературы и мировой художественной культуры (Донецкая профильная гимназия №122). – С. 373–375.

11. **Гергель Ирина Сергеевна** – ученица 11 класса (Макеевская общеобразовательная школа I–III ст. №7). "Язык и культура". **Науч. рук.:** Колосова Е. В. – учитель русского и украинского языков (Макеевская общеобразовательная школа I–III ст. №7). – С. 375–378.

12. **Гришилова Анна Андреевна** – ученица школы МАН ДНР, ученица 10 класса (Донецкая профильная гимназия №122). "Язык и духовность". **Науч. рук.:** Кирильчук Л. В. – учитель русского языка, литературы и мировой художественной культуры (Донецкая профильная гимназия №122). – С. 378–382.

13. **Кравченко Ольга Игоревна** – ученица 11 класса (Архитектурно-строительный лицей при ДонНАСА). "Культура мовлення та мовна особистість". **Науч. рук.:** Зиборова Е. В. – учитель украинского языка и литературы (Архитектурно-строительный лицей при ДонНАСА). – С. 382–384.

14. **Панченко Алла Дмитриевна** – студентка II курса факультета государственного управления (Донецкий государственный университет управления). "Значение этических норм в деловых коммуникациях". **Науч. рук.:** Светличная В. Ю. – ст. преподаватель кафедры краеведения (Донецкий государственный университет управления). – С. 384–389.

15. **Солдатова Юлия Игоревна** – студентка I курса архитектурного факультета (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). "Связь языка с историей и культурой народа". **Науч. рук.:** Назар Р. Н. – к.ф.н., доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). – С. 389–393.

16. **Стигостенко Ольга Олеговна, Камыса Альбина Олеговна** – студентки II курса института экономики и торговли (Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского). "Язык как носитель этнокультурных норм". **Науч. рук.:** Сереброва С. Б. – к.ф.н., доцент кафедры лингводидактики (Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского). – С. 394–395.

17. **Щербань Татьяна Евгеньевна** – магистрант специальности "Книговедение, библиотековедение и библиография" (Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского). "Український фольклор у пісенній творчості Бориса Грінченка". **Науч. рук.:** Дьякова Т. А. – к.ф.н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин (Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского). – С. 396–398.

18. **Яфарова Алина Салихтяновна** – студентка I курса факультета менеджмента (Донецкий государственный университет управления). "Язык как отражение духовных и этнокультурных ценностей". **Науч. рук.:** Усова О. О. – к.ф.н., доцент, зав. кафедрой краеведения (Донецкий государственный университет управления). – С. 398–400.

СЕКЦИЯ 4. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

1. **Божинская Елена Романовна** – студентка I курса архитектурного факультета; **Чернышова Лариса Ивановна** – к.ф.н., доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). "Народна африканська афористика: загальнолюдський досвід у національному освітленні". – С. 401–406.

2. **Гамолина Ася Кивовна** – ст. преподаватель кафедры лингводидактики (Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского). "О специфике формирования межкультурной компетенции у студентов-иностранцев". – С. 406–409.

3. **Кисель Виктория Сергеевна** – ассистент кафедры теории и практики перевода (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Проблемы и особенности межкультурного общения между народами Западного и Восточного мира". – С. 409–411.

4. **Колесниченко Людмила Владимировна** – ст. преподаватель кафедры лингводидактики (Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского). "Некоторые проблемы межэтнической коммуникации". – С. 412–416.

5. **Овчаренко Лилия Адамовна** – учитель украинского языка и литературы (Солнцевская общеобразовательная школа I–III ст. управления образования администрации Старобешевского района). "Межкультурная коммуникация: проблемы и перспективы". – С. 417–420.

6. **Романенко Маргарита Николаевна** – ст. преподаватель кафедры общеобразовательных и социально-экономических дисциплин (Бендерский политехнический филиал ГОУ "Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко"). "Развитие личности в условиях поликультурного социума". – С. 420–424.

Студенты и учащиеся

7. **Егупова Анастасия Андреевна** – студентка II курса факультета экономики (Донецкий государственный университет управления). "Межкультурная коммуникация: прошлое и настоящее". **Науч. рук.:** Богданов А. В. – канд. наук по государственному управлению, доцент кафедры краеведения (Донецкий государственный университет управления). – С. 425–428.

8. **Мельничук Анастасия Игоревна** – магистрант кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий, ст. лаборант кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Толерантность и интолерантность в речевых характеристиках". **Науч. рук.:** Соболева И. А. – к.ф.н., доцент, зав. кафедрой русского языкознания и

коммуникативных технологий (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). – С. 429–433.

9. **Пуськова Анастасия Александровна** – студентка II курса института экономики и управления (Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского). "Особенности межкультурной коммуникации в сфере деловых переговоров". **Науч. рук.:** Сереброва С. Б. – к.ф.н., доцент кафедры лингводидактики (Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского). – С. 433–437.

10. **Сабирзянова Валерия Валериевна** – студентка I курса архитектурного факультета (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). "Проблема межкультурного взаимодействия в условиях современных вызовов". **Науч. рук.:** Назар Р. Н. – к.ф.н., доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). – С. 437–441.

11. **Стурки Каха** – студент V курса факультета маркетинга и таможенного дела (Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского). "Культура Грузии в эпоху глобализации: проблемы национальной идентичности". **Науч. рук.:** Гамолина А. К. – ст. преподаватель кафедры лингводидактики (Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского). – С. 442–445.

12. **Тазетдинов Руслан Илдарович** – студент II курса факультета государственного управления (Донецкий государственный университет управления). "Жесты как основной элемент невербальной межкультурной коммуникации". **Науч. рук.:** Светличная В. Ю. – ст. преподаватель кафедры краеведения (Донецкий государственный университет управления). – С. 445–449.

13. **Хазова Диана Александровна** – студентка II курса института экономики и управления (Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского). "Межкультурная коммуникация". **Науч. рук.:** Сереброва С. Б. – к.ф.н., доцент кафедры лингводидактики (Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского). – С. 450–452.

СЕКЦИЯ 5. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

1. **Батальщикова Элина Юрьевна** – к. пед. н., доцент кафедры английской и восточной филологии (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Педагогический потенциал использования интерактивных технологий обучения в высшей школе". – С. 453–455.

2. **Безуглая Александра Романовна** – ассистент кафедры романо-германской филологии (Горловский институт иностранных языков). "Игры как средство формирования интереса к изучению иностранного языка". – С. 456–458.

3. **Белоусова Евгения Владимировна** – ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Инновационные технологии в процессе языковой подготовки студентов". – С. 458–460.

4. **Богданов Александр Викторович** – канд. наук по государственному управлению, доцент кафедры краеведения (Донецкий государственный университет управления). "Методы обучения иностранным языкам в условиях глобализации". – С. 460–464.

5. **Борисова Людмила Петровна** – к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и истории языка им. Е. С. Отина; **Янышевская Вера Владимировна** – старший преподаватель кафедры общего языкознания и истории языка им. Е. С. Отина (Донецкий национальный университет). "О критериях отбора древнерусских текстов для работы на практических занятиях по истории русского (украинского) языка". – С. 464–466.
6. **Гетманская Галина Ивановна** – преподаватель кафедры "Русский язык и литература в начальной школе" (ГОУ "Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко"); **Родионова Лилия Фёдоровна** – преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин (БПФ ГОУ "Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко"). "Текст профессиональной направленности на занятиях по русскому языку как основа формирования коммуникативной культуры будущих инженеров". – С. 467–472.
7. **Кульбида Наталия Ивановна** – ст. преподаватель кафедры украинского и русского языков (Донецкий национальный технический университет). "Основні випадки інверсії у науково-технічних текстах з машинобудування". – С. 473–477.
8. **Луценко Ирина Владимировна** – к. пед. н., доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Система формирования исследовательской культуры будущих учителей-филологов в деятельности студенческого научного общества". – С. 478–481.
9. **Матулевская Наталья Павловна** – ст. преподаватель кафедры украинского и русского языков (Донецкий национальный технический университет). "До проблеми впровадження інноваційної проектної технології у викладанні дисципліни «Українська мова за професійним спрямуванням»". – С. 481–486.
10. **Матулевская Наталья Павловна** – ст. преподаватель кафедры украинского и русского языков (Донецкий национальный технический университет). "Лексико-граматичні особливості вираження взаємозв'язку процесів в україномовних текстах з електротехніки". – С. 486–489.
11. **Медведкина Татьяна Андреевна** – ст. преподаватель кафедры украинской филологии и прикладной лингвистики (Донецкий национальный университет). "Сопоставление как один из способов обучения китайских студентов русскому языку". – С. 490–492.
12. **Некрутенко Елена Борисовна** – к. пед. н., доцент кафедры теории и практики перевода; **Санченко Евгения Николаевна** – к.ф.н., доцент, зав. кафедрой теории и практики перевода (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Песня как эффективный способ обучения иностранному языку". – С. 492–495.
13. **Новикова Юлия Николаевна** – к.ф.н., доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии; **Атанова Галина Юрьевна** – преподаватель кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). "Использование мультимедийных технологий на занятиях по межкультурной коммуникации". – С. 496–501.
14. **Онацкая Наталия Георгиевна** – ст. преподаватель кафедры украинского и русского языков; **Митасова Элла Федоровна** – ст. преподаватель кафедры украинского и русского языков (Донецкий национальный технический университет). "Семантизация приставочных глаголов в нефилологических вузах в объеме общеупотребительной и общенаучной лексики". – С. 501–505.
15. **Руснак Ирина Михайловна** – преподаватель кафедры общеобразовательных и социально-экономических дисциплин (Бендерский политехнический филиал ГОУ "Приднестровский

государственный университет им. Т.Г. Шевченко"), аспирант (Кишинёвский государственный педагогический университет им. И. Крянгэ). "Формирование профессиональной лексики студентов технического вуза". – С. 505–510.

16. **Сенич Татьяна Владимировна** – учитель информатики (Донецкая общеобразовательная школа I–III ст. №119). "Мониторинговое исследование уровня владения компьютером учителями общеобразовательного учебного заведения". – С. 510–512.

17. **Ткачев Владимир Игоревич** – преподаватель иностранных языков; **Скороходова Анжелика Игоревна** – заместитель директора по учебно-воспитательной работе (Горловский лицей № 47 "Старт"). "Формирование общечеловеческих ценностей у обучающихся средствами современного урока второго иностранного языка при обучении информативному чтению". – С. 513–515.

18. **Ферсман Наталия Геннадиевна** – к. пед. н., доцент кафедры лингводидактики и перевода Гуманитарного института (Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого). "Интерактивность как инновационная характеристика современного вузовского образования (на примере тренингов межкультурной коммуникации)". – С. 516–519.

19. **Шавлак Лариса Васильевна** – к.ф.н., доцент кафедры украинского и русского языков; **Буяновская Наталия Ивановна** – ст. преподаватель кафедры украинского и русского языков (Донецкий национальный технический университет). "Роль навчального тексту у структурі підручника з української мови для студентів-нефілологів". – С. 520–524.

20. **Ярошенко Наталья Александровна** – к.ф.н., доцент, зав. кафедрой общего языкознания и истории языка им. Е. С. Отина; **Емельяненко Анна Владимировна** – к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и истории языка им. Е. С. Отина (Донецкий национальный университет). "Использование наглядных пособий во время преподавания лингвистических дисциплин на филологическом факультете ДонНУ". – С. 524–528.

СЕКЦИЯ 6. ЯЗЫК И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

1. **Богданов Александр Викторович** – канд. наук по государственному управлению, доцент кафедры краеведения (Донецкий государственный университет управления); **Шатохина Регина Романовна** – студентка I курса специальности "Социальный работник" (Донецкий государственный университет управления). "Средства массовой информации в формировании речевой культуры современного общества". – С. 529–534.

2. **Карпенко Мария Александровна** – студентка I курса архитектурного факультета; **Гапонова Татьяна Николаевна** – к.ф.н., доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). "Экспрессивы в печатных СМИ". – С. 534–538.

3. **Коваленко Валентин Николаевич** – студент I курса института городского хозяйства и охраны окружающей среды; **Назар Роман Николаевич** – к.ф.н., доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). "Употребление сленга и жаргона в русскоязычных СМИ". – С. 539–542.

4. **Корнас Кристина Игоревна** – студентка I курса строительного института; **Ковалёва Наталья Александровна** – к.ф.н., доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). "Влияние современных СМИ на развитие русского языка". – С. 542–544.

5. **Кудрейко Ирина Александровна** – к.ф.н., доцент, зав. кафедрой украинской филологии и прикладной лингвистики (Донецкий национальный университет). "Язык СМИ в социолингвистических портретах городов Донецкой области: синхрония и диахрония". – С. 545–548.
6. **Куприна Людмила Васильевна** – учитель русского языка и литературы; **Зыкова Юлия Валериевна** – учитель украинского языка и литературы (Комсомольская общеобразовательная школа I–II ст. №2 управления образования администрации Старобешевского района). "Воспитание духовного единства и речевой культуры средствами массовой информации". – С. 548–552.
7. **Назар Роман Николаевич** – к.ф.н., доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). "Прагматический аспект употребления терминологии в репортажных текстах". – С. 552–555.
8. **Санченко Евгения Николаевна** – к.ф.н., доцент, зав. кафедрой теории и практики перевода; **Некрутенко Елена Борисовна** – к. пед. н., доцент кафедры теории и практики перевода (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Социолингвистические параметры Интернет-коммуникации (на материале социальной сети «ВКонтакте» группы «Луганск – наш город!»)". – С. 556–560.
9. **Соболева Ирина Александровна** – к.ф.н., доцент, зав. кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Современная языковая личность в пространстве медиаполитического дискурса". – С. 561–566.
10. **Стеценко Надежда Михайловна** – к.ф.н., доцент кафедры украинского и русского языков (Донецкий национальный технический университет). "Особенности изложения квантитативной информации в новостном медиатексте". – С. 567–571.
11. **Цынцарь Анна Леонидовна** – доцент кафедры общеобразовательных и социально-экономических дисциплин, зам. директора по научной работе (Бендерский политехнический филиал ГОУ "Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко"). "Психологические особенности языка и массовые коммуникации". – С. 572–575.
12. **Шкуран Оксана Владимировна** – к.ф.н., доцент кафедры украинского языка и общего языкознания (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Біблеїзми та сучасні ЗМІ". – С. 575–578.

Студенты и учащиеся

13. **Алябьева Екатерина Васильевна** – студентка III курса филологического факультета (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Библейские выражения и их семантическая деформация в СМИ". **Науч. рук.:** Шкуран О. В. – к.ф.н., доцент кафедры украинского языка и общего языкознания (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). – С. 580–583.
14. **Афанасьев Григорий Евгеньевич** – студент I курса архитектурного факультета (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). "Информационная картина мира. Информационная сфера". **Науч. рук.:** Назар Р. Н. – к.ф.н., доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). – С. 583–585.
15. **Гайдайчук Екатерина Алексеевна** – ученица 10 класса (Макеевская общеобразовательная школа I–III ст. №7). "Язык и средства массовой информации". **Науч. рук.:** Мерецкая Н. З. – учитель украинского языка (Макеевская общеобразовательная школа I–III ст. №7). – С. 585–590.

16. **Гончаров Виктор Валерьевич, Пархомчук Татьяна Михайловна** – студенты II курса института учёта и финансов (Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского). "Проблемы языковой культуры в СМИ". **Науч. рук.:** Колесниченко Л. В. – ст. преподаватель кафедры лингводидактики (Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского). – С. 591–593.

17. **Гребенюк Владислав Андреевич** – студент I курса учётно-финансового факультета (Донецкий государственный университет управления). "Нормативность языка в средствах массовой информации". **Науч. рук.:** Осипова А. Н. – канд. наук по государственному управлению, доцент кафедры краеведения (Донецкий государственный университет управления). – С. 593–596.

18. **Дмитриева Дарья Валерьевна** – студентка II курса института городского хозяйства и охраны окружающей среды (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). "Использование лексики направления подготовки «Водоснабжение и водоотведение» в СМИ". **Науч. рук.:** Назар Р. Н. – к.ф.н., доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры). – С. 597–602.

19. **Дымнич Алина Игоревна** – студентка II курса института экономики и управления (Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского). "Проблемы современного русского языка в зеркале СМИ". **Науч. рук.:** Сереброва С. Б. – к.ф.н., доцент кафедры лингводидактики (Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского). – С. 602–605.

20. **Казакова Яна Андреевна** – студентка III курса факультета экологии и химической технологии (Донецкий национальный технический университет). "Преобразование текстовой информации в заголовках медиатекстов печатных СМИ". **Науч. рук.:** Стеценко Н. М. – к.ф.н., доцент кафедры украинского и русского языков (Донецкий национальный технический университет). – С. 606–609.

21. **Кинчевская Карина Руслановна** – студентка II курса института экономики и управления (Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского). "Влияние интернета на развитие русского языка". **Науч. рук.:** Сереброва С. Б. – к.ф.н., доцент кафедры лингводидактики (Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского). – С. 609–612.

22. **Кравцова Евгения Николаевна** – студентка III курса института культуры (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Русский язык в средствах массовой информации". **Науч. рук.:** Луценко И. В. – к.ф.н., доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). – С. 613–615.

23. **Кравченко Валерия Сергеевна** – студентка III курса факультета экологии и химической технологии (Донецкий национальный технический университет). "Языковая игра в газетном тексте". **Науч. рук.:** Стеценко Н. М. – к.ф.н., доцент кафедры украинского и русского языков (Донецкий национальный технический университет). – С. 616–619.

24. **Мазур Елена Анатольевна** – студентка III курса филологического факультета (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Библеизм *камень преткновения* и его современная интерпретация в СМИ". **Науч. рук.:** Шуран О. В. – к.ф.н., доцент кафедры украинского языка и общего языкознания (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). – С. 619–622.

25. **Межённая Анна Андреевна, Хоменко Елена Сергеевна** – студентки II курса института учёта и финансов (Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского).

"Некоторые особенности языка СМИ". **Науч. рук.:** Колесниченко Л. В. – ст. преподаватель кафедры лингводидактики (Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского). – С. 622–625.

26. **Мещерякова Анастасия Григорьевна** – ученица 10 класса (Комсомольская общеобразовательная школа I–III ст. №1 управления образования администрации Старобешевского района). "Язык и средства массовой информации". **Науч. рук.:** Фролова А. Л. – учитель русского языка и литературы (Комсомольская общеобразовательная школа I–III ст. №1 управления образования администрации Старобешевского района). – С. 626–629.

27. **Омельченко Анастасия Андреевна** – студентка II курса факультета права и социального управления (Донецкий государственный университет управления). "Роль средств массовой информации в современном русском языке". **Науч. рук.:** Богданов А. В. – канд. наук по государственному управлению, доцент кафедры краеведения (Донецкий государственный университет управления). – С. 630–633.

28. **Петряева Надежда Алексеевна** – студентка II курса факультета права и социального управления (Донецкий государственный университет управления). "Реализация языковых функций в средствах массовой информации". **Науч. рук.:** Богданов А. В. – канд. наук по государственному управлению, доцент кафедры краеведения (Донецкий государственный университет управления). – С. 634–637.

29. **Шевчук Валерия Александровна** – студентка IV курса филологического факультета (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). "Сленг в социальных сетях". **Науч. рук.:** Пономарева Т. А. – к.ф.н., доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий (Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко). – С. 637–640.

30. **Юдина Виктория Александровна** – студентка III курса факультета экологии и химической технологии (Донецкий национальный технический университет). "Фотоизображения как важный элемент поликодового медиатекста". **Науч. рук.:** Стеценко Н. М. – к.ф.н., доцент кафедры украинского и русского языков (Донецкий национальный технический университет). – С. 640–643.

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ – УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ

ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Донецкая Народная Республика

1. Донбасская национальная академия строительства и архитектуры
2. Донецкий государственный университет управления
3. Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького
4. Донецкий национальный технический университет
5. Донецкий национальный университет
6. Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского
7. Горловский институт иностранных языков

Луганская Народная Республика

8. Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского
9. Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

Российская Федерация

10. Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
11. Ивановский государственный энергетический университет
12. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Приднестровская Молдавская Республика

13. Бендерский политехнический филиал ГОУ "Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко"
14. Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко – Военный институт им. Генерала Лебеда

Республика Молдова

15. Кишинёвский государственный педагогический университет им. И. Крянгэ.

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

г. Макеевка

- 16. Архитектурно-строительный лицей при ДонНАСА (г. Макеевка)
- 17. Макеевский лицей №1 "Лидер"
- 18. Макеевская общеобразовательная школа I–III ст. №7
- 19. Макеевская общеобразовательная школа I–III ст. №11

г. Горловка

- 20. Горловский лицей № 14 «Лидер»
- 21. Горловский лицей № 47 «Старт»

г. Донецк

- 22. Донецкая общеобразовательная школа №140
- 23. Донецкая общеобразовательная школа №119
- 24. Донецкая профильная гимназия №122

Старобешевский район

- 25. Комсомольская общеобразовательная школа I–III ст. №1 управления образования администрации Старобешевского района
- 26. Комсомольская общеобразовательная школа I–II ст. №2 управления образования администрации Старобешевского района
- 27. Комсомольская общеобразовательная школа I–III ст. №5 управления образования администрации Старобешевского района
- 28. Новокатериновская общеобразовательная школа I–III ст. управления образования администрации Старобешевского района
- 29. Осыковская общеобразовательная школа I–III ст. управления образования администрации Старобешевского района
- 30. Петровская общеобразовательная школа I–III ст. администрации Старобешевского района
- 31. Солнцевская общеобразовательная школа I–III ст. управления образования администрации Старобешевского района
- 32. Старобешевская ОШ I–III ст. администрации Старобешевского района

СЕКЦИЯ 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ

ЭТИМОЛОГИЯ НЕКОТОРЫХ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ, ПОСВЯЩЕННЫХ ПРОЕКТИРОВАНИЮ АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ СЛЕПЫХ

Анисимов Андрей Владимирович,
аспирант архитектурного факультета,
ассистент кафедры архитектурного проектирования
и дизайна архитектурной среды

Шолух Николай Владимирович,
доктор архитектуры,
профессор кафедры архитектурного проектирования
и архитектурной среды,
заведующий кафедрой землеустройства и кадастра
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

При выполнении архитектурных исследований зачастую приходится сталкиваться с огромным количеством терминов и понятий, которые сформировались в других областях знаний и имеют ограниченные смысловые прочтения. Границы исследования таких терминов и понятий определяются областями их происхождения. При использовании этих терминов в архитектурных исследованиях они могут принимать совершенно иное смысловое прочтение или значительно расширенное по сравнению с исходным. Именно поэтому в большинстве научных работ, выполненных в области архитектуры и градостроительства, приводятся краткие терминологические словари, отражающие понятийно-аналитический аппарат исследований.

В данной статье речь пойдет об актуальной и социально значимой проблеме реконструкции застройки в районах компактного проживания слепых. Из массы терминов в исследованиях на данную тематику особое внимание следовало бы уделить таким, как «*реконструкция*», «*слепой*», «*слепота*», «*квартал*», которые в наибольшей степени отражают специфику выбранного направления.

Понятие *реконструкция* многогранно. Если рассматривать реконструкцию в архитектурном контексте, то это комплекс строительных работ и организационно-технических мероприятий, связанных с изменением основных технико-экономических показателей (количества и площади квартир, строительного объема и общей площади здания, вместимости или пропускной способности или его назначения) в целях улучшения условий проживания, качества обслуживания, увеличения объема услуг.

Если брать во внимание реконструкцию конкретно жилых домов, то это переоборудование жилого дома с целью совершенствования его объемно-планировочных решений и архитектурных качеств (с осуществлением перепланировки квартир, секций, этажей или нежилых помещений, в том числе с изменением их функционального назначения), а также конструктивно-технических и инженерно-технических решений с учетом современных требований при изменении объема жилого дома путем пристройки новых объемно-планировочных элементов, в том числе квартир или их помещений, лестнично-лифтовых узлов, помещений нежилого назначения, а также надстройки (в том числе мансардным этажом) или разборки частей жилого дома.

В сфере промышленности реконструкция представляет собой переустройство существующих цехов и объектов основного, подсобного и обслуживающего назначения, как правило, без расширения имеющихся зданий и сооружений основного назначения, связанное с совершенствованием производства и повышением его технико-экономического уровня на основе достижений научно-технического прогресса и осуществляемое по комплексному проекту на реконструкцию предприятия в целом и в целях увеличения производственных мощностей, улучшения качества и изменения номенклатуры продукции, в основном без увеличения численности работающих при одновременном улучшении условий их труда и охраны окружающей среды. При реконструкции действующих предприятий может осуществляться: расширение отдельных зданий и сооружений основного, подсобного и обслуживающего назначения в случаях, когда новое высокопроизводительное и более совершенное по техническим показателям оборудование не может быть размещено в существующих зданиях; строительство новых и расширение существующих цехов и объектов подсобного и обслуживающего назначения в целях ликвидации диспропорций; строительство новых зданий и сооружений того же назначения взамен ликвидируемых на территории действующего предприятия, дальнейшая эксплуатация которых по техническим и экономическим условиям признана нецелесообразной. При реконструкции должны обеспечиваться: увеличение производственной мощности предприятия, прежде всего путем устранения диспропорций в технологических звеньях; внедрение малоотходной, безотходной технологий и гибких производств; сокращение числа рабочих мест; повышение производительности труда; снижение материалоемкости производства и себестоимости продукции; повышение фондоотдачи и улучшение других технико-экономических показателей.

Что касается этимологии термина «*реконструкция*», то здесь предлагается обратиться к словарям С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, а также к словарю Д. Н. Ушакова.

«Реконструкция, реконструкции, мн. нет, ж. (латин. reconstructio) (книжн.). Действие по глг. реконструировать и реконструироваться; переделка, коренная перестройка чего-н., организация по совершенно новым

принципам. реконструкция Москвы по инициативе тов. Сталина и согласно постановлению ЦК ВКП(б)... наша работа по социалистической реконструкции народного хозяйства, рвущая экономические связи капитализма и опрокидывающая вверх дном все силы старого мира, не может не вызывать отчаянного сопротивления со стороны этих сил. Сталин (1930 г.). Машиностроение – основной рычаг реконструкции народного хозяйства» [1].

«РЕКОНСТРУКЦИЯ реконструкции, мн. нет, ж. (латин. reconstructio) (книжн.). Действие по глаг. реконструировать и реконструироваться; переделка, коренная перестройка чего-н., организация по совершенно новым принципам. Реконструкция Москвы по инициативе тов. Сталина и согласно постановлению ЦК ВКП(б)... Наша работа по социалистической реконструкции народного хозяйства, рвущая экономические связи капитализма и опрокидывающая вверх дном все силы старого мира, не может не вызывать отчаянного сопротивления со стороны этих сил. Сталин (1930 г.). Машиностроение – основной рычаг реконструкции народного хозяйства» [4].

Квартал – часть застроенной территории населенного места, ограниченная улицами. В застройке квартала должна быть достигнута целостность архитектурного ансамбля зданий и соблюдены экономические, санитарно-гигиенические и противопожарные требования.

Этимология термина «квартал» содержит в себе следующую информацию. Сам термин является синонимом слова «четверть», если рассмотреть информацию словарей. Рассмотрим определение словаря иностранных слов:

«Квартал [лат. quartus четвертый] – 1) часть города, ограниченная несколькими пересекающимися улицами; 2) четверть года (3 месяца); 3) часть леса, ограниченная просеками или естественными рубежами (реками и др.)».

Определение понятия «квартал» в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой незначительно отличается по смыслу.

«КВАРТАЛ, -а, м. 1. Часть города, ограниченная пересекающимися улицами. Жить на углу квартала. 2. Четвертая часть отчетного года. Отчет за к. 3. В лесном хозяйстве: участок леса, ограниченный просеками, дорогами. 4. В царской России: низшая городская административно-полицейская единица, входящая в полицейский участок. II прил. кварталный, -ая, -ое. К. отчет. К. надзиратель (начальник квартала в 4 знач.; устар.). Служить кварталным (сущ.)» [1].

Мы рассмотрели архитектурные термины. Что касается термина «слепота» и «слепой», то его больше можно отнести к медицине, однако в архитектуре он также часто встречается. Слепотой является наиболее ярко выраженная степень аномалий развития и нарушений зрения, когда становится невозможным или весьма ограниченным зрительное восприятие вследствие глубокого снижения остроты центрального зрения и сужения поля зрения. Различают абсолютную (тотальную) слепоту и практическую слепоту. При абсолютной слепоте на оба глаза полностью отсутствуют зрительные ощущения. Практическая слепота характеризуется остаточным зрением, при котором сохраняются

светоощущение и/или цветоощущение. К числу слепых относят людей, острота зрения которых не превышает 0,04 на лучше видящем глазу с коррекцией очками или поле зрения которых значительно сужено. Понятие «незрячий» нередко применяется как синоним понятию «слепой». Однако такое применение термина представляется неточным, поскольку понятие «незрячий» допускает обозначение как слепых, так и слабовидящих, так как последние не могут быть отнесены к числу зрячих.

Однако, термины «слепота» и «слепой» можно рассматривать в другом смысле. Данные термины являются многогранными, об этом говорит их определение в словаре В. Даля под названием "Толковый словарь живого великорусского языка".

«СЛЕПОЙ – невишой, темный, незрячий, безокий, безочный, невидущий, безглазый, кто не видит, лишен света, очей, зрения, потерявший чувство видения. Слепому да мертвому вечная память. Слепой духом Бога видит. Что слепо рождается, на пищу не годится. Расползлись как слепые щенята от матери! о раскольниках. Дело бредет, как слепой по пряслу. Слепой слепому путь кажет. Эх ты, слепая курица! Тем и слеп, что ни зги не видит. О том слепой и плачет, что ни зги не видит. Рассуждает, как слепой о красках. Слепой, так и не видущий (не вишой). Любовь слепа. Слепой, слепца водит, оба зги не видят. Слепой зрячего ведет. Слепой слепому (зрячему) не указчик. Промеж слепых кривой первый вождь. Всякая слепая про себя смекает. Слепой курице все пшеница. Когда ты слепым щенком родился, тогда я к отцу твоему на пир рядился! Посмотрим, сказал слепой, как будет плясать хромой. Что хромо, что слепо, то Козме и Демьяну (говорится, говорят о дворовой птице). Торопится, как слепой в баню. Выменял слепой у глухого зеркало на гусли. Собака скоро рождает, да слепых».

Обратимся к этимологии термина «слепота», который является близким по смыслу, и рассмотрим его определение в известных словарях.

Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова трактует данный термин следующим образом:

«СЛЕПОТА слепоты, мн. нет, ж. 1. Отсутствие зрения, состояние слепого (см. слепой в 1 и 2 знач.). Слепота на оба глаза. 2. перен. Неумение замечать, понимать происходящее, неспособность следить за совершающимся, правильно судить о нем (книжн.). при анализе событий он обнаружил поразительную слепоту. 3. перен. невежество, отсутствие просвещения (книжн. устар.). Душевная слепота (мед.) – болезнь, при к-рой человек теряет способность понимать то, что видит. Куриная слепота - см. куриный. Снежная слепота – то же, что снежница в 1 знач. Цветовая слепота (мед.) – то же, что дальтонизм» [4].

Толковый словарь под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой говорит нам о «слепоте» следующее.

СЛЕПОТА, -ы, ас. 1. Отсутствие зрения. Грозит с. кому-н. 2. перен. Неумение понимать, разбираться в чем-н., правильно судить о чем-н. Политическая с. [1].

Как видим, существуют разные типы слепоты. Начиная от слепоты духовной, заканчивая слепотой физической. В архитектуре термин «слепота» воспринимается буквально, так как используется в контексте исследования архитектуры для людей с фактически полной потерей зрения.

Все упомянутые термины являются крайне многогранными и помогают раскрыть множество исключительно важных смысловых оттенков понятий, проанализированных нами в данной статье.

Литература

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений [текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд. доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с. – ISBN 5-89285-003-X.

2. Партина А. С. Архитектурные термины. Иллюстрированный словарь [текст] / А. С. Партина. – М. : Стройиздат, 1994. – 208 с. : ил.

3. Словарь архитектурно-строительных терминов [текст] / В. Ф. Волошин, Н. А. Зельтен. – М. : Высшая шк., 1990. – 188 с. : ил.

4. Толковый словарь русского языка. Современная редакция [текст] / Д. Н. Ушаков. – М. : Славянский дом книги, 2014. – 960 с. – ISBN 978-5-903036-99-8

5. Юсупов Э. С. Словарь архитектурных терминов [текст] / Э. С. Юсупов. – СПб. : Фонд «Ленинградская галерея», 1994. – 432 с. : ил.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ МЕДИЦИНСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Божкова Ульяна Вячеславовна,
студентка IV курса филологического факультета

Некрутенко Елена Борисовна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры теории и практики перевода
Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

Перевод текстов медицинской направленности представляет собой наиболее тонкую сферу переводческой деятельности в связи с повышенными требованиями к квалификации переводчика и наличием многочисленных узких специализаций внутри данного типа перевода.

Перевод медицинских текстов – очень востребованный, трудоемкий, но, в то же время, один из самых сложных и ответственных видов перевода. Переводчик обязан хорошо разбираться в той тематике, которую он переводит,

должен не только обладать блестящим знанием иностранного языка, но и понимать фундаментальные и практические аспекты медицины.

Медицинский перевод представляет собой один из специфических отраслей технического перевода, где первостепенную роль играет профессиональное знание предмета. Любая неточность в переводе может привести к диагностическим ошибкам и нежелательным последствиям. Данный вид переводческой деятельности также связан с огромной работой с медицинскими справочниками, словарями, энциклопедиями и даже консультациями с врачами узкой специализации. В любой области медицины существует своя терминологическая база, что делает перевод текстов исключительно делом специалистов. Электронные и бумажные словари и энциклопедии не всегда способны помочь, поскольку они не успевают за развитием медицинских терминов, так как каждый день в медицине появляются новые лекарственные препараты, методы лечения, оборудование и т.д. Для владения современной медицинской терминологией на иностранном языке нужно следить за непрерывным развитием медицинской науки, расширять и обновлять свои знания в этой области с целью приобретения опыта перевода медицинских материалов. Правильный перевод медицинских текстов даже для врача, свободно владеющего иностранным языком, является сложной задачей [5].

При переводе текстов медицинской направленности лингвисту необходимо учитывать такие приемы перевода, как транслитерация, транскрипция, калькирование, а также грамматические трансформации и межъязыковые омонимы.

Транслитерация представляет собой побуквенную передачу названия, она касается письменной формы языка. При этом обычно принимается во внимание только соответствие букв двух алфавитов, а звуки, скрывающиеся за ними, не учитываются.

Транслитерация имеет широкое применение в медицине. Несмотря на кажущуюся простоту задачи, состоящей в замене одних букв другими, транслитерация зачастую представляет большие трудности. Эти сложности проистекают из того, что состав алфавита одного языка нередко не совпадает с составом алфавита другого языка. Использование данного приема означает, что в переводе передается графическая форма слова оригинала (например, *penicillin* – пенициллин, *stimulator* – стимулятор, *antibiotic* – антибиотик и др.).

Калькирование – это переводческий прием, при котором слова и выражения одного языка переводятся на другой язык путем точного воспроизведения средствами иностранного языка их морфемной или словесной структуры. Калькирование служит основой для большого числа заимствований при межкультурной коммуникации в тех случаях, когда транслитерация или транскрипция были неприемлемы из разных соображений. Данный прием не всегда является обычным механическим переносом исходной формы в другой язык, так как при этом возможны некоторые трансформации (изменение порядка слов, падежных форм, количества слов в словосочетании,

аффиксов и др.). В медицинской терминологии калькирование становится продуктивным способом перевода терминологических единиц с одного языка на другой, поскольку калька по своей структуре ближе и более понятна носителям того языка, в котором она создается, а с каждым открытием в медицине появляется много новых терминов [6].

Транскрипция – это письменное воспроизведение слов и текстов с учётом их произношения средствами определённой графической системы. Термины, как особый тип языковых единиц, обычно подвергаются транскрипции. Латинские, греческие, английские единицы, как правило, являются источником для транскрипции, в зависимости от того, какие корни лежат в основе исходного термина. Данный вид переводческого преобразования обычно используется в медицине при передаче названий лекарственных препаратов или заболеваний.

В силу того, что языковые системы отличаются друг от друга не только лексикой, но и грамматикой, переводчику приходится использовать и грамматические трансформации морфологического и синтаксического характера, которые заключаются в преобразовании структуры предложения или словосочетания в процессе перевода в соответствии с нормами переводного языка. Данные трансформации вызваны различными причинами – как чисто грамматического, так и лексического характера, хотя основную роль играют грамматические факторы, т. е. различия в строе языков. Это может быть полная или частичная реконструкция предложения, замена частей речи и членов предложения при переводе.

Использование грамматических трансформаций при переводе объясняется тем, что русское предложение не всегда совпадает с английским языком по своей структуре: другой порядок слов и другой порядок расположения предложений. Части речи, которыми выражены члены предложения, могут передаваться другими частями речи при переводе, сжатость выражения, возможная в английском языке, благодаря наличию целого ряда структур и форм, требует введения дополнительных слов и даже предложений при переводе на русский язык.

Наиболее часто используют следующие приемы грамматических трансформаций: дословный перевод (нулевая трансформация), прием членения предложений (разделение одного сложного предложения на два или более простых), прием объединения предложений (двум или трём предложениям оригинала соответствует одно предложение в переводе), грамматические замены (отказ от использования в переводе аналогичных грамматических форм), перестановки (изменение порядка слов и словосочетаний в структуре предложения, изменения порядка следования частей сложного предложения).

В сложном предложении часто можно встретить следующие виды синтаксических трансформаций: 1) замена простого предложения сложным, 2) замена сложного предложения простым, 3) замена главного предложения придаточным и наоборот, 4) замена союзного типа связи бессоюзным и наоборот и др. [4].

При сопоставлении грамматических категорий и форм английского и русского языков обычно обнаруживаются следующие явления: 1) отсутствие той или иной категории в одном из языков; 2) частичное совпадение; 3) полное совпадение. В русском языке, по сравнению с английским, отсутствуют такие грамматические категории, как артикль или герундий, инфинитивные и причастные комплексы и абсолютная номинативная конструкция.

Частичное совпадение или несовпадение в значении и употреблении соответствующих форм и конструкций тоже требует грамматических трансформаций (например, частичное несовпадение категории числа, частичное несовпадение в формах пассивной конструкции, неполное совпадение форм инфинитива и причастия, некоторые различия в выражении модальности и т. п.) [3].

Межъязыковые омонимы («ложные друзья переводчика») – это пары слов в двух разных языках, одинаковые по произношению или написанию, но разные по своему смысловому значению. Перевод иностранных слов, созвучных с русским языком иногда ведет к заблуждениям и неправильному пониманию. Особенно много таких примеров среди медицинских терминов.

Большую группу составляют образования, когда в английском языке слово имеет несколько значений и употребляется широко как в нейтральном, так и в научном стилях, а в русском языке – только в строго ограниченном контексте. Приведем несколько примеров: *angina* – «стенокардия», а не «ангина»; *cellulitis* – «флегмона», а не «целлюлит»; *vector* – «переносчик инфекций», а не «вектор»; *symptomatic* – «клинические проявления» и «симптоматический» (*symptomatic hypertension* – «артериальная гипертензия с клиническими проявлениями», а не «симптоматическая артериальная гипертензия», но *symptomatic therapy* – симптоматическая терапия) и др. [1; 2].

Таким образом, тексты медицинской направленности занимают особое положение среди других видов научно-технического перевода, так как имеют непосредственное отношение к жизни человека и его здоровью. Данный вид перевода становится всё более востребованным в связи с развитием медицины как науки. Медицинские тексты представляют сложность при переводе не только на лексическом уровне, но и на синтаксическом и грамматическом. Можно добиться правильного и качественного перевода учитывая вышеупомянутые проблемы.

Литература

1. Бабенкова А. Л. Ложные друзья переводчика в области медицинской терминологии / А. Л. Бабенкова : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.confcontact.com>.
2. Большой англо-русский медицинский словарь / под ред. Н. Г. Акжигитова. – М. : У-актория, 2005. – 1654 с.

3. Елисеева О. А. Грамматические трансформации при переводе / О. А. Елисеева : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://study-english.info/article040.php>.

4. Кузнецова, Н. А. Некоторые проблемы перевода медицинского текста / Н. А. Кузнецова, Т. А. Самойленко : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rusnauka.com>.

5. Самойлов Д. В. О переводе медицинского текста / Д. В. Самойлов : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.practica.ru/Articles/medical.htm>.

6. Таимова А.Т. Особенности перевода текстов медицинской направленности текста / А. Т. Таимова : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.rusnauka.com/9_NND_2013/Philologia.

ОБРАЗ ИКОНЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА И. С. ШМЕЛЕВА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ПУТИ НЕБЕСНЫЕ»)

Бугакова Надежда Борисовна,
кандидат филологических наук,

доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Исследование языковых средств объективации концептов является одним из наиболее эффективных способов проникновения в концептосферу носителей языка [4, с. 42] с целью выявления ее специфических черт, осмысления миропонимания и поведения людей [3, с. 157].

Концепты, репрезентированные религиозной лексикой, занимают в русской концептосфере значительное место, в связи с чем нуждаются в глубоком изучении [2, с. 117].

Задачей данного исследования является выявление и анализ индивидуально-авторских особенностей восприятия иконы как предмета религиозного культа в картине мира И. С. Шмелева. Нами будут проанализированы когнитивные признаки концепта «икона», выявленные при рассмотрении произведения И. С. Шмелева «Пути небесные», приведены способы вербализации исследуемого концепта.

Творчество И. С. Шмелева обращает на себя внимание любого исследователя, занимающегося анализом концептов, репрезентированных религиозной лексикой. Связано это с тем, что основная часть произведений данного автора основывается именно на христианском восприятии мира, которое Шмелев называл купелью русской литературы.

Все творчество Шмелева, весь его опыт писателя и человека посвящены тому, чтобы изобразить пути, которые, по его мнению, способны привести к просветлению, способны сделать искусство ближе к Богу. И. С. Шмелев

считал, что искомые пути к просветлению русский человек может найти именно в христианстве.

Основная масса произведений Шмелева, как правило, всегда содержит большое количество христианских образов и мотивов. Это относится и к анализируемому произведению «Пути небесные», мысли и поступки главной героини которого – Дариньки – подчинены одной глубокой мысли: «Без Господа не проживёшь». Вследствие этого данное произведение И. С. Шмелева содержит большое количество концептов, объективированных при помощи религиозной лексики.

Все вышесказанное определяет исследование религиозной языковой картины мира писателя как актуальную научную задачу.

Итак, рассмотрим лексему *икона*.

В русском языке выделяются следующие значения лексемы *икона*: 1) живописное изображение Бога, Божьей Матери, ангелов, святых угодников, сцен из Священного Писания, являющееся предметом поклонения у верующих; 2) предмет культа, являющийся посредником между молящимся и первообразом; 3) предмет поклонения, почитающийся молящимися как святой и настраивающий на нужный лад при общении с Богом, Божьей Матерью, ангелами, святыми; 4) предмет, обладающий чудодейственными свойствами, способностью исцелять [1, т. 7, с. 206–207].

Иконы обязательно присутствовали в каждой русской семье, для них отводилось специальное место, называемое святым (красным) углом, или даже целая комната, также иконы часто передавались по наследству [5, с. 128].

Рассмотрим когнитивные признаки концепта *икона*, актуализируемого лексемой *икона* и ее синонимами в произведении И. С. Шмелева.

«...иконы сияли ризами, венчиками из розочек, голубыми лампадками Рождества» [6, с. 190]; актуализируется когнитивный признак «изображение, украшаемое на праздник».

«С тяжелым сердцем склонилась она перед *Иконой*, стараясь собрать мысли; но не было сил молиться. Она собирала силы, твердила: «Прости, очисти... в соблазне я... дай мне силы, Пречистая!..» [6, с. 186]; актуализируется когнитивный признак «предмет культа, настраивающий на нужный лад при общении с Божьей Матерью».

«Эту комнатку попросила она себе молиться... Там стояли большие пядьцы, висели душевные *иконы* – Рождества Иоанна Крестителя, Рождества Богородицы, Анастасии-Узорешительницы, и лежал коврик перед подставкой с молитвословом» [6, с. 189]; актуализируется когнитивный признак «любимое изображение».

«Долго взирала на *иконы* молящим взглядом» [6, с. 214]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Бога, Божьей Матери, ангелов, святых угодников, сцен из Священного Писания, являющееся предметом поклонения у верующих».

«После чая она ... помолилась глазами на *иконы* ...» [6, с. 307]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Бога, Божьей

Матери, ангелов, святых угодников, сцен из Священного Писания, являющееся предметом поклонения у верующих».

«Пошла в спальню, встала перед Казанской, сложила в немой мольбе ладони и с болью вспоминала, как благословляла ее матушка Агния, как тайком пронесла она эту *икону* из обители, обманула матушку Виринею...» [6, с. 323-324]; актуализируется когнитивный признак «изображение, осуществляющее покровительство».

Для объективации концепта **икона** автором используются также следующие лексемы: *иконная; образ; имена собственные, обозначающие название праздника, в честь которого была создана икона; Владычица; Пречистая, ФС Страстная Матерь Божия*, а также составные номинации, в которых автор использует лексемы *икона* и *образ* в сочетании с именами собственными, называющими святого или праздник, в честь которого создана икона:

- *Иконная.*

Данная лексема образована от производящего существительного «икона» при помощи суффикса «н», который придает лексеме торжественную окраску.

« – Она была *новая* для меня, *явленная... иконная!* – рассказывал восторженно Виктор Алексеевич. – Уже тогда показалось мне, что не от мира этого она» [6, с. 161]; актуализируется когнитивный признак «почитаемая как относящаяся к миру Бога, святых».

- *Образ.* Данная лексема зафиксирована во многих словарях.

«В комнатах висели *образа*, разысканные в сундуках, старинные» [6, с. 144]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Бога, святого или святых».

«...она подбежала к милостынному столику, положила серебреца на блюдо, перекрестилась на *образок* и ... поклонилась в пояс...» [6, с. 175]; актуализируется когнитивный признак «небольшое живописное изображение Бога, святого или святых, являющееся предметом поклонения».

«Ей стало страшно, и она отошла от *образа*» [6, с. 324]; актуализируется когнитивный признак «изображение Бога, святых, внушающее страх».

- *имена собственные, обозначающие название праздника, в честь которого была создана икона:*

«Как-то ночью он услышал, что она горько плачет, детскими всхлипами. ... Он стал утешать ее, спрашивать, что случилось. Прильнув к нему, она поведала, что ей страшно, что Господь не простит ее, что она грешница из грешниц, ... что у них даже и лампадка не горит, а она боится без лампадки, и *Матушка-Казанская* ... «во тьме висит» [6, с. 140-141]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Божьей Матери, перед которым следует зажигать лампаду».

«Она взглянула на него, «разумными глазами», и лихорадочно-быстро стала говорить, вполне сознательно: «Так нельзя, в темноте, без лампадки... затепли, миленький... поставь поближе ко мне на столик, благословение мое... *Казанскую-Матушку*» [6, с. 153]; актуализируется когнитивный признак

«живописное изображение Божьей Матери, осуществляющее покровительство».

«У *Казанской* не теплилась лампадка: забыла ее оправить» [6, с. 306]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Божьей Матери, являющееся предметом поклонения».

«Эту комнатку попросила она себе молиться... Там стояли большие пяльцы, висели душевные иконы – *Рождества Иоанна Крестителя, Рождества Богородицы, Анастасии-Узорешиительницы*, и лежал коврик перед подставкой с молитвословом» [6, с. 189]; актуализируется когнитивный признак «любимое изображение».

- Лексема *Владычица*:

«Ждала только, церковь когда откроют, помолиться перед *Владычицей*»; актуализируется когнитивный признак «изображение Божьей Матери, являющееся предметом поклонения» [6, с. 97].

- Лексема *Пречистая*:

«С тяжелым сердцем склонилась она перед Иконой, стараясь собрать мысли; но не было сил молиться. Она собирала силы, твердила: «Прости, очисти... в соблазне я... дай мне силы, *Пречистая!*...» [6, с. 186]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Божьей Матери, являющееся объектом просьб».

- ФС *Страстная Матерь Божия*:

«Взглянула на *Страстную Матерь Божию* и подумала в сердце, будто Пречистая мне велит: «Все прими, испей» [6, с. 119]; актуализируется когнитивный признак «изображение Божьей Матери, с которым можно разговаривать».

- *Составные номинации*, в которых автор использует лексемы *икона* и *образ* в сочетании с именами собственными, называющими святого или праздник, в честь которого создана икона:

«Обрадованный, что она говорит разумно, что, должно быть, ей стало лучше, он перенес и устроил на столике у ее постели *образ Богородицы Казанской*, благословение матушки Агнии...» [6, с. 154]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Божьей Матери, осуществляющее покровительство».

« – Было, конечно, глупо передавать ей пошлости, – рассказывал Виктор Алексеевич, – но я тогда этими пустяками упивался, и восторги других от Дариньки ... были приятны мне. Помню, этот сюсюкающий бароша встретил меня тогда словами: «Она – прелестна, твоя монашка! Она – жемчужина ... с чудотворной *иконы Страстной Богоматери*...» [6, с. 229]; актуализируется когнитивный признак «ценное изображение Божьей Матери, способное исцелять».

«Как всегда, к ночи, топилась лежанка, полыхала. В пламени от нее светился розовым серебром оклада *образ Рождества Богородицы*» [6, с. 251]; актуализируется когнитивный признак «ценное изображение».

«Даринька перекрестилась на икону Казанской – благословение матушки Агнии, и с ужасом увидала, что опять не оправила лампадку» [6, с. 331]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Божьей Матери, осуществляющее покровительство».

Проведенное исследование позволило выявить и описать способы вербализации концепта икона в романе И. С. Шмелева «Пути небесные».

Индивидуально-авторскими когнитивными признаками концепта икона в языковой картине мира являются следующие:

«изображение, украшаемое на праздник»; «предмет культа, настраивающий на нужный лад при общении с Божьей Матерью»; «любимое изображение»; «изображение, осуществляющее покровительство»; «почитается как относящаяся к миру Бога, святых»; «изображение Бога, святых, внушающее страх»; «живописное изображение Божьей Матери, перед которым следует зажигать лампаду»; «любимое изображение»; «живописное изображение Божьей Матери, являющееся объектом просьб»; «изображение Божьей Матери, с которым можно разговаривать»; «ценное изображение Божьей Матери, способное исцелять»; «ценное изображение»; «живописное изображение Божьей Матери, осуществляющее покровительство».

Для объективации данных когнитивных признаков используются лексемы икона, иконная, образ, образок, лексемы – имена собственные, обозначающие название праздника, в честь которого была создана икона, лексемы Владычица, Пречистая, ФС Страстная Божия Мать, а также составные номинации, в которых автор использует лексемы икона и образ в сочетании с именами собственными, называющими святого или праздник, в честь которого создана икона.

Таким образом, проведя исследование концепта *икона* в романе И. С. Шмелева «Пути небесные», мы пришли к выводу, что анализируемый концепт занимает огромное место в индивидуально-авторской картине мира писателя.

Литература

1. Большой академический словарь русского языка: В 17 т. / Гл. ред. К. С. Горбачевич. – М., СПб. : «Наука», 2007. Т. 7. – С. 206–207.
2. Бугакова Н. Б. Особенности авторского восприятия ключевых образов в эпопее И. С. Шмелева «Солнце мертвых» / Н. Б. Бугакова // Научный вестник Воронежского ГАСУ серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация», Воронеж, 2014. Вып. 14. – С. 117–122.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, П. Г. Лузина. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
4. Пантелеева О. О. Этнокультурная специфика доминантных концептов, вербализованных в художественной картине мира Висенте Бласко Ибаньеса : дисс. ... к.ф.н. – Москва, 2007. – 275 с.

5. Подвигина Н. Б. Индивидуально-авторское своеобразие языковой картины мира И. С. Шмелева (на материале религиозной лексики произведения «Лето Господне») : дисс. ... к.ф.н. – Воронеж, 2010. – 174 с.

6. Шмелев И. С. Пути небесные / И. С. Шмелев // Издание 2-е. – М. : «Даръ», 2007. – 848 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХ ЧЕРТ МАРОККАНСКОГО ДИАЛЕКТА

Валяникова Дарья Владимировна,
студентка IV курса филологического факультета

Кисель Виктория Сергеевна,
ассистент кафедры теории и практики перевода
Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

Марокканский диалект (в дальнейшем МД) формировался веками. В его формировании большую роль сыграли факторы этнические, языковые (влияние языков коренного населения, различных западноевропейских языков), социально-культурные (СМИ) и т. п. Синтез классического арабского языка и заимствованных лингвистических элементов сформировали особую разговорную форму арабского языка.

Изучение взаимоотношения литературного языка и современных арабских диалектов является актуальной задачей арабского языкознания и арабской диалектологии. Объектом исследования является речь современных носителей арабского языка из Марокко.

Заявленная проблема является недостаточно изученной. Слабо освещена проблема развития современных отношений марокканского диалекта и классического арабского языка, их функционирования в социуме.

Среди важнейших работ арабского языка и марокканского диалекта следует отметить труды Харриса (1942), Брюно (1950), Харрелла (1962) и Абдельмасси (1970), среди других [1, с. 6–7]. Хотя произведения этих ученых носили в основном дидактический и описательный характер, они сделали очень важный вклад в изучение МД. Фергюсон (1959) описал различные функции литературного арабского языка и МД. Из отечественных работ следует отметить труды Кямилева (1968), Завадовского (1962), Кямилева (1968), Завадовского (1979).

Целью исследования было изучение формирования и развития марокканского диалекта и его отличительных элементов в ходе влияния различных культур на различных этапах истории.

Формирование МД напрямую связано с историческими событиями, происходившими в Марокко. Впервые МД претерпел значительные изменения во времена первого французского протектората. Марокко оказалось под

протекторатом Франции в 1912 году. Это усилило французское влияние в аспектах повседневной жизни. Этот арабский диалект приобрел название «классический дарижа». Его используют консервативные люди, а также люди среднего и пожилого возрастов.

Затем последовал испанский протекторат: когда Северная часть Марокко была официально колонизирована Испанией в 1913 году. Это внесло значительные изменения в аспекты повседневной жизни марокканцев.

Испанская колонизация снова сменилась французским протекторатом: после прихода в МД французского и испанского языков, любое французское или испанское слово, будь то глагол, или существительное, может быть использовано в предложении. В языкознании это явление известно, как «Переключение кодов». Испанские слова, как правило, используют в предложениях в северных районах Марокко (диалект Танжер), в то время как французские слова являются более распространенными в других разновидностях диалектов. Французские слова в рамках арабских предложений являются систематическим явлением в любой культурологической и социальной сфере (любое техническое слово будет написано на французском вместе с его непосредственным контекстом, когда любая практическая информация будет представлена на арабском языке, в одном предложении; яркие примеры можно наблюдать в больницах или банках). Использование французских слов, чтобы донести информацию наиболее полно, является распространенным способом изъяснения среди молодёжи, городского населения, а также людей имеющих высшее образование, так как свободное владение французским языком пропорционально уровню образованности.

Так же обогащение арабского языка связано с контактом между МД и другими языками в Марокко, таким как, например, классический литературный арабский язык (далее ЛАЯ). ЛАЯ используется в фильмах, на телевидении, в газетах и т.д. Влияние ЛАЯ (официальный национальный язык страны) на МД наглядно представлен в речи молодого поколения. Распространение образования привело людей к использованию некоторых промежуточных формы между ЛАЯ и МД. Это явление привело некоторых марокканских лингвистов к заключению, что ЛАЯ выступает в качестве базового языка [7, с. 128]. В самом деле, мы не можем игнорировать тот факт, что МД и ЛАЯ связаны между собой. Тем не менее, существуют значительные различия между этими двумя языками в их фонологии, морфологии и в лексическом запасе. Это обуславливает необходимость описания каждого языка отдельно, со ссылкой на друга.

Бурное развитие классического арабского языка и его престиж не смогли вытеснить из устного обихода местные разговорные формы арабского языка. Постепенно эти формы начинают вытеснять классическую форму арабского языка из устной сферы общения даже в кругах высшего общества.

В дополнение к влиянию ЛАЯ, есть и другие родные языки, которые находятся в контакте с МД. Они включают в себя три местных разновидности берберского языка с их различными региональными акцентами: Тарифит в

северной части страны (Эр-Риф), Тамазит в центральной части (Средний Атлас) и Ташлит в южной части (Высокий Атлас). Здесь снова, северные виды МД попадают под влияние Тарифита, центральные виды МД под влияние Тамазита, в то время как южные виды под влияние Ташлита.

Марокканский арабский язык, как и многие другие формы арабского языка, являются взаимно непонятными с некоторыми другими диалектами, особенно, отличными от диалектов Магриба. Марокканский арабский грамматически проще и имеет менее объемный словарный запас, чем классический арабский язык. Заимствованная лексика из берберского, французского и испанского языков во многом вытеснили классический арабский язык. Существует относительно четкое разделение между марокканским арабским и стандартным арабским и многие марокканцы не понимают современный стандартный арабский язык [7, с. 44]. В зависимости от культурного происхождения и степени грамотности, те, кто говорят на современном стандартном арабском языке, предпочитают использовать арабские слова вместо своих французских или испанских заимствований, в то время как интеллигенция и образованные слои населения часто говорят на современном стандартном арабском языке с более частым употреблением французских и испанских заимствований и свободно переходят на общение на французском или испанском и марокканском арабском языках (или Современном стандартном арабском языке). Как и повсюду в мире, как кто-то говорит и то, какие слова или язык он использует, часто становится показателем его социального класса.

Как уже было упомянуто Марокканский арабский грамматически проще и имеет менее объемный словарь исконно арабских слов, чем классический арабский язык. Испанские слова, как правило, вошли в марокканский арабский язык раньше, чем французские. Некоторые новые слова были привнесены в МД племенами, которые говорили на андалузском арабском языке, который находился под влиянием испанского (кастильского) языка, примером чего является типичное андалузское блюдо *Пастилла*. Другие влияния были результатом испанского протектората в Испанском Марокко. Французские слова пришли с французского протектората (1912–1956). В последнее время, в связи с глобализацией и набравшей популярность всемирной паутины, молодые марокканцы начали использовать английские слова в своих диалектах.

Есть заметные лексические различия между марокканским арабским и большинством других диалектов. Несколько слов по существу являются уникальным для марокканского арабского, например, *daba* «сейчас» [3, с. 907], и многие другие, однако, характерной особенностью марокканского арабского языка в целом, является его сохранение как классического лексикона, который исчез в других диалектах так и привнесение заимствований и языковых инноваций, например, *hbet* «спуститься» [3, с. 959] с классического *habaṭ*. Другими отличительными особенностями являются общими с алжирским диалектом, таких как *hder* «говорение» [3, с. 170], от классического *hadhar* «лепет» [3, с. 408] и *Temma* «там» от классического *thamm a* [3, с. 983].

Все случаи заимствования прошли сложные фонологические и морфологические процессы МД на своем пути, чтобы быть полностью интегрированными. Примеры лексического заимствования включают в себя такие слова, как: *forshita*: *fourchette* (вилка), *tomobil* или *tonobile*: *automobile* (автомобиль), *telfaza*: *télévision* (телевизор), *radio*: (радио), *bartma*: *appartement* (квартира), *rambwan*: *rondpoint* (кольцевая транспортная развязка), *tobis*: *autobus* (автобус), *kamera*: *caméra* (камера), *portable*: *portable* (мобильный телефон), *tilifūn*: *téléphone* (телефон), *brika*: *briquet* (зажигалка), *parisiana* (французский багет), более распространенным является *komera*, *tran*: *train* (поезд), *sbitar*: *hôpital* (госпиталь) *serbita*: *servillette* (салфетка), *tabla*: *table* (стол), с испанского такие слова, как *rueda*: *rueda* (колесо), *kuzina*: *cocina* (кухня), *skwila*: *escuela* (школа), *simana*: *semana* (неделя), *manta*: *manta* (одеяло).

Заимствования из берберского языка: *Mush* или *Mesh* (кот), *Lalla* (девушка, леди) *Henna* (бабушка), *Dshar* или *Tshar* (регион), *Neggafa* (свадьба), *sifet* или *sayfet* (посылать), *Sebniya* (вуаль), *Jaada* (морковь; северный городской диалект), *sarred* (посылать), *shlayem* (усы), *Awriz* (пятка), *But* (пупок), *Tamara* (лишения, переживания), *Tamssumant* (усилие).

Влияние указанных выше языков на МД на самом деле значительное. Именно это влияние в результате ситуаций языкового контакта, частично несёт ответственность за возникновение различных видов марокканского арабского языка.

В заключение следует отметить, что в данной статье были подробно раскрыты основные особенности марокканского диалекта арабского языка, а также исторические предпосылки их формирования. Выяснилось, что диалект имеет свои достаточно ярко выраженные признаки.

Литература

1. Boudlal Abdelaziz. The Prosody and Morphology of a Moroccan Arabic dialect / Abdelaziz Boudlal. – 2001. – 362 p.
2. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь / Х. К. Баранов. – 2-е изд. – М. : Валерий Костин, 2005. – 944 с.
3. Борисов В. М. Русско-арабский словарь / В. М. Борисов. – М. : Валерий Костин, 2004. – 1120 с.
4. Завадовский Ю. Н. Арабские диалекты Магриба / Ю. Н. Завадовский. – М. : Издательство восточной литературы, 1962. – 132 с. («Языки зарубежного Востока и Африки»).
5. Кямилев С. Х. Марокканский диалект арабского языка / С. Х. Кямилев. – М. : Издательство «Наука», ГРВЛ, 1968. – 132 с.
6. Марокко, султанство в Африке // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907.
7. Шарбатов Г. Ш. Проблема соотношения арабского литературного языка и современных арабских диалектов // Семитские языки / Г. Ш. Шарбатов. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1965. – 362 с.

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ РЕАЛИЗАЦИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ БРИТАНСКОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Волкова Наталья Валериевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры второго иностранного языка
Горловский институт иностранных языков

Постоянное внимание исследователей к разновидностям английского языка объясняется стремлением выявить их специфические черты на различных языковых уровнях, а также обнаружить изменения, которые происходят в результате интенсивного взаимодействия со стандартным английским. Важным аспектом анализа является лексический состав американского варианта, в частности, американизмы, которые проникают в британский английский язык. Актуальным становится изучение проблемы реализации словообразовательных возможностей лексем британского английского и их американских эквивалентов, поскольку носителями языка параллельно используются единицы двух систем, которые становятся источником дальнейшего расширения языка словообразовательными неологизмами.

Целью данного исследования является анализ причин, способствующих реализации словообразовательного потенциала британских английских существительных.

Для достижения цели нами определены следующие задачи: создание базы пар существительных, в которых один компонент является единицей британского английского языка, а второй – его американским эквивалентом; сопоставление словообразовательной продуктивности исследуемых субстантивов каждой пары; анализ факторов, которые способствовали реализации словообразовательных возможностей британских существительных.

Анализ специальной литературы по проблемам словообразовательного потенциала лексем английского языка (И. Н. Алимов, Л. А. Вертоградова, И. А. Галуцких, Э. Т. Дерди, Г. В. Комаров, В. Г. Костенко, Е. Э. Науменко, В. И. Пушкар, В. Р. Саркисянц и др.) показал, что изучение данного вопроса связано как с количественными, так и качественными показателями реализации словообразовательных возможностей данных единиц.

В лингвистических исследованиях, в которых изучаются потенциальные возможности существительных на уровне английского словообразования, представлены следующие причины, влияющие на реализацию словообразовательного потенциала единиц: семантика влияет на словообразовательную активность ботасемичных имен (Л. П. Балабаева [1, с. 59]); существует зависимость между частотностью существительных и продуктивностью их основ, простота морфологической структуры дериватора является благоприятным фактором для создания сложных слов (Н. А. Янко [5,

с. 2–3]); частотные слова относятся к основному словарному составу и в большей степени вступают в словообразовательные отношения (Л. А. Телегин [4, с. 94]); главными причинами, способствующими реализации словообразовательных возможностей исконных и заимствованных существительных являются сочетание фактора частотности употребления слова и его полисемичность, более того, на словообразовательную продуктивность исконных слов влияет как их многозначность, так и комбинированное влияние этого фактора со стилистическими характеристиками слова (например, разговорная сфера употребления), а словообразовательной продуктивности заимствованных слов благоприятствует их многозначность и простота морфологической структуры (Н. В. Волкова [2, с. 153; 3, с. 243]). Сопоставительное изучение реализации словообразовательного потенциала британских существительных и их эквивалентов в американском варианте английского языка не являлось предметом исследования лингвистов.

Методом сплошной выборки из словаря “Longman Dictionary of Contemporary English” [6] нами было отобрано 498 пар существительных, в которых одна единица является британской английской, а другая – ее американским эквивалентом. В данной статье пары субстантивов представлены таким образом, что первый субстантив в паре является словом британского английского языка, а второй – американским вариантом. Следует обратить внимание на то, что подавляющее большинство полисемантических британских и американских существительных являются эквивалентами друг другу только в одном из значений.

Результаты проведенного исследования показывают, что 68 пар (13,65 %) характеризуются тем, что от британского существительного образовано больше производных, чем от американского эквивалента. Исходя из цели исследования, обозначенной в работе, проведем детальный анализ данной группы слов. Средняя языковая словообразовательная продуктивность британских существительных в этой группе составляет 4,4 слова, американских эквивалентов – 0,8 слова. Значит, в среднем от каждой анализируемой британской единицы образовано на 3,6 слова больше, чем от американской.

На бóльшую словообразовательную продуктивность британских существительных оказали влияние как главные факторы словообразовательной продуктивности слов – 56 пар (82,35 %), так и дополнительные – 12 пар (17,65 %).

Рассмотрим основные причины словообразовательной продуктивности слов (фактор частотности употребления слов (Ч), семантический (См), словообразовательный (Сл) и стилистический (Ст) факторы), которые способствовали реализации словообразовательных возможностей британских английских существительных (табл. 1).

Таблица 1

**Влияние главных факторов на языковую словообразовательную
продуктивность британских английских существительных**

Факторы	Пары существительных	
	абс.	%
Ч	11	19,64
См	10	17,85
Ч + См	9	16,07
См + Сл	8	14,29
Ч + См + Сл	8	14,29
Сл	8	14,29
Ст	2	3,57
Всего	56	100

Проведем сопоставительный анализ существительных каждой подгруппы.

В наибольшем количестве пар наблюдаем, что более высокая частотность употребления британского существительного повлияла на его более высокую словообразовательную продуктивность по сравнению с американским эквивалентом. (Основанием показателей частотности употребления слов являются данные, приведенные в словаре [6].) Например, существительное *garden* относится к первой тысяче слов, наиболее часто употребляемых в устной и письменной речи, и имеет 7 производных (*garden* (v.), *garden centre*, *garden city*, *gardener*, *gardening*, *garden party*, *garden-variety*), его американский вариант *yard* входит во вторую тысячу слов, наиболее часто употребляемых в устной и письменной речи, и имеет 5 производных (*yardage*, *yardarm*, *yardbird*, *yard sale*, *yardstick*); субстантив *pig* является словом из второй тысячи частотных слов, употребляемых в устной речи, и имеет 17 производных слов (*pig* (v.), *piggery*, *piggy* (n.), *piggy* (adj.), *piggy back* (n.), *piggyback* (adv.), *piggyback* (v.), *piggy-bank*, *pigheaded*, *pigheadedness*, *pig iron*, *piglet*, *pigpen*, *pigsty*, *pigskin*, *pigswill*, *pigtail*), его эквивалент *hog* не входит в три тысячи часто употребляемых слов, и имеет 3 производных (*hog* (v.), *hogshead*, *hogwash*). Существительное *holiday* входит в первую тысячу слов, часто употребляемых в устной речи, во вторую – в письменной, и является исходным словом для 4 производных (*holiday* (v.), *holiday camp*, *holiday home*, *holidaymaker*), американское существительное *vacation* входит во вторую тысячу слов, употребляемых в устной речи, в третью – в письменной, и является исходным словом для 2 производных (*vacation* (v.), *vacationer*). У некоторых американских субстантивов этой подгруппы в словаре не зафиксированы производные слова, иными словами, они характеризуются нулевой реальной языковой словообразовательной продуктивностью, в отличие от соответствующих британских единиц. Например, существительное американского варианта английского языка *registrar* не входит в три тысячи наиболее часто употребляемых слов, а соответствующее британское существительное *resident* входит в третью тысячу слов, часто употребляемых в

устной и письменной речи. Британская единица характеризуется значительной словообразовательной продуктивностью, ее производными являются *resident* (adj.), *residential*, *residential care*, *residential home*, *residential treatment facility*, *resident physician*, *residents' association*.

Семантический фактор словообразовательной продуктивности слов стал основным, например, в парах существительных *roundabout* (3 значения) – *carousel* (2 значения), *plaster* (3 значения) – *bandaid* (2 значения), *tramp* (3 значения) – *hobo* (1 значение), *fluff* (3 значения) – *lint* (2 значения), *caster* (2 значения) – *shaker* (1 значение). У американских единиц нет производных слов, а от британских существительных образованы такие слова, как *roundabout* (adj.), *plaster* (v.), *plasterboard*, *plaster cast*, *plastered*, *plasterer*, *tramp* (v.), *fluff* (v.), *fluffy*, *caster sugar*, соответственно.

На реализацию словообразовательного потенциала исследуемых лексем может оказывать влияние как фактор частотности употребления и семантический фактор отдельно, так и их сочетание. Например, у британского существительного *film* больше значений, выше частотность употребления и, как следствие, больше производных слов, чем у американского эквивалента *movie* (*film* имеет 5 значений, входит в первую тысячу слов, часто употребляемых в устной и письменной речи, является исходным словом для 9 производных: *film* (v.), *filmgoer*, *filmic*, *film-maker*, *film-making*, *film noir*, *film star*, *filmstrip*, *filmy*; *movie* имеет 2 значения, входит в первую тысячу слов, часто употребляемых в устной речи, и во вторую – в письменной, является исходным словом для 4 производных: *moviegoer*, *moviemaker*, *moviestar*, *movie theatre*). У некоторых американских субстантивов этой подгруппы в словаре не зафиксированы производные слова, в отличие от их британских вариантов. Например, существительные американского варианта английского языка *patronage* и *faucet* не входят в состав трех тысяч слов, которые наиболее часто употребляются в речи, и имеют меньше значений (*patronage* – 3, *faucet* – 1), чем соответствующие британские существительные: *custom* имеет 4 значения, входит в третью тысячу слов, часто употребляемых в письменной речи, *tap* имеет 4 значения, входит в третью тысячу слов, часто употребляемых в устной речи. Британские единицы характеризуются значительной словообразовательной продуктивностью: у существительного *custom* 6 производных слов (*custom* (adj.), *customary*, *customer*, *customer services*, *customizable*, *customize*), у субстантива *tap* – 4 (*tap* (v.), *tap dancing*, *tapdance* (v.), *tapdancer*).

Сочетание семантического и словообразовательного факторов оказали влияние на ряд пар с большей словообразовательной продуктивностью британских существительных. Например, у субстантива *draught* 6 значений и он состоит только из корня, у субстантива *checker* 3 значения и помимо корня в его состав входит также суффикс. Как результат, разное количество производных слов данных единиц: *draughtboard*, *draught* (adj.), *draught excluder*, *draughtsman*, *draughtsmanship*, *draughty* и *checkerboard*, *checkered*, *checkered flag*, соответственно. Моносемантические сложные по составу американские

существительные *oil pan* и *flashlight* не имеют производных слов в отличие от их бисемантических простых по составу британских эквивалентов *sump* (его производные: *sumptuous*, *sumptuously*, *sumptuousness*), *torch* (его производные: *torch* (v.), *torchlight*, *torch song*, *torch singer*).

Проанализируем пример из подгруппы тех пар, в которых кроме двух выше рассмотренных факторов, на бóльшую словообразовательную продуктивность британских существительных оказала влияние их более высокая частотность употребления. Односложное существительное *guard* имеет 7 значений, входит в третью тысячу слов, наиболее часто употребляемых в устной и письменной речи, а его американский эквивалент *conductor* имеет 4 значения, не входит в состав трех тысяч слов, часто употребляемых в речи, и по морфологической структуре сложнее. У британского существительного 11 производных слов (*guard* (v.), *guard dog*, *guarded*, *guardhouse*, *guardian*, *guardian angel*, *guard ship*, *guard's van*, *guardrail*, *guardroom*, *guardsman*), производные единицы от американского существительного не зафиксированы словарем.

Существительные *jug* и *pitcher* подтверждают влияние словообразовательного фактора на бóльшую реализацию словообразовательного потенциала британских существительных: более простое по морфологической структуре британское слово имеет одно производное слово *jugful*, от американского эквивалента производные не образованы на данный момент.

Неформальная сфера употребления британского существительного *gunge* могла повлиять на его бóльшую реальную словообразовательную продуктивность по сравнению с американским эквивалентом *gunk*, от которых образованы следующие слова: *gunge* (v.), *gungy*, *gung-ho* и *gunk* (v.), *gunky*, соответственно. Влияние стилистического фактора очевидно в паре субстантивов *truant* – *hooky*: производными британской единицы являются *truant* (v.), *truant* (adj.), а отсутствие производных у американского эквивалента может объясняться тем, что он считается устаревшим.

Рассмотрим пример пар, где на превосходство британских существительных в количестве производных оказали влияние не главные, а дополнительные факторы. У американского существительного *fender* 3 значения, у британского *bumper* – 1, но производных слов больше у британского слова: *bumper* (adj.), *bumper car*, *bumper sticker* и *fender-bender*, соответственно. Безусловно, анализ дополнительных факторов словообразовательной продуктивности британских субстантивов требует отдельного рассмотрения.

Таким образом, результаты проведенного анализа показывают, что первостепенными причинами, благоприятствующими большей реализации словообразовательного потенциала британских английских существительных по сравнению с их американскими эквивалентами являются, во-первых, более высокая частотность употребления британских единиц, во-вторых, большее

количество значений у данных субстантивов, а так же комбинированное влияние данных факторов.

Перспективой нашего дальнейшего исследования является изучение факторов, способствующих реализации словообразовательных возможностей существительных американского варианта английского языка.

Литература

1. Балабаева Л. П. К вопросу о словообразовательной активности и валентности основ ботасем / Л. П. Балабаева // Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку : ежегод. межвуз. темат. сборник. – Владивосток, 1978. – Вып. 5. – С. 52–59.

2. Волкова Н. В. Словотвірна продуктивність споконвічних іменників в англійській мові / Н. В. Волкова // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. – Луцьк, 2008. – № 4. – С. 151–156.

3. Волкова Н. Головні фактори реалізації словотвірного потенціалу запозичених іменників в англійській мові / Наталія Волкова // Наукові записки. Серія : Філологічні науки (Мовознавство) : зб. наук. праць : у 2 ч. – Кіровоград, 2012. – Вип. 105 (1). – С. 242–246.

4. Телегин Л. А. Особенности структуры словообразовательных гнезд от частотных имен существительных в английском и русском языках / Л. А. Телегин // Актуальные проблемы русского словообразования : сб. науч. трудов. – Ташкент, 1985. – С. 93–97.

5. Янко Н. А. Реализация потенции основ существительного в современном английском словосложении : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / Н. А. Янко. – К., 1978. – 23 с.

6. Longman Dictionary of Contemporary English / [dir. D. Summers]. – Oxford : Pearson Education Limited, 2006. – 1951 p.

АСПЕКТИ ВИВЧЕННЯ СКЛАДНОГО РЕЧЕННЯ

Гапонова Тетяна Миколаївна,

кандидат філологічних наук,

доцент кафедри прикладної лінгвістики та етнології

Донбаська національна академія будівництва і архітектури

Проблема визначення речення, встановлення статусу висловлення в мовознавстві перебуває в полі зору лінгвістів уже тривалий час, зокрема це праці таких учених, як В. А. Белошапкова, В. В. Виноградов, І. Р. Вихованець, К. Г. Городенська, А. П. Загнітко, Г. О. Золотова, О. С. Мельничук та ін. Проте й на сьогодні залишається багато протиріч між існуючими поглядами та теоріями. Унаслідок цього актуальним залишається питання подальшого опрацювання співвідношення понять «мова й мовлення», речення й висловлення, аспектів вивчення речення.

Різноаспектне вивчення функцій речень загалом або їхніх окремих частин породжують усе нові й нові типи складних речень (Белошапкова 1977, Вихованець 1993, Загнітко 2001, Золотова 2001). Беручи за основу положення про структурну цілісність складного речення, під складним реченням розуміють цілісну синтаксичну одиницю, що виражає єдину складну думку, тобто цілісну комунікативну одиницю. В.В. Виноградов зауважує: «Складне речення загалом має значення, що не виводиться із простої суми значень вхідних у нього частин, за своєю будовою близьких до простих речень... Хоча частини складного речення за зовнішньою будовою однорідні із простими реченнями, але в складі цілого вони не мають значеннєвої й інтонаційної викінченості, характерної для категорії речення й, отже, не утворюють окремих речень» [3, с. 413]. М. С. Поспелов, розвиваючи й обґрунтовуючи ідею структурної цілісності складного речення, відзначає, що «... складові частини складного речення не можна розглядати як окремі речення, а тільки як взаємозалежні... елементи однієї синтаксичної побудови» [11, с. 336]. І. Р. Вихованець зазначає, що в «складному реченні об'єднуються кілька простих речень, що виступають складниками єдиного цілого – синтаксичного утворення вищого, ніж просте речення, рангу. Частини складного речення, виділені за наявністю підмета й присудка двоскладного речення або головного члена односкладного речення, тільки умовно можна назвати простими реченнями. Складне речення не являє собою механічного об'єднання простих речень» [4, с. 279]. Автори «Граматика – 80» вказують, що складне речення – це «цілісна синтаксична одиниця», частини якої «характеризуються граматичною й інтонаційною взаємозумовленістю, а також взаємозумовленістю змісту» [12, с. 461].

Останнім часом у теорії складного речення все більше уваги приділяється конструкціям із різнотипним синтаксичним зв'язком між предикативними одиницями, що утворюють складне речення [4; 5 та ін.]. Щодо складносурядного речення, то вважаємо, що складносурядне речення

складається не з окремих простих речень, а з предикативних частин, тому що кожне самостійне речення має як структурну, так і комунікативну оформленість. Предикативна одиниця, хоч зовні й подібна із простим реченням, проте вона позбавлена комунікативних ознак речення.

Щодо типології складних речень, то на сьогодні виділяють складносурядні, складнопідрядні й безсполучникові складні речення. Проте ця класифікація не стала загальноприйнятою в науково-методичній літературі. Історія синтаксичної науки характеризується суперечливістю поглядів на визначення типів складних речень. У дискусії про типи зв'язку в складному реченні, а отже, і типи складних речень, брали участь синтаксисти різних поколінь. До початку XX століття визнавалося два основних типи синтаксичного зв'язку в складному реченні: сурядність і підрядність. Їхнє розмежування пов'язане зі значеннєвою залежністю / незалежністю частин речення, виділених інтуїтивно. Це дало підставу М. Петерсону припустити, що поняття сурядності й підрядності не є синтаксичними, а логічними, оскільки в них відсутня мовна сутність [9, с. 23]. Перше наукове обґрунтування сурядних і підрядних зв'язків, що базуються на структурних розбіжностях складносурядних і складнопідрядних речень, викладено в працях О. М. Пешковського. На думку вченого, специфіка кожного з видів зв'язку полягає у відмінності підрядних і сурядних сполучників, у розташуванні частин складного речення. Ця теза згодом була розвинена ним у книзі «Російський синтаксис у науковому висвітленні» [10]. Дослідник вважає, що в «складному цілому сурядність відіграє настільки важливу роль, як і підрядність», отже, «сурядність виступає як самостійний тип зв'язку» [10, с. 462].

Деякі вчені, наприклад, Л. С. Бархударов і Г. В. Колшанський, пропонували виключити із класу складних речень конструкції, що містять сурядний зв'язок. Як складні речення приймалися тільки структури, засновані на підпорядкуванні (сполучниковому й безсполучниковому), тому що при цьому типі зв'язку (на відміну від сурядності) утворюється не група рівноправних речень, а одне єдине речення [2; 6].

Проте, як справедливо зазначає А. П. Загнітко, «у складному реченні протиставлення сурядності й підрядності набуває зовсім іншого виміру, оскільки їм властива визначальна функція при кваліфікації кожного окремого складного речення. Так, на основі сурядного зв'язку виникають складні речення, складові компоненти яких виступають як граматично рівноправні в структурі цілого складного речення. На основі ж підрядного зв'язку постають складні речення, складники яких є нерівноправними в граматичному плані: один з них є головним і відносно незалежним, а другий підпорядковується йому спеціальними граматичними засобами» [5, с. 331].

Наявність сполучних засобів зв'язку та інтонації або тільки інтонації зумовлює поділ складних речень на дві великі групи: 1) складні речення зі сполучниковим або відносним зв'язком: *Покуть, де за традицією мали рясніти образи, був зовсім порожній* (І. Багрянний); *Після хліба й цукру їх випущено на вранішню «оправку», а після того був чай* (І. Багрянний). 2) складні речення із

безсполучниковим зв'язком: *Життя ішло, минуло той перон. Гукала тиша рупором вокзальним. Багато слів написано пером. Несказане лишилось несказаним* (Л. Костенко).

У багатьох випадках чіткого розрізнення в граматичній семантиці складних речень цих двох розрядів не спостерігається. Часто безсполучникові речення аналізуються в межах складносурядних і складнопідрядних як їх особливі підтипи (Д. Кислиця, С. Чорній та ін.). Зарахування безсполучникових речень до складносурядних або складнопідрядних речень залежить від значеннєвих відношень між їх компонентами.

Окремим різновидом складних речень вважає безсполучникові речення і О. С. Мельничук. Підкреслюючи, що «наявність у мові значної кількісної переваги сполучникових складносурядних і складнопідрядних речень над реченнями безсполучниковими зумовила зближення відповідних смислових різновидів безсполучникових складних речень за суто семантичними (не граматичними) ознаками зі сполучниковими реченнями – складносурядними чи складнопідрядними», О. С. Мельничук доходить висновку, що й у цьому випадку «...цілковите ототожнення багатьох прикладів безсполучникових складних речень з певними синтаксичними різновидами сполучникових складних речень, особливо складнопідрядних, виявляється неможливим» [7, с. 192].

Зусиллями багатьох дослідників була виявлена взаємозумовленість частин складносурядного речення. У визначенні складносурядних речень здебільшого спираються на автономний статус предикативних частин у його складі та наявність формально вираженого синтаксичного зв'язку між ними [5, с. 338]. «До категорії складносурядних речень належать речення, утворені з двох чи кількох частин, формально-тотожних простим реченням і пов'язаних сурядними сполучниками» [7, с. 194]. Вживання сурядного сполучника виступає основним формальним показником синтаксичної єдності складносурядного речення. Залежно від семантичного значення сполучника в складносурядних реченнях виявляються єднальні, зіставно-протиставні, розділові, приєднувальні та інші відношення. Г. Пауль приходить до обґрунтованого висновку, вважаючи, що «Єдино можливим трактуванням сурядності є підхід до нього як до такого типу зв'язку, при якому ... два речення взаємно визначають одне одне» [8, с. 176]. Про наявність взаємозв'язку сурядності й підрядності свідчать і так звані перехідні речення, у яких зв'язок між сурядністю і підрядністю настільки сильний, що часом визначити складну конструкцію як сурядну або підрядну досить складно. Унаслідок чого синтаксична рівноправність частин складносурядного речення нерідко буває суто зовнішнім, формальним, а за формальною підпорядкованістю підрядної частини складнопідрядного речення нерідко приховується її слабка залежність від головного речення, що засвідчує наявність відношень, які не укладаються в межі підпорядкування. З одного боку, ці факти виправдовують виникнення теорії перехідності, а з іншого, вони засвідчують недостатність існуючих критеріїв розмежування сурядності й підрядності.

Ще давньогрецькі вчені замислювалися над змістом речення, його аспектами та компонентами. В античний період було закладено низку понять, які використовують і сьогодні: суб'єкт, предикат, рема та ін. У середньовіччя коло синтаксичних питань продовжує розширюватись у зв'язку з розвитком філософських та логічних проблем. Під впливом логічної граматики Пор-Рояля в XIX–XX ст. у викладанні та дослідженні граматики французької мови закріпився логічний підхід, який наближується до аналізу за членами речення. Логічним постає трактування головних членів речення і у О. Х. Востокова, М. І. Греча, П. М. Перевлеського та інших лінгвістів того часу.

Тривалий час у синтаксичній науці панувало вчення про те, що стосовно речення необхідно розрізняти два аспекти: конструктивний (статичний) та комунікативний (динамічний) [1, с. 185]. Розглянуте в першому аспекті речення автономне й самодостатнє, усі його властивості пояснюються внутрішніми особливостями, його власною формальною будовою. Досліджене в другому аспекті речення виступає не само по собі, а як частина тексту, тобто в тому лінгвістичному та екстралінгвістичному контексті, в якому воно існує.

Отже, різні сторони будови речення виділялись як особливі аспекти вивчення в різний час. Виділення конструктивного (статичного) й комунікативного (динамічного) аспектів речення почалося в 20–40-і роки XX століття майже одночасно в працях вчених слов'янських країн. Найбільшого розвитку вчення про речення як комунікативну одиницю набуло в Празькій лінгвістичній школі і, у першу чергу, в чеського синтаксиста В. Матезіуса, якого справедливо вважають творцем комунікативного, або актуального, синтаксису. Найпізніше, тільки в другій половині XX ст., як особливий науковий об'єкт була виділена семантична структура речення.

Таким чином, проблема синтаксичних аспектів не є новою в науковій літературі, але й на сьогодні залишається дискусійною. Вона не раз висвітлювалась багатьма синтаксистами, але найбільш вичерпно розглянута в працях В. Г. Адмоні, І. Р. Вихованця, Н. В. Гуйванюк, А. П. Загнітка, І. Ербена, І. І. Слинька, Н. О. Слюсарєвої, Л. Теньєра та ін.

В. Г. Адмоні виділяє сім аспектів вивчення речення: 1) логіко-граматичний; 2) модально-афірмативний; 3) повноти речення, 4) місця речення в розгорнутому мовленні; 5) пізнавальної настанови мовця; 6) комунікативної мети речення; 7) ступеня його емоційності. І. Ербен – тільки формальну, або зовнішню структуру, та функціональну, або внутрішню структуру. Досить глибоко й повно система аспектів речення була описана Л. Теньєром. Характерна особливість його системи полягає в тому, що вона не залежить від конкретних мов і конкретних моделей речення, тобто носить універсальний характер. Великим доробком Л. Теньєра можна вважати те, що він відмежував семантичний аспект від синтаксичного. У межах синтаксису Л. Теньєр виділив чотири аспекти: 1) структурний; 2) лінійний; 3) категоріальний; 4) функціональний.

В. Г. Гак зазначає, що речення аналізується на трьох рівнях: семантичному, логіко-комунікативному, синтаксичному; В. В. Бабайцева виділяє чотири

аспекти: логічний, структурний, семантичний і комунікативний. І. Р. Вихованець вважає, що найпоказовішим у синтаксисі речення варто визнати тривимірний підхід, який полягає у виділенні формально-синтаксичної, семантико-синтаксичної та власне комунікативної структури речення [4, с. 49]. Н. О. Слюсарева виділяє чотири аспекти: логічний, структурний, актуальний, аналоговий (не комунікативний, а актуальний, тому що весь синтаксис у всіх його аспектах є втіленням комунікативної функції).

Ми вважаємо, що тільки чотиривимірний підхід дозволить у сукупності репрезентувати функціональний синтаксис, який трактує в широкому плані комунікативні можливості мови (комунікативний, логічний, семантичний, структурний).

Отже, сучасний рівень розвитку синтаксичної науки визначає необхідність комплексного вивчення складного речення з врахуванням структурного, семантичного, логічного та комунікативного аспектів.

Література

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
2. Бархударов Л. С. Проблема предложения в трактовке различных грамматических направлений / Л. С. Бархударов // Вопросы языкознания. – 1976. – № 3. – С. 89–101.
3. Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения / В. В. Виноградов // Вопросы грамматического строя. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – С. 396–418.
4. Вихованець І. Р. Граматика української мови. Синтаксис : підручник / І. Р. Вихованець. – К. : Либідь, 1993. – 368 с.
5. Загнітко А. П. Теоретична грамати́ка української мови : Синтаксис : монографія / А. П. Загнітко. – Донецьк : ДонНУ, 2001. – 662 с.
6. Колшанский Г. В. Текст как единица коммуникации / Г. В. Колшанский // Проблемы общего и германского языкознания : Сб. ст., посвященный Н.С.Чемоданову. – М. : МГУ, 1978. – С. 26–37.
7. Мельничук О. С. Розвиток структури слов'янського речення / О. С. Мельничук. – К. : Наук. думка, 1966. – 324 с.
8. Пауль Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М., 1960. – 500 с.
9. Петерсон М. Н. Очерк синтаксиса русского языка / М. Н. Петерсон. – М. ; Пг. : Госиздат, 1923. – 131 с.
10. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – Изд. 7-ое. – М. : Учпедгиз, 1956. – 511 с.
11. Поспелов Н. С. О грамматической природе сложного предложения / Н. С. Поспелов // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М. : Учпедгиз, 1950. – С. 321–327.
12. Русская грамматика. Т. 2 : Синтаксис / [Под ред. Е. А. Брызгуновой]. – М. : Наука, 1980. – 709 с.

НЕОБХОДИМОСТЬ МОДИФИКАЦИИ КЛАССИЧЕСКИХ СХЕМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА

Емельяненко Анна Владимировна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего языкознания и истории языка им. Е. С. Отина
Донецкий национальный университет

Емельяненко Артём Вадимович,
руководитель отдела копирайтинга
ООО «Стади Групп»

Алгоритм лингвистического анализа сегодня воспринимается студентами и школьниками как стандартная тривиальная схема. Те схемы анализа, которые мы находим в хрестоматийных трудах по лингвистике текста ([4, 7, 8, 11 и т. д.]), безусловно, представляют большинство критериев, необходимых для получения исчерпывающей лингвистической характеристики исследуемых феноменов. Однако XXI век – время стремительного технического прогресса: современное общество генерирует новые сферы труда, которые обуславливают некоторую смену ракурса изучения лингвистических объектов. Классические алгоритмы текстового анализа в полной мере отвечают запросам теоретиков лингвистики, однако практические потребности современного общества учтены не в полной мере: не достаточно чётко определен арсенал невербальных средств текста, которые необходимо рассматривать во время лингвистического анализа; в традиционных схемах анализа отсутствует характеристика оригинальности исследуемого текста (а проблема плагиата и борьбы с ним на сегодня все еще не находит окончательного решения).

Всё сказанное определяет актуальность нашего исследования.

Объект исследования – алгоритм лингвистического анализа текста. Предмет исследования – новые параметры, которыми следовало бы расширить классический алгоритм лингвистического анализа текста.

Цель работы – исследование потенциальных дополнительных параметров лингвистического анализа текста.

Задачи исследования:

- выбрать базовый алгоритм целостного лингвистического анализа текста;
- установить, какими дополнительными параметрами необходимо расширить этот классический алгоритм в соответствии с практическими запросами современного общества.

Классическая схема анализа учитывает разнообразные текстовые параметры. Например, Т. А. Ещенко в схеме целостного лингвистического анализа текста рассматривает такие характеристики: 1) тип текста (структурный, функционально-стилистическое назначение, жанровая специфика и т. п.); 2) языковые средства выражения целостности текста; 3) средства выражения дискретности; 4) характеристика интеграции текста

графическими средствами; 5) характеристика интеграции текста фонетическими средствами; 6) своеобразие интеграции текста лексическими средствами; 7) характеристика морфологических средств; 8) характеристика синтаксических средств; 9) характеристика категории связности текста; 10) реализация категории информативности в тексте; 11) выражение категорий адресантности / адресатности; 12) репрезентация категории референции; 13) специфика текстового континуума; 14) роль интертекстуальности анализируемого текста; 15) идея (концепт) текста; 16) логическая и языковая доминанты текста; 17) индивидуально-авторские языковые средства; 18) вывод про уместность языковых средств, несущих смысловую и экспрессивную нагрузку [7, с. 235–238]. Взяв за основу алгоритм Т. А. Ещенко, дополним его собственными модификациями.

Во-первых, необходимостью является учет функциональных **характеристик невербального текстового кортежа**. Это обусловлено возрастающей потребностью в генерации текстов с мощным аттрактивным потенциалом. Например, при подборе наполнения для сайтов контент-менеджеры стараются сопровождать тексты иллюстрациями, а также подбирать соответствующее шрифтовое оформление, т. к. именно визуальный компонент делает сайт более привлекательным при первичном ознакомлении. Т.А. Ещенко предлагает в четвертом пункте своей схемы такой параметр как «характеристика интеграции текста графическими средствами», к которому она относит: а) пунктуационные средства (точка, знак вопроса, скобки и под.); б) печатные средства (фигурное расположение строк, разные шрифты и т.п.) [7, с. 235]. Мы же считаем необходимым расширить арсенал анализируемых невербальных средств: в) для устных текстов необходимо добавить такой параметр как кинемы (мимика и жесты); г) для текстов, генерированных в Интернете, – аудиальные средства (сопровождающие вербальный компонент звуковые вложения, которые не являются его воспроизведением, но дополняют его – музыка, звуки природы и т.п.); д) гиперссылки как невербальный компонент креолизованного текста. Впрочем, последние при необходимости могут быть проанализированы в девятом пункте – «характеристика категории связности текста» [7, с. 237].

Во-вторых, предлагаем расширить схему целостного лингвистического анализа таким параметром, как **оригинальность текста**. Ещё актуальнее, чем в XX веке, перед нами стоит проблема защиты авторских прав. Учет такого параметра как оригинальность текста помогает объективнее определять художественную и научную ценность анализируемых лингвистических объектов. Отчасти этот параметр коррелирует с четырнадцатым пунктом алгоритма Т. А. Ещенко. Однако в данном случае автор больше сосредоточен на тех аспектах, которые являются синкретичными для лингвистического и литературоведческого анализа (цитаты, аллюзии, пародирование, жанровая связь текстов и т. п. [7, с. 237]). Но поскольку речь идет именно о лингвистическом анализе текста, то уместным будет наряду с параметром интертекстуальности анализировать и собственно оригинальность текста – тот

аспект, который часто является ключевым при определении качества работы рерайтеров / копирайтеров. Рерайтинг и копирайтинг представляют собой способы генерирования текстов. Первый является переписыванием чужого текста своими словами; второй – написанием оригинального, соответственно, более ценного текста. Этот же параметр влияет на оценку разных типов научных работ. Так, на специальном сайте «Антиплагиат», загрузив анализируемый файл, можно узнать процент оригинальности, заимствований, цитат. На главной странице системы находим такую вводную информацию: «Необходимость такой проверки чаще всего возникает при анализе учебных работ учащихся: школьников старших классов, студентов, аспирантов, соискателей. Другой, не менее важной областью использования системы является анализ научных работ: статей, диссертаций, монографий. В качестве основного инструмента анализа документа в системе «Антиплагиат» предлагается полный отчет о проверке на заимствования, содержащий ранжированный список обнаруженных источников заимствований и полный текст проверяемого документа, в котором особым образом выделены заимствованные фрагменты текста. Полный отчет содержит функциональность, позволяющую исследовать и квалифицировать каждый заимствованный фрагмент текста» [10]. Существует ряд аналогичных систем онлайн-проверки: <http://text.ru>, <http://www.content-watch.ru> и под.

Итак, схема целостного лингвистического анализа текста Т. А. Ещенко может быть расширена следующим образом:

- в четвертом пункте лингвистического анализа необходимо рассматривать: а) пунктуационные средства; б) печатные средства; в) кинетические средства; г) аудиальные средства; д) гиперссылки. Тогда и сам параметр (равно как и соответствующий ему пункт) следует именовать «характеристика интеграции текста невербальными средствами»;

- дополнительным параметром анализа следует ввести характеристику оригинальности текста; возможные подпараметры: оригинальный текст (показатель оригинальности в процентах) / рерайт (процент оригинальности / заимствований / цитат).

Таким образом, введение новых параметров в классические схемы лингвистического анализа текста расширит филологический кругозор аспирантов и преподавателей, позволит углубить знания студентов в области прикладной лингвистики, а также поможет в будущем стать квалифицированными специалистами (копирайтерами, контент-менеджерами, редакторами и т. д.), способными отличить оригинальный текст от неоригинального, а при необходимости – защитить авторские права.

Предполагаемая **перспектива исследования** – как можно подробнее изучить новые параметры, которыми необходимо расширить традиционную схему лингвистического анализа текста, т.к. мы планируем подготовку сборника упражнений по лингвистике текста, который будет включать задания, рассчитанные на применение таких модифицированных схем анализа текста.

Литература

1. Алексеев Ю. Г. Креолизованный текст в межкультурной коммуникации (на матер. этнопсихолингвистического эксперимента) / Ю. Г. Алексеев // Уч. записки УлГУ. Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. Серия «Лингвистика». – Вып. 1 (6). – Ульяновск, 2001. – С. 58–65.
2. Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. – 1992. – № 1. – С. 71–79.
3. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст : аспекты изучения / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. – 2006. – Вып. 20. – С. 180–189.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 140 с.
5. Головина Л. В. Креолизованный текст : закономерности построения / Л. В. Головина // Речевое общение : цели, мотивы, средства. – М. : Логос 1985. – 188 с.
6. Дедова О. В. Графическая неоднородность как категория гипертекста // Вестник Московского университета. Филология. – 2002. – № 6. – С. 91–103.
7. Єщенко Т. А. Лінгвістичний аналіз тексту : навчальний посібник / Т. А. Єщенко. – К. : ВЦ «Академія», 2009. – 264 с.
8. Загнітко А. П. Лінгвістика тексту / А. П. Загнітко. – Донецьк : ДонНУ, 2006. – 289 с.
9. Ищук М. А. Гетерогенный текст : функции его составляющих / М. А. Ищук // Вестник ТвГУ, 2008. – Вып. 13 – С. 176–182.
10. О системе «Антиплагиат» / АНТИПЛАГИАТ // URL: <https://www.antiplagiat.ru>.
11. Радзієвська Т. В. Текст як засіб комунікації / Т. В. Радзієвська. – К. : Наук. думка, 1993. – 192 с.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ АНГЛИЗМОВ В УКРАИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ БАНКОВСКОГО ДЕЛА

Зенина Анастасия Владимировна,
кандидат филологических наук,
ст. преподаватель кафедры украинской
филологии и прикладной лингвистики
Донецкий национальный университет

Взаимодействие двух языков, как прямое, так и опосредованное, часто стимулирует переход элементов из одного в другой. Такие иноязычные слова, без сомнения, способствуют осовремениванию, а также расширению границ выразительных средств языка-реципиента, однако пока ещё не являются частью его основного вокабуляра. Стоит отметить, что указанное явление охватывает не только общеупотребительную лексику, но и специальную терминологию, в том числе банковскую. Поэтому для нас принципиально важно дифференцировать момент перехода «чужого» компонента в систему заимствующего языка, тем самым выделив начальную степень освоения в нём иноязычного слова. В данном исследовании *предметом* анализа является фонетический и графический уровень освоения англизмов в банковской терминологии современного украинского литературного языка.

Цель статьи состоит в том, чтобы установить особенности процесса фонетико-графической адаптации английских заимствований в терминологии украинского банковского дела. Реализация поставленной цели предусматривала решение таких *задач*: 1) конкретизировать лингвистическую природу понятия адаптации; 2) охарактеризовать способы передачи фонетической оболочки иноязычного банковского термина.

Методология исследования включала использование синхронно-описательного метода, метода лингвистического наблюдения с элементами фонетического анализа.

I. Общие положения. Анализ языка с точки зрения его происхождения позволяет выделить две группы слов – иноязычные (неадаптированные) и коренные, в данном случае исконно украинские. Иными представляются заимствованные слова, или же заимствования, которые уже освоились на всех уровнях языка-реципиента. На современном этапе в качестве базового источника для заимствования превалирует английский язык, язык международной коммуникации, ведущих информационных технологий.

В лингвистике с целью идентификации характерных изменений, каковые происходят в иноязычном слове в новом языковом контексте, последовательно используются термины *адаптация*, *ассимиляция* [2; 3; 6; 7; 9]. Первичное их употребление отсылает к области исследований по биологии и этносоциологии, где они передают идею слияния, вовлечения чего-либо в иную среду. Второй из них уже как языковедческий термин представляет собой инвариантное наименование артикуляционного уподобления звуков в пределах слова или

словосочетания. В качестве рабочего ми принимаем термин *адаптация*, то есть *усвоение, приспособление*, поскольку, во-первых, полностью исключаем возможность возникновения явления полисемии внутри системы отраслевого терминологического аппарата; во-вторых, изменения общеупотребительных иноязычных слов согласно нормам украинского языка не предполагают нивелирования их интернациональной природы – формальная оболочка остаётся непрозрачной и поэтому усложняет понимание их значения.

Среди учёных распространено мнение о том, что терминологические заимствования, лексемы которых закреплены письменно, более ценны в межнациональной научной коммуникации, чем те, которые функционируют лишь в устной речи, так как «интернациональность внешней формы помогает быстро понять слова лицам, незнающим язык» [1, с. 116]. Однако процесс усвоения иноязычных слов-терминов всё же происходит синхронно с изменением их фонетико-графической репрезентации. Её мы определяем как *первый этап адаптации* таких единиц к системе языка-реципиента, которая предусматривает «максимальное приближение звуковой формы заимствованного слова к звуковой форме коренных единиц» [7, с. 6].

II. Фонетическая адаптация. Обобщив существующие концепции [5; 12; 13], можно выделить три варианта передачи фонетической оболочки иноязычного банковского термина: *транскрипция, транслитерация, смешанное транскодирование*. По мнению В.И. Карабана, предложенные способы перевода являются видовыми по отношению к более общему – транскодированию, сочетающему их признаки [5, с. 21].

В контексте программы международной унификации терминов кириллических языков, в частности украинского, а также в научно-учебных целях *транскрипция* (от лат. *transcribo* – «переписывать», «копировать») представляет наиболее удачный и в то же время закономерный способ сохранения оригинального произношения, когда похожими звуками языка перевода в буквенной форме или комбинацией звуков передаётся первичное звучание слова-термина («фонетическая субституция» [7, с. 6]).

Несмотря на существенное отличие в количественно-качественном составе как гласных, так и согласных фонем в английском и украинском языках, с одной стороны, и расхождение в произношении и правописании слов в самом английском, с другой, транскрибированные банковские термины-англизмы формируют значительную часть всего обработанного нами материала: *break* – *брейк*, *cash* – *кеш*, *cheque* – *чек*, *float* – *флоут*, *futures* – *ф'ючерс*, *invoice* – *інвойс*, *outright* – *аутпрайт*, *royalty* – *роялті*, *prime-rate* – *прайм-рейт*, *shipment* – *шипмент*, *sleep* – *сліп*, *swap* – *свон*, *trust* – *траст*, *upgrade* – *апгрейд* и т.д.

Альтернативным способом воспроизведения английских звуков и характерных звуко сочетаний является *транслитерация*, то есть их передача буквами украинского языка. В монографии Р. П. Зоривчак он рассматривается в качестве возможного, но не желательного, особенно применительно к английскому языку, поскольку в данном случае приоритет отдаётся графическим средствам заимствующего языка. В целом транслитерация не

способствует восприятию «настоящего звучания слов исходного языка, а часто даже искажает» его [4, с. 93]. Кроме того, исследовательница акцентирует внимание на факультативности транслитерации по отношению к транскрипции. На наш взгляд, такое утверждение актуально только на материале онимной лексики, которая и послужила основой анализа. Наоборот, в современной украинской банковской терминологии транслитерация помогает ускорить процесс адаптации иноязычных терминов.

В терминологии А. В. Суперанской параллельно с термином транслитерация функционирует ещё один – практическая транскрипция, обозначающий «способ передачи слов одного языка средствами обычной графики и орфографии другого языка в практических целях... и включение их в письменный текст последней» [10, с. 3, 42]. Транслитерация, констатирует лингвист, имеет ограниченную сферу реализации, применяясь исключительно для передачи текстов мёртвых языков, более доступной передачи сложной письменности некоторых живых языков, а также с целью передачи имён собственных, непереводаемых слов живых языков лишь в отдельных случаях интенсификации международных контактов [10, с. 33]. Иными словами, транслитерация не предназначена для актуализации в повседневной письменной коммуникативной практике в отличие от практической транскрипции (комбинирует приближение к графике исходного языка и демонстрирует произношение), а представляет собой запись английского слова, предусматривающую априорное знание правил орфоэпии языка-источника.

Таким образом, анализ терминов-англизмов банковского дела указывает на последовательное использование транслитерации как одного из возможных способов фонетической адаптации таких единиц в украинском языке: *assure* – асюре, *barter* – бартер, *developer* – девелонер, *distributor* – дистриб'ютор, *dividend* – дивиденд, *floating* – флоатинг, *floor* – флор, *forward* – форвард, *marketing* – маркетинг, *overdraft* – овердрафт, *performer* – перформер, *rally* – ралі, *tender* – тендер, *warrant* – варант и под.

Решение проблемы выбора или соотношения двух полноценных способов передачи иноязычных слов средствами украинского языка сохраняет свою актуальность и в современной лингвистике. Как доказательство активно применяется такой, казалось бы, маргинальный вид транскодирования, как смешанное транскодирование.

Смешанное транскодирование предполагает использование при передаче иноязычного слова-термина принципов транскрипции с элементами транслитерации. Среди банковских терминов, зафиксированных таким способом, следует назвать: *around* – араунд, *benchmark* – бенчмарк, *chart* – чарт, *dealer* – дилер, *export* – експорт, *forex* – форекс, *franchising* – франчайзинг, *leasing* – лізинг, *outsider* – аутсайдер, *overnight* – овернайт, *writer* – райтер и др.

К указанной разновидности транскодирования мы относим также заимствованные термины, в которых транслитерированная форма полностью совпадает с оригинальным произношением, когда основные способы передачи

аутентичной фонетической структуры – транскрипция и транслитерация – наложены друг на друга. Это преимущественно простые односложные слова, не вызывающие трудности в правописании и устном воспроизведении: *ger* – *gen*, *trend* – *тренд*, *split* – *сплит*, *spot* – *спот*, *spred* – *спред*, *strip* – *стрип*, *swing* – *свинг*.

Часто термины-англизмы в кириллической репрезентации маркированы показателями их принадлежности к категории рода за счёт присоединения флексий (для женского рода) и отсекаания конечного *e* (для мужского / женского): *bank-note* – *банкнота*, *derivative* – *дериватив*, *interchange* – *інтерчейндж*, *televoice* – *телевойс* и др.

В целом для транскодированных слов-терминов характерна ещё одна показательная особенность. Закреплённые на письме двойные согласные в английских словах, как правило, во время произношения, в отличие от гласных, сливаются в одну фонему, или же их долгота носит факультативный характер. Однако, попадая в новое языковое окружение, они чаще всего представлены одним звуком и, соответственно, одной фонемой: *billing* – *білінг*, *embossing* – *ембосінг*, *jobber* – *джобер*, *lobby* – *лобі*, *netting* – *нетинг*, *rally* – *ралі*, *rollover* – *роловер*, *tolling* – *толінг*, *skimming* – *скімінг*. По нашему мнению, это говорит о подражании, прежде всего, произношению оригинала, что является продолжением традиции передавать именно фонемный состав слова; во-вторых, согласно современному украинскому правописанию имён нарицательных иноязычного происхождения, согласные обычно не удваиваются [11, с. 99].

Вариантные формы фиксации английских согласных свидетельствуют о начальной степени адаптации к фонетической системе украинского языка и действии этимологического фактора правописания, по И. В. Нечаевой [8, с. 14]: *underrating* – *андеррайтинг* / *андерайтинг*; *accounting* – *еккаутинг* / *екаутинг*; *warrant* – *варрант* / *варант* и др.

Проанализированный материал позволяет сделать выводы относительно тенденций обновления состава украинской национальной терминологии банковского дела, а также способов адаптации к системе последней заимствований-англизмов. Кроме того, полученные результаты могут быть применены в процессе орфографической кодификации таких единиц в современном украинском языке, их лексикографической интерпретации.

На современном этапе вхождение иноязычных слов в систему украинской банковской терминологии характеризуется рядом изменений. Речь идёт о фонетиком преобразовании внешней оболочки единиц-англизмов. К основным способам фонетической адаптации английских заимствований относятся транскрипция как доминирующий, транслитерация и смешанное транскодирование.

Литература

1. Акуленко В. В. Интернациональные элементы в лексике и терминологии / В. В. Акуленко. – Харьков : Вища шк. Изд-во при Харьк. ун-те, 1980. – 208 с.

2. Аристова В. М. Англо-русские языковые контакты (англизмы в русском языке) / В. М. Аристова. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. – 151 с.
3. Архипенко Л. П. Іншомовні лексичні запозичення в українській мові: етапи і ступені адаптації (на матеріалі англіцизмів у пресі кінця ХХ – початку ХХІ ст.) / Л. П. Архипенко : Автореф. дис. канд. філол. наук: 10.02.01 / Харк. нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна. – Х., 2005. – 20 с.
4. Зорівчак Р. П. Реалія і переклад : на матеріалі англомовних перекладів укр. прози / Р. П. Зорівчак. – Львів : Вид-во при Львів. держ. ун-ті, 1989. – 215 с.
5. Карабан В. І. Переклад англійської наукової і технічної літератури : Підручник / В. І. Карабан. – Вінниця : Нова кн., 2001. – Ч. 2. – 302 с.
6. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – М. : Наука, 1968. – 208 с.
7. Лелека Т. О. Особливості англоамериканських запозичень в українській і російській мовах початку ХХІ століття на тлі процесу контактування мов : (на матеріалі словників та мови ЗМІ) / Т. О. Лелека : Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.15 / Нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова. – К., 2010. – 19 с.
8. Нечаева И. В. Актуальные проблемы письменной адаптации иноязычных заимствований / И. В. Нечаева : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – Москва, 2008. – 30 с.
9. Сосніна Л. В. Адаптація англійської онімної лексики в російській мові другої половини ХХ – початку ХХІ століття / Л. В. Сосніна : Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.02 / Дніпропетр. нац. ун-т. – Донецьк, 2005. – 19 с.
10. Суперанская А. В. Теоретические основы практической транскрипции / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1978. – 283 с.
11. Український правопис / Ін-т мовознав. ім. О. О. Потебні ; Ін-т укр. мови. – К. : Наук. думка, 2007. – 286 с.
12. Федорець С. А. Англійські запозичення в мові сучасної української реклами / С. А. Федорець : Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / Харк. нац. пед. ун-т ім. Г. С. Сковороди. – Х., 2005. – 18 с.
13. Щерба Д. В. Засоби запозичення та асиміляції англомовних комп'ютерних термінів / Д. В. Щерба // Вісник Житомир. держ. ун-ту. – 2004. – № 17. – С. 260–262.

РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКИЙ СУРЖИК ЯК ПРОБЛЕМА МОВЛЕННЯ СУЧАСНИХ ШКОЛЯРІВ ДОНЕЧЧИНИ

Ільїна Наталія Олександрівна,
учитель української мови та літератури,
заступник директора з навчально-виховної роботи
Донецька загальноосвітня школа І-ІІІ ст. №140

Реальна соціально-мовна ситуація в Донецькій Народній Республіці характеризується двомовністю, білінгвізмом. Це явище, сутність якого полягає у співіснуванні і взаємодії двох мов у межах одного мовного колективу. Людина, яка здатна використовувати в ситуаціях спілкування дві різні мовні системи, – *білінгв*, а сукупність відповідних умінь – *білінгвізм* (двомовність).

Вважають, що взаємодія мов призводить до їхнього взаємозбагачення. Однак у випадку з близькоспорідненою двомовністю ця взаємодія частіше має негативні наслідки, оскільки спричинює несвідоме змішування в мовленні різних мовних систем, а відтак – збільшує кількість помилок у використанні обох мов. Це явище характерне для мовної ситуації в Донбасі.

Викладаючи українську мову в школі з російською мовою навчання, переконуєшся, що в усному мовленні школярів (як, зрештою, і всього населення Донеччини) переважає суржик. *Суржик* (від назви *суржик* – «хліб з борошна суміші різних видів зерна, наприклад, пшениці та жита») – недостатньо вивчене мовне утворення, що містить елементи української мови в поєднанні з російською, розповсюджене на території донецького краю.

Поява «суржику» обумовлена «накладенням» у мові білінгва норм рідної мови на норми другої. При цьому мовець-дитина не усвідомлює, що говорить суржиком, їй здається, що вона говорить українською (рідна мова російська) [2]. Наприклад: «*всьо равно, якою мовою*», «*какой*», «*канєшно*», «*панятне дело*», «*ответь*», «*ехать в город*», «*ти поняв, што сказав*», «*следующий*», «*любє питання*», «*виключиш світло*», «*закрий двері*» і под. Некритичне, необ'єктивне сприйняття власної мови школярами ускладнює викорінення помилок, які можна пояснити білінгвізмом.

У мовленні дітей і учнівської молоді спостерігається вимова за російським зразком *дев'ятка*, *м'ясо*, *п'ять* замість *дев'ятка*, *м'ясо*, *п'ять* із твердими губними та збереженням *й* перед голосними, що на письмі позначається апострофом (*дев'ятка*, *п'ять*, *м'ясо*).

Рідко хто з учнів уміє правильно вимовляти африкати – зімкнено-щілинні [дж], [дз], яких немає в російській мові: їх або підміняють відповідно звуками [ж], [з], або розщеплюють на компоненти: *ствержую*, *позвони*. Ненормативною є м'яка вимова шиплячого *ч*: *плачь*, *часто*, *чобіт*, *пальчик*. Це руйнує милозвучність української мови.

Багато учнів, не засвоївши правила чергування *о*, *е* з *і*, у закритому складі вимовляють *о*: *горка*, *ножка* замість *гірка*, *ніжка*, зате у відкритому складі з'являється *і*: *дозвілу*, *лебідя* замість *дозволу*, *лебеда*.

У коренях власних назв, зокрема прізвищ, теж трапляються помилки в чергування голосних: *Бовкіта, Білозіра замість Бовкота, Білозора*. Деякі українські імена перекидають на російський лад: *Ілья, Омелян, Ульяна, Татьяна* замість *Ілля, Омелян, Уляна, Тетяна*.

У вимові дієслів трапляються такі помилки: *смієшся, сміються* замість *смієся, сміюця*.

Багато проблем у школярів виникає з використанням кличного відмінка іменників. В українській мові він є окрасою мови, а в нашому краї його заміняють під впливом російської на називний: *мама, тато, Андрій, Василь, Ігор, Олег, Петро, Микола, Оксана, Галя, Надя, Оля* замість *мамо, тату, Андрію, Василю, Ігоре, Петре, Миколо, Оксано, Галю, Надю, Олю*.

Нерідко рід і число іменників копіюють за російським зразком:

гостра біль – гострий біль

нова посуда – новий посуд

шкільна ярмарка – шкільний ярмарок

величезна собака – величезний собака

дерев'яна мебель – дерев'яні меблі.

Ще більше помилок у мовленні виникає при відмінюванні складних числівників: *урожай зібрали на п'ятидесяти шести гектарах*, а треба: *на п'ятдесяти шести*; *на шестидесятій хвилині*, а треба: *на шістдесятій*; *посадили близько семидесяти дерев*, а треба: *сімдесяти*.

При дробових числівниках часто іменник ставлять у називному відмінку замість правильного родового: *дві цілих і п'ять десятих метри* (замість *метра*), *два кілограма* (*кілограми*), *півтори мільйони* (*півтора мільйона*).

Школярі часто порушують акцентологічні норми, вимовляючи:

відомість замість *відомість*

ненавидіти замість *ненавидіти*

новий замість *новий*

одинадцять замість *одинадцять*

спина замість *спина*.

Є багато помилок у вживанні прийменників у словосполученнях, в узгодженні слів:

чому тебе вчили в школі – чого тебе вчили в школі

знущатися над – знущатися з

розмовляти на різних мовах – розмовляти різними мовами

опалі листя – опале листя

дякувати вас – дякувати вам.

Засмічують мову школярів і слова-паразити. Як правило, це вставні слова, що не несуть смислового навантаження: *ну, значить, взагалі, розумієш, слухай, власне кажучи, як це, так-то*. Надмірне вживання їх у мовленні не тільки псує її, а й робить висловлювання беззмістовним. Чистота мовлення – це його краса й ознака культури кожної людини.

Культура мовлення – це духовне обличчя людини. Вона свідчить про загальний розвиток особистості, ступінь прилучення її до духовних багатств

рідного народу й надбань усього людства. Основою мовленнєвої культури є грамотність, тобто дотримання загальноприйнятих літературних норм у користуванні лексичними, фонетичними, морфологічними, синтаксичними і стилістичними засобами мови. Отже, активна робота над викоріненням у мовленні школярів помилок, спричинених білінгвізмом, має тривати упродовж вивчення усього курсу української мови в школі.

Література

1. Білоусенко П. І. Мовознавчі студії в школі / П. І. Білоусенко. – Запоріжжя : Хортиця, 2002. – 39 с.
2. Вайнрайх У. Однойзычие и многоязычие (Новое в лингвистике) / У. Вайнрайх. – М., 1972. – Вып. 6. Языковые контакты. – С. 25–60.
3. Дешериев Ю. Д. Основные тенденции функционирования и развития национально-русского двуязычия / Ю. Д. Дешериев // РЯвНШ. – 1978. – № 2. – С. 26–32.
4. Дроздовський Д. Між мовою і язиком : колообіг одвічних проблем [Електронний ресурс] / Д. Дроздовський // Режим доступу: <http://slovoprosvity.org/2011/02/22>
5. Дронов В. В. «Суржик» как форма существования русско-украинского языка / В. В. Дронов, Ю. В. Ковалев // Вестник РУДН, сер. Русский язык нефилологам. Теория и практика. – М., 2006. – № 7. – С. 149–155.
6. Ковалев В. И. Суржик и актуальные проблемы коммуникативной культуры / В. И. Ковалев // Вісник ЛНУ ім. Тараса Шевченка. – 2011. – №15 (226), Ч. II. – С. 20–25.
7. Корницька Г. Г. Українська мова / Г. Г. Корницька. – Харків : Ранок, 2002. – 174 с.
8. Кудрявцева Л. А. О новом русском просторечии и его месте в системе национального языка / Л. А. Кудрявцева // Русский язык, литература, культура в школе и вузе / ред. Л. А. Кудрявцева. – К., 2005. – №1. – С. 42–47.
9. Кудрявцева Л. А. Функционирование русского языка в украинской языковой среде / Л. А. Кудрявцева // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. – М., 2003. – №3.
10. Масенко Л. Суржик як соціолінгвістичний феномен / Л. Масенко // Дивослово. – 2002. – № 3. – С. 11–13.
11. Мельков А. Проблема двуязычия на Украине : историко-филологический аспект / А. Мельков // Политический класс. – Апрель, 2006. – № 4 (16). – С. 45–48.
12. Ставицька Л. Короткий словник жаргонної лексики української мови / Л. Ставицька // Мовознавство. – 2004. – № 2–3. – С. 92–94.
13. Ставицька Л. Слово про мову : [жаргонний лексикон] / Л. Ставицька // Дивослово. – 2003. – № 1. – С. 20–23.
14. Ставицька Л. Суржик : міф, мова, комунікація / Леся Ставицька, Володимир Труб // Українсько-російська двомовність. Лінгвосоціологічні

аспекти : Зб. наук. пр. / За заг. ред. Л. Ставицької ; Ін-т укр. мови НАН України. Відділ соціолінгвістики. – К. : ПУЛЬСАРИ, 2007. – С. 31–120.

15. Шевельов Ю. Двомовність і вульгаризми / Ю. Шевельов. – Харків, 1996. – 11 с.

КЛАССИФИКАЦИЯ БУКВЕННЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Карпенко Валерия Алексеевна,
студентка IV курса филологического факультета

Кисель Виктория Сергеевна,
ассистент кафедры теории и практики перевода
Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

В 1979 г. Дэн Сяопином была проведена «политика реформ и открытости внешнему миру», после которой вскоре началось повсеместное использование иностранных слов в журнальных, газетных текстах, рекламе, теле- и радиоэфире, эти слова в речи носителей китайского языка стали неотъемлемым признаком современного мышления и образа жизни. Именно с этого времени можно говорить о формировании особого – буквенного – пласта китайской лексики и о буквенном этапе её развития.

Сейчас одним из основных источников проникновения, заимствуемых и образования собственных буквенных слов служат материалы всемирной электронной сети Интернет.

Итак, что такое буквенные слова:

Буквенные слова (字母词 zìmǔcí) – это слова современного китайского языка, записываемые либо полностью буквами иностранных (преимущественно латинского) алфавитов, либо с их участием.

Хотелось бы отметить, что буквенные слова проникли во все функциональные стили китайского языка: в разговорно-бытовой, публицистический, научный.

Возвращаясь к истокам реформирования современного китайского языка, нельзя не вспомнить выдающегося китайского писателя прошлого столетия Лу Синя и его знаменитого персонажа 阿Q (А-Кью) Пример №1. Именно 阿Q долгое время оставался единственным примером слова-метиса в китайском языке.

Как правило, к буквенным словам относят:

1) заимствованные буквенные слова, заимствованные аббревиатуры, а также некоторое количество не сокращенных иностранных слов, которые употребляются в китайском языке (преимущественно китайской молодежью), в их полной буквенной записи, как и в языке источнике;

2) некоторое количество собственно китайских буквенных образований, созданных в Китае на основе фонетического алфавита пиньинь. Все они представлены в языке аббревиатурами;

3) буквенные слова (как аббревиатурные, так и не сокращенные) в сочетании с китайскими иероглифическими компонентами (в китайском языкознании такие образования получили названия «слова-метисы») и другие...

Итак, рассмотрим образование буквенных слов с помощью аббревиатур:

1. Аббревиатуры иностранных слов:

WTO – *World Trade Organization* «Всемирная торговая организация»

ATM – *autonomic transfer machine* «банкомат»

2. Буквенные образования, созданных в Китае на основе фонетического алфавита пиньинь, все они представлены в языке аббревиатурами.

При рассмотрении особенностей прочтения собственно китайских буквенных аббревиатур выделено три способа прочтения:

а) в соответствии с китайским прочтением слогов полных китайских слов:

GG = 哥哥 *gēgē* «старший брат»;

RPWT = 人品问题 *rénpǐn wèntí* «неудача (с вмешательством нечистой силы), необъяснимый провал»;

б) в соответствии с английскими названиями букв аббревиатуры, т. е. слогами

английского языка:

HSK (汉语水平考试 *hànyǔ shuǐpíng kǎoshì* «экзамен на знание китайского языка»)

в) чтение некоторых пиньинь-аббревиатур колеблется:

GB 国标 *guóbiāo* «государственный стандарт»

3. Буквенные слова (как аббревиатурные, так и не сокращенные) в сочетании с китайскими иероглифическими компонентами («слова-метисы»).

Образование подобной лексики происходит за счёт использования трёх основных словообразовательных способов китайского языка:

а) с использованием аффиксации и полуаффиксации:

三G手机 («мобильные телефоны третьего поколения» = 三 *sān* «три» + *Generation* «поколение» + 手机 *shǒujī* «мобильный телефон») и др. Примеры: e-化 = «электронизация» (*e* = *electronic* «электронный», кит. суффикс 化 *huà* «-изация»); R 界 (*jiè*) = сфера так называемых «ролевых» компьютерных игр (*R* = *role* «роль», кит. полусуффикс 界 *jiè* «мир, общество, среда»).

б) путём словосложения по основным словообразовательным моделям китайского языка, когда к буквенным словам присоединяются китайские иероглифические компоненты, например: DVD 机 (*jī*) = проигрыватель DVD = DVD (*digital video disk* «цифровой видео-диск») + 机 *jī* «механизм, устройство»;

call 台(tái) «*телефонный центр (в гостинице, крупной компании)*» = *to call* «*звонить*» + 台tái «*возвышение, стойка, трибуна, прилавок*».

Помимо двухкомпонентных сложных слов-метисов, построенных по атрибутивной модели, в китайском языке образуются усложнённые структуры с добавлением иероглифического компонента – числительного, либо полуаффикса. При этом числительное выступает в качестве определения к буквенному компоненту, например: 三S 系统 (sān S xìtǒng) «*система общественной поддержки*» = 三sān «*три*» + “S” society support system «*система поддержки общества*» + 系统xìtǒng «*система*»; 后PC时代 (hòu PC hídài) «*пост-компьютерная эпоха*» = 后hòu «*пост-*» + PC personal computer «*персональный компьютер*» + 时代shídài «*эпоха*».

в) за счёт конверсии. Конверсия – это словообразование путем перехода основы в другую парадигму словоизменения. Конверсия затрагивает как аббревиированные, так и полные буквенные заимствования. В случае конверсии буквенные аббревиатуры переходят в разряд глаголов. Буквенные глаголы, образованные по конверсии или заимствованные в полном написании, демонстрируют способность употребляться с китайскими показателями однократности действия (– 次yīcì, – 次yīcì) и китайскими видовременными суффиксами, например: 昨夜他们卡拉OK了–次(zuóyè tāmen kǎlāOK le yīcì) «*вчера они пели караоке*» («*караоке*», употреблённое здесь в глагольном значении,

оформлено видовременным суффиксом 了le – показателем перфектности; – 次yīcì «*один*

раз, разок» - показатель однократности действия); а также такой пример как: T恤(xù) – (T-shirt «*футболка*»);

Как мы видим, существует множество разновидностей буквенных слов в китайском языке, и каждый из видов строится по-разному.

Китайцев привлекает необычность, выразительность и лаконичность цзыму цы. Именно этим объясняется увеличения их количества в современном китайском языке, рост частоты их употребления.

Литература

1. Маркина К. А. Особенности фонологической интерференции заимствованных буквенных слов в современном китайском языке / К. А. Маркина // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 65, 2006. – № 6. – С. 45–48.
2. Словарь буквенных сокращений. 字母词词典/刘涌泉编著。 – 上海：上海辞书出版社，2001.
3. Солнцева Н. В. Некоторые проблемы неологизмов / Н. В. Солнцева // Китайское языкознание. Изолирующие языки. – М., 2002. – С. 231–234.

4. Сухина Ю. С. Характер иностранной лексики в современном китайском языке / Ю. С. Сухина // Вестник АмГУ. Благовещенск, 2006. – С. 47–49.

ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОДЫ М. В. ЛОМОНОСОВА «ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ»

Касьяненко Наталья Евгеньевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего языкознания и истории языка им. Е. С. Отина
Донецкий национальный университет

Несмотря на то, что в последнее десятилетие все чаще ведут речь о *концептуальном* анализе художественного произведения (см., например, [2]), ведущим типом разбора последних продолжает оставаться лингвистический анализ. Он, по утверждению Л. В. Щербы, предполагает «показ тех лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений [10].

При этом наиболее частым является разбор ткани художественного текста «по уровням». Однако комплексный разбор названного типа текста предусматривает обращение и к жанровым особенностям произведения, и к описанию стилистических приемов организации средств языка, и к философии автора, его месту в литературном процессе и истории и т.д. Причем все это должно быть рассматриваться в широком контексте развития литературного языка современной автору эпохи. Поэтому, очевидно, правильнее осуществлять такой анализ как *лингвопоэтический*.

С учетом сказанного обратимся к конкретной характеристике известной оды М. В. Ломоносова, изучение которой к тому же введено в школьные и вузовские программы, «Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния» [7].

Само заглавие оды М. Ломоносова указывает на жанр произведения – речь идет о философской оде (на это нас нацеливает слово *размышление*). Определение же *вечернее* акцентирует тот факт, что речь идет о личности, для которой мыслительный процесс является постоянным свойством, – то есть об ученом. Лексема *величество* означает, как свидетельствует словарь ХУШ века, то же, что *величие* в 1-м значении – ‘высокое достоинство, мощь, красота’ [9, с. 24].

Как и многие другие сочинения, эта ода создавалась «на случай, или в связи с чем-либо»: в данном случае речь идет об уникальном физическом явлении – северном сиянии. В 1753 г. в «Изъяснениях», сопровождавших труд ученого «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», Ломоносов писал: «Ода моя о северном сиянии...содержит мое давнишнее мнение, что северное сияние движением эфира произведено быть может» (Цит.

по: [7, с. 659]). Тесная связь научного трактата и поэтической оды свидетельствует о том, что и в своей поэзии Ломоносов вел ту же борьбу за научное мирозерцание и за просвещение народа, что и в научных изысканиях. Новшеством XVIII века был интерес к физической стороне небесных явлений, выяснение их природы. И в данной оде Ломоносов выступает как поэт-ученый. Поэтому основную идею оды предварительно можно сформулировать так: путем создания поэтических образов постигнуть природу физического явления – северное сияние – и попытаться научно обосновать ее, а также передать ощущение безграничности окружающего мира.

Свои наблюдения Ломоносов облачает в поэтические образы, впечатляющие, тонкие и величественные. Н. В. Гоголь писал в связи с этим о М. В. Ломоносове «Сила восторга превратила натуралиста в поэта». Исследователь Е. Н. Лебедев замечает, что «не собственно изложение определенных гипотез, научных концепций, а «лирическое переживание истины, явившейся ему, пронизавшей все его существо, – истины, облеченной не в понятие, а в художественный образ» составляет основную идею оды [6].

Прежде чем говорить о поэтических достоинствах произведения, стоит прокомментировать отступления от современных норм литературного языка. Они касаются, прежде всего, использованных в оде научных терминов-архаизмов – стоит вспомнить, что XVIII век был ознаменован бурным развитием языка русской науки, и М. Ломоносов сыграл ведущую роль в его формировании. В анализируемой оде мы наблюдаем употребление ряда слов в терминологическом значении. Так, лексема *эфир* во время Ломоносова была словом греко-латинской образованности (греч. *αιθήρ*, лат. *aether*) [5, с. 166–167]. В лексиконе средневековой латыни эфир – ‘воздух, расположенный в самом верху и наиболее чистый’, кроме того, – это еще и ‘область неба, где находятся солнце и звезды’. Именно в таких значениях и употребляет эти слова поэт-ученый.

Обращает на себя внимание и слово *зенит*. Этот термин восточного (арабского) происхождения. Он встречается и у Е. Славинецкого (в огласовке *зениф*), и у Л. Магницкого (*надглавная точка*), и у А. Поликарпова (*верх*) (см. об этом в [5, с. 122]). *Зенит* относится к терминам астрономии. В оде он употребляется в значении «верх».

В качестве синонимов функционируют в произведении М. Ломоносова слова *естество* и *натура*. С конца XVII в. лексема *натура* употребляется в значении ‘природа’. Фонтенелль писал в связи с этим: «Натура, слово латинское, по-русски естество, значит начало всех сущих вещей котораго силой рождаются, сохраняются и производятся всякого одушевленного и неодушевленного тела» (Цит. по: [4, с. 29]).

Еще один физический термин следует прокомментировать – слово *пар*, которое во времена М. Ломоносова было родовым обозначением всякого рода испарений. *Пар* (или *напор*) – ‘влажность, дым, воздымление’ [4]. Учитывая это становится понятной строка «как может быть, чтоб **мерзлый пар** среди зимы рождал пожар».

Наконец, слово *зрак*. В связи с ним требует комментария начало пятой строфы: «*О вы, которых быстрый зрак / Пронзает в книгу вечных прав*». Она обращена к ученым. Окрашенное стилистически высоко слово *зрак* здесь используется в значении ‘взор, взгляд’, а семантический архаизм *пронзает* означает ‘проникает’; *вечных прав*, т.е. ‘вечных основ’.

Безусловным отклонением от нормы является отсутствие перехода *е в о* (фонетическая примета церковнославянизмов и дань поэтической традиции того времени): *открылась бездна звезд полна; Скажите, что вас так мятет; – и приставка пре* (вм. *пере-*) в слове *престал* (*эфир*) (црксл.). Церковнославянской традицией обусловлено и употребление *щ* в лексеме *мещет* (вм. *мечет*).

Кроме того, не нормативна флексия *-ой* в слове *тонкой* (*прах*) вм. *тонкий*. Подобные окончания в формах имен прилагательных восходят к нормам древнерусского языка (а не церковнославянского). Уместно в связи с этим вспомнить, что М. Ломоносов сделал новый крупный шаг на пути к демократизации русского литературного языка, утверждая, что формы народной речи, восходящие к древнерусскому языку, являются существенной составной органической частью структуры литературного языка.

Глагол *зыбить* используется автором в значении ‘колебать’, а лексема *спорить* имеет значение ‘бороться’: *там спорит жирна мгла с водой*. Устаревшее слово *тварь* означает ‘живое существо, создание’; краткое причастие несведом используется в значении ‘неизвестен, загадочен’.

Целый ряд словоформ в оде относятся к церковнославянским средствам, что вполне естественно – жанр оды квалифицировался как высокий. Лексические церковнославянизмы – *гласят, уста, прах, хладный* (*пламень*); слова традиционно-поэтической лексики – *льдистый, бездна, пламень, зефир* в значении ‘теплый, южный ветер’, *твердь* ‘небесный свод, небо’, *полночный* в значении ‘северный’; высокое *творец* стилистически окрашены и создают торжественно-созерцательную тональность произведения.

Если говорить о слоге оды, то мы можем заметить, что его нельзя назвать тяжеловесным, что свойственно в целом поэзии XVIII века. И это потому, что именно М. Ломоносов создал стройную систему русского стихосложения, опираясь на работу В. Тредиаковского, а также на опыт новоевропейской литературы. Кроме того, именно Ломоносов создал способ организации стихотворения, при котором ударные и безударные слоги чередуются в определённом порядке, неизменном для всех строк стихотворения.

Ода написана ямбом, и это не случайно. Провозгласив эстетическое равноправие всех размеров, Ломоносов все же отдает предпочтение ямбу. По его мнению, он усиливает благородство и возвышенность содержания и потому более всего подходит для сочинения од. Ломоносов высказывает проницательные соображения о русском стихе: история показала, что ямб тяготеет к выражению мыслей, хорей – чувств; ямб тяготеет к книжности, хорей – к народности, фольклорности.

Анализ образных средств оды свидетельствует о таланте поэта. Прежде всего, обращает на себя внимание богатая система синонимов, употребление которых не только подтверждает мысль о становлении русского литературного языка, но и выступает как средство создания экспрессии. Так, М. Ломоносов употребляет пары *воздух – эфир, природа – натура – естество; твердь – зенит, устав – закон*. В качестве параллели здесь зачастую выступают традиционно-поэтические варианты – *эфир, твердь*.

Изобразительную роль выполняют и слова-антонимы: *ночь – день*.

Поэт одухотворяет природу, восторгается ею. Для него она не только источник материальных благ, но и олицетворение сущности человека, который вышел из природы и может жить только в единении с ней (еще одна философская тема). Рисуя картины природы, Ломоносов удивительно тонко передает живое дыхание, безграничность мира, его тайную невидимую связь с каждой клеточкой земного бытия: поэт передает великолепие северного сияния:

*Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.*

Раскрытию основной идеи подчинена и композиция, и синтаксическая организация художественного текста. Если первые три строфы посвящены описанию величия мира и окружающей природы, то 4, 5, 6, 8 строфы – это еще и размышления исследователя о наблюдаемом физическом явлении (северном сиянии) и о безграничности вселенной.

В первой строфе М. Ломоносов рисует картину северной тьмы. Этому подчинены образные средства: эпитеты – *мрачна ночь, черна тень*; метафоры – *лучи склонились прочь*. В связи с использованием образно-изобразительных средств языка В. В. Иванов замечает: «В цепи тропов у Ломоносова происходит взаимопроникновение ряда картин и идей, ассоциированных с основной темой. Зрительные и умозрительные ассоциации переплетаются друг с другом. Смысловой сдвиг используется Ломоносовым для оттенения смысла центральной идеи» [3, с. 183].

Тему безграничности вселенной, ощущение космоса поддерживает звукопись последних двух стихов строфы: «*Открылась бездна звезд полна; / Звездам числа нет, бездне дна*» – звуковая инструментовка создает тут аллитерацию. Кроме того, здесь явно слышится ассонанс – повторение звука **а**. М. В. Ломоносов в «Риторике» писал: «частое повторение письмени **а** способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины» [8].

Вторая строфа построена на сквозном приеме актуализации сравнения:

*Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкой прах,*

*В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!*

При этом основанием сравнения каждый раз становится иной семантический признак. Характерно, что сравнения содержат контекстуальные антонимы: *волны, лед вихрь* выступают как олицетворение мощной стихии, а *песчинка, искра, прах* как воплощение слабости, хрупкости окружающего мира. Антонимичными воспринимаются и прилагательные – *сильный* (вихрь) – *тонкой* (прах). Ведущую роль в построении данной строфы играет сравнительно-сопоставительный союз *как...так*.

Третья строфа содержит преимущественно высокую лексику или слова, называющие «высокие» понятия (*уста, век, божество, света, солнца и пр.*). Лексема *солнце* не случайно употреблена тут в форме мн. числа. Она имеет тут значение ‘центральная планета других планетных систем’. Показателен в этом плане и предшествующий стих *«Там разных множество светов;»* – здесь просматривается явный намек на современные поэту научные теории о существовании множества населенных миров.

Интересны образные средства и четвертой строфы, где передается парадоксальность природы, ее необычность в данный момент, уникальность наблюдаемого физического явления. Тут явно выделяется оксюморонные выражения: *хладный пламень, «Льдисты мещут огонь моря»*; – перифраза (*не солнце ль ставит там свой трон?* = властвует)

Здесь и в последующих четырех строфах – размышления поэта. В этой части соответственно меняется структурная организация текста, меняется его синтаксис – строфы пронизаны поэтическими обращениями, риторическими вопросами, которые отражают внутренние сомнения поэта-ученого, его пытливость, стремление дойти до самой сути явлений. Еще в «Риторике» поэт замечал: «Вопрошение риторическое бывает не для испытания неизвестных, но для сильнейшего изображения известных вещей» [8]. Интонация риторического вопроса, в отличие от просто вопроса, окрашена экспрессией. При этом эмоциональная составляющая этой части достигается с помощью приема градации и анафорических конструкций (*Что...Что; Иль...иль* и пр.). Мысль поэта восходит, по словам М. Елеповой, «от земного к небесному, от Солнечной системы к галактическому масштабу, от космического пространства к Божеству, что превыше всякого познания» [1]. Это позволяет автору поставить ещё одну проблему – ограниченности самого смелого интеллектуального дерзания перед лицом Творца, нищеты самого великого и просвещённого ума перед тайной божественного Абсолюта.

«Вечернее размышление» завершаются на ноте глубокого смирения поэта-учёного, созерцателя-естествоиспытателя перед властью и силой Бога, заканчиваются восторженной хвалой «бессмертному Царю» и осознанием немощи человеческого разума *«Несведом тварей вам конец? Скажите ж, коль велик творец?»* [1].

Таким образом, подводя итог анализу оды, можно сделать вывод о том, что все средства языка подчинены у поэта созданию тождественно-созерцательного размышления о научной сущности такого явления, как северное сияние, а также призваны передать свое ощущение безграничности мира, красоты окружающей природы и ограниченности перед ним человеческого стремления к познанию вселенной. Высокая и традиционно-поэтическая лексика, соответствующий синтаксис, перечисленные образные средства, звукопись и новаторская ритмика способствуют реализации этой идеи в комплексе.

Литература

1. Елепова М. Духовные оды М. Ломоносова как образцы естественно-научной апологетики : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.voskres.ru/literature/critics/elepova1.htm>.
2. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. Учебник. Практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М. : Флинта, Наука, 2005. – 496 с.
3. Иванов В. В. Из наблюдений над одой XVIII века // Лингвистика и поэтика / Отв. ред. В. П. Григорьев. – М. : Наука, 1979. – С. 174–187.
4. Кутина Л. Л. Формирование терминологии физики в России / Л. Л. Кутина // Отв. ред. Ф. П. Филин. – М.–Л. : Наука, 1966. – 287 с.
5. Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века) / Л. Л. Кутина // Отв. ред. Ф. П. Филин. – М.–Л. : Наука, 1964. – 220 с.
6. Лебедев Е. Н. Ломоносов. Жизнь замечательных людей / Е. Н. Лебедев – М. : «Молодая гвардия», 1990 : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_0110.shtml.
7. Ломоносов М. В. «Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния / М. В. Ломоносов // Русская поэзия XVIII века: Библиотека всемирной литературы. – Т.57. – М. : Изд-во «Худ. литер.», 1972. – С. 144–145.
8. Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию / М. В. Ломоносов // Фундаментальная электронная библиотека : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-0892.htm>.
9. Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 3 / Глав. ред. Ю. С. Сорокин. – Л. : Наука, 1987. – 296 с.
10. Щерба Л. В. Опыт лингвистического толкования стихотворений / Л. В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 97–109.

ВИРАЖЕННЯ ЗВОРотної ЗУМОВЛЕНості У ДОПУСТОВому РЕЧЕННІ

Ковальова Наталя Олександрівна,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри прикладної лінгвістики та етнології
Донбаська національна академія будівництва і архітектури

Семантичний тип вираження зворотної зумовленості допустових відношень формується при характеристиці суб'єкта за багаточленністю і неоднорідністю складу (порівнюються складові компоненти суб'єкта), а також при порівняльному зіставленні суб'єкта з одним або двома об'єктами. Наприклад:

Кожна конкретна соціальна система органічно пов'язана з системою більшого масштабу і з суспільством у цілому як макросистемою, детермінується нею, хоча і зберігає відносну самостійність [4, с. 142].

З інформації про суб'єкт "кожна конкретна соціальна система", вираженої у першій мікроструктурі цього речення, повинно було б впливати, що "кожна конкретна соціальна система не є самостійною", і це складає інформацію передбачуваного предиката. Але в другій мікроструктурі повідомляється про "відносну самостійність" суб'єкта щодо об'єктів "система більшого масштабу" і "суспільство у цілому як макросистема". Звертаючись до семантики кожної з мікроструктур, можна констатувати, що в одній з них виражено залежність суб'єкта від об'єктів загалом, а у другій – самостійність, відносну незалежність.

Враховуючи семантику мікроструктур і відношення не прямого (передбачуваний предикат), а зворотного наслідку (предикат першого порядку) між ними, можна визначити семантичні відношення в реченнях цієї групи як вираження зворотної зумовленості при порівнянні суб'єкта і об'єкта (об'єктів) за їх одночасним зв'язком і його недостатністю. Допустові відношення аналізованого семантичного типу характеризуються різноманіттям параметрів, за якими порівнюються загальні й індивідуальні ознаки суб'єкта і об'єкта (об'єктів).

У двосуб'єктному реченні багатокомпонентний суб'єкт однієї мікроструктури, який характеризується за сферою свого функціонування, може в іншій мікроструктурі бути реалізованим своєю часткою, функціонування якої обмежується вужчою сферою поширення або впливу. Наприклад:

Хоч українські кредитні спілки розвивались у системі загальноросійської кооперації, проте багато з них, особливо в сільській місцевості, стали важливими осередками громадської самодіяльності, формування національної свідомості їхніх членів [3, с. 554].

Один суб'єкт двосуб'єктного речення може характеризуватися за його втратою впливу на об'єкт (перша мікроструктура) і водночас за важливими значенням його компонентів, які складають суб'єкт другої мікроструктури. Наприклад:

Незважаючи на важливу роль західноукраїнських ярмарків і базарів, сезонна торгівля в регіоні втрачала своє значення, поступаючись прогресивнішим та стабільнішим формам товарного обміну [3, с. 575].

Суб'єкти двосуб'єктного речення можуть мати значення частини (один суб'єкт) й цілого (другий суб'єкт), які знаходяться у відношеннях зіставлення за принципом: загальне – окреме. Наприклад:

Хоча поезія "Трьох літ" і відзначається тематичним розмаїттям, проте один мотив у ній все ж домінує – це полеміка з самодержавством і нове критичне ставлення до української історії, позбавлення колишніх романтичних ілюзій [1, с. 131].

У відношеннях відмінності / схожості можуть знаходитися різні ознаки суб'єкта, який у постпозитивній мікроструктурі виконує функцію об'єкта. Наприклад:

Хоч між ними було чимало істотних розбіжностей, усі вони сходилися в кількох основних моментах [5, с. 165].

Суб'єкт і об'єкт можуть знаходитися й у відношеннях суб'єктивної оцінки суб'єктом об'єкта (перша мікроструктура) й оцінки суб'єкта об'єктом (друга мікроструктура), причому суб'єктом постпозитивної мікроструктури є об'єкт препозитивної. Наприклад:

Пушкін зневажливо відгукнувся про те, як висвітлив Байрон українську тему в поемі "Мазепа", хоч ця поема викликала неабияке захоплення європейських романтиків [5, с. 103].

Відношення допустовості можуть базуватися і на різних темпоральних розбіжностях, які характеризують суб'єкти, що знаходяться між собою у таких відношеннях: частина-ціле. Наприклад:

Хоча більшість записів, стосовних України, датується 1829-1831 роками, деякі є і з 1827 року [5, с. 119].

При порівнянні суб'єкта і об'єкта (об'єктів) в реченні помітна їх одночасна відмінність і схожість або взаємозв'язок. Наприклад:

Новозасновані колонії не залежали від міст-метрополій, хоч і підтримували з ними добрі стосунки [...] [2, с. 162].

Неважко зрозуміти, що ці й подібні щирі одкровення, хоча й впливали зі слов'янофільських ідей, проте містили в собі обмаль конкретних концепцій щодо співпраці слов'ян та їхньої політичної долі загалом [1, с. 287].

Сюжет твору хоча й побудовано на історичному матеріалі, проте за художнім методом він близький до белетристики В.Скотта, Ч.Діккенса і, безумовно, до Ф.Шіллера [1, с. 108].

У вираженні усіх семантичних типів допустових відношень активну участь беруть лексико-граматичні засоби. Для граматичних ознак лексичного вираження суб'єкта речень аналізованого семантичного типу характерні структурні ознаки парності і множинності.

При констатації порівняння суб'єкта й об'єкта функціонує лексика з ознаками як особи-автора, так і його витвору або поглядів. Такі відношення є типовими як для односуб'єктних, так і для двосуб'єктних речень, де вони

встановлюються між суб'єктами обох мікроструктур. Наприклад:

Його праця над історією України не вельми посувалася вперед, хоч він був сповнений рішучості провадити її далі [5, с. 132].

Крім того, він поет по-громадянському вразливий, а це, мабуть, і в майбутньому надаватиме його поезії сенсу й пафосу відкриття, хоч його твердження, сподіваймося, і не будуть навіяні такими некомплікованими уявленнями, виходячи з яких, він ще недавно казав: "...радію, що на світових терезах перемагає правди стяг" [1, с. 336].

Вступаючи у змістові відношення, предикати можуть утворювати парадигматичні ряди зі значенням схожості-відмінності, відмінності-схожості, взаємозв'язку-відмінності. Граматичне вираження предикатів такої семантики характеризується переважно дієслівністю. Дієслівна лексика утворює цілі парадигматичні ряди, які охоплюють у своїх семантичних кореляціях і фразеологічні поєднання.

На основі наведених прикладів можна дійти висновку, що:

а) типовими для вираження предикатів першого і другого порядку цього семантичного типу є поєднання з реляційними дієсловами або дієприслівниками, утвореними від них;

б) відношення схожості і відмінності між компонентами суб'єкта можуть виражатися іменними сполученнями предикатів, що вміщують і антонімічні лексеми;

в) за семантикою лексичних одиниць вираження схожості, відмінності, взаємозв'язку і взаємодій суб'єкта й об'єкта ідентичне з реалізацією цих самих ознак парності, множинності або збірності суб'єкта, але змінюється напрям характеристики. Наприклад, при багатоконфентному суб'єкті – що (що і що) схожі, подібні, наближаються, а при порівнянні суб'єкта й об'єкта маємо схему: що схоже з чим, що подібне до чого, що наближається до чого тощо;

г) порівняння ознак компонентів суб'єкта можна проводити й за такими параметрами:

- кількісної відмінності-схожості або схожості-відмінності;
- квантитативності або темпоральності;
- відмінності у різних формах вияву.

Розглянуті змістові співвідношення лексики зустрічаються в реченнях, у яких суб'єкт виконує найбільш частотні для нього детермінативні функції, а також при його агентивно-детермінативних функціях. Сюди належать і речення, що включають такі семантичні мікроструктури, у яких один з предикатів формується прийменниково-іменним поєднанням: при всьому (всіх) + іменник, незважаючи на + іменник, попри (всі) + іменник. Змістові відношення предикатів, що включають ці поєднання, будуються за принципом: різне-спільне, добре-погане (недостатнє). Наприклад:

Попри всі економічні та соціальні негаразди за роки незалежності в розвитку нашої держави виявляються певні позитивні тенденції [3, с. 716].

Отже, головне змістове навантаження серед семантичних компонентів виконують предикати і їх відношення. Предикат першого порядку, як і

предикат другого порядку, виражається лексико-граматичними засобами, що вміщують у своєму складі дієслова й іменникові лексеми та їх поєднання. У структурі лексико-граматичного вираження предикатів можна виділити ядерний центр і поширювачі, які поділяються на облігаторні і факультативні.

Співвідносні лексичні пари складають як ядерні центри предикатів, так і їх облігаторні та факультативні поширювачі. Але первинними для відображення допустових відношень є співвідношення лексики ядерних центрів.

Серед ядерних центрів антонімічно можуть зіставлятися як окремі дієслівні або іменні лексеми, так і іменні та дієслівні лексичні поєднання.

Необхідно відзначити і той факт, що, маючи у своєму складі антонімічно протиставлені лексеми, сполуки слів – реалізатори предикатів, загалом антонімами не є, а протиставляються ситуативно – за певними параметрами.

Релевантними у вираженні допустової семантики є і семантичні актуалізатори, такі, як: загалом, зрештою, насправді, проте, все ж, разом з тим, водночас, що посилюють зіставлення і вживаються як у першій, так і в другій мікроструктурах.

Лексика, що служить для вираження предикатів цього семантичного типу допустовості, представлена такими семантичними групами: а) лексика, що виражає схожість і відмінність; б) лексика зі значенням взаємозалежності, єдності і взаємозв'язків; в) лексика призначеної характеристики.

Отже, між першою і другою семантичними мікроструктурами встановлюються відношення зворотної зумовленості при порівнянні компонентів суб'єкта, двох суб'єктів або суб'єкта і об'єкта.

Література

1. Геник-Березовська З. Грані культур. Бароко, романтизм, модернізм / З. Геник-Березовська / Ред. рада : В. О. Шевчук та ін. – К. : Гелікон, 2000. – 368 с.
2. Давня історія України : навч. посіб. / За ред. П. П. Толочко и др. – К. : Либідь, 1994. – 240 с.
3. Лановик Б. Д., Матисякевич З. М., Матейко Р. М. Економічна історія України і світу: підручник / Б. Д. Лановик, З. М. Матисякевич, Р. М. Матейко / За ред. Б. Д. Лановика. – К. : Вікар. 1999. – 737 с.
4. Лукашевич М. П., Туленков М. В. Спеціальні та галузеві соціологічні теорії : навч. посіб. / М. П. Лукашевич, М. В. Туленков. – К. : МАУП, 1999. – 344 с.
5. Луцький Ю. Між Гоголем і Шевченком / Ю. Луцький / Ред. рада : В. О. Шевчук та ін. – К. : Час, 1998. – 255 с.

АСОЦІАТИВНО ОБРАЗНИЙ СВІТ „КАМЕРНИХ МОТИВІВ”

І. СВІТЛИЧНОГО

Кононченко Юлія Олександрівна,
асистент кафедри української мови та загального мовознавства
Луганський державний університет ім. Тараса Шевченка

Несу свободу в суд, за грати...

І. Світличний

На сьогодні існує дуже багато літературознавчих розвідок творчості Івана Олексійовича Світличного – „доброокого” сонечка української поезії, народженого на теренах Слобожанщини. Поетичний доробок поета досліджували І. Дзюба, І. Бажінов, М. Коцюбинська, Є. Сверстюк, Г. Сивокінь, Л. Танюк, Ю. Барабаш, О. Зинкевич, В. Іванисенко, Р. Іванченко, І. Качуровський, Г. Костюк, І. Кошелівець, О. Мишанич, О. Неживий, Б. Олександрів, Ф. Пустова, Яр Славутич, А. Ткаченко, Г. Токмань та ін. Проте ґрунтовних мовознавчих розвідок індивідуально-авторської картини світу митця і досі немає. Варто зазначити, що на сьогодні досить актуальними для українських мовознавців являються розвідки сонетного доробку Івана Світличного, що дозволяють говорити про витворення унікальної індивідуально-авторської мовно-поетичної картини світу.

Сонет Івана Світличного цікавий для багатьох науковців. Зокрема, Ю. Єлісєєв називає Івана Світличного українським Шекспіром, зазначаючи, що „попри уявну суперечність форми і змісту, попри очевидність непоєднуваного, попри наявний дисонанс сонет, як унікальна лірична форма, лише підкреслює абсурдність реальності” [3, с. 162]. Яр Славутич із приводу цього зауважує: „На відміну від шестистопових сонетів Миколи Зерова чи Михайла Драй-Хмари, що мають виразну прикмету, позичену від Ередія (героїчне звучання, урочистість, немовби щось від велично-гучної оди й т.п.), сонети Світличного чотиристопові, простіші, земніші, більш почині – без видовженої напруги, але з виразною наявністю іронії й сарказму, гумору й сатири” [3, с. 343]. Л. Татарива зазначає, що сонет І. Світличного змінює основні елементи в парадигматиці жанру, а саме: структурні можливості, стилістику, набуває нових художньо-естетичних вимірів, даючи можливість поетові якнайвиразніше виявити свою індивідуальність [5]. І. Дзюба зауважує, що стилістика творів – „терпка свідомо не рафінована, без специфічних поетизмів, із виразним нахилом до „солоних” слів, сленгових зворотів, просторіччя” [1, с. 20].

Асоціативно-образний світ письменника надзвичайно багатий, тож у нашій статті ми ставимо за мету проаналізувати асоціативно-образні модифікації „камерних мотивів” в „ґратованих сонетах” Івана Світличного.

В індивідуально-авторській картині світу І. Світличного наскрізними є мовно-поетичні образи самотності, відчаю, мовчання і насамперед свободи. Найбільш гостро вони звучать саме в „камерних мотивах”, де саме

зароджується „гратований сонет” письменника: *Ганебний зек, державний злодій / І волею богів естет... Але в мені ожив естет, Забаг евфоній і мелодій, І komponую, хоч не в моді Тепер гратований сонет* [6, „Інтродукція”, с. 31] (далі – лише назва твору і номер сторінки).

Несумісні протиставлення „ганебний зек”, „державний злодій” і „волею богів естет”, які автор ставить в один ряд, виступають засобом акцентуації уваги на тому, що це одна особистість. Естетизація тюремного світу у поєднанні з тюремною лексикою (пор. „зек”, „відбій”, „грати”, „параша”, „вічко”, „стерво” (сержант), „бидло”, „шмон”, „шмонали”, „менти”, „вишка”, „шмональники”, „шпана”, „їдло”, „шмаркач”, „влип”, „чорт пухлий”, „під хвіст собаці”, „мордуватися”, „глипати”, „куняти”, „дурника ліпити”, „чортівня”, „гнида”, „лайно”, „закиморе” тощо) допомагають усвідомити абсурдність реальності, яку хоче висміяти автор.

Образ свободи присутній майже в кожному сонеті письменника. Для автора поняття ‘свобода’ нерозривне з поняттям ‘особистість’, вона виступає символом життя: *Несу свободу в суд, за грати, Мою від мене не забрати – І здохну, а вона – моя* [Три свободи, Моя свобода, с. 49].

Паралельно із поняттям ‘свобода’ виникають антогоністичні образи ‘свободи слова’ і ‘мовчання’, що набувають більш саркастичного значення вже у контексті: *Потрібен Київ без’язиким! Як язикатим – Соловки* [„Язык”, с. 39].

Мовчання асоціюється в І. Світличного зі смертю. В індивідуально-авторському переосмисленні образ ‘слова’, що слугувало символом зброї митців, сьогодні здається міфом:

Слова, як воїни, сподвижні, І мудрощі великовкнижні, – Усе – за пради́м синь-бузку На видубицькому узви́шші За паморочну зав’язь ви́шні

В травнево-п’яному соку [„Ностальгія”, с. 47].

Звернення до народного минулого лише підкреслює відчай, смуток автора за те, що люди не здатні постояти за свої права: *Смертельний зашморг – німота. Слова киплять, зухвалі, горді. Та кляпом вкляк язик у горлі, І кров’ю запеклись уста* [„Мовчання”, с. 38].

Не менш важливим є образ самотності, приреченості, пекучого смутку. У Світличного поняття самоти насамперед пов’язується із безвихіддю, безнадією: *Параша. Грати. Стіни голі. І сам ти – Божий перст. Сиди І нічогісінько не жди Із загратованої волі* [„Самота”, с. 34].

Весь світ у Світличного знецінюється, набуваючи зниженого значення: *І відцурається жона, І друг продасть за копу срібла, Весь світ гармонії і світла Не вартий мерзлого лайна* [„Відчай”, с. 38].

Використовуючи народно-поетичні образи „мороки-химери”, „глупа ніч”, „драглиста мгла”, „сутінь”, Світличний вводить суто авторські, викликані тюремним ув’язненням: „камери-печери”, „недремне око” (варта),

Проте, зневажаючи на все це І. Світличний глибоко відчуває свою нерозривність з народом, використовуючи народно-пісенний образ незламності дерев: ... *А ми – Дерева. Рід терпучий, гнутий, Коріння – в землю, ніби спрути,*

А крона – вгору, а грудьми – До шквалу, до терпкої долі. Нам листя рве, ми дубнем, голі, А – стоїмо... [„Ми – дерева”, с. 46].

Однією з ознак сонетів І. Світличного – є інтертекстуальність, тобто багато сонетів мають присвяти або епіграфи, узяті з інших творів („нам тільки сакля очі коле” – з Шевченка, „на рівні Божих партитур” – Драчеві, „не будьте самовбивцями дарма”, „ти чуєш синку?” – з „Тараса Бульби”, „Дайте, дайте мне свободу” – „Слово о полку Ігоревім” тощо) [5]. Ці метафори дозволяють глибше усвідомити особливості асоціативно-образного мислення письменника.

Отже, саме окремі лексеми, словосполучення та індивідуально-авторські асоціативно-образні поля допомагають нам глибше зрозуміти мовно-поетичний світ Івана Світличного.

Таким чином, сонет І. Світличного репрезентує унікальну мовно-поетичну картину світу на основі потужного вияву авторської інтерпретації жанрової системи. Своєрідний сплав вишуканої форми і „низького” лексичного наповнення продукує концептуально нову сонетну площину. Дослідження „камерних мотивів” сонетного доробку поета показують, що на становлення мовно-поетичної картини світу І. Світличного вплинули зміни в суспільно-політичній, культурній, науковій сферах, що призвело до глибокого переосмислення часу і простору, правди і брехні, людських цінностей, тобто формування унікальної індивідуально-авторської мовно-поетичної картини світу поета.

Межі статті не дозволяють зробити повний аналіз усього сонетного доробку І. Світличного у контексті становлення національної картини світу українців, що і складає перспективи нашого дослідження.

Література

1. Дзюба І. Душа, розпластана на пласі... // Світличний І. Серце для куль і для рим. Поезії. Поетичні переклади. Літературно-критичні статті. – К., 1990. – С. 5–20.
2. Доброокий. Спогади про Івана Світличного / Ред. рада : В. Шевчук та ін. ; упоряд. Леоніді і Надія Світличні ; худ.-оформ. серії Іван Гаврилюк. – К. : Вид-во „Час”, 1998. – 572 с.
3. Єлісовенко Ю. Поетичні перлини українського Шекспіра / Ю. Єлісовенко // Вітчизна. – 2006. – № 9/10. – С. 160–163.
4. Коцюбинська М. Іван Світличний, шістдесятник / Михайлина Коцюбинська // Іван Світличний. У мене – тільки слово. – Х., 1994. – С. 5–27.
5. Татарива Л. Ю. Сонет у контексті поетичного дискурсу І. Світличного [Електроний ресурс] / Л. Ю. Татарива // Наука в інформаційному пространстві : матеріали IV Міжнарод. науч.-практ. інтернет-конференції, 16 окт., 2008 г. – Режим доступу : http://www.confcontact.com/2008oktInet_tezi/fl_tatariva.php
6. Іван Світличний. У мене – тільки слово / ред. рада. : В. Шевчук та ін. ; упоряд. та приміт. Л. П. Світличної, Н. О. Світличної ; худож.-оформлювачі

серії І. М. Гаврилюк та ін. ; худож.-іл. І. В. Остафійчук. – Х. : Фоліо, 1994. – 431 с.

7. Яр Славутич. Поезія Івана Світличного // Славутич Яр. Меч і перо. – К., 1992. – С. 337–355.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПУСА ТЕКСТОВЫХ СКРЕП

Лапынина Надежда Николаевна,

кандидат филологических наук,

профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Одним из наиболее важных аспектов изучения текста является проблема его связности. Однако связность не является исключительным признаком текста, различные виды связей существуют на всех уровнях языковой системы. Но между самостоятельными предложениями и более крупными фрагментами текста наличествуют совершенно особые, свойственные именно этому уровню, типы связи – внутритекстовые, или межфразовые, и показатели этой связи не всегда совпадают с традиционными выразителями связи внутри предложения. Для обозначения таких форм связи используются также термины «когерентность» [5, с. 469; 9], «когезия» [2, с. 74; 1, с. 32], «гиперсинтаксическая связь» [6, с. 19–21] и др.

Существует множество различных способов описания форм связности и всевозможных классификаций средств текстовых связей, которые могут быть сгруппированы на основе разных критериев: степень выраженности связи (эксплицитная / имплицитная), средства выражения (фонетическая, лексическая, синтаксическая), содержательные аспекты (логическая, тематическая, семантическая), направление (катафора / анафора), степень охвата (линейная – между соседними микроструктурами / глобальная – макроструктура), конструктивные особенности (линейная / радиальная). При этом разнообразные виды связи находятся друг с другом в отношениях иерархического подчинения: во-первых, связность в плане содержания, бесспорно, имеет приоритет над внешними видами связности, а во-вторых, ведущую роль в текстообразовании играет не линейная связность микроструктур, а глобальная связность, то есть макроструктура, превращающая текст в единое семантическое целое.

Для обозначения разного рода средств межфразовой связи используются различные описательные выражения: «союзное средство», «средство связи», «служебное единство» и др. Довольно широкое распространение получил многозначный термин «коннектор», который у разных исследователей может интерпретироваться по-разному. В. В. Богданов, используя термины «дискурсный коннектор» или «когезионный коннектор», подчёркивает, что

«коннектор, связывающий два предложения в тексте, отличается от коннектора, связывающего две пропозиции в составе одного предложения» [1, с. 32]. С. А. Шуваловой предложен максимально объёмный термин «оформители смысла», объединяющий «все языковые единицы, которые регулярно участвуют в вербальном оформлении какого-либо заданного смысла» [9, с. 27].

В лингвистической литературе широко обсуждаются проблемы, затрагивающие содержательную сторону текста, и в первую очередь рассматриваются средства поддержания его смысловой целостности, законченности, предметного единства. Межфразовая связь, устанавливаемая между предложениями и компонентами текста, может осуществляться с помощью различных способов: лексического повтора одной и той же лексемы либо однокоренных слов, синонимов, ассоциативно связанных лексем, анафорических элементов, повторной номинации и др. Перечисленные выше и некоторые другие неграмматикализованные средства поддержания предметного единства текста часто объединяют общим названием *скрепа*.

Такие показатели связи, основная функция которых состоит в выражении определённого рода отношений между соединяемыми частями, называют скрепами в более узком смысле слова, *скрепами союзного типа*, так как они, подобно союзам, осуществляют связь и выражают логико-семантические отношения между частями построения, обуславливая тем самым логическую последовательность высказываний. Такое понимание термина находим в работах М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой [7, с. 136–137], А. Г. Мажаровой [3, с. 19], А. В. Мазура [4, с. 29, 66] и других исследователей. Другими словами, под термином *скрепа союзного типа* мы понимаем любой линейный показатель связи аналитического типа (в виде отдельного слова либо сочетания слов, расположенных как контактно, так и дистантно), который, выполняя связующую функцию, служит для выражения логико-семантических отношений между компонентами синтаксической конструкции как на уровне предложения, так и на уровне текста.

Скрепы функционируют на трёх уровнях: в осложнённом простом предложении, сложном предложении и сложном синтаксическом целом. При этом важно подчеркнуть, что одни скрепы полифункциональны, т.е. способны выполнять все три функции (например, союзы *и, а, но*), другие – только две (например, скрепы *едва, то есть, словно* и некоторые другие функционируют в осложнённом и сложном предложениях), третьи – лишь одну (например, союзы *если, чтобы* и некоторые другие преимущественно связывают предикативные единицы в составе сложноподчинённого предложения).

Особое место среди огромного разнообразия скреп занимают межфразовые, или текстовые, скрепы, которые связывают фрагменты текста. Каковы же пути комплектования корпуса межфразовых скреп?

Во-первых, в роли этих скреп могут выступать «классические» союзы. Для связи самостоятельных предложений используются прежде всего первообразные сочинительные союзы, потому что сфера их употребления, как принято считать, не имеет ограничения каким-либо синтаксическим уровнем,

сравните: *Всё это было ново и в другое время показалось бы интересным и забавным, но Вадим ничего не замечал, как следует и ничему не удивлялся. Самым ярким впечатлением ташкентской жизни были свежие, пахнущие краской полосы «Правды Востока» с фронтовыми сводками.*

И хотелось в Москву. Вадим часто видел Москву во сне, просыпался среди ночи – и не узнавал своей маленькой тесной комнаты на окраине Ташкента... Тоска томила неотступно. И не было писем от отца. А в марте пришло извещение о том, что отец погиб (Ю. Трифонов).

Однако необходимо иметь в виду, что связи между частями сложного предложения и отдельными фрагментами текста существенно отличаются друг от друга, а роль этих союзных средств на текстовом уровне не в полной мере тождественная их роли на уровне предложения. Если для простого, осложнённого и сложного предложений характерны сочинение и подчинение, то в тексте доминируют так называемые диффузные связи. В силу этого большинство союзных средств на межфразовом уровне подвергаются определённым трансформациям, среди которых чаще всего можно наблюдать либо расширение функций уже готовых союзов, либо появление новых союзных образований. Тенденция к расширению функций проявляется в высокой степени семантической универсализации союзов, что подтверждается возможностью взаимозамены союзов *и*, *а*, *но* без каких-либо значительных изменений оформляемых ими отношений, например: *Широкополая шляпа помята и растерянно прижата к груди, на лице просящая улыбка. Таким Уинстон Черчилль вернулся на родину после бегства из бурского плена.*

Но [и/а] всего годом позже Черчилль уже стоит на трибуне, возвышаясь над толпой. За его спиной – британский флаг (А. Чаковский).

С другой стороны, вследствие тенденции к более чёткой дифференциации межфразовых отношений, возникают новые союзные образования, когда союзы получают разного рода сопроводители, конкретизаторы, а в результате образуются многокомпонентные скрепы, сравните: *да – да и; но – но и, но тоже; и – и поэтому, и всё-таки; а – а также, а к тому же и т.п.*, например: *Саша смотрит на Вадима исподлобья и качает круглой, стриженной, будто обсыпанной золотыми опилками головой. Нет, он не знает Вадима. Да и Вадим не узнал бы Сашу, - пять лет назад это был четырёхлетний карапуз, а теперь уже школьник третьего класса; Теперь, хотя стал старше, выглядел попроще. Но тоже нет-нет, а мелькнёт – этакое столичное, глуповато-важное (Ю. Трифонов).*

Второй путь пополнения корпуса межфразовых скреп – использование в этой роли знаменательных слов, чаще всего местоимений, местоименных сочетаний, наречий, например: *между тем, тем не менее, мало того, более того, кроме того, вместе с тем, причём, притом, поэтому, теперь и др.*, например:

Был ли осведомлён о действиях своей секретной службы президент Рузвельт? Трудно сказать. Но за спиной Даллеса, который вёл переговоры с

немецким генералом Вольфом, разумеется, стояли весьма могущественные силы Америки.

Тем не менее попытки Черчилля склонить Рузвельта на свою сторону и толкнуть его на прямую конфронтацию со Сталиным не увенчалась успехом (А. Чаковский).

Условием перехода знаменательных слов в межфразовые скрепы является существенное ослабление их номинативного значения и усиление релятивной функции.

Одним из продуктивных путей пополнения фонда межфразовых скреп является процесс приобщения к выполнению связующих ролей вводно-модальных слов и выражений типа *итак, следовательно, таким образом, значит, правда* и некоторых других, например: *Следует особо подчеркнуть, что в сложноподчинённых предложениях с одночленной структурой придаточная часть относится не к отдельному компоненту фразеологизма, а ко всему фразеологизму. Таким образом, фразеологизм и здесь предстаёт как семантически целостная нерасчленённая единица языка* (В. П. Жуков).

Ещё одним источником появления новых межфразовых скреп являются служебные лексические единицы, в частности частицы *только, лишь, просто, ведь* и другие, способные выступать в функции союзов.

Так, союзная функция лексемы *только* в составе предложения не подвергается сомнению (сравните: *Я бы дал тебе денег, только у меня самого нет.* – А. П. Чехов). Аналогичную функцию может выполнять эта единица и в тексте, например:

Кант не принимал участия в движении «Бури и натиска», но в своих трудах решал общие проблемы просвещения: всецелие разума, свобода, «естественные права личности». Только в отличие от просветителей он рассматривал эти проблемы не в социально-политическом, а в нравственно-философском ключе (Р. П. Ляшева).

Местоимения, наречия и вводно-модальные слова в различных вариантах сочетаются с союзами, частицами, друг с другом, множа состав скреп межфразового типа: *кроме того – и / а / но кроме того; между тем – и / а / но между тем; следовательно – и / а / но следовательно; лишь – но лишь – только лишь; более того – и / а / но более того* и т.п., например:

Я не помню ни одного случая, чтобы он соврал. Даже в том возрасте, когда дети врут охотно и бессмысленно... А он и не врал. И более того, он презирал тех, кто врёт (А. и Б. Стругацкие).

Пополнение состава межфразовых скреп происходит и за счёт грамматикализации отдельных предикативных единиц или их фрагментов в составе полипредикативных конструкций. Функцию показателей связи межфразового типа могут принимать на себя не только отдельные лексические единицы, словосочетания, но и некоторые многокомпонентные соединения, внешне сохраняющие форму синтаксических конструкций, но выполняющие, однако, при этом сугубо служебную роль. К ним относятся, в частности, такие

единицы, как *дело в том, что...; что касается ..., то...; если говорить о..., то...*, например:

*Выбор Общей Судьбы обернётся для нас всех жертвой. О масштабах жертвы мы можем только догадываться. **Что касается** самого выбора, **то** он формулируется нами так: сытое прозябание на задворках человечества или участие в мессианском пути России, а следовательно, в духовном процессе нашего времени (В. Аксёнов);*

*Мы до сих пор смотрим на европейцев и Европу в том роде, как провинциалы смотрят на столичных жителей, - с подбострастием и чувством собственной вины, принимая каждую разницу за недостаток, краснея своих особенностей, скрывая их, подчиняясь и подражая. **Дело в том, что** мы застращены и не оправились от насмешек Петра I, от оскорблений Бирона, от высокомерия служебных немцев и воспитателей французов (А. И. Герцен);*

*Хранение одной строки одинаково грозит мне казематом что там, что здесь. Допуска в публичную библиотеку у меня нет и тут. К архивам меня и до смерти, наверное, не подпустят. **Если говорить о** чистой бумаге, **то** уж бересту или сосновую кору найду я и в тайге (А. И. Солженицын).*

Регулярное воспроизведение названных единиц в составе полипредикативных конструкций ведёт – через определённые семантические сдвиги – к их стандартизации и приобретению ими служебной (в том числе и связующей) функции. Весьма показательно, что в изолированном виде предложения, включающие три эти единицы, ощущаются как искусственно вынутые звенья некогда единой информационной цепи, которые требуют непременно «сцепления» с другими звеньями. Объясняется это тем, что стандартизованные единицы *дело в том, что...; что касается ..., то...; если говорить о..., то...*, приобретая служебную функцию, ориентируют участников акта коммуникации на содержание предшествующего высказывания. С их помощью между самостоятельными предложениями и более крупными фрагментами текста устанавливаются определённые логико-семантические отношения, а сами они, выступая в качестве средств для выражения этих отношений, фактически превращаются в межфразовые скрепы.

Литература

1. Богданов В. В. Предложение и текст в содержательном аспекте / В. В. Богданов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 280 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – 2-е изд. – М., 2004. – 144 с.
3. Мажарова А. Г. Грамматикализация слов и словосочетаний в текстообразовании: Межфразовые скрепы градиционной семантики в русских и немецких текстах: Дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1992. – 196 с.
4. Мазур А. В. Служебные единицы с семантикой несоответствия в высказывании: Дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1994. – 262 с.

5. Николаева Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста / Т. М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. – М., 1978. – Вып. 8. – С. 467–472.
6. Откупщикова М. И. Синтаксис связного текста / М. И. Откупщикова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. – 103 с.
7. Черемисина М. И. Очерки по теории сложного предложения / М. И. Черемисина, Т. А. Колосова. – Новосибирск : Наука, 1987. – 197 с.
8. Шувалова С. А. Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения / С. А. Шувалова. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 160 с.
9. Herwig R. «Kohrenz» in Textlinguistik und Fremdsprachenmethodik / R. Herwig // Deutsch als Fremdsprache, 1984. – Heft 1. – S. 36–40.

ТИПОЛОГИЯ СИНТАКСИСА МЕМУАРНОГО ТЕКСТА В ТВОРЧЕСТВЕ М. МАТУСОВСКОГО И К. СИМОНОВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Литвинова Наталья Борисовна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
**Луганская государственная академия культуры
и искусств им. М. Матусовского**

Современная филология определяет жанр мемуаров как явление, которое находится на пересечении литературы художественной, документальной и исторической. Такой научный подход раскрывает значительный лингвокультурный потенциал текста мемуарного произведения. Ярко выраженное личностное начало в мемуарном повествовании способно сформировать у читателя представление о той или иной эпохе, людях, её мироощущении, ценностях, обозначенное субъективным видением автора мемуаров посредством языковых средств. В центре мемуарного текста всегда находится личность автора-повествователя, связанного с изображаемыми событиями непосредственным участием, их переживанием и оценкой. Этот фактор личной сопричастности автора делает мемуарный текст носителем не только художественной, но и духовной культуры общества. Кроме того, мемуарный текст характеризует автора-повествователя и как языковую личность – также носителя духовности [4, с. 74; 5, с. 32].

Творчество М. Матусовского и К. Симонова объединяет принадлежность к одной эпохе, следование традициям советской литературы и работа в рамках одного художественного метода – метода социалистического реализма. Опыт создания писателями мемуарного текста воплощён в следующих произведениях: «Семейный альбом» (М. Матусовский), «Глазами человека моего поколения: размышления о И. В. Сталине», «Разные дни войны: дневник писателя» (К. Симонов). В указанных произведениях объектом изображения

писателей становится современная им эпоха, основные этапы их жизненного и художественного становления, рассмотренные сквозь призму личностного видения.

Целью данной статьи является попытка выявить типологическое сходство фрагментов языковой картины мира М. Матусовского и К. Симонова в осмыслении эпохи посредством анализа особенностей синтаксической организации их мемуарных текстов.

В целом в анализируемых мемуарных текстах двух писателей с точки зрения смысловых доминант повествования общими оказываются темы детства, периода Великой Отечественной войны, человеческой судьбы, творчества. Их лингвостилистическая интерпретация авторами также подобна. Так, нарративную основу мемуарных текстов формирует концепт памяти, само понятие которой выражает меру истинности, стает источником осмысления авторами всей жизни в прошлом и настоящем. Глагол *помнить* выступает в анализируемых мемуарных текстах одним из главных маркеров повествования-воспоминания. У Матусовского: «Я помню, где и когда это происходило, какая при этом была погода и как вечернее солнце старалось представить нам все в наилучшем свете» [1, с. 208]; «О каменном саде в Киото написано немало. Я вспоминаю, что, увидев этот сад, в первые минуты испытал разочарование» [Там же, с. 274]; у Симонова: «Хорошо помню тот свой разговор с немцами в лагере под Вязьмой» [3, с. 419]; «Помню, что в семье были слёзы» [Там же, с. 69]; «Возвращаясь в воспоминаниях к саратовским годам – к тридцатому, к тридцать первому, – вспоминаю какие-то подробности, говорящие мне о том, что в воздухе витало разное» [Там же, с. 109].

Авторская память в мемуарном повествовании закономерно обладает свойством координировать интерпретацию событий во времени и пространстве. В данных мемуарных текстах категория времени отображает взаимодействие трех темпоральных осей: календарного времени, событийного времени и перцептивного времени.

Календарное время в анализируемых произведениях репрезентируют высказывания с числительно-номинативными словосочетаниями в своей структуре, которые обозначают точные даты тех или иных событий: у Матусовского: «Пятнадцатое июля 1942 года – этот день хорошо помнят водники Селигера и сейчас» [1, с. 308]; «Последняя весточка с фронта от Николая Родионовича была помечена 31 августа 41 года» [Там же, с. 71]; у Симонова: «17 сентября 39 года заявление о вступлении наших войск в Западную Украину и Белоруссию в связи с развалом Польши как государства застало меня тоже ещё на Халхин-Голе» [3, с. 203]. Нередко писатели прибегают к точному указанию поры определенного календарного года: в высказываниях с такими выразительными темпоральными числительно-номинативными словосочетаниями существуют семантические признаки уже другого времени – перцептивного, которое свидетельствует о том, что в сознании, памяти автора-повествователя точное календарное время протекания определенного события ассоциируется с конкретным сезоном года: у

Матусовского: «На исходе лето сорок первого года» [1, с. 150]; «Забыл досказать лишь одно: к лету сорок второго года партизаны стали чувствовать себя в этих местах полными хозяевами» [Там же, с. 194]; у Симонова: «Впервые жизнь меня с чем-то похожим столкнула и заставила думать об этом позже, летом тридцать седьмого года» [3, с. 152]; «В конце лета тридцать восьмого года я стал членом Союза писателей» [Там же, с. 178].

Семантику приблизительного календарного времени образует группа конструкций-высказываний с обстоятельственно-атрибутивными словосочетаниями описательного характера, в которых обязательной является сема сезона года. В таких высказываниях выражение категории времени связано с его поэтико-метафорическим осмыслением: у Матусовского: «Сквозь верхние махонькие окошки наискосок, как в храме, бьет медовое августовское солнце» [1, с. 318]; «И сразу в кабину хлынул ликующий летний полдень с перешептыванием трав и трезвоном кузнечиков» [Там же, с. 198]; у Симонова: «Я шел пешком через раскалённый за день жарой южный город» [2, с. 720]; «Потом к нам присоединился ещё один наш коллега и сидя с нами на скамейке под звёздами в эту прекрасную южную ночь, начал шумно рассказывать свои бесконечные боевые эпизоды» [Там же, с. 740].

Синтаксические конструкции с лексемой общей семантики *время* в сочетании с прономинативом *тот*, а также в сочетании с номинативом *война* и его производными в художественной структуре текстов анализируемых произведений указывают на выделение в авторском сознании глубоко лично значимых временных сегментов в рамках биографического времени: у Матусовского: «Полосы фронтовой газеты дают возможность почувствовать, чем жил фронт в то время» [1, с. 188]; «Еще с довоенного времени я знаю этот кабинет, так как одно лето с разрешения вдовы поэта работал здесь почти месяц...» [Там же, с. 330]; у Симонова: «Я в то время увлекался Киплингом, напечатал в «Молодой гвардии» несколько своих переводов из Киплинга, считалось, что удавшихся мне» [3, с. 157]; «Если говорить о собственной жизни, то с моей стороны будет правильно именно здесь пропустить семь лет, переброситься из августа и сентября тридцать девятого года в август и сентябрь сорок шестого, в послевоенное время» [Там же, с. 215].

Примечательно, что лексема *война* в сочетании с предлогами в структуре высказываний исследуемых мемуарных текстов приобретает способность очерчивать глобальную темпоральную этапность в биографическом времени: у Матусовского: «После войны я перелистал множество сборников русских частушек, изданных в разное время, и нигде не нашел четверостиший, слышанных мною в последнее лето перед войной недалеко от Жигулей» [1, с. 300]; у Симонова: «После конца войны я вернулся в Москву не сразу, уже где-то в июне, близко к Параду Победы» [3, с. 231]; «Теперь, после войны, заново проехав эту дорогу, я понял, что всё было совсем не так» [2, с. 131]; «Причиной для размышлений была реальная история нашего общества перед войной, во

время войны и после неё» [3, с. 66]. Таким образом, в мемуарном нарративе писателей, принадлежащих к одному поколению, лично знакомых с понятием военного времени, темпоральные конструкции с лексемой *война* наделены особой психологической значимостью в осмыслении течения жизненного времени.

Типологическое сходство синтаксической структуры мемуарных текстов М. Матусовского и К. Симонова проявляется также в употреблении конструкций-высказываний, реализующих нарративные стратегии диалогизма и автодиалогизма. Если у М. Матусовского в книге «Семейный альбом» можно выделить синтаксические единицы обеих планов («*Если вы будете хоть несколько часов проездом в Крестцах, обязательно найдите время, чтобы побывать на фабрике «Крестецкая строчка»*» [1, с. 185]; «*Позвольте, где же я слушал в последний раз сверчка? Да, да, точно, – это было в деревне Залесье, на Северо-Западном фронте*» [Там же, с. 338]), то в повествовании К. Симонова преобладают конструкции стратегии автодиалогизма («*Спрашиваю сейчас себя: наложило ли какой-то след все происшедшее тогда, тем летом в Саратове на моё общее восприятие жизни, если угодно, на психологию пятнадцати-шестнадцатилетнего подростка? И да, и нет!*» [3, с. 104]; «*Присутствовал ли в этом личный момент? Очевидно, присутствовал*» [2, с. 183]).

Как показывает структурный анализ, конструкции-высказывания, воплощающие в рассматриваемых мемуарных текстах нарративную стратегию автодиалогизма, создают семантику установки авторов предельно искренне, правдиво вести повествование о событиях прошлого, быть максимально честными со своими читателями, дать им возможность самостоятельно определять истинность их высказываний относительно тех или иных событий. Синтаксические конструкции-высказывания такого типа неизбежно содержат смысловые оттенки оценочности: у Матусовского: «*Печататься я стал рано и, к сожалению, слишком легко*» [1, с. 67]; «*В песне предпочтительнее, на мой взгляд, даже некоторая наивность, нежели вычурная надуманность и тяжеловесность*» [Там же, с. 173]; у Симонова: «*Словом, я внёс нечто личное в этот разговор, очевидно так*» [3, с. 251]; «*Допускаю, что я был поглощен своим, поэмой, стихами, вообще был ещё, как говорится, молод и глуп, но из этой странной, на нынешний взгляд, лагерной командировки я вернулся без ощущения тяжести на душе*» [Там же, с. 119].

Отличительной чертой повествовательной манеры М. Матусовского является лиризм, нередко обуславливающий детализацию событийного плана. Стил изложения у К. Симонова тяготеет к документальному, предполагающему лаконизм, свернутость повествования. Однако оба писателя используют односоставные синтаксические конструкции разных типов для создания эффекта репортажности изображаемых событий, динамизации повествования: 1) конструкции с признаками смысловой парцелляции, графически обозначаемой многоточием в начале и в конце высказываний: у Матусовского: «*...но больше всего я любил уроки геодезии*» [1, с. 79]; «*...У*

этого рассказа есть свое продолжение» [Там же, с. 195]; у Симонова: «Вода была родниковая, холодная, и мы пили её жадно, досыта...» [2, с. 214]; «Именно с таким чувством на рассвете следующего дня я написал для «Известий» свой первый в жизни очерк о танкистах...» [Там же, с. 193]; 2) конструкции в прошедшем времени и настоящем историческом: у Матусовского: «Шло лето предпоследнего года войны» [1, с. 63]; «Деревенская изба» [Там же, с. 167]; у Симонова: «Было восемь утра. Светло. Ясная, свежая погода после дождя» [2, с. 62]; «Последнее воспоминание об Одессе» [Там же, с. 721]; 3) конструкции в настоящем историческом времени с указательным местоимением *вот*: у Матусовского: «И вот прямо с улицы мы попадаем во дворец, ставший городским музеем» [1, с. 210]; у Симонова: «Вот они сидят передо мной за столом, эти тыловики» [2, с. 479].

Выделенные типы синтаксических конструкций-высказываний в повествовательной структуре мемуарных текстов М. Матусовского и К. Симонова свидетельствуют о подобии фрагментов языковой картины мира обоих писателей в освоении ими речевого жанра воспоминания. Использование писателями синтаксических единиц одного типа подчинено единым целям мемуарного нарратива – максимально правдиво, искренне сквозь призму авторского личностного видения отобразить события прошлого.

Литература

1. Матусовский М. Семейный альбом / М. Матусовский. – М. : Советский писатель, 1983. – 432 с.
2. Симонов К. М. Разные дни войны : Дневник писателя, Т. 2. 1942–1945 годы / К. М. Симонов. – М. : Молодая гвардия, 1977. – 781 с.
3. Симонов К. М. Глазами человека моего поколения : Размышления о И. В. Сталине / К. М. Симонов ; сост., предисл. и подгот. текста Л. Лазарева. – М. : Правда, 1990. – 427 с.
4. Таймазова Л. Л. Память как одна из основополагающих мемуарной прозы [Электронный ресурс] / Л. Л. Таймазова // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 69. – С. 74–77. – Режим доступа: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/10444/21-Taymazova.pdf?sequence=1>
5. Тартаковский А. Мемуаристика как феномен культуры/ А. Тартаковский // Вопр. литературы. – 1999. – № 1. – С. 35–55.

РОЛЬ ГРЕКО-ЛАТИНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ УКРАИНСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Луценко Анастасия Владимировна,
студентка I курса строительного института

Чернышова Лариса Ивановна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

Общеизвестно, что заимствование иностранных слов является закономерным процессом развития языка. В области терминологии интернационализация словарного состава языка особенно заметна, потому что сама наука все больше интернационализируется, и этот процесс постоянен: каждая наука постоянно совершенствует свою терминологию по мере развития и углубления научных знаний.

В системе современной украинской экономической терминологии, сложившейся на почве широкого и всестороннего использования всех ресурсов общенационального языка, интернациональные термины являются ее органической частью. Зафиксировать достижения человеческой цивилизации, проанализировать и обобщить хозяйственные явления и достижения из-за появления новых понятий помогает совершенная научная терминология, которая выходит за национальные рамки. По традиции, интернационализмами называем лексические единицы, составляющие фонеморфологические варианты слов или морфем, которые распространяются из общего источника в неродственные языки и имеют в этих языках идентичную или похожую семантику и графику.

Анализ интернационализмов в современной украинской экономической терминологии показал, что самой многочисленной группой терминов, которые создавались на основе заимствований из классических языков — древнегреческого и латинского или созданные с помощью греко-латинских элементов, почти на 30–40 процентов базируются на этих языках.

Среди экономических терминов фиксируем греческие заимствования: *автаркия, ипотека, кризис, экономия, агрономия, монополия, олигополия, монопсония, хартия, полиполия*. Латинских заимствований для обозначения экономических понятий в украинском языке значительно больше, чем греческих, несмотря на то, что проникли они в словарный состав значительно позже. «Словарь иностранных слов» фиксирует более 300 терминов латинского происхождения для обозначения социально-экономических понятий, в частности: *акция, актив, абсентеизм, аукцион, бонус, виндикация, дебет, девальвация, декларация, дефицит, дивиденд, дотация, инфляция, коммерция, квота, конверсия, конкуренция, кооперация, компенсация, локо, латифундия, лицензия, монетаризм, новация, номинал, негоция, облигация, аренда, пассив,*

посессия, продукция, пролонгация, реверс, ревизия, реинвестиции, рекламация, ремиссия, санация, сервитут, субаренда, субституция, трансация, фабрикат, фидуция, фиск, флуктуация, цессия и др.

На сегодня важно определить роль этих заимствований в формировании украинской экономической терминологии, проследить начальные этапы вхождения их в удельный словарный состав. Взаимодействие греческого и украинского языков не прекращаются на протяжении веков, особенно после принятия христианства, в эпоху Киевской Руси, когда влияние греческого языка происходило как устно, так и через письменность, а с XVI в. (с увеличением в Украине сети учебных заведений, где изучался греческий язык) появляется много научных понятий, научных терминов. Заимствования передавались уже не через греческие письменные источники, а чаще всего через латинский язык, из которого усваивались термины греческого происхождения.

Проникновение латинских слов в украинский язык интенсивно начинается после выделения его в самостоятельный язык украинской народности (XIV–XV вв.). Появление терминов-латинизмов в украинском письменных памятках проходило двумя путями. Один был связан с тем, что латинский язык стал в то время языком науки и важным учебным предметом в братских школах и Киево-Могилянской академии, выполняя роль посредника в заимствованиях. Латынью были переведены труды древнегреческих философов Ксенофонта, Платона, где встречаются рассуждения по экономическим вопросам, в частности в трактате Аристотеля «Экономика», где описано организацию богатства в имении рабовладельца. Латынью писали свои произведения такие выдающиеся деятели, как С. Яворский, Ф. Прокопович, а позже Г. Сковорода. Поскольку наука о народном хозяйстве была неотделима от философии, то уже в трудах Г. С. Сковороды мы встречаем термин «экономия». Кроме того, латинские термины широко были представлены в актовых книгах украинского языка, и попали они в украинские деловые документы через посредничество чешского и польского языков. Об этом свидетельствуют «Воłyньские грамоты» XVI в., где встречаются латинские термины для обозначения имущественно-правовых понятий. Так, понятие «духовное завещание» передавалось термином *testamenta*; «залог» – *obligatio*; «нуданое» – *dotalitium*; «наследие» – *divisio*; «сбор налогов» – *exactio*; «дарственные записи» – *donatio* и др. Фиксирует их и «Словарь староукраинского языка XIV–XV вв.», например: *ревизия*, лат. *revisio* «просмотр»; *контрактЪ*, лат. *contractum*; *концессия*, лат. *concessio* «разрешение, уступка» и др.

Эпоха раннего капитализма была и временем рождения современных наук, в частности политэкономии, которая испытывала острую потребность в научной терминологии. Особенно украинскому научному языку не хватало абстрактной лексики, способной обслуживать различные сферы общественной жизни. По мнению О. Г. Муромцевой, с 60-х годов XIX в. по первое десятилетие XX в. включительно в украинский литературный язык вошло более 1000 лексем интернационального происхождения для выражения понятий

общественной, идеологической, экономической, философской сфер. Наиболее полное представление об объеме заимствованной лексики дают «Словарик объяснения чужих и не слишком понятных слов» В. Долманицкого (Киев, 1906) и «Словарь чужих слов» С. Кузели и М. Чайковского (Черновцы, 1910), где зафиксировано около 200 тогдашних экономических терминов. Базовые термины-интернационализмы, касающиеся экономики, отражены также в работах И. Франко, М. Драгоманова, С. Подолинского, М. Грушевского, Леси Украинки, например: *экономика, экономический, индемнизация, кризис, конфискация (конфиската), монополия (монополь), экспроприация, латифундия, локация и др.*

Вместе с тем в это же время происходят бурные дискуссии о чистоте украинского литературного языка, в которых остро ставился вопрос об употреблении иностранных слов. Пуристы-реформаторы стремились очистить украинскую терминологию от интернационализмов, заменив их исконно русскими эквивалентами: *кризис – перелом; дивиденд – делящийся барыш; дебет – долг; дамно – убыток; гарантия – безопасность; конкуренция – наперегонки; кредит – заимствования; функции – отправление и др.* Часть иностранных слов подавалась в народной трансформации: *контракты* вместо *контракты*, *дзбанок(банк), рандарство (орендарство)* и др.

И. Франко выступил с острой критикой пуристов, соблюдая принципы умеренного сочетания национальных и интернациональных элементов. И. Франко отрицал как немотивированное заимствование иностранных слов, так и диаметрально противоположное явление узконационального пуризма, считая, что для всех терминов (как собственно украинских, так и заимствованных) необходимым есть приведение их к фонетическим, дериватологическим, морфологическим, синтаксическим, орфографическим и стилистическим нормам родного языка. Эти соображения касаются и украинской экономической терминологии, которая, формируясь на национальной основе, постоянно пополняется иноязычными заимствованиями, которые органично входят в ее состав.

В частности:

1. В системе экономической терминологии наблюдаем случаи параллельного употребления терминов-интернационализмов и собственно украинских терминов: *экономика – хозяйство, аккумуляция – накопление, индустрия – промышленность, аукцион – торги, эксплуатация – эксплуатирование, репродукция – воспроизведение.*

2. Украинские соответствия, имеющие латинскую основу без флексии: *бонус, инвентарь, номинал, актив, дефицит, дивидент* и т. п.

3. Греческие и латинские термины, имеющие украинизированную грамматическую форму: *экономика, ипотека, эмиссия, индексация, контрибуция, аренда, квота* и т. п.

4. Многие термины латинского происхождения попали в украинскую экономическую терминологию через немецкий, французский, итальянский, английский языки, например: *капитал* (нем. *kapital*, лат. *capitalis*); *инвестиция*

(нем. *investition*, от лат. *investio*); *акциз* (франц. *accuse*, лат. *accusua*); *аккредитив* (франц. *accreditif*, лат. *accrediter*); *валюта* (итал. *valuta*, лат. *valete*); *экспорт* (англ. *export*, лат. *exportare*); *импорт* (англ. *import*, лат. *importare*) *касса* (итал. *cassa*, лат. *capsa*).

5. Наличие терминологических единиц смешанного типа: *микроэкономика*, *макроэкономика*, *субаренда*, *квазиденьги* и др.

Основную массу терминов этого разряда составляют термины-словосочетания, которые появились в украинской экономической терминологии преимущественно на современном этапе и свидетельствуют об устойчивости в украинском языке этих лексических единиц: *экономическая экспансия*, *экономика производственной сферы*, *эмиссионный доход*, *курс облигаций*, *золотые аукционы*, *инвестиционные ценные бумаги*, *нуллификация денег* и др. Проанализированные термины-интернационализмы свидетельствуют о том, что в украинском языке они хорошо адаптировались в соответствии с ее фонетическими и грамматическими законами, а наличие иностранных слов обогащает язык, поскольку интернациональное не противостоит национальному, а воплощается в нем.

Итак, заимствования из древнегреческого и латинского языков за несколько веков своего функционирования в экономической терминологии сыграли только положительную роль в формировании ее словарного состава, прочно утвердились в украинском языке и составляют его неотъемлемую часть.

Благодаря интернационализации национальной терминологии язык выходит на международную арену, дает возможность народу глубже овладеть лучшими образцами мировой культуры.

Литература

1. Голуб И. Б. Культура письменной и устной речи : учеб. пособие / И. Б. Голуб. – М. : КНОРУС, 2014. – 264 с.
2. Непийвода Н. Ф. Мова української науково-технічної літератури. Функціонально-стилістичний аспект / Н. Ф. Непийвода. – К. : Міжнародна фінансова агенція, 1997. – 303 с.
3. Онуфрієнко Г. С. Науковий стиль української мови : Навчальний посібник з алгоритмічними приписами / Г. С. Онуфрієнко. – 2-е вид. перероб. та доп. – К. : Центр учбової літератури, 2009. – 392 с.

КОНТЕКСТУАЛЬНА АСОЦІАТИВНІСТЬ ЯК УЗАГАЛЬНЕННЯ ТЕКСТОВИХ АСОЦІАЦІЙ (НА МАТЕРІАЛІ ПОЕТИЧНОГО СЛОВОВЖИВАННЯ НАЗВ СПОРІДНЕНOSTI)

Марфіна Жанна Вікторівна,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри української мови та загального мовознавства,
декан філологічного факультету
Луганський державний університет ім. Тараса Шевченка

У художньому тексті слова не існують ізольовано одне від одного: вони створюють певну асоціативно-семантичну єдність, зв'язність, що реалізує певну тему й відповідає авторському задуму. Ще Г. Винокур у роботі “Про мову художньої літератури” відзначив властивість поетичного слова входити у відповідні “сміслові ряди” залежно від того образу, основою якого є це слово [1, с. 29]. Існування особливих парадигматичних мікро- та макросистем у художньому тексті, основою яких є асоціативно-семантичні зв'язки, відзначали у своїх роботах М. Братусь, В. Буда, Н. Данилюк, Л. Дідківська, Н. Дужик, С. Єрмоленко, Т. Коць, О. Маленко, Н. Мех, Л. Савченко, В. Сиротіна, Л. Ставицька та інші.

Серед асоціативних ліній, що виникають у польових структурах поетичного тексту, виокремлення контекстуальної асоціативності пов'язане з усвідомленням того, що асоціативність у контексті – це не лише відображення дистантних чи контактних відношень, взаємозалежностей між мовними одиницями, між асоціатом і асоціативом, а й відношення до ситуації.

Як мінімальну одиницю для визначення контекстуальної асоціативності ми обираємо певний смисловий, синтаксично оформлений та інтонаційно завершений відрізок поетичного контексту – вірша, необхідного для ідентифікації ситуативно-смислового змісту слів-поетизмів, їх дискурсивної затребуваності. Такий мінімальний поетичний контекст дає уявлення про тему висловлювання, яка, як правило, виявляється у текстах описово-буттєвого змісту. Тему контексту відображає слово-поняття, яке можна вважати своєрідним фіксатором фрагментів реального світу. Проведення такої операції зумовлене тісним зв'язком логіко-семантичного та психологічного аспектів систематизації мовних одиниць. Визначені до мінімальних контекстів асоціати згруповано у ширші семантичні групи – класи.

Масив стилістичних контекстів мови ХХ ст., у яких вживаються назви спорідненості (далі – НС), дає підстави для виокремлення певних **тематичних класів контекстуальних асоціатів:**

1. Клас внутрішньопсихологічних асоціатів, як-от: самотність, любов, щастя, спокій, гордість, надія, ніжність, радість, лагідність, ласкавість, мудрість, порозуміння, скорбота тощо: *“А було стільки ніжності в нашої неньки, Та ще більше було в неї ласки”* (Л. Забашта) – ас. з ніжністю, ласкавістю; *“Як Малуша благає сторожу! Божеволіє, молить: Синочок конає*

тепер!” (С. Дзюба) – ас. з тривогою; *“Хай сняться вашим сном Червоні сні калини, Щасливиться ночам з дитини до дитини”* (М. Вінграновський) – ас. зі щастям.

2. Клас морально-етичних асоціатів, як-от: доброта, підтримка, турботливість, щедрість, самовідданість, авторитет, совість, духовність, обов’язок, моральна відповідальність, вимогливість тощо: *“Мій дім в душі, де світиться мій рід”* (Н. Гнатюк) – ас. з духовністю; *“Неначе в дім батьків, Надійний, звичний, добрiстю зогрітий, На ці віками витертi ступені, На ці віками викрашені плити Я без покори й остраху ступив”* (М. Бажан) – ас. із надійністю; *“На землі тилівій, оборонній, після лютої дуже зими недаремно в плуги замість коней запрягалися наші мами”* (А. Бортняк) – ас. із самовідданістю.

3. Клас динамічних асоціатів, як-от: розставання, пам’ять, спогади, зустріч чекання, господарювання, каяття, працьовитість, гостинність, праця на землі, оповідь, порада тощо: *“Поїхали на сквиру, на гриби ..., Де дядько крише підсвинкам буряк, Де тітка гусям – гиля, гуси, гиля!..”* (М. Вінграновський) – ас. з господарюванням; *“А ти, мати, мене та від хати, Будеш, мати, мене проводити, Мене проводити та не забувати...”* (М. Вінграновський) – ас. з розставанням; *“Поїзд визирне з далини – я очікувально озирнуся, з чоловіком своїм з війни приїздила до нас тьотя Нюся”* (В. Березінський) – ас. з чеканням.

4. Клас загальнокультурних асоціатів, як-от: родовід, спадковість, пісня, духовні (життєві) цінності, родина, сім’я, традиції, рідна домівка, хата, духовна спадщина, берегиня, мова, молитва, багатство, доля, оберіг, добробут: *“І я стою у цьому верем’ї, Хвилююся, аж кров у скроні стука, Як предки хвилювалися мої І будуть хвилюватися онуки...”* (В. Мороз) – ас. із спадковістю; *“Вельможі пихаті і горді Плетуть родоводів в’язь: В одного – прапрадід став лордом, В іншого – прадід князь”* (В. Симоненко) – ас. з родоводом.

5. Клас суспільно-політичних (ідеологічних) асоціатів, як-от: Батьківщина, війна, єдність, воля, взаємодопомога, патріотизм, народ, подвиг, колективізм тощо: *“Сашкові тільки двадцять з гаком, Душа сумує за бараком, Де всі – рідня, де всі – свої, Де всі походились краї...”* (М. Подолян) – ас. з колективізмом; *“Ще війни жахне котилось коло Вигроном невітшим і гірким. У тієї безвісти синочок, Іншій – надійшла учора вість...”* (Д. Головка) – ас. з війною.

6. Клас темпоральних асоціатів, як-от: майбутнє (щасливе), дитинство, минуле, старість, вічність, молодість, юність: *“Отак летіти б вік у вік нам в ясне майбутнє – швидко-швидко. До правнуків, до невідомих, що звідають космічні далі”* (В. Швець) – ас. з майбутнім; *“Той паперовий змії що ми змайстрували разом з батьком і братом кудись відлетів...”* (Р. Мельників) – ас. з дитинством.

7. Клас етнокультурних асоціатів, як-от: вишиванка, земля, колисанка, казка, квіти: *“Я лишився з цвітом-вишнею, Із узором-рушником ... З тим, що сестри, було, вишили, І красою очі тішили, Коли був ще юнаком”* (П. Усенко) –

ас. з вишиванкою; “В білій льолі люлСпатоньки-спатулі, Тато-мама, тато-мама Колисали ...” (М. Вінграновський) – ас. із колисанкою. 8. Клас фізичних асоціатів, як-от: сила, втома, сирітство, джерело життя: “І силу, й славу маєм шанувати, Котрих зажив наш хліборобський рід” (М. Братан) – ас. з силою; “На бабусину трин-траву голубів прилітає пара. Шепче бабуся: “Проживу, але за що мені ця кара?” (В. Березінський) – ас. із втомою;

9. Клас зовнішніх асоціатів, як-от: краса, усмішка: “Ми всі з такої далини, З такого давнього просвіту, Де повні мужності сини, А доньки – сонячного цвіту” (О. Довгий) – ас. з красою; “Я прийду [до дядька] і вимовлю: – Спасибі, – І нічого більше не скажу. За твою усмішку, рідну й милу, За казки в дніпровому краю, За любов і за пісенну силу, І за ніжність мріяну твою” (А. Малишко) – ас. з усмішкою.

10. Клас міфічних асоціатів, як-от: безсмертя, слава: “В чорнім горі і журі Віру нашу не підняти: Умирають матері, Та не вмере ніколи Мати!” (Б. Олійник) – ас. з безсмерттям; “І силу, й славу маєм шанувати, Котрих зажив наш хліборобський рід” (М. Братан) – ас. зі славою.

Типологію асоціатів визначають синтагматично і смислово наголошені частини мінімального контексту-речення. Ці частини – слова, словосполучення, словесні ряди – класифіковано залежно від їх граматичних, лексико-тематичних властивостей, логіко-семантичних зв’язків стимулу й асоціата, ступеня зв’язності елементів словосполучення, характеру їх семантичної трансформації.

Як загальний критерій для побудови класифікації типів асоціатів беремо структурний, що визначає “кінечність” типів стимулів у мінімальному поетичному контексті на відміну від “безкінечного” семантичного.

Отже, найбільш поширений тип асоціатів, – той, що виражений **одним словом** (у межах поетичної синтагми). Серед них виокремлюються наступні підтипи:

1) дієслівно-предикативний, як-от: “**Веди** нас, батьку, в рідний дім, **Приймай** нас, батьку, на поріг, **Постав** на стіл, що приберіг” (А. Малишко) – ас. з гостинністю; “За селом на вечірній дорозі У промінні осіннього сонця **Я зустрів** своїх батька-матір” (М. Вінграновський) – ас. із зустріччю; “**Мета**, онучку, – то вставати рано, лягати пізно” – так твій дід **робив**” (В. Гужва) – ас. з працьовитістю.

Для описово-буттєвих контекстів характерне висування дієслова-предиката у сильну позицію поширеного обставиною способу дії або місця простого двоскладного речення (або частини складного речення). У такому реченні головний член-підмет – НС, а присудок із залежною обставиною – асоціат, підпорядкований асоціативу цілого контексту: “Я тобі розкажу, що твій татко **дуже любив** тебе і **дуже скучав** за тобою; твій татко носив тебе у своїх очах і не віддавав нікому – чуєш, ніколи й нікому” (Н. Поклад) – ас. з батьківською любов’ю; “**Тут бій** кипить. **Тут падають брати**. **Тут рота помирає** од знемоги...” (М. Шевченко) – ас. з війною;

2) а т р и б у т и в н и й – це означення при НС, що конкретизує загальну чи індивідуальну властивість означуваного і збігається семантично з асоціатом:

“На кров народу, в боротьбі пролиту, на честь батьків, що **вольними** жили, ... – я присягаюсь і клянусь” (Карманський) – ас. з волею; “А був у батька характер **крутенький**, Турецької, певне, закваски...” (Л. Забашта) – ас. з суворістю;

3) з’ясувальний номінатив – іменник, що стоїть на початку речення й визначає зміст синтагми, її тему, як-от: “**Щедрість** – це коли діти, В битву йдучи, цілують Матері владну руку, Моляться тільки їй” (М. Чернявський) – ас. із щедрістю; “**Клопоту** ще й додалося – Янка підроста, синок” (О. Ющенко) – ас. з клопотами;

4) родовидової суміжності стимулу й асоціата, репрезентований тематичним класом загальнокультурних асоціатів: слово – елемент духовної спадщини. Наприклад: “О рідне слово, що без тебе я?! Тебе у спадок віддали мені Мої батьки і предки невідомі, що згинули за тебе на вогні” (Д. Павличко) – ас. зі спадщиною духовною;

5) предметно-поняттєвої суміжності стимулу й асоціата, коли стимулом є артефакт, напр., паперовий змій, скриня: “Той **паперовий змій** що ми змайстрували разом з батьком і братом кудись відлетів ...” (Р. Мельників) – ас. з дитинством; “Добре живеться тітці Ярині: Сонце – у вікна, І в хаті – **скриня**” (І. Білий) – ас. з добробутом;

6) асоціатдорівнює асоціативу, тобто мікроконтекст та вичленований асоціат є структурно й семантично тотожні: “Вельможі пихаті і горді Плетуть **родоводів** в’язь: В одного прапрадід став лордом, В іншого прадід – князь” (В. Симоненко) – ас. з родоводом; “Привіт вам, любі сестри і брати, Невже на світі ще існує злоба? У душах ваших стільки ж доброти!” (М. Братан) – ас. з добротою;

7) нумеральний як засіб стилістичної гіперболізації суспільно-політичної теми єднання народів, а також як стилізований фольклорний елемент. Поширений у мові поезії першої половини ХХ ст. (до кінця 70-х років), напр.: “Ми ідем веселі на паради, **Міліони** – сестри і брати” (О. Близько) – ас. з єдністю.

Другий за активністю тип асоціатів, що має форму **словесного ряду**. Серед них виокремлюємо такі підтипи:

1) лексико-тематичний, тобто мінімальний контекст містить дві, три та більше мовних одиниць, підпорядкованих темі висловлення. Наприклад: “Ще **війни** жахне котилось коло Вигролом невтішним і гірким: У тієї – **безвісти синочок**, Іншій – **надійшла учора вість...**” (Д. Головка) – ас. з війною;

2) ампліфікаційний з різновидами:

а) номінативно-перелічувальне нанизування іменників: “Заграй, сивий **Дніпре**, вітрами подми, Щоб бачили ми твої хвилі ревучі, Батьків невідкорених, **доли і кручі, Стежки і дороги**, де вирости ми!” (А. Малишко) – ас. з Батьківщиною; “Минуть роки. І я гукну домашніх – **синів, дочок, внучат, увесь мій рід** зніматися на тлі старої бапти: **онук** був, **син**, а стали – **батько й дід**” (В. Гужва) – ас. з родиною;

б) висхідне номінативно-перелічувальне нанизування прикметників:

*“Неначе в дім батьків, **Надійний, звичний, добрістю зогрітий**, На ці віками витерті ступені, На ці віками викрашені плити Я без покори й остраху ступив”* (М. Бажан) – ас. із добром, надійністю;

в) висхідний номінативно-підсилювальний із змінюваними дистрибутами:

*“Вам дорогий **ваш біль, ваш хміль, Ваш серп, ваш меч, ваш спів, ваш гнів, І усміх дочок і синів...**”* (М. Рильський) – ас. з життєвими цінностями; *“Скучив за степом, скучив за лугом, скучив за ставом, скучив за гаєм, скучив за сином, скучив за другом, скучив за матір’ю, за рідним краєм”* (В. Стус) – ас. з рідною домівкою;

3) лексичний повтор, наприклад: *“Ой стара бабуся – дев’яносто. **Нажила**сь на світі, що й казати. Не так **нажила**сь, як **наробила**сь – і рук і ніг не чує на негоду”* (В. Мисик) – ас. із старістю; *“І ми потиху та помалу **Співали** пісню, в знак надій, Ту, що в Смоленщині бувало **Співав** у кузні батько твій”* (А. Малишко) – ас. з піснюю.

Третій за активністю тип асоціатів, що мають **форму словосполучень**. Серед них виокремлюються наступні підтипи:

1) з метафоричним асоціативом-словосполученням як смисловим центром мінімального поетичного контексту, а саме: *“Ти дуже зносився, мій батьку, я бачу, **Літа, наче коні, промчали на мості**, А ми ж із тобою похожі на вдачу І щирі занадто”* (А. Малишко) – ас. зі старістю; *“Ми всі з такої далини, З такого давнього просвіту, Де повні мужності сини, А **доньки – сонячного цвіту**”* (О. Довгий) – ас. з красою;

2) символічний асоціатив. Наприклад, архетип *смерть* представлений асоціативом верба: *“І привезли у цинковій труні // В село “афганця” тіло поховати, // І плакали надривно батько й мати, // І **гнулись верби**, тихі і сумні”* (І. Савич) – ас. з горем;

3) розмовні й книжні фразеологічні одиниці, ситуативні фразеологічні сполуки, які є номінативно-експресивним центром поетичного контексту: *“У власній хаті – то уже що інше: як тато в двері, діти в кутик – **шурх**, а жінка – **нишком**, любить, аж не дише, бо **вкусить тазду муха** – буде рух!”* (Н. Давидовська) – ас. з батьківською суворістю;

4) стилізовані асоціативи – мовно-естетичні знаки народнопісенності, внутрішня форма яких містить контекстуальний асоціат: *“Ой **хмаронько, ой чаронько**, Не лети, Зірви з мене **листячко-намистечко** Без краси, У рідную родиноньку, На милую **Вкраїноньку Віднеси**”* (О. Олесь) – ас. з Україною; *“А **сестра**, як вийшла за ворота, **Всі луги й лужечки зацвіли**”* (А. Малишко) – ас. з красою.

Отже, як показує досліджений матеріал, **контекстуальна асоціативність** – це узагальнення текстових асоціацій, образних моделей, які в сукупності створюють певний тематичний логіко-семантичний комплекс.

Література

1. Винокур Г. О. О языке художественной литературы / Г. О. Винокур. – М. : Высшая шк., 1991. – 449 с.

ВЫМЫШЛЕННЫЙ ЯЗЫК В РОМАНЕ ЭНТОНИ БЁРДЖЕССА «ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН» И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Мацько Дмитрий Сергеевич,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры английской и восточной филологии

Гревцов Владислав Владимирович,
магистрант кафедры английской и
восточной филологии

Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

Значение данного произведения сложно переоценить. Энтони Берджесс по праву считается продолжателем футуристических традиций Джорджа Оруэлла. «Заводной апельсин» с циничным и жестоким антигероем Алексом, ведущим рассказ от третьего лица, – это многоплановое произведение, сочетающее и философско-этический трактат, и притчу-аллегорию, и пронизанную черным юмором фантазмагорию, и едкую сатиру на современное тоталитарное общество, скрывающееся под маской «демократического», и стремящееся с помощью античеловечной методики превратить молодое поколение в корзину послушных «заводных апельсинов», которыми можно манипулировать по своему усмотрению (что можно наблюдать в действиях различных «красных бригад», неофашистов, футбольных фанатов на Украине, являющихся, в немалой части, аналогами штурмовиков Рэма в Германии 30-х годов). Костяк подобных экстремистских движений составляют подростки, молодежь («онижедети»), которыми манипулируют иные, более серьезные силы.

Язык романа уникален уже тем, что его не существует в природе. Автор стремился и создать сленг, который бы существовал вне времени, и в то же время, отражал бы реальные молодежные сленги Англии. Само название произведения, – «Заводной апельсин» или в оригинале “Clockwork Orange” – это словечко из сленга **к о к н и**. Так, о какой-нибудь странной на их взгляд штуке, **к о к н и** отзываются примерно так – “она кривая, как **заводной апельсин**”. То есть вещь чудная, странная, не подпадающая под законы обыденности или элементарной логики. Нужно помнить при этом, что Берджес, знавший несколько языков, жил одно время в Малазии, а на малазийском языке *orang* – значит «человек», созвучно английскому *orange*, т.е., «апельсин». На игру со словом “orange” и его увязку с творчеством Дж. Джойса указывали (правда, в несколько иной версии) Г. Л. Анджапаридзе и Е. Ю. Гениева: «Ученик Джойса, свято верит, что слово – если это возможно – должно играть, Бёрджесс путает читателя словом “orange”, которое и в самом деле в английском языке означает «апельсин». Но сам Бёрджесс заимствовал его из джойсовских «Поминок по Финнегану». Куда оно, в свою очередь, попало из малайского языка, где *orang* означает «человек». Вот и получается, что заглавие

соответствует его замыслу – показать ужас современной механической цивилизации» [2, с. 288].

Вообще, язык к о к н и широко используется в романе. А вместе с ним "надсат" – несуществующий сленг, придуманный Бёрджессом и состоящий из цыганских и русских слов.

Одной из составляющих «надсадского» диалекта в книге стал **русский язык**. Во-первых, по причине увлеченности писателя языком ленинградских стилист. Оказавшись в Ленинграде, Бёрджесс, знавший русский язык, исписал несколько блокнотов, записывая слова, звучавшие для него странно. Во-вторых, из-за желания показать панический страх перед Россией, охвативший Британию в 60-е годы, в период Карибского кризиса.

Второй составляющей «надсата» стал **кокни** – сленг молодых лондонских «неформалов» из низших слоев общества, особенно, жителей Ист-Энда. Также, при создании «надсат» использовались цыганские слова, американский сленг. Все это должно было демонстрировать игровую манеру произведения.

Э. Бёрджесс назвал свой сленг «Nadsat» (транслитерация русского суффикса «-надцать» или общепринятое название «надсат» (аналог английского "teen"), так как герои произведения -подростки (тинэйджеры). О «надсат» или «надцать» нельзя говорить как о полноценном вымышленном языке. В своем эксперименте Э. Бёрджесс затрагивает только лексику, не приводя упорядоченной грамматической системы. «Надсат» – это около 250 слов и выражений, образованных в подавляющем большинстве случаев от русских корней. Можно обнаружить и несколько примеров сленговых единиц немецкого, французского, малайского и цыганского происхождения. В «Заводном апельсине» «надсат» описывается как "off bits of rhyming slang – but most of the roots are Slav Propaganda. Subliminal penetration" (отдельные элементы рифмованного сленга – но большинство корней славянского происхождения, проникновение на уровне подсознания). Для европейцев использование русских элементов «надсат» увязывается с угрозой распространения коммунизма и советских порядков в Европе. К концу романа читатель обнаруживает, что свободно владеет небольшим запасом русской лексики. Именно так работает технология идеологической обработки. Благодаря использованию «надсат», «Заводной апельсин» превращается в ребус, закодированное послание. Он создает эффект абстрагирования от привычного мира. Научившись понимать язык Алекса, читатель неизбежно понимает, о каком мире пишет Э. Бёрджесс. К. Дикс пишет, что, хотя нигде не говорится об истории этого общества, изображённое государство возникло, по-видимому, в результате русско-американского вмешательства, если не вторжения [5]. Бёрджесс довольно подробно разрабатывает вымышленный сленг «надсат», которому отведена в тексте отнюдь не вспомогательная роль. Именно этот элемент доминирует в игровой поэтике текста. Вот почему целесообразно подробно анализировать его как *особую языковую систему*. Уже в самом начале произведения, на его первой странице, читатель, знакомясь с характеристикой владельцев бара «Корова» (в переводе Синельщикова –

«Коровяка»), погружается в стихию повествования, обладающего внешним сходством с английским языком, но в значительной степени состоящего из окказиональных слов неанглийского происхождения. Их изобилие оказывает на читателя шоковый эффект: *«(They) had no licence for selling liquor, but there was no law yet against prodding some of the new vesches which they used to put into the old moloko, and you could peet it with vellocet or synthememes or drenchrom or one or two other vesches which would give you a nice quiet horrors how fifteen minutes admiring Bog And All His Holy Angels And Saints in your left shoe with lights bursting all over your mozg... »* [4, с. 3]. – *«"Разрешения на торговлю спиртным у них не было, но против того, чтобы подмешивать кое-что из новых shtutshek в доброе старое молоко, закона еще не было, можно было пить его с велосетом, дренкромом, а то и еще с кое-чем из shtutshek, от которых идет тихий baldiozh, и ты минут пятнадцать чувствуешь, что сам Господь Бог со всем его святым воинством сидит у тебя в левом ботинке, а сквозь mozg'i проскакивают искры и фейерверки"»* [1, с. 3].

В стилистическом аспекте лингвистической игры Э. Бёрджесса можно выделить такие функции сленга «надсат», как аллюзийная и каламбуробразующая.

Элементы «надсат» передаются латинскими буквами, однако Э. Бёрджесс не придерживается исключительно транскрипционного или транслитерационного принципа передачи русских слов, а совмещает их. Это позволяет нам выделить ряд соответствий в письменном обозначении звуков русского языка латиницей. Иногда автор намеренно искажает на письме транскрипцию слова, стилизуя иноязычные элементы под английские: передаёт русскую «к» в конце слова при помощи диграфа «sk», а вместо одной «s» в слове «goloss» пишет «ss», так как подобное написание слов более характерно для английского языка. В сленге, лексическая система которого состоит на 90% из слов русского происхождения, автор сохраняет английские грамматические формы и прибавляет к чужеродным для английского языка корням английские суффиксы. Таким образом, создавая форму множественного числа "zoob", Э. Бёрджесс прибавляет к основе английское -ies и получает в итоге "zoobies", а не транскрибированную форму множественного числа русского "zooby". Показатель множественного числа -s, характерный для английских существительных, встречается, например, в следующих словах: *veshehes, rassoodocks, lewdis, plaides, carmains, shlemmies*: *«Billyboy was something that made me want to sick just to viddy his fat grinning litso, and he always had this von of very stale oil that's been used for frying over and over, even when he was dressed in his best platties, like now»* [4, с. 13]. – *«Биллибой меня дико раздражал, до тошноты, я просто видеть не мог его толстый, ухмыляющийся morder, и к тому же от него еще и vonialo словно пережаренным жиром, пусть даже он, как в тот раз, был разодет в лучшие shmotki»* [1, с. 16].

Обратившись к структурно-этимологической классификации, можно констатировать, что по происхождению все элементы «надсат» целесообразно разделить на **5 групп**: Самую большую составляют слова, образованные от

русских корней, такие как: babooshka (бабушка), brooko (брюхо), deng (деньги), smot (смотреть), и др. Во *вторую группу* целесообразно объединить все остальные иноязычные заимствования неславянского происхождения. Например, заимствованное из немецкого слово shлага, образованное от «Schlager» – "драчун. *Третью группу* образуют авторские окказионализмы на основе романских и германских языков, образованные соединением или усечением основ. *Четвертую группу* составляют элементы, позаимствованные Э. Бёрджессом из реально существовавшего английского и американского сленга: например, в слове rozz, неоднократно встречающегося в романе, соединились значения русского рожа (rozha) и английского сленгизма rozzер (policeman): «*So I scrambled down, very stiff and sore, and not like real awake, and this rozz, who had a strong von of cheese and onions on him, pushed me out of the filthy snoring cell...*» [4, с. 55]. – «*Я кое-как слез, весь затекший, с ломотой в костях и совершенно сонный, так что пока мент, от которого diko несло сыром и луком, вытаскивал меня из загаженной храпящей камеры...*» [1, с. 69]. В *отдельную группу* выделяются слова, заимствованные из детской речи: например, appy polly loggies (apology) означает «извините»: «'Appy polly loggies', I said careful» [4, с. 38] – «"Иззи-винни-нитте", – осторожно проговорил я» [1, с. 51].

Аллюзийность – один из принципиально важных компонентов романа. Особая роль в романе отводится именам собственным, которые выполняют аллюзийную функцию. По признанию самого автора, Алекс (Alex) был задуман как антигерой, новый Раскольников, поэтому в его имени должно быть что-то героическое. Alexander – это «вождь народа». С другой стороны, Alex может значить "a lex (icon)", то есть «говорящий на собственном языке». Кроме того, "lex" на латыни значит "закон", а префикс "a" указывает на отрицание, то есть "человек, живущий вне закона" [3, с. 95]. С именем Алекса перекликается и имя другого персонажа, Ф. Александра, писателя, автора собственного "Заводного апельсина". Имена друзей Алекса – Джорджи, Пит и Тем (Кир, Кирилла-дебила, в версии Синельникова) – вызывают ассоциации с русскими и английскими именами. Метод лечения, которому подвергают Алекса, назван Ludovico. Название перекликается с именем любимого композитора Алекса Людвига ван Бетховена, под музыку которого и происходит просмотр «лечебных» фильмов. И кроме того, в английском языке ludo – настольная игра с бросанием костей, в чем можно усмотреть намек на антигуманную игру с судьбами людей.

Вымышленный сленг «надсат» выполняет и функцию создания доверительной атмосферы между героем и читателем. Если с читателем говорят на языке «закрытой» группы, это значит, что его принимают в свой круг.

Основными характеристиками художественного перевода являются достижение определенного эстетического воздействия, и создание художественного образа. Анализ переводов данного произведения показывает, что в связи с этой задачей типичны отклонения от максимально возможной смысловой точности с целью обеспечить художественность перевода. Основная

сложность перевода романа на русский язык состоит в том, чтобы «надсадские» слова для русскоязычного читателя выглядели столь же непривычно, как и для англоязычного. В. Бошняк придумал набирать эти слова латиницей, выделяя их таким образом из текста на русском языке. К примеру, перебранка Алекса с главарем вражеской банды: «Кого я вижу! Надо же! Неужто жирный и вонючий, неужто мерзкий наш и подлый Биллибой, *koziol* и *svolotsh*! Как поживаешь, ты, *kal* в горшке, пузырь с касторкой? А ну, иди сюда, оторву тебе *uaitsy*, если они у тебя еще есть, ты евнух *drotshenyi*!» [1, с. 13].

Существует несколько вариантов перевода романа на русский, но каноническим стал перевод Владимира Бошняка. Сам Бошняк рассказал об этом так: «В других переводах это обыгрывалось достаточно тривиально и неудачно. Жаргон делался на основе английских слов, что не выражало смысла. Ломаный русский жаргон надо было сохранить. А чтобы читатель не воспринимал их как просто русские слова, я их упрятал в латиницу, слегка исказив. Сейчас набор русского текста латиницей является обычным с приходом компьютера, который весь англизирован. Но тогда я чуть ли не первым в тексте применил латиницу для записи русского языка».

Перевод вымышленных слов и выражений, фигурирующих в романе Э. Бёрджесса, представляют собой не просто перевод набора окказионализмов иностранного происхождения, как чужеродного элемента основного текста, а целую систему переводческих приемов, обеспечивающих воссоздание заложенного в оригинал смысла. При этом, создание автором иллюзии подлинности «надсат» может помочь в индентификации наиболее приемлемого способа перевода. Близость «надсат» с реальными английским и американским сленгами проявляется в родстве структуры лексико-семантических полей, и в включении в «надсат» отдельных лексем реального существующего сленга. Языковой эксперимент для Э. Бёрджесса становится способом найти ответы на экзистенциальные вопросы, разрешить идущий от манихейства дуализм мировосприятия. Кроме того, писатель продолжает традиции, заложенные его кумиром Дж. Джойсом, и стремится поразить читателя новыми возможностями, открывающимися благодаря изощрённой языковой игре.

Литература

1. Бёрджесс Э. Заводной апельсин. – М., 2000. – 384 с.
2. Саруханян А. П. Английская литература. – М., 1987. – 514 с.
3. Хуснулина Р. Р. Английский роман XX века и "Преступление и наказание" Ф. М. Достоевского: Очерки о прозе О. Уайльда, В. Вульф, С. Моэма, Б. Хопкинса, Э. Берджесса, Дж. Фаулза / Р. Р. Хуснулина ; дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1998. – 103 с.
4. Burgess A. A Clockwork Orange. – Harmondsworth : Penguin, 2000. – P. 142.
5. Dix G. M. Anthony Burgess. – London : Longman, 1971. – P. 31.
6. Windle K. Two Russian Translations of A Clockwork Orange, or the Homecoming of Nadsat // *Revue canadienne des slavistes*. – 1995. – P. 76.

КОМУНІКАТИВНІ АСПЕКТИ НАУКОВОГО ТЕКСТУ

Мачай Тетяна Олександрівна,

кандидат педагогічних наук,
доцент, завідувач кафедри української і російської мов
Донецький національний технічний університет

Текст, науковий текст постійно знаходиться в центрі уваги учених-теоретиків і практиків. Як відзеркалення лінгвопсихоментальної діяльності мовця, як явище мовного та позамовного існування людини цей феномен набуває надзвичайно важливого значення. За визнанням багатьох дослідників, текст виконує такі важливі функції як участь у комунікації, збереження і передачу інформації у просторі і часі, фіксацію конкретних історичних фактів і культурних подій та соціокультурних традицій.

Загальновизнано, що в основі процесу комунікації лежить такий різновид діяльності людини, як її мовленнєва діяльність. Мовленнєва діяльність людини реалізується через дискурс (письмовий текст та усне мовлення). Такий поділ базується на тезі І. Р. Гальперіна, згідно з якою поняття тексту включається в поняття дискурсу [10, с. 56]. В. В. Красних [5, с. 53] також підтримує включення тексту в поняття дискурсу, оскільки в рамках мовленнєвої діяльності людини, дискурс існує у двох формах – письмовій та усній. При співвідношенні понять «дискурс» і «текст», ми вважаємо, що текст, як одна з одиниць дискурсу, виступає як явище не тільки лінгвістичне, але й екстралінгвістичне. Цей висновок зроблений з огляду на поняття самого дискурсу, поданого К. Серажимом, який розглядає його як «феномен, що має» «видиму» – лінгвістичну (зв'язний текст чи його семантично значущий і синтаксично завершений елемент та «невидиму» – екстралінгвістичну (знання про світ, настанови тощо) структуру» [10, с. 13]. Видимою частиною є письмовий текст, як базова, візуальна одиниця, яка передає дискурс на письмі. Поняття тексту І. Р. Гальперін визначив як – твір мовотворчого процесу, якому властива завершеність, що складається з назви і ряду особливих одиниць, об'єднаних різними типами лексичного, граматичного, логічного, стилістичного зв'язку, має певну цілеспрямованість і граматичну настанову [10, с. 57].

Другою видимою частиною дискурсу, на думку інших, є – усне мовлення, яке слугує акустичною одиницею вираження дискурсу. О. А. Лаптева відзначає, що «усне мовлення – це різновид розмовної літературної мови, що обслуговує повсякденне спілкування і виконує функції спілкування та впливу. Воно існує в діалогічній та монологічній формах, форма мовлення впливає на вибір засобів вираження» [6, с. 407].

Деякі дослідники вважають, що оскільки письмовий текст та усне мовлення передаються у монологічній та діалогічній формі, то дискурс, складовими якого є вищезгадані елементи, теж буде існувати у цих двох формах.

З точки зору комунікативних характеристик тексту теж відсутня однастайність поглядів. По-перше, одна група дослідників тексту розглядає його як саму комунікацію, по-друге, є і інше його тлумачення: «результат спілкування» [1, с. 177]. Іноді текст виступає як «вичерпаний», «зупинений» дискурс [1, с. 147].

Під науковим дискурсом (НД) ми розуміємо комунікативну подію у галузі науки та її інтерпретацію з урахуванням вербального та невербального контекстів. В основі такого підходу лежить визначення дискурсу, яке пропонує Д. Нунан, при якому текст розглядається як складова дискурсу, що письмово відтворює комунікативну подію. Науковий дискурс ми кваліфікуємо як комунікативну структуру, фреймові стратегії функціонування якої у комунікативному просторі науки визначаються комплексною взаємодією фреймів автора, предмета, адресата та мети НД, а, отже, він має великий комунікативний потенціал, який дозволяє активізувати різноманітні вербальні й екстравербальні засоби для адекватного відображення антропоцентричних, когнітивних, комунікативно-функціональних, соціальних і культурологічних факторів контекстуалізації, що формують жанровий контекст наукового дискурсу з метою реалізації авторської прагматики та досягнення мети комунікації.

Сфера впливу комунікативнотвірних фреймів наукового тексту/наукового дискурсу охоплює його структурно-композиційну організацію, стає одним із текстотвірних чинників, який визначає форми та шляхи використання структурно-композиційних компонентів наукового тексту (НТ), обумовлює утворення і функціонування його типологічних структурно-композиційних моделей. Науковий дискурс (НД) має своєрідну структурно-композиційну організацію, яка відрізняє його від інших інституціональних дискурсів. Концептуальна модель наукового тексту (НТ) складається з чотирьох структурно-композиційних рівнів: рівня заголовку, рівня вербального тексту, рівня ідентифікатора авторства та рівня візуального тексту. Кожний структурно-композиційний рівень складається з одного самостійного компонента й одного чи декількох факультативних. Комунікативний потенціал структурно-композиційних рівнів наукового тексту/наукового дискурсу визначається актуалізацією фреймових структур автора, предмета, адресата та мети наукового дискурсу. Можливість одночасної реалізації трьох фреймів (автора, предмета й адресата наукового дискурсу) на одному структурно-композиційному рівні створює умови для заміни одного структурно-композиційного рівня наукового тексту іншим і сприяє його лаконізації. Найбільш лаконічна структурно-композиційна модель наукового тексту складається з одного структурно-композиційного рівня – рівня ідентифікатора авторства, який є базовим структурно-композиційним рівнем наукового дискурсу, що визначає приналежність тексту/дискурсу до комунікативної сфери науки.

Винятковість ролі ідентифікатора авторства в структурно-композиційній організації наукового тексту зумовлює і розширення його присутності на всіх

структурно-композиційних рівнях наукового тексту. Якщо, наприклад, заголовок може виконувати функцію вербального тексту, то регламентованість ідентифікатора авторства не допускає заміни його іншим структурно-композиційним елементом наукового тексту і одночасно обумовлює його використання, а подекуди й домінування на інших структурно-композиційних рівнях наукового тексту. Це, на наш погляд, пояснюється тим, що ідентифікатор авторства виступає вербальною або невербальною базою реалізації фреймової організації наукового дискурсу: одночасної презентації фреймів автора, предмета, адресата та мети комунікації спеціалістів. Універсальність комунікативної природи ідентифікатора авторства обумовлює можливості його використання на будь-якому з структурно-композиційних рівнів наукового тексту/наукового дискурсу.

Так, наприклад, для наукового тексту у жанрі інженерної статті характерним є використання вербальних елементів. Ідентифікатор авторства виступає у цих текстах і заголовком, і основним текстом наукової чи науково-технічної статті, і власне ідентифікатором авторства, отже, усі три структурно-композиційні рівні представлені через ідентифікатор авторства. Символ останнього присутній і на четвертому структурно-композиційному рівні наукового чи науково-технічного тексту – рівні ілюстрації (таблиці, графіки, фото, обчислення тощо). Ця особливість структурно-композиційної організації наукового тексту, науково-технічного тексту стала ознакою авторського стилю комунікації спеціалістів – усі наукові тексти зберігають таку будову, відмінність кожного нового науково-технічного тексту забезпечується зміною фонові ілюстрації.

Складність явища «текст», його вагомість у життєдіяльності носіїв мови зумовлюють численні намагання розглянути і проаналізувати причини відсутності єдиного тлумачення феномена «текст», висвітлити проблему співвідношення мовних і мовленнєвих закономірностей, реалізовуваних автором у тексті.

Розв'язання практичних завдань різних галузей науки і техніки зумовлює інтерес до вивчення науково-технічного тексту на підставі теоретичного доробку досліджень мови й мовлення. Насамперед, являє інтерес розглянути матеріали науково-технічного тексту, а саме інженерної статті як форми фіксації інформації писемної, адресатної, комунікативно спрямованої на процес чи результат, узуальної (частково регламентованої) і вільної (у розумінні С. Гіндіна), дескриптивної (описової) і аргументативної (Е. Верліх) діалогічності тексту, насамперед, наукового тексту прогнозує значущість такої його складової, як категорія адресованості.

Вивчення природи та прагматичних властивостей адресованості займає значне місце у працях як вітчизняних, так і зарубіжних лінгвістів, серед яких, зокрема, Н. Д. Арутюнова, О. П. Воробйова, І. Р. Гальперін, Р. Інгарден, О. С. Іссерс, Н. П. Карпчук, О. С. Кубрякова, М. В. Нікітін, Ю. С. Степанов.

У визначенні центрального поняття ми поділяємо погляд О. П. Воробйової на адресованість як категорію дискурсу, що відображає спрямованість

адресанта на передбачуваного адресата комунікації. Серед основних механізмів формування тексту в ракурсі його адресованості виокремлюють когнітивний і комунікативний механізми. Когнітивний механізм адресованості дозволяє запускати та спрямовувати процес когнітивної обробки тексту читачем. Комунікативний механізм проявляється через поєднання мовленнєвих стратегій і тактик, які організують сприйняття та інтерпретацію тексту читачем.

Запуск механізмів когнітивної обробки текстів відбувається завдяки наявності такого елементу тексту, як невизначеність. Це явище, яке створює труднощі на шляху до сприйняття тексту, проблемну ситуацію, що потребує вирішення та стимулює читача до пошуку цього вирішення. Крім невизначеності у тексті виокремлюють ще й заданість, яка вказує читачеві на можливий чи бажаний напрям інтерпретації тексту. Реалізація когнітивного механізму адресованості передбачає орієнтацію читача на сприйняття тексту як зв'язної, цілісної послідовності висловлювань. На думку О. П. Воробйової, з точки зору такого трактування когнітивного механізму, текст являє собою ланцюжок поодиноких випадків невизначеності та заданості, які змінюють один одного та визначають хід декодування тексту читачем.

Інтенція адресанта, яка знаходить свій прояв, з одного боку, у бажанні показати ставлення адресанта до викладених фактів, а з іншого – викладати факти таким чином, щоб адресат міг зрозуміти, про що йдеться, відображається у виборі певних стратегій. Мовленнєва стратегія, у трактуванні О. С. Іссерс, являє собою комплекс мовленнєвих дій, спрямованих на досягнення комунікативної мети [2]. У своєму дисертаційному дослідженні Н. П. Карпчук вирізняє продукційні стратегії, що допомагають адресантові обрати адекватну композиційну модель дискурсу та здійснити вибір між експліцитною й імпліцитною інформацією та стилістичні стратегії, які сприяють експлікації оцінного аспекту дискурсу [4].

В основу комунікативних стратегій покладено мотиви, потреби та установки комунікантів.

Важливими параметрами для опису мовленнєвих стратегій є, крім мети стратегії, образ адресанта та адресата. Образ адресанта визначається такими характеристиками, як уповноваження, авторитет, інформованість, зацікавленість.

Специфіка образу адресата в контексті мовленнєвих стратегій полягає в його активній ролі відносно адресата. Наявність інформації про мотиви, цілі, установки та систему цінностей адресата значно полегшує вибір адекватної і ефективної мовленнєвої тактики.

Література

1. Бацевич Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики : Підруч. / Ф. С. Бацевич. – К. : Вид. «Академія», 2004. – 344 с.

2. Воробьева О. П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста (одноязычная и межкультурная коммуникация): Автореф. Дис... д-ра филол. наук: 10.0204. – М., 1993. – 22 с.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики / О. С. Иссерс. – М. : КомКнига, 2006. – 288 с.
4. Карпчук Н. П. Адресованість в офіційному та неофіційному англомовному дискурсі (комунікативно-прагматичний аналіз): Автореф. дис.... канд. філол. наук: 10.02.04. – Харків, 2005. – 27 с.
5. Красных В. В. От концепта к тексту и обратно (к вопросу о психолингвистике текста) / В. В. Красных // Вестник Московского ун-та. – Сер. 9. Филология. – 1998. – № 1. – С. 53–70.
6. Лаптева О. А. Разговорная речь / О. А. Лаптева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 407–408.
7. Мачай Т. Науково-технічний текст як об'єкт уваги прикладної лінгвістики // Актуальні проблеми філології та американські студії : Матеріали 1-ї Міжнародної науково-практичної конференції. 24-25 квітня 2008 р. : За заг. ред. А. Г. Гудманяна, О. Г. Шостак. – К. : Вид-во Європ. ун-ту, 2008. – С. 190–192.
8. Медведєва Св. Когнітивний і комунікативний механізми адресованості тексту / Св. Медведєва. // Актуальні проблеми філології та американські студії : Матеріали 1-ї Міжнародної науково-практичної конференції. 24–25 квітня 2008 р. : За заг. ред. А. Г. Гудманяна, О. Г. Шостак. – К. : Вид-во Європ. ун-ту, 2008. – С. 192–194.
9. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля. – К., 2006. – 716 с.
10. Серажим К. Дискурс як соціолінгвальне явище : методологія, архітектоніка, варіативність : Монографія / За ред. В. Різуна / Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. – К. : Інститут журналістики, 2002. – 392 с.

ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖАНРА РЕЗЮМЕ

Москалёва Светлана Юрьевна,

ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий
Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

Новые реалии жизни заставляют каждого, кто ищет работу, осваивать приемы саморекламы, запасаться письмами-рекомендациями, составлять резюме. В последнее время термин «резюме» стал употребляться в значении «краткое письменное изложение биографических данных, характеризующих образовательную подготовку, профессиональную деятельность и личные качества человека, претендующего на ту или иную работу, должность» [3, с. 234].

Резюме в чем-то схоже со служебной анкетой, но, в отличие от заполнения граф анкеты, написание резюме является творческим процессом. Именно поэтому не существует единого стандарта или жестких форм для его написания. Главная задача при составлении резюме – как можно более выигрышно (и в то же время предельно объективно) представить себя и свою рабочую биографию.

Для того, что выделить дискурсивные характеристики данного жанра, нами было проанализировано 37 текстов, взятых из электронного банка резюме www.job.ws в сети Интернет. Преобладающим видом изученных резюме является резюме в форме анкеты.

По своему функциональному назначению, особенностям языка и области использования резюме, безусловно, входит в документный гипержанр и выполняет функцию самопрезентации автора текста. Это означает, что соискатель сам определяет ту информацию, которая, по его мнению, будет способна адекватнее решать стоящую перед ним коммуникативную задачу, то есть положительно характеризовать его с профессиональной точки зрения, косвенно побуждая потенциального работодателя предоставить автору искомую должность [4].

В проанализированных резюме были выделены социальные роли, которые приписывают себе адресаты.

Социальные роли участников коммуникации оказывают значительное влияние на способ ее ведения. Коммуникативное поведение участников общения считается адекватным только в том случае, когда оно соответствует исполняемым ими социальным ролям [4]. В социально ориентированном общении социальные роли говорящих и слушающих выступают важнейшим фактором речевого поведения. Вместе с тем существует следующая функциональная зависимость: не только ролевая ситуация задает характер речевого поведения ее участников, но и выбранные языковые средства конструируют, подтверждают социальную ситуацию [2, с. 5].

С целью повышения своего социального статуса адресаты используют различные понятия для описания своих социальных и профессиональных

функций. Часто самоуважение людей возрастает в зависимости от выбора названия их роли. Авторы-соискатели в первую очередь обозначили свой статус при выборе вакансии «специалист (инженер) садово-паркового хозяйства», «генеральный директор, директор», «администратор», «персональный, семейный водитель (Центральный район)», «личный водитель-профессионал, водитель высшей категории», «иллюзионист», «юрист», «администратор, товаровед», «журналист», «шеф-повар, повар-универсал», «охранник, старший смены, руководитель СБ», «домработница, дворник, уборщица». Так соискатели обозначили в резюме, кем себя представляют. Не зря в народе говорят: «Как корабль назовёшь – так он и поплывёт!».

С помощью речевых маркеров адресанты приписывают себе различные социальные роли. Так, в проанализированных текстах выявлены следующие социальные роли: «альтруист», «актёр», «пробивной руководитель», «опер (оперативный работник)», «индивидуалист», «законопослушный», «спортсмен», «филолог», «давит на жалость», «юрист».

Индикатором социального статуса «альтруиста» стал комментарий соискателя на должность специалиста садово-паркового хозяйства «*Готов к командировкам и работе «в поле»*».

Характерными фразами, которые формируют образ «актёра», претендующего на работу иллюзиониста, стали «Развлекать и удивлять!» в графе «Опыт работы».

Жизненное кредо «Вижу цель – не вижу преград» проявляется у «пробивного руководителя». Автор-соискатель дважды употребляет фразу «Руководство коллективом свыше 200 человек», претендуя на должность генерального директора «надёжной компании», тем самым подчёркивая опыт руководящей работы и определенные амбиции. Одним из профессиональных навыков называет «наличие устойчивых деловых и дружеских связей в различных органах и структурах», «знание специфики ведения деловых переговоров с партнёрами, умение работать в сложных «нестандартных» ситуациях», «взаимодействие с государственными структурами».

Объективным статусным признаком языковой личности «опер (оперативный работник)» является уровень образования (Ленинградская Высшая Школа КГБ СССР) и стиль жизни автора-соискателя, претендующего на вакансию «Персональный водитель (помощник) высокого уровня, Водитель-телохранитель, Личный водитель-профессионал, Водитель высшей категории, Личная охрана». Данный речевой портрет выявляется на основании характерных фраз в графе «Профессиональные навыки и знания» («защита жизни и здоровья, а также собственности охраняемого лица и его членов семьи», «прогнозирование и выявление угрозы жизненно важным интересам и осуществление комплекса мер по предотвращению этой угрозы», «предупреждение, выявление и пресечение преступлений и иных правонарушений», «организация и проведение мероприятий оперативного характера», «связи в силовых структурах для разрешения разного рода

ситуаций», «наличие разрешения на ношение оружия, наличие лицензии на охранную деятельность»).

Автор-соискатель добавил в комментариях письмо к потенциальному работодателю, в котором проявились характерные черты **индивидуалиста** «я привык работать инициативно как в команде единомышленников, так и индивидуально», «я разделяю основной принцип о первостепенной роли качества обслуживания и готов соответствовать имиджевым требованиям компании в своих действиях», «вы можете обращаться ко мне», «я прикладывал максимум усилий». Местоимения первого лица единственного числа (я, мне) не характерны для официально-делового стиля.

Еще одной социальной ролью, выявленной в анализируемых резюме, является «**законопослушный**» – автор-соискатель на должность «персонального, семейного водителя». Индикаторами данной роли стали фразы из комментариев к резюме «пунктуален», «исполнителен», «соблюдаю субординацию и этикет», «знаю и выполняю требования режима секретности», «соблюдение дресс-кода для водителя», «без судимостей, без в/п», «безаварийность и лишение прав», «дисциплинарных нарушений и взысканий с прежних мест работы не имел». Статусными признаками данного соискателя тоже стало наличие определенного образования «отдел военной подготовки офицеров запаса мин. обороны СССР (военная кафедра), индустриально-педагогический техникум (г. Ленинград), свидетельство министерства обороны СССР водитель категории "В" "С"».

Еще одним социальным типом является «**спортсмен**». Ярko он выражен в резюме претендента на должность охранника «Хорошая спорт форма. 183 см 98кг. Мастер спорта по дзю-до. Не курю».

Адресант, претендующий на должность «журналиста» позиционирует себя в роли «**филолога**». Это проявляется в наличии диплома (СГПИ им. К. Федина филологический факультет) и в характеристике навыков работы «большой опыт вычитки текстов разного объема, знание правил корректуры, компьютера, отличное знание грамматики и стилистики русского языка, навыки стилистической правки текста».

Пытается «разжалобить» и вызывает о помощи потенциального работодателя претендент на вакансию «шеф-повара». В комментариях он указывает «политическое положение в стране не стабильное. В Украине остался мой малыш ему 6 месяцев и любимая жена».

Анализ текстов резюме позволяет утверждать, что в кругу социальных ролей их авторов наиболее серьезное влияние на качество представляемых сведений в произведениях жанра резюме оказывает социально-профессиональная принадлежность автора-соискателя. Те кандидаты, которые претендуют на занятия должностей служащих, в целом лучше справляются с задачей самопрезентации посредством резюме, чем авторы, которые хотели бы получить должность рабочего.

Литература

1. Карасик В. И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М. : Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992.
2. Русский язык и культура речи: Учебник / под. ред. проф. В. И. Максимова. – М. : Гардарики, 2001. – 413 с.
3. Русский язык и культура речи: Учебное пособие для вузов / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова, Е. Ю. Катаева. 12-е изд. Ростов Н/Д : Феникс, 2005. – 544 с. – С. 376–385.
4. Ярцев С.А. Резюме как жанр деловой коммуникации : Автореферат диссертации по филологии, специальность ВАК РФ 10.02.01 – Режим доступа: http://www.philology.sfedu.ru/attachments/article/213/Ярцев_автореферат_окончательный.doc.

ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ОБРАЗУ РУСАЛКИ В ПОЕЗІЇ Я. ЩОГОЛЕВА («ЛОСКОТАРКИ», «ЛОСКОТАРОЧКА», «КЛЕНЧАНА НЕДІЛЯ»)

Муковоз Олена Василівна,
студентка ІІІ курсу філологічного факультету

Ярошевич Ірина Андріївна,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри української філології і прикладної лінгвістики
Донецький національний університет

Я. Щоголев творчо підходив до обробки фольклорного образу русалки, мотивів, сюжетів русальних пісень, вводив у свої твори художні елементи усної народної творчості.

Найдавніше та найцікавіше обрядово-поетичне дійство літнього циклу становить свято Русалій. Воно є складовою, так званих «зелених свят», які у часовому проміжку відбувалися на початку, або в середині травня. Під час цих свят слов'яни квітчали свої оселі (кличали) зіллям, прикрашали зеленню, квітами. Ритуали цих свят мали сприяти родючості, забезпечити гарний врожай, а головне – задобрити духів поля та лісу – русалок, звідки і назва – Русальний тиждень. Русалки – це мавки, навки, у бойків «майки». Ці назви відповідають старослов'янському слову «навь», «навіє», що означає мрець, небіжчик. «Нав'є» було святом померлих, святом дідів, предків. Русалії як поклоніння богині води Дані – «матері русалок», були приготуванням до пізніших свят літнього циклу – купальських.

Особливе місце у святі Русалій належить міфологічному образу русалки, який приваблює своєю загадковістю дослідників. Наукове бачення образу русалки представлене у працях таких вітчизняних фольклористів та етнографів,

як О. Курочкін, Г. Лозко, В. Милорадович, Г. Скрипник, В. Шелест, І. Нечуй-Левицький, П. Пономарьов, В. Бойко, М. Грицай, Л. Дунаєвська та інші.

Учені й досі не мають одноставної думки, хто ж вони – русалки?: *«Одні вважають їх дівами родючості, яких із приходом християнської віри зарахували до нечистої сили, інші вбачають у них покійників, що померли «не своєю», передчасною смертю, а ще інші кажуть, що це найкращі дівчата, яких приносили в жертву богам, аби задобрити їх, забезпечивши собі спокійне і благополучне життя»* [1, с. 166].

Багатогранним образом русалки цікавилися не тільки науковці, а й українські письменники. Захоплення фольклором було провідною рисою і для харківської романтичної школи. Орієнтуючись на набутки народної творчості, представники харківської школи творили свої поезії. Інтерес до народної демонології був притаманний і творчій манері Якова Щоголева.

У доробку письменника наявні поезії в основі яких лежать народні повір'я, легенди, казки, перекази про відьом і русалок, вовкулак та «ангелів смерті», оповіданнях про цвіт папороті, незліченні скарби, про нечисту силу.

Одними із кращих зразків творчої інтерпретації образу русалки у творчості Якова Щоголева є поезії: «Лоскотарки» (1877 р.), «Лоскотарочка» (1889 р.) та «Клечана неділя» (1895 р.). Поєднуючи реальний світ із фантастичним, змальовуючи русалок у романтичному дусі, а саме: творчо інтерпретуючи народні джерела, письменник створює привабливий містичний світ, від якого неможливо відірватися.

З чарівного опису мальовничої природи розпочинається перша балада Я. Щоголева «Лоскотарки»: *«У блакитному безмір'ї / Сонце плине і палає; / Гори, ліс, луги і річку / Теплим світом обливає»* [5, с. 94]. Однак, у творі з'являється молодий парубок, який передчуваючи свою загибель вбачає у цій красі жахіття: *«Округ тиша; все – як мертво, / І ніхто не йде нікуди; / Страшно в лузі й на долині, / Страшно в горах, страшно всюди»* [5, с. 94]. Ліричний герой, перебуваючи ніби під чарами, забуває про свій страх і хоче скупатися у річці, та його зупиняє застереження матері про лоскотарок: *«Щоб до річки не ходити, / Бо тепер святки Зелені; / А в Клечаную неділю / Лоскотарки понаскочуть / На того, хто піде в річку, / І до смерті залоскочуть»* [5, с. 94].

Романтичні образи вродливих, хитрих красунь-русалок змусили забути матеріні слова і піддатися спокусі: *«Затремтів юнак зпідмови, / Схаяв матеріні ради / Та і кинувся в безодню...»* [5, с. 94]. Автор подає детальний опис річних красунь, естетизує його: *«Очі їх, як божє сонце; / Коси в'ються – наче хвилі»* [5, с. 94]. Письменник називає їх «лади», як відомо, у слов'янській міфології Лада, то богиня кохання, саме тому русалки постають у творі, як звабливі дівчата, що обіцяють *«цілувати, обіймати»* парубка у своєму «палаці». Згідно із фольклорною традицією молодий юнак гине у безодні, а лоскотарки продовжують радіти загибелі юнака: *«Тільки й чутно, що в безодні / Лоскотарки закричали: / “Ми ж таки його навіки, / Ха, ха, ха, залоскотали!»* [5, с. 95].

Мотив залоскотання парубка до смерті русалками відомий з народних переказів, із них же походить і назва русалок «Лоскотарки». Сюжет поезії «Лоскотарки» відповідає фольклорній основі, народним уявленням про зустріч людини і цієї нечистої сили, але образ Лоскотарок у творах Я. Щоголева набуває значно ширшого змісту, ніж у фольклорі, прочитується як уособлення фатальної спокуси розкішшю і красою.

Авторську інтерпретацію народного сюжету, Я. Щоголев подає у баладі «Лоскотарочка», яка була написана 1889 року. В. Погребенник, високо оцінюючи цей твір, зазначав: «... балада «Лоскотарочка» виявила вищу автономність автора ... Він не будує твір традиційно на протистоянні людського та демонологічного світів. На перший план виводить нереалізованого до зустрічі матері й дочки-русалки великого почуття взаємної любові» [4, с. 13].

У поезії наявні мотиви перетворення та дітовбивства; головні герої такі ж, як і в «Русалці» Т. Шевченка: мати-дітовбивця і її дочка-лоскотарка.

Поезія розпочинається описом прогулянки молодої дівчини по долині, яка ідучи завдає шкоду природі: «Вбаче клечання – ламає, / Стріне квітку – вириває / І ламала й виривала, / Пісню голосно співала» [5, с. 381]. Вже з перших рядків твору автор дає зрозуміти, що дівчина не жалкує за скаліченою природою, вона жорстока і байдужа. Зупинившись біля броду дівчина побачила «темну силу», як з'ясувалося, то була втоплена рідною матір'ю дитина-русалка: «Їй озвалось: «Я та бідна / Сирота, що мати рідна / В очереті породила, / Нехрещену утопила» [5, с. 381].

Письменник художньо репрезентує народні уявлення про русалок-дітей, яких вбили матері при народженні. За народною уявою, потойбічне життя русалок-дітей зображується темними фарбами: їм на тому світі темно; їхнім душам немає пристанища. Русалки носять біль у своїх душах і плачуться на матерів за те, що ті не змогли зберегти їхнє життя. Саме так, як і в народній уяві, жалкує русалка-лоскотарка Я. Щоголева: «Забарилася ти, нене, / Не приходила До мене; / День до вечора гуляла, / А про доню й не згадала!» [5, с. 382].

У творі образи сестриць-Лоскотарок, які «...в тепле листя обертали / ...пестували і кохали... в хвилях плавати навчали» [5, с. 382] викликають повагу та добре ставлення до себе. Вони постають своєрідними «нянями демонічного дитячого притулку», які будуть осуджувати матір-дітовбивцю: «Йди відсіль, моє серденько; / Бо багато буде сварки, / Як спливуться лоскотарки» [5, с. 382]. Трагічне закінчення твору підсилюється символічним звучанням: так, мати не витримавши горя перетворюється на кущ калини над річкою, марно кличе в захистя русалку, а восени поливає воду кривавицею ягід.

У балада «Клечана неділя», написана у 1895 році, розповідається про підготовку героїні – Марії до святкування Зеленої або Клечаної неділі: «Добрим людям дав бог свято; / А роботи ще багато: / Треба й хату чепурити, / Треба й призьбу поновити» [5, с. 436]. Мати застерігає свого сина не ходити на річку

під час святків-кленчанні: *«Та гляди мені: крий божже, / Цілий тиждень ти на річку / Не ходи ні вдень, ні в нічку!»* [5, с. 436]. Тут сцена зустрічі з лоскотарками змальована як імовірна перспектива для парубка, якщо він знехтує материні табу. Також вона радить своєму синові захист від русалок – грати на жоломійці, яка свистить та відганяє русалок.

У цьому творі образи русалок-лоскотарок повністю відповідають своїм фольклорним прототипам, вони грають з осокою, живуть під водою, обманюють людей та рвуть на шмаття.

Отже, твори Якова Щоголева, присвячені змалюванню русалок, відзначаються глибокою обізнаністю митця у народних віруваннях та легендах. Поет-романтик подає у баладах фольклорно-романтичні образи русалок-лоскотарок, але разом із тим майстерно засвоює народні джерела, надаючи їм нового звучання, нових тем і мотивів.

Література

1. Завадська В. 100 найвідоміших образів української міфології / В. Завадська. – К. : Орфей, 2002. – 448 с.
2. Зеленин Д. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки / Д. Зеленин // Вступ. ст. Н. Толстого; подготовка текста, коммент., указат. Е. Левкиевской. – М. : Издательство «Индрик», 1995. – 432 с.
3. Нечуй-Левицький І. Світогляд українського народу: ескіз української міфології / І. Нечуй-Левицький. – К. : АТ «Обереги», 1992. – 88 с.
4. Погребенник В. Фольклоризм української поезії (остання третина ХІХ – перші десятиліття ХХ століття) : посібник / В. Погребенник. – К. : Юніверс, 2002. – 158 с.
5. Щоголів Я. Поезії / Я. Щоголів. – К. : Рад. письменник, 1958. – 510 с.
6. Слов'янський світ. Ілюстрований словник-довідник міфологічних уявлень, вірувань, обрядів, легенд та їхніх відлунь у фольклорі і пізніших звичаях українців, братів-слов'ян та інших народів / Упорядник О. Кононенко. – К. : Асоціація ділового співробітництва «Український міжнародний культурний центр», 2008. – 784 с.
7. Шевченко Т. Русалка / Т. Шевченко // Кобзар. – К. : Дніпро, 1967. – 573 с.

ЭКОЛИНГВИСТИКА В ЖИЗНИ СТУДЕНТА-ЭКОЛОГА

Немыткина Ксения Сергеевна,
студентка I курса института городского хозяйства
и охраны окружающей среды

Назар Роман Николаевич,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

Отличительной особенностью развития современной науки является появление многих дисциплин, которые включают в себя одновременно несколько разных направлений и возникают на стыке уже существующих научных моделей. Это можно объяснить тем, что человечество продолжает развиваться, и для того, чтобы продолжать осуществлять новые открытия, необходимо развивать исследования в разных областях.

Эколингвистика – это научное направление, которое гармонично связывает экологию и лингвистику. Эта наука изучает взаимодействие между языком, человеком и окружающей его средой, формируется на выявлении законов, принципов и правил, общих как для экологии, так и для развития языка, и исследует роль языка при возможном решении проблем окружающей среды. Эта наука необходима для изучения студентами-экологами, потому что слово и природа тесно взаимосвязаны.

Термин «Экология» впервые был введен в 1869 году Геккелем, как наука об экономии природы (наука о жилище – греч.).

Основателем этого понятия принято считать американского лингвиста Эйнара Хаугена. В 1970 г. он в своем докладе определил экологию языка, как «науку о взаимоотношениях между языком и его окружением, где под окружением языка понимается общество, использующее язык как один из своих кодов. Язык существует только в сознании говорящих на нём и функционирует только при взаимоотношениях с другими говорящими и с их социальным и естественным (природным) окружением. Частично экология языка имеет физиологическую природу (то есть взаимодействие с другими языками в сознании говорящего), частично социальную (то есть взаимодействие с обществом, в котором язык используется как средство коммуникации). Экология языка зависит от людей, которые учат его, используют и передают другим людям» [2, с. 325]

Начиная с того времени эколингвистика быстро развивалась в различных направлениях. После Хаугена понятие экологии языка изучалось и усовершенствовалось рядом других лингвистов. Один из них, Харальд Хаарман, выделил 7 «экологических переменных» – факторов, определяющих языковое поведение как языковых групп, так и отдельных личностей: демографические, социальные, политические, культурные, психические,

интеракционные и лингвистические [1, с. 48]. Их нельзя рассматривать изолированно, т.к. они связаны между собой, и взаимодействуют друг с другом.

Основу экологического мышления составляет понимание системных взаимосвязей. Основной объект изучения экологии – это экологические системы, т.е. любое сообщество живых существ вместе со средой их обитания.

В качестве самого термина понятие было введено современным французским лингвистом Клодом Ажежем в 1985 г. С того времени понятие «эколингвистика» обозначает «все научные области исследования, которые связывают экологию и лингвистику». Экологическая лингвистика перенимает из экологии заимствованные понятия и принципы применительно к языку.

В рамках экологической лингвистики рассматриваются два уровня деятельности:

- макроэколингвистика, рассматривающая вопросы региональной, общественной, государственной, мировой значимости; к проблемам макроэколингвистики относятся языковые конфликты, языковая политика, языковой планирование, языковой геноцид и т.д.;
- микроэколингвистика, занимающаяся исследованием языковых и речевых фактов с точки зрения эколингвистики, с привлечением социолингвистики, психолингвистики, социокультурной антропологии [4, с. 5].

В зависимости от направленности образа взаимодействия языков в лингвоэкологии в настоящее время выделяют три аспекта:

1. Интерлингвальный аспект эколингвистики – связан с многоязычием и с проблемой исчезновения языков, а значит, и с уменьшением лингвистического разнообразия на Земле.

2. Интралингвальный аспект – связанный с культурой речи, стилистикой, риторикой и включающий исследования нарушений правильности, ясности, логичности, выразительности и других коммуникативных свойств речи. Цель этих исследований – предотвратить регресс языка в плане обеднения его выразительных ресурсов.

3. Третий аспект – транслингвальный. Он связан с использованием единиц одного языка (культуры) в контексте и средствами иного языка, принадлежащего к другой культуре. Этот аспект применяется в художественной литературе, фольклоре, публицистике – цитирование текстов других языков, переводы с разных языков. Пристального внимания в плане транслингвальной экологии требуют также заимствования лексика как в плане засорения своего языка, так и в плане искажения другого [3, с. 42].

Австрийский лингвист Алвин Филл разработал четкую терминологию, применительную к разным областям эколингвистики:

- эколингвистика – общий термин для всех областей исследований, объединяющих экологию и лингвистику;
- экология языка (языков) – исследует взаимодействие между языками (с целью сохранения языкового многообразия);
- экологическая лингвистика – накладывает термины и принципы экологии на язык;

- лингвистическая (языковая) экология – изучает взаимосвязь между языком и «экологическими» вопросами [3, с. 45].

Интенсивное развитие эколингвистики, а также возросший интерес к проблемам перевода не могли не привести к становлению одного из новых направлений развития эколингвистики – экологии перевода. Импульсом для его возникновения послужила конференция «Экология языка на перекрестке наук» (Тюмень, ТюмГУ), где был прочитан ряд докладов на соответствующую тематику. Их авторы (в частности, Н. Н. Белозерова и Л. В. Кушникова) очертили важные перспективы развития экологии перевода.

На сегодняшний день очень остро встает вопрос о сохранении и сбережении окружающей среды. Поэтому большое количество художественных текстов ставят своей задачей передать идею нерасторжимости, единства, гармоничного сосуществования человека и природы, живого существа, обитающего в огромном мире и являющегося его составной частью. Прежде всего, гармоничный перевод должен соответствовать принимающей культуре и ее особенностям, а также максимально полно отражать мысли оригинала, что является проявлением его гармоничности с исходным текстом.

Обобщая вышесказанное, в эколингвистике можно выделить два направления:

- экология языка (по Э. Хаугену) само понятие экологии, окружения, экосистемы;

- языковая экология (по М. Халлидею), в которой исследуется роль языка в описании проблем окружающего мира.

Главный объект исследования эколингвистики – не состояние или развитие, не отношения между элементами, а сами процессы и их взаимодействие, приводящее к изменению элементов.

Экологическая лингвистика занимается исследованием процессов взаимодействия между конкурирующими языками в определенном пространстве, будь то сознание отдельного человека или какое-либо общество.

Эколингвистика изучает функции языка, которые не исчерпываются простым обменом «речевыми актами». Функция языка, состоящая в установлении связи между людьми, приобретает большее значение, чем просьба, объяснение, вопрос. Эколингвистика изучает роль языка как инструмента поддержания общности, функционирование этого инструмента в конкретных ситуациях общения. Помогая осознать механизмы обострения конфликтов и возникновения вопросов, эколингвистика пытается способствовать мирному сосуществованию людей в различных социальных группах и в обществе

Эколингвистика стремится к очищению окружения человека лингвистическими, языковыми средствами.

Литература

1. Haarman H. Weltgeschichte der Sprachen. Von der Fruhzeit des Menschen bis zur Gegenwart. – Munich : Becksche Reihe, 2006.

2. Haugen E. The Ecology of Language, in: Fill / A. Muhlhausler, P. The Ecolinguistics Reader. Language, Ecology and Environment. – London, New York, 2001.

3. Иванова Е. В. Цели, задачи и проблемы эколлингвистики. Прагматический аспект коммуникативной лингвистики и стилистики: сборник научных трудов / Е. В. Иванова / Отв. ред. Н. Б. Попова. Челябинск : Изд-во ИИУМЦ «Образование», 2007. – С. 41–47. – Режим доступа : <http://ecolinguistics.ru/index.php?sel=mat&id=12>

4. Молодкин А. М. и др. О некоторых эколлингвистических подходах к исследованию вопросов языковых контактов и языковой эволюции / А. М. Молодкин, С. Ю. Максимова // Эколлингвистика: теория, проблемы, методы: межвузовский сборник научных трудов / под ред. А.М. Молодкина. – Саратов : Научная книга, 2003. – 329 с.

ЭССЕИСТИКА ИОСИФА БРОДСКОГО: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Пономарёва Татьяна Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий

Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

*Моё решение никогда не соперничать с Цветаевой
было вполне сознательным. Я понимал, что ничего
не выйдет. Я совершенно другой человек и к тому
же мужчина...*

И. Бродский (из интервью С. Биркертсу, 1982 г.)

Эссеистика И. Бродского – обширный и многообразный пласт его творчества. Несмотря на то, что многие свои эссе Бродский писал «по необходимости» («Я предпочитал бы не писать прозу вообще. Писать её приходится по необходимости, и все статьи в этом сборнике [«Меньше единицы». – Т.П.] (быть может, даже автобиографические) были написаны именно по необходимости» [2, с. 289]), мир эссеистики поэта – это отображение взглядов на язык и поэзию; подтверждение мировоззренческих установок; декларация отношения к культуре, искусству, истории, политическому устройству; проявление индивидуальных черт уникальной языковой личности.

Особое место в эссеистике Бродского занимают автобиографические эссе, среди которых есть «три главных вида – прямые рассказы о собственной жизни («Полторы комнаты», «Меньше единицы»), воспоминания о людях, оказавших на него принципиальное литературное и человеческое влияние («Поклониться тени», «Памяти Стивена Спендера»), и, наконец, два больших эссе в жанре «путешествия», которые на самом деле – декларации его отношения к истории

(«Путешествие в Стамбул») и к проблеме несовместимости разных типов цивилизаций («Посвящается позвоночнику»)» [1, с. 8].

Эссе – жанр, наиболее приближенный к природе человеческой психики. Поэтому естественно, что в этом жанре чётко проявляются гендерные признаки. На некоторых из них остановимся подробнее.

Определим само понятие гендерных признаков языковой картины мира, принимая во внимание, «что язык у его пользователей один, но социально-речевые нормы и акценты в применении его средств могут быть разными» [6, с. 8].

«Если языковая картина мира – это зафиксированное в языковых знаках и проявленное в формах речевой деятельности (текстах, дискурсах) языковое сознание, то гендерные признаки – это сущностные проявления познания мира сквозь призму мужского и женского сознания, выявляющие особенности номинативной и коммуникативной деятельности мужчин и женщин, определяемые полом особенности речевой деятельности и речевого поведения» [6, с. 8].

Гендерные проявления в эссеистике Бродского являются важнейшими чертами его идиостиля. Бродский, в отличие от авторов-женщин (например, Б. Ахмадулиной и её эссе о поэтах, писателях, в частности, о Бродском), организует своё повествование по модели научного дискурса: *«Поэт есть средство существования языка»* [3, с. 312], *«...человек есть то, что он читает...»* [3, с. 146], *«Биография писателя – в покрое его языка»* (69); часто использует знаки научной классификации повествования (например, а)..., б)...):

«По самой природе своего ремесла поэты ведут дневник. Часто против собственной воли они честно прослеживают то, что происходит (а) с их душами, будь это расширение души или – более часто – её усадка, и (б) с их чувством языка, ибо они первые, для кого слова становятся скомпрометированными или обесцениваются. Нравится нам это или нет, мы здесь для того, чтобы узнать не только, что время делает с людьми, но что язык делает с временем. А поэты, не будем этого забывать, – это те, «кем он (язык) жив». Именно этот закон учит поэта большей праведности, чем любая вера» [3, с. 162].

В своих эссе Бродский, следуя рациональным приоритетам мужского сознания, создаёт «портрет проблемы, а не личности» [4, с. 85]:

«Мне очень трудно отделить пишущего от его творчества. Если мне нравятся чьи-то сочинения, мне неизменно оказывается симпатичен и сам человек. По-другому просто не бывает. Скажу вам больше: предположим, я узнаю, что писатель NN мерзавец. Но если он пишет талантливо, я первый попытаюсь найти его мерзости оправдание. В конце концов, вряд ли можно достичь одинаковых высот в жизни и в творчестве: в чём-то одном придётся снизить планку – и пусть уж лучше это будет в жизни» [3, с. 100].

Для Бродского характерно частое обращение к фактам биографии, глобальность, серьёзность, иногда назидательность:

«При чтении Платонова возникает ощущение безжалостной, неумолимой абсурдности, исходно присущей языку, и ощущение, что с каждым новым, неважно чьим, высказыванием эта абсурдность усугубляется. И что из этого тупика нет иного выхода, кроме как отступить назад, в тот самый язык, который тебя в него завёл» [3, с. 119].

В эссе «Катастрофы в воздухе», говоря о русской литературе XIX века и Достоевском как одном из великих русских писателей, а также о литературе XX века, в частности о Платонове, Бродский очень много рассуждает и о проблемах государственного устройства, о политической ситуации, социальных катаклизмах и историческом развитии:

«И всё же, говоря о Платонове и его эпохе, нужно иметь в виду специфические черты периода, который непосредственно предшествовал наступлению этой эпохи в России, как и в других местах» [3, с. 117].

Анализируя произведения Платонова, Бродский приходит к серьёзным литературоведческим обобщениям, создавая всё тот же «портрет проблемы»:

«Ибо это книги неопишуемые. Сокрушительная мощь, с которой они обрушиваются на свой материал, намного превосходит любые требования социальной критики и должна измеряться в единицах, имеющих очень мало отношения к литературе как таковой. Эти книги никогда не издавались в советской России и никогда там изданы не будут, ибо они способны проделать с данной системой примерно то же, что она проделала со своими гражданами» [3, с. 115–116].

Отличительная особенность идиостиля Бродского – множество вопросительных предложений, риторических вопросов, создающих напряжённость эссеистического повествования. Причём содержание вопросов выводит мысль на крупные социально и культурологически значимые обобщения:

«Так что, если время – которое синонимично, нет, даже вбирает в себя божество, – боготворит язык, откуда тогда происходит язык? Ибо дар всегда меньше дарителя. И не является ли тогда язык хранилищем времени? И не поэтому ли время его боготворит? И не является ли песня, или стихотворение, или даже сама речь с её цезурам, паузами, спондеями и т. д. игрой, в которую язык играет, чтобы реорганизовать время? И не являются ли те, кем «жив» язык, теми, кем живо и время? И если время «прощает» их, делает ли оно это из великодушия или по необходимости? И вообще, не является ли великодушие необходимостью?» [3, с. 144].

Книжный синтаксис эссе И. Бродского, множество сложных предложений с обилием причастных и деепричастных оборотов также можно считать своеобразным гендерным признаком. В условиях такой нарративной организации предмет речи получает всесторонние (иногда типологически значимые) характеристики:

«Эстетическое чутьё в человеке развивается весьма стремительно, ибо, даже не полностью отдавая себе отчёт в том, чем он является и что ему на самом деле необходимо, человек, как правило, инстинктивно знает, что ему не

нравится и что его не устраивает. В антропологическом смысле, повторяю, человек является существом эстетическим прежде, чем этическим. Искусство поэтому, в частности литература, не побочный продукт видового развития, а ровно наоборот. Если тем, что отличает нас от прочих представителей животного царства, является речь, то литература – и, в частности, поэзия, будучи высшей формой словесности, – представляет собой, грубо говоря, нашу видовую цель» [3, с. 303–304].

Жанровые конвенции эссе требуют постоянной экспликации позиции автора. Отсюда обилие вводных слов и словосочетаний со значением мнения:

«Я не думаю, что я знаю о жизни больше, чем любой человек моего возраста, но мне кажется, что в качестве собеседника книга более надёжна, чем приятель или возлюбленная. Роман или стихотворение – не монолог, но разговор писателя с читателем – разговор, повторяю, крайне частный, исключаяющий всех остальных, если угодно – обоюдно мизантропический [3, с. 305].

Особая роль принадлежит скобочным конструкциям, которые дополняют повествование новой информацией, закрепляют авторскую позицию и оценку:

«Он [Оден] был великим поэтом (единственное, что неправильно в этом предложении, – его время, поскольку язык по своей природе ставит то, что в нём достигнуто, неизменно в настоящее время), и я считаю, что мне необычайно повезло, что я его встретил» [3, с. 163].

«Оден действительно сказал, что время (вообще, а не конкретное время) боготворит язык, и ход мыслей, которому это утверждение дало толчок, продолжается во мне по сей день» [3, с. 143].

В интервью М. Гроссу Бродский сказал: «Для меня ближе всего к мудрости поэзия Одена – поэзия, лишенная всякого нарциссизма, – он редко пользуется первым лицом единственного числа, и странным образом написанное им внушает ужасающее чувство объективности. По сути, вы чувствуете, даже если английский язык для вас не родной, что перед вами не столько поэт за работой, сколько сам язык, отсюда власть его поэзии. Его стихи врезаются в память не только из-за их красоты, а из-за их лингвистической неизбежности» [3, с. 170]. Одену, которого Бродский считал «величайшим умом двадцатого века», посвящено эссе «Поклониться тени». В нём Бродский отмечает важное свойство личности Одена:

«...если была какая-то драма в голосе Одена, то не его собственная личная драма, но общественная или экзистенциальная. Он никогда не поместил бы себя в центр трагической картины; в лучшем случае, он признал бы своё присутствие при этой сцене» [3, с. 145].

Этим же качеством обладал и сам Бродский. Рассказывая о том, что происходило лично с ним, он старался вывести на первый план своего собеседника, и не важно, кто он – конкретный человек, город или целая эпоха (таков Бродский и в эссеистике, и в поэзии). Исследователь его творчества Я. Гордин в одной из своих статей заметил: «Бродский с болезненной

щепетильностью относился к ситуации, когда «я» рассказчика заслоняло мир или персонажа:

«По мере того как я пишу эти строки, я замечаю, что первое лицо единственного числа высовывает свою безобразную голову с тревожащей частотой» [3, с. 147].

Эта «безобразная голова» тревожила его не из-за гипертрофированной скромности, а по причине убеждённости в приоритете текста – квинтэссенции языка – по отношению к автору. Писатель – поэт в особенности! – рупор языка и, соответственно, должен знать своё место» [1, с. 9].

В одном из своих многочисленных интервью И. Бродский однажды сказал: «...я думаю, что поэт должен вырабатывать собственный диалект, собственную идиому. Поскольку у него свой способ мышления, не такой, как у других поэтов, он вырабатывает и свой способ говорить. Но цель в том, чтобы в этом своём диалекте быть более выразительным. Это своего рода цель» (Интервью Е. Берч и Д. Чину «Поэзия – лучшая школа неуверенности») [2, с. 68].

Индивидуальность Бродского, особенности его языковой личности проявляются во всём: поэзии, поэтических переводах, драматургии, эссеистике. В Нобелевской лекции он сказал: «Великий Баратынский, говоря о своей Музе, охарактеризовал её как обладающую «лица необщим выраженьем». В приобретении этого необщего выражения и состоит, видимо, смысл индивидуального существования...» [3, с. 300]. Такой индивидуальностью, индивидуальностью «необыкновенно интенсивно выраженной, так сказать, агрессивной индивидуальностью» (Я. Гордин) Бродский обладал (и как поэт, и как эссеист, и просто как личность) в полной мере.

Литература

1. Гордин Я. «Трагедия... событие биографическое» // Иосиф Бродский. Поклониться тени: Эссе / Я. Гордин. – СПб. : Азбука-классика, 2001. – 320 с.
2. Бродский И. Большая книга интервью / И. Бродский. – М. : Захаров, 2000. – 704 с.
3. Бродский И. Поклониться тени: Эссе / И. Бродский. – СПб. : Азбука-классика, 2001. – 320 с.
4. Кривулин В. Литературные портреты в эссеистике Иосифа Бродского / В. Кривулин. – Collegium. – 1994. – №1. – С. 84–90.
5. Кулаковский М. Н. Вставные конструкции в поэзии И. Бродского // Язык русской литературы XX в. / М. Н. Кулаковский. – Ярославль, 2001. – С. 182–192.
6. Синельникова Л. Н., Богданович Г. Ю. Введение в лингвистическую гендерологию: Материалы к спецкурсу / Л. Н. Синельникова, Г. Ю. Богданович. – Луганск – Симферополь, 2001. – 40 с.

ОДЫ ЛОМОНОСОВА В КОНТЕКСТЕ ЭПОХ

Сенчина Людмила Тимофеевна,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры истории русской литературы и теории словесности

Донецкий национальный университет

В современном мире жанр оды, несомненно, кажется архаичным и основательно забытым. Однако внимательное прочтение од М. Ломоносова убеждает нас в том, что программа будущего переустройства России, предложенная поэтом XVIII века, во многом оказалась незавершенной. Доказывать значимость главных тем одического творчества М. Ломоносова (трон, отечество, просвещение) нам представляется не нужным. И сегодня эти темы весьма актуальны. Вспомним известное высказывание А. Пушкина о том, что поэтическое творчество М. Ломоносова является «подосновой» для развития русской поэзии в целом. Это верное утверждение великого поэта касается, по-видимому, не только важных проблем, обозначенных М. Ломоносовым, но и уровня поэтики, предопределившего развитие поэтических стилей.

Уже первый опыт М. Ломоносова («Ода на взятие Хотина...», 1739) свидетельствует о том, что поэту удалось органически соединить достижения западноевропейской литературы в одическом жанре и отечественную традицию, сложившуюся в жанрах, генетически близких оде (панегирик, проповедь, похвальное слово).

В панегирической литературе формировались и развивались темы, ставшие главенствующими в оде. Именно в «хвалебных» жанрах складывался особый стиль и специфические ораторские приемы (обращение, риторические вопросы, имитация «диалогичности» и т.п.).

Исследовательница О. Покотилова указывает на то, что в панегирической литературе XVII в. уже сложились определенные поэтические формулы: сравнения царствующих особ с солнцем, с луной, звездами и т.п. «Отождествление счастливого царства с картиной ликующих небес, участие Бога в судьбах царя и государства, олицетворение царя и России в виде орла, – шведов в образе льва... были уже в употреблении панегиристов XVII с., и в их творчестве сложились уже литературные шаблоны», – отмечает Покотилова [2, с. 11]. Все эти «шаблоны» находят реальное воплощение в одах Ломоносова:

Великолепными верхами

Восходят храмы к небесам;

Из них пресветлыми очами

Елисавет сияет к нам [1, с. 60].

Проповеди и «Похвальные Слова» Ф. Прокоповича имеют прямые переключки с одами М. Ломоносова. «Хотинская» ода поэта тематически тесно связана со «Словом похвальным о флоте российском и о победе...» Феофана. Несомненно, общей темой в одах Ломоносова и в «Похвальных Словах»

Ф. Прокоповича является тема прославления деятельности Петра I. В «Слове на погребение Всепросветлейшего державнейшего Петра Великого» читаем: *«Когда отечество свое защищал, купно и возвращением объятых земель дополнил и новых провинций приобретением умножил... неслыханное в тебе от века дело совершивший, строение и плавание корабельное, новый в свете флот...»* [3, с. 127]. У Ломоносова:

*Взирая на дела Петровы,
На град, на флот, и на полки... [1, с.33]*

Примеров подобного рода – множество.

Целесообразно, на наш взгляд, подчеркнуть, что тематические переключки находят материальное воплощение на уровне поэтики. М. Ломоносов активно использует многие ораторские приемы: обращения (*«О, вы, которых ожидает...»*); смена интонаций – вопросительная (*Какая светлость окружает в толикой горести Парнас?»*); восклицательная – (*«Но ах, жестокая судьбина!»*) и т.п.

М. Ломоносов использует в своих одах трехчастную композицию, столь характерную для ораторской речи.

Особо подчеркнем, что панегирические жанры близки оде и по выполняемым функциям: традиционно произносятся в присутствии большого количества людей, посвящены, как правило, знаменательным событиям, ставят своей целью воспитание гражданина Отечества, выражают «общенациональные чувства» и т.п. Отсюда – определяющий фактор – это «звучащие» жанры, они рассчитаны на декламацию, а не на чтение «про себя».

В свое время Ю. Тынянов справедливо подчеркивал, что «ораторский момент стал определяющим, конструктивным для оды... ораторские принципы наибольшего воздействия и словесного развития получили все элементы слова» [5, с. 217].

Достаточно вспомнить, как настойчиво внушает М. Ломоносов мысль о необходимости мира, а следовательно, – «тишины». В «Оде на день восшествия...» 1747 г. поэт буквально со второй строчки подчеркивает важность «покоя» – «Возлюбленная тишина...»

Императрица Елисавет в тексте оды *«войне поставила конец»*, а в реальной жизни она ведет войну со шведами. Но у М. Ломоносова именно «мир», «покой», «тишина» помогут возродить науки, укрепить государство, возвеличить трон:

*Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.*

«Елисавет» по-еврейски – тишина. М. Ломоносов реально «втолковывает» мысль о необходимости мира. Но «тишина», «покой» у Ломоносова не противопоставлены «шуму», потрясениям, динамике. Для поэта – это все большой Мир, наполненный светом, шумом, тишиной, покоем, стремящийся к гармонии, согласованности через *«бурные ноги коней...»*, через скакание *«холмов и древ»*, через ликование *«множества озер»* и т.п. И эта

специфічна особливість ломоносовської поезії во многом предопределила творчість М. Лермонтова і Ф. Тютчева.

Закономірно, що в одическому творчестві М. Ломоносова формується особливий стиль, характеризується високою ступенню метафоризації і гіперболізації, «високою» лексикою. «Бурний» слог поета-творця передполагає «ліричний беспорядок», обумовлений «паренієм» мислі, котра пронизувала час і простір.

Ломоносовський одический стиль, несомненно, во многом определил и стиль эпохи, который нашел отражение и способность, как отмечал И. Серман, «оживать снова и снова, в разные эпохи у разных поэтов» [4, с. 182].

Литература

1. Ломоносов М. В. Избранное / М. Ломоносов. – М. : Советский писатель, 1984. – 307 с.
2. Покотилова О. И. Предшественники Ломоносова в русской поэзии XVII-го и начала XVIII века / О. И. Покотилова // Сб. М. В. Ломоносов. – Спб., 1911. – С. 10–16.
3. Прокопович Ф. Сочинения / Ф. Прокопович. – К.: Думка, 1961. – 381 с.
4. Серман И. З. Поэтический стиль Ломоносова / И. З. Серман. – М. –Л. : Наука, 1966. – 257 с.
5. Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // Ю. Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. – М. : Наука, 1977. – С. 217–233.

ТЕМПОРАЛЬНІ СИНТАКСЕМИ В УКРАЇНСЬКИХ ТА РОСІЙСЬКИХ КАЗКАХ

Сердюкова Тетяна Ігорівна,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри української мови і загального мовознавства

Чебанова Марина Олегівна,
магістрант кафедри української мови і загального мовознавства
Луганський державний університет ім. Тараса Шевченка

Поняття часу є одним з основних філософських понять, яке людина не може сприймати безпосередньо, а лише за подіями, які його наповнюють. Будь-яка подія протікає в часі, а синтаксеми з цим значенням є виразниками темпоральних відношень. Відтак, одним із важливих напрямків дослідження в сучасній синтаксичній теорії є аналіз темпоральних синтаксем, до складу яких входять насамперед дієслова, категорійним значенням яких є процесуальність.

Функціональний багатоаспектний аналіз мінімальних синтаксичних одиниць є одним з актуальних завдань сучасного мовознавства. Вивченню граматичної категорії часу присвячено праці В. Виноградова, К. Городенської,

А. Грищенко, Н. Гуйванюк, Г. Почепцова, В. Русанівського та ін. Проблеми семантичної категорії темпоральності (темпоральної синтаксеми) досліджували О. Бондар, О. Бондарко, І. Вихованець, А. Загнітко, З. Іваненко, М. Мірченко, М. Степаненко та ін.

Аналіз наукової літератури показав, що серед малодосліджених аспектів є питання семантичних типів та морфолого-синтаксичних варіантів темпоральних синтаксем. У цьому плані потребує ґрунтовного вивчення сукупність цих синтаксем як визначального різновиду компонентів речення, яка разом із предикатом формує чимало типів речень української мови, а тому без усебічного дослідження цієї мінімальної одиниці не можна глибоко пізнати природу речення як основної синтаксичної одиниці.

Метою нашого дослідження було обрано темпоральні синтаксеми як окремі мовні одиниці в українських та російських народних казках.

Казка є фундаментальним жанром усної народної поетичної творчості, це епічний, переважно прозаїчний художній твір авантюрного, чарівного або побутового характеру в більшості своїй з установкою на вигадку. Це можуть бути повчальні розповіді про тварин, птахів, рептилій, чарівні казки, побутові й авантурні повісті, сатиричні анекдоти.

У наш час зростає потреба в порівняльно-історичних дослідженнях, особливо українських та російських казок, оскільки в їхній структурі, композиційних елементах, дійових особах, сюжетах, мотивах багато спільного. Це пов'язано з тим, що протягом багатьох століть російський та український народи перебували в тісних стосунках у різних сферах життя, у тому числі й у мовному питанні, що зумовлює лексичну і структурно-граматичну близькість між ними [8, с. 21].

Специфіка категорії темпоральності полягає в тому, що вона лінгвістично інтерпретує фундаментальну онтологічну і світоглядну категорію часу. Онтологічний час уособлює динаміку світу, усі складники якого зазнають постійних незворотних змін. Цю фундаментальну ознаку відображає й мова. Вершинна граматична семантика мовного знака, через яку реалізується система мови, предикативність, має в структурі єдиний онтологічний змістовий компонент – темпоральність.

Уживання термінів *темпоральність*, *темпоральний*, запроваджене О. Бондарком, це система граматичних форм, які використовують для вираження відношень дії до моменту мовлення чи до часу іншої дії (якогось моменту, крім моменту мовлення). Об'єктивний час відображається в мові не лише в системі часових форм дієслова, а й за межами цієї системи [2, с. 15].

Семантичні варіанти темпоральних синтаксем ґрунтуються на системі бінарних опозицій одночасність/різночасність явищ як визначальному для часової сфери протиставленні. Усі значення й відтінки темпоральних синтаксем охоплюють применниково-відмінкові форми. І. Вихованець виокремив 38 применників української мови, що беруть участь у творенні категорії темпоральності [3, с. 18]. Це, зокрема, применники *близько*, *в/у*, *від/од*, *впродовж/упродовж*, *вслід за/услід за*, *слідом за*, *до*, *з/із*, *за*, *між/межи*,

поміж/помежи, на, над, перед, під, по, при, проти, серед/посеред, через, напередодні, наприкінці, о/об, одночасно з/одночасно із, під час, пізніше/пізніш, після/опісля, протягом, раніше/раніш, у процесі/в процесі, у ході/в ході тощо. У поєднанні з повнозначними словами вони доповнюють основний зміст речення новою інформацією і виступають носіями додаткової предикативності [3, с. 27]. У такому випадку прийменник – аналітична синтаксична морфема – переводить субстантив із синтаксичної субстантивної позиції в позицію адverbіальну (прислівника), указуючи на характер семантико-синтаксичних відношень між вихідними елементарними простими реченнями, відношень одночасності та різночасності явищ, їх неозначеної й означеної тривалості.

Дослідження народних казок свідчить про те, що дія в них відбувається в різних часових відрізках. Найчастіше значення часу в казках позначено синтаксемами неозначеної та означеної часової попередності *до + ім. у Р. в.* Синтаксеми *до + ім. в Р. в.* неозначеної часової попередності вказують на найширше й недиференційоване передавання в часі. Лексичний склад підпорядкованих слів широкий і різнорідний, включає іменники темпоральної та нетемпоральної семантики, на позначення періодів доби: «*Лежить він сам аж до ночі, нема в трупарні нікого*». (Багач і бідняк) [10, с. 23], «*Сидів, сидів, а як надійшла північ, заснув і спав до першої години ночі*». (Скляна гора) [10, с. 25], «*Так тривало до самого вечора*» (День святих Петра і Павла) [10, с. 29].

У російській мові синонімічним до українського прийменника *до* є прийменник *к*, він теж сполучається з іменниками на позначення періодів доби *к + ім. у Д. в.*: «*День клонится к вечеру, делать нечего - надо идти домой*» (Гуси лебеди) [9, с. 56], «*К утру молодец ударился об пол и сделался соколом*» (Финист – ясный сокол) [9, с. 7].

Синтаксема *перед + ім. в О. в.* означає близькість дії до якогось наступного часу чи події. До їх складу входять іменники часової й нечасової семантики. Іменники часової семантики називають частини доби: «*Заздалегідь перед днем святих Петра і Павла люди за старих часів дуже ретельно готувалися, зокрема білили хати, прибирали і на подвір'ях, і всередині осель*» (День святих Петра і Павла) [10, с. 28].

У російській мові наявний прийменник *перед*, який лексично й семантично повністю відповідає його аналогу в українській мові.

Синтаксема *під + ім. в 3. в.* указує на час, що безпосередньо передує тому часовому відрізку, який означений прийменниковим іменем, вона означає відносно близьку попередність щодо часового орієнтира. Оформлення часової семантики цієї синтаксеми пов'язане з іменниками на позначення періодів життя: «*Та під старість сили покинули осла, і він став нездатний до роботи*» (Бременські музиканти) [10, с. 15].

У російській мові синонімічним до українського прийменника *під* є прийменник *под*. У досліджуваних казках цей прийменник сполучається з іменниками на позначення періодів життя: «*Старик то был бедный; хотелось ему отдать сына в науку, чтоб смолodu был родителям своим на утеху, под*

старость на перемену, да что станешь делать, коли достатку нет!» (Хитрая наука) [9, с. 35].

Типовою для казок на позначення неозначеної часової наступності є синтаксема *через + ім. у 3. в.*, до складу якої входять тільки іменники з часовою семантикою днів тижня: *«Одяг на себе другий кожух — знову лізе, лізе... Та через день подерся і той»* (Дерево до неба) [10, с. 6].

Синтаксема *через + ім. у 3. в.* набуває значення дистрибутивності, якщо в ролі атрибутивного елемента виступає займенник *деякий*: *«Через деякий час у село, про яке йде мова, приїхав той самий владика, що цана в попи висвятив»* (Аби гроші-гріха не буде) [10, с. 105].

У ролі поширювачів виступають кількісні займенники: *«Через якийсь час вибрався найстаріший син сторожувати»* (Скляна гора) [10, с. 26].

У російській мові наявний прийменник *через*, який лексично й семантично повністю відповідає його аналогу в українській мові. У казках цей прийменник сполучається з іменниками на позначення:

– місяців: *«Через месяц приехал царевич с молодою супругою; встреча была торжественная: музыка играла, в пушки палили, в колокола звонили, народу собралось столько, что хоть по головам ступай!»* (Вещий сон) [9, с. 63];

– років: *«Сослужи нам службу — останься здесь и ровно через год в этот самый день собери на стол»* (Чудесная рубашка) [9, с. 230].

Широко побутують у казках синтаксеми *на + ім. у 3. в.*, у яких прийменник *на* вносить тільки йому властивий семантичний відтінок: у якій би часовій формі не вживалося дієслово при синтаксемі, час, на який воно вказує, завжди мислиться як майбутній по відношенню до дії означуваного слова. У таких синтаксемах найчастіше виступають лексеми на позначення:

- днів, тижнів, місяців: *«Гей, старий воркоте, що з тобою приключилося, чого насупився, наче середа на п'ятницю?»* (Бременські музиканти) [10, с. 16];

- частин доби: *«Оце недавно приходили троє хлопців проситися на ніч, але злякались тебе і повтікали»* (Сандалії-сороходи) [10, с. 26].

У російській мові наявний прийменник *на*, який лексично й семантично повністю відповідає його аналогу в українській мові, він сполучається з іменниками на позначення частин доби: *«Вот на вечерней заре обрядился Иван»* (Марья-краса-долгая коса) [9, с. 416], *«Утром на другой день богатыри не идут на охоту»* (Безногий и слепой богатыри) [9, с. 59].

Слід зазначити, що в казках відчутне протиставлення довших одиниць часу як несуттєвих, нейтральних, одиницям коротшим, із яких вони складаються. Так, якщо йдеться про час, вимірюваний у роках, то йому протиставляється відрізок, вимірюваний у днях як більш значимий; останньому ж протиставлено дрібніше членовані проміжки, виражені в хвилинах.

Зіставлення синтаксем в українських і російських народних казках свідчить, що вони мають однакову структуру, а їхнє конкретне наповнення — ряд незначних відмінностей, що й творить індивідуальний портрет синтаксису.

Література

1. Бондар О. І. Лінгвістична категорія часу як відображення реального часу / О. І. Бондар // Мовознавство. – 1986. – № 2. – С. 41–45.
2. Бондарко А. В. Русский глагол / А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. – Л. : Просвещение, 1967. – 76 с.
3. Вихованець І. Р. Прийменникова система української мови / І. Р. Вихованець. – К. : Наук. думка, 1980. – 288 с.
4. Вихованець І. Р. Граматика української мови. Синтаксис : підр. / І. Р. Вихованець. – К. : Либідь, 1993. – 368 с.
5. Загнітко А. П. Основи українського теоретичного синтаксису / А. П. Загнітко. – Горлівка : ГДПІМ, 2004. – Ч. 1. – 2004. – 228 с.
6. Іваненко З. І. Система прийменникових конструкцій адverbіального значення : монографія / З. І. Іваненко. – К. : Вища школа, 1981. – 142 с.
7. Іваненко З. І. Система прийменникових конструкцій адverbіального значення / З. І. Іваненко. – К. : Вищ. школа, Головне вид-во, 1981. – 143 с.
8. Леута О. І. Старослов'янська мова : підр / О. І. Леута. – К. : Вищ. школа, 2001. – 225 с.
9. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. – М. : Государственное Издательство Художественной литературы (Гослитиздат), 1957. – Т. 1. / Подготовка текста, предисловие и примечания В. Я. Проппа. – 669 с.
10. Українські народні казки / За ред. М. Дорошенко. – Львів : «Каменяр», 1966. – 279 с.

ПРОЕКТУВАННЯ КОМП'ЮТЕРНОГО ДІАЛЕКТНОГО ФРАЗЕОЛОГІЧНОГО СЛОВНИКА З УРАХУВАННЯМ ПІЗНАВАЛЬНОГО ІНТЕРЕСУ КОРИСТУВАЧІВ

Серебряк Марина Володимирівна,

кандидат філологічних наук,

асистент кафедри української мови і загального мовознавства

Луганський державний університет ім. Тараса Шевченка

У ХХІ ст. зі стрімким розвитком комп'ютерних технологій суспільство потребує нового формату укладання діалектних фразеологічних словників (ДФС), який би надавав максимально повну інформацію, організовану в зручний і доступний спосіб. Електронні словники, як підтверджує практика їх використання, “одержали й одержують велике поширення серед сотень тисяч людей у всьому світі внаслідок своєї повноти, зручності доступу і простоти у використанні” [12, с. 9].

Над проблемами укладання електронних словників у сучасній слов'янській лексикографії працюють М. Банько, А. Баранов, В. Войнов, Н. Дарчук, П. Жмігородський, О. Загоровська, В. Широков, та ін. За свідченням учених, впровадження комп'ютерних технологій вимагає розроблення нового типу ДФС, що передбачає серйозну перебудову насамперед способів відбору, опрацювання й репрезентації інформації користувачам. На думку І. М. Кульчицького, О. В. Загоровської [3; 6], перенесення традиційної галузевої інформації на електронний носій є недостатнім на сьогодні. Є. А. Карпіловська з цього приводу зауважила, що суспільні замовлення, які визначають особливий об'єкт комп'ютерної лінгвістики, – це передусім подати суспільству і науковцям таку модель мови, яка давала би можливість одержувати якісно нову інформацію про саму мову і закладала би надійне підґрунтя для розв'язання суспільно значущих проблем [4]. Відтак, метою статті є окреслення нових способів укладання ДФС з урахуванням комп'ютерних технологій.

Новий тип комп'ютерного ДФС повинен формуватися з огляду на той факт, що фразеологічні одиниці (ФО) викликають зацікавлення в мовців, оскільки несуть у собі величезний комплекс екстралінгвальної (етнокультурної, енциклопедичної й ін.) інформації. На нашу думку, саме ця інформація пов'язана із зацікавленням користувачів та формуванням у них пізнавального інтересу до вивчення фразеології. На жаль, на сьогодні мало уваги звертають на дидактичну функцію ДФС як важливого інструментарію в навчально-виховному процесі в аспекті пізнання особистістю мови. Проблема полягає в тому, що словники переважно сформовані з відривом від пізнавальних потреб особистості й не дають мотиваційних поштовхів до більш різнобічного вивчення фразеології.

До самої ідеї врахування мотивації особистості під час укладання комп'ютерного ДФС нас наштовхнув багаторічний досвід роботи відомого

фразеолога й фразеографа, доктора філологічних наук, професора В. Д. Ужченка. З власного спостереження визначаємо, що принцип його роботи полягав у зацікавленні студентів до вивчення фразеології. На початкових етапах викладання предмету учений подавав різноманітні факти щодо виникнення ФО, етнокультурної підоснови її функціонування, наводив оригінальні приклади з художньої літератури, що викликало стійкий інтерес до більш глибокого вивчення. У процесі подальшого наукового заглиблення у “фразеосвіт”, науковець скеровував дослідження студента в напрямі пізнання не тільки лінгвістичних особливостей ФО, але і їх взаємозв’язку з народною культурою, побутом і традиціями, світоглядом і стереотипами. Учений засвідчив, що “когніція означає пізнавальний процес або сукупність психічних процесів, що служать обробці й переробці інформації, яка надходить до людини..., вона включає усвідомлення самого себе, оцінку самого себе й навколишнього світу, побудову особистої картини світу” [11, с. 215]. Важливу роль у цьому процесі відіграє інформація культурологічного, психоментального порядку, яка сконцентрована передовсім у народній фразеології й тісно пов’язана з позамовними сутностями. У зв’язку з цим учений приділяв увагу вивченню концепту – “багатовимірному культурно значущому соціопсихічному утворенню в колективній свідомості певної мовної спільноти, “розсіяному” зокрема в корпусі фразеології, пареміологічному фонді, у системі стійких порівнянь, що відбивають образи-еталони” [11, с. 215]. Таким чином, своїм особистим прикладом учений постійно демонстрував і заглибленість у суто лінгвістичні аспекти вивчення фразеології, і постійний пошук екстралінгвальної інформації про ФО. Вважаємо, що відтворення цих типів інформації в ДФС дозволить задовольнити пізнавальний інтерес користувачів, сформувати мотивацію до пошуку нових фактів щодо виникнення й функціонування ФО. Такий потужний чинник мотивування особистості як взаємозв’язок лінгвістичної й екстралінгвальної інформації дозволяє зацікавлювати користувачів до вивчення фразеології, виховувати повагу до національної культури й мовних традицій, студентів філологічних спеціальностей заохочувати до наукової діяльності. Безумовно, проблема мотивування в пізнавальній діяльності потребує дослідження саме в аспекті вироблення відповідних методів фразеографії.

Проаналізувавши психолого-педагогічну літературу з питань мотивації (В. Г. Асеев, П. М. Якобсон, І. С. Виготський та ін.), ми виділили такі важливі для укладання ДФС положення: найбільшою силою серед мотивів інтелектуальної діяльності є пізнавальний інтерес; важливу роль для мотивування особистості до пізнавальної діяльності відіграють духовні, культурні потреби, якими є “потреби в одержанні корисної та цікавої інформації, розвитку світогляду” [5, с. 50]; формуванню мотивації особливо перешкоджає бідність й одноманітність запропонованого для засвоєння матеріалу. Отже, відповідатиме пізнавальним потребам той ДФС, який надаватиме особистості різноманітну інформацію – підґрунтя для аналізування глибинних смислів ФО, пошуку взаємозв’язків між ними й культурою,

традиціями, історією тощо. Важливість цієї думки підтверджується збереженням постійного інтересу до видатних праць В. І. Даля, Б. Д. Грінченка, І. Я. Франка, Б. Сихти й ін., оскільки в їхніх словниках було здійснено не тільки роз'яснення мовних одиниць, а за рахунок залучення екстралінгвальної інформації було відтворено особливості життя суспільства певної епохи. Отже, погоджуємось з З. Г. Гаком, В. В. Жайворонком Ю. Консем у тому, що удосконалення словника має проводитись за рахунок поєднання лінгвістичної інформації з відомостями енциклопедичного, етнолінгвістичного, культурно-історичного характеру [2], а “принциповою рисою діалектного словника має бути не тільки презентація мовних одиниць з дефініціями, але також відтворення їх зв'язку з іншими одиницями, особливо у сфері матеріальної та духовної культури” [13, с. 12]. Така методика опису співвідноситься з пізнавальними інтересами користувачів, задоволення яких мотивуватиме особистість до більш глибокого вивчення фразеології.

Зауважимо, що саме завдяки комп'ютерним технологіям, які забезпечують передачу інформації без обмеження її обсягу й конфігурованих форматів (текстового, символіко-графічного, кольорового, звукового), стає можливим повною мірою актуалізувати мотивацію особистості до пізнання фразеології.

Спираючись на дослідження учених, ми спробували окреслити деякі перспективи реалізації принципу мотивації в словниковій статті комп'ютерного ДФС. Отже, до словникової статті поряд з ґрунтовним комплексом лінгвістичної інформації необхідно системно впроваджувати такі елементи:

1) історико-етимологічна довідка: *ходити на балон*, гірн., жарг. “випивати, відзначаючи якусь подію” • Од звичаю шахтарів деінде пригощати перед відпусткою. *Балон*, жарг. – трилітрова банка [10, с. 49];

2) культурологічний коментар: *зозуля підклала, евф.* “про народження дитини” (частіше позашлюбної). • В основі виразу звичка зозулі підкладати яйця в чужі гнізда [10, с. 213]; за однією з легенд, зозуля хотіла звити гніздо на Благовіщення, коли ще жодна птиця не в'є гнізда, за що Бог її покарав, тому вона свого гнізда не має [1, с. 251];

3) тлумачення компонентів: *гони гнати* “обманювати, брехати”. • *Гони* – українська старовинна міра довжини, власне, ріллі, ниви, що приходитьсь в один бік без повороту плуга. Первісно, вочевидь, “не мати впину у вигадках” [10, с. 91]; *горобців руками лове* “моторний” [10, с. 144] – *горобець* – птах, якому притаманна символіка спритності, моторності [1, с. 146];

4) розкриття екстралінгвальних умов функціонування АФО: *заєць дорогу перебіг* “не поведеться” [10, с. 134]. • Особливо поширений в сфері рибальства, мисливства: той хто рибалить, не повинен був згадувати зайця, оскільки *риба та зайці приведуть у старці*. Рибацька заборона згадувати тварину під час промислу пояснювалась ще й тим, що заєць підкоряється лісовику, а не водянику [8, с. 287]. Сплавники плотів теж дотримуються подібного застереження, бо порушення табу віщує мілину, розбиті плоти й под. неприємності [7, с. 192]; можливе зближення символічного значення слова

засць “полохливий” із тим, хто йде полювати на зайців (=мисливцями), які можуть виявитися теж полохливими й багато не заповнюють [10, с. 134];

5) наочна ілюстрація реалії, яка тлумачиться, образу порівняння тощо: *хоч (хоть) у бердо тягни (тяни)*. Дуже худий. – 'Зоўс'ім з 'в'іўс'а ч'оло'в'ік / *хоч' у 'бердо т'а'ни* (Марк); Луган, Новр. • *Бёрдо* – (фото) вид гребеня в рамці ткацького верстата, крізь зуби якого проходять нитки основи. Образна основа виразу ґрунтується на тому, що крізь щільно розташовані зуби берда “можна” протягти тільки худу людину. Пор. *хоч крізь тин тягни* [10, с. 57].

Звернімо увагу, що комп'ютерні технології дозволяють удосконалити якість опрацювання матеріалу, а також змінити формат його репрезентації. Під час укладання комп'ютерного ДФС стає можливим створити фонд аудіозаписів діалектних текстів, інтерактивні карти населених пунктів, етнографічний фотоальбом з обстежених населених пунктів тощо. Такі елементи позитивно впливатимуть на якість опрацювання матеріалу, підвищуватимуть рівень функціонального призначення ДФС, мотивуватимуть користувачів до вивчення національної фразеології.

Отже, на основі здійсненого аналізу нами було запропоновано новий спосіб укладання комп'ютерного ДФС, спроектованого з урахуванням пізнавального інтересу користувачів. Вважаємо, що укладач повинен дати можливість користувачеві зануритись у комплекс взаємопов'язаної наукової й енциклопедичної інформації, відчутти дослідницьку атмосферу, мотивуючи його тим самим до подальшої пошуково-пізнавальної діяльності. Цим визначається дидактична функція комп'ютерного ДФС, мета якого – формування стійкої пізнавальної активності особистості в напрямку вивчення фразеології. Реалізація цієї мети безпосередньо залежить від урахування пізнавальних потреб, а відповідно й від збагачення змістової частини словника, можливості миттєвого переходу в необхідну користувачу інформаційну площину з метою отримати довідку про зацікавлене явище чи факт. Перспективою подальшого дослідження є розроблення, обґрунтування й апробація методів опрацювання фразеології у комп'ютерному ДФС згідно з пізнавальними інтересами користувачів.

Література

1. Жайворонок В. В. Знаки української етнокультури : словник-довідник / Віталій Жайворонок. – К. : Довіра, 2006. – 703 с.
2. Жайворонок В. В. Українська етнолінгвістика : Нариси : навч. посіб. для студ. вищ. навч. закл. / Віталій Жайворонок. – К. : Довіра, 2007. – 262 с.
3. Загоровская О. В. Проблемы общей и диалектной семасиологии и лексикографии / О. В. Загоровская. – Воронеж : Научная книга, 2011. – 383 с.
4. Карпіловська Є. А. Українська комп'ютерна лінгвістика сьогодні : текст публічної лекції від 19.01.2011. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://polit.ua/lectures/2011/01/19/karpilovskaya.html>

5. Коваленко І. П. Формування інформаційних потреб як фактор розвитку особистісних та професійних якостей студентів вищих навчальних закладів / І. П. Коваленко, С. А. Усенко // Духовність особистості : методологія, теорія і практика. – Луганськ. – 2006. – Вип. 4 (17). – С. 48–53.
6. Кульчицький І. М. Комп'ютерно-технологічні аспекти створення сучасних лексикографічних систем / І. М. Кульчицький. – К. : Національна бібліотека України ім. В. І. Вернадського НАН України, 2002. – 57 с.
7. Славянская міфологія : енцикл. словарь / Науч. ред. : В. Я. Петрухин и др. – М. : Эллис Лак, 1995. – 416 с.
8. Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995. – Т. 2. – 1999. – 697 с.
9. Словник фразеологізмів української мови [уклад. В. М. Білоноженко та ін.]. – К. : Наук. думка, 2008. – 1104 с.
10. Ужченко В. Д. Фразеологічний словник східнословобожанських і степових говірок Донбасу / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – Луганськ : Альма матер, 2005. – 335 с.
11. Ужченко В. Д. Східноукраїнська фразеологія : монографія / В. Д. Ужченко. – Луганськ : Альма-матер, 2003. – 362 с.
12. Черницький В. Б. Комп'ютерна лексикографія : навч. посіб. / В. Б. Черницький. – Миколаїв : НУК, 2004 – 84 с.
13. Kaś J. Słownik regionalny wśród słowników gwarowych / J. Kaś // Polszczyzna mówiona ogólna i regionalna : materiały ogólnopolskiej konferencji naukowej / pod. red. B. Dunaju, M. Raka. – Kraków, 2009. – S. 11–19.

ПОРІВНЯЛЬНА ХАРАКТЕРИСТИКА МІКРОСТРУКТУРИ СЛОВНИКІВ Б. ГРІНЧЕНКА ТА В. ДАЛЯ: ВІДОБРАЖЕННЯ СПІЛЬНОСЛОВ'ЯНСЬКИХ ТЕНДЕНЦІЙ КІНЦЯ ХІХ – ПОЧ. ХХ СТ.

Скиба Ірина Геннадіївна,
кандидат філологічних наук, доцент,
зав. кафедри української мови і загального мовознавства
Луганський державний університет ім. Тараса Шевченка

В історії як російської, так української літературної мови кінець ХІХ ст. – початок ХХ ст. був часом активного творення. Рівень розвитку літературних норм, стан суспільної мовосвідомості етносу у той чи інший період опосередковано відзеркалюються у лексикографічних працях. Вони є своєрідним показником рівня розвитку мов у певний період та мають винятковий вплив на подальший розвиток й унормування літературної мови.

Цілком закономірно, що основним спільним завданням лексикографії кінця ХІХ – початку ХХ ст. було створення „повного” словника, який би містив усе лексичне багатство народної та літературної мови. Таким високим вимогам в українській лексикографії зазначеного періоду відповідав „Словарь української мови” за редакцією Б. Грінченка, а у російській – „Толковый словарь живого великорусского языка” В. Даля, які не були нормативними у сучасному розумінні, але закладали ці основи, і саме з них, на думку дослідників, почалася доба нормативних словників літературної мови.

Актуальність дослідження, на наш погляд, полягає у вивченні цих праць не автономно, а в зіставленні та взаємозв'язку, що дозволить виявити спільні та відмінні риси мікроструктурного рівня словників, а також побачити певні закономірності, характерні для української та російської лексикографії к. ХІХ ст. – поч. ХХ ст. Окрім того, цей аспект ще не був предметом ґрунтовного дослідження науковців. Цікавим таке дослідження є й з огляду на те, що Б. Грінченко був носієм центральноукраїнського мовно-культурного ареалу й перебував у силовому полі російської традиції.

Проблема реєстру словника, зауважує С. Головащук, розв'язується залежно від типу й профілю словника, а також від ступеня опрацьованості лексики вихідної мови. І хоч неабияку роль у доборі лексики відіграють різні суб'єктивні чинники, проте принципи розв'язання цієї проблеми, коло питань, з якими стикається лексикограф, складаючи реєстр словника, в основному є загальними в усіх випадках. Характер і обсяг реєстру досліджуваного словника зумовлений в основному його практичним призначенням бути довідником, до якого звертаються насамперед читаючи або перекладаючи тексти, написані іншою мовою [1, с. 38–39]. У структурному аспекті лексикографічні праці можуть розглядатися на рівні макро-, медіа- і мікроструктури. На мікроструктурному рівні вирішуються проблеми словникової статті: її структура, форми та способи розкриття семантики реєстрових одиниць, ієрархія їхніх значень тощо [2, с. 21].

Як показує аналіз, обидва досліджувані словники докладно відтворюють лексичний склад української та російської мови II пол. XIX ст.; вокабуляри словників складають самостійні системи зі своєрідними внутрішніми зв'язками та багатоплановою організацією. На це вказує і кількісний склад лексичних одиниць, і репрезентація окремих тематичних груп лексики (у складі яких виділено лексико-семантичні підгрупи), і складна внутрішня диференціація та інтеграція одиниць. Аналіз матеріалу включає репрезентацію назв окремого десигната з усіма фонематичними, акцентними, словотвірними, лексико-семантичними варіантами, з'ясування структури словотвірного гнізда.

„Словарь української мови” за ред. Б. Грінченка у 4-х томах являє собою українсько-російський словник тлумачно-перекладного типу з елементами енциклопедичного принципу подачі лексичного матеріалу, що містить близько 68 тисяч реєстрових слів, й фіксує лексику літературної мови XIX ст., фольклору, більшості українських діалектів. Тлумачний словник В. Даля в 4-х томах включає в себе близько 200 тисяч слів і тридцяти тисяч прислів'їв, приказок та загадок, які слугують для пояснення значення слова, й укладений на основі живої народної мови з її регіональними видозмінами, у словнику наявна усна і писемна лексика XIX століття, термінологія та фразеологія різноманітних професій та видів діяльності.

Обидва словники укладені за алфавітним принципом, до якого у словнику В. Даля додається алфавітно-гніздовий (СГ: *вода, водвуд, водевіль, водило, вудильниця, водити, водитися, водиця, водиченька, водичка, водій, водний, водник, водніти, водносталь, водовоз, водовозка* і т. ін., СД: *вода, водный, водяной, водовоз, водка*). В. Даль, зокрема, зазначав, що при розташуванні слів „гніздами” традицією починає з дієслова, але інколи першість бере іменник; якщо є дієслова *ходить, сидеть, лежать*, то існує й *ход, хожденье, сидка, сиденье, лежка, лежанье* і т.д.; є багато випадків, коли дієслово є застарілим або зовсім вийшло з ужитку. Алфавітно-гніздовий принцип розташування, описове тлумачення значень у СД та алфавітний у СГ й перекладне та описове тлумачення є спільними та специфічними особливостями структури аналізованих праць. Обидва словники характеризує додавання у тексти словникових статей великої кількості ілюстративного матеріалу, що забезпечило фіксацію знань, уявлень про предмети, явища та реалії у вигляді понять та концептів.

Як відомо з передмови до словника Б. Грінченка, слова в українській частині словника подано з наголосами всюди, де він був відомий; для іменників зазначено родовий відмінок однини; зменшені та збільшені іменники вказано, зазвичай, при основних; щодо зменшених прикметників і прислівників та їх ступенів порівняння, а також дієприкметників, до алфавіту вносилися лише ті, які мали особливості в значенні чи побудові; при дієсловах указувалися 1 і 2 особа множини, доконаний і недоконаний вид дієслова пояснено при недоконаній формі, а від доконаної робилося відповідне посилання [3, с. XXII, XX IV]. Володимир Даль також зазначає, що наголоси у словнику наявні майже

у всіх словах, в деяких випадках вони опущені за непотрібністю; два наголоси на одному слові означають, що воно вимовляється двояко.

Словник як абстрактна лексикографічна система обов'язково має структуру, що містить мінімум дві необхідні частини: ліву (реєстр) та праву (інтерпретаційну), але словник має й більш глибоку структуру, яка відображається в будові лівих та правих частин словника в цілому та його словникових статей. Порівняймо.

СГ: **Син. на, м. мн. сини**, иногда **синове**. Сын. *Син своїй матері до ніг уклонився*. Нп. Как ласковое обращение **син** въ зват. падеже прилагается къ дочери. *Вона ж каже йому: „Дідусю, продайте мені цю коняку! – Як я маю тобі, сину, - каже той дід, - продавати, то лучше я тобі так дам*. Чуб. II. 68. **Божий син**. Сын Божій І. Христось. *За кого ж ти розпинався, Христосе, Сине Божий?* Шевч. **Бісів, вражий, чортів син**. Чортов сын (бран.). *Брешеш, вражий сину!* ЗОЮР. I. 76. *Гей ви, ляхове, вразькі синове! Ік порогу посувайтесь, мені, козаку-нетязі, на покуті місце попускайте!* ЗОЮР. I. 205. **Песький, сучий син**. Сукинъ сынъ. *Я сучий син, коли отце не він*. Греб. 390. **Такий-сякий син**. Бранное выражение, которым, для приличія, заменяются более ругательные эпитеты. *А ти вже закозакувався, сякий-такий сину*. ЗОЮР. I. 154. **Який син**. Кой чортъ. *Се ж Ничипір кажучи, брехав: який син у його і крапля була в господі*. Кв. **Злий з сина...** *Злий з сина був старий дундук*. Котл. Ен. III. 33. Ум. **Синок, синко, синопька, синочок, синчикок**. Грин. III. 692. *П'ятий синко ще й Пилипко*. Рудч. Ск. I. 28. *Один синочок, як одиночок*. Чуб. III. 273.

СД: **Сын. м.** всякий мужчина отцу и матери сын, а женщина дочь. Сын да дочь красные дети, т. е. двоечка. Один сын не сын (не помощь), два сына не сын, три сына сын. У меня два **сынка, сыночка**. Это **сынишка** мой. Неудатный **сынища** отцу-матери покор. Сынами славен, дочерьми честен. Богат сыновьями, славен дочерьми. Живет с двенадцатью сынами, как Иаков. **Сын человеческий**, Иисус Христос. **Боярский сын**, стар. дворянина жалованьи, т. е. с пожизненным поместьем, обязанный за это служить. **Матушкин сынок**, баловень. Матушкин сынок, да батюшкин горбок. Кто своему отцу не сын! Что миру, то и бабину сыну. Не уйдет сын, так от сына не уйдешь, от негодного. Первый сын Богу, второй Царю, третий себе на пропитание. Пей да людей бей, чтоб знали, чей ты сын. Один **сынище**, и тот Фомище. Один у Мирона сын, да и тот Мироныч. Сын на мать походит, дочь на отца – к счастью, и наоборот. Посмотрим, сказала бабка, сын или дочь. Кто попу не сын, тот не законный сын. Ей щенка, вишь, да чтоб не сукин сын! Я стар, родилось от меня 12 сыновей, а от каждого из них по 30 дочерей, на половину красных и черных (год). Сын духовный, всяк духовнику своему. **Сын крестный**, крестник восприемнику, -нице. **Неродной сын**, пасынок. **Сводный сын**, пасынок одного из супругов (по первому браку) другому приходится сводным, вовсе чужим. **Названный сын**, приемыш, воспитанник, усыновленный. Сын сует, человек. **Нероженный сын**, зять. | **Синок**, ряз. квас, пивцо, или брага второго налива. Сын без отца, растение

Colchium autumnale, безвременний цвет, песобой, луговой шафран, зимовик. Сыновний дом, имущество. Сыновняя любовь. **Сыновство** ср. церк. **Сыновность** ж. состоянье сына, бытие, бытность сыном своего отца. **Сыновец**, -вица, племянник, -ница по брату, сын и дочь брата, братанич, братана, -нина, брату чадо об. Володимер заял (город), и посади в нем сыновца своего, Нест. Сыновцев, -вицын, что лично их; сыновничий, к ним относящ. Сыновка, жена сына, сноха (сыноха), невестка. **Сынополагати**, -положити, церк. усыновлять. Приясте духа сыноположения. Римл. **Сынотворение**, -порождение, то же, сыноположение, признание кого сыном. И даст сына своего иному в сынотворение, Кормч. И во сынопорождение святым крещением Христос породил, стар.

Як бачимо, тлумачення лексеми «син» в обох словниках схоже, наявні і зменшено-пестливі, і згрубілі слова, а у СД ще й похідні іменники та дієслова від початкового «син» та велика кількість прислів'їв та приказок з цією лексемою.

Розглянемо детальніше систему граматичних ремарок „Словарь української мови” за ред. Б. Грінченка (далі СГ), та „Толкового словаря живого великорусского языка” В. Даля (далі СД), виділивши їх спільні та відмінні риси.

„Словарь української мови” за ред. Б. Грінченка містить 19 граматичних покликань, серед яких: *безл.* – глаголь безличный, *гл.* – глагол, *ж.* – имя существительное женского рода, *м.* – имя существительное мужского рода, *меж.* – междометие, *мн.* – множественное число, *мест.* – местоимение, *нар.* – наречие, *нескл.* – имя несклоняемое, *об.* – имя существительное общего рода, *о.в.*, *од.в.* – однократный вид, *пред.* – предлог, *с.* – имя существительное среднего рода, *с.в.*, *сов.в.* – совершенный вид, *сз.* – союз, *соб.* – имя собирательное, *ув.* – имя увеличительное, *ум.* – имя уменьшительное, *чис.* – имя числительное.

Серед граматичних покликань „Толкового словаря живого великорусского языка” В. Даля можна виділити такі: *м.* – мужской род, *ж.* – женский род, *ср.* – средний род, *об.* – общий род; *ед.* – единственное число, *мн.* – множественное число, *собр.* – собирательное число, *мнжкр.*, *однкр.* – многократное, однократное, число; *сщ.* – имя существительное, *гл.* – глагол, *нар.* – наречие, *прдл.* – предлог, *мест.* – местоимение і т.д.

У СГ подано вказівку і на частину мови, і на рід (*с.* – имя существительное среднего рода). Граматичними маркерами можна вважати також вказівки на закінчення родового відмінка іменника. У словнику за ред. Б. Грінченка спеціальних позначок для родового відмінка немає, але відмінкові закінчення є обов'язковими при усіх зафіксованих іменниках чоловічого, жіночого і середнього роду в однині й множині, окрім збірних. У СД є лише вказівка на рід (*м.* – мужской род, *ж.* – женский род, *ср.* – средний род, *об.* – общий род тощо), а також вказівка на походження цього слова або приналежність до певної території – *юж.*, *зап.*, *раст.*, *арх.*, *татр.*, *бесрбс.* Відмінкові закінчення у СД не фіксуються.

Показовою для аналізованих словників є фіксація числівників, дієслів та дієслівних форм. Зокрема, у СГ і в СД ремарки на позначення числівника обмежено однією позначкою – *чис.* у Б.Грінченка і *числит.* у В. Даля. У СГ поряд з деякими кількісними й порядковими числівниками зафіксовано закінчення родового відмінка, при порядкових також є вказівка на родову приналежність, зменшені форми збірних числівників. У СД числівники вплетено у народні прислів'я та приказки (*Ты ему слово, а он тебе десять; То да се, да пятое, да десятое; Семь пятниц на неделе, Семеро одного не ждут та ін.*). У СД дієслова подаються у двох, трьох, а інколи й чотирьох формах, а ті, які можна сплутати за схожістю, відокремлені і мають пояснення : ***выкатывать, выкатить (бочку), выкачивать, выкачать (воду)*** та ін., у СГ – послідовна вказівка на вид: ***викачивать, чую, еш, выкачать, чую, еш.*** Дієприкметники і дієприслівники у СГ подаються окремою статтею з прикметниковими закінченнями жіночого і середнього роду: ***завзятый, а, е; задумливый, а, е.; задумиливый, а, е*** та ін., у СД дієприкметники і дієприслівники не подано «для скорочення обсягу з граматики».

Отже, частиномовна приналежність послідовно зафіксована укладачами обох аналізованих словників у статтях з числівниками, дієсловами, займенниками, службовими частинами мови, проте, можна помітити, що В. Даль відкинув багато граматичних характеристик та обмежився послідовною вказівкою на рід іменників, позначенням деяких дієслівних форм тощо. Граматичні ремарки, використані в обох словниках, покликані точно репрезентувати граматичні особливості вокабули та можливих форм, хоча у СГ більш послідовно подано закінчення іменників, прикметників та дієслів, окремі форми, що вимагають спеціального пояснення (напр., форми кличного відмінка, називного відмінка множини тощо).

Аналіз мікроструктури засвідчує, що в словниках використано різні схеми опису лексем, однак вони мають чимало спільних рис: характеризуються стандартністю, єдністю вимог до опису однотипних явищ (відступи від єдиних вимог можливі лише через недостатність джерельної бази, ілюстративного матеріалу чи іншої необхідної інформації); економністю – надано перевагу коротшому опису; простотою – застосовано при лексикографічному описі прості й зрозумілі синтаксичні конструкції; повнотою – прагненням подати вичерпний опис усіх важливих значень і способів уживання реєстрових одиниць, однак з більшою повнотою інформації про окрему лексикографічну одиницю подано у словнику за ред. Б. Грінченка; він же має й специфічні словникові параметри, які не завжди використано в словниках перекладного типу. Загальна структура словникової статті в словнику за ред. Б. Грінченка була найдосконалішою порівняно з усіма попередніми словниками, виданими в ХІХ ст., й сьогодні активно використовується сучасними лексикографами.

Порівняльний аналіз мікроструктурного рівня Словників дозволяє виявити спільні закономірності у їх побудові й може сприяти об'єктивному з'ясуванню ролі цих лексикографічних видань у становленні норм літературної мови. Мікроструктура аналізованих словників має спільні риси, що можна пояснити

урахуванням укладачами досвіду роботи своїх попередників, а також поступальним розвитком спілослов'янських тенденцій у лексикографії.

Література

1. Головащук С. І. Перекладні словники і принципи їх укладання : (на лекс. матеріалі рос. та укр. мов) / С. І. Головащук ; АН УРСР; Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. – К. : Наук. думка, 1976. – 247 с.
2. Широков В. А. Елементи лексикографії / В. А. Широков. – К. : Довіра, 2005. – 304 с.
3. Гринченко Б. Предисловіє / Б. Гринченко // Словарь української мови / за ред. Б. Грінченка : в 4 т. ; фотопередрук. – К., 1997. – Т. 1. – С. I–XXV.

ЖАНРОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ МЕМУАРИСТИКИ

Скнарина Елена Юрьевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры социальных коммуникаций
Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

Современный литературный процесс характеризуется расцветом документально-художественной прозы, одной из отраслей которой является мемуаристика. Это явление вызывает активный интерес у литературоведов и критиков: истоки формирования мемуаров (Л. Гаранин), особенности воспроизведения документального образа (Л. Гаранин, Л. Гинзбург, П. Палиевский), своеобразие поэтики мемуарных произведений (А. Галич, Л. Оляндэр). Интенсивными являются также исследования отдельных мемуарных жанров: литературного портрета (В. Барахов, И. Василенко), дневника (Н. Банк, В. Здоровага, Д. Затонский), записной книжки (Н. Банк), эссе (В. Здоровага), эпистолярия (В. Кузьменко, М. Коцюбинская), «жанра голосов» (Н. Игнатив). Однако изучение жанровой специфики мемуаров нельзя считать завершенным. Актуальность нашей статьи обусловлена непрерывным развитием и обновлением мемуаристики, динамикой ее жанровых границ.

Вопрос жанровой природы мемуаров издавна вызывал полемику. Еще в далеком 1968 году Г. Елизаветина, анализируя российскую мемуаристику XIX века, отмечала ее жанровую неоднородность, утверждая, что она является «достаточно сложным сочетанием жанровых форм: автобиографии, очерка, мемуаров, писем, публицистической статьи, представляя собой, однако, единое целое» [5, с. 169]. Позже во время литературной дискуссии на страницах журнала «Вопросы литературы» А. Гладков единственный из всех участников отказался от термина «мемуарный жанр», подчеркивая, что мемуаристика знает много жанров [4, с. 122–123].

Определенные неточности в терминологии отмечает и С. Залыгин в своей работе «Литературные заботы»: «Когда я слышу, как о той или иной книге говорят, что она написана в документальном жанре, я думаю, что это неточное высказывание. Документальным может быть и повесть, и роман, сценарий или пьеса. Документальность пронизывает почти все жанры» [6, с. 67].

В нашей работе мы будем исходить из позиции отсутствия какого-то общего мемуарного жанра. Согласно новейшей классификации, мемуаристика может быть представлена такими жанровыми формами: письмо, дневник, записная книжка, заметки, литературный портрет, эссе, мемуарный / автобиографический рассказ (повесть, роман), некролог, автокомментарий [3, с. 20–34].

Образцом автобиографической повести является дебютное произведение Василия Лопаты «Где-то на дне моего сердца» (Отчизна. – 2000. – № 1–2). Некоторые исследователи считают автобиографию самостоятельным жанром мемуаристики. Такого мнения придерживается, например, Т. Марахова, подчеркивая, что «автобиография ... – это один большой кусок жизни, посвященный прошлому самого автора» [12, с. 25]. С ней справедливо полемизирует А. Галич, отмечая, что реализованной автобиография может быть только в известных жанровых формах романа, повести или рассказа. «И быть иначе не может, поскольку эти мемуарные жанры развиваются длительное время параллельно с жанрами беллетристики, взаимодействуя друг с другом» [3, с. 29]. В истории автобиографической литературы хватает скептиков, которые автобиографическую форму повествования считают чрезмерно нехитрой, слишком «естественной» для того, чтобы называться искусством. Но по определению французского литературоведа Ф. Лежена, «автобиография – это воплощение самостоятельности и осознанной позиции индивида, его гражданской, политической, моральной зрелости, его эстетической ответственности» [8, с. 109]. Определяющим признаком любой автобиографии Л. Левицкий называет исследование характера автора. «Не просто рассказ о себе и своей жизни, а именно психологическое исследование своего характера» [7, с. 115]. В автобиографической повести В. Лопаты «Где-то на дне моего сердца» реципиент становится свидетелем формирования характера, жизненных принципов, мировосприятия, влечения к творчеству у талантливого мальчика Васи, будущего мастера украинской графики и живописи.

Еще одним образцом мемуаристики является «Соло для девичьего голоса» Галины Гордасевич. Первая часть этого произведения печаталась в журнале «Киев» (1993, № 6) и определена нами как повесть-эссе [14, с. 185]. Полный вариант произведения определен автором как автобиографический роман. Однако вопрос, автобиографический это роман или автобиографическая повесть, может стать предметом отдельной полемики. Литературоведческий словарь дает такое определение: «повесть – эпическое прозаическое произведение, который характеризуется однолинейным сюжетом, а по широте охвата жизненных явлений и глубине их раскрытия занимает промежуточное место между романом и рассказом» [11, с. 554]. В повести, по сравнению с

рассказом, более развернутый сюжет, большее количество второстепенных персонажей, полнее и глубже их характеристика, описания. По сравнению с романом, повесть охватывает меньший круг проблем, более короткий период из жизни героя, имеет более статический сюжет. Как отмечает В. Кожин, отличие между повестью и романом «все больше сводится к чисто объемному» [10, с. 281]. Ю. Попов, наоборот, подчеркивает, что «при современной тенденции сжатия романа, разница в объеме произведения вообще становится несущественной» [9, с. 419]. Этому же мнения придерживается П. Волынский, подчеркивая, что дело не просто в объеме произведения. «В романе жизнь показана широко, жизненный путь основных героев изображается в их взаимосвязях, характеры раскрываются многогранно. Повесть же узко охватывает жизнь. В ней, как правило, широко и многогранно выводятся только одно-два действующих лица, а другие изображаются бегло» [1, с. 280]. А. Ткаченко также значительно расширяет чисто внешнее измерение – объем. Исследователь отмечает, что роману присуще создание глобального, панорамного художественного мира, не ограничиваемого ни в пространственных измерениях, ни в количестве персонажей и фабульных линий, сюжетных переплетений [15, с. 87]. В «Лексиконе общего и сравнительного литературоведения» освещен продуктивный подход к повести как к особой жанровой форме. Согласно этому взгляду «повесть и близкий к ней рассказ представляют собой принципиально другой вид эпической прозы, чем роман и новелла, они сохраняют отчасти элементы устной традиции древней эпической прозы, стремясь «рассказать», а не «показать, изобразить объективно» [9, с. 419]. Поэтому считаем уместным называть произведение Г. Гордасевич автобиографической повестью. Дополнительным аргументом назовем лиричность произведения «Соло для девичьего голоса», что более характерно для повести.

Ярким образцом мемуаристики есть произведение Анатолия Димарова «Прожить и рассказать», которое печаталось частями в «Березоле» (1995, № 9–10; 1997, № 5–6; 1998, № 3–4, 7–8), а впоследствии вышло отдельным двухтомником (К. : Днепр, 1997, 1998). Остановимся на его жанровом определении. Сам автор называет произведение «Повестью о семидесяти годах». Т. Гажа называет воспоминания А. Димарова автобиографическим романом, отмечая, что и «по объему охваченного времени, и по количеству сюжетных линий и героев, и по масштабу эстетических и социальных проблем это двухтомное сочинение выходит за рамки обычной повести ...» [2, с. 176]. Позволим себе не согласиться с таким определением. О жанровом своеобразии романа говорилось выше. Воспоминаниям А. Димарова действительно свойственно панорамное отображение эпохи, однако количество сюжетных линий предлагаем свести к одной: жизненный и творческий путь писателя. Все остальные сюжетные разветвления играют вспомогательную функцию, так же как и большое количество второстепенных героев только выделяют центральную фигуру. Итак, мы склонны определять воспоминания «Прожить и рассказать» как повесть. Теперь сосредоточимся на ее жанровой

разновидности. Как уже отмечалось, Т. Гажа считает произведение «автобиографическим». Этому же мнения придерживается Г. Маслюченко, называя воспоминания А. Димарова автобиографической повестью [13, с. 3]. Исследовательница отмечает, что одним из основных критериев идентификации жанра художественных мемуаров является двойной тематический центр произведения – «история Я», «история общества» [13, с. 5], а в произведении А. Димарова исследовательница видит единственный тематический центр «история эпохи». Однако эти рассуждения вызывают полемику. Во-первых, кажется нелогичным произведение с тематическим центром «история эпохи» считать автобиографическим, поскольку история эпохи предусматривает освещение жизни общества определенного периода во всей полноте ее фактов, а автобиографическое произведение поэтому и авто-, что он о себе. Во-вторых, даже если отталкиваться от классификации Г. Маслюченко, и согласиться, что тематический центр данного произведения «история эпохи», все равно намечается еще один тематический центр «история Я» (первая часть произведения посвящена детству писателя и воспроизводит формирование его характера и мировосприятия; в последующих главах наблюдаем дальнейшее формирование личности автора, диалектику взглядов, становление принципов). Поэтому считаем целесообразным определять произведение как повесть мемуарную. Изложенные соображения не претендуют на статус абсолютной истины, поскольку следует помнить об определенной условности дифференциации мемуарного произведения и автобиографического. Уместны по этому поводу замечания И. Шайтанова. Исследователь предостерегает не путать автобиографию («воспоминания о собственной жизни») и мемуары («воспоминания о людях, с которыми встречался»), однако подчеркивает, что «собственная жизнь протекает не в безлюдном пространстве, а говоря о другом человеке, невозможно избежать упоминания о себя. Так что любой факт, взятый из прошлого, возникает на пересечении жанровых граней. Итак, полного и безусловного различия между автобиографией и мемуарами быть не может. Меняется лишь повествовательный акцент, точка зрения» [16, с. 43].

Современное состояние мемуаристики опровергает мысль о существовании общего мемуарного жанра и демонстрирует разнообразие жанровых форм. Это является бесспорным доказательством того, что мемуары – наджанровое образование. Более того, имеет место своеобразная гибридизация жанров: интеллектуальная биография («Интеллектуальная биография» П. Рикера), философская автобиография («Самопознание: Опыт философских автобиографий» М. Бердяева), повесть-эссе («На берегу времени. Мой Киев. Новоселье» В. Шевчука). Подобное взаимопроникновение жанров в области мемуаристики может стать предметом дальнейших научных исследований.

Литература

1. Волинский П. К. Основы теории литературы : Введение в литературоведение / П. К. Волинский. – Второе изд., Испр. и доп. – М. : Сов. шк., 1967. – 366 с.
2. Гажа Т. Украинская литературная мемуаристика второй половины XX века: становление объектного и субъектного типов: Дис. ... канд. филол. наук. – Харьков, 2005. – 220 с.
3. Галич А. А. Жанровая система документальной литературы / А. А. Галич // Документалистика на пороге XXI века: проблемы теории и истории. – Материалы Всеукраинской научной конференции 18–19 сентября 2003. – Луганск : Знание, 2003. – 300 с.
4. Гладков А. Мемуары – окна в прошлое / А. Гладков // Вопросы литературы. – 1974. – № 4. – С. 122–129.
5. Елизаветина Г. «Последняя грань в области романа ...» / Г. Елизаветина // Вопросы литературы. – 1982. – № 10. – С. 147–171.
6. Залыгин С. П. Литературные заботы / С. П. Залыгин. – 3-е изд., Доп. – М. : Сов. Россия, 1982. – 464 с.
7. Левицкий Л. Где же предел субъективности? / Л. Левицкий // Вопросы литературы. – 1974. – № 4. – С. 101–115.
8. Лежен Ф. В защиту автобиографии. Эссе разных лет / Ф. Лежен // Иностранная литература. – 2000. – № 4. – С. 108–122.
9. Лексикон общего и сравнительного литературоведения. – Черновцы : Золотые литавры, 2001. – 636 с.
10. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Сов. Энциклопедия, 1987. – 752 с.
11. Литературоведческий словарь-справочник / Р. Т. Громяк, Ю. И. Ковалив и др. – М. : ВЦ «Академия», 1997. – 752 с.
12. Марахова Т. В жанрах мемуарной литературы / Т. Марахова // Вопросы советской, русской и зарубежной литературы. Ученые записки Горьковского пединститута. – Вып. 69. – Горький, 1967. – С. 19–38.
13. Маслюченко Г. Художественные мемуары и автобиографическая повесть в украинской литературе 90-х годов XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Днепропетровск, 2004. – 18 с.
14. Скнарина Е. Субъективность документально-художественной прозы («Соло для девичьего голоса» Галины Гордасевич) / Е. Скнарина // Вестник ЛНПУ. – 2006. – № 1. – С. 184–190.
15. Ткаченко А. Искусство слова : Введение в литературоведение : Учебник для студентов гуманитарных специальностей высших учебных заведений / А. Ткаченко. – Второе изд., испр. и доп. – М. : ИПЦ «Киевский университет», 2003. – 448 с.
16. Шайтанов И. Как было и как вспомнилось (Современная автобиографическая и мемуарная проза) / И. Шайтанов. – М. : Знание, 1981. – 64 с.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО ПРИЗНАКА В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Ткачева Елена Александровна,
кандидат педагогических наук, доцент,
зав. кафедрой английской и восточной филологии
Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

Начало XXI столетия ознаменовано тем, что человек оказывается в центре внимания многих наук. В лингвистике формируются и интенсивно развиваются новые направления исследований, опирающиеся на антропоцентрический подход к изучению языковых явлений. Особое место в лингвистических трудах, доминирующей тенденцией которых является ориентация на человека, занимают гендерные исследования. В центре их внимания находятся культурные и социальные факторы, определяющие отношение общества к мужчинам и женщинам, поведение индивидов в связи с принадлежностью к тому или иному полу, стереотипные представления о мужских и женских качествах – все то, что переводит проблематику пола из области биологии в сферу социальной жизни и культуры.

Категория «гендер» появилась в языкознании сравнительно недавно (в 80-е годы прошлого столетия) – несколько позже, чем в других общественных науках. Гендерные отношения в языке фиксируются в виде языковых стереотипов, накладывая отпечаток на поведение, в том числе и речевое, личности и на процессы её языковой социализации. Лингвистика текста помогает выявить отражение запечатленных в сознании носителей языка гендерных стереотипов.

Предыстория гендерных исследований в лингвистике уходит своими корнями в античность и связана с возникновением символическо-семантической концепции категории рода (genus), рассматривающей её в тесной связи с непосредственной реальностью: наличием людей разного пола. Долгое время тема взаимоотношений языка и гендера была периферийной в лингвистике, систематических исследований в этой области не проводилось вовсе, существовали лишь спорадические описания различий в особенностях мужской и женской речи.

И лишь в начале нашего столетия тема языка и пола в лингвистике стала перемещаться на передний план. Этому способствовал ряд обстоятельств: во-первых, данная проблематика стала интересна лингвистам с мировым именем, основавших ряд направлений в языкознании XX века: О. Есперсену, Э. Сепиру, Ф. Маутнеру. Во-вторых, на первое место в лингвистическом описании стал выдвигаться социальный план, рассматривающий язык в связи с обществом и находящимся в нем человеком, возникли целые новые направления в языкознании – социолингвистика, прагматика, психолингвистика, теория дискурса и коммуникации [4].

Но наибольший интерес к данной теме появился в середине 1960-х годов, когда бурное развитие получила коммуникативная семантика, социолингвистика, прагматика, когда пристальное внимание исследователей привлекло влияние на язык человеческого фактора. Стало ясно, что изучение языковых явлений в их коммуникативном, динамическом аспекте невозможно без учета психофизиологических и социально-стратификационных особенностей личности (пола, возраста, уровня образования и т. п.). Стимулом для этих исследований послужило и развитие квантитативной лингвистики, предоставившей в распоряжение учёных как обширный статистический аппарат, так и количественный материал об особенностях функционирования языка в специфических социальных группах. Анализировались все уровни языка, начиная с фонетики и оканчивая особенностями дискурса и стиля речи в целом. Например, было установлено, что частота различий в произношении у мужчин и женщин в английском языке значительно снижалась с повышением их социального статуса и уровня образования. Проводили эксперименты с учетом влияния ряда социально-психологических факторов речь испытуемых. Изучалась как устная, так и письменная речь, но следует отметить, что преимущество в изучении отдавалось устной речи (она более спонтанна и менее подвержена контролю сознания и, в силу этого, различия в мужской и женской устной речи могут проявляться более контрастно).

В целом при изучении проблемы взаимоотношения языка и гендера и наличия определенных особенностей в мужском и женском вербальном поведении можно выделить три подхода [2].

Первый, чисто гендерный подход сводится к трактовке исключительно социальной природы языка женщин и мужчин и нацелен на выявление тех семантических различий, которые можно объяснить особенностями перераспределения социальной власти в обществе, при этом язык определяется как некая функциональная производная от основного языка, используемая в тех случаях, когда партнеры по речи находятся на разных ступенях социальной иерархии. Теоретическую основу такого подхода составили концепция власти М. Фуко и социологическая концепция гендеризма И. Гофмана [6].

Второй подход научно редуцирует «женский» и «мужской» язык до особенностей языкового поведения женщины и мужчины, для него статистические показатели или определение средних параметров имеют основополагающую значимость и составляют каркас для построения психолингвистических теорий [1].

Третий подход делает упор на когнитивном аспекте этих различий. Для него оказывается более значимым не только определение частотности различий и оперирование его показателями, но и установление того, что трудно поддается объяснению, поскольку выходит за рамки стандарта [3].

В конце 60-х – начале 70-х годов XX века гендерные исследования в языке получили мощнейший импульс благодаря так называемому Новому женскому движению в США и Германии, в результате чего в языкознании возникло своеобразное направление, названное феминистской лингвистикой (далее –

ФЛ), или феминистской критикой языка. Основополагающей в этой области стала работа Робин Лакофф «Язык и место женщины», обосновавшая андроцентричность языка и ущербность образа женщины в картине мира, воспроизводимой в языке [7, с. 116]. К специфике феминистской критики языка можно отнести ее ярко выраженный полемический характер, привлечение к лингвистическому описанию результатов всего спектра наук о человеке (психологии, социологии, этнографии, антропологии, истории и т. д.), а также успешных попыток влиять на языковую политику. Наибольшее распространение ФЛ получила в Германии с появлением работ С. Тремель-Плетц «Linguistik und Fraunsprache» (Tromel-Plotz, 1978) и Л. Пуш «Das Deutsche als Mannersprache» (Pusch, 1984).

Исследования языка и тендерных асимметрий в нем основываются на гипотезе Сепира – Уорфа: язык не только продукт общества, но и средство формирования его мышления и ментальности. На основе этого представительницы ФЛ утверждают, что все языки, функционирующие в патриархальных и постпатриархальных культурах, суть мужские языки и строятся на основе мужской картины. Исходя из этого, ФЛ настаивает на переосмыслении и изменении языковых считая сознательное нормирование языка и языковую политику целью своих исследований.

В целом в филологии просматриваются два течения: первое относится к исследованию языка с целью выявления «асимметрий в его системе, направленных против женщин». Эти асимметрии получили название языкового сексизма (sprachlicher sexismus). Речь идет о патриархальных стереотипах, зафиксированных в языке и навязывающих его носителям определенную картину мира, в которой женщинам отводится второстепенная роль и приписываются в основном негативные качества. В рамках этого направления исследуется, какие образы женщин фиксируются в языке, в каких семантических полях представлены женщины и какие коннотации сопутствуют этому представлению.

Вторым направлением стало исследование особенностей коммуникации однополых и смешанных группах. Эти исследования касаются коммуникативно прагматической функции языка. Изучение речевого поведения в рамках данного направления позволило выявить и детально описать мужские и женские стратегии речевого поведения на базе английского языка.

Исследования в области гендерной проблематики не имеют длительной истории и находятся на стадии формирования. Сейчас можно говорить скорее не о разных направлениях в этой области научного знания, а о становлении этих направлений.

Перспективными являются и исследования письменного и устного речевого поведения мужчин и женщин с позиции интеракционизма и теории речевых актов, то есть целей высказывания, стратегии и тактик речевого поведения. Необходимы также исследования на предмет гендерной доминантности в общении, то есть предоставления слова, возможности довести высказывание до конца, частоты перебивания говорящими друг друга и так

далее. Такие исследования чрезвычайно важны еще и потому, что можно прогнозировать в них расхождение с полученными зарубежными результатами. Дело в том, что воспринимаемые до недавнего времени как универсальные принцип кооперации Грайса и принципы вежливости Гоффмана и Лича, в соответствии с которыми описывается коммуникация в западной культуре, реализуются у нас несколько иначе. Именно этот факт, по всей видимости, влияет и на гендерные аспекты коммуникации [5, с. 21].

Литература

1. Воронина О. А. Теоретико-методологические основы гендерных исследований / О. А. Воронина // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общ. ред. О. А. Ворониной. – М. : МЦГИ – МВШСЭН – МФФ. – 2001. – С. 13–95.
2. Горошко Е. Гендерные исследования в лингвистике сегодня / Е. Н. Горошко, А. В. Кирилина // Гендерные исследования. – 1999. – № 2. – С. 234–241.
3. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – М., 2006. – 211 с.
4. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М., 1993. – 328 с.
5. Синельникова Л. Н. Введение в лингвистическую гендерологию : Материалы к спецкурсу / Л. Н. Синельникова, Г. Ю. Богданович. – Симферополь, 2013. – 40 с.
6. Фуко М. Воля к истине : по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко // Фуко М. Работы разных лет. – М., 2006. – С. 173–190.
7. Jule A. Gender and the Language of Religion. – Hampshire: Palgrave MacMillan, 2005. – 281 p.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ УЗЛОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Ткачева Юлия Геннадиевна,

ст. преподаватель кафедры теории и практики перевода

Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

Как известно, правила построения художественного текста зависят от контекста культуры, в котором он возникает. Одна из его особенностей заключается в том, что он напрямую связан с культурой, так как насыщен множеством культурных кодов и хранит информацию обо всем, что составляет содержание культуры. Художественный текст представляет собой «набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, определённые ассоциации» [2, с. 87], поскольку каждый индивид в значительной мере формируется под влиянием той культуры, в которой он существует, а каждая культура воплощает в себе специфический опыт социальной практики конкретного социума, который придаёт ей неповторимые черты.

Соответственно, в отношении процесса восприятия и интерпретации инокультурного текста следует иметь в виду, что затруднения при понимании свидетельствуют об ином его качестве для представителей другой культуры. Инокультурный текст, требует знаний культурологического плана, соответствующих его неязыковой основе, так как за языковой сложностью текста для его адресата нередко стоит сложность понимания образа мыслей другого народа.

Цель данной статьи заключается в исследовании способов перевода безэквивалентной лексики с национально-обусловленной и культурной спецификой.

Подобно тому, как в культуре каждого народа есть общечеловеческое и этнонациональное, так и в семантике каждого языка есть отражение, как общего, универсального компонента культур, так и своеобразия культуры конкретного народа. Универсальный семантический компонент обусловлен единством видения мира людьми разных культур. Это принципиальное единство человеческой психики проявляется на разных уровнях семантической организации языков – от широких и устойчивых тенденций до «точечных» универсальных явлений [3, с. 51].

Различия между языками, обусловленные различием культур, заметнее всего в лексике и фразеологии, поскольку номинативные средства языка наиболее прямо связаны с внеязыковой действительностью. В любом языке и диалекте есть слова, не имеющие однословного перевода в других языках. Это так называемая безэквивалентная лексика, в основном – обозначения специфических явлений местной культуры. «Безэквивалентные слова, подобно вехам, обозначают все самое существенное в прошлом и настоящем народа, все его достижения на многовековом пути развития, его взгляды, оценки,

суждения» [1, с. 60]. В языке как будто «отсеивается» все мелкое, проходящее и незначительное, а остается только то, что заслуживает быть сохраненным. Так, если какая-то информация закрепились в языке, то она считается неоспоримой и важной в общественном мнении нации.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров выделяют в русском языке несколько групп слов, которые обладают национально-культурной семантикой:

- наименование предметов и явлений традиционного быта, например: «*щи*», «*блины*», «*передник*», «*лапша*», «*хоровод*», «*тройка*»;
- историзмы, то есть слова, которые обозначают предметы и явления предыдущих исторических периодов: «*сажень*», «*волость*», «*губерния*», «*денищик*», «*дань*»;
- слова нового быта: «*маршрутное такси*», «*Дворец бракосочетания*», «*зачетка*», «*ясли*»;
- лексика фразеологических единиц: «*узнать свою подноготную*», «*бить в набат*», «*бить челом*»;
- слова из фольклора, например: «*добрый молодец*», «*Снегурочка*», «*баба-яга*», «*жар-птица*», «*водяной*»;
- слова нерусского происхождения, так называемые тюркизмы, монголизмы, украинизмы: «*тайга*», «*халат*», «*кубанка*», «*плов*», «*караван*», «*орда*» и прочее.

Такие слова можно было бы назвать «дважды безэквивалентными: сначала они не имели эквивалентов с точки зрения русского языка, и это обусловило их заимствование; теперь же они не имеют эквивалентов уже с точки зрения иностранных языков касательно русского языка» [1, с. 64]. Нерусские по происхождению слова в русском языке принадлежат к двум большим пластам лексики: во-первых, они относятся к заимствованным русскими культурным элементам, а во-вторых, они отражают характерные черты национальных культур, из которых когда-то были заимствованы.

Безэквивалентная лексика составляет 6–7% от общего количества активно используемых русских слов. Хотя и не очень много, они все же «отражают самое существенное, важнейшее в культуре и показывают глубокие корни истории и общественной жизни» [1, с. 64–65].

Классификация Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, на наш взгляд может применяться и в отношении других языков, поскольку наименование предметов быта, историзмы, фразеологические единицы, которые существуют в одном языке, очень часто не имеют эквивалентов в других языках.

В случае заимствования в чужой язык безэквивалентные лексические единицы называют экзотической лексикой (экзотизмы). «Экзотизмы и этнографизмы не столько раскрывают и толкуют чужую культуру, сколько символизируют ее» [3, с. 52]. Безэквивалентная лексика представляет собой пласт сложно переводимой или же практически непередаваемой лексики, поскольку план содержания таких слов невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями. Однако отсутствие точного соответствия не означает, что отсутствует возможность передачи значения

этого слова при переводе посредством описательного перевода, или что данная лексическая единица не появится в языке в будущем. Перевод безэквивалентной лексики может основываться на комментариях, примечаниях, использовании приема прямого заимствования путем транскрипции или транслитерации, передачи слова его гиперонимом в языке перевода или путем подбора приблизительного соответствия.

Национально-культурное своеобразие лексики может проявляться не только в наличии ряда специфических слов, но и в отсутствии слов для значений, выявленных в других языках, такие «пустоты» и называются лакунами. О. Селиванова определяет лакуны как «базовые элементы национальной специфики лингвокультурного сообщества, которые усложняют перевод его текстов и восприятие их инокультурными реципиентами из-за отсутствия в одном языке по сравнению с другим необходимых соответствий языковых единиц разных уровней, понятий, категорий, ассоциативных реакций, а также паравербальных средств языка» [4, с. 275]. Как и безэквивалентные слова, лакуны заметны только при сопоставлении языков. Причины появления лакун разнообразны. В одних случаях лакуны обусловлены расхождением культур. Например, в английском языке имеется достаточное количество слов для обозначения профессий, связанных с юриспруденцией, и поэтому перевод фразы в пьесе известного американского драматурга Теннесси Уильямса «Трамвай Желания» «I have a lawyer acquaintance who will study this out» мог вызвать ряд затруднений у переводчиков. Кроме слова *lawyer* («юрист, адвокат»), в английском языке также существуют «*attorney*» («уполномоченный, поверенный»), «*barrister*» («адвокат, имеющий право выступать в судах высшей инстанции»), «*solicitor*» («ходатай, солиситор, адвокат (дающий советы клиенту, подготавливающий дела для барристера и выступающий только в судах низшей инстанции)»), «*counsel*» («юрисконсульт»), «*counselor*» («советник»), «*advocate*» («адвокат высшего ранга»). Причем «*lawyer*», «*attorney*», «*barrister*», «*solicitor*», «*counsel*», «*counselor*», «*advocate*» – разновидности одной профессии – адвокат (в русском языке это единственное соответствие). В других случаях лакуна обусловлена не отсутствием в одном из языков соответствующего денотата, а тем, что «языку как будто не важно различать то, что различает другой язык» [3, с. 53]. Например, двум русским словам «девочка» и «девушка» соответствует одно английское «*girl*»; и наоборот, двум английским «*bank*» – «берег реки» и «*shore*» – «берег моря» соответствует одна лексическая единица русского языка «берег».

Теория лакун позволяет выявить механизмы адаптации фрагментов ценностного опыта определенной культуры, зафиксированных в текстах, адресованных инокультурному реципиенту. По мнению Ю. Сорокина, «процесс адаптации фрагментов ценностного опыта одного лингвокультурного сообщества при восприятии его носителями другой культуры, по сути, сводится к процессу элиминирования лакун разных типов» [5, с. 10]. Ученый считает,

что перенос определенного фрагмента опыта из одной культуры в другую осуществляется, как правило, под влиянием двух основных факторов:

1) определение цели перенесения тел или иных элементов одной культуры в другую (максимальная передача национальной специфики определенного лингвокультурного сообщества; максимальное приближение описываемой культуры к культуре реципиента);

2) уровня значимости фрагментов опыта, которые подлежат переносу из одной культуры в другую (ценность фрагментов опыта, которые подлежат трансляции, может определяться размерами культурологической дистанции между культурами-коммуникантами, задачами общения, характером текста, в которым зафиксированы данные фрагменты).

Элиминирование лакун в тексте, адресованном инокультурному реципиенту, осуществляется двумя основными способами: заполнением и компенсацией.

«Заполнение лакун представляет собой процесс раскрытия понятия / слова, которое принадлежит незнакомой для реципиента культуре» [5, с. 11].

Особый интерес представляет процесс компенсации лакун в тексте во время межкультурного общения. Сущность компенсации заключается в следующем: для устранения национально-специфических барьеров в ситуации контакта двух культур, то есть для облегчения понимания определенного фрагмента чужой культуры, в текст в конкретной форме вводят специфический элемент культуры реципиента. Таким образом, в тексте определенной культуры появляются элементы другой культуры – подобные или близкие к элементам исходной культуры. Поэтому, компенсация лакун, в конечном счете, приводит к утрате национальной специфики исходной культуры и обязательно вводит в текст новые элементы, принадлежащие культуре реципиента.

Ю. Сорокин выделяет такие виды компенсации лакун в тексте, репрезентирующих фрагмент чужой культуры на языке реципиента (автор является представителем культуры реципиента):

- указание на реалию, которая знакома читателю и тем самым помогает понять сущность иноязычной реалии или ситуации;
- обращение не к элементам своей (для автора и читателя) культуры, а к широко известному носителям определенных культур факту, реалии;
- «опорным» компенсационным элементом может быть литературная цитата, ссылка на хорошо известное реципиенту произведение отечественной литературы, что в свою очередь помогает точнее понять характер феномена чужой культуры и вызвать необходимое к нему отношение.

В переводных текстах встречается другой вид компенсации. «Переводчик осуществляет компенсацию на языке перевода в такой форме, что как правило, она не осознается реципиентом» [5, с. 12]. Например, название американской пьесы «The Gin Game» («Игра в джин») перевели на русский язык как «Игра в карты». Лакуна была компенсирована (в связи с тем, что у нас такой вид карточной игры не является распространенным) путем замены конкретного названия игры общим понятием «карточная игра» (любая, не важно какая).

Компенсация применяется и там, где сберечь лакуну не представляется возможным, поскольку необходимо сделать текст максимально понятным, а заполнить ее по известным причинам невозможно. Не случайно когда перед переводчиком стоит цель максимально приблизить текст для понимания читателя, например, добиться воздействия на реципиента перевода, аналогичного тому, которое осуществлял текст оригинала на читателя исходящего языка, переводчик изменяет (иногда полностью) оригинальный контекст на контекст культуры языка перевода. Этот приём особенно широко используется при переводе рекламных текстов.

Проблема сохранения национально-культурной специфики оригинала и компенсации лакун в процессе перевода приобретают особую важность в тех случаях, когда суть авторской стилистики заключается в «обыгрывании» специфических для этой культуры элементов. Цель такого «игрового» перевода заключается в том, чтоб вызвать у читателя – носителя одной автором культуры – комплекс непосредственных и непрямых ассоциаций (вызвать эффект «узнавания»). «В этом случае текст полностью лакунизирован для инокультурного читателя, заполнение лакун же в таком тексте практически невозможно. В таких случаях переводчики, как правило, прибегают к компенсации, заменяя специфические фрагменты текста на языке оригинала такими фрагментами языка перевода, которые создают аналогичный оригинальному эффект во влиянии на читателя языка-перевода» [5, с. 14].

Проведенный анализ источников и периодических изданий показывает, что при переводе художественных текстов содержащих лексические единицы с национально-обусловленной и культурной спецификой, переводчик должен осуществить необходимую прагматическую адаптацию текста перевода с помощью внесения в текст необходимых изменений позволяющих заполнить лакуны, при этом обязательно учесть своеобразие культуры, которое выражается через целый ряд единиц и явлений в языке, максимально сохранив коммуникативный эффект текста оригинала.

Литература

1. Верещагин Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Рус. яз., 1976, – 269 с.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высш. Учебных заведений / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
3. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика : Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся в лицее / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
4. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с.
5. Сорокин Ю. А. Этнопсихолінгвістика / Ю. А. Сорокин. – М. : Наука, 1988. – 305 с.

АНЕКДОТ КАК ЖАНР СЖАТОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Унукович Екатерина Андреевна,

ассистент кафедры русского языкознания

и коммуникативных технологий

Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

Целью данной статьи является исследование анекдота как сжатого политического текста. Материал был взят нами из Интернет-источников <http://politanekdot.com>; <http://babedra.ru>; <http://bestjoke.org.ua> — это политические анекдоты последних лет.

Анекдот как жанр юмористического дискурса рассматривали: В. И. Карасик, исследованием анекдота как жанра политического дискурса занимались Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев, Е. И. Шейгал, осмыслением жанра анекдота как художественного дискурса находим в работах М. С. Каган, В. В. Химик и др., но исследований современного анекдота как сжатого политического текста мы не встречали. Этот факт определяет новизну нашего исследования.

«Анекдот превратился в одну из форм рефлексии — состояния современного общества и его культуры» [2]. Он откликается на болевые, актуальные проблемы общества, охватывая практически все сферы социальной жизни (политику в том числе), и выражает мироощущение определённых слоёв общества, видение людьми окружающей их действительности, а также отношение к ней, являясь, своеобразным зеркалом общественного сознания и, вместе с тем, национального быта, характера народа. Художественно-ироническим зеркалом, показывающим реалии и отношение к ним преломлённым сквозь призму смехового мировидения [2]. Анекдот является жанром юмористического дискурса.

А. В. Карасик рассматривает юмористический дискурс как «текст, погружённый в ситуацию смехового общения», для которой характерно: «1) коммуникативное намерение участников общения уйти от серьёзного разговора, 2) юмористическая тональность общения, т.е. стремление сократить дистанцию и критически переосмыслить в мягкой форме актуальные концепты, 3) наличие определённых моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре» [3, с. 252]. Коммуникативная цель анекдота — создание комической ситуации, т. е. ситуации, предназначенной для веселья, причем комическое понимается как эстетическая форма критики, а смех рассматривается как реакция осознания добра и зла [3, с. 257].

«Всякий дискурс, в том числе и политический, будучи конгломератом определённых жанров, представляет собой полевою структуру, в центре которой находятся жанры, прототипные для данного типа дискурса, а на периферии — маргинальные жанры, имеющие двойственную природу и находящиеся на стыке разных типов дискурса» [8, с. 244]. Жанр анекдота относится к маргинальным, вторичным жанрам политического

дискурса и определяется как «разговор о политике», он носит респонсивный и отсылочный характер и представляет собой реакцию на действия (речевые в том числе) политиков: комментирование, обсуждение, интерпретацию, и связан с оценочным, критическим осмыслением текстов первичного дискурса и его субъектов (авторов) [8, с. 245].

Е. И. Панченко рассматривает сжатый текст, как «сообщение, объективированное в письменной форме, построенное путём сокращения полного текста либо изначально краткое, предназначенное для дальнейшего развертывания в полный текст» [4, с. 22]. Жанр анекдота относится к первичным потенциально развёртываемым сжатым текстам (изначально создаваемым как сжатые), повышенно информативным, с минимальной языковой формой с целью создания определённого стилистического эффекта. Дальнейшее их развёртывание происходит в процессе умственной деятельности человека, когда при слушании / чтении адресат текста использует определённые фоновые знания, опирается на контекст, подтекст и экстралингвистические факторы для его понимания.

Коммуникативная цель политического анекдота – острая критика злободневных политических событий. Политические анекдоты – это своеобразная форма участия в политической жизни общества [1].

Как текст анекдот наделен стереотипной структурой, состоящей из двух частей – интродукции (зачина) и развязки. Начало, или интродукция, посвящает слушателя в содержание, задаёт тему и интригу. Развязка анекдота содержит основную идею анекдота и, независимо от продолжительности целого текста, в идеале кратка, неожиданна, остроумна, часто парадоксальна [7]. Текст анекдота обнаруживает два языковых слоя. К ним относятся, с одной стороны, «текст повествователя» («слова от автора») и с другой – речь персонажей анекдота. «В «тексте от автора» почти всегда используется настоящее время глагола (а также при определённых условиях – прошедшее время глаголов совершенного вида в результативном значении). Эта особенность связана с близостью анекдота народному театру: используя так называемое «настоящее изобразительное», рассказчик представляет действие как бы разворачивающимся в данный момент перед глазами зрителей» [9].

Анекдот – форма устного творчества. Однако существуют издания сборников анекдотов, в Интернете можно найти различные сайты, посвящённые анекдотам на разные темы.

Важной составляющей жанра выступает развлекающий компонент, который привносит нужные убеждающие функции [5], в данном случае речь идет об использовании анекдота как косвенного способа для формирования у аудитории определённых политических приоритетов и предпочтений. Важной чертой анекдота является его реактивный характер на навязываемую властями официальную интерпретацию политических событий. Другими словами, в его основе лежит противодействие официальным властям [5].

Степень сжатия зависит от жанра текста, его автора, адресата и политической ситуации. Максимальная степень сжатия характерна для малых

жанров, а также для текстов, ориентированных на массового адресата. Анекдот соответствует этим двум условиям.

Краткость – одна из главных составляющих жанра анекдота, является особенностью анекдота не только как сжатого, но и как политического текста. Вероятность прочтения или восприятия такого текста в полном объёме больше, чем вероятность восприятия любого другого более протяжённого во времени и пространстве текста. Краткость анекдота определяет быстроту включения в его содержание.

Любой анекдот по смыслу больше, чем заложено в его стандартной языковой форме. С целью экономии в тексте анекдота элиминируются те знания, которые выступают как фоновые для адресанта и адресата, как «само собой разумеющееся», как автоматически вытекающее из эксплицитно выраженного. С этими свойствами человеческого мышления связано явление пресуппозиции («имплицитное, предваряющее текст фоновое знание, истинное и непротиворечивое» [6, с. 329]). Таким образом, проблема экономии языковых средств в анекдоте тесно связана с проблемой имплицитности в языке и речи.

Политический анекдот, таким образом, – это потенциально развёртываемый сжатый текст общественно-политического содержания с коммуникативной целью рассмешить слушающего, с неожиданной остроумной концовкой, понятный слушающему при наличии у него определённых фоновых знаний, используемый в определённой ситуации, уместной для рассказывания анекдота, и находящийся в интертекстуальных связях с другими текстами из окружающей действительности.

Анекдот, как и другие смеховые жанры, обязательно содержит отсылку к разного рода прецедентным феноменам той культуры, в которой они создаются, что тоже приводит к сжатию текста анекдота.

Семантическая компрессия проявляется в переносе информации на имплицитный уровень высказывания, в результате чего формируется подтекст, наполненный элементами подразумевания, и передаваемая информация превышает прямое значение включённых в текст анекдота языковых средств. В тексте политической направленности адресат сам приписывает сообщению некое содержание, опираясь на дополнительную информацию из своих фоновых знаний о политиках, ситуации в стране, за ее пределами и свою политическую ориентацию и взгляды.

Львів, ковзанка:

– Прокат ковзанів – 5 гривень.

– Прокат коньков – 25 гривен.

У депутата горсовета спрашивают:

– А как у Вас теперь с дорогами?

– Великолепно! Плохих дорог у нас больше нет!

– Это, по-видимому, обошлось Вам дорого?

– Напротив, не стоило ни копейки. Просто плохие дороги мы теперь называем «объездами».

– Что общего между государственным бюджетом и мужем-подкаблучником?

– Их постоянно пилят.

– Почему наши депутаты почти все так богаты?

– А у них у всех свой бизнес.

– Это какой?

– Они продают тех, кто их выбирает.

Назовём приёмы комического, которые приводят к сжатию текста анекдота.

1. Каламбур

Объявив очередной «газават» Украине, монополист «Газпром» стал главным претендентом на звание «Лучшая газоМдобИвающая компания»!

2. Многозначность

Чиновники очень любят смотреть на морской прибор с берега. Откат за откатом...

3. Метонимия

Еще 10 лет таких цен и зарплат, и вместо переписи населения будет перекличка.

4. Семантика многоточия

Ну, за Конституцію!.. Не цокаючись...

По анекдотам можно проследить, как меняется восприятие политика народом, каков его политический рейтинг. Не каждый политик может стать героем анекдота. Для этого политику нужно достичь определённого уровня медийности, статуса, авторитета, обладать определённой харизмой.

Существует целый ряд политических анекдотов, сюжет которых в некоторой мере абстрагирован от объективной реальности, где персонажами являются некие обобщённые образы политиков и государственных чиновников, поэтому актуальность и популярность таких анекдотов более долговечна. Чаще всего – это анекдоты-афоризмы.

После определённой суммы украденного экономист превращается в политику.

Если политики начали признаваться вам в любви – значит, скоро выборы.

Если вы слышите в предвыборной речи «Я положу конец коррупции, бандитизму, организованной преступности и т.д. и т.п.», не обольщайтесь, скорее всего, правдивы только первые 3 слова!

Общей тенденцией все же является недолговечность политического анекдота. Политический анекдот чаще всего событие, реалистичен, его цель – привлечь внимание к особому роду оценки политических действий, а когда интерес к событию ослабевает или герой сюжета перестанет появляться в медийном поле, анекдот перестает быть актуальным.

Собранный нами материал позволяет назвать такие функции политического анекдота:

1) использование анекдота для корректировки стиля поведения политика, партии;

2) для привлечение внимания публики к политике вообще и к её представителям в частности;

3) служит фиксатором общественных настроений и может в этом случае рассматриваться как своеобразный исторический документ;

4) является носителем терапевтической функции (сглаживает конфликты, берёт на себя роль психологической защиты, защиты от стресса, сублимирует агрессию).

Специфика жанра политического анекдота обусловлена включением в его пространство одновременно трёх типов дискурса: политического, юмористического, художественного. Иллокутивная цель политического анекдота – острая критика злободневных политических событий и политических деятелей. Комический эффект достигается с помощью разнообразных языковых средств и риторических приёмов: каламбура, игры на многозначности, метонимических переносов, семантики многоточия, намеренного пропуска слова, необычной его расшифровки и др. Важным условием понимания анекдота, а также одним из средств сжатия текста анекдота являются фоновые знания рассказывающего (пишущего) и слушающего (читающего). Сжатие (имплицитность, пресуппозиции, прецедентность, интертекстуальность) является атрибутом жанра анекдота. Отличительной особенностью анекдота как политического дискурса является его недолговечность в информационном пространстве. Перспективой исследования проблемы жанра анекдота как сжатого политического текста видим в выявлении приёмов «сжатости» в их соотнесённости с дискурсивными модификациями языковых средств в тексте анекдота.

Литература

1. Дмитриев А. В. Социология юмора [Электронный ресурс] / А. В. Дмитриев. – Режим доступа : http://society.polbu.ru/dmitriev_humoursociology/ch17_i.html

2. Каган М. С. Анекдот как феномен культуры [Электронный ресурс] / М. С. Каган. – Режим доступа : http://anthropology.ru/ru/texts/kagan/anecdote_01.html

3. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

4. Панченко Е. И. Сжатый текст и его лингвистическая характеристика : Монография / Е. И. Панченко. – Днепропетровск : Изд-во «Навчальна книга», 1997. – 148 с.

5. Почепцов Г. Г. Психологические войны / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, К. : Ваклер, 2000. – 528 с.

6. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации : Монографическое учебное пособие / Е. А. Селиванова. – К. : Брама, Изд. Вовчок О.Ю., 2004. – 336 с.

7. Химик В. В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры [Электронный ресурс] / В. В. Химик. – Режим доступа : http://ra02.twirpx.net/0717/0717037_20710_zhany_rechi_vypusk_1.doc

8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. : ИТДГК «Гнозис». – 326 с.

9. Шмелёва Е. Я., Шмелёв А. Д. Серьёзно о смешном [Электронный ресурс] / Е. Я. Шмелёва, А. Д. Шмелёв. – Режим доступа : <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200301309>

ПРИРОДА СМІХУ В БУРЛЕСКНІЙ ПОЕМІ І. П. КОТЛЯРЕВСЬКОГО «ЕНЕЇДА»

Фадєєва Олена Олександрівна,
директор, учитель української мови і літератури
Донецька загальноосвітня школа № 140

«Серйозне руйнується сміхом, сміх – серйозним».
Арістотель

Актуальність теми нашого дослідження полягає в необхідності теоретичного і практичного обґрунтування скарбниці народного гумору – від доброзичливого сміху до караючої сатири. Тема обраної роботи зумовлена тим, що у сучасному літературознавстві (а також у естетиці, психології, філософії) проблема окреслення межі між смішним і комічним залишається дискусійною і не вирішеною остаточно до нашого часу. Хоча з часів Арістотеля існує безліч визначень понять про смішне, комічне. Звернення до означеної проблеми є необхідним і актуальним, оскільки започатковані раніше шляхи її розв'язання потребують нового бачення і підходу, а конкретні літературні твори більш детального сучасного прочитання.

Складність вичерпаного, повного пояснення понять смішного, комічного зумовлена, по-перше, їх універсальністю, а, по-друге, надзвичайною динамічністю, ігровою здатністю маскуватися під будь-якою личиною. Все ж у сучасному українському літературознавстві є необхідність певної впорядкованості класичних категорій естетики, серед яких поняття комічного є одним із центральних.

Мета роботи полягає у вивченні засобів художньої виразності переважно сатирично – гумористичного характеру в поемі «Енеїда» І. П. Котляревського.

Для успішної реалізації цієї мети поставлено такі завдання:

- виділити гумор, сатиру, іронію, сарказм як відтінки смішного у творі;
- дослідити вияви народно розмовності в поемі І. Котляревського;
- розкрити сучасний погляд на художній твір випробування часом;
- виявити вплив «Енеїди» на людські цінності.

У роботі використані такі методи: описовий метод, частково-порівняльний та історико-типологічний, дослідження. При аналізі поемі І. П. Котляревського

«Енеїда» ми спиралися на заходи підходу до літературного твору як художньо-естетичної цілісності.

Сьогодні твір «Енеїда» не є ажіотажним, як в часи Івана Котляревського. Досі йдуть дискусії, pojawiaються нові погляди на цей твір, але ми щиро регочемо над безсмертними сторінками його тексту. Чому?

1. Глузування, пародія, іронія, сміх допомагають орієнтуватися в світі, переносити негаразди, бо життєстворюючий характер сміху зумовлює успіх.

2. Повернутися до свого минулого, збагнути цінність утраченого, фатальну шкідливість псевдо духовності, користуватися невичерпним лексичним і фразеологічним багатством.

3. Сучасний погляд може не боятися зробити наголос саме на вивченні мови «Енеїди», щоб переломити розповсюдження іншомовних виразів, і краще навчити дітей розмовляти мовою свого народу.

В анкетуванні «**Цінності орієнтації**», в якому взяли участь учні 9-х та 10-х класів, були запропоновані такі питання:

1. Яке ваше ставлення до негативних вид характеру?

2. Як ви проводите свій вільний час?

3. Як ви ставитесь до батьків?

4. Назвіть ваші сімейні традиції.

5. Які у вас думки про майбутнє?

Виявились такі цінності орієнтації учнів:

60 % учнів відповіли, що хабарництво, жорстокість, пияцтво (в розумній кількості) є засобом виживання в сучасному світі.

70 % – споживацьке ставлення до батьків.

55 % – свій вільний час проводять у гультяйстві, на дискотеках, в барах, дозволяють собі вживати спиртні напої, тютюнові вироби.

80 % – у майбутньому збираються знайти гарну професію, заробляти багато грошей. Ніхто навіть не думає про користь людства.

Після вивчення поеми «Енеїда», пояснення вчителя, перегляду вистави в Донецькому музично-драматичному театрі ім. Артема (режисер Шулаков, художник Кушнір, композитор Кулаков) учні зрозуміли, що треба більше працювати над собою.

Результати анкетування «**Сміємося з панства і чиновництва і сміємося над своїми недоліками**» такі:

Негативні риси	5	4	3	2	1	0
скупість	12	5	2	0	0	0
злодійство	14	2	1	0	0	2
брехня	16	3	0	0	0	0
пияцтво	15	1	1	2	0	0
гульви	8	5	2	1	3	0
лайливість	11	6	2	0	0	0
заздрість	9	3	5	0	0	0
нікчемність	3	7	4	3	2	0
сварливість	9	5	2	2	0	0

егоїзм	4	5	6	3	0	0
хабарництво	7	8	1	1	1	1
шахрайство	6	6	4	2	1	0
невихованість і некультурність	16	2	0	1	0	0
неуцтво	3	6	5	4	1	0
грубість	8	3	3	5	0	0
самодурство	0	4	7	4	4	0
хитрість	4	7	5	3	0	0
крюкотворство	2	7	6	1	3	0

Є схожість подій того часу і сьогодення. Ось і зараз ми зустрічаємо чиновників, підприємців, які не зупиняються перед брехнею, злочином, шахрайством, невихованістю, скупістю. Мета – зробити добро – стала лише засобом підвищити авторитет у певних колах.

Та не всі такі. Є люди чесні, виховані, співчутливі, з високою культурою. Надія не залишає нас. Мало-помалу суспільство почне оживати, віковічні цінності (порядність, доброта) займуть почесне місце.

Минуло більше 200 років від першого видання «Енеїди» І. П. Котляревського, але художній твір витримав випробування часом і не втратив своєї актуальності для нації. Театр, телебачення, мультиплікація підтримують зв'язок часів і поколінь, примушують нас плакати і сміятися, замислюватися над своїм життям, проблемами світу, бачити навколишнє.

Література

1. Білецький О. І. Зібрання творів у п'яти томах / О. І. Білецький. – К. : Наукова думка, 1965. – Т. 2.
2. Гончар О. Перший твір нової української літератури : «Енеїда» І. П. Котляревського / О. Гончар // Українська мова і література в школі. – 1984. – № 11. – С. 10–18.
3. Гончар О. Українська література перед шевченківського періоду і фольклор / О. Гончар. – К. : Наукова думка, 1982. – 312 с.
4. Ващенко В. С. та ін. Лексика «Енеїди» І. П. Котляревського / В. С. Ващенко, Ф. П. Медведєв, П. О. Петрова. – Х. : Вид-во ХДУ, 1955.
5. Житецький П. Г. «Енеїда» І. П. Котляревського в зв'язку з оглядом української літератури XVIII століття / П. Г. Житецький. – К., 1989.
6. Могилевський В. Навколо «Енеїди» / В. Могилевський // Art line. – 1998. – № 4. – С. 48–50.
7. Нахлік Є. Творчість Івана Котляревського: Замовчувані інтерпретації. Дискусійні проблеми / Є. Нахлік. – Львів : Олір, 1994. – 68 с.
8. Плющ П. П. Мовні засоби гумору в «Енеїда» І. Котляревського / П. П. Плющ. – К., 1989.
9. Сверстюк Є. Іван Котляревський сміється / Є. Сверстюк // Україна : Наука і культура. – Випуск 25. – К., 1991. – С. 302–318.

10. Слоньовська О. «У «Енеїди» вдалий сміх...» / О. Слоньовська // Джерела. – 1998. – № 1. – С. 16–27.
11. Ткачук М. Український характер в «Енеїді» І. Котляревського / М. Ткачук // Київська старовина. – 1994. – № 5. – С. 92–97.
12. Історія української літератури / за ред. І. П. Скрипника. – К. : Вища школа, 1980. – С. 327.
13. Шевчук В. «Енеїда» І. Котляревського в системі літератури українського бароко / В. Шевчук // Дивослово. – 1998. – № 2. – С. 5–9.
14. Шевчук В. «Енеїда» І. Котляревського в системі літератури українського бароко / В. Шевчук // Дивослово. – 1998. – № 3. – С. 6–10.
15. Шудря М. Пам'ятник козацькій Трої: «Енеїда» І. Котляревського / М. Шудря // Українська мова та література. – 1998. – № 20. – С. 1–3.
16. Яценко М. На рубежі літературних епох: «Енеїда» І. Котляревського і художній прогрес в українській літературі / М. Яценко. – К. : Наукова думка, 1977. – 280 с.

ВЗАЄМОЗВ'ЯЗОК МУЗИКИ І ЛІТЕРАТУРИ У ТВОРЧОСТІ ОЛЬГИ КОБИЛЯНСЬКОЇ

Цимбалова Наталія Олександрівна,
асистент кафедри української
філології і прикладної лінгвістики
Донецький національний університет

Проблема взаємозближення мистецтв не нова як для науковців, так і для мистецтвознавців.

Дослідники віддавна зверталися до теми взаємозближення, відкривали те, що досі не помічалось, знаходили вади і переваги. Для глибшого розуміння специфіки того чи іншого мистецтва застосовують міждисциплінарні підходи, виявляючи об'єднувальні чинники, спільні категорії, науковці виділяють цілі системи споріднених мистецтв.

Так, наприклад, універсальність музики і літератури виявляє тенденцію до взаємного збагачення. Синтетичність першого і всеохоплюючий характер іншого дозволяє оперувати спільною термінологією: звук, гармонія, тембр, метр, ритм, наголос, період, акцент, інтервал, поліфонія, монотонність, лейтмотив тощо.

Розвиток цієї проблеми сягає корінням у «Поетику» Арістотеля (V ст. до н. е.), пізніше цю тему розробляли Е. Ганслік, А. Амброс, Ф. Ніцше, І. Франко.

Вагомими дослідженнями ХХ століття стали праці Кельвіна С. Брауна «Музика і література. Порівняння мистецтв» (1949), Теодора В. Адорно «Філософія нової музики» (1949), Германа Ерфа «Форма і структура в музиці» (1967), Стівена П. Шера «Вербальна музика в німецькій літературі» (1968), Ееро Тарасті «Теорія музичної семіотики» (1994), Поля Фрідріха «Музика в

російській поезії» (1998), Вернера Вольфа «Перегляд інтермедійних рефлексій стосовно взаємодії Слова і Музики в контексті основоположної типології інтермедіальності» (2002). Цікавими є напрацювання й вітчизняних науковців, таких як І. Франко, О. Рисак, О. Астаф'єв, М. Ігнатенко, А. Волков, Д. Наливайко, Р. Краукліс, М. Каган, Ю. Лотман, Б. Кац, І. Борисова, Л. Гервер.

Концептуальні узагальнення теоретиків щодо взаємодії літератури і музики відрізняються різновекторністю та багатоаспектністю. До сьогодні немає загальноприйнятого підходу, який би точно окреслив міжмистецькі зв'язки, велика кількість індивідуалізованих поглядів заплутує та не дає чітких відповідей. Найактуальнішими для нас стали напрацювання Олександра Рисака, який акцентував увагу на запозиченні термінології. Не залишилася без уваги знана праця Івана Франка «Із секретів поетичної творчості» (1899), в якій автор наголошує на «звищисті» літератури над музикою. У зв'язку з безмірною кількістю смислових образів поезія (як і література взагалі) здатна викликати набагато більше зворушень. Керуючись працею науковця, можна зазначити, що музика викликає глибокі та неясні почуття, а література – активніший стан душі, волю, афекти, моментальні настрої [9, с. 45].

Базовим є дослідження Стівена Поля Шера, яке спирається на розмежування «словесної музики» (word music) та «вербальної» (verbal music). Словесна музика вдається до звуконаслідувального ефекту, прагне до літературної імітації звучання. Вербальна – апелює до репрезентації музичних творів як існуючих, так і вигаданих, зображує їхнє виконання та емоційний відгук від сприйняття музичного твору.

Синтез музики і літератури досить відчутно позначився на творчості Ольги Кобилянської. Цьому сприяли не лише фактори спадковості (батьки письменниці були музично обдаровані), а й зачарованість величчю незрозумілих, але таких хвилюючих звуків. Сама Кобилянська пробувала складати музику, грала на фортепіано та співала. О. Рисак акцентує, що «музика як улюблене мистецтво, не могла не накласти відбиток на процес сприймання письменницею довколишнього світу». Виходячи з цього слід зазначити, що особливою складовою художніх текстів стає музичність. Тонко інтоновані настрої, заглиблення у внутрішній світ персонажів, особливості їхнього сприйняття – стають чи не головними рисами прози малого жанру, таких як «Impromptu phantasie» (1895), "Valse melancolique" (1897), «За ситуаціями» (1913) тощо.

Леся Українка у статті «Малорусские писатели на Буковине» відзначала: «Самые реальные картины она [Ольга Кобылянська] постоянно сопровождает лирическими отступлениями, которые напоминают симфонию, где впечатления пейзажа и движения души сливаются в одну неразделимую гармонию» [8, с. 64]. Музичні асоціації є провідним мотивом художнього мислення письменниці, за допомогою якого вона розкриває суб'єктивне ставлення персонажів до світу, їхній емоційний відгук дійсності.

Палітра художніх засобів письменниці надзвичайно розмаїта, вона вражає читача не лише зображальністю, а й дивовижними, майже чутними,

літературними звучаннями. Проте, як і в кожного справжнього майстра, в неї є свої, улюблені мотиви, що характеризують індивідуальні риси її творчого обличчя [6, с. 6]. Передусім хочеться зазначити інтерес до репрезентації відомих музичних творів. А саме шопенівський ліризм, яким сповнені психологічний нарис «Impromptu phantasie» (1895) та "Valse melancolique" в основу яких лягли одноіменні музичні композиції.

Нарис передає складну гаму переживань творчо обдарованої натури. Спогади дитинства зринають в уяві ліричного героя, коли він чує «торжественні, поважні звуки дзвонів». Ця художня деталь лейтмотивом проходить крізь увесь твір. До цих звуків приєднується мелодія бурі, шубовстання жаб, гудіння бджіл і все це перетворюється на музику – музику життя, яку слухає ліричний герой: «Вона бачила образи в тонах, переживала в уяві явища, котрі творила сама: казкові, фантастичні, неможливі...» [6, с. 23].

Беручи до уваги біографічний аспект, вбачаємо вплив Ф. Ніцше, яким цікавилася Ольга Кобилянська. Філософ висловив ідею, що культура має дуалістичну основу – аполонівське і діонісійське начало. Перше належить до сфери розуму, друге – почуття. Музичне мистецтво це безумовно сфера чуття. Авторка не може осягнути всієї глибини незрозумілого, але такого близького і хвилюючого мистецтва. Світ дуальностей прослідковується у новелі «Impromptu-phantasie», де головна героїня не може приборкати внутрішні переживання, які викликають звуки. Маємо на увазі суб'єктивне сприйняття *«коли чую музику – готова вмирати»* яке викликає в душі головної героїні незрозумілі насторожуючі, майже «діонісійські» стани *«Стаю тоді божевільно-відважна, стаю велика, погорджуюча, любляча...»*, *«кожний його удар по клавішах і кожний живіший рух його електризували її і виводили з рівноваги»* [5, с. 2]. Збентеження, викликане звучанням «фортеп'яна», можна пов'язати лише з чуттєвістю натури, тонкою психологічною організацією. *«Зразу стало їй холодно, а опісля – сама не знала, як се прийшло,— почала плакати. Тихо, але цілою душею. Її перемогло знов те щось, що пригадувало образи, переходило в тони і немов душило..»* [5, с. 2]. Хвилюючо-мінорна тональність вибухає слізьми, бере у полон душу і в решті решт перемагає; затьмарює розум, вивільняючи чуттєве начало.

В новелі "Valse melancolique" письменниця висловлює відому в музикознавстві концепцію «композитор – виконавч – слухач», будь який композитор потребує тонкого розуміння його твору тим, хто виконує музичну композицію; лише тоді слухач в повному обсязі може насолодитися музикою. *«Відогрававши композитора, треба відгадувати і його істоту, щоб зрозуміти мотив самої композиції. Інакше грання стає безхарактерне. Раз – що без душі композитора, а другий раз – що без душі грача, який не знаходить між композицією й собою нав'язуючих струн і грає напощаки»* [5, с. 11].

Термінологічні запозичення зустрічаються в поєднанні з незвичним епітетами та метафорами, які роблять художню мову більш чуттєвою для сприймання *«шалено скоро болюча гама»*, *«плачем бігла до басів»*, *«глядіння між звуками»* *«весела гармонія згубилася»*, *«звуки, мов хвиловий сміх»*, *«акорд*

несамовитого смутку», «глядіння в низьких тонах», «прегарна величава симфонія», «ворохобна гама», «збіг звуків в долину», «смутий акорд-закінчення», «ясні та глибокі звуки», «жалісний зойк струни».

Не дивно, що письменниця вдалась до паралелі між життям людини і *«натягнутою струною»*, яка трісла, не витримавши напруження *«поблискуючи, мов темним золотом, до світла..»* Все ж таки мистецтво є світлим, хоча й «діонісійським» за визначенням Ніцше початком в людині.

Підсумовуючи, маємо сказати, що творчість Ольги Кобилянської наповнена розмаїттям музичної термінології (симфонія, резонатор, кресендо, піано, акорд, консерваторія, струна, вальс), художня мова збагачується музичним мисленням, стає динамічнішою, образи набувають виразності, виникає ефект «літературного звучання». Герої, зачаровані світом звуків, підпорядковують життя гармонії, як і вся творчість письменниці підпорядкована величчю прекрасного, сповнена естетичною витонченістю, в ній збіглися у єдиний мотив музика і література. Безсумнівно, звук і слово становлять основу творчого здобутку письменниці.

Література

1. Бабишкін О. Ольга Кобилянська. Нарис про життя і творчість / О. Бабишкін. – Львів : Книжково-журнальне видавництво, 1963. – 192 с.
2. Будний В., Ільницький М. Порівняльне літературознавство: Підручник / В. Будний, М. Ільницький. – К. : Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008. – 430 с.
3. Гундорова Т. *Femina Melancholica* : Пол и культура в гендерной утопии Ольги Кобылянкой / Т. Гундорова. – К. : Критика, 2002. – 272 с.
4. Кобилянська О. Слова зворушеного серця : Щоденники. Автобіографії. Листи. Статті та спогади / О. Кобилянська. – К., 1982.
5. Кобилянська О. Художні тексти / О. Кобилянська [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.ukrlitno.com.ua/olga-kobilyanska-vals-melanholijnij/>
6. Кузнецов Ю. Б. Художня майстерність Ольги Кобилянської / Ю. Б. Кузнецов. – К. : ІНТЕЛЕКТ-АРТ, 2008. – 432 с.
7. Рисак О. О. Мелодії і барви слова. Проблеми синтезу мистецтв в українській літературі кінця ХІХ-початку ХХ ст. / О. О. Рисак. – Надсир'я, 1996.
8. Українка Леся. Малорусские писатели на Буковине // Українка Леся. Зібрання творів: У 12 т. – К.: Наукова думка, 1975-1979. – Т.8. Літературно-критичні та публіцистичні статті / За ред. П. Й. Колесника, 1977. – С. 62–75.
9. Франко І. Із секретів поетичної творчості / Іван Франко // Зібрання творів : у 50 т. / [ред. колег. : М. Бернштейн та ін.]. – К. : Наукова думка, 1981. – Т. 31. – С. 45–119.

СЕМАНТИКО-ПАРАДИГМАТИЧНІ ЗВ'ЯЗКИ ПРЕДМЕТНИХ ІМЕННИКІВ У МЕЖАХ БУДІВЕЛЬНОЇ ЛЕКСИКИ

Чернишова Лариса Іванівна,

кандидат філологічних наук,

доцент кафедри прикладної лінгвістики та етнології

Донбаська національна академія будівництва і архітектури

Словниковий склад мови не являє собою механічну сукупність ізольованих одне від одного окремих слів. Питання про семантико-парадигматичні взаємозв'язки слів, їх об'єднання в різноманітні лексико-семантичні групи в лінгвістичній літературі висвітлювали Й. Трір, М. Бреаль, М. Покровський, Ю. Степанов, Ф. Філін, М. Всеволодова [2] та ін.

Системний опис словникового складу мови вимагає чіткого визначення терміна «поле» і виокремлення реальних лексико-семантичних груп слів (термін «поле» часто вживається недиференційовано поряд з термінами «група» (лексико-семантична, тематична). «Поле» – це сукупність мовних (головним чином лексичних) одиниць, які об'єднуються спільністю змісту (іноді також формальних показників) і відображають понятійну, предметну чи функціональну схожість позначуваних явищ [4, с. 380].

Ф. П. Філін розрізняє лексико-семантичну і тематичну класифікацію словникового складу мови. Якщо тематичні угруповання слів формуються відповідно до тем або сфер вживання, майже безвідносно до того, в яких відношеннях одне до одного перебувають слова однієї групи, то лексико-семантичні групи (ЛСГ) слів звичайно обмежені за своїм складом, являють собою продукт законів і закономірностей розвитку лексичної семантики мови [6, с. 233]. Будь-яка ЛСГ слів входить у те чи інше тематичне об'єднання слів, будучи його складовою частиною; тематична співвіднесеність ЛСГ – одна з важливих її ознак. Спільним між тематичними і ЛСГ слів є те, що обидві ці групи відображають пізнану об'єктивну дійсність.

Звертаючи увагу на внутрішню структуру окремої ЛСГ, Е. В. Кузнецова зазначає, що кожна ЛСГ об'єднує в собі слова однієї частини мови, в яких, окрім спільних граматичних сем, наявна як мінімум ще одна спільна сема – категорійно-лексична (архісема). Категорійно-лексична сема передбачає не будь-які, а якісь певні аспекти свого уточнення; у зв'язку з цим в кожній окремій ЛСГ набір диференційних сем виявляється специфічним, наприклад: категорійно-лексична сема «інструмент» поширюється диференційними семами «механічний», «автоматичний» тощо. За спостереженнями дослідниці, чим ширша ЛСГ, тим менше у її складників спільних, обов'язкових сем; чим більше в словах таких спільних сем, тим обмеженішим є склад групи [3, с. 80].

При аналізі семантико-парадигматичних зв'язків предметних іменників у межах будівельної лексики української мови вбачається доцільним виокремлювати ЛСГ цих іменників і розглянути їх семантико-граматичну своєрідність.

До ядра предметних іменників належать такі ЛСГ:

1. ЛСГ іменників на позначення транспортних засобів для перевезення і розвантаження вантажів:

- 1.1. *автобетоновоз, бітумовоз, автобудинковоз, балковоз, цементовоз;*
- 1.2. *автосамоскид, думпкар/вагон-самоскид* та ін.

Аналізована група лексем, окрім функціональної тотожності, характеризується формальними показниками (складні слова з другою частиною *-воз, -скид*).

2. Найменування машин, використовуваних у будівельному виробництві:

- 2.1. *змішувальні – автобетонозмішувач, асфальтобетонозмішувач;*
- 2.2. *укладальні – асфальтобетоноукладач, бетоноукладальник* і под.

Характерна спільна словотворча ознака – складні слова з суфіксами *-ач, -ник*.

3. Назви автоматизованих пристроїв, механізмів для виконання будівельних робіт:

- 3.1. *автонавантажувач, бетонороздавач, дночерпалка, гравіємийка;*
- 3.2. *автопідйомник, бетоноотрамбувальник, автогудронатор* тощо.

4. Найменування приміщень або місць, використовуваних для накопичення / збереження значної кількості чогось:

- 4.1. *бурт, штабель, склад, сховище, гудроносховище* тощо;
- 4.2. *рідинозбірник, відстійник, контррезервуар, шамбасейн* та ін.

5. Назви приміщень, використовуваних для проведення технологічних процесів у будівництві:

- 5.1. *аванкамера, копробункер, башта, бітумоплавильня* тощо;
- 5.2. *сушарня / сушильні* і под.

6. Найменування деталей (складових) механізмів, агрегатів, пристроїв, що характеризуються функціональною активністю (6.1; 6.2; 6.3) або пасивністю (6.4; 6.5; 6.6):

- 6.1. *автоперемикач, вимикач, виштовхувач, голка, різак* тощо;
- 6.2. *автотрасформатор, антивібратор, деаератор, компресор* та ін.;
- 6.3. *гідрант, гідростат, бойлер* тощо;
- 6.4. *аерожолоб, жолоб, ринва* і т. ін.;
- 6.5. *бітумопровід, бетоновод, димохід* і под.;
- 6.6. *вишка, газобалон, автоплатформа* тощо.

7. Назви вимірювальних приладів:

- 7.1. *уклономір, масломір, віддалемір, густиномір* та ін.;
- 7.2. *одометр, деклинометр, гігрометр, авометр* і под.;
- 7.3. *аналізатор, гідроіндикатор* тощо.

8. Найменування складників (деталей) певного предмета:

- 8.1. *втулка, вставка* та ін.;
- 8.2. *заглушка, заслінка, засувка / засув, заціпка, заскочка, затвор* тощо;
- 8.3. *голова / вістря (палі), головка (бура), ковпак* та ін.;
- 8.4. *затискач, заклепка* тощо.

9. Назви допоміжних предметів, які використовуються для поєднання / скріплення деталей: *кілок, цвях / гвіздок, шуруп, болт / прогонич* (для віконниць), *гвинт, чіп, скоба* і под.

10. Найменування чітких «відмітин» на предметі, що виникають у результаті дії на нього чи його обробці:

10.1. *запилка* (у дошці), *зарубка* (на деталі), *засічка, задирка* (при обробці деталі різанням) тощо;

10.2. *зріз, проріз, просвердлина* і под.

11. Назви місць, в яких предмети з'єднуються (перетинаються, дотикаються): *стик, стяжка, схватка, зчеплення, згін, кріплення, шов/зшивка, рубчик* тощо.

12. Найменування посуду, використовуваного для приготування / зберігання сумішей, розчинів: *бак, чан, діжка, корито, цистерна, бадя, відро, піддон* і под.

13. Назви будівельних деталей, які є матеріалом у процесі будівництва:

13.1. назви «крупних» деталей – *армоблок, армоферма, армопанель, плита, деревоплита, гіпсоплита* і под.;

13.2. назви «дрібних» деталей/виробів – *кроква, строп, швелер, затяжка, блясина, лага, стояк* тощо.

14. Найменування приміщень:

14.1. приміщення у широкому розумінні – *будинок, споруда, будівля, приміщення, помешкання, поверх, відсік, секція* тощо;

14.2. приміщення у вузькому розумінні – *кімната, кухня, коридор, ванна, санвузол, підвал, горище, мансарда* і под.;

14.3. приміщення – «надбудови» – *лоджія, балкон, тераса, веранда*.

15. Назви осіб за фахом: *арматурник, бетонник-формувальник, дробильник / дробар, жерстяник / бляхар, заклепник, ізолювальник, муляр*.

16. Найменування інструментів, використовуваних у будівельних роботах. Сюди належать субстантиви, що складають ядро предметних іменників (16.1; 16.2) і напівпериферію (16.3; 16.4):

16.1. механічні інструменти – *різець, різак, склоріз, зрізувач; лопата, лопатка, кирка, киянка; молот, молоток; струганок, рубанок, сокира*;

16.2. автоматичні – *електродриль, електропаяльник, електроцітка*;

16.3. іменники з зовнішніми ознаками множини (pl. tantum) – *бігуни, обценьки, ножиці, гострозубці / кусачки, плоскогубці, лецата* тощо;

16.4. іменники з зовнішніми ознаками однини (sing. tantum) – *гладило, зубило*.

17. Назви предметів, вживаних тільки у множині / однині: *ворота, дверці / дверцята / двері, козли, полозки; тятива, залізко* і под.

18. Найменування предметів, що належать до ядра предметних іменників, можуть позначати:

18.1. сукупність осіб, об'єднаних спільною діяльністю – *колектив, зміна, бригада, цех, підрядник* тощо;

18.2. сукупність предметів, які можна при необхідності перерахувати – *інструмент, будкомплекс* тощо.

19. В окрему ЛСГ предметних іменників виділяються назви конкретних предметів або частин /деталей предметів, назва яких утворена за асоціацією з частинами тіла людини (19.1), з іншими предметами за зовнішньою схожістю або функціонально (19.2; 19.3; 19.4).

Група іменників за схожістю з:

19.1. людиною – *сустав, шийка* (колони), *шкурка* (скляна), *зуб* (бетонний), *голова* (палі), *горловина, нога* (опорна), *носик* (водозливний), *палець* (шарніра), *плече* (важеля), *щока* (дробарки), *п'ята* (арки), *п'ятка* (рейки), *підощива* (колони), *кишка* (водонапірна), *коліно* (сифона), *тіло* (бетону);

19.2. предметами побуту – *вилка, тарілка, ніж, стакан, маслянка* тощо;

19.3. речами – *юбка, башмак, вороток, комір, карман, кожух, косинка, костиль, подушка, постіль / ложе* (бетонне), *хомут, ковпак, люлька* тощо;

19.4. істотами (тваринами) – *кішка, козли, півник / гребінчик, черв'як* (навантажувальний), *кабанчик* (тип цегли), *бик, бичок* тощо.

20. Назви дефектів, які:

20.1. можуть з'явитись між поєднаними предметами – *щілина, шпара, провіт, проміжок, зазор*;

20.2. можуть виникати у / на предметі в процесі експлуатації – *нагар, накуп, наліт, наріст; іржа, полій, плівка, пліснява / цвіль; морозобоїна, червоточина, відлупина* тощо.

Частина лексем на позначення дефектів у / на матеріалі належить до сукупних іменників, вживаних тільки в однині, інша частина лексем називає конкретний дефект, маючи співвідносні числові форми (пор.: *нагар, іржа – червоточина, тріщина*).

21. До ЛСГ сукупних іменників належать лексеми, що називають різновиди будівельного матеріалу, який складається з однакових предметів і може бути рахованим: *кахель, шлакоблок, черепиця, шифер, паркет, цегла, шпалери, меблі* тощо.

Периферію предметних іменників складають ЛСГ субстантивів на позначення маси, речовини, матеріалів, збірні та сукупні іменники.

22. Найменування рідин, використовуваних у будівництві: *вода, фарба, лак, глазур / полива, олія, оліфа* і т. ін.

23. Назви речовин:

23.1 пастоподібні – *шпаклівка, замазка, кит, ґрунтовка, затирка, обмазка, мастика, штукатурка* тощо;

23.2 сипучі – *пісок, ґравій / жорства, щебінь / щебінка, цемент, алебастр, крейда, азбест, синька, гіпс* тощо;

23.3 розчинні – *вапно, смола, клей, дьоготь, казеїн / каніфоль* тощо.

24. Найменування матеріалів для будівельних робіт:

24.1. природні матеріали – *глей, торф, глина, глинозем, черепашиник, деревина / тес, суглинок, саман, солома, очерет / комиш, мул / глей* тощо;

24.2. матеріали як результат синтезу – *глинобетон, газошлакобетон*;

24.3. відходи виробництва – *шлак, дрань / гонт, бетонолом* (зруйнований бетон), *жужелиця / зола, дрібняк / крошка* (металева) тощо;

24.4. рулонні матеріали – *брезент, повсть / повстина, толь, лінолеум*.

25. Збірні субстантиви на позначення:

25.1. допоміжних/підручних матеріалів – *ганчір'я, утиль, кіпці*;

25.2. сукупності будівельного матеріалу – *брусся, каміння, арматура*.

26. Збірні іменники, в яких слово предметної семантики називає матеріал, призначений для виконання певної дії або іменує результат дії у конкретному вияві: *обмотка, обв'язка, обшивка* – сукупність певного матеріалу; *згін* – місце стику деталей.

27. Назви сукупних предметів, об'єктів як єдине ціле: *інструментарій, (сантех)обладнання, устаткування, інвентар* тощо.

Власні назви, як і невідмінювані іменники, в будівельних текстах зустрічаються зрідка: словник будівельної лексики фіксує лише два невідмінюваних іменники (*жалюзі, вентури*); власні назви, в основному, позначають підприємства, установи, виробничі комбінати, комплекси тощо, тобто об'єкти, що мають відношення до будівельної індустрії. Поодинокі вживані імена вчених, дослідників, винахідників.

Отже, запропонована класифікація ЛСГ предметних іменників, яка лише частково охоплює будівельну лексику, дозволяє, на наш погляд, продемонструвати, як поняття предметності знаходить конкретну реалізацію у лексичному матеріалі будівельної галузі і яку міру реальної предметності позначають предметні субстантиви, як виявляється семантико-граматична своєрідність розрядів іменників, що наповнюють семантико-граматичну групу (СГГ) конкретних, або предметних іменників.

Література

1. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика : учеб. пособие для вузов / Л. М. Васильев. – М. : Высш. шк., 1990. – 176 с.

2. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса : фрагмент прикладной (педагогической) модели языка / М. В. Всеволодова. – М. : Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.

3. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка : учебное пособие для филол. фак. ун-тов / Э. В. Кузнецова. – М. : Высш. шк., 1982. – 152 с.

4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцев / Институт языкознания АН СССР. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 688 с.

5. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения: Семасиологическая грамматика / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 360 с.

6. Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания / Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1982. – 336 с.

КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РЕПЛИКИ НЕМЕЦКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Шевандина Лариса Сергеевна,
преподаватель кафедры романо-германской филологии
Горловский институт иностранных языков

Современный этап лингвистических исследований отличается стремлением максимально приблизиться к адекватной интерпретации языковых явлений, выявляя наиболее существенные факторы, которые обуславливают их разнообразные свойства – функциональные, семантические, структурные. В данной статье рассматривается синтаксическая структура диалогической реплики как базового конституирующего элемента диалогической речи. Участвуя в речевом общении в форме диалога, коммуникант вступает во внутренний, дистантный или контактный диалог с воображаемым или присутствующим слушателем, собеседником, реципиентом или автором.

Материалом для исследования послужили диалогические реплики литературных диалогов из произведений современных немецких писателей. Диалог является художественным аналогом устной разговорной речи (в данном случае немецкой разговорной речи) и ориентирован на отображение свойственных ей признаков – эмоциональности, спонтанности, ситуативности.

Имитация особенностей разговорной речи влияет на формирование реплик, репрезентирующих диалог. Это влияние сказывается на размерах предложений, входящих в состав диалогических реплик. Кроме формальных и семантических аспектов предложения имеют функциональный план, что отображает коммуникативную интенцию. Адресант, реализуя свое коммуникативное задание, отбирает нужные ему языковые средства и организует их таким образом, чтобы декодирование со стороны адресата было адекватным.

Таким образом, предложение как наименьшая коммуникативная единица имеет семантическое значение и выполняет определенные функции в реплике. Возникая в результате коммуникативной интенции, оно приобретает заданную форму и значение, поэтому в зависимости от коммуникативной установки и определяется выбор той или иной формы синтаксической конструкции. Синтаксическая сторона диалогической речи вообще, а немецкой диалогической речи в частности, отличается наличием большого количества неполных предложений, возникающих в результате различных сокращений, усечений.

В ходе исследования синтаксической структуры реплик немецкой диалогической речи была выявлена минимально сокращенная синтаксическая структура предложений и максимально сокращенная синтаксическая структура предложений в немецких диалогических репликах, соответственно –

максимальная синтаксическая структура и минимальная синтаксическая структура.

1. Минимально сокращенная синтаксическая структура предложения, т.е. максимальная синтаксическая структура возникает в результате сокращения одного члена предложения за счет или подлежащего, или сказуемого, или дополнения. Например: а) „*Bist von der Kommune, was ?*“ /E.Strittmatter/. Произошло сокращение только подлежащего *du*. б) „*Ich glaube nicht, aber das ist.*“ – „*Ich auch nicht.*“ – *sagt der alte Mann.* /E.M.Remarque /. Произошло сокращение только сказуемого *glaube*.

2. Максимально сокращенная синтаксическая структура, т.е. минимальная синтаксическая структура предложения немецкой диалогической реплики происходит, когда в предложении остается только один член предложения. Например, сокращение до а) подлежащего:

– *Wer ist ein Verräter?*

– *Der Pfarrer.* /E. Strittmatter/.

б) сказуемого: „*Weißt du es?*“ – „*Weiß!*“ /P.Hachs/.

в) определения: „*Meine Mutter hat auch eine Porsche.*“ – „*Lila.*“ – „*Silbergrau.*“ /K.Veken/.

г) дополнения: „*Wem hilfst du?*“ – „*Meyer.*“ /B.Kellermann/

д) обстоятельства соответствующего типа (места, времени, причины и т.д.): „*Wo sind die Kinder?*“ – „*In der Schule.*“ /B.Hähnel/. Остается только обстоятельство места.

е) союза: „*Und?*“ – „*Du schreibst mir was anderes.*“ /K.Veken/.

ж) частицы: „*Nein.*“ „*Ja.*“ „*Natürlich.*“

– *Hat dir deine Sekretärin erzählt, worum es geht?*

– *Nein.* /A. Leonhardt/.

Среди факторов, которые влияют на синтаксическую структуру немецкой диалогической реплики, главную роль выполняют экстралингвистические факторы: а) темпоральный (дефицит времени); б) модальный (отсутствие желания, плохое настроение) и ряд субъективных факторов. Интралингвистическими причинами сокращения синтаксической структуры предложений в немецких диалогических репликах является: желание избежать тавтологии, дублированности, синтаксическая синонимия, пресуппозиция, соблюдение соответствующего стиля общения.

Фактор языковой экономии рассматривается как граница между экстра- и интралингвистическими причинами, которые влияют на сокращение синтаксической структуры предложения в диалогической реплике.

В результате рассмотрения синтаксической структуры предложений в немецких диалогических репликах было установлено влияние коммуникативно-функциональных факторов на синтаксическую структуру немецких диалогических реплик.

РОМАНТИЧНА ТОНАЛЬНІСТЬ ПОЕЗІЇ МИХАЙЛА ПЕТРЕНКА

Ярошевич Ірина Андріївна,

кандидат філологічних наук,

доцент кафедри української філології і прикладної лінгвістики

Донецький національний університет

Українська класична література Донеччини надзвичайно багата самобутніми талантами, але не всі вони відомі широкому загалу. Особливої уваги заслуговує творче надбання Михайла Петренка, одного з плеяди українських романтиків 30–40-х років XIX ст., невелике за обсягом, це збірка поезій «Думи та співи», проте багате за змістом та розмаїте за формами художнього самовираження.

Поезії М. Петренка постали у той час, коли український романтизм розвивався «паралельно та у взаємоінтеграції з просвітительським реалізмом» [2, с. 21]. Він належав до того естетико-психологічного типу митців, які свідомо вдавалися до нових принципів творчості.

М. Петренку, як і більшості українських романтиків, «властиве загострене почуття патріотизму, звідси – звертання до героїв та епізодів національної історії, сум за втраченими національними реаліями у суспільстві, розуміння високої естетичної цінності усної народної поезії, схильність до демократизму, до ідеї народності літератури» [2, с. 22].

На думку О. Гончара, в поезії М. Петренка «проступають певна елітарність авторської позиції, певна сентиментально-романтична поза, настроєність на мінор. Народнописенні імпресіональні елементи й принципи найчастіше підпорядковуються суб'єктивному авторському погляду, це вже лірика особистісно-психологічна» [2, с. 22].

Висвітлення доробку М. Петренка та його життєвих поступів (біографії) представлено у ряді науково обґрунтованих праць, зокрема, О. Гончара [2], що носять переважно аналітично-узагальнюючий характер, або ж подаються основи науково-об'єктивного вивчення творчості – О. Барабанової [1] чи хронікально-документального, як одна із останніх розвідок про митця «Дивлюсь я на небо...» В. Мікушева та О. Добровольського [3].

Слов'янський краєзнавець І. Овчаренко [4, с. 96] довгий час з'ясовував невідомі факти з біографії М. Петренка. Опрацьовував архівні матеріали, спілкувався з односельцями поета та найбільш цінну інформацію, все ж таки, було отримано від далекого родича, а саме внучатого племінника Анатолія Петренка. Зі свідчень останнього дізнаємося, що «між річками Торець і Бакай знаходився колись вигін. Саме там, за рішенням сходу міщан Слов'янська, 10 березня 1809 року безземельному дворянинові Миколі Гавриловичу Петренку, тоді ще не жонатому, було відведено три десятини землі. Цей куточок опісля стали називати хутором Торецьким...» [3, с. 96]. Тут народилися і зростали троє братів Петренків, старшим з поміж них Михайло.

Батько М. Петренка був добродушною людиною, захоплювався рибалкою та полюванням, а найбільше любив природу рідного краю, при першій нагоді йшов до лісу, річки, де міг знаходитися годинами. Щоб утримувати родину, орендував землю у заможного купця Марченка, який у центрі Слов'янська мав дві великі крамниці. Тут Марченко допомагав Миколі Гавриловичу продавати вирощений урожай з баштану. З ранньої весни і до пізньої осені Михайло, разом з батьком, доглядав урожай та увесь цей час жили в курені.

Самобутні лісостепові краєвиди Слов'янщини та природна поетова чутливість і відкритість красі сприяли формуванню надзвичайно органічного наступній романтичній добі таланту М. Петренка. Майбутній поет пізнав життя не тільки у прекрасно щасливих, але і у болісних виявах та «збагнув власну людську недосконалість перед вищими силами Всесвіту і неблаганною Долею» [3, с. 78].

У Слов'янську – місті дитинства і юності, М. Петренкові довелося пережити перші життєві болі й розчарування. Як свідчать спогади А. Петренка, у рідному місті поет не був щасливим у коханні. Перша сердечна приязнь – дочка поміщика Марченка, образ якої щоразу просвічувався крізь поетичні рядки Петренкових віршів: *«Чи бачив хто слов'янську дівчину? / Чи чув коли, як річ вона веде, / Жартуючи в веселую годину? / Або тоді, як сонечко зайде / І темрява почне томити очі...»* [5, с. 291].

Сподівання про шлюб юнака з бідної сім'ї з багатою дівчиною виявилися марними. Марченки одружують Галю з багатим і знатним нареченим, а згодом молодята виїждять за кордон (ймовірно це Болгарія, бо там були їхні родичі, а Марченки, справжнє прізвище Марченков, зазнали жорстоких репресій у 30-х роках минулого століття). Нерозділене кохання послужило причиною появи поезій автобіографічного характеру: *«Туди мої очі, туди моя думка, / Де ти живеш, Галю, сердешна голубка; / Од раннього ранку до пізньої ночі / Я плачу без тебе і виплакав очі...»* [5, с. 295].

Сумний досвід кохання доволі накопичився перед навчанням у Харківському університеті. Михайло зазнав горя і у почуттях до дочки поміщика Арцибашива, що мешкав у тодішньому центрі міста Слов'янська. «О встречах дочери с Михаилом узнали родные девушки. И строго запретили встречу с бедняком, вильнодумцем» [3, с. 45].

Дослідники не можуть однозначно стверджувати про які вияви вільнодумства йдеться, хто саме був прототипом Галі – героїні Петренкової любовної лірики, песимістичної і меланхолійної, але розквітнути на повну силу його кохання на теренах Слов'янщини не судилося. Недоля (чи Доля) виштовхнула, спровадила поета у інші світи.

У 1836 році М. Петренко успішно склав іспити і вступив до Харківського університету на юридичний факультет, своєму успіхові він мав завдячувати вчительці Бугровській зі Слов'янська. Через два роки у родині Михайла сталося непередбачуване горе: під час пожежі згоріло все майно, без того злидні й нестатки, юнак залишився без матеріальної допомоги з боку батьків. За версією В. Мікушева та О. Добровольського, після навчання в університеті,

М. Петренко з 1841 по 1843 жив у Слов'янську, допомагав батькам та братам Павлу й Олексію. Свої вірші міг надсилати до Харкова, де в нього залишилось багато університетських друзів, або інколи сам приїздив до Слобідської столиці.

Ще наприкінці 1839 року М. Петренко починає друкувати свої перші вірші в Харківському літературному альманасі «Сніп» Олександра Корсуна, а по закінченню університету у нього вже надруковано сім поезій: «Недоля», «Дивлюсь я на небо», «Вечірній дзвін», «Смута», «По небу блакитнім очима блукаю...», «Гей, Іван, пора», «Брови», «Туди, мої очі» – під загальним заголовком «Думки» [5, с. 286].

З 1843 року його поезії друкують в «Молодику» Івана Бецького і, нарешті, у 1848 році в «Южно-русском сборнике» Амвросія Метлинського. Всього до нас дійшло двадцять п'ять поетичних творів, (чи їх частково закінчених фрагментів).

Поетове споглядання й замишування рідними краєвидами, заспокоєння погляду звичайним пейзажем не дадуть насправді сильного творчого імпульсу, не знайдуть щирого поетичного вираження без ідеалізованого образу минулого, без милих спогадів, що ненав'язливо, але трохи боляче огортають душу: глибина та повнота осягнення світу словом неможливі без втручання пам'яті – потужного генератора художньої творчості.

На думку А. Шамрая, М. Петренко належить до третього покоління харківської школи романтиків, не самого пізнього романтичного напрямку в історії української літератури, проте направлено на детальний показ, художнє вираження внутрішнього світу особистості.

Поезії М. Петренка притаманне особливе представлення ліричного «я», що позначене «масштабними внутрішніми вимірами» [6, с. 11] у створенні образу ліричного героя. Це різнить і виокремлює твори М. Петренка від лірики А. Метлинського, М. Костомарова, В. Забіли, С. Руданського, де в передачі індивідуального романтичного світовідчуття в одних – переважає позаособистісна форма, а в інших – недостатньо виражена внутрішня структурованість образу романтичного героя.

Уже в ранніх поезіях М. Петренко вдається до «описового та повістувального плану» [6, с. 12], щоб виразніше окреслити індивідуальність почуттів, значимість психологічних переживань ліричного суб'єкта, тим самим надаючи йому власних романтичних рефлексій: «... одним із перших харківських поетів, перейшов від баладних і пісенних форм до рефлексивної, психологічної лірики, що так розвинулась у романтичних традиціях інших літератур у зв'язку з байронівською традицією» [6, с. 14].

Специфічною романтичною тональністю позначені ті його поезії, які мають явний зв'язок з усною народною творчістю: *«Ой біда мені, біда / З чорними бровами; / Ой кудамені, кудам / Діватися з вами! / Часто, часто в горі я / Долю прокликаю; / Од чого ж біда моя? / Чорні брови маю»*, або ж: *«Чого ти, козаче, чого ти, бурлаче, / Як вітер осінній в діброві заплаче, / Головоньку схилиш, слізьми обіллешся, / Від думки, від горя у поле*

плетешся? / Хіба ж ти, козаче, із вітром здружився, / Що вітер заплавав, а ти й зажурився; / Хіба тобі ні з ким ділитися горем, / Як тільки що з вітром, / як тільки що з полем?» [5, с. 290–292],

Саме у поезіях М. Петренка демонструє свою схильність жити вільно у гармонії з оточуючим світом, прагне відійти від повсякденної земної суєтності, роздумує над безмежжям всесвіту, над місцем людини в ньому. Поет розкриває збентеженість душі свого героя, вразливість його серця. Звернення до власних невтішних роздумів дає поштовх до художнього зображення ліричного героя в автобіографічному аспекті, у поезії «Як в сумерки вечірній дім...» висловлює журбу, смуток своєї самотньої душі: «...Тоді душа моя болить, / Від смуту плачу по невірній, / А думка все туди летить, / Де вперш почув я дзвін вечірній,... / ... Вечірній дзвін усе розбуде; / Сльоза проб'є і від нудьги / Душа всі радості забуде» [5, с. 293].

Велике значення митець надає поетичній опозиції «світ щоденності – гармонійний простір», прагнучи відкинути земні турботи, душа героя переноситься до гармонійного небесного світу, шукаючи там щастя і захисту. У циклі «Небо» поет створює для свого героя ідеальний простір, де тамується біль, де можна знайти душевний спокій.

М. Петренко тонко відчуває двоїстість буття людини, яка прагне реалізувати свій творчий порив, однак усвідомлює і силу тих чинників, які «приземлюють» життя особистості, і цьому, безперечно, знаходимо підтвердження у його біографії.

Література

1. Барабанова О. Творчість Михайла Петренка в контексті української поезії 30–50-х років XIX століття : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук. / О. Барабанова. – Харків, 2008. – 18 с.
2. Гончар О. Зачарований небом (Романтичний світ Михайла Петренка) / О. Гончар // Слово і час. – 1997. – № 11–12. – С. 21–26.
3. Мікушев В., Добровольський О. Михайло Петренко «Дивлюсь я на небо...» : Хронікально-документальна розповідь / В. Мікушев, О. Добровольський. – Слов'янськ : Печатний двір, 2002. – 118 с.
4. Овчаренко І. Дав пісню крилату / І. Овчаренко // Донбас. – 1988. – № 4. – С. 96–97.
5. Петренко М. Збірка «Думи та співи» / М. Петренко // Українські поети-романтики : Поетичні твори / Упоряд. і приміт. М. Гончарука; Вст. ст. М. Яценка. – К. : Наукова думка, 1987. – С. 286–308.
6. Шамрай А. Харківська школа романтиків : У 3-х т. / А. Шамрай. – Харків, 1930. – Т 1. – С. 5–27.

СТУДЕНТЫ И УЧАЩИЕСЯ

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Афанасьева Евгения Игоревна,
студентка II курса института экономики и управления

Науч. рук.: Сереброва С. Б.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингводидактики
**Донецкий национальный университет экономики
и торговли им. М. Туган-Барановского**

Современный этап развития русского языка характеризуется двумя вполне определенными явлениями:

- 1) жаргонизацией литературной речи;
- 2) усилением процесса заимствования иностранных слов.

Остановимся на втором из этих явлений, заимствованиях. Словарный состав современного русского языка прошел длительный путь становления. Наша лексика состоит не только из исконно русских слов, но и из слов, заимствованных из других языков. Иноязычные источники пополняли и обогащали русский язык на протяжении всего процесса его исторического развития. Одни заимствования были сделаны еще в древности, другие – сравнительно недавно. Чаще всего слова заимствуются вместе с реалиями, ими обозначаемыми. Иногда заимствования – результат моды. Так или иначе, заимствования – результат коммуникации, взаимодействия языков и культур. Очень мало сегодня существует живых языков, избежавших обширного иноязычного заимствования.

Заимствования-неологизмы из разных языков проникают во все сферы нашей жизнедеятельности. Сегодня русский вокабуляр пополняется в основном за счёт англо-американизмов. Это связано с распространением в России американских фильмов, с большим разнообразием косметики, неизвестной ранее русскоязычному человеку, с появлением новых технических средств и так далее. Следует разделить англицизмы-неологизмы на четыре тематические группы: культура, общественно-политическая жизнь, повседневная жизнь, научно-техническая сфера [2, с. 337].

Культура:

- а) музыка, танцы: *андеграунд, ар-эн-бишный бойз-бэнд, рок, саундтрэк, свинг, хит*;
- б) фильмы, передачи: *бестселлер, триллер, продакшн, кастинг, римейк, шоумен*.

Общественно-политическая жизнь: *бизнес, бизнес-вумен, бренд, брокер, дефолт, дилер, лизинг, маркетинг, менеджер, мерчендайзер, офис, промоуин, риэлтер, спикер, спонсор, факс, экспорт.*

Повседневная жизнь:

а) спорт: *армреслинг, бадминтон, баттерфляй, бейсбол, бокс, ватерполо, виндсёрфинг, геймер, голкипер, гольф, джоггинг, дрегрейсинг, зорбинг, кикбоксинг, кросс, нокаут, овертайм, офсайд, пенальти, плей-офф, раунд, рефери, ринг, сёрфинг, сноуборд, софтбол, спарринг, стритрейсинг, тайм, тоббоган, трек, фальстарт, фол, форвард, фристайл, шейпинг;*

б) транспорт: *бульдозер, скутер, спидвей, рельс, экспресс, эскалатор;*

в) одежда: *джинсы, пуловер, свингер, смокинг, топless, шорты, трузера;*

г) пища: *оранджус, чикенс, сэндвич, биг мак, тоник, фаст фуд, чипсы;*

д) другие: *бар, бармен, бумеранг, вегетарианец, вейвлет, дансинг, клоун, кроссворд, мейнстрим, пройм-тайм, рейтинг, сейф, сленг, спиннинг, спрей, тинейджер, тюнер, уик-энд, уфология, файф-о-клок, фризер, хенд-мейд, хэппи энд, шоппинг.*

Научно-техническая сфера: *ассемблер, баннер, блог, браузер, бэкслеш, дефолтный, десктоп, дорвей, интерфейс, клик, ксерокс, лептон, микропроцессор, онлайн, офлайн, серсер, слэш, софтвер, спам, файл, фай-тек, эквалайзер.*

В современном мире, если возникает конкуренция между исконным словом и словом-пришельцем, то победитель не всегда оказывается русского происхождения. В свое время предлагалось множество вариантов замены иноязычных слов русскими новообразованиями: мокроступ – это калоша, водомет – фонтан, окоем – горизонт, а ячество – эгоизм. А. С. Шишков и В. И. Даль в свое время предложили русские эквиваленты для иноязычных слов, и бильярд чуть не превратился в шаротык, а тротуар – в топталище. Прямо не верится, что авторы этих неологизмов придумывали их всерьез! Эти слова сохранились в истории как курьезы, но верх взяли другие слова – иноязычного происхождения [3, с. 34].

Заемствованные слова часто обладают экспрессией или стилистическими оттенками, которые отсутствуют у исконно русских слов. Как правило, эта возможность реализуется при заимствовании иностранных слов в разнообразные жаргоны, прежде всего молодежные.

Одним из последних глава ЛДПР Владимир Жириновский предложил заменить иностранное слово селфи на русское "себяшка". Об этом он заявил на Всероссийском молодежном образовательном форуме "Территория смыслов на Клязьме". Но пока не известно, какое же слово возьмет верх иноязычное или русское. На данный момент оба слова достаточно популярны среди молодежи.

Сегодня высказываются серьезные опасения по поводу мощного наплыва заимствований, которые могут привести к обесцениванию русского слова. Но язык – это саморазвивающийся механизм, который умеет самоочищаться, избавляться от излишнего, ненужного [1, с. 12].

Словарный состав современного русского языка стремительно растет, расширяется, в том числе благодаря заимствованиям из английского языка. В последнее время проникновение английского языка в русский приняло массовые масштабы, что не может не привлекать внимание лингвистов к проблеме английских заимствований в русский язык, но как сказал Ф. М. Достоевский: «Важная черта русского языка заключается в том, что он сумел вобрать в себя огромное количество «чужеродных» элементов и при этом не потерять своей самостоятельности, не растаять, не раствориться, остаться самим собой. И это только доказывает, что русский язык, русская культура, в силу свойственной им широты, способны вобрать в себя весь мир, не утратив себя. Разве в этом есть что-то плохое, унижительное? Возможно, мы дали другим не так много. Но зато мы умеем учиться. Мы, русские, умеем слушать. И понимать других. Ничего плохого в том, что русский язык переживает очередную эпоху заимствований, по большому счету, нет. Активные межкультурные контакты, сопровождающиеся массовыми заимствованиями, в целом скорее обогащают нашу культуру, чем уничтожают ее. И представляется очевидным, что носители русского языка, принимая эти заимствования, демонстрируют не самое худшее качество, а именно – открытость всему новому, готовность осваивать новые формы жизни. И с потоком заимствований есть смысл смириться – за неимением лучшего» [4].

Безусловно, можно без преувеличения сказать, что в современном русском языке произошел лингвистический взрыв. Однако ничего страшного в этом нет, ведь заимствованные слова – это результат контактов, взаимоотношений народов и государств.

Литература

1. Розен Е. В. Как появляются слова? : история и современность / Е. В. Розен. – М. : "МАРТ", 2008.
2. Розенталь Д. Э. и др. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – М. : Рольф, 2010. – 337 с.
3. Словарь современных понятий и терминов. – М. : Республика, 2009.
4. Интернет ресурс: <http://sochineniye.ru/problema-zaimstvovaniy-v-sovremennom-russkom-yazyke/>

АРМАГЕДДОН – ІДІОМА ЧИ ЛЕКСЕМА?

Бараннік Дар'я Олегівна,
студентка III курсу філологічного факультету

Наук. кер.: Шкуран О. В.,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри української мови і загального мовознавства
Луганський державний університет ім. Тараса Шевченка

У переважної більшості людей, які, загалом, не дуже вірять у Бога, ці слова викликають асоціації з цілковитим знищенням людства. А якщо і якісь рештки людства залишаться, то вони будуть жити в жахливих умовах, вестимуть боротьбу за виживання.

У людей, знайомих з ученням Біблії про кінець світу, наведені слова викличуть фантазмагоричні асоціації – жахливі та страшні звірі, що звідкись виходять – чи то з моря, чи з безодні, криваві вершники, що сіють хвороби та смерть; зловісні знаки на небі, дивні війни, дивні створіння. Це виглядає вкрай неймовірним, фантастичним – більшість людей не вірить в Біблійний кінець світу.

Біблійні пророцтва символічні, і вони й справді мають своє відображення в подіях сьогодення.

Актуальність теми полягає в тому, що не кожна людина знає що означає слово «армагедон» хоча дуже часто використовує його в мовленні. Тому ми хочемо розкрити семантику «армагедон» для власного розуміння.

Мета наукової розвідки: проілюструвати семантику *армагеддон* через використання словників та ЗМІ.

Для реалізації цієї мети ставимо такі завдання: дати визначення фразеологізму та лексеми; розкрити етимологію слова *армагеддон*; проаналізувати використання слова *армагеддон* у назвах книг та фільмів у ЗМІ.

Ми часто чуємо слово *армагеддон*, але навіть не знаємо, до чого воно відноситься, – до фразеологізму чи до лексеми. З'ясуємо відмінність понять фразеологізм та лексема.

Фразеологізм – семантично пов'язане сполучення слів, яке, на відміну від подібних до нього за формою синтаксичних структур (висловів або речень), не виникає в процесі мовлення відповідно до загальних граматичних і значеннєвих закономірностей поєднання лексем, а відтворюється у вигляді усталеної, неподільної, цілісної конструкції. Також фразеологізм називають ідіомою [1, с. 23].

Ідіома – притаманний тільки конкретній мові стійкий зворот, що виражає єдине поняття. Вони є переосмислені, як правило, образно мотивовані [4, с. 34].

Таким чином, ідіома свідчить про тісну взаємодію номінативної мотивувальної бази і нового метафоричного значення; номінативного задуму й

образу – подібності, що лежить в основі формування внутрішньої форми фразеологічної одиниці.

Поняття фразеологізму досліджується в роботах таких учених-лінгвістів, як В. М. Мокієнко, М. І. Фоміна, Є. І. Діброва, Т. І. Вендіна, П. А. Лекант, Н. Ф. Алефіренко та ін.

Лексе́ма (від грец. Λέξις – *слово, мовний зворот*) – слово як самостійна значеннєва одиниця, яку в мовознавстві розглядають у сукупності всіх своїх форм і значень [2, с. 24].

Іншими словами, лексе́ма – це слово в сукупності його форм і можливих значень у всіх його вживаннях і реалізаціях.

Серед дослідників лексеми ми можемо виділити Ф. Й. Бабій, Г. І. Мартинову, Т. О. Ястремську, Л. М. Тищенко та ін.

Головна різниця між лексе́мою і фразеологізмом полягає в структурі цих одиниць. Якщо лексе́ма – це цільнооформлена одиниця, значення якої детермінується значенням її морфологічних компонентів, то фразе́ма – нарізнооформлена одиниця, що складається з двох чи більше окремих лексем.

Український фразеолог М. Т. Демський розглядає фразе́му як словосполучення, яке „за своєю номінативною функцією в багатьох мовах збігається зі словом, оскільки і лексе́ма, і фразе́ма виражають певне поняття і позначають предмети, ознаки, дії” [2, с. 5–6].

Слово *Армагеддон* може відноситися як до фразеологізму, так і до лексеми, адже його можна використовуватися як фразеологічний зворот, так і як самостійну значеннєву одиницю.

Що ж означає слово *армагеддон*?

Найчастіше слово *армагеддон* використовується у значенні неймовірного катаклізму, який загрожує порушенням порядку або загибеллю.

Армагеддон (грецькою *αρμαγεδδων*; в деяких сучасних перекладах Біблії пишеться, як *Гар-Магедон*), запозичене з єврейської, і означає *гора Мегіддо*, або *гора збору військ*. Дехто пов'язує цю назву з фінальною війною між злом і добром, а в ширшому значенні, з апокаліптичним знищенням, як, скажімо, ядерною катастрофою.

Духи демонські... виходять до царів усього всесвіту... І зібрав їх на місце, яке по-єврейському зветься Армагеддон [2, с. 28].

Ужите в Біблії єврейське слово *Гар-Магедон*, перекладене як *Армагеддон*, буквально означає *гора Мегіддо*. Такої гори насправді не існувало, але існує місце за назвою Мегіддо. Воно розташоване в місцевості, яка була північно-західною частиною стародавнього Ізраїлю і в якій перетиналися важливі шляхи. Поблизу того місця колись відбувалися вирішальні битви. Тому назву Мегіддо почали пов'язувати з війною.

А втім, Мегіддо було особливим не тим, які битви там відбувалися, а чому вони відбувалися. Місцевість Мегіддо була частиною Обіцяної землі, яку Бог дав ізраїльтянам. Бог поклявся своєму народові, що захищатиме його від ворогів, – і він дотримував свого слова. Приміром, біля Мегіддо Богчудом

захистив ізраїльтян від навали війська ханаанського царя Явіна і його воєначальника Сісери.

Тому слово *Гар-Магедон (Армагеддон)* має глибоке символічне значення – це битва, в якій зіткнуться дві могутні сили.

Пророцтво з Книги розповідає, що в недалекому майбутньому Сатана і його демони спонукають людські уряди зібрати свої війська для нападу. Цим вони кинуть зухвалий виклик Богові, загрожуючи його народу. Коли вони нападуть, Бог виступить на захист свого народу. Це призведе до загибелі багатьох Божих ворогів.

У Біблії слово *Армагеддон* згадується лише один раз в Книзі в контексті, де ангели виливали *сім чаш гніву Божого*.

І я бачив, що виходили з уст змія, і з уст звірини, і з уст неправдивого пророка три духи нечисті, як жаби, це духи демонські, що чинять ознаки. Вони виходять до царів усього Всесвіту, щоб зібрати їх на війну того великого дня Вседержителя Бога. Ось іду, немов злодій! Блаженний, хто чуйний, і одягу свою береже, щоб нагим не ходити, і щоб не бачили ганьби його! І зібрав їх на місце, яке по-єврейському зветься Армагеддон [2, с. 124].

Для того, щоб з'ясувати думку сучасної молоді, що вони розуміють під словом *армагеддон* ми вирішували провести психолінгвістичний експеримент серед студентів філологічного факультету. Результати експерименту такі: 50% студентів визначили це слово як кінець світу, 25% – визначили як хаос, 15% – як апокаліпсис. 6% – війна між Богом та дияволом і 4 % – трагічний фінал світової історії.

Ми можемо зробити такий висновок, що більшість студентів визначають слово *армагеддон* як кінець світу. Можливо вони схиляються більше до такого визначення, через те, що слово *армагеддон* визначається у фільмах як катастрофа, як кінець усьому.

Наведемо приклади лексеми у назвах фільмів „Армагеддон” Майкла Бея (1998), „Армагеддон” Михайла Ізраїлева (1962), „Сніговий Армагеддон” Шелдона Уілсона (2011) та багато інших.

Саме кінопродукція сприяла появі цього слова в мовленні людей:

Як повідомляє кореспондент НТВ, в Тбілісі Саакашвілі отримав прізвисько „Армагеддон” – за похмурі пророцтва і різкі висловлювання.

„Фільм Джеймса Кемерона „Титанік” поклав початок теми Армагеддону у голлівудському кіно. Образ гігантської посудини, приречений на рух у невідомість, позначив весь наш непевний і непростий час”.

Стаття „Вогняний Армагеддон під Києвом”.

„То був справжній Армагеддон...”

Часто слово *Армагеддон* можна почути від шахматистів. Для них воно означає вирішальна партія (як правило, на тай-брейк), яка грається на незвичайних умовах: білі мають 5 хвилин на обдумування, а чорні – 4 хвилини (або білі 6 хвилин, чорні – 5), проте білих влаштовує тільки вигравш.

У словарнику молодіжних сленгів ми можемо побачити такі визначення: *Армагеддóн* – повне сп'яніння: *оце так попали в армагеддон*; *Арм*, *Армага*, *армагеддон* – скилл масового ураження, доступний перевертням.

Для нас слово *армагеддон* означає як кінець світу, кінець усьому живому, так і початок чогось нового. У кожного свій *армагеддон* і кожен сам обирає, що з цим далі робити.

У книзі «„Армагеддон” Олександра Торіка, є дуже цікава цитата: «*Он свой «армагеддон» выиграл*». Ми врешті-решт зробила висновок, що кожна лидина має свій шлях. На цьому шляху вона зустрічає багато перешкод, прикростей, отримує певні уроки, і якщо вона дійде до своєї цілі, то це є її перемога, її власний армагеддон.

Таким чином, ми можемо зробити такі висновки: використання поняття *армагеддон* набуває широко кого вжитку у мовленні інформантів та набуває ознак і лексеми, і фраземи.

Отже, лексема *армагеддон* потребує докладного вивчення, оскільки вона розглядається по-різному – і в дискурсах, і в контекстах ЗМІ.

На нашу думку, лексема *армагеддон* набуває емоційне забарвлення та ілюструє переносне значення, що дає право потрапити у розряд фразеологічних ідіом.

Література

1. Виноградов В. А. Фразеологизм. Лингвистический энциклопедический словарь / В. А. Виноградов. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 345 с.
2. Ганич Д. І., Олійник І. С. Словник лінгвістичних термінів / Д. І. Ганич, І. С. Олійник. – К. : Освіта, 1985. – 347 с.
3. Демський М. Т. Українські фраземи і особливості їх творення / М. Т. Демський. – Львів : Просвіта, 1994. – 62 с.
4. Литературная энциклопедия: в 11 т. – Т. 4. – М. : Изд-во Ком. Акад., 1930. – С. 430–431.
5. Словник української мови : в 11 т. – К. : Наук. думка, 1970–1980.

КОМУНІКАТИВНІ СТРАТЕГІЇ ФОРМУВАННЯ ІМІДЖУ ПОЛІТИЧНОГО ЛІДЕРА (НА МАТЕРІАЛІ ВИСТУПІВ Б. ОБАМИ)

Бляшкіна Анастасія Юріївна,
студентка IV курсу філологічного факультету

Наук. кер.: Кудрейко І. О.,
кандидат філологічних наук,
зав. кафедри української філології і прикладної лінгвістики
Донецький національний університет

Останнім часом науковці-лінгвісти приділяють усе більше уваги всебічному дослідженню політичної комунікації. Активно розробляються принципи прикладного аналізу політичних текстів, досліджуються особливості їх функціонування, вивчаються проблеми жанрового різноманіття політичної мови та ін. Однак, на відміну від зарубіжної науки, вітчизняна лінгвістика на даному етапі ще не має значних досягнень у цій сфері. Дана стаття присвячена вивченню ще однієї недостатньо розробленої, але актуальної проблеми – аналізу комунікативних стратегій впливу політичного лідера на аудиторію.

Мета статті – узагальнення й систематизація попередньо отриманих здобутків науковців з дослідження комунікативних стратегій і тактик, що використовують у своєму дискурсі політичні лідери, а також застосування наявного теоретичного матеріалу для аналізу характеру комунікативного впливу конкретного політичного лідера (у даній роботі таким виступає американський президент Барак Обама). Досягнення мети передбачає розв'язання таких завдань: 1) підсумувати теоретичні здобутки науковців з питань формування іміджу політичного лідера; 2) з'ясувати значення термінів «імідж», «політичний лідер», «комунікативна стратегія»; 3) провести аналіз вербальних комунікативних стратегій впливу досліджуваного політичного лідера.

В останні десятиліття у сфері ЗМІ та побутовому спілкуванні закріпилося поняття іміджу. Автором цього терміну вважається американський економіст Кеннет Боулдінг, який увів його до обігу на початку 60-х рр. XX ст.

На сьогодні існує декілька визначень даного поняття. Так, за дефініцією російської дослідниці Є. В. Єгорової-Гантман, «імідж – це спеціально створюваний, навмисно формований образ для досягнення поставлених цілей».

В. Г. Королько, посилаючись на словник Вебстера, визначає імідж як штучну імітацію або піднесення зовнішньої форми якимось об'єктом і, власне, особи [11, с. 294].

Вивченням проблеми іміджу та з'ясуванням механізмів його створення й реалізації займається науково-прикладна дисципліна іміджелогія. Серед проблематики іміджелогії ключове місце посідає питання формування іміджу політичного лідера (в тому числі й комунікативні засоби).

Як зазначається у середовищі науковців, лідером може бути лише та особа, яка користується авторитетом серед оточення, виправдовує їхню довіру.

На думку П. П. Шляхтун, «Визнання авторитету лідера оточенням та добровільне підкорення йому є однією з основних ознак лідерства».

Як зазначає М. Ф. Головатий, «політичний лідер – це людина, здатна згуртувати навколо себе багатьох, завоювати у них авторитет, повести за собою».

Відомий український політолог Д. Г. Видрін вважає, що політичний лідер – це «будь-який, незалежно від формального рангу, учасник політичного дійства, процесу, який намагається і спроможний консолідувати зусилля всіх, хто його оточує, і активно впливати (в межах території, міста, регіону, країни) на цей процес для досягнення висунутих ним визначних цілей».

На сучасному етапі іміджеві методики вважаються одним з найважливіших і найбільш дієвих засобів у сучасній практиці політичної самоорганізації суспільства.

Іміджмейкери, аналізуючи і створюючи політичний імідж лідера, насамперед звертають увагу на фізичні, комунікативні, політико-психологічні дані лідера, оскільки особистісні характеристики мають значну емоційну прив'язку до аудиторії, легше проникають у масову свідомість і міцно засвоюються людьми.

Ключовим аспектом формування іміджу політичного лідера є ефективність його спілкування, тобто характер комунікативних стратегій впливу політика на аудиторію.

Незважаючи на те, що комунікативні стратегії є предметом багатьох лінгвістичних досліджень, однозначного їх визначення досі не існує. У результаті кожен дослідник пропонує своє розуміння даного явища. Так, І. М. Борисова стверджує, що комунікативна стратегія є способом організації мовленнєвої поведінки відповідно до задуму, інтенцій комунікантів [4, с. 85–86].

На думку Ф. С. Бацевича стратегія мовленнєвого спілкування, або комунікативна стратегія – оптимальна реалізація інтенцій мовця щодо досягнення конкретної мети спілкування, тобто контроль і вибір дієвих ходів спілкування і гнучкої їх видозміни в конкретній ситуації [1, с. 133].

Отже, у даній роботі розглядатимемо комунікативні стратегії формування іміджу політичного лідера як цілеспрямоване коригування реальності відповідно до інтенцій учасника політичного дійства задля здійснення впливу на оточення.

Узагальнюючи теоретичний матеріал з проблеми, маємо змогу проаналізувати спектр вербальних комунікативних стратегій формування іміджу конкретного політика, яким у нашій статті виступає президент США Барак Обама. Під час дослідження вербальних стратегій і тактик впливу цього політика було встановлено наступні категорії.

1. Тактика ідентифікації (ототожнення з народом)

Вважається, що люди більше довіряють тим політикам, які схожі на них, і тому політики прагнуть створити імідж середньостатистичних громадян, переконати аудиторію в тому, що політик – «своя», близька до народу людина. Використовуючи цю тактику, політик намагається аргументувати запропоновану тезу тим, що він є частиною суспільства, у якому живе, а тому не може нашкодити тим, хто його оточує. Так, для виступів Барака Обами характерне часте згадування членів своєї родини. Демонстрація любові до дружини, піклування про дітей, вдячність за підтримку друзям свідчать про людяність політика, що справляє значний вплив на аудиторію:

англ. *To the love of my wife, our next first lady, Michelle Obama... and to Malia and Sasha, I love you so much, and I am so proud of you* [13].

укр. *В ім'я любові моєї дружини, нашої наступної першої леді Мішель Обами ... а також Малії і Саші, я вас дуже люблю, і я дуже пишаюся вами.*

Також у своїх виступах Барак Обама вдається до тактики ідентифікації через розповіді про історію власного життя, акцентуючи увагу на расовому питанні, дуже гострому для сучасних пересічних американців:

англ. *I am the son of a black man from Kenya and a white woman from Kansas. I was raised with the help of a white grandfather who survived a Depression to serve in Patton's army... and for as long as I live, I will never forget that in no other country on Earth is my story even possible* [12].

укр. *Я син чорношкірого чоловіка з Кенії і білої жінки з Канзасу. Я був вихований білим дідом, який пережив Депресію, щоб служити в армії Паттона ... і поки я живу, я ніколи не забуду, що немає жодної іншої країни на Землі, де моя історія була хоча б можливою.*

2. Тактика «визнання пріоритету загальнолюдських цінностей»

Серед комунікативних засобів, застосованих Бараком Обамою з метою впливу на громадську думку, виділяється тактика апелювання до загальнолюдських цінностей та їх визнання. Політик часто говорить про основні моральні та духовні цінності свого народу, такі, як справедливість, толерантність, почуття власної гідності, патріотизму:

англ. *We remain a young nation, but in the words of Scripture, the time has come to set aside childish things. The time has come to reaffirm our enduring spirit; to choose our better history; to carry forward that precious gift, that noble idea, passed on from generation to generation: the God-given promise that all are equal, all are free, and all deserve a chance to pursue their full measure of happiness* [12].

укр. *Ми все ще молода нація, але, як сказано в словах Писання, прийшов час відкласти в сторону дитячі речі. Настав час знову підтвердити стійкість нашого духу; обрати кращу історію для нас; зберегти цей дорогоцінний дар, цю благородну ідею, що передається від покоління до покоління: Богом дана обіцянка, що всі рівні, всі вільні і всі заслуговують на шанс домогтися їхньої повної міри щастя.*

3. Стратегія єдності

У своїх промовах Барак Обама вдається до стратегії об'єднання народу навколо певних проблем, апелюючи до понять «могутньої нації»:

англ. *We remain the most prosperous, powerful nation on Earth* [12].

укр. *Ми залишаємося найбільш процвітаючою, могутньою нацією на Землі.*

У межах цієї стратегії Барак Обама у своїй комунікації застосовує формулу «віри у власні сили», тобто наголошує на тому, що вірить у здатність нації до влаштування власного добробуту спільними зусиллями:

англ. *We can do that. All this we can do. And all this we will do* [12].

укр. *Ми можемо зробити це. Все це ми можемо зробити. І все це ми зробимо.*

Яскравим прикладом застосування цієї стратегії служить лозунг передвиборчої кампанії Барака Обами 2008-2009 рр.: «*Yes, we can!*» («*Так, ми можемо!*»)

4. Стратегія героїзації історії

Метою політика в такому випадку є переформатування свідомості адресата з бачення історії як сукупності/ послідовності певних подій на ставлення до неї як до серії героїчних вчинків, самовідданої боротьби, тяжких поразок та нелегких перемог, а відповідно – і зміна ставлення до предків-співвітчизників як до героїв:

англ. *We are called to remember how unlikely it was that our American experiment would succeed at all; that a small band of patriots would declare independence from a powerful empire; and that they would form, in the new world, what the old world had never known – a government of, by, and for the people* [12].

укр. *Ми покликані пам'ятати, яким маловірогідним було те, що наш американський експеримент вдасться взагалі; що невелика група патріотів проголосить незалежність від могутньої імперії; і що вони будуть формувати в новому світі те, чого старий світ ніколи не знав – це уряд, створений людьми і для людей.*

Таким чином, серед проблем, пов'язаних з дослідженням політичної комунікації, особливе місце посідає питання формування іміджу політичного лідера за допомогою вербальних стратегій. Те, про що говорить політик і як він це говорить, справляє значний вплив на аудиторію. Зокрема, під час дослідження комунікативного портрету американського президента Барака Обами було встановлено, що для цього політичного лідера характерні вербальні стратегії апелювання до загальнолюдських цінностей, ототожнення себе з пересічними громадянами, героїзації американської нації та історії. Такий характер спілкування з публікою має значну комунікативну ефективність.

Перспективи подальших досліджень вбачаємо у детальному вивченні антикризових комунікативних стратегій Барака Обами, що зумовлено загостренням соціально-політичних конфліктів у сучасному світі і роллю цього політичного лідера в їх розв'язанні. Актуальним залишається питання розробки єдиної чіткої класифікації комунікативних тактик політичного впливу. Також

більш поглибленого дослідження потребує питання паралінгвістичного аспекту політичного впливу (жести, міміка, стиль одягу політика тощо).

Література

1. Бацевич Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики / Ф. С. Бацевич. – К. : Вид. центр “Академія”, 2004. – 344 с.
2. Бебик В. М. Базові засади політології: історія, теорія, методологія, практика / В. М. Бебик. – К. : МАУП, 2000. – 384 с.
3. Белова А. Д. Комунікативні стратегії і тактики : проблеми систематики / А. Д. Белова // Мовні і концептуальні картини світу : Зб. наук. праць. – К. : Логос, 2004. – Вип.10. – С. 11–16.
4. Борисова И. Н. Категория цели и аспекты текстового анализа / И. Н. Борисова // Жанры речи. – Вып. 2. – Саратов : Колледж, 1999.
5. Гайкова О. В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации : (На материале англ. яз.). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 19 с.
6. Головатий М. Ф. Політична психологія : Навч. посіб. / М. Ф. Головатий. – К. : МАУП, 2001.
7. Дмитрук О. В. Маніпулятивні стратегії в сучасній англomовній комунікації (на матеріалі текстів друкованих та Інтернетвидань 2000–2005 років) : Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. – К., 2006. – 19 с.
8. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : Едито-риал УРСС, 2002. – 284 с.
9. Красных В. В. Основы психолінгвістики и теории коммуникации / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2001. – 270 с.
10. Крючкова П. Г. Авторитарний дискурс (на матеріалі сучасної англійської мови) : Автореф. дис. ...канд. філол. наук: 10.02.04 / Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. – К., 2003 – 21 с.
11. Почепцов Г. Г. Имиджелогия / Г. Г. Почепцов. – М., 2006. – 704 с.
12. Радзієвська Т. В. Текст як засіб комунікації / Т. В. Радзієвська. – К. : НАН України, Ін-т укр. мови, 1993. – 194 с.
13. Remarks by the President B. Obama at White House Independence Day Celebration (2009, July 04).
14. Remarks by the President B. Obama at White House Independence Day Celebration (2011, July 04).

УМЕНИЕ УБЕЖДАТЬ КАК ЗАЛОГ УСПЕШНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Бондарчук Екатерина Андреевна,
студентка III курса факультета экологии и химической технологии

Науч. рук.: Стеценко Н. М.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры украинского и русского языков
Донецкий национальный технический университет

*Умение общаться с людьми – это товар,
и я заплачу за такое умение больше,
чем за что-либо другое на свете*

Дж. Рокфеллер

Общение – это неотъемлемая часть нашей жизни. Мы общаемся постоянно, даже когда молчим (через наши жесты, движения, мимику). Язык часто называют инструментом общения, а речь сравнивают с игрой на этом инструменте. Сколько людей, столько и исполнителей.

Слова – это оболочка мыслей, и если слова выбраны неудачно, самые ценные мысли так и останутся у их автора. Речь является средством достижения деловых целей и должна отвечать ряду требований, которые делают ее убедительной, красноречивой, доказательной, логичной – сегодня это обязательные условия любого делового общения. Представители любых профессий должны владеть техникой непосредственного контакта и уметь обращаться со словом, уметь убеждать своего собеседника.

Цель работы – проанализировать приемы общения, которые могут помочь любому человеку быть успешным в его профессиональной деятельности. Отсутствие в современном техническом вузе специальных курсов. Причастность каждого человека в социуме к проблемам эффективной коммуникации обуславливают **актуальность исследования**.

Эффективное общение – это не просто передача информации. Важно не только уметь говорить, но еще уметь слушать, слышать и понимать, о чем говорит собеседник. Эти способности каждый развивает в себе самостоятельно, обучаясь у людей, которые нас окружают. Поэтому умение вовлечь в разговор собеседника и заинтересовать его помогает чувствовать себя свободно везде: на работе, на учебе, дома, в кругу друзей. Эффективное общение помогает реализовать себя как личность. В итоге, можно добиться карьерного роста, в дружеском кругу быть всегда желанным гостем. Неумение убеждать в нашем обществе просто поразительно. Ежедневно приходится видеть, насколько беспомощны попытки убедить начальника, продавца (или покупателя), контролера.

Исследователь В. П. Шейнов в своей книге «Искусство управлять людьми» выделяет ряд эффективных правил убеждения, знание которых, на наш взгляд,

совершенно необходимо современному студенту в его настоящей и будущей профессиональной деятельности.

1. Первое правило (правило Гомера) [1]. **Очередность приводимых аргументов влияет на их убедительность. Наиболее убедителен следующий порядок аргументов: сильные – средние – один самый сильный.**

- Из этого правила вытекает, что слабыми аргументами лучше не пользоваться. Вреда от них намного больше, чем пользы. Действительно, лицо, принимающее решение, уделяет больше внимания слабостям в ваших аргументах. Поэтому ему важно не ошибиться. Не количество аргументов решает исход дела, а их убедительность.

- Не следует начинать с просьбы, надо начинать с аргументов. Ведь просьба без аргументов имеет наименьшие шансы на положительное решение.

- Один и тот же аргумент для разных людей может быть и сильным, и слабым. Поэтому сила (слабость) аргументов должны определяться с точки зрения лица, которое принимает решение.

2. Второе правило (правило Сократа). **Для получения положительного решения по очень важному для вас вопросу, поставьте его на третье место, предпослав ему два коротких, простых для собеседника вопроса, на которые он без затруднения скажет вам «да».** 2400 лет существует это правило, оно проверено сотней поколений образованных людей. Оно живет потому, что верно.

- Установлено, что, когда человек говорит или слышит «нет», в его кровь поступают гормоны норадреналина, настраивающие его на борьбу. Наоборот, слово «да» приводит к выделению морфиноподобных веществ – «гормонов удовольствия» (эндорфинов).

- Получив две порции гормона удовольствия, собеседник расслабляется, настраивается благожелательно, ему психологически легче согласиться, нежели вступать в борьбу. Одной порции эндорфинов может оказаться недостаточно, чтобы перебороть плохое расположение духа, в котором, возможно, пребывает собеседник. Кроме того, человек не способен мгновенно перестроиться с одного настроения на другое, надо дать ему больше и времени, и гормонов удовольствия.

- Вопросы к собеседнику должны быть короткими, чтобы не утомить его, не отнимать много времени. Кроме того, при длительной подготовке к основной части беседы возрастает вероятность того, что кто-то вторгнется (телефонным звонком или визитом) в разговор и ваша «заготовка» пойдет на пользу другому.

3. Третье правило. **Убедительность аргументов в значительной степени зависит от имиджа и статуса убеждающего.**

- Одно дело, когда человек авторитетный, уважаемый, другое – когда незначительный, не воспринимаемый всерьез. Данным правилом пользуются те, кто просит уважаемого человека «замолвить за них словечко» или ссылаются на мнение авторитета. **Статус** – это положение в обществе. Студент, доцент, профессор, декан, ректор, рабочий, директор – это все статусы. Если статус

дает ответ на вопрос «кто?», то **имидж** (образ, изображение, отображение) отвечает на вопрос «какой?», «какое?»: хороший или плохой, умный или глупый, красивый или некрасивый, приятный или неприятный.

- Высокое должностное положение, выдающиеся успехи, образование, признание окружающих, поднимают статус и имидж человека, а вместе с ним – и вес, значимость его аргументов.

- В студенческой жизни действие правила имиджа проявляется в том, что (как говорят опытные старшекурсники) «сначала ты работаешь на хорошую зачетку, потом она работает на тебя». Существуют некоторые факты и обстоятельства, которые свидетельствуют о различиях в восприятии статусов в зависимости от ситуации. *Например, в судебных заседаниях по бракоразводным делам статус женщины воспринимается судьями в целом как более высокий (вследствие сложившегося стереотипа, что такие пороки, как пьянство, рукоприкладство, неверность, присущи в большей степени мужьям). В целом же большинство и мужчин и женщин считают, что в нашем обществе мужчины имеют более высокий статус, нежели женщины* [2].

- Участие в конфликте понижает имидж. Говорят же: «Не то он украл, не то у него украли...» Особенно об этом не стоит забывать руководителям, имидж для них – синоним авторитета.

4. Четвертое правило. **Не загоняйте в угол себя, не принижайте свой статус.**

- Многие беседы заканчиваются, не успев начаться. Приведем несколько типичных примеров так называемого «самоубийственного» начала беседы. Отрицательные примеры тому: «*Извините, я не помешал?*», «*Я бы хотел еще раз услышать...*», «*Пожалуйста, если у вас есть время меня выслушать...*». Такого говорить нельзя.

- Неуверенное поведение принижает человека и ассоциируется с его низким статусом. Следует избегать извинений (без должных к тому причин), проявления признаков неуверенности в себе. Нередко неудачными, непродуманными высказываниями человек загоняет себя в угол. *Например, "наш человек" более убедителен, чем другие, уже потому, что он "наш". В аллегорической форме об этом говорится, в частности, в байке о столовой, где однажды разгорелись страсти в связи с вопросом зайчонка: почему медведь и волк целыми днями не при деле, но тем не менее исправно кормятся. На что заведующая - лиса, по-своему переосмыслив истоки заячьей философии (кто не работает, тот не ест), дала исчерпывающий ответ: "Кто у нас не работает, тот и не ест"* [3].

5. Пятое правило. **К аргументам приятного нам собеседника мы относимся снисходительно, а к аргументам неприятного – критически.**

- Одно из правил ведения деловой беседы гласит, что задача первой части беседы – создание атмосферы взаимного доверия. Цицерон также указывал, что оратор должен производить приятное впечатление на слушателей.

•Механизм действия этого правила такой же, как и правила Сократа: приятный собеседник стимулирует выработку гормонов удовольствия и нежелание вступать в конфликт.

•Приятному впечатлению, как известно, способствует множество обстоятельств: уважительное отношение, умение слушать, грамотная речь, приятные манеры, внешний вид.

6. Шестое правило. **Будьте хорошим слушателем.** При детальном анализе споров выясняется, что многие из них разгораются потому, что спорящие говорят о разных вещах, но не понимают этого.

•Поэтому внимательное слушание – залог вашей убедительности: вы никого не убедите, если не поймете ход мыслей собеседника. Кроме того, внимательный слушатель располагает к себе собеседника, то есть использует и правило 5. Замечено, что мы слышим то, что хотим услышать, а не то, что говорят. Внимательно слушать – значит, «услышать». Об этом, например, следующая история. *На прием к психотерапевту пришла женщина посоветоваться, выходить ли ей замуж. Рассказывая, что в нем нравится, а что не нравится, она, в частности, сказала: «Он зачесывает волосы с одной стороны на другую, чтобы прикрыть лысину, – это так раздражает. Ну ничего, у меня он так ходить не будет!». Эти слова показали, что фактически женщина уже решила для себя вопрос, а пришла за «советом», чтобы утвердиться в фактически созревшем решении. Когда ей об этом сказали, она, подумав, согласилась [4].*

7. Седьмое правило. **Следите за мимикой, жестами и позами – своими и собеседника.** Нередко мы не знаем, что на самом деле думает слушатель по поводу наших слов. Далеко не всегда наши собеседники откровенны.

•Процессу убеждения способствует в подобных случаях знание языка жестов и поз. В отличие от речи и мимики, мы не контролируем жестикуляцию и принимаемые нами позы, это происходит неосознанно.

•Знание языка жестов и поз позволяет сделать нашу речь более убедительной. Человек, знающий язык жестов и поз, «читает» собеседника, получая о нем дополнительную информацию.

Однажды мне довелось столкнуться с ситуацией в магазине, где опытный консультант смог убедить меня купить определенный телефон, так как его функции были намного лучше, чем у телефона, который я выбрала изначально. Консультант применил несколько правил убеждения известного исследователя В. П. Шейнова.

Таким образом, убедительность речи зависит от правильно подобранных доводов и доказательств. Будущий специалист, студент, да и просто человек, который хочет добиться поставленной цели в жизни, учебе, семейном кругу, в компании друзей, должен знать некоторые хитрости убеждения. Умение пользоваться данными хитростями позволит убедить собеседника, не смотря ни на какие препятствия, а также уверенно начинать и прекращать разговор в нужный момент.

Литература

1. Мозговой В. И. Деловой язык в профессиональном общении / В. И. Мозговой. – Донецк : Альфа-Прес, 2005. – 288 с.
2. Шейнов В. П. Искусство управлять людьми / В. П. Шейнов. – Мн. : Харвест, 2004. – 512 с.

ПРИНЦИП СИТУАТИВНОСТИ В КОММУНИКАТИВНОМ МЕТОДЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Высоцкая Анастасия Витальевна,
студентка I курса филологического факультета

Науч. рук.: Рочняк Е. В.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и истории
Горловский институт иностранных языков

В статье кратко рассматриваются основные особенности коммуникативного метода обучения иностранному языку, проблемы его практического использования. Особое внимание уделено принципу ситуативности и вопросу «этноцентризма» на занятиях. Актуальность обоснована отсутствием среди исследователей единого понимания ситуативного принципа.

Несмотря на то, что сегодня коммуникативный метод изучения иностранного языка является одним из самых популярных (наряду с грамматико-переводным и аудиовизуальным методами), единой теории «коммуникативного» изучения иностранного языка не существует [3, с. 17]. Часто коммуникативный метод интерпретируют по разному, понимая под ним, например, просто ответы ученика на вопросы учителя (так называемая «диалогическая игра») [2, с. 7; 11, с. 90]. С точки зрения некоторых исследователей, такое понимание является не совсем верным [3, с. 29; 8, с. 4]. Некоторые исследователи также считают, что использование родного языка даже на начальном этапе обучения нежелательно [3, с. 29; 10, с. 451], другие же обосновывают, что без родного языка начальный этап обучения просто невозможен [2, с. 2].

Чаще всего под коммуникативным методом подразумевают создание учениками «коммуникативных ситуаций», наиболее близких к реальной жизни (при помощи ролевых игр, диалогов) [10, с. 450]. При этом важным является не просто «проговаривание» речевых упражнений, а «говорение», когда у говорящего есть определённая речевая задача и когда им осуществляется осмысленное речевое воздействие на собеседника [8, с. 37]. При этом главная цель изучения иностранного языка заключается не в самом языке как таковом, а

в его использовании. Грамматика же будет лишь серединой пути к овладению языком [3, с. 16–17]. Таким образом, коммуникативный подход предусматривает акцент на умениях, а не на знаниях (т.е. обучение происходит через практическую речевую деятельность, а не через заучивание грамматических правил и лексики) [1, с. 8].

Ошибочно полагать, что коммуникативный метод пренебрегает изучением лексики и грамматики: просто эти ступени являются не самоцелью, а необходимостью для дальнейшей речевой деятельности. Говорению в коммуникативном методе предшествуют этапы формирования и совершенствования грамматических и лексических навыков. При этом, как отмечает Е. Пассов, три этапа работы (формирование навыков – их совершенствование – говорение) должны быть не отрезками всего обучения, а периодически повторяться на протяжении курса (они могут повторяться даже в течение урока) [8, с. 114–115].

Коммуникативное обучение, как уже отмечалось, осуществляется на основе коммуникативных ситуаций. Необходимость обучать на основе ситуаций признают все преподаватели, но интерпретируют эти ситуации по-разному [6, с. 20]. Большинство исследователей отмечает, что коммуникативные ситуации должны быть максимально аутентичными, актуальными и вызывать эмоциональную реакцию у учеников [1, с. 9; 2, с. 149; 3, с. 17; 9, с. 166], т.к. хорошо усваивается только то, что вызывает интерес и потребность выразить своё отношение [6, с. 24]. Интересно, что некоторые исследователи, говоря о необходимости «проигрывания» реальных и актуальных коммуникативных ситуаций, в качестве примеров приводят ситуации, которые для большинства учеников сложно будет назвать реальными: «Представьте, что вы – детектив на месте преступления или директор школы» [2, с. 173; 292], «Возьмите интервью у персонажей, изображённых на полотне Эдгара Дега» [1, с. 124] и т. п. Конечно, эти оригинальные задания возможно и будут интересны какой-то части учеников, но их главный недостаток заключается в том, что они не связаны с непосредственно окружающей ученика действительностью.

С точки зрения Е. Пассова, более перспективным будет тот путь, когда каждый обучающийся говорению в процессе обучения раскрывается как личность, исполняя свои собственные межличностные роли, которые ему психологически и социологически близки (либо у него есть личный опыт их исполнения, либо он неоднократно наблюдал эти роли в жизни). Для учеников это могут быть следующие ситуации, связанные логикой обычного хода событий: проспал, срочные сборы и поиск портфеля, приход в класс и объяснение опоздания, договор с другом о походе в кино, соревнования и т.д. [8, с. 123; 127]. В противном случае, если ситуации не будут связаны с непосредственной действительностью, ученик не сможет использовать их лексическую основу ежедневно и ежечасно, что особенно необходимо на начальном этапе обучения, а будет ждать «подходящего момента», который может никогда и не наступить. Зачастую учащиеся, зная слова и умея

образовывать ту или иную грамматическую форму, оказываются не в состоянии всё это использовать в говорении. Это возникает из-за отрыва предварительно запоминаемой лексики/грамматических форм от выполняемых этой лексикой и грамматикой речевых функций [8, с. 38]. Таким образом, лучше общаться на иностранном языке обо всём, что интересно и важно в данный момент, а не "копить" лексику, оторванную от конкретной реальности.

Конечно, следует отметить, что если ученику интересно творчество Дега или игра в детектива, то вышеуказанные примеры могут быть довольно результативными. В любом случае, коммуникативный метод предполагает личностную ориентацию на обучающихся (необходимо учитывать их жизненный опыт, склонности, мировоззрение). Это требует большого количества времени [2, с. 2], что отталкивает многих преподавателей. Учителя также опасаются использовать коммуникативный метод, т.к. грамматические упражнения можно быстрее и объективнее оценить, чем устные высказывания, в оценке которых немалую роль играет личностный фактор [3, с. 35]. Однако, грамматико-переводной метод всё же не позволяет достичь тех результатов, которые даёт коммуникативный.

Особое внимание также следует уделить проблеме так называемого «этноцентризма» в обучении иностранному языку при коммуникативном подходе. С одной стороны, иностранный язык выступает как средство приобщения к другой культуре и служит источником знаний при усвоении модели поведения носителей иноязычной культуры [7, с. 128–129]. В конце концов, как писал ещё Вильгельм фон Гумбольдт, сами различия между языками суть нечто большее, чем просто знаковые различия: различные языки являются различными мировидениями [5, с. 370]. Но значит ли это, что проигрывание коммуникативных ситуаций, основанных на субстрате чужой культуры, целесообразно? Т. Тран отмечает, что при изучении вьетнамскими школьниками немецкого языка большие проблемы вызывало «западно-этноцентрическое» обучение, когда ситуации, обыгрываемые в речи, не были аутентичными для учеников [3, с. 17–19]. Е. Пассов также приходит к выводу, что отбирать необходимо такие проблемы коммуникативных ситуаций, которые будут связаны со страной учащегося, а не изучаемого языка [8, с. 38]. Зачастую преподаватели пытаются едва ли не с первых дней изучения языка «погрузить» учащихся в чужую культуру, например, используя для коммуникативных ситуаций лексику из стандартных тем школьных учебников («Кино и театр в Великобритании», «Школьная жизнь британских детей» и т.п.). Даже если обучающиеся успешно «проиграют» ситуации на подобные темы, при отсутствии «своего» субстрата (а в большинстве случаев, он будет отсутствовать, т.к. 99 % русских школьников едва ли часто посещают английский театр), т.е. при отсутствии возможности реального и частого использования данных коммуникативных наработок, эффективность такого «проигрывания» останется незначительной. Следует, конечно, отметить, что эти замечания относятся в первую очередь к начальному этапу изучения языка, когда коммуникативные ситуации не должны быть оторваны от

действительности, а должны отображать то, что волнует обучающего «здесь и сейчас». При этом, если учесть феномен «кувейтского базара» в современном обществе [4, с. 51], когда общественные и культурные границы совпадают всё реже, «свой» субстрат не обязательно может быть национальным.

Таким образом, ситуативный принцип коммуникативного метода обучения иностранному языку предполагает подбор коммуникативных ситуаций, максимально приближенных к конкретной действительности, окружающей ученика. Более результативными в обучении будет «проигрывание» обучающимися на занятии собственных социальных ролей.

Литература

1. Jiagou, Panajioti: Der Einsatz von Kunstbildern im DaF-Unterricht in griechischen Grundschulen und Gymnasien. – Aristoteles Universität Thessaloniki, 2013. – S.126.
2. Sheils, Joe: Kommunikation im Fremdsprachenunterricht / Übersetzung ins Deutsche: Angela Kornberger, Ursula Stachl-Peier. – Council of Europe Press, 1994. – 334 S.
3. Tran, Thuc-Lan: Der kommunikative Fremdsprachenunterricht und Lern- und Lerntraditionen am Beispiel des Deutsch-als-Fremdsprache-Unterrichts in Vietnam / von Thuc-Lan Tran. – Jena, Univ., Diss., 2009. – 305 S.
4. Бауман З. Плинні часи: життя в добу непевності / З. Бауман / Пер. з англ. Антона Марчинського. – Київ: «Критика», 2013. – 176 с.
5. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт / пер. с нем.; ред. М.А.Оборина. – М. : «Прогресс», 1985. – 452 с.
6. Конышева А. В. Современные методы обучения английскому языку / А. В. Конышева. – Изд. 2-е, стереотип. – Минск.: ТетраСистемс, 2004. – 176 с.
7. Липатова Ю. Ю. Формирование межкультурной компетенции студентов в процессе обучения иностранному языку / Ю. Ю. Липатова // Традиции и инновации в преподавании иностранного языка: материалы IV Международной научно-практической конференции. – Казань : ГБУ, 2013. – 140 с. – С. 128–131.
8. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е. И. Пассов. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1991. – 223 с.
9. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам : Базовый курс лекций : Пособие для студентов пед. Вузов и учителей / Е. Н. Соловова. – М. : Просвещение, 2002. – 239 с.
10. Турумбетова Л. А. Основные методы преподавания английского языка в высших учебных заведениях Казахстана / Л. А. Турумбетова // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы развития полиязычного образования на современном этапе». – Алматы, 2014 – 593 с. – С. 449–451.
11. Файзуллина О. Р. Коммуникативный подход в преподавании иностранного языка / О. Р. Файзуллина // Традиции и инновации в

преподавании иностранного языка: материалы IV Международной научно-практической конференции. – Казань : ГБУ, 2013. – 140 с. – С. 90–94.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО КОРРЕКТНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПЕСНИ

Голда Полина Олеговна,
студентка V курса филологического факультета

Науч. рук.: Соболева И. А.
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий
Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

Этическая культура общества в целом и каждого человека в отдельности является основой современной речевой культуры. Вопрос о нравственно-ценностной основе современного речевого общения является недостаточно разработанным, несмотря на имеющиеся исследования в области философии речи и риторики, исследования о толерантности общения. В формировании устной речевой культуры, а значит, и нравственной культуры, большую роль играет речевая среда.

Многие исследователи отмечают явное неблагополучие в этой сфере. Так, А. А. Мурашов, анализируя влияние современной эстрады на подростков, отмечает примитивность текстов песен и с тревогой констатирует, что «эстрадная музыка для нынешнего подростка с плеером, наушниками и аудиоколонками дома – не только возможность «оторваться», потенциальный «тус» и «стопудовое зависалово», но и информационно-экспрессивный код, своего рода призма, через которую подросток воспринимает мир» [2, с. 101]. Речь современных молодых людей перенасыщена сленговыми выражениями, жаргонизмами, неуместными иностранными словами (*прикол, тупа, ржать, месседж, тупец, блин и др.*). Нельзя не согласиться с И. Б. Серебряной в том, что «жаргонизмы романтизируют в глазах подростков уголовную эстетику, приводят к отклонениям от норм поведения, отрицательно влияют на психику и мировоззрение» [5, с. 105].

Актуальность темы вызвана необходимостью социолингвистического анализа текстов современных эстрадных песен с точки зрения описания функции, лингвокультурной мотивации и соответствия нормам русского литературного языка употребленных в них заимствованных слов и слов жаргонного происхождения.

Цель нашей работы – описание дискурсивных и лингвокультурологических особенностей употребления слов жаргонного и иностранного происхождения в текстах популярных песен.

Объектом исследования является лексический состав и

лингвокультурологический контекст современной эстрадной песни.

Предмет исследования – текст современной молодежной эстрадной песни.

Нашему народу на протяжении всей истории приходилось вступать в политические, экономические, торговые, научно-культурные и прочие связи с другими народами. В результате подобных разносторонних контактов русская лексика пополнялась иноязычными заимствованиями.

Подчеркнем, что процесс заимствования слов – явление нормальное, а в определенные исторические периоды даже неизбежное. В целом освоение иноязычной лексики обогащает словарный запас языка. Заимствование слов из других языков происходило, происходит и будет происходить во все времена и в языках всех народов.

Современная популярная музыка изобилует текстами с использованием иностранных слов, причем в большинстве случаев слушатели не задумываются о лексическом значении, мотивированности и эстетической целесообразности таких слов. К примеру, в популярной песне «3G» исполнителя Стаса Костюшкина можно услышать такие строки:

*Милая, держи, я купил тебе 3G
Теперь что хочется – скажи,
Посылая месседжи.*

Мы провели социолингвистический опрос, предложив девяти людям различного пола и возраста ответить на вопрос: «Что такое 3G?». Приводим данные ответов, сохраняя при этом особенности авторской речи для того, чтобы увидеть, как именно восприятие подобной песни влияет на речь и сознание человека:

1. «Ну, интернет, наверное. Типа вай фая, наверное.....»
2. «Ну, 3G – это что-то вроде набора сотовых услуг, то бишь, скоростной интернет, сотовая связь и так далее. 3G, потому что это третье поколение таких услуг, до того, как начали продвигать ЛТЕ (4 поколение), он считался самым совершенным в плане скорости интернета в мобилках».
3. «Что-то с интернетом связано».
4. «3G – это вид мобильной связи, который имеет более высокую частоту, и следовательно более высокую скорость обратной связи, и есть возможность совершать видеозвонки».
5. «Я не знаю» (два варианта ответа).
6. «Ну, это высококачественный интернет для телефона, который очень актуален в наше время».
7. «Мобильная сеть третьего поколения. Она позволяет совершать видеозвонки, они не работают ни на каких операторах Украины и более быстрая, чем gprs- интернет. Интернет скоростной вроде работает только, если симку специальную купить».
8. «Это тип мобильного интернета».
9. «g-generation. Это крутяцкий доступ к инету на мобиле».

Данные проведенного опроса показывают, что молодежь, в целом, понимая значение слова «3G», не понимают цели и мотивации автора песни,

включившего его в текст. Любопытно, что некоторые опрошенные, не понимая значения припева, все же знали его наизусть и часто слушали эту песню.

Употребление в песне слова «месседжи» можно оправдать стремлением автора понравиться молодежи, быть своим.

Слова иностранного происхождения так же можно услышать в песне Потапа и Насти Каменских «Край ми э ривер»:

*В воду ныряя,
Ушел я красиво.
Плачь по мне, зая,
Cry me a river.*

В этот раз мы опросили 18 человек. На вопрос о значении фразы «Cry me a river» 2 человека выбрали значение «утопи меня в реке», 10 человек думают, что это можно перевести так: «Лей по мне слезы, наплачь мне море слёз», и 6 человек склоняются к варианту, что эти слова не несли никакой смысловой нагрузки, а были просто в рифму.

Интересным оказался опрос о значении слова «Фая/Fire» в песне Стаса Костюшкина:

*Fire, нет wi-fi
В коме жизнь вторая.
Стон не убавляю
Fire, нет wi-fi.*

Из текста песни мы отчетливо видим, что автор употребил слово «Fire» в значении «огонь», однако при прослушивании песни, мнения людей о значении этого слова разделились. Так, из 14 опрошенных 7 человек считают, что автор песни обращался к женщине с именем Фая, а 7 человек думают, что исполнитель произносит слово «Fire» в значении «огонь».

Иногда авторы песен нарушают логические связи, используя иностранные слова, как, к примеру, в песне группы Dress Code «VIP»:

*Я персона вип-вип, у меня есть джип-джип,
Обгоняю, подрезаю, все сигналият бип-бип.*

Использование выражения «персона вип» говорит о безграмотности и низкой речевой культуре автора текста песни, так как «VIP – very important person» дословно обозначает «очень важная личность». Добавляя слово «персона вип», получается избыточное, алогичное и безграмотное по значению высказывание «Очень важная личность, персона».

Таким образом, данные опроса и социолингвистический анализ текстов песен показывают, что авторы часто используют не только иноязычные слова, но и варваризмы, то есть заимствования, написанные латиницей и функционирующие в русском языке по законам языка-источника. Во многих случаях тексты популярных, особенно молодежных песен содержат недавно появившиеся, «модные» иноязычные слова и понятия. Их присутствие в тексте не может быть оправдано стилистикой, эстетикой, а очень часто демонстрирует нарушение как лексического значения слова, которое закреплено за ним в языке-первоисточнике, так и законов грамматической и лексической

сочетаемости и стилистической мотивированности в русском языке. Все это явление в комплексе, на наш взгляд, демонстрирует низкий уровень культуры и отсутствие языкового вкуса как у авторов и исполнителей таких песен, так и у той целевой группы, которая слушает и тем самым поддерживает подобную низкопробную эстрадную музыку.

В словаре С. И. Ожегова жаргон определяется как «речь какой-нибудь социальной или иной объединенной общими интересами группы, содержащая много слов и выражений, отличных от общего языка, в том числе искусственных, иногда условных» [3]. Использование жаргона, считает современное языкознание, имеет свою эстетику. Его носители зачастую хотят казаться остроумными или грубыми, а так же всячески противостоять общепринятым нормам. Такие люди хотят казаться оригинальными и независимыми от мнения общества. Еще одна цель жаргона – приблизить вовсе не безобидные вещи к собственному условному миру.

В попытке сблизиться с молодежью и сделать свои песни близкими для молодого поколения авторы часто используют молодежный сленг и жаргоны. Снова приведем пример припева песни исполнителя A-DESSA:

*Милая, держи, я купил тебе 3G
Теперь что хочется – скажи
Посылая месседжи
Милая, не ржи, я купил тебе 3G
Теперь что хочется – скажи
Посылая месседжи.*

По нашему мнению, употребление жаргонизма «**ржать**» неуместно в данном контексте, особенно в сочетании с обращением «милая». В словаре Даля слово «**ржать**» истолковывается как «реветь, кричать конским голосом, рычать по-лошадиному, необузданно хохотать, заливаться резким, громким хохотом».

Исполнитель MMDance в песне «На приколе» использует в каждой строке песни слова «на приколе/прикольно»:

*Помню я еще со школы, постоянно на приколе
Я прикольно одевался и прикольно зажигал.
На приколе я учился, на приколе я влюбился,
На приколе я работал, на приколе отдыхал.*

Однако здесь автор не скрывает, что написал эту песню ради того, чтобы повеселить слушателей, он не претендует на глубокий философский смысл.

Нередко исполнители в текстах свои песен употребляют криминальный жаргон: пацан («Эта песня простая, / Чтобы каждый растаял, // Во дворе чтоб играли / **Пацаны** на гитаре»), жульбаны («**Жульбаны, жульбаны**, жулики родные, / пораскинула судьба во края разные»), братва («А ну-ка навались **братва**»), ксива («ты мне тычешь, псина, свою **ксивую**»), беспонтовый («Они нас травят **беспонтовым** слезоточивым газом»). Также часто используются такие жаргонизмы как: лабать («А, я беру ветхую гитарку в руки / И **лабаю** темки, плейлист от битлов до Мурки») – исполнять, играть на музыкальном

инструменте; квасить («Одна песня, **квасим** вместе») – то же, что пьянствовать.

С одной стороны, автор текстов подобных песен старается понравиться подростковому поколению, так как в подростковом возрасте в моде все запретное, бунтарское, против правил. С другой стороны, какие же плоды принесет восприятие и запоминание подобных песен подростками? Подражание жизни преступников, речь криминальных авторитетов, нарушение законов – это все ждет общество, которое восхищается героями этих песен. Можно ли добиться популярности на современной эстраде, не используя жаргонизмы? Нам представляется, что это риторический вопрос. Употребление жаргонизмов не должно стать дешевой модой, приманкой для неискушенной языковой личности. Молодые люди должны понимать, что определенная часть шоу-бизнеса ищет любые (даже антиморальные и антинравственные) способы «сбыть» свой низкопробный товар – незамысловатые песенки с примитивными, ничего не несущими текстами.

Имея незамысловатые сюжеты и быстро запоминающийся мотив, эти песни прививают ложные ценности молодым людям, а также ведут к деградации нашего языка.

В современных песнях нам не удалось обнаружить такие концепты, как «Родина», «Преданность», «Честность».

Исходя из вышеизложенного, нами было выявлено, что в текстах современных песен используется множество слов иностранного происхождения и слов жаргонного происхождения. Мы убеждены, что авторы выбирают именно такие слова для «сближения» с массами, для достижения популярности, а соответственно и заработка. Однако подобные действия приводят к варваризации языка, к безграмотности населения. Песни с искаженной речью, благодаря своему ритму и мелодичности, очень легко запоминаются и становятся шаблонами речи. Судя по проведенным нами опросам, многие строки песен, а именно с иностранными словами, слушатели понимают по-разному, либо вообще не думают об их значении.

К тому же, тексты популярных песен прививают ложные ценности, убеждают мечтать о красивой жизни и отдыхать, но ни в коем случае не заниматься саморазвитием и работой.

Жанр популярной музыки выполняет в основном развлекательные функции, а тематика песен не предполагает ответов на серьезные жизненные вопросы. Однако это обстоятельство не снимает с авторов песен ответственности за содержание и языковое оформление создаваемых произведений, а, напротив, подразумевает серьезную работу над текстами. Ведь ошибки, которые нередко встречаются в текстах песен, негативно влияют на речь слушателей, а особенно на речь молодого поколения.

Литература

1. Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л. П. Крысин // Вопросы языкознания. – 2002. –

№ 6. – С. 32–33.

2. Мурашов А. А. «Муси-пуси» как речевой код современной эстрады / А. А. Мурашов // Русский язык в школе. – 2005. – № 2. – С. 101–105.

3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд. – М., 1997. – С. 944.

4. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Коллективная монография / Отв. ред. д.ф.н. Е. А. Земская. – М. : Языки русской культуры, 1996.

5. Серебряная И. Б. Методика работы по культуре речи в период педагогической практики / И. Б. Серебряная // Русский язык в школе. – 2005. – № 1. – С. 105–107.

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ГЕНДЕРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ

Голуб Светлана Александровна,
магистрант кафедры русского языкознания и коммуникативных
технологий филологического факультета

Науч. рук.: Пономарева Т. А.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий

Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

Статья посвящена изучению одного из социолингвистических факторов, определяющих речевое поведение индивида, – гендерного. В последнее десятилетие появился широкий круг работ, где на разном лингвистическом материале демонстрируются гендерные отличия речевого поведения. Это может быть свидетельством того, что гендерно маркированный дискурс представляет собой один из социально обусловленных вариантов языка. Изучением данного вопроса занимались А. В. Кирилина, Е. И. Горошко, Л. Н. Синельникова и мн. др. Возникает необходимость проанализировать особенности коммуникации мужчин и женщин и определить релевантность, нерелевантность гендерного фактора в выборе моделей речевого поведения.

Гендерные исследования имеют междисциплинарный характер, базируясь на данных социологии, психологии, других гуманитарных и социальных дисциплинах, они имеют свои ключевые категориальные понятия, основными из которых являются «гендер», «пол» и «гендерные стереотипы». Приведём некоторые основные дефиниции. О. А. Рыжкина предлагает следующие определения: Биологический пол – «это совокупность анатомических и физиологических признаков, благодаря чему мы можем определить мужчину или женщина перед нами».

Гендер или социокультурный пол человека – «это совокупность социальных ожиданий и норм, ценностей и реакций, который формируют отдельные черты личности» [6].

В словаре гендерных терминов под редакцией А. А. Денисовой отмечено следующее. «Традиционно понятие «пол» использовалось для обозначения тех анатомо-физиологических особенностей людей, на основе которых человеческие существа определяются как мужчины или женщины. Многие исследователи даже считают, что единственное четкое и значимое биологическое различие между женщинами и мужчинами заключается в их роли в воспроизводстве потомства» [1, с. 43].

Помимо биологических отличий между людьми существуют разделение их социальных ролей, форм деятельности, различия в поведении и эмоциональных характеристиках. Антропологи, этнографы и историки давно установили относительность представлений о "типично мужском" или "типично женском": то, что в одном обществе считается мужским занятием (поведением, чертой характера), в другом – может определяться как женское. Отмечающееся в мире разнообразие социальных характеристик женщин и мужчин и принципиальное тождество биологических характеристик людей позволяют сделать вывод о том, что биологический пол не может быть объяснением различий их социальных ролей, существующих в разных обществах. Таким образом, возникло понятие гендер, означающее совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Не биологический пол, а социокультурные нормы определяют психологические качества, модели поведения, виды деятельности, профессии женщин и мужчин. Быть в обществе мужчиной или женщиной означает не просто обладать теми или иными анатомическими особенностями, это означает выполнять те или иные предписанные нам гендерные роли.

Хотя многие лингвисты середины XX века и наблюдали влияние пола человека на язык, обращали внимание на разницу между мужской и женской речью в разных языках (наблюдения, в основном, проводились американскими учеными М. Хаас, В. Лабов на основе индейских языков), но первые серьезные исследования влияния фактора пола на язык появились только в 70-е годы и были связаны с борьбой за равенство прав, нашедших отражение в феминистических движениях. Такие исследования велись женщинами-учеными, которые стояли на феминистических позициях. Основополагающим, хотя и вызывающим много споров, стало исследование Р. Лакофф «Язык и положение женщин» [3, с. 36], которая искала причины женской речи в социальных факторах. Автор нечетко разделила влияние фактора пола, с одной стороны, и традиционное представление о роли между мужчиной и женщиной в обществе, с другой. Исследования велись в следующих областях: как обозначается женщина в языке, как женщины говорят и какую коммуникативную стратегию используют в общении. Ученый пытался найти закономерности, универсальные принципы, действующие со всех языков, либо особые характеристики менталитета, культуры, состояния определенного

сообщества людей, на основе которых пол человека влияет на язык. Он пытался выяснить, в одинаковых ли областях грамматики используются определенные формы и как влияет пол говорящего и его собеседника на их язык. Необходимы были данные о многих языках, чтобы провести параллели.

При изучении особенностей мужской и женской речи основное внимание уделяется морфологическим, фонетическим и лексическим особенностям, так как на этих уровнях наиболее заметны различия в речи. Исследования в области английского языка показали, что женщины используют более разнообразные интонационные модели. Для них характерна восклицательная и вопросительная интонация, которая произносится восходящим тоном. Такая интонация воспринимается как более эмоциональная и дружелюбная. У мужчин же, наоборот, отмечена более ровная, нисходящая интонация. Их речь доминантна и звучит более категорично и утверждающе. Такие различия связаны с женской эмоциональностью, а также со скованностью и замкнутостью мужчин. Однако нельзя утверждать, что женщины будут использовать только первую модель, а мужчины – вторую. В зависимости от ситуации интонация меняется, и это будет вызывать у собеседника определенные ассоциации.

Женщины склонны к более стандартному произношению и, так как их общественный статус ниже и их оценивают по внешнему виду и поведению, то женщины отдают предпочтение в области грамматики. Р. Лакофф утверждает, что женщины используют больше незаконченных расчлененных вопросов больше из-за своей неуверенности [3, с. 39]. В большинстве случаев они направлены либо на запрос или подтверждение информации, либо для смягчения вопроса, либо для выражения сочувствия собеседнику.

Что касается лексики, то особых различий не отмечалось, за исключением того, что женщины используют меньше грубых выражений. Одним из основных различий в английском языке – различие в использовании стандартных форм. Используя нормативный язык, женщина пытается повысить свой статус в общении с собеседником, редко привлекая в свою речь слова с переносным значением. Мужчины не следуют правилам стандартного языка, используют новую лексику, либо слова в новых значениях.

Женская речь многословна, с большим количеством вопросов, слов ответной реакции и вводных слов, которые снимают категоричность высказывания.

У некоторых народов различия в языке мужчин и женщин определяются разнообразными религиозными и культовыми предписаниями. Эти моменты до сих пор играют доминирующую роль в дифференциации языков по полу у многих народов мира, например, в зулу [4, с. 34], в ряде старинных арабских городских говоров Магриба (как мусульман, так и евреев) [2 с. 22]; еще в конце XIX – начале XX в. такие различия отчетливо прослеживались в казахском и киргизском языках [5, с. 5–7], а также в алтайском языке [5, с. 7]. Как правило, различия эти связаны с наличием в языке определенного количества слов и выражений, которые запрещено произносить женщинам. Ввиду этого им

приходится заменять табуированную лексику либо описательными выражениями, либо придумывать новые слова.

Таким образом, исследования на материале разных иностранных языков помогают сформулировать основные теоретические аспекты влияния фактора пола на язык. Однако в изучении любого конкретного языка нужно учитывать культурный и общественный контекст. Например, если в английском языке доминантность ассоциируется с многословностью, то в японском важнее, что сказано, нежели продолжительность речи. В английском языке различия в речи мужчин и женщин не кодифицированы, и нарушение правил использования не вызывает бурной реакции у собеседника, как, например, в японском. Поэтому, необходимо учитывать особенности мужской и женской речи японского языка и специфику японского общества. Специфические мужские и женские единицы появились под влиянием социальных, культурных и психологических факторов, таких как религия, общественное положение в обществе, разделение труда, исторические и культурные традиции страны.

Литература

1. Денисова А. А. Словарь гендерных терминов. Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты» / А. А. Денисова. – М. : Информация XXI век, 2002. – 311 с.
2. Завадовский Ю. Н. Проблемы зарубежной лингвистики / Ю. Н. Завадовский. – М. : Наука, 1976. – 283 с.
3. Лакофф Р. Язык и положение женщины / Р. Лакофф. – М., 1975. – С. 39–43.
4. Прохоров Ю. Е., Стерин И. А. Русские : коммуникативное поведение / Е. Ю. Прохоров, И. А. Стерин. – М. : Наука, 2006. – 100 с.
5. Самойлович А. Н. Женские слова у алтайских турок / А. Н. Самойлович – Тезисы докладов советских социалингвистов на IX Всемирном социалингвистическом конгрессе. – М. : РАНИОН, 1978. – 32 с.
6. [Электронный ресурс] – Режим доступа к ресурсу: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=560886>

ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ ТЕКСТА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Горлова Виктория Николаевна,
магистрант кафедры теории и практики перевода

Науч. рук.: Санченко Е. Н.,
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой теории и практики перевода
Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

Художественный текст – явление, которое в современности встречается повсеместно. Так, помимо собственно художественной литературы, благозвучно, правильно организованный текст является неотъемлемой частью кинематографа, средств массовой информации, сферы маркетинга.

Все эти отрасли сталкиваются с проблемой правильной организации речи, которая в последствии произведет необходимое впечатление на читателя, слушателя. Кроме верной структуры, подбора лексических единиц, соответствующих стилю, жанру и тематике высказывания, большое внимание уделяется и выразительности, яркости речи и текста в целом.

Выразительность речи – это, прежде всего особенность ее структуры, которая позволит усилить впечатление от сказанного (написанного), вызвать и поддержать внимание, интерес у адресата, воздействовать не только на его разум, но и на его чувства и воображение.

Звуковая выразительность речи достигается путем комбинации разнообразных стилистических средств, направленных на увеличение производимого данным текстом эффекта. Здесь вступают в силу все варианты художественных средств и тропов (метафоры, эпитеты, сравнения и т.п.).

Язык художественной литературы представляет собой особый поэтически организованный язык, целую систему правил и норм, на основе которых и производится не только составление, написание как прозаических, так и стихотворных, но их интерпретация. При этом можно сказать, что эти нормы могут значительно отличаться от собственно бытового, обиходного языка, даже при условии полного совпадения их фонетических, грамматических и лексических основ.

Здесь важно разграничивать две основные формы, через которые проявляется язык художественных произведений: язык повествователя и язык персонажа. Выбор той или иной формы обусловлен, прежде всего, качествами рассказчика и персонажа, вложенными в них автором, а также общими задачами и целями произведения. А, следовательно, все многообразие литературных родов и жанров рождает массу различных видов и форм художественного языка.

Однако в языке художественных произведений отдельная, одна из самых важных ролей отводится именно звуковой организации текста – его

фонологизации. Звуковая организация речи иногда играет смысловую роль, но чаще обуславливает интонационную выразительность текста. Она предполагает использование таких средств, как аллитерация, ассонанс, звукоподражание.

Звукоподражательная лексика, как в английском, так и в русском языках представляет огромный исследовательский интерес для лингвистов современности. В конце XIX – начале XX веков наблюдается значительный рост количества работ и исследований, посвященных звукоподражаниям. Так, среди русских ученых, занимавшихся этим вопросом, следует отметить Воронина С. В. [1], [2], Сергееву М. Э. [3], Горохову Л. А. [4], [5], Меграбову Э. Г. [8], Фатюхина В. В. [9] и др.

Звукоподражание (ономатопея) – это условное воспроизведение звуков природы и звучаний, сопровождающих некоторые процессы (дрожь, смех, свист и т.п.), а также криков животных [7].

В морфологии дается схожее определение звукоподражательных единиц – неизменяемые слова, воспроизводящие звуки, издаваемые живыми существами, механизмами или характерные для явлений окружающей среды.

Однако, если обратиться к художественной стилистике, мы находим более широкое, полное определение понятия «звукоподражание» – употребление слов, которые своим звучанием напоминают слуховые впечатления от изображаемого явления.

Конечно, прежде, чем разбираться в самой природе и специфике использования данной лексической категории, следует обратиться к классификации звукоподражательных единиц. В различных источниках и у разных исследователей мы находим несколько классификаций, основанных на разных аспектах деления и исследования звукоподражаний.

Первая классификация предлагает нам разделить звукоподражания на три группы:

- 1) ономатопеи (слова, основанные на звукоподражании: икать, гавкать);
- 2) звукоподражательные слова (слова, которые имитируют характерные для тех или иных организмов, предметов или явлений звуки: мяу, бам, бух);
- 3) звукообразные слова (это лексемы, которые помогают образно изобразить движение, состояние, эмоцию, явление: шабаш, вздор).

Самая доступная и распространенная классификация дается на основании источника производимого звука или шума:

- 1) звукоподражания, которые обозначают звуки природы, издаваемые ветром, дождем, бурей и др.
- 2) звукоподражания, производимые различными предметами, а также машинами, аппаратами и др.
- 3) звукоподражания, обозначающие звуки, издаваемые человеком и животными [6].

Стилистические функции звукоподражаний в тексте очень разнообразны. Среди них можно выделить наиболее яркие:

- ✓ создание каламбурного эффекта,
- ✓ являются речевой характеристикой персонажа,

- ✓ вызывают предметно-смысловые ассоциации (акустические ассоциации),
- ✓ могут являться контекстуальным синонимом и заменять глагол, имя и т. п.,
- ✓ выступают второстепенными изобразительными средствами,
- ✓ на них базируются «говорящие» антропонимы.

Вышеперечисленные функции являются базовыми и общими для звукоподражаний большинства языков. Однако, если взять к рассмотрению русский язык и английский, то в этом случае можно выделить несколько отличительных черт, которые будут характерны именно англоязычным звукоподражаниям.

Так, англоязычные звукоподражания состоят в большинстве своем из одного корня: *bang (n); plop (n)*. В английском языке некоторые звукоподражания могут присоединять различные флексии, однако их количество невелико (одну, редко две): *screamed; creaking; squeaker*. Для сравнения – в русском языке корни звукоподражаний реже используются отдельно, и чаще присоединяют к себе другие морфемы: *грох-ну-ть-ся; за-скрип-е-ть*. Возможно, именно поэтому англоязычные звукоподражания ярче и сильнее воспринимаются слушателем либо читателем.

Русскоязычные и англоязычные звукоподражания в сходной степени склонны к переходу из одной части речи в другую: *hiss (v) – hiss (n) – шипеть – шипение; ding-dong (v) – ding-dong (n) – звенеть – звон*. В английском языке переход из одной части речи в другую в большинстве случаев происходит без изменений в форме слова, в то время как русскоязычные слова меняют свою форму, присоединяя морфемы. Это обусловлено различной структурой языка.

Яркость и образность англоязычных звукоподражаний также обусловлена тем, что носители этого языка отдают предпочтение отображению слуховых ощущений, чем зрительных.

Итак, звукоподражания – огромный, еще не до конца исследованный пласт лексики, которая зачастую составляет основу звуковой выразительности художественного текста. И дальнейшее, более подробное их исследование в нынешнее время становится все более актуальным. Эта необходимость, прежде всего, обусловлена увеличением сфер использования поэтически грамотно организованного текста. Вопрос роли звукоподражаний в выразительности речи актуален также и в переводческом контексте, ведь правильная, адекватная интерпретация текста является залогом успешности того или иного художественного произведения, кинофильма и т. п. в другой стране.

Литература

1. Воронин С. В. Английские ономатопы : Фоносемантическая классификация / С. В. Воронин, под ред. проф. О. И. Бродович. – СПб. : Геликон Плюс, 2004. – 328 с.

2. Воронин С. В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании / С. В. Воронин. – Л. : ЛГУ, 1990. – 200 с.
3. Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы типологии языковых единиц разных уровней», 24–25 мая 2001 г. / М. Э. Сергеева // Ономатопы в системе языка. – Бийск : БПГУ им. В. М. Шукшина, 2001. – 136 с.
4. Горохова Л. А. О критериях выделения поля звукоподражания / Л. А. Горохова // Проблемы гуманитарного образования: содержание и методы. – 1996. – № 3. – С. 35–38.
5. Горохова Л. А. О некоторых закономерностях перевода ономатопов в зависимости от функции, выполняемой ими в тексте / Л. А. Горохова // Лингвистика. Перевод, межкультурная коммуникация. – 2000. – № 2. – С. 110–120.
6. Горбаневская Г. В. Слова – звукообозначения в художественной прозе / Г. В. Горбаневская // Русская речь. – 1981. – № 1. – С. 73–78.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. Энциклопедия, 1990. – 683 с.
8. Меграбова Э. Г. Некоторые аспекты комплексного анализа ономатопов английского языка / Э. Г. Меграбова, О. В. Коденева. – Владивосток : ДВГУ, 1999. – 87 с.
9. Фатюхин В. В. Особенности перевода звукоподражаний и междометных глаголов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Фатюхин. – М., 2000. – 24 с.

МАСТЕРСТВО ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ

Гудыменко Александра Олеговна,
ученица 11 класса

Науч. рук.: Пряничникова И. И.,
учитель русского языка и литературы
Макеевский лицей № 1 "Лидер"

Публичное выступление является взаимодействием говорящего человека с определённой аудиторией. Основная цель этого процесса – информировать публику, доказать слушателям правильность тех или иных положений. Для этого выступающий должен обладать следующими качествами:

- а) хорошее знание выбранной темы;
- б) логически организованные мысли;
- в) умение управлять фактами;
- г) грамотная красивая речь;
- д) эффективное, уместное использование жестов и мимики;
- е) изменения темпа, тона и громкости голоса;

- ж) уверенность и уравновешенность;
- з) личное обаяние.

Это лишь малая толика того, какими навыками должен владеть подлинный мастер блистательного выступления – настоящий оратор.

Окунёмся ненадолго в историю риторики. Колыбель ораторского искусства – Древняя Греция. Умение красноречиво, убедительно говорить особенно высоко ценили древние греки. *«Слово не только высвободило нас из оков животной жизни; благодаря ему мы построили города, установили законы, изобрели искусства. Его мощь такова, что ничего разумного не происходит без помощи слова. Слово является вождём всех дел и всех замыслов»*, – писал греческий оратор Исократ. Цицерон говорил, что есть два искусства, которые могут поставить человека на самую высокую ступень почёта: одно – искусство хорошего полководца, другое – искусство хорошего оратора [2, с. 157].

На Руси риторика развивалась в рамках проповедничества в средние века. Периодом расцвета академического и судебного красноречия можно назвать конец XIX в. Блестящими ораторами этого времени были историки Т. Грановский и В. Ключевский, биолог К. Тимирязев, химик Д. Менделеев, юрист А. Кони. В современное время эта наука превращается в филологическую дисциплину.

Чтобы успешно выступить перед аудиторией, необходимо как следует подготовиться. Как известно, все хорошие импровизации готовятся заранее. Марк Твен по этому поводу сказал: *«Требуется более трёх недель, чтобы подготовить хорошую короткую речь экспромтом»* [1].

1. Подготовка

Для начала следует выбрать тему выступления, причём желательно таким образом, чтобы этот вопрос был привлекателен и хорошо Вам знаком. Тогда Вашу речь будут слушать с интересом. Далее нужно определить главную мысль, идею рассказа. Желательно выделить ключевые слова, которые надо произнести несколько раз, чтобы слушающие лучше запомнили то, что Вы хотите до них донести. Как и в обычном школьном сочинении, надо продумать структуру Вашей будущей речи, а именно: выделить вступление, основную часть и заключение. С самых первых минут необходимо создать благоприятное впечатление аудитории, поэтому следует избегать ошибок. Важно наладить контакт с аудиторией: задавать вопросы, приводить примеры из жизни, истории или литературы, использовать остроумные шутки, относящиеся к теме выступления, необходимые наглядные материалы: схемы, иллюстрации, графики. Эти приёмы значительно усилят интерес слушателей и ощутимо повысят эффективность вашего выступления.

Окружающие активно воспринимают информацию в течение лишь небольшого срока, поэтому нужно придерживаться доступных, чётких, ярких, коротких фраз. Не забывайте о чеховском: *«Краткость – сестра таланта»*. Произнесите речь перед зеркалом несколько раз. Это позволит лучше почувствовать текст и изучить все возможные «камни преткновения». Чтобы

отшлифовать произношение, мимику, интонацию, можно прорепетировать речь на камеру. Такая тренировка позволит подкорректировать нюансы и немного снизить волнение.

2. Имидж

Очень велика роль создания «красивой картинки» в достижении успеха перед аудиторией. Следует тщательно обдумать Ваш образ, подобрать подходящую одежду, так как именно она весьма значительна в деловом общении, поскольку несёт информацию о говорящем:

- его эстетический вкус;
- принадлежность к какой-либо социальной группе, профессии;
- финансовые возможности;
- чувство стиля.

Существует множество правил, касающихся выбора одежды для выступления, как для мужчин, так и для женщин. Одежда демонстрирует Ваше отношение к окружающим, поэтому необходимо устранить все недочёты, чтобы выглядеть достойно и проявить уважение к аудитории.

3. Несколько секретов успешного публичного выступления

Когда Вы заходите в аудиторию, шагайте своей естественной, спокойной походкой, не делая при этом суетливых движений. Таким образом Вы убедите окружающих в том, что ни за что не переживаете и, следовательно, уверены в своих силах. Когда Вас представили аудитории, обязательно встаньте и одарите зал лёгкой улыбкой. Поднявшись на сцену, подиум, трибуну, не спешите сразу начинать говорить. Сделайте небольшую паузу. Используйте любую возможность – сделайте глоток воды, поправьте микрофон, разложите свой материал. Такая пауза настроит Вас и аудиторию на общение. Если сильно волнуетесь, примените довольно известный и простой метод для успокоения: сделайте несколько глубоких вдохов и выдохов. Также пауза поможет Вам оценить пространство вокруг себя, осмотреть зрителей. Театральная аксиома гласит: чем талантливее актёр, тем большую паузу он умеет держать. Установите с несколькими слушателями зрительный контакт. Именно они станут Вашими «маяками».

Следует уделить внимание жестикуляции, запомнив три главных правила: не прячьте руки, в карманы, не занимайте руки посторонними предметами, не прячьте их за спину. Ваши жесты и мимика дают большее впечатление о Вас, чем даже Ваша речь. Также не нужно скрещивать руки на груди, что свидетельствует о неуверенности. Постоянно соблюдайте правильную осанку и держите на лице лёгкую приятную улыбку.

Не говорите свысока, тем самым демонстрируя Ваше превосходство. Куда лучше – доброжелательность, спокойствие и чувство юмора. Завершая речь, следует сказать слушателям что-нибудь приятное, чтобы продемонстрировать удовлетворение от общения с ними, оставляя в их памяти лишь позитивные моменты Вашего публичного выступления.

Литература

1. Медведев И. Правила успешного публичного выступления / И. Медведев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : psyfactor.org
2. Рудяков А. Н. и др. Русский язык : Учеб. для 11 кл. общеобразоват. учеб. завед. с рус. яз. обучения (уровень стандарта) / А. Н. Рудяков, Т. Я. Фролова, Е. И. Быкова. – К. : Грамота, 2011. – 288 с.

ДЕЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Зогова Ксения Сироджевна,
ученица 11 класса

Науч. рук.: Лешкова Н. В.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего языкознания и славянских языков
Горловский институт иностранных языков

Еще в начале девятнадцатого века французский писатель Проспер Мериме сказал: «Русский язык, насколько я могу судить о нем, является богатейшим из всех европейских наречий и кажется нарочно созданным для выражения тончайших оттенков. Одаренный чудесной сжатостью, соединенный с ясностью, он довольствуется одним словом для передачи мысли, когда другому языку потребовалось бы для этого целые фразы» [8]. Это высказывание открывает широчайшие перспективы для исследований и подчеркивает актуальность нашей работы.

Прежде всего хотелось бы сказать, что язык – это бесценное достояние любого народа. Это неповторимость, особенность и культура целой нации. Чем богаче и уникальнее язык, а соответственно и культура народа, тем сильнее и тверже могущество всей нации. Для этого люди должны неустанно следить и быть на страже, чтобы никто не посмел упростить язык, чтобы он никогда не превратился в мертвый.

Обратимся к истории и вспомним о двух братьях-монахах, которые положили начало всему русскому языку – Кирилле и Мефодии. Казалось бы, что может быть прекраснее, чем создание своей письменности? Но вспомним тот факт, что они создали русскую азбуку вследствие упрощения языка древних славян, чтобы Библия стала доступна всем людям.

А со временем азбука превратилась и вовсе в алфавит. Для современных людей различия между этими двумя понятиями вовсе не существует, хотя на самом деле оно колоссальное.

Современный алфавит – это обычный набор символов, которые мы используем на письме. А в славянской азбуке каждая буква имела свое название

и место, что в целом составляет мудрое наставление о том, как прожить на земле достойно. *«Азъ Буки Веди – я буквы знаю; Глаголь Добро – говори и делай добро; Есть Живете Зело Земля – в этом есть достойная жизнь на Земле; Иже Людие Мыслете Нашиъ Онъ Покой – и если так люди мыслят, они обретают всеобщую гармонию (покой); Рцы Слово Твердо – говори Слово (знание) уверенно, убеждённо»* [3].

Вследствие таких явлений возник термин «деэтимологизация». Во многих лингвистических статьях можно встретить синонимичное объединение понятий «деэтимологизация» и «опрощение». Хотя они и смежны по значению, но имеют ряд отличий и особенностей. «Представляется, что такой подход, при котором два смежных, но все-таки различающихся понятия трактуются недискретно, является неоправданным и вот почему: опрощение действительно, как правило, имеет следствием деэтимологизацию, но обратное не всегда верно: деэтимологизация не всегда предполагает опрощение морфологической структуры слова» [4]. Опрощение происходит в результате стирания морфемных границ между его компонентами. А деэтимологизация – под влиянием разных исторических фактов и эволюции. Это же подтверждает российский лингвист Николай Максимович Шанский: «Превращение членимой основы в непроемную при опрощении в подавляющем большинстве случаев сопровождается деэтимологизацией слова как номинативной единицы, в результате которой оно из мотивированного названия того или иного явления действительности и мысли становится немотивированным... Однако было бы неправильным думать, что опрощение обязательно влечет за собой деэтимологизацию и, наоборот, деэтимологизация обязательно предполагает опрощение; тем более неверно эти два совершенно различных процесса (словообразовательный и лексикологический) рассматривать недифференцированно, как это делали «казанцы» [7; 190].

По существу, все непонятные по своему происхождению слова в языке в разное время подверглись деэтимологизации. Именно нарушенные в результате этого процесса древние этимологические связи и восстанавливают своей работой этимологи. Иначе говоря, этимологи реконструируют то, что было разрушено действием деэтимологизации [5; 191].

Деэтимологизация – характерный процесс для всех языков. И по этой причине без деэтимологизации вообще не было бы этимологической науки. Если бы в языке не происходило постоянной утраты этимологических связей между словами, то у учёных не было бы никакой необходимости создавать науку этимологию, так как происхождение каждого слова оставалось бы совершенно очевидным даже для неспециалиста.

Деэтимологизация – утрата словом прежних этимологических связей, т.е. утрата смысловой связи с производящей основой, в результате чего слово из мотивированного названия предмета объективной действительности становится немотивированным названием, теряя в сознании носителей языка смысловую связь данного слова с производящей основой.

Само слово «деэтимологизация» происходит от латинской приставки *de-*, означающей отделение, отмену + греч. *Etymologia* из *etymos* – истинный, верный + *logos* – смысл, значение [6; 62]. Таким образом деэтимологизация – это отделение «истинного значения» слова.

Под влиянием истории наш язык пережил множество изменений. С середины XVII века складывалась русская нация и начинал формироваться русский национальный язык на основе московского койне. Формированию и развитию национального языка способствовало более широкое распространение письменности, образования и науки. В период русского национального языка устранялось литературное двуязычие. Со второй половины XVI века сфера употребления церковнославянского языка постепенно сужалась, и к рубежу XVII-XVIII веков он сохранился лишь как язык литургии. Церковнославянизмы, включённые в состав русского литературного языка, становились стилистически нейтральными или включались в общий разряд архаизмов и не воспринимались как элементы языка.

Нормы русского литературного языка вырабатывались в XVII-XVIII веках. К середине XVIII века складывалась устно-разговорная разновидность литературного стандарта. В 1755 году М. В. Ломоносов создал первую грамматику, закрепляющую нормы русского литературного языка («Российская грамматика»).

Еще одной причиной деэтимологизации русского языка стали всевозможные заимствования слов из иностранных языков. «Открывая окно в Европу», Петр I учредил множество нововведений во всех сферах деятельности. Вследствие этого в ближайшие три века все высшее общество и всякий благовоспитанный человек в совершенстве знал французский, а также английский и немецкий языки и объяснялся на них лучше, чем на своем родном.

Существенные изменения словарного состава были вызваны также политическими преобразованиями в русском обществе в XX веке (Октябрьская революция, распад СССР). В 1921 году А.В. Луначарским был проведен ряд орфографических реформ. Одной из них было изменение правописания приставок на *з-/с-*. Таким образом была введена приставка *бес-*. Изучение русского языка до «революции» показывает, что приставки *бес-* в нем никогда не было, а замена истинной приставки *без-* на *бес-* грубо искажает смысл слова. До 1921 года существовала только приставка *без-*, что и придавала слову значение отсутствия чего-то, а после реформы с появлением приставки *бес-*, значение которой трудно объяснить, потому что на ум приходит лишь значение прославления дьявола. К примеру, *бессердечный* (*бес сердечный*) раньше писалось *безсердечный* (*не имеющий сердца*), *бесценный* (*бес ценный*) раньше писалось *безценный* (*не имеющий цены*).

В середине XX – начале XXI веков произошла научно-техническая революция, вследствие которой появилось множество новых предметов, изобретенных за рубежом. С приходом изобретений в нашу страну приходят и

новые слова в наш русский язык. С течением времени мы осваиваем новые предметы, пользуясь ими изо дня в день, параллельно с этим мы осваиваем новые слова, обозначающие значения этих предметов. Таким образом, по сути, заимствованные слова, употребляемые нами ежедневно, постепенно приживаются в нашем языке. Поначалу они приходят, как неологизмы, но через некоторый промежуток времени становятся родными и вносятся во все словари.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод, что активное развитие науки, техники и культуры, расширение международных связей способствуют обогащению лексического фонда нашего языка.

Несмотря на все преимущества нововведений и преобразований, русский язык все больше и больше упрощается. А упрощение зачастую ведет к деградации и разрушению. Не зря некоторые лингвисты-любители утверждают, что русский язык один из самых древних на нашей планете. Так что давайте оберегать и чтить наш настоящий языковой субстрат.

Литература

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора / В. Даль. – Т.1. – С-Пб. : Печатано в типографии М.О. Вольфа, 1880. – 723 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка (современное написание слов) / В. И. Даль. – М.: «Цитадель», 1998. – 4472 с.
3. Кеслер Ярослав. Азбука : послание к славянам / Я. Кеслер [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ru/analysis/view/30246/>
4. Лаврова Н. А. О понятиях «опрошение основы», «деэтимологизация» и «контаминация» в русском и английском языках / Н. А. Лаврова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.jurnal.org/articles/2009/fill9.htm>
5. Откупщиков Ю.В. К истокам слова. Рассказы о науке этимология. Книга для учащихся. Изд. 2-е, испр. и доп. / Ю. В. Откупщиков. – М. : Просвещение, 1973. – 256 с.
6. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов : Пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.
7. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. Изд. 2-е, доп. / Н. М. Шанский. – М. : КомКнига, 2005. – 336 с.
8. Философские мысли, афоризмы, цитаты, высказывания мудрецов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.aforism.su/avtor/448.html>

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ НЕОЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Козак Наталья Вадимовна,
студентка IV курса филологического факультета

Науч. рук.: Ярошенко Н. А.,
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой общего языкознания и истории языка им. Е. С. Отина
Донецкий национальный университет

Данная статья – часть нашего исследования, которое в целом посвящено изучению неозаимствований (прежде всего, англицизмов) в современном русском языке. Актуальность статьи обусловлена тенденцией к постоянному обновлению лексического состава языка. Целью нашей статьи является определение общей сферы номинации, а также установление конкретных лексико-семантических групп в рамках рассматриваемых лексем. В связи с поставленной целью нами решались такие конкретные исследовательские задачи:

- 1) собрать фактический материал путем сплошной выборки неониминаций из соответствующих источников;
- 2) с помощью контекстуального анализа определить лексическое значение тех анализируемых единиц, которые еще не зафиксированы лексикографическими источниками;
- 3) распределить рассматриваемые слова по лексико-семантическим группам (ЛСГ);
- 4) установить наполняемость каждой из выделенных ЛСГ и при этом распределить данные ЛСГ по рангу частотности входящих в каждую из них лексем.

Объектом анализа являются неозаимствования в современном русском языке, в то время как предмет изучения составляют их семантическая структура и соотношенность с определенными сферами номинации. Авторская картотека составляет 200 неониминаций, при этом нами зафиксировано 170 контекстов. Поиск материала производился в соответствующих средствах массовой информации, как печатных, так и электронных. Это журналы «Allure», «Домашний очаг», «Cosmopolitan», «Glamour», «Joy», «Автомир», «Мир ПК», интернет-издания «Наука и жизнь», «Интерфакс-Украины», «Афиша-Еда», «Look at me», газета «Аргументы и факты» и другие за период 2001–2015 годов. При установлении факта принадлежности заимствования к группе неозаимствований мы опирались на данные словарей Л. П. Крысина [7] и Г. Н. Скляревской [9].

Большинство анализируемых нами неозаимствований пришло в русский язык из английского (и его варианта – американского английского). Таким образом, можем говорить о преобладании в русском языке неозаимствований-

англицизмов и американизмов. Основной причиной этого является мода на английский язык, а также культурное превосходство нации в отдельных сферах деятельности (информационные технологии, экономика, спорт, мода); сферы распространения англицизмов и американизмов, соответственно, тоже представлены этими областями человеческой деятельности.

На основании этого нами были выделены ЛСГ неозаимствований в современном русском языке. Таковых оказалось 17, что соответствует основным сферам человеческой деятельности.

№ п/п	Лексико-семантическая группа	Количество лексем	%
1	Информационные технологии	66	33
2	Красота, косметика	19	10
3	Мода, одежда	13	7
4	Музыка	13	7
5	Техника	13	7
6	Кулинария, еда	11	6
7	Сфера развлечений и отдыха	10	5
8	Авто	10	5
9	Наука	8	4
10	Бизнес, экономика, финансы	7	4
11	Общественные явления	7	4
12	Спорт	6	3
13	Журналистика	4	2
14	Философские учения	4	2
15	Искусство	4	2
16	Политика	3	2
17	Цвета	2	1
		200	100

Далее мы проанализируем каждую из выявленных нами ЛСГ с учетом специфики ее функционирования в современном русском языке.

1. ЛСГ «**Информационные технологии**». Русский компьютерный язык значительно обогатился заимствованиями из английского языка уже в середине прошлого века, после появления ЭВМ. В связи с постоянным обновлением и обогащением компьютерной лексики адекватнее использовать готовые английские термины, чем находить им аналоги в русском языке, которых, кстати, часто и не бывает. В нашей картотеке данная группа представлена неозаимствованиями *ip-адрес, баг, видеоблогер, инстаграм, интернет-магазин, контент, лайк, логин, онлайн-банкинг, селфер, фотошоп*. Как отмечалось ранее, эта группа – самая многочисленная и представлена 66 лексемами (33% от общего количества слов в нашей картотеке). Например: *Аналогичное приложение, напомним, год назад было выпущено компанией «Apple» и представлено внутри сети **инстаграм*** (<http://globalscience.ru/article/read/26342/>). *Обилие шпионских программ во вложениях писем говорит о*

печальной тенденции – все упорнее злоумышленники охотятся за личными данными пользователей – **логинами** и паролями от **аккаунтов**, в том числе в системах **онлайн-банкинга** и платежных системах («Донецкие новости». – 6 августа 2013 г.).

Также в данной ЛСГ были выявлены неозаимствования, образующие целые словообразовательные гнезда, что свидетельствует о частотности и продуктивности слов иноязычного происхождения. Это такие слова, как **гейм** (в знач. “игра”) – **гейм-дизайн**, **гейм-дизайнер**, **геймер**; **Интернет** – **интернет-магазин**, **интернет-радио**; **кеш** – **кеширование**, **кеш-память**; **онлайн** – **онлайн-банкинг**, **онлайн-кинотеатр**, **онлайн-проект**, **онлайн-торговля**. Например: ASUS продолжает выпускать звуковые карты для **геймеров** («Мир ПК». – 2015. – №7–8. – С. 10).

2. ЛСГ «**Красота, косметика**». В связи с широким распространением косметических средств зарубежного происхождения в современном русском языке наблюдаются заимствования и в понятийной сфере «Красота, косметика». Как правило, такие неозаимствования не имеют аналогов в русском языке в силу специфики обозначаемых реалий. Всего таких слов нами зафиксировано 19, что составляет 10%: **консилер**, **лайнер** (в знач. “подводка для глаз”), **праймер**, **скраб**, **стробинг**, **хайлайтер**, **шиммер**. Например: Также обращайте внимание на текстуру **лайнера** – она может быть матовой или глянцевой («Домашний очаг». – 2014. – № 1. – С. 32). **Филлеры** для волос действуют так же, как и **праймеры** для лица: благодаря силиконам, растительным маслам и специальным молекулам они заполняют поврежденные участки волос и делают их более плотными, гладкими и упругими» («Glamour». – 2014. – № 1. – С. 180).

Сама лексема **красота** в профессиональных кругах заменяется на неозаимствование **бьюти** и используется как с исконными словами, так и с другими заимствованиями, образуя при этом абсолютно новые понятия: **бьюти-блогер**, **бьюти-корнер**, **бьюти-мир**, **бьюти-хит**, **бьюти-эксперт**. Например: Еще одно изобретение, которое свело с ума **бьюти-мир** – ультразвуковой прибор для очищения кожи Clarisonic («Allure». – 2014. – № 1. – С. 48).

3. ЛСГ «**Мода, одежда**». Еще одной многочисленной лексико-семантической группой является понятийная сфера одежды и моды в целом. Это связано, в первую очередь, с появлением на мировом рынке модных товаров, чьи названия не имеют аналогов в других языках. Стоит отметить, что в данной группе наблюдаются заимствования не только из английского, но и из французского языка. Таковыми являются, например, слова **ботильоны**, **пайетки**, **ню-лук**, **стритстайл**, **тренд**. Всего нами зафиксировано 13 слов данной ЛСГ (7%). Например: Звезды **стритстайла** спешно расширяют гардероб – пышным пуховикам требуется немало места, ведь болеть и мерзнуть абсолютно не модно. («Glamour». – 2014. – № 12. – С. 130). Нужно всего лишь составить ансамбль из актуального платья, расшитого **пайетками**, косухи и **ботильонов** на высоком каблуке («Joy». – 2014. – № 1. – С. 22).

4. ЛСГ «Музыка». В музыкальной индустрии также наглядно реализуется процесс заимствования. Так, здесь используются слова иноязычного происхождения, обозначающие новые музыкальные стили и течения (*прог-рок-группа*), а также названия основных музыкальных понятий (*саунд*, *трек*) и технических средств (*сэмплер*). Слова музыкальной сферы представлены в нашей картотеке 7% (13 лексем). Например: *Как и в случае с прог-рок-группами, ваша музыка довольно интересно устроена – не хотели бы вы попробовать сыграть её с оркестром или записаться с ним?* (<http://www.lookatme.ru/mag/people/experience/216273-rustie-attak>). *Последний миллион лет музыка была непосредственно связанной с эмоциональной составляющей, была достаточно абстрактной, а теперь у нас есть микрофоны и сэмплеры* (<http://www.lookatme.ru/mag/people/experience/216047-conversation-with-herbert>).

5. ЛСГ «Техника». Данная группа представлена наименованиями новейших технических средств, в основном бытовых. В нашей картотеке таковых зафиксировано 13 лексем (7%): *айфон*, *капучинатор*, *нетбук*, *стайлер*. например: *Компания Apple представит миру новый айпод* (<http://globalscience.ru/article/read/26553/>).

6. ЛСГ «Кулинария, еда». Кулинария становится все более интернациональной, что не может не сказаться на названиях блюд (*макаруны*, *фондю*), способах приготовления (*аль денте*), а также новых профессиях, связанных с этой понятийной областью (*гастроблогер*, *гастрожурналист*). Всего мы выявили 11 лексем (6%). Например: *В меню закусок внесите: свежие фрукты и овощи, сыр, крекеры и макаруны* («Домашний очаг». – 2014. – № 1. – С. 12).

7. ЛСГ «Сфера развлечений и отдыха». К данной ЛСГ относится 10 слов (5%): *воркшоп*, *коктейль* (в знач. «вечеринка»), *дресс-кроссинг-вечеринка*. Например: *Добавив массивное кольцо и красную помаду, можно смело отправляться в этом наряде на светский коктейль* («Allure». – 2014. – № 1. – С. 65).

8. ЛСГ «Авто». В данную группу вошло 10 слов (5%), связанных с автомобильной отраслью. В основном это новые названия моделей: *компактвэн*, *кроссовер*, *седан*, *хэтчбек*. Например: *Российское представительство Audi открыло прием предварительных заказов на обновленный кроссовер Q3* («Автомир». – 2014. – № 48. – С. 6).

9. ЛСГ «Наука». Научное взаимодействие разных стран обуславливает и появление интернациональных терминов в современном русском языке. В нашей картотеке эта ЛСГ представлена 8 лексемами (4%), называющими новые науки (*астрохимия*, *нейроэкономика*), научные термины (*иммуноблотинг*) и материалы (*графен*). Например: *Как известно, графен – это один из материалов, которые используются в современной физике в исследованиях конденсированного состояния вещества* (<http://globalscience.ru/article/read/25699/>).

10. ЛСГ «Бизнес, экономика, финансы». Результатом влияния на нашу экономику распространенных на Западе методов экономического и

финансового управления стали, в том числе, и новые термины (*диджитал-агентство, стартап, фриланс*). Таковых в нашей картотеке 7, что составляет 4%. Например: *Разработку этих устройств осуществляет компания Activelink – стартап, созданный Panasonic в 2003 г.* («Мир ПК». – 2015. – № 7–8. – С. 8).

Наименее малочисленными в нашей картотеке являются группы, относящиеся к сферам спорта, журналистики, искусства, политики и др. Эти сферы наименее расположены к принятию иноязычной лексики. Это говорит о том, что в данных понятийных областях существует устоявшаяся терминология, которая позволяет осуществлять межкультурную коммуникацию без ущерба для смыслового содержания. Например: *С начала 2015 года в МВД зафиксировали 2383 правонарушения в сфере киберпреступности.* (http://dengi.ua/news/135448_Vidy_moshennichestva_v_seti_.html). *Колумнист Glamour Яна Чурикова, глава канала «MTV Россия» и ведущая Первого канала, давно поняла, как делать подарки мужчине* («Glamour». – 2014. – № 12. – С. 154).

Таким образом, в ходе нашего исследования была выявлена общая сфера номинации, а также установлены и описаны конкретные лексико-семантические группы неозаимствований в рамках анализируемых лексем. Нами выявлена наиболее многочисленная лексико-семантическая группа иноязычных слов. Это тематическая группы, связанная со сферой информационных технологий (66 лексем, или 33% от общего числа слов в картотеке). Данное наблюдение свидетельствует о постоянном пополнении словарного состава современного русского языка именно путем заимствования слов из этой сферы деятельности.

Литература

1. Бондарец О. Э. Иноязычные заимствования в речи и в языке: лингвосоциологический аспект / под ред. Г. Г. Инфантовой. – Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2008. – 144 с.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке : уч. пособ. для студ. вузов / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 304 с.
3. Дашенко О. И. Лексические инновации в современном русском языке и их источники / О. И. Дашенко // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках. – Днепропетровск, 2005. – С. 121–124.
4. Земская Е. А. Новое в лексике – новое в словообразовании / Е. А. Земская // Актуальные проблемы русского словообразования. – Елец, 2001. – С. 6–9.
5. Касаткин Л. Л. Русский язык: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, Л. П. Крысин и др. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 768 с.
6. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – 1996. – С. 142–161.

7. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : Изд-во Эксмо, 2006. – 944 с.

8. Попова Т. В. Русская неология и неография / Т. В. Попова. — Екатеринбург : ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005. — 96 с.

9. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. – СПб. : Изд-во «Фолио-Пресс», 1998. – 870 с.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

Контурская Екатерина Викторовна,
студентка III курса факультета экологии
и химической технологии

Науч. рук.: Стеценко Н. М.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры украинского и русского языков
Донецкий национальный технический университет

Жизнь любого человека, реалии культуры любого народа «закодированы» в числах. Каждый знает дату своего рождения, количество прожитых лет, число членов своей семьи, номер дома, где он живет и т.д. Категория количества – одна из многогранных и сложных категорий человеческого мышления, поэтому не удивительно, что ее изучение вызывает интерес ученых самых различных областей наук – психологии, философии, культурологии, лингвистики.

Числа имеют в культурной системе символов дополнительные, символические значения и поэтому являются семиотическими полифункциональными знаками. Примеры фразеологических оборотов говорят нам о достаточно частом применении слов со значением количественности.

Цель работы – проанализировать наиболее употребительные числительные в русской языковой традиции на примере фразеологических оборотов.

О важности и актуальности изучения числительных свидетельствуют многочисленные примеры высказываний знаменитых ученых. Например, Галилео Галилей утверждал, что природа говорит языком цифр. Каждый тон, звук, предмет имеет соответствие в числе [2]. «Числа – это неотъемлемое орудие современной цивилизации, используется для упорядочения сферы ее деятельности», – писал Ф. Дэвис. «Все вещи можно представить с помощью чисел. Числа правят миром и являются его сущностью», – такой простой формулой греческий ученый и философ Пифагор определил смысл своих многочисленных исследований. Он считал, что числами можно передавать духовные истины, за каждым числом скрывается какая-то тайна, числами можно закодировать мудрость всего, что есть в мире, они несут добро и зло, счастье и несчастье. Карл Вейерштрасс, известный благодаря своим

математическим открытиям, говорил, что математик, который не является хотя бы частично поэтом, никогда не станет совершенным математиком: чистая математика также искусство.

Каждое число обладает своей символикой. Помимо абстрактного количественного или порядкового значения, число в языке народной культуры наделяется неким дополнительным смыслом, приобретает определенную коннотацию, становится объектом оценки и символизации. Числа часто трактуются как опасные, им придается магический смысл, с их помощью, по народным представлениям, можно овладеть предметом счета, подчинить его своей воле; Эти действия часто приписываются колдунам, персонажам нечистой силы. Рассмотрим символику чисел в русской культуре [4].

Число один символизирует *духовное единство, целостность, единую природу всего сущего*. В русских фразеологизмах находим примеры такого применения числительного один: *одного поля ягоды; одним миром мазаны; одно на уме; один в поле не воин; один дурак может семерых умных переспорить; один человек всего знать не может; из-за одного слова навек ссора; с одного вола не две шкуры; один ум хорошо, а два лучше и т.д.*

Число два – это женское число. Это число всегда было символом *дуализма, двойственности, союза, противостояния духовного и материального миров, единства и борьбы противоположностей*. Во многих культурах существуют понятия о двух загробных мирах, куда попадают после смерти души умерших людей (ад и рай). Известны такие пословицы и поговорки с числом два: *горе на двоих – полгоря, радость на двоих – две радости; два сапога – пара; двух зайцев гонять – ни одного не поймать; как две капли воды; одно доброе сердце лучше двух хороших кафтанов*.

Число три в русской православной традиции связывается прежде всего с представлением о *божественном триединстве Отца, Сына и Святого Духа*. Однако значимость тройки проявилась не только в русской религиозной мысли, но и в знакомых нам сказках и в бытовых традициях. В фольклоре мы встречали *трех богатырей*, которые должны были победить *трехголового Змея Горыныча*. У героя было *три желания*, он подвергался *трем испытаниям*, оказывался на распутье из *трех дорог*. *Троекратный поцелуй* на счастье стал русским символом. Самыми известными народными высказываниями с числом три являются: *не узнавай друга в три дня – узнавай в три года; обещанного три года ждут; наговорил с три короба, третий – лишний*.

Число четыре связано с понятием *постоянства, устойчивости*. Примеры идеи четверичности находим в *четырёх сторонах света, четырёх мифологизированных ветрах, четырёх Евангелиях, четырёх стихиях (вода, огонь, земля, воздух), четырёх направлениях движения (вперед, назад, влево, вправо), четырёх временах года и т.д.* Примеры числительного четыре в народном фольклоре такие: *без четырёх углов изба не рубится; жить в четырёх стенах; конь о четырёх ногах, да и то спотыкается; на все четыре стороны; в чистом поле четыре воли*.

Число пять играло в мифологии важную роль. Древние люди были убеждены, что солнце пляшет пять раз в году. Иногда пятерка рассматривалась на Руси как символическое обозначение брака, а также как *число единения человека с Всевышним*. Почитание пятёрки опиралось в русской традиции не только и не столько на языческие корни, сколько на христианские истоки. Пятерка воспринималась в средние века как знак мистического соединения земной церкви со Спасителем. Кроме того, пять является сакральным числом, олицетворяющим высшую власть. Фразеологизмов с цифрой пять очень мало, но самыми известными из них являются: *пятое колесо в телеге, знать как свои пять пальцев, рассказывать с пятого на десятое*.

Число семь – символ святости, здоровья, небесное число. В древние времена его считали мистическим, священным. Наши предки считали его также совершенным. С древности идет традиция *семидневной недели*. Астрология в течение тысячелетий знала только *семь планет* (Солнце, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн). Семеричность – один из наиболее распространенных мотивов славянской народной культуры: *7 цветов спектра, 7 тонов в музыке; 7 героев в фольклорных сюжетах* и т. п. Известны такие пословицы и поговорки с числом семь: *для бешеной собаки семь верст не круг; дождай год и семь суббот; лук – от семи недуг; семеро одного не ждут; седьмая вода на киселе; семь пятниц на неделе*.

Число девять весьма часто встречается в русской традиции, где оно может связываться с календарной тематикой. В славянских сказках змей бывает *9-головым, а ведьма имеет 9 братьев*. Согласно русским преданиям, медведь встает из берлоги *9 марта*. *Девятая неделя* после Пасхи всегда очень почиталась. Русская народная сказочная традиция украшала демонического змея тремя, но гораздо чаще *трижды три, то есть девятью головами*. Наиболее часто числительное «девять» встречается в таких выражениях народного творчества: *добрая земля назём раз примет, да девять лет помнит; девятый месяц на свет нарождает; уступив однажды, девять раз останешься в выигрыше; девятый вал роковой*.

В русских фразеологизмах встречаются все числительные первого десятка: *одного поля ягода, от горшка два вершка; в три погибели, в четырех стенах; пятое колесо в телеге, семеро по лавкам; девятый вал; десятая вода на киселе. Также можно встретить числа 25, 40, 100: опять двадцать пять; сорок раз по сорок; сто к одному* [1].

Необходимо подчеркнуть, что изучение фразеологизмов с числительными в русском языке должно опираться на совокупность таких факторов, как религиозные взгляды, менталитет нашего народа, символика, которые являются решающими в формировании содержания этой лексики. В исследуемых примерах числительное представляет собой единицу, которая может не иметь прямого числового выражения, но является мистическим символом числа согласно народным представлениям.

Таким образом, наиболее употребительные числительные в русских фразеологических оборотах – это слова *один, два, три, четыре, семь, девять*.

Каждое из чисел имеет, помимо прямого обозначения количества, имеет символическое значение согласно русской языковой традиции и народным представлениям.

Литература

1. Бирих А. К. и др. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 2001.
2. Галилео Галилей Избранные труды (перевод А.И. Долгова) в 2-х томах. Т.1. – М. : «Книга по требованию», 1964. – 364 с.
3. Супенко С. Роль і місце числівників у мовній культурі людини / С. Супенко // Мовна культура фахівця у контексті сучасності : збірник наукових статей VI міжвузівської студентської науково-практичної конференції 22 квітня 2014 року. – Донецьк : ДВНЗ «ДонНТУ», 2014. – 200 с.
4. Шабі С. Фразеологізми із семантикою кількості у мові української казки / С. Шабі // Лінгвістичні дослідження: Зб. наукових праць ХНПУ ім. Г. С. Сковороди. – Харків, 2013. – С. 69–75.

ГОЛОС И ЕГО ОСНОВНЫЕ КАЧЕСТВА

Котельников Владислав Дмитриевич,
студент II курса института экономики и управления

Науч. рук.: Сереброва С. Б.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингводидактики
**Донецкий национальный университет экономики
и торговли им. М. Туган-Барановского**

Голос и его основные характеристики, обучение постановке правильного звучания имеют большое значение. Анализируя свой голос или слушая других, можно понять, как отражается в нем умственное, физическое и эмоциональное состояние. Важность обуславливается это тем что в современном информационном обществе всё большее значение обретают интеллектуальные виды деятельности, которые требуют от человека умение красиво и понятно излагать свои мысли. Анализируя свой голос или слушая других, можно понять, как отражается в нем умственное, физическое и эмоциональное состояние. Целью данной работы является изучение основных качеств голоса, рассмотрения системы работы над голосом и развития речевого аппарата.

Голос – это звук, образуемый в гортани колебанием приближенных друг к другу напряженных голосовых связок под давлением выдыхаемого воздуха. Главные качества любого голоса – это сила, высота, тембр [1].

Сила голоса – это его громкость, зависящая от активности работы органов дыхания и речи. Человек должен уметь варьировать силу голоса в зависимости от условий коммуникации. Поэтому одинаково необходимо умение говорить, как громко, так и тихо.

Высота голоса – это его способность к тональным изменениям, то есть его диапазон. Для обычного голоса характерен диапазон в полторы октавы, однако в бытовой речи человек чаще всего использует лишь 3–4 ноты. Расширение диапазона делает речь выразительнее.

Тембром голоса называют его неповторимую индивидуальную окраску, которая обусловлена строением речевого аппарата, главным образом характером обертонов, образующихся в резонаторах – нижних (трахея, бронхи) и верхних (полость рта и полость носа). Если нижними резонаторами мы не можем произвольно управлять, то использование верхних резонаторов может поддаваться совершенствованию.

Для хорошо поставленного голоса характерны еще и такие свойства, как благозвучность, полётность, подвижность [2].

Под благозвучностью голоса понимается чистота его звучания, отсутствие неприятных призвуков (хрипоты, сиплости, гнусавости и т.п.). В понятие благозвучности включается прежде всего звонкость. Голос звучит звонко, когда он резонирует в передней части полости рта. Если же звук формируется у мягкого неба, он получается глухим и тусклым. Звонкость голоса зависит и от собранности звука (его концентрации у передних зубов), от направленности звука, а также от активности губ.

Полётность голоса – это его способность быть хорошо слышимым на значительном расстоянии без увеличения громкости.

Подвижностью голоса – это его способность без напряжения меняться по силе, высоте, темпу. Эти изменения не должны быть произвольными, у опытного оратора изменение определенных качеств голоса всегда преследует определенную цель.

Язык принимает активное участие в образовании большинства звуков речи. От его работы во многом зависит отчетливость речи. Особые трудности возникают при произнесении слов со стечением согласных, когда необходимо быстро переключить движение языка с одного положения на другое [3].

Для укрепления мышц языка, улучшения его подвижности и переключаемости, перед тем как использовать упражнения в произнесении звуков, слов и фраз со стечением согласных, четко отработайте следующие движения: 1. Высуньте язык наружу и произведите им движения влево, вправо, вверх, вниз; 2. Высуньте наружу язык и произведите круговые движения слева направо, затем наоборот – справа налево; 3. При открытом рте и слегка высунутом языке сделайте его широким, узким, чашечкой (кончик и боковые края слегка приподняты). 4. Слегка приподнятым напряженным кончиком языка "почистите" верхние зубы с наружной и внутренней стороны, в направлении от внутренней стороны зубов к наружной и наоборот [3].

Контроль за правильностью выполнения движений осуществляйте при помощи зеркала. Добейтесь, чтобы все движения языком выполнялись легко и свободно, без особого напряжения.

Упражнения в четкости произнесения согласных звуков в слогах:

Прочтите слоги.

1. Па, по, пу, пы, пэ, пя, пё, пю, пи, пе, та, то, ту, ты, тэ, тя, тё, тю, ти, те, са, со, су, сы, сэ, ся, сё, сю, си, се, жа, жо, жу, жи, же.

2. Ап, оп, уп, ып, эп, ат, от, ут, ыт, эт, ас, ос, ус, ыс, эс, аш, ош, уш, ыш, эш.

Упражнения в четкости произнесения слов со стечением согласных звуков:

Прочтите вслух слова со стечением двух, трех и четырех согласных звуков: вход, вложить, поклажа, турист, карта, клумба, служба, хвост, смахнуть, смекнуть, собрать, плотва, штамп, прыщ, чванливый, взвод, вплавь, вплести, вправить, сдвинуть, искра, раскармливать, холст, взгляд, гротескный, груздь, застлать, мгновение, сгладить, столбняк, сгладить, столбняк, ствол, ястреб, костры, шпроты, всплыть, вскрыть, здравница, схватка, встретить, надсмотрщик, обмундирование, остратка, метростроевец, дуршлаг, странствие, транскрипция.

Упражнения в четкости и ясности произнесения звуков и слов во фразовой речи:

Для отработки четкости и ясности произнесения согласных звуков и слов полезно использовать скороговорки, которые построены на сочетании согласных звуков, трудных для произношения. Чтение скороговорок следует начинать в замедленном темпе, отчетливо произнося при этом каждое слово и каждый звук. Постепенно ускоряйте темп, но следите за тем, чтобы четкость и ясность произнесения не снижалась. Небольшие скороговорки произносите на одном выдохе. Соблюдайте плавность и слитность их произнесения.

Дальнейшее закрепление хорошей дикции осуществляется при чтении вслух поэтических и прозаических текстов. При этом первое время необходимо продолжать следить за работой губ, языка, нижней челюсти, за отчетливым произнесением гласных звуков (ударных и безударных), за четким произнесением согласных, но не допускать при этом усиленного или подчеркнутого их произнесения.

Каждое упражнение отрабатывается до тех пор, пока оно не будет выполняться легко и свободно, без особого напряжения.

При работе над дикцией необходимо учитывать правильное использование речевого дыхания и голоса. Так, при произнесении скороговорок необходимо правильно доносить их содержание, уместно делать паузы, своевременно добирать воздух.

Занятия по отработке хорошей дикции проводятся ежедневно по 10–15 минут. Переход к следующему упражнению осуществляется только после того, как будет достаточно четко отработано предыдущее.

Развитию голоса следует уделять достаточно времени, ведь наш голос (как и магнетический взгляд) это могущественный инструмент, с помощью которого

можно очаровать или оттолкнуть человека усыпить его или напротив, расшевелить.

Если вы стремитесь к совершенству, если для вас «саморазвитие личности» и «личностный рост» не просто слова, уделите внимание развитию голоса. Пять простых упражнений для развития голоса от французского профессора вокала Филиппа-Николя Мело (автор курс «Обрести свой голос»), помогут вам решить основные проблемы с собственным голосом [4].

Упражнения для развития голоса № 1

К левому уху приложите левую руку, сделав из нее «ракушку» – это будет наушник. Правая станет микрофоном – поднесите ее ко рту. Громко, играя со звуком, произносите разные слова и предложения, считайте, пойте. Вы сможете улучшить звучание собственного голоса, если будете понимать, как именно его слышат окружающие. Это упражнение следует выполнять ежедневно в течении 9 дней по 5–10 минут.

Упражнения для развития голоса № 2

Выполняйте зарядку для лица. Ее цель – передав основную работу губам и диафрагме, освободить горло. Произносите слоги «кью-икс»: на «кью» округляете губы, а «икс» произносите с широкой улыбкой. Повторите это упражнение тридцать раз, а после, чтобы убедиться в его пользе произнесите короткую речь. При выступлениях и длительных монологах будут меньше утомляться голосовые связки, а мышцам рта будет проще выполнять команды, посылаемые мозгом.

Упражнения для развития голоса № 3

Один раз в день, по 5–10 минут громко читайте любой текст, но только без согласных звуков. Например, фраза «Упражнения для развития голоса помогут мне продвинуться вверх по карьерной лестнице» звучать будет как «у-а-е-и-я-я-а-и-и-я-о-о-а-о-о-у-е-о-и-у-я-е-о-а-е-о-е-и-е». После прочитайте тот же текст, но только уже без гласных. Голос, таким образом, обретет интенсивность звучания и вибрации, понимать вас будут лучше, и при этом вы не будете уставать.

Упражнения для развития голоса № 4

Положив руки на солнечное сплетение и стараясь, чтобы звуки исходили именно из области живота, произнесите любой текст. При этом надо вспомнить что-то, что в последнее время вас очень рассердило. Выпустите гнев, широко открывая рот и четко произнося согласные.

Старайтесь как можно чаще таким образом выражать свои эмоции – гнев, грусть или радость. Голос станет менее официальным, более насыщенным и искренним.

Упражнения для развития голоса № 5

Стоя босиком и спокойно дыша, надувайте живот при каждом вдохе. Медленно переносите упор стопы с носка на пятку и обратно. Продолжите это упражнение с закрытыми глазами. Вы потеряете равновесие, если ваша энергия будет в большей степени сконцентрирована в области головы. Не контролируйте себя, расслабьтесь и полностью сосредоточьтесь на стопах.

Тембр вашего голоса станет богаче, если вы научитесь распределять энергию и лучше будете чувствовать свое тело.

В заключение стоит сказать, что совершенствовать свой голос должен каждый человек вне зависимости от образа жизни и профессии, так как человек говорящий красиво имеет возможность легко налаживать связь с другими людьми, а также красивый голос может способствовать карьерному росту. Человек, владеющий внятной речью и умением выступать публично, хорошо подходит для руководящих должностей и высоких постов. Чтобы ваш голос стал по настоящему красивым, следует регулярно выполнять упражнения, описанные выше.

Литература

1. Основные свойства голоса [Электронный ресурс] : Техника речи – Режим доступа : <<http://technics-speech.ru/svgolos.html/>>
2. Основные характеристики и свойства голоса [Электронный ресурс] : Центр обучения: Решение / Режим доступа : <<http://www.sibkursy.ru/pages/staty/speech/3-golos/>>
3. Упражнения для развития мышц языка [Электронный ресурс] : Логопед / Режим доступа : <<http://www.logoped.ru/big04.htm/>>
4. Упражнения для развития голоса [Электронный ресурс] : Конструктор успеха / Режим доступа : <<http://constructorus.ru/samorazvitie/uprazhneniya-dlya-razvitiya-golosa.html>>

ОСОБЛИВОСТІ ПЕРЕКЛАДУ ДВОСКЛАДОВИХ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ З УКРАЇНСЬКОЇ НА АНГЛІЙСЬКУ МОВУ

Марченко Ірина Юріївна,
студентка IV курсу філологічного факультету

Наук. кер.: Кудрейко І. О.,
кандидат філологічних наук,
зав. кафедри української філології і прикладної лінгвістики
Донецький національний університет

Проблема перекладу є однією з найактуальніших проблем сучасності, тому що зростає потреба в якісному перекладі в різноманітних сферах діяльності: торгівельній, банківській, у сфері менеджменту, маркетингу, логістики тощо. Разом із тим, чималим є значення наукового перекладу, який може реалізувати себе в таких спеціалізованих галузях науки як лінгвістика, літературознавство, лінгвокраїнознавство, перекладознавство тощо.

Кожна розвинена мова, як відомо, має у своєму складі значну кількість стійких словосполучень – фразеологізмів, постійно вживаних носіями мови у звичному, усталеному оформленні, що виражають думки й сподівання мовців, їхню історію, побут, культуру, єднають покоління. Вони якнайкраще передають дух і красу мови, що створив народ протягом віків для потреби спілкування в усній і писемній формах.

Фразеологія національної мови збагачується та вдосконалюється, вбираючи в себе безцінні скарби з приказок і прислів'їв, афоризмів і професіоналізмів, анекдотів, дотепів і каламбурів, мовних штампів – з усього того, що впродовж багатьох віків плекає й зберігає у своїй пам'яті народ. Цим пояснюється актуальність дослідження обраної теми.

Метою роботи є розкриття особливостей перекладу двоскладових фразеологічних одиниць з української мови на англійську. Мета передбачає розв'язання таких завдань: 1) дати визначення поняття «теорія перекладу», дослідити його виникнення, етапи розвитку; 2) ідентифікувати поняття «фразеологізм», виявити його загальні ознаки; 3) дослідити особливості перекладу фразеологічних одиниць.

Переклад – це, поза сумнівом, дуже давній вид людської діяльності. З появою в історії людства групи людей, мови яких різнилися, виникли й «білінгви» (люди, як володіли двома мовами), що полегшувало спілкування в «різномовному» колективі. З появою писемності до цих, так званих, усних перекладачів-«товмачів» приєдналися і перекладачі письмові, які візуально сприймали текст, а переклад оформлювали письмово (переважно офіційного, релігійного й ділового характеру). Поширення письмових перекладів відкрило людям широкий доступ до культурних надбань інших народів, сприяло взаємодії і взаємозбагаченню літератур і культур [3].

Вивченням питань перекладу фразеологізмів займалися такі відомі дослідники, як В. В. Виноградов (розгляд загальних теоретичних питань сучасного перекладу, способів і прийомів роботи з лексичним матеріалом, фразеологічних одиниць в оригіналі й під час перекладу), В. Н. Комісаров (лінгвістичні аспекти теорії перекладу, розробка методів навчання перекладачів), В. В. Коптілов (теорія та практика перекладу, розробка словників крилатих виразів української літературної мови), О. В. Кунін (підручники з фразеології англійської мови, словник, у якому зібрано більше двадцяти тисяч англійських фразеологізмів), Р. П. Зорівчак (вивчення особливостей перекладу реалій, або безеквівалентної лексики).

Першими теоретиками перекладу були перекладачі, які прагнули узагальнити свій власний досвід, а іноді й досвід своїх побратимів за професією. Основи наукової теорії перекладу почали розроблятися лише із середини ХХ ст., коли перекладацька проблематика привернула увагу мовознавців.

Фразеологія – це наука про фразеологічні одиниці, тобто про стійкі сполучення слів з ускладненою семантикою, які не утворюються за структурно-семантичними моделями змінних сполучень, що їх утворюють [4]. Наприклад, слово *втекти* має значення *швидко рухатися бігом звідкись*. І таке ж саме значення має фразеологізм *накивати п'ятами*. Тобто ми можемо поставити знак тотожності між словом *втекти* та стійким сполученням слів *накивати п'ятами*. Відповідно, фразеологізм є одним членом речення.

Розуміння поняття «фразеологізм» вимагає виокремлення принаймні основних, категоріальних ознак фразеологізму. Такими є цілісність значення, фразеологічна відтворюваність, відносна постійність компонентного складу та структури, експресивність.

Однією з основних особливостей фразеологічних одиниць є ідіоматичність. Саме через цю характеристику загальне значення фразеологізму не дорівнює сумарному значенню його компонентів, часто це значення не має нічого спільного із значеннями слів, що входять до нього: *to show white feather* – *бути боягузом*; *to wear one's heart upon one's sleeve* – *відверта душа*; *long in the tooth* – *порохня сиплется*.

Багато фразеологізмів виникли на основі якогось історичного факту: *to dine with Duke Humphrey* – *залишитися без обіду* (певний час боржники в Лондоні ховалися від своїх кредиторів у Соборі святого Павла, де, серед інших, знаходиться і гробниця герцога Гамфрі; на запитання, де він буде обідати, боржник відповідав, що обідатиме з герцогом, тобто ніде).

Фразеологічні одиниці, з точки зору перекладу, можна поділити на три групи:

- до першої групи належать фразеологічні одиниці, що мають повну образну та змістову відповідність у мові оригіналу та в мові перекладу: *cold as ice* – *холодний, як лід*; *sweet as honey* – *солодкий, як мед*; *the horn of plenty* – *ріг достатку*;

• до другої групи входять фразеологічні одиниці, що виражають ту саму думку, але за допомогою іншого образу: *as old as the hills* – старий, як світ; *as hungry as a hunter* – голодний, як вовк(собака, пес); *give smb. hell* – задавати жару;

• до третьої групи зараховують такі фразеологічні одиниці, що не мають собі подібних в українській мові: *as brown as a berry* – дуже темний, дуже загорілий, шоколадного кольору; *to go to town* – робити щось швидко та енергійно; *tickled pink* – бути дуже задоволеним.

Подамо основні способи перекладу фразеологічних одиниць:

1) найкращий спосіб – передати фразеологізм фразеологізмом. Це є можливим тоді, коли англійська та українська мови запозичили фразеологічний зворот з інших мов (найчастіше класичних): *strike while the iron is hot* – куй залізо, поки гаряче; *fortune's wheel* – колесо фортуни; *a clear conscience* – чиста совість;

2) переклад фразеологічним аналогом, тобто використання в українській мові фразеологічних одиниць, які мають те саме значення, але які побудовані на іншому образі. При такому перекладі слід враховувати, що український образ повинен бути нейтральним щодо національного забарвлення: *can the leopard change his spots* – природу не виправиш, горбатого могила справить; *a fall guy* – козел відпущення; *forlorn hope* – пропаша душа;

3) переклад калькою, тобто спроба скопіювати англійський образ і створити свою фразеологічну одиницю. При такому способі треба пам'ятати, що:

• образ має бути зрозумілим, тобто метафоричне, переносне значення повинно виходити з прямого значення: *little pitchers have long ears* – у малих дітей великі вуха; *smb's number has come up* – проспівана пісенька; *to save one's life* – хоч убий;

• якщо в перекладі є реалія, то вона повинна бути зрозумілою українському читачеві: *to carry coal to Newcastle* – ніхто не возить вугілля в Ньюкасл; *a Cadmean victory* – кадмейська перемога (перемога, що дісталася дорогою ціною); *Adam's sale* – "вино Адама";

• перекладові слід надати форму фразеологізму: *Rome was not built in a day* – не зразу Рим будувався; *too much water drowned the miller* – доброго потрошку; *pull yourself together* – взяти себе в руки;

4) описовий переклад, відмова від перекладу фразеологізмом: *to cut off with a shilling* – залишити без спадщини; *to show smb's true colors* – постати у своєму справжньому вигляді; *to paint the town red* – вдаватися до гучних веселощів.

Отже, найкращим способом перекладу образної фразеології є використання відповідного фразеологізму в рідній мові. Застосування цього способу перекладу забезпечує не тільки передачу змісту, але й відтворення образності й експресивності англійського виразу.

За відсутності безпосередніх відповідників вихідний фразеологізм можна перекласти шляхом пошуку аналогічної фразеологічної одиниці, що має

спільне значення з вихідним. При цьому слід пам'ятати про те, що часто схожі за значенням, але різні за формою фразеологічні одиниці в різних мовах мають різне емоційно-асоціативне забарвлення і не завжди взаємозамінні.

У будь-якому випадку під час роботи із фразеологічними одиницями в вихідному тексті перекладач, окрім власної пам'яті, може покладатися на цілий ряд тлумачних фразеологічних словників. Варто зауважити, що вивчення ідіому сприяє вирішенню проблем міжкультурної комунікації, а також є корисним для людей, які вивчають англійську мову.

Література

1. Авксентьев Л. Г. Фразеологична одиниця як предмет фразеології та її основні ознаки / Л. Г. Авксентьев // Мовознавство. – 1979. – № 5. – С. 13–17.
2. Виноградов В. В. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. В. Виноградов. – М. : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – С. 4–5.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – С. 34.
4. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – Русский язык, 1984. – 945 с.
5. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка / А. В. Кунин. – М. : Междунар. отношения, 1972. – С. 6–7.
6. Олійник І. С. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний тлумачний словник / І. С. Олійник, М. М. Сидоренко. – К. : Радянська школа, 1991. – 398 с.
7. Сучасний фразеологічний словник української мови / за заг. ред. А. П. Яреценка. – Харків : Торсінг плюс, 2009. – 640 с.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРАФФИТИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ г. ЛУГАНСКА

Молодцов Алексей Борисович,
студент III курса филологического факультета

Науч. рук.: Соболева И. А.,
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой русского языкознания
и коммуникативных технологий

Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

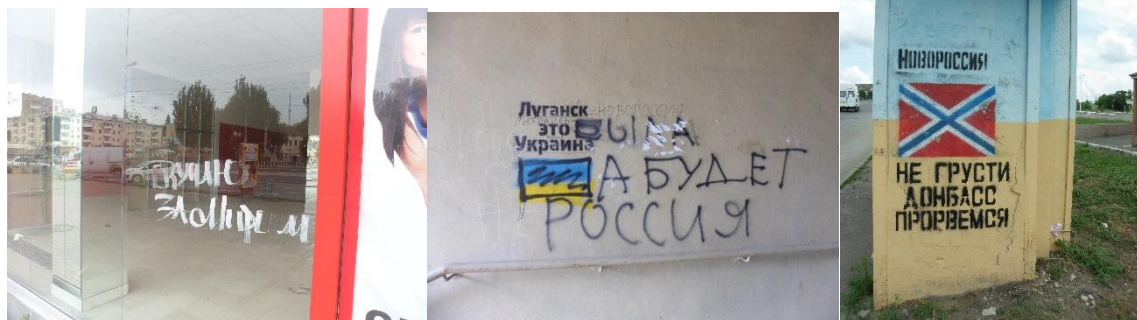
Граффити – неотъемлемая часть жизни современного города и даже меньших населенных пунктов. Создаваемые преимущественно молодежью, которая, как известно, всегда настроена революционно, граффити порождают все больше вопросов, например, о своей принадлежности к искусству, о своем вандалистском характере, о своей роли на новом этапе развития межкультурных и общественных отношений, о своей языковой природе. Важно дать характеристику этому явлению, чтобы осознать его сущность.

Актуальны слова Л. П. Крысиной: «Происходящие в последние годы радикальные политические и социально-экономические преобразования заметно повлияли на структуру и характер городской коммуникации <...> Общими тенденциями в изменении характера городской коммуникации являются следующие:

- **усиление диалогизации** устного городского общения;
- **усиление личностного начала;**
- **возрождение карнавальной стихии** в жизни города» [4].

Предметом нашего исследования являются граффити в социокультурном пространстве Луганска. Объектом – политические граффити Луганска. Последние социально-политические события сильно повлияли на жизнь населения и не могли пройти бесследно, ведь они вызвали кризисные, резкие, основательные перемены.

Примеры политических граффити в Луганске:

Большой толковый словарь дает следующее определение: «Граффити, неизм.; мн. [итал. graffiti] 1. Древние и средневековые рисунки и надписи магического, бытового и т.п. характера, нацарапанные на металлических изделиях, сосудах и т.п. 2. Надписи на стенах зданий, сделанные от руки». Н. Б. Лебедева и Н. И. Тюкаева в работе «Студенческое граффити как разновидность естественной письменной речи (коммуникативно-семиотический аспект)» пишут: «Под термином «граффити» понимаются любые надписи, сделанные на различных предметах или поверхностях, не предназначенных для написания» [3, с. 294].

Опираясь на работу А. С. Колосова, можно сказать, что граффити как феномен культуры зарождаются в послевоенное время в США, примерно в 60-е годы, в эпоху развития массовых коммуникаций, появления постиндустриального, информационного (электронного) общества, когда города перестают быть промышленными центрами, а представители множества наций и религий смешиваются в единую социальную массу, когда в культурной сфере начинает господствовать массовая культура, а в ней мода и реклама.

Жилое пространство города становится местом смешения многих культур, мировоззрений, верований, которые вынуждены сосуществовать одновременно и на одной территории. Подобная разноголосица, по нашему мнению, наряду с отчуждением человеческой жизни в рамках постмодернистских и постсоветских реалий жизни в условиях резких общественных изменений и является тем самым фактором, который побуждает человека так или иначе высказывать свою индивидуальность, возвращать среде обитания «первобытный» смысл, создавая

граффити. Вслед за Н. Б. Лебедевой и Н. И. Тюкаевой мы признаем отношение граффити к области *естественной письменной речи* (далее – ЕПР).

«Термином **естественная письменная речь (ЕПР)** мы называем речевую деятельность (и ее результат – тексты), которая занимает свое место в парадигме, построенной по координатам «устная / письменная» и «естественная / искусственная» речь» [3, с. 293]. Н. Б. Лебедева и Н. И. Тюкаева отмечают, что, таким образом, ЕПР соседствует с тремя традиционными языковыми сферами – устно-разговорной речью, «искусственной» (профессиональной, подготовленной) устной речью и «искусственной» письменной речью (литературной). Однако вследствие все еще бытующего среди лингвистов представления о ЕПР как о вторичном, отражательном явлении по отношению к устной речи естественная письменная речь остается мало изученной. Между тем человек сталкивается с ЕПР не реже, чем с другими языковыми сферами.

Граффити, в частности политической тематики, имеют те же признаки, выделенные этими исследователями, что и ЕПР: письменная (или по крайней мере материальная) форма, спонтанность, непрофессиональность исполнения, неофициальная или полуофициальная сфера бытования, отсутствие между замыслом и его воплощением, а также между автором и адресатом внешних редакторов, цензуры, неопубликованность текста. Однако все эти признаки не являются категорически обязательными.

Важным фактором является также *оппозиционность* граффити, которая особенно ощутима в общественно-политическом контексте, так как нередко случаи, когда единственным доступным и даже действенным способом выражения своей позиции и донесения информации широкой публике является именно граффити. Они представляет собой лозунги, манифесты, афористические высказывания, игру с языком, открытый дискурс.

Очевидно, что в то же время граффити, тем более политические, выходят за рамки почти бессознательного, бесцельного выражения человеческого сознания и подсознания. В них присутствует цель, смысл, а иногда они даже требуют некоторой профессиональной подготовки. Текст на городской стене, ограде, в метро, в переходах, на окнах, в транспорте отличается от затрагиваемых Н. Б. Лебедевой и Н. И. Тюкаевой видов текста, традиционно письменных, зачастую и вовсе личных, спонтанных. Мы считаем, что граффити обладают большей цельностью и целостностью, становясь некоторого рода символом, и является по сути креолизированным текстом, идею о существовании которого предложила Е. Е. Анисимова. В его структуре «... наряду с вербальными средствами задействованы и иконические: рисунки, фотографии, таблицы, схемы. При этом изображение мыслится как неотъемлемая часть текста». И это единство вербального и изобразительного оказывает прагматическое воздействие на адресата [5, с. 14].

Как видим, именно публичность граффити, их демонстративность играют решающую роль в их идентификации. Будучи представлены на лицезрение и суд населению города и – больше – мира (благодаря сети Интернет), граффити возрождает (и выражает) *карнавальнй дух*, они играют со зрителем,

провоцируют его активную реакцию, по крайней мере, личную оценку. Все, засвидетельствовавшие граффити в пространстве города, становятся соучастниками большого представления, тотального обмена идей, так как любой прецедентный текст становится на ту или иную позицию, зачастую в форме вопроса, или отрицания, или утверждения. Как в театре или кино людям совсем не обязательно разделять те или иные мысли, наслаждаться какими-либо определенными картинками (так как зрители только воспринимают предлагаемую информацию, усваивая выбранное ими в результате внутренней работы и оценки), так и при восприятии граффити нет необходимости открыто манифестировать о своем отношении к написанному. Но тот факт, что сама территория «сцены» распространяется на весь город и даже стирается как таковая вообще, свидетельствует о постоянном «performing» граффити. Публичный текст перестает быть замкнутым в себе – он становится активным, свободным источником новых оценок и универсальным средством общения, ведь как отмечалось выше, граффити не курируются никакими редакторами, неподвластны никакой цензуре.

Карнавальную природу граффити хорошо описал Ж. Бодрийяр. В работе Бодрийяра «К критике политической экономии знака» говорится, что улица – это наиболее альтернативное и подрывное из всех художественных средств, потому что улица не такая, как они, воплощенные носители безответных сообщений и удаленные передаточные сети; улица – это чистое пространство символического обмена словом, недолговечным и преходящим, словом, которое не раскрывает своего значения, будучи продемонстрировано на платоническом экране медиа (а мы можем добавить: и в заявлениях, открытках, дневниках и тетрадных записях).

Мы наблюдали граффити, которые в основном, расположены на стенах, оградах, заборах, остановках и т.д. возле оживленных дорог города, по которым ходят многочисленные маршрутные такси. Все авторы граффити остались анонимными. Они выбрали удачные места для своих работ: будь граффити нарисованы где-нибудь на окраинах города, в неприветливых подворотнях, то люди не только бы не восприняли их, но и не увидели. С другой стороны, они не могли создать их в самом центре города, на центральных парадных улицах, чтобы не переступить черту дозволенного и не оттолкнуть тем самым от идейного замысла граффити. К тому же, в таком случае их легко могли бы уничтожить муниципальные власти. Их среда бытования остается неофициальной, но не переходит границ культурного. Проезжая ежедневно на маршрутках на работу или за покупками, мы видим эти граффити-послания постоянно, изо дня в день, что, по нашему мнению, конечно, влияет на нас, убеждает, мы привыкаем к ним как к наставлению и давно привыкли к ним как к представлению.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, Издательство КДУ, 2011. – 392 с.

2. Колосов А. С. История граффити движения и его современные российские особенности / А. С. Колосов // Вестник славянских культур, 2012. – № XXV. – С. 45–49.

3. Лебедева Н. Б., Тюкаева Н. И. Студенческое граффити как разновидность естественной письменной речи (коммуникативно-семиотический аспект) / Н. Б. Лебедева, Н. И. Тюкаева // Слово в словаре и дискурсе : Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. – М. : ООО «Издательство “Элпис”», 2006. – С. 292–300.

4. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М. : Языки славянской культуры, 1996. – 480 с.

5. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. – М. : Водолей Publishers, 2004. – 153 с.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗООМОРФИЗМОВ В ТВОРЧЕСТВЕ С. А. ЕСЕНИНА

Парфенюк Николай Николаевич,
студент III курса филологического факультета

Науч. рук.: Унукович Е. А.,
ассистент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий

Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

Поэзия С. А. Есенина самобытна и уникальна, это песнь русской души, души, «вывернутой наизнанку». Она хранит в себе множество различных особенностей, что нашло отражение не в одном томе литературоведческих работ. В данной статье мы хотим обратить внимание на зооморфизмы, так часто встречающиеся в стихотворениях поэта; ведь это один из важнейших компонентов его творчества.

Прежде всего, поясним, что такое зооморфизмы. Зооморфизм – наделение чертами животных реальных или воображаемых объектов; представление богов и духов в образе животных [2]. Есенин, воспринимавший себя как часть природы, а не как властелина над ней, уважавший любое её создание, тонко чувствуя живой мир и отдавая себе отчет в том, что автор сквозь свою душу и мирозерцание выражает мудрость, таящуюся во вселенной, не мог обойти вниманием зооморфизмы.

Рассмотрим семантические особенности некоторых из них.

«Тихо в чаще можжевеля по обрыву.

Осень, рыжая кобыла, чешет гриву.

Над речным покровом берегов

Слышен синий лязг ее подков.

Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным
И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу» [1].

В этом отрывке Есенин сравнивает осень с рыжей кобылой, т.е. на первый план выдвигается сигнификативное и коннотативное значения словосочетаний *рыжая кобыла* и *чесет гриву*, которые участвуют в создании яркого поэтического образа. Мы воспринимаем кобылу, как образ осени, а гриву, как пожелтевшую листву. В самом деле, сравнение весьма удачно, т.к. рыжая кобыла, в нашем примере, означает нечто, способное ускакать, что может ассоциироваться с концом осени.

Следующий зооморфизм находим в другом стихотворении С. А. Есенина:

«За темной прядью перелесиц,
В неколебимой синеве,
Ягненок кудрявый — месяц
Гуляет в голубой траве» [1].

Здесь в создании образа участвует семантика отдельных морфем зооморфизма. Автор, сравнивая месяц с кудрявым ягнёнком, использует аффиксы *ен*, *оч*, *ек*, которые выражают категориальное грамматическое значение «юности, незрелости». Тем самым поэт делает свой зооморфизм более сообразным цели сравнения, потому как месяц не есть полная луна, так же, как ягненок не есть зрелый баран.

Проанатомируем философский зооморфизм:

«Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза.

С чьей-то ласковости вешней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле.

Не гнетет немая млечность,
Не тревожит звездный страх.
Полубил я мир и вечность,
Как родительский очаг.

Все в них благостно и свято,
Все тревожное светло.
Плещет рдяный мак заката
На озерное стекло.

И невольно в море хлеба
Рвется образ с языка:
Отелившееся небо
Лижет красного телка» [1].

Выделенное художественное средство «*Отелившееся небо / Лижет красного телка*», в создании которого участвует зооморфизм, есть не только изображение рассвета через образ вот-вот отелившегося неба, лижущего своего телка (восходящее солнце), что само по себе весьма сильно и незаурядно, выступает итогом предшествовавших размышлений поэта, символизируя собой принятие жизни и света, а рассвет, в свою очередь, подразумевает новый этап в жизни поэта. Данный философский зооморфизм возможен благодаря сигнификативному значению причастия *отелившееся*, входящего в группу субъекта, предиката *лижет* и объекта, входящего в группу предиката, *красного телка*. Небо здесь – отелившееся животное, являющее собой перелом мировоззрения и внутренние перемены. Телок – следующая ступень жизни, опыт. Красный цвет телка – это рассвет. Всё это приводит к новому прочтению, которого до Есенина у этих слов, естественно, не было.

Это лишь малая часть зооморфизмов С. А. Есенина, исследование которых мы планируем продолжить.

Таким образом, мы хотели бы обратить внимание на то, как по-своему и особенно чувствовал живой мир Сергей Есенин: его душа была полна грусти и восхищения в равной степени. Так же и в мире: количество ужасного и прекрасного, злого и доброго, тьмы и света равно. Отсюда такая широкая амплитуда настроений в стихотворениях поэта. На наш взгляд, именно из такого восприятия рождается мужественное принятие мира. Данное принятие вызывает уважение ко всему окружающему, в особенности, к живой природе, таящей в себе столько мудрости и смысла. Всё это представляет собой корни высокой зооморфичности поэзии С. А. Есенина. Причины употребления именно этих слов в качестве сравнений обоснованы их грамматическим и лексическим потенциалом, сигнификативным и коннотативным значениями, которыми так умело пользуется автор. В рассмотренных нами зооморфизмах семантика руководит смыслом, а смысл преобладает над значением.

Литература

1. Есенин С. А. Полное собрание сочинений в одном томе / С. А. Есенин. – М. : Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2010. – 719 с.
2. gramota.ru : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.gramota.ru/slovari/dic/>.

БІБЛЕЇЗМ *НОЇВ КОВЧЕГ* ТА ПСИХОЛІНГВІСТИЧНИЙ ЕКСПЕРИМЕНТ

Протазюк Ганна Іванівна,
студентка III курсу філологічного факультету

Наук. кер.: Шкуран О. В.,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри української мови і загального мовознавства
Луганський державний університет ім. Тараса Шевченка

Згідно з біблійним оповіданням, Ковчег Ноя – це корабель, побудований за Божою вказівкою для порятунку Ноя, його сім'ї, й тварин світу від Всесвітнього потопу. Ця легенда розповідається в Книзі Буття.

Історія всебічно розроблялася в різних релігійних традиціях, застосовувалася в алегоричних значеннях, зіставлялися теоретичні рішення з практичними проблемами.

Розвиток наук в XIX ст. призвів до того, що ще більше істориків почали вбачати можливість пояснити буквально розуміння історії ковчега, а біблійний критицизм знову звичайно почав відстоювати світське бачення проблеми. У будь-якому випадку, історія ковчега в цей час використовується не буквально.

Сьогодні фразеологізм *Ноїв ковчег* означає сховок від чогось недоброго, притулок, захист, місце спасіння від страшної стихійної катастрофи й навіть місце зустрічі людей різних переконань. Ще ми його вживаємо в іронічному сенсі: як образ набитого битком приміщення, де живуть всякі різноманітні мешканці („Всякої тварі по парі”) [1, с. 114].

Так трактують фразеологізм словники, а як же розуміє його сучасне покоління? Опитуючи своїх друзів, одногрупників, знайомих, викладачів, ми дійшли висновку: легенду про Ноїв ковчег та Всесвітній потоп знають усі учасники експерименту, а сучасне бачення поняття назвати зміг не кожен, але все ж таки є деякі варіанти:

Ноїв ковчег – це є команда з корпоративною культурою, де всі є різними, різносторонніми, але об'єднуючись, вони працюють в одній галузі з різними підходами та досягають більших результатів унікальною роботою кожного.

Для деяких вислів *Ноїв ковчег* розуміється буквально й вони уявляють дуже старий або дуже великий корабель.

Сучасна російська письменниця Вознесенська Юлія Миколаївна, автор відомої повісті-притчі „Сто днів до Потопу”, адаптувала біблійну легенду та осучаснила. Героями є Ной, його родина та їхні сучасники, саме ті, хто не бажає миритися з Богом. Ця історія про наш час, про нас і про те, чи слухаємо ми попередження Святого Писання чи ні. Все, на жаль, повторюється, як за часів Всесвітнього Потопу, коли Ной сто років кликав людей до спасіння, а відгукнулися лише звірі. Ця книга є дуже повчальною та філософською. Тобто

Ю. Вознесенська закріпила семантику *Ноева ковчега* – порятунку від Божої кари, спасіння.

А як встигла розвинути легенду впродовж стількох століть і в що вірять учені ХХІ століття? Сучасні наукові методи допомогли з іншого боку побачити цю загальновідому легенду. Вчені мають сумніви щодо таких фактів:

- 1) ковчег має величезні розміри і складатися лише з дерева він не може, – вважають інженери, бо в будь-якому випадку розвалиться;
- 2) постає питання: як Ной зміг за сім днів впіймати кожної „тварі по парі”;
- 3) чи відбувався потоп в історії взагалі, бо слідів немає, а для повного затоплення потрібен був би об’єм води в тричі більше;
- 4) стовідсоткових залишків ковчегу також ще не знайдено.

Тож науковці різних галузей дійшли висновку, що історія занадто змінена. В клинописних табличках помітили, що на давньоєврейській мові слова „земля” і „країна” пишуться однаково. І можливий такий варіант, що йдеться не про Всесвітній потоп, а про природну катастрофу в Месопотамії. За археологічними свідченнями сам Ной походив з Шумерії. В епосі про Гільгамеша розповідається, що він був багатим купцем і мав велику баржу. Тварин він завантажив для продажу разом з вином та пивом. У нього були борги – і він міг стати звичайним рабом. Під час негоди він з сім’єю вийшов у море та 7 днів блукав Персидською затокою. Потім вийшов на нову землю, а повертатись уже не захотів [2, с. 42–45]. Шумери знайшли в ній важливу мораль – якщо люди порушують Богові закони, вони платять за це страшну ціну. Ілюстрацією до цієї моралі стала одна з популярних у той час легенд. Але зараз учені домислили в цій історії звичайну людину, звичайне судно й цілком реальні пригоди. Правда чи вигадка – це також питання часу та мудрості людей не піддавати все логіці.

Спробуємо розглянути ковчег в інших легендах. Наприклад, історії про потоп зустрічаються в міфології інших близькосхідних народів, проте до нас практично не дійшли описи суден, на яких рятувалися персонажі цих легенд.

2010 року дослідник Ірвінг Фінкель з Британського музею виявив клинописну табличку з описом легенди про Атрахасіса, в якій між іншим повідомлялося і про форму корабля. За текстом судно, на якому врятувався Атрахасіс, було круглим і зробленим з тростини. Відповідно до розповіді, Бог повідомив Атрахасісу про прийдешній потоп й велів йому зруйнувати житло і зробити з тростини круглий корабель, довжина і ширина якого були б рівні („залиш майно і врятуй життя!”). Після будівництва Атрахасіс зайшов всередину і велів слугі, який залишився зовні, законопатити вхід і таким чином зумів врятуватися від потопу.

Сьогодні біблеїзм *Ноїв ковчег* трансформувався до невпізнання. Наприклад: у засобах масової інформації подається така публікація, цитуємо фрагмент: *У Тернополі є обласна громадська організація Асоціація захисників безпритульних тварин „Ноїв ковчег”. Вона має на меті збір додаткових коштів та добровільних пожертв. ГО Асоціація захисників безпритульних тварин „Ноїв ковчег” здійснює захист, притулок і надає ветеринарну допомогу безпритульним тваринам.* Тобто, біблеїзм набуває нового конотативного

значення – порятунок тварин від хвороб, безпритульності та ін. Радує те, що це позитивна конотація.

Або ще приклад: *Московський державний університет Росії створив спеціалізований банк, в якому буде зібрано генетичний матеріал, ДНК усіх живих організмів на земній кулі, як існуючих мікробів, так і видів, зниклих в далекому минулому. Проект, що отримав назву Ноїв ковчег буде реалізацією ідей біблійного Ноевого ковчега, тільки виконаного на найсучаснішому технологічному рівні.*

І в світі вже існує кілька банків генетичної інформації достатньо вражаючих обсягів, наприклад у Великобританії проект «Frozen Ark» (заморожений ковчег).

Нами було проведено психолінгвістичний експеримент серед респондентів – студентів філологічного факультету 3 курсу з метою виявлення первинного семантичного значення біблеїзму, фіксації нових конотативних відтінків у різнотипних дискурсах. Результати довели, що учасники експерименту володіють первинним значенням біблеїзму, можуть використовувати в контексті, наводять приклади в художній літературі та надають нових відтінків у значенні: *порятунок під час іспитів; додаткове житло, окреме від батьків; місце розваг молоді та ін.* Однак мети використання біблеїзму так ніхто і не вказав – порятунок від кари Божої. Це дає можливість наполягати на відсутності знань студентів з біблеїстики та атеїстичного світосприйняття, виробленого протягом багатьох десятиліть у свідомості батьків та інших старших поколінь

Таким чином, біблійні теми та ідеї їх сучасної інтерпретації завжди будуть актуальними для використання та дослідження. В їх основу покладена мораль, релігія, філософія і величезний зміст, які майже кожне покоління трактує по-своєму. І залишається тільки здогадуватись, що нам ще можуть піднести час і прогрес!

Досліджуваний біблеїзм трансформувався у семантиці та набув конотативних відтінків – порятунок будь-кого та від чого-небудь. Саме засоби масової інформації поширюють нову смислову інтерпретацію. Добре це чи погано – вирішувати вченим.

Література

1. Білоножко В. М. та ін. Фразеологічний словник української мови : в 2 томах / В. М. Білоноженко. – К. : Освіта, 2002. – 576 с.
2. Гуцуляк О. Б. Гільгамеш як „архітектор буття”: Спроба прояснення сутності епічного образу / О. Б. Гуцуляк // Зарубіжна література в навчальних закладах. – К. : Освіта. – 2001. – № 6. – С. 42–45.
3. [https://www. NATIONAL GEOGRAPHIC CHANNEL](https://www.NATIONALGEOGRAPHICCHANNEL) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.nationalgeographic.ru/>

РОЗДУМИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ПРО ДОЛЮ УКРАЇНИ В ЙОГО ЩОДЕННИКУ (1857-1858рр.)

Самсон Роман Володимирович,
учень 11 класу

Наук. кер.: Зіборова К. В.,
учитель української мови і літератури
Архітектурно-будівельний ліцей при ДонНАБА

Про Шевченка багато сказано, але його творчість і надалі продовжують досліджувати, оскільки феномен митця і досі не розкрито.

Шевченків *Щоденник* – універсальне джерело для майбутніх досліджень, підсумок думок і сподівань, суспільно-політичних оцінок і мистецького кредо поета. Цей твір – документ великого історико-літературного й художнього значення. Передусім, це визначний етап у розвитку щоденникового жанру, оскільки Шевченко продовжив європейську традицію, збагатив і увиразнив лексичні, фразеологічні та стилістичні засоби мовлення. В ньому – гострий розум, тонкі почуття, яскрава уява і глибока ерудиція, філософські висновки і блискучий стиль мови. Видатне історико-літературне явище, а також живий голос Шевченка, психологічний портрет митця і людини.

У сузір'ї поетів світового значення негасимо сяє ім'я генія українського народу Тараса Григоровича Шевченка. Його спадщина увійшла в свідомість народних мас і з кожною історичною епохою набуває все нової діючої сили.

Новизна цієї роботи полягає в сучасному підході до аналізу образу Тараса Григоровича Шевченка, його зміни в ретроспективі часу. Взявши його твори, а також особистий щоденник поета, ми зможемо довести, що кожне покоління мало своє ставлення до нього.

Заведення «Журналу» було зумовлене збігом деяких обставин, але перш за все внутрішнім станом. Почав Шевченко писати його під кінець заслання, коли з'явилася реальна надія на скоріше визволення. Вираженням цієї напруги духовного життя у тексті щоденника виступає символ "вітер". В. Шевчук зазначає: "Напрочуд яскраво подано описи вітрів, що пов'язано із чеканням звільнення – емоційним вихлюпом..." У початкових записах щоденника Т. Шевченко зізнається, що йому немає про що писати – "анічогісінько такого, щоб хоч трохи переходило за межі монотонного життя щоденного". У цій ситуації сірої буденщини "вітер" стає ще й тематичним центром записів. Накладання на образ вітру предметного і символічного значення надає йому незвичайного звучання. Основним компонентом символічного значення "вітру" є "воля", а, виходячи із реальності тексту, вітер – одна із перешкод на шляху поета до волі. Таким чином, у щоденнику Т. Шевченка значенням символу "вітер" виступає протиставлення "воля – неволя".

Як стверджує завідувач кафедри україністики в Познанському університеті ім. Адама Міцкевича Тетяна Космеда, щоденник – це не лише

внутрішня сповідь. Психотерапевтична функція щоденника – це лише одна із його функцій. Вона розповідає, що побачила людину... живу людину. Не збронзовілого Шевченка, пам'ятник, а, власне, живу людину: із симпатіями і антипатіями, гарним і поганим настроєм, виразними емоціями, почуттями, бажаннями, прагненнями, фантазіями, захопленнями. Адже щоденник, – доповнює Тетяна, – це текст, який найбільше виражає «живе» людське мовлення. Тексти щоденника не правляться, не вдосконалюються. Це перша і єдина реакція мовця, виражена словом.

Сучасний російський поет Леонід Мартинов написав вірш, що так і називається «Щоденник Шевченка». Ось уривок із цього вірша:

*«Теперь,
Когда столь много новых книг
И многому идет переоценка,
Я как-то заново прочел дневник
Шевченко. И увидел я Шевченко –
Великого упряма, хитреца,
Сумевшего наперекор запретам
Не уступить, не потерять лица,
Художником остаться и поэтом,
Хоть думали, что дух его смирят
И памяти о нем мы не отыщем...»*

Цей уривок твору в котрий раз доводить, що саме щоденник Шевченка допомагає розкрити його як особистість – неповторну та сильну, що Великий Кобзар завжди буде в нашому серці.

Щоденник Тараса Григоровича Шевченка є невичерпним джерелом для розуміння його естетичних смаків і переконань. Крім поривань до істини, важливим у його уявленні було тяжіння до краси, гармонії. «Яким живлющим і дивним є вплив краси на душу людини», – занотував він 18 листопада 1857 р., високо оцінюючи красу і в природі, і в мистецтві.

Література

1. Момот Н. Психоаналітичний дискурс Щоденника Т. Шевченка / Н. Момот // Літературознавчі обрії. Праці молодих учених. – К.: Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України, 2005. – С. 151–158.
2. Шевченко Т. Г. Щоденник Т. Г. Шевченка 1857–1858 рр. / Т. Г. Шевченко // Тарас Шевченко. Зібрання творів: У 6 т. – К., 2003. – Т. 5. – С. 9–187).

СУЧАСНИЙ СТАН АНГЛО-УКРАЇНСЬКОГО МАШИННОГО ПЕРЕКЛАДУ

Сєверіна Яна Вадимівна,
студентка IV курсу філологічного факультету

Наук. кер.: Кудрейко І. О.,
кандидат філологічних наук,
зав. кафедри української філології і прикладної лінгвістики
Донецький національний університет

Переважає більшість сучасної техніки розробляється в англомовних країнах, що, з одного боку, змушує користувачів хоча б поверхово орієнтуватися в англомовній термінології, а з іншого – з'являється попит на професійне створення перекладів. З англійської здійснюється ледве не кожен другий переклад у світі. Тому доречним тут виявляється прагнення інформаційної галузі механізувати більшу кількість людських умінь або, інакше кажучи, створити програми машинного перекладу рідною мовою.

Актуальність теми зумовлена постійним зростанням наукового інтересу до функціонування систем машинного перекладу. Науковців усе більше хвилює питання щодо створення ідеальних систем-перекладачів, що змогли б замінити людину-перекладача.

Мета дослідження – виявити реальні можливості сучасних програм англо-українського машинного перекладу, визначити проблеми програм-перекладачів і шляхи їх вирішення.

Для реалізації цієї мети було поставлено такі основні завдання:

1) дати визначення понять «переклад» і «перекладознавство»; 2) простежити еволюцію машинного перекладу; 3) дослідити сучасні програми англо-українського машинного перекладу і виявити лідера серед них; 4) зробити висновки щодо сучасного стану англо-українського машинного перекладу і спробувати передбачити його подальший розвиток.

Методи дослідження: відповідно до мети й завдань роботи використано описовий метод, метод зіставлення тексту перекладу з текстом оригіналу.

Практична цінність виконаного дослідження полягає в тому, що його висновки можна використати з дидактичною та прескриптивною метою для написання навчальних і методичних посібників з перекладу з англійської мови на українську, у курсах з теорії і практики перекладу та порівняльної граматики англійської та української мов, а також у науково-пошуковій роботі. Матеріалом дослідження можна скористатися в лексикографічній практиці, зокрема для укладання перекладацьких двомовних словників. У перспективі, з розвитком комп'ютерної лінгвістики, описові та кількісні дані трансформації можуть бути застосовані у програмах машинного перекладу.

Перекладом називається процес і результат створення на основі початкового (вхідного) тексту однією мовою рівноцінного йому у

комунікативному відношенні тексту іншою мовою (вихідного). Іншими словами, це процес переходу від тексту однією мовою до того ж тексту іншою мовою.

Сучасні теорії перекладу зародилися ще у XX столітті, що було зумовлено стрімким розвитком лінгвістичних учень та виникненням нових понять: структурна та описативна лінгвістики, трансформаційні та генеративні граматики. Усе це дозволило по-новому глянути на досліджувану галузь.

На початку 70-х років у Всесоюзному центрі перекладів науково-технічної літератури й документації перекладалося лише 5–6 тис. авторських аркушів щороку; наприкінці 70-х вже кілька десятків тисяч. І цифри ці неухильно зростали.

Теорії перекладу текстів почали створюватися в 50–60-ті роки XX століття. На сьогодні існує декілька теорій перекладу текстів. Це пояснюється насамперед тим, що, по-перше, об'єкт моделювання – розумова діяльність людини в процесі перекладу – складна і недоступна для прямого спостереження. По-друге, теорії перекладу вирішують різні завдання, що пов'язані з мовами, психологією людини, культурою і традиціями країни вхідної мови і перекладної мови.

Виникнення комп'ютерів та їхні широкі можливості застосування уможливили їх застосування у перекладі, який ґрунтується на заміні знаків одного знакового коду символами іншого. Таке перекодування відбувається завдяки існуванню визначених відповідностей між словами та граматичними явищами різних мов. Окрім того, існують різні програмно-апаратні комплекси, що полегшують працю перекладача: електронні словники, термінологічні бази даних і системи машинного перекладу та інші.

Уже з моменту виникнення комп'ютера вчені думали про застосування машин для перекладу письмових текстів з однієї мови іншою. Саме тоді з'являється таке визначення, як «*машинний переклад*».

Машинний переклад – це виконувана комп'ютером операція з перетворення тексту однієї природної мови в еквівалентний за змістом текст іншою мовою. *Машинний переклад* – це складний процес і будувати його поетапно, як це робить людина, неможливо. Сучасний машинний переклад здійснюється за допомогою людини, яку ще називають пред-редактором, яка здійснює попередню обробку тексту. Крім того, залежно від специфіки перекладача, обов'язковою має бути участь інтер-редактора, який задіяний у процесі перекладу, а також пост-редактора, тобто людини, яка виправляє помилки в перекладеному програмою тексті [2, с. 294].

Відомий теоретик і практик машинного перекладу професор Р. Г. Піотровський так характеризує різницю у діяльності людини-перекладача і машини-перекладача: «Якщо розрізняти *повідомлення, денотативну ситуацію*, яка передається повідомленням, і *смісл* його, то людина-перекладач у змозі сприймати і передавати ці три компоненти [Перебийніс, с. 135].

Отже, порівняння текстів звичайно пропонується здійснювати за лінгвістичними рівнями: кількість правильних/неправильних перекладених

слів, синтаксичних структур, стилістичних прийомів. У результаті порівняння виводиться цифровий коефіцієнт збігу чи кількість припустимих помилок.

Аналіз типових помилок, що допускаються наявними системами машинного перекладу, вказав на такий ряд категорій:

1. **Неперекладені слова.** У вихідному тексті українською та російською мовами дуже часто вживаються англійські словоформи. Урахування цієї категорії помилок є поки що справою людини.

2. **Лексичні та лексикографічні помилки.** На рівні автоматичного словника можна виділити два види помилок:

- *словникова помилка*; вона викликана тим, що в автоматичному словнику англійська одиниця має український еквівалент загального, а не технічного характеру, який необхідний у даному конкретному випадку;

- *лексична помилка*; вона полягає в тому, що багатозначному англійському слову був обраний з автоматичного словника еквівалент, який не відповідає контексту;

3. **Помилки в перекладі зворотів.** Наприклад:

<i>Англійський вираз</i>	<i>Машинний варіант</i>	<i>Виправлення редактора</i>
In fact	у дійсності	навіть, більш того
Makeover	більш того	крім того

4. **Помилки в перекладі прийменників.** Наприклад:

<i>Англійський вираз</i>	<i>Машинний варіант</i>	<i>Виправлення редактора</i>
Access to	доступ у	доступ до
To adapt with	пристосувати з	пристосувати до

5. **Порушення узгодження і керування.**

6. **Недозволена омонімія.**

7. **Помилки в перекладі пасивних конструкцій** [Баранов, С. 358].

Слід відзначити, що з початку створення систем машинного перекладу спостерігається значний інтерес до них, і зараз вони сприймаються не як екзотика, а як технологічна реальність. Незважаючи на їхню деяку недосконалість і нездатність забезпечити достатню якість перекладу, ці системи все ж знайшли свою сферу застосування. Переважна кількість систем машинного перекладу ідейно застарілі. З іншого боку, потенціал допоміжного комп'ютерного інструментарію для полегшення перекладацької діяльності – не реалізовані повною мірою.

Дуже часто в нас виникає потреба негайно перекласти текст або його фрагмент. Це зручно робити в режимі онлайн. У цьому нам допомагають сучасні програми англо-українського машинного перекладу. Найвідоміші з них: Google translator, Pragma, Bing, PROMT. Кожна з цих програм індивідуальна, має свою специфіку функціонування, а тому і результати роботи будуть різні.

Для того, щоб визначити яка з сучасних систем англо-українського машинного перекладу працює найкраще, ми вирішили порівняти їх шляхом перекладу уривка казки Льюїса Керрола «Аліса в країні чудес». Для дослідження ми використали уривок з першого розділу казки і провели його у декілька етапів:

1. Спочатку треба урахувати те, як людина переклала даний уривок тексту українською мовою. Ми пропонуємо переклад Оксани Забужко.

2. Google translator проти Pragma: порівнявши перекладені тексти цих програм, можна зробити висновок, що ні одна з них не відтворила текст так, щоб зберігти і не порушити зміст в цілому.

3. Pragma чи Bing? Продивившись переклад, який пропонує Bing, слід зазначити, що на відміну від Pragma, цей перекладач зовсім відмовився перекладати ім'я «Alice», а також іменник «rabbit hole». Але найбільшою помилкою є неузгодження в роді та числі, наприклад, «Alice був починають отримати дуже втомився». На жаль, результати перекладу з англійської українською не тільки не виправдали очікувань, а, навпаки, розчарували. Багато слів перекладено невірно, граматичний синтез фактично відсутній.

Якщо порівнювати програми Pragma і Bing, то можна з впевненістю сказати, що перша робить більш якісний переклад, ніж друга.

4. Bing і ПРОМТ. Що краще? Велика кількість слів перекладена не за змістом, а деякі слова зовсім перекладені неправильно «Элис начала к ногам». Але все ж таки російський варіант перекладу є більш зрозумілим, ніж попередні варіанти.

Отже, ми визначили, що краще всіх з перекладом текстів впорався онлайн-сервіс www.translate.ru від компанії Promt. Зміст перекладу уривку художнього тексту, не дивлячись на зроблені помилки, можна було зрозуміти без проблем.

Провівши дослідження з вияву найкращої сучасної системи англо-українського машинного перекладу, можна зробити висновок, що на сьогоднішній день найкращим перекладачем є людина. Науковці не можуть поки що створити машину, яка змогла б повністю замінити людину-перекладача. Але ми вважаємо, що це лише питання часу. Адже колись і комп'ютери були фантастикою. Сучасні системи англо-українського машинного перекладу розвиваються і удосконалюються. З кожним роком науковці розробляють щось нове і пробують застосовувати це на практиці.

Мова – відбиття реального життя. А життя не стоїть на місці: з'являються нові галузі виробництва, науки, бізнесу, культури. У звичайне розмовне мовлення приходять нові слова, терміни, сталі словосполучення. Тому повністю покладатись на переклад зроблений машиною не варто.

Усім добре відомо, що гарний переклад тексту – це не тільки творча, а й досить трудомістка робота. Причому навіть самий гарний переклад, як правило, потребує редакторської правки. Що стосується творчої частини, то в доступному для огляду майбутньому в змаганні комп'ютер-людина завжди переможе «живий» перекладач. Однак для вирішення проблем, зумовлених трудомісткістю процесу перекладу, системи машинного перекладу можуть виявитися гарною підмогою.

На сьогодні, машинний переклад значно дешевший і швидший від традиційного, хоч і поступається йому по якості. Ним користуються в тих випадках, коли важливіше зрозуміти зміст документу, ніж перекласти текст відповідно до літературних критеріїв. Там, де відсутність часу й доступність –

більш важливі умови, ніж абсолютна стилістична точність, машинний переклад підтверджує свою неоціненну рентабельність.

Література

1. Волошин В. Г. Комп'ютерна лінгвістика / В. Г. Волошин // ВТД «Університетська книга». – Суми, 2004. – С. 212–222.
2. Дарчук Н. П. Комп'ютерна лінгвістика (автоматичне опрацювання тексту) / Н. П. Дарчук // Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет». – К., 2008. – С. 351–362.
3. Марчук Ю. Н. Компьютерная лингвистика / Ю. Н. Марчук. – М. : АСТ. Восток–Запад, 2007. – С. 150–175.
4. Машинный перевод и прикладная лингвистика. Проблемы создания систем автоматического перевода : Сб. трудов МГПИЯ им.Тореза. – М.,1986. – С. 132–139.
5. Медведєва Л. М. Англо-український словник парних сполучень / Л. М. Медведєва // Українська енциклопедія ім. М. П. Бажана. – К., 1994. – С. 75–114.
6. Пиотровский Р. Г. Текст, машина, человек / Р. Г. Пиотровский. – Л. : Наука, 1975. – С. 303–313.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ МАРКИРОВКА СОВРЕМЕННЫХ УНИВЕРБАТОВ

Сейтимметов Сабурджан Сапарбаевич,
аспирант кафедры русского языкознания и
коммуникативных технологий

Науч. рук.: Соболева И. А.,
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий
Луганский государственный университет им. Т. Шевченко

Политические и экономические преобразования последних десятилетий XX века значительно повлияли на развитие современного русского языка. Особенно ярким, заметным было изменение в лексической и словообразовательной системах. Распад тоталитарного государственного режима повлиял на то, что общество стало более раскрепощенным, и носители языка могли ослабить своего «внутреннего цензора». Параллельно с демократизацией в обществе, можно было видеть демократизацию и в языке. Новые явления реальности требуют новые наименования, благодаря этому в язык все время входят новые слова.

Стремление назвать единым словом уже известное понятие, которое прежде обозначалось описательно, то есть с помощью составного наименования найти более краткий способ обозначения, чем сочетание слов, более экономное средство выражения, особенно актуально для современной языковой ситуации. "Язык по природе экономен в средствах", – подчеркивал известный русский языковед А. М. Пешковский ещё в начале XX века [7, с. 117]. В наши дни это стремление к экономии языковых средств особенно ярко и разнообразно проявляется в образовании новых слов на базе составных наименований.

В динамической эволюции словообразовательных норм языковой системы «закон экономии языковых средств» начал выступать в качестве основного направления, проявляющегося в том, что в процессе реализации языковых средств осуществляется отбор наиболее подходящих и кратких для целей коммуникации форм языковых единиц, что соответствует стремлению современного социума к увеличению информативности текста за счет его минимализации. Процесс экономии речевых усилий является движущей силой многих лингвистических механизмов. Один из них – универбация.

Универбация (лат. un (um) «одно» + verb(um) «слово») – способ образования слов на базе словосочетания. При этом в производное слово входит лишь один из компонентов словосочетания. Ср.: *зачет*(ная книжка) и *зачет-к-а* [9, с. 655].

Термин «универбация» известен в языкознании достаточно давно. Универбацию ученые интерпретируют по-разному. В научный обиход этот

термин вошел благодаря А. В. Исаченко [3]. Под универбацией А. В. Исаченко понимал процесс, при котором один из элементов номинации, состоящей из двух элементов, утрачивает свою самостоятельность, в связи с чем происходит объединение этих элементов в одно целое, т.е. универбация – это переход словосочетания из категории двусловных в однословные.

В. В. Лопатин наряду с термином «универбация» широко использует понятия «синтетическое сжатие», «стяжение», «семантическая конденсация», «включение». В его работе «Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов» приведены такие примеры: *неотложка* (неотложная помощь), *лабораторка* (лабораторная работа), *Историчка* (Историческая библиотека), «*Литературка*» («Литературная газета»), «*Комсомолка*» («Комсомольская правда») [4].

Н. А. Янко-Триницкая считает, что «включение» является как частным случаем процессов универбации и семантической конденсации [11].

К. С. Горбачевич в своей книге «Изменение норм русского литературного языка» использовал термин «процесс включения». По его мнению, под «включением» следует рассматривать такие слова, которые образованы из привычных словосочетаний, например, из сочетания прилагательного и существительного с помощью суффиксов *-к(а)*, *-лк(а)*: *электричка* (электрический поезд), *малотиражка* (малотиражная газета), *зачетка* (зачетная книжка), *подсобка* (подсобное помещение), *читалка* (читальный зал), *раздевалка* (раздевальная комната) и т.п. [2, с. 135].

Мы рассматриваем проблему «включения» или универбации с точки зрения ее лексикографической маркированности.

Практически у всех слов, образованных «путем включения», в словарях имеются стилистические пометы, обозначающие среду их функционирования, такие как «разг.», «жарг.», «прост.».

Под влиянием этой тенденции в разговорной речи возникла масса существительных с суффиксом *-к(а)*, образованных от основ имен прилагательных, которые образованы одним из самых продуктивных способов словообразования в современном русском языке. Данная словообразовательная модель является частотной и продуктивной, что подтверждает большое количество слов-универбатов в нашей речи.

Например, такие слова, как *кредитка* (кредитная карта), *маршрутка* (маршрутный автобус), *столовка* (из слова столовая), *ночлежка* (ночлежный дом), *комиссионка* (комиссионный магазин), *коммуналка* (коммунальная квартира / коммунальные услуги), *открытка* (открытое письмо), *кожанка* (кожаная куртка), *дежурка* (помещение для дежурных), *методичка* (методическое пособие), *гуманитарка* (гуманитарная помощь / гуманитарные науки), «*Комсомолка*» («Комсомольская правда»), *зачетка* (зачетная книжка), *аварийка* (аварийная служба, машина), *неучтёнка* (неучтенные деньги, товары), *незавершёнка* (незавершенное строительство) и т.д. Все они созданы по модели «включение» и имеют яркую разговорную окрашенность. Рассмотрим

отдельные лексемы из этого словообразовательного ряда с позицией лексикографической характеристики.

Слово «*кредитка*» – (кредитная карта) зафиксировано в «Толковом словаре языковых изменений» под ред. Г. Н. Скляревской как разговорное и отмечено, что это слово зафиксировано впервые [8, с. 339]. В толковых словарях С. И. Ожегова [6], Д. Н. Ушакова [10], В. В. Лопатина [5], С. А. Кузнецова [1] это слово не зафиксировано. Следует отметить, что данное слово активно используется в настоящее время в языке СМИ, но, видимо, еще не успело пополнить лексический запас современного русского литературного языка.

Слово «*кредитка*» сегодня прочно вошло в нашу жизнь. С его помощью можно приобрести практически все – от мобильного телефона до собственного жилья. Исходя из этого, можно прогнозировать, что это слово в будущем перейдет из периферии литературного языка в его нейтральные подсистемы, и словари отразят этот языковой факт.

Например: *Оплата покупок банковской картой, безусловно, удобна, но имеет свои подводные камни – пользуясь **кредиткой**, человек часто «не чувствует» денег и из-за этого может совершить незапланированные расходы...* [12].

Слово «*гуманитарка*» (гуманитарная помощь) тоже зафиксировано только в «Толковом словаре языковых изменений» под ред. Г. Н. Скляревской как разговорное и также отмечено, что зафиксировано впервые [8, с. 186]. Остальные словари еще не успели зафиксировать это слово.

Например: *В ЛНР рассказали, на какие нужды пойдет очередная российская гуманитарка* [13].

А слово «*неучтёнка*» (неучтенные деньги, товары) наоборот фиксируется в «Толковом словаре» под ред. С. А. Кузнецова [1, с. 646], а в остальных словарях еще отсутствует.

Например: *Основное внимание необходимо обращать на старые военные склады, где пожары и другие ЧП и есть главный источник **неучтенки*** [14].

Слово «*незавершёнка*» (незавершенное строительство) отмечено в «Толковом словаре» под ред. С. А. Кузнецова как разговорное [1, с. 622], а в «Словаре языковых изменений» под ред. Г. Н. Скляревской характеризуется как разговорное, но с пометами «зафиксировано в словарях последнего десятилетия», «уход в пассив» [8, с. 420].

Например: *А в масштабах страны, по прикидке Козака, речь идет о триллионах рублей, по сути, закопанных в земле: «незавершенка» разрушается, зарастает бурьяном, гниет, приходит в негодность* [15].

Итак, «процесс включения», реализующийся с помощью словообразовательного суффикса –к(а), представляет собой весьма характерное явление в языке нашего времени.

Конечно, почти все подобные слова начинают свою «жизнь» на периферии литературного языка, в обиходно-разговорном стиле речи. Однако с течением

времени многие из них постепенно выходят из употребления, а некоторые активно пополняют словарный запас литературного языка.

Норма одновременно устойчива и изменчива, она складывается в языке стихийно, под влиянием различных факторов и ни в коей мере не является плодом фантазии ученых-лингвистов. Современные лексикографы стремятся фиксировать лексические и грамматические новшества, возникающие в коммуникативной системе русского языка, но не всегда современные словари отражают реальные изменения как в составе национального языка, так и перераспределение стилистических характеристик у отдельных лексем.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка / К. С. Горбачевич. – Л. : Просвещение, 1971. – 265 с.
3. Исаченко А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков / А. В. Исаченко. – Slavica, XXVI, Прага, 1958. – 338 с.
4. Лопатин В. В. Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов / В. В. Лопатин // Новые слова и словари новых слов. – Л. : Наука, Ленингр. отделение, 1978. – С. 72–80.
5. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Толковый словарь современного русского языка / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – М. : Эксмо, 2008. – 928 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1997. – 944 с.
7. Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык. – В его кн. : Сборник статей / А. М. Пешковский. – Л. – М., 1925. – С. 117.
8. Складчиков Г. Н. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складчиковой. РАН, Институт лингвистических исследований. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.
9. Тихонов А. Н., Хашимов Р. И. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов, Г. С. Журавлева и др. / под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. – Т. 1. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 840 с.
10. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Редактор-составитель Т. М. Никитина. – М. : Альта-Принт : ДОМ. XXI век, 2009. – 1239 с.
11. Янко-Триницкая Н. А. Процессы включения в лексику и словообразовании / Н. А. Янко-Триницкая // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М. : Наука, 1964. – С. 18–35.

12. Режим доступа : http://www.aif.ru/food/products/net_kreditkam_da_perlovke_kak_ekonomit_na_produkтах

13. Режим доступа : <http://cxid.info/v-lnr-rasskazali-na-kakie-nujdy-poydet-ocherednaya-rossiyskaya-gumanitarka-n125416>

14. Режим доступа : <http://izvestia.ru/news/537012>

15. Режим доступа : http://www.trud.ru/article/27-10-2007/122672_zaryli_nashi_denezhki.html

КОНЦЕПТ «САД» В ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ И Б. АХМАДУЛИНОЙ

Турбина Марина Александровна,
студентка III курса филологического факультета

Науч. рук.: Пономарева Т. А.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий

Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

Термин «концепт» активно употребляется с 90-х годов. Несмотря на разное толкование этого термина, исследователи-гуманитарии сходятся в одном: концепт играет роль посредника между культурой и человеком. Концепты – это ментальные сущности, которые имеют имя в языке и отражают культурно-национальное представление человека о мире [3, с. 179]. Концепты – концентрат культуры и опыта народа, по словам Ю. С. Степанова, «как бы сгусток культуры в сознании человека». Но, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее [6, с. 40].

М. Цветаева, как один из самых выдающихся поэтов XX века, внесла достойный вклад в развитие концептосферы национального языка [4, с. 166]. Выявление смыслового наполнения концепта «сад» позволит определить особенности художественного мышления поэта, некоторые структурные закономерности в построении цветаевской модели мира.

В ЛЮКСЕМБУРГСКОМ САДУ

Склоняются низко цветущие ветки,
Фонтана в бассейне лепечут струи,
В тенистых аллеях все детки, все детки...
О детки в траве, почему не мои?

Как будто на каждой головке коронка
От взоров, детей стерегущих, любя.
И матери каждой, что гладит ребенка,

Мне хочется крикнуть: «Весь мир у тебя!»

Как бабочки девочек платица пестры,
Здесь ссора, там хохот, там сборы домой...
И шепчутся мамы, как нежные сестры:
– «Подумайте, сын мой»... – «Да что вы! А мой».

Я женщин люблю, что в бою не робели,
Умевших и шпагу держать, и копье, –
Но знаю, что только в плену колыбели
Обычное – женское – счастье мое!

Первая строфа посвящена описанию райского уголка Люксембургского сада, где гармонично сочетаются цветущие ветки, лепечущие струи фонтана и во всем подобные им детки (схожая рифма «веточки – деточки» уже встречалась в «Жертвам школьных сумерек»). Во второй строфе описана мать с ребенком, «коронованным» её взглядом – вероятная отсылка к образу Мадонны с младенцем-Иисусом («Царем Иудейским»). Непосредственный смысл его в том, что человек – это целый мир, причем у матери мир ребенка во владении. В третьей строфе этот теневой смысл становится еще более явным. Картины первых двух строф совмещаются, причем счастье и детей, и их матерей дано в действии: дети резвятся, матери «воркуют», как нежные сестры: «Подумайте, сын мой»... – «Да что вы! А мой»... Лирическая героиня не может вставить свое «мой», не может поделиться своим счастьем. Как прямолинейно заметила А. Саакянц, лирическая героиня «завидует им» [5, с. 518]. Отсюда вывод – финальная строфа. Смысл её в том, что путь героини и романтики привлекателен, но не обещает счастья, а счастье заключается в обладании ребенком (целым миром), в материнской любви.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

О, будь печальна, будь прекрасна,
Храни в душе осенний сад!
Пусть будет светел твой закат,
Ты над зарёй была не властна.

Осенний сад, упомянутый поэтом выше, не что иное, как лирическое и немного грустное состояние души лирической героини, которой посвящено стихотворение. Ей, как и большинству женщин, пришлось пережить годы прекрасной юности, когда поступки расходятся со здравым смыслом, и ей же теперь вступать в зрелый возраст, преимущество которого уже не природная чистота и нежность, а опыт прожитых лет, мудрость. Сад предстает абстрактным понятием жизненного пути, вместилища воспоминаний и эмоциональных картин.

За этот ад,
За этот бред,
Пошли мне сад
На старость лет.

Так писала М. Цветаева в эмиграции, в 1934 году. Правда, желанного сада в её трагической судьбе так и не появилось...

Б. Ахмадулина принадлежит к числу поэтов, которые, опираясь на опыт предшествующего и современного периодов, сумели найти свою форму и содержание. В поэзии Б. Ахмадулиной нам открывается мир парадоксальных противоречий и близости севера и юга, мороза и моря. Очень часто природные контрасты знаменуют и душевные метания и противоречия лирической героини Ахмадулиной.

САД

Я вышла в сад, но глушь и роскошь
живут не здесь, в слове: «сад».

Оно красою роз возросших
питает слух, и нюх, и взгляд.

В сборнике стихотворений «Сад» (удостоенном Государственной премии) заметен герметизм, есть красивые описания прогулок, пейзажей, а также присутствует тайна, смысл которой не объясняется.

ДОЖДЬ И САД

В окне, как в чуждом букваре,
неграмотным я рыщу взглядом.

Я мало смыслю в декабре,
что выражен дождем и садом.

В двух словах – поэт созерцает начало конца, где загробный мир, представленный «садом» наливается и набирает силу с помощью дождя, чтобы с приходом зимы, то есть, конца, замереть, приняв новую обительницу.

«Сад» в одноименной лирической книге – это модель природного космоса, подчиняющегося круговороту временного цикла, движение в котором создается цветением «черёмухи» и «сирени». «Черемуха» и «сирень» – знаковые элементы ахмадулинской флоропоэтики. Однако если сирень – растение «чужого» текста, текста культуры, её присутствие в стихотворении расширяет пространство текста за грани лирического «Я», то черемуха – цветок индивидуального ахмадулинского мифа о Природе и Слове и знак авторского лирического времени [2, с. 144].

Структурообразующий принцип, за счет которого достигается архитектурное и семантическое единство книги Б.Ахмадулиной «Сад», – временной. Время интересует автора и как конкретная временная «точка», момент зафиксированной даты, остановленный миг бытия, и как суточный цикл чередования ночи и дня, и как сезонный цикл: в книге представлен сезон цветения, весна и начало лета.

САДОВНИК

...И, притаясь в листве веселой,
смеюсь тихонько в кулаки.

Вот он сидит, мой друг высокий,
и починяет башмаки.

...И верю я одна на свете,
что зацветут его сады,
что странно засияют с веток
их совершенные плоды.

...Он машет вилок с селедкой,
глазами голодно блеснит,
и персик, твердый и соленый,
на крепких челюстях хрустит... (1973)

Объективное время «Сада» – с конца февраля («29 день февраля») по июнь («Лишь июнь сортавальские воды согрел...») – задает ситуацию весеннего цветения природы. Сад – промежуточное звено между первозданной природой и культурой, словом. «Пока садовник учинял сад – чудо-лунность и чуланность» («Пора, прощай, моя скала») – таким образом заявляется одновременность открытого и замкнутого пространства сада, его амбивалентная обращенность и к природоморфизму, и к культурному наследию человека.

Представления о библейском прототипе сада, обогащенные европейским культурным опытом, в интерпретации Б. Ахмадулиной получили двойственную окраску, отражая, с одной стороны, их поиск идеальной любви, а с другой – стихию языческой чувственности.

Концепт «сад» в творчестве вышеуказанных поэтов – это два кардинально разных мира, по-своему интересных и захватывающих. Поэзия первой половины XX века, опирающаяся на христианский концепт сада, с помощью Беллы Ахатовны к концу столетия открыто обнаружила свою связь с культурным наследием прошлого, на новом витке развития возвратившись к символистскому опыту трактовки метафизики сада.

Сад Ахмадулиной – это её духовный мир, в котором витает душа сирени, а автор чувствует себя частью пейзажа и природы. Поэт сопоставляет свой тонкий духовный мир, наполненный тайной мироздания, религиозности, веры в бога. В отличие от материалистов, она убеждена, что её быстро отцветающая черемуха прочнее и важнее материальных ценностей. В поэзии Б. Ахмадулиной, активно использующей образ сада в моделировании будущей реальности, идея рукотворной природы доминировала над идеей природы естественной. Сад Б. Ахмадулиной – не что иное, как загадочный и недостижимый загробный мир, который ожидает, а, кроме того, еще и имеет возможность созерцать и наблюдать поэт.

Сад Цветаевой – это есть жизненный путь, окрашенный в более яркие тона в подсознании, убеждает нас поэт. Не больше чем будничные события, перенесенные на художественную киноплёнку, одобренные фантазией режиссера и мастерством оператора – зафиксировать самый яркий миг и прикрыть им все остальное, менее важное на его взгляд в данный момент. Только в стихотворении «Сад» она на какой-то момент теряет связь со своим вымышленным миром и просит вернуть его хотя бы на старости лет, может

бути навіть в формі «того світла». Саме цей мотив, був підхвачен Б. Ахмадуліною роками пізніше.

Від реального до надприродного – так можна описати цей поетичний шлях довжиною в століття.

Література

1. Алешка Т. В. Творчість Б. Ахмадуліною в контексті традицій російської поезії / Т. В. Алешка. – Мінськ : РИВШ БГУ, 2001. – 124 с.
2. Афанасенкова Е. Н. Особливості творчої манери Б. А. Ахмадуліною (Поетика, проза) : дис. ... канд. філол. наук : 10.01.01 / Е. Н. Афанасенкова ; Ростов. гос. пед. ун-т. – Ростов н/Д, 2005. – 174 с.
3. Бабушкін А. П. Типи концептів в лексико-фразеологічній семантиці мови : дис. ... докт. філол. наук : 10.02.19 / А. П. Бабушкін ; Воронеж. гос. пед. ун-т. – Воронеж, 1997. – 300 с.
4. Лихачев Д. С. Концептосфера російської мови / Д. С. Лихачев // РАН СЛЯ. – 1983. – № 1. – 284 с.
5. Саакянц А. А. Марина Цветаєва. Життя і творчість / А. А. Саакянц. – М. : Елліс Лак, 1997. – 816 с.
6. Степанов Ю. С. Константи : Словарь російської культури / Ю. С. Степанов. – М. : Мови російської культури, 1997. – 824 с.

КОНЦЕПТ ДОБРО В СВІТОСПРИЙНЯТТІ СХІДНИХ СЛОВ'ЯН

Фощій Христина Павлівна,
студентка ІІІ курсу філологічного факультету

Наук. кер.: Шкуран О. В.,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри української мови і загального мовознавства
Луганський державний університет ім. Тараса Шевченка

Наш сучасний світ „задирається” від жорстокості, він благає про добро крізь соціальні мережі, біл-борди та засоби масової інформації. Але що кожен з нас робить, окрім балачок, для того аби дійсно нести добро у світ?

Духовні цінності замінюються матеріальними, замість книжок ми читаємо новини в Інтернет-мережі або просто дивимось телевізор, замість реальної допомоги, ми зітхаємо над записами (постами), де люди молять про допомогу і ставимо „лайк”. Ми не стверджуємо, що так роблять всі... але, на жаль, більшість.

Та чому це відбувається, чому наш світ вимагає добра, звідки береться ця всепоглинаюча злість? Адже нас з покоління в покоління навчають бути добрими, чуйними та милосердними.

Темою нашого дослідження ми обрали концепт „добро” в світорозумінні східних слов’ян.

Актуальність обраної теми зумовлена тим, що концепт *добро* представлений в Біблії, фольклорних матеріалах та інших джерелах. Тому спробуємо інтерпретувати цей концепт на тлі сучасних подій та сучасного світорозуміння добра.

Мета полягає в тому, щоб переконатись у схожості позитивного розуміння концепту *добра* як в фольклорних джерелах, так і в Святому Писанні.

За визначенням О. О. Селіванової, концепт – це інформаційна структура свідомості, різносубстратна, певним чином організована одиниця пам’яті, яка містить сукупність знань про об’єкт пізнання, вербальних і невербальних, набутих шляхом взаємодії п’яти психічних функцій свідомості й позасвідомого [5, с. 256].

На думку О. С. Кубрякової, *концепт* є терміном, який пояснює одиниці ментальних або психічних ресурсів нашої свідомості у тій інформаційній структурі, що відображає знання і досвід людини; це оперативна змістова одиниця пам’яті, ментального лексикону, концептуальної системи мозку (*lingua mentalis*), всієї картини світу, відображеної у людській психіці [3, с. 90].

Отже, концепт – це поняття, що зафіксовано у словнику, але переосмислене в розумінні людей, народу в цілому, говорячи про концепт, більшість асоціює його з ментальністю, адже концепт ще називають „згустком культури”, поняттям, що переосмислене людьми в залежності від їхніх традицій, звичаїв та світосприйняття.

Слід сказати, що деякі люди дійсно роблять добрі справи: допомагають знедоленим та нужденним, але роблять це напоказ, для підвищення своєї репутації в суспільстві, так званого самопіару і ми вважаємо, що це ще гірше, ніж бездіяльність, адже у „Книзі книг” Біблії концепт *добро* представлений в такому контексті: *Твори в тайне и воздастся явно* – тобто не пишатися своєю добродійністю. У Нагірній проповіді Ісус Христос говорить: *Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного... Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно* (Мф. 6, 14) [4, с. 23].

Концепт *добро* представлений іншим семантичним рядом, як-от у вірші „Твори милостыню в тайне” Валентини Бєлєвської: „*Вовсе не случайный// Твой порыв души –// Милостыню в тайне// Молча соверши,// Не твори ее ты// Явно, напоказ,// За твою заботу// Бог тебе воздаст...*”. У словнику біблеїзмів „Лепта библейской мудрости” подається такий біблеїзм: *Левая рука не ведает (не знает), что делает правая*, він має два значення: 1. Скромність при здійсненні добрих справ 2. Про людей, колективи чи організації, чиї дії є непослідовними. Іноді зустрічається старослов’янський вираз: „Да не ведает твоя шуйца, что творит правая десница” [4, с. 26].

Отже, добро за Святим Писанням є добром при умові таємної допомоги іншим людям.

Концепт *добро* ми досить часто зустрічаємо і в народній творчості, зокрема в пареміях, їх, як відомо, вважають мікротекстами, що є виразними, точними і змістовними, здебільшого вони емоційно забарвлені, використовуються в конкретних ситуаціях спілкування. Надзвичайне прагнення народу використовувати паремії, досліджується вже досить довгий час, найвідомішими серед фольклористів ХХ ст. є А. Багмет, П. Попов, М. О. Рибнікова, В. Адріанова-Перетц, Л. Скрипник, Д. Бондаренко та ін.

Паремія „Роби добро і кидай його у воду” стала загальноновживаною після знятого мультфільму „Ух ты, говорящая рыба!” (1983 р.) за мотивами казки Ованеса Туманяна „Говорящая рыбка” – варіації сюжету про Золоту рибку. Старий рибалка зловив розмовляючу рибу, яка просить відпустити її назад у море із закликом: „Роби добро, кидай його у воду – воно не пропаде, добром до тебе повернеться!”.

Заклик робити добро зустрічається і в дитячих народних та літературних казках, напр.: у російській народній казці „Гуси-лебеді” хоробра Оленка, шукаючи свого братика устигає ще й допомагати печі, яблуні і всім іншим, хто цього потребує, а у відповідь на її доброту яблуня дає їй захист, піч пригощає пиріжками, а молочна ріка з кисільними берегами дає їй напитися. Персонаж української народної казки „Котигорошко” чинить добро, рятуючи всіх від величезного Змія, що спустошував землі та залякував, нищив людей; у казці Ганса Крістіана Андерсена „Дюймовочка” маленька дівчинка взимку доглядає ластівку з підбитим крилом та рятує пташку від загибелі. Ластівка відплачує їй добром і забирає крихітну дівчинку у теплі краї, де вона знаходить справжнє щастя.

Засоби масової інформації популяризують добрі вчинки, як наприклад випадок, що стався у 2013 році, коли безпритульний повернув обручку жінці, котра загубила її, коли давала йому гроші, у засобах масової інформації про це писали так: *Біллі Рей Харріс розповів нам наступне: „Вона прийшла до мене і сказала: „Ти мене пам'ятаєш?”. „Я кажу: „Не знаю. Я бачу багато осіб за день”. А вона відповідає: „Я тобі дала децю дуже цінне”. „Обручку? – Запитав я, – Так, вона у мене”. Пізніше жінка розповідає: „Це справжнісіньке диво. Чесно кажучи, я подумки попросилася з обручкою, коли зрозуміла, що кинула її безпритульному. Але є в світі добрі люди!”. У нагороду за повернену їй обручку жінка дала своєму рятівникові всі готівкові гроші, які були в її гаманці. Харріс пояснив свої високі духовні якості тим, що його дідусь, який виховував його з шести місяців, був священиком. Високі моральні цінності, які він йому прищепив, і досі збереглися [6].*

Отже, концепт *добро* представлений як у Святому Писанні, так і в усній народній творчості, як в засобах масової інформації, так і художній літературі. Він представлений деякими конотативними відтінками: милосердя, душевний порив надати допомогу та ін.

На наш погляд, доцільно надалі збирати картотеку паремій з художньої літератури, фразеологічних словників, щоб скласти повну картину та всі семантичні відтінки у значенні концепта *добро*. Це і стане метою нашого подальшого дослідження.

Література

1. Балакова Д. и др. Лепта библейской мудрости : библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / авторы-составители: Д. Балакова, Х. Вальтер, Н. Ф. Венжинович, М. С. Гутовская, Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2014. – 208 с.
2. Балакова Д. и др. Наследие Библии во фразеологии / Д. Балакова, В. Ковачова, В. М. Мокиенко. – Грайфсвальд. – 2013. – 308 с.
3. Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – 197 с.
4. Образование и православие [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.orthedu.ru>
5. Сайт Интернет-новин [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.newsru.com>
6. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с.

ФУНКЦИИ «КРИМИНАЛЬНЫХ» ЖАРГОНИЗМОВ В ПОВЕСТЯХ Ю. АЛЕШКОВСКОГО

Черненко Светлана Юрьевна,
магистрант кафедры общего языкознания
и истории языка им. Е. С. Отина

Науч. рук.: Касьяненко Н. Е.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего языкознания
и истории языка им. Е. С. Отина
Донецкий национальный университет

Небезызвестным и установленным фактом является то, что лексический состав любого языка является динамичным, изменяемым ввиду того, что со временем каждая языковая группа пополняется за счёт появления новых лексем. Такие лексемы могут быть образованы как от исконных слов, так и от заимствованных из других языков, они могут проникать из одного стиля в другой, приобретая иную семантику, лексика разговорной речи может попадать в язык художественной литературы, находить своё отражение в публицистике и укореняться в ней. Жаргонные единицы также могут проникать в другие подсистемы национального языка и, в частности, в язык художественной литературы. При этом, как отмечают лингвисты, они используются с позиций стилистической целесообразности, поскольку, по словам Г. О. Винокура, в художественном языке «всё стремится стать мотивированным со стороны своего значения» [3, с. 55].

В данной статье речь пойдет о функциях, которые жаргонная лексика выполняет в творчестве Ю. Алешковского. Следует отметить, что Юз Алешковский приходит в литературу в 60-е годы XX века и оставляет в ней след как прозаик, поэт и бард. Свои произведения он пишет от лица рассказчиков, которые относятся к низшим социальным слоям. В 1947 году Юз Алешковский был призван на службу в военно-морском флоте, служил в Сибири, где за нарушение дисциплины был приговорён к четырём годам заключения. С 1950 по 1953 год отбывал наказание в лагере. Возможно, именно его четырёхлетнее пребывание в тюрьме послужило основой для формирования авторского языка, главной особенностью которого стала жаргонная лексика.

В качестве материала исследования были привлечены два произведения Юза Алешковского – повести «Николай Николаевич» и «Маскировка», однако прежде стоит остановиться на функциях жаргона вообще.

Исследователи говорят о таких функциях жаргона, как сигнификативно-маркирующая, креативная, игровая, редуцирующая. Сигнификативно-маркирующая функция – функция узнавания «своих», когда с помощью жаргонной лексики обозначается принадлежность к определенной социальной группе. Креативная функция подразумевает, что с помощью жаргонных слов

называют реалии, которые не получили обозначения в литературном языке (дополнительная коннотация и денотация). Это также функция игры, с помощью которой носитель языка может освоить язык как творец. То есть, одна и та же номинативная единица может иметь несколько вариантов ввиду синонимии. Редуцирующая функция жаргона заключается в сокращении выражения. В настоящее время редуцирующая функция занимает немаловажное место в языке, так как на данный момент актуальным является закон экономии языковых средств. Установленным научным фактом является то, что жаргонная лексика всегда эмоционально-экспрессивно окрашена. Существует несколько разновидностей такой окраски: ирония, фамильярность в шуточной форме, неодобрительная оценка, угроза и пр. Жаргон выполняет также и аксиологическую функцию, учитывая то, что в каждой социальной группе, исходя из ориентаций, на которых она формируется, существует своя жаргонная лексика.

Создатели художественных текстов, писатели и поэты, нередко используют в своих произведениях лексику, которая выходит за границы литературного языка. Они используют слова и выражения, не являющиеся общеупотребительными, которые функционируют только в рамках определенных социальных групп. Так, к примеру, профессионализмы, территориальные диалектизмы, жаргонная лексика могут быть использованы в качестве средств, создающих особую речевую характеристику художественного героя, для изображения конкретной социальной обстановки, быта, создать в произведении такую «картину», которая будет максимально раскрывать задумку автора. Исходя из этого, можно утверждать, что если автор решает написать произведение, где он будет описывать жизнь в криминальной среде, то он обязательно в большей или меньшей степени употребит слова и выражения из арго и жаргона людей низшего социального уровня (например, наркоманов).

По тому, насколько часто такие приёмы употребляются в художественной литературе, исходя из их яркой эмоционально-экспрессивной окрашенности и стилистических особенностей, криминальный жаргон иногда сравнивается с экспрессивным просторечием. Об этом В.В. Химик говорит, что «традиционное экспрессивное просторечие непосредственно смыкается с разговорно-сниженными единицами, отделить от которых их можно не всегда. К экспрессивному просторечию относятся единицы, которые несут в себе этические и эстетические ограничения в употреблении – это не столько сниженные номинации, сколько низкие и вульгарные, оскорбительные или бранные, не рекомендуемые для использования не только в письменной, но и в устной разговорной речи» [6].

Однако криминальный жаргон не только несёт в себе языковую экспрессию. Наряду с этим, он выполняет также номинативную функцию. С помощью жаргонной лексики вещи, имеющие конкретное имя в общеупотребительном языке, приобретают новые названия, известные лишь некоторым слоям социума, о которых говорилось выше. К этому можно

отнести тематические группы слов, называющие иерархию преступников, их категории, предметы и явления, относящиеся к воровской и прочей криминальной деятельности, завуалированные названия веществ и средств в жаргоне наркоманов. Учитывая это, воровской жаргон нередко соотносится с профессиональной лексикой, он рассматривается как родственный ей в смысле наименования предметов и явлений, исходя из специфики определенной профессии. Как профессионализмы, так и слова криминального жаргона являются известными только тем особам, которые имеют непосредственное отношение к сфере их употребления, будь то какая-либо профессия, либо криминальная деятельность. Данный пласт жаргонизированной лексики не имеет ярко выраженной эмоционально-экспрессивной окрашенности и относится в большей степени к так называемым «профессиональным» терминам криминального мира. Жаргон имеет также функцию отражения и закрепления за собой системы ценностей и социальной направленности той или иной общественной группы, которая в той или иной мере не укладывается в рамки и общепринятые нормы поведения социума, отличается от привычной системы ценностей большей части общества.

К тому же, существующее понятие жаргонной метафоризации включает в себе идею разграничения преступного мира и мира обычного общества. Эта идея подразумевает, что всё, имеющее отношение к сфере криминальной деятельности, является положительным. Всё остальное, выходящее за пределы криминала, считается чужеродной системой и соответственно именуется с некой «маркированностью», своеобразным отличительным знаком, который в свою очередь выполняет функцию определения «своих» и «чужих».

С помощью жаргонной лексики можно отразить мировосприятие и моральные устои разных слоёв общества, межличностные отношения, иерархию определенных социальных групп, терминологию и различные предметы и явления. И, что немаловажно, жаргон может быть отличным способом выражения комического – сатиры, иронии, сарказма и гротеска. По мнению некоторых исследователей, «жаргонная лексика может быть также средством, помогающим установить контакт с читателем – носителем того же жаргона» [5]. Введение жаргонных единиц в ткань художественного произведения используется автором не случайно, а с определенными художественными задачами. Любой жаргонизм при этом выполняет эстетическую роль и привлекает к созданию художественного образа. Рассмотрим более подробно, как делает это Юз Алешковский.

Важно отметить, что жаргонная лексика в произведениях Юза Алешковского выполняет несколько функций. Во-первых, автор использует жаргон для того, чтобы максимально точно изобразить отнесённость героя к сфере криминального мира, показать его принадлежность к преступной деятельности. К примеру, главный герой научно-фантастической повести «Николай Николаевич» – бывалый вор, карманник, «работающий» в трамваях. Начинается повесть с беседы Николая со своим другом, собутыльником, которого он называет «уркой международным». Герой повествует о своей

жизни, о том, как он освободился «девятнадцати лет, после войны», о воровской «профессии». Естественно, поскольку он является представителем преступного мира, вором, ему присущ и соответствующий этому миру язык: *«Куропчил потихоньку на садке, причем без партнеров, и даже пропаль пульнуть некому»* [2, с. 6]. В переводе это будет значить ‘воровал понемногу в толкучках при входе (куда-либо, например, в метро; здесь), причём без партнёров, и даже бумажник/кошелёк передать некому’. Во-вторых, на протяжении всей повести мы видим, что жаргон употребляется также для придания речи героя эмоционально-экспрессивной окраски. Об этом свидетельствуют не только жаргонизмы, но и матерные слова и выражения. С помощью жаргонизмов, Алешковский рассказывает о жизни простого народа в Советском Союзе 70-х годов.

В рассказе «Маскировка» повествуется о деятельности рабочего класса, о так называемой «замаскированной» деятельности Советского Союза. Главный герой, Милашкин, – обычный работяга, бригадир, алкоголик, то есть человек из простонародья. В его речи мы также встречаем как жаргонные единицы, так и обценную лексику: *«Сам я маскировщик восьмого разряда. Мое дело алкоголизм. Бригадир. Как получка, так моя бригада надирается, расходится по городу, балдеет, буянит, **рыла чистит** гражданам, тоже маскировщикам по профессии, а я как старшой должен завалиться на лавочке возле Ленина и дрыхнуть до утра»* [1, с. 72].

Дело в том, что в послевоенное время активно начали проводиться массовые амнистии, реабилитации и пересмотры дел заключенных. По словам В.А. Козлова, «спусковым крючком к распространению хулиганства стала первая послесталинская массовая амнистия 1953 года. По ней из лагерей было выпущено 1,2 млн. человек, что составляло 53,8 % от общей численности заключенных ГУЛАГа в апреле 1953-го» [4]. В 60-е годы начались беспорядки, с которыми государство едва могло справиться, вдобавок ко всему, «в конце 1970-х гг. страну охватила эпидемия повального пьянства. По сравнению с 1960 г. потребление алкоголя выросло в два раза. На учете состояло два миллиона алкоголиков. В 1978 г. в органы милиции было доставлено около 9 миллионов пьяных, свыше 6 миллионов попали в вытрезвитель. Удручающая статистика преступности, пьянства, хулиганства обещала новую волну бунтов и волнений» [4]. Произведения Юза Алешковского «Николай Николаевич» (1970) и «Маскировка» (1978) были написаны именно в 70-х годах. Вполне возможно, что Алешковский использовал жаргонную лексику именно для того, чтобы наиболее точно осветить быт того времени. Важно отметить, что сам Юз Алешковский был судим и с 1950 по 1953 год отбывал наказание в лагере. Из этого можно сделать вывод, что автор использует жаргон не только для описания быта, характеристики героев и придания экспрессивно-эмоциональной окраски повествованию. Он таким образом приближает себя к рассказчику, использующему собственный стиль речи, что в какой-то степени может являться намеренным намёком на документализм произведений, ведь и научно-фантастическая повесть «Николай Николаевич», и рассказ

«Маскировка» освещают темы, на самом деле актуальные для советского времени.

В частности, в повести «Маскировка» герой-рассказчик, от лица которого ведётся повествование, излагая свою «замаскированную» историю (не случайно, повесть имеет подзаголовок «История одной болезни» – намёк на то, что все рассказанное является якобы плодом воображения больного человека), пересыпает свою речь лексикой экспрессивной, ярко окрашенной, а часто – обценной. Способность так высказываться не только позволяет узнать в рассказчике человека из низов общества, но и «взглянуть» его глазами на жизнь, которую ведут жители города Старопорохова, дать оценку укладу, привычному для его соотечественников: *«И маскировочка у них [китайцев. – С. Ч.] почище нашей, а под каждым городом, под каждой даже, говорят, фанзой или же завод, вроде моего, или же **шарашка**, где они вручную водородки **мастырят**»* [1, с. 78]. Использование жаргонных образований, криминального происхождения (*шарашка*, *мастырить*), номинаций разговорной речи (*водородка* – результат лексикализации сочетания *водородная бомба*), просторечного *почище* – всё это делает речь рассказчика экспрессивно насыщенной, ощутимо оценочной и выдают в нем человека из народа. Таким образом, можно констатировать уместность и целесообразность употребления Ю. Алешковским лексики криминального жаргона.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что единицы криминального жаргона, включенные в ткань художественных произведений Ю. Алешковского, привлекаются к созданию художественного образа и выполняют различные художественно-стилистические функции. Одной из ведущих функций является стремление автора максимально точно изобразить отнесённость героя к сфере криминального мира, показать его принадлежность к преступной деятельности. Помимо этого, «криминальные» жаргонизмы становятся средством демонстрации быта простого народа в 70-е годы в Советском Союзе. У Алешковского единицы криминального жаргона участвуют также в создании речевой характеристики, составляющей неотъемлемую часть образа персонажа. Жаргонный лексикон в своём разнообразии концентрирует определённое мировоззрение личности, воплощает временной срез культуры. При этом можно отметить смысловую ёмкость, эмоциональность и экспрессивность жаргонной лексики.

Особая роль жаргонных номинаций криминального характера состоит в том, что они в определённой степени представляют собой условный язык общения в преступном мире и в этом смысле смыкаются с арготической лексикой.

Литература

1. Алешковский Юз. Маскировка / Ю. Алешковский. – М., 1990. – С. 5–70.
2. Алешковский Юз. Николай Николаевич / Ю. Алешковский. – М., 1990. – С. 71–128.

3. Винокур Г. О. Об изучении языка литературных произведений // спец. вузов / Сост. Т. Г. Винокур // Г. О. Винокур. О языке художественной литературы : Учеб. пособие для филол. – М. : Высш. шк., 1991. – С. 32–63.
4. Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.) / В. А. Козлов. – Издание третье, исправленное и дополненное. – М. : РОССПЭН, 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://vakozi2008.narod.ru/kozlov_massovyye_besporiadki_2010.pdf
5. Лексика современного русского языка с точки зрения её употребления. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://wapref.ru/referat_qasrnajgepolyfs.html
6. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи : Предисловие / В. В. Химик. – СПб., 2004. – 762 с.

ТИПОЛОГІЯ ВИДАВНИЧИХ ПОМИЛОК НА МАТЕРІАЛІ ІНТЕРНЕТ-ВИДАННЯ «ГАЗЕТА ПО-УКРАЇНСЬКИ»

Черноволова Наталя Сергіївна,
студентка IV курсу філологічного факультету

Наук. кер.: Кудрейко І. О.,
кандидат філологічних наук,
зав. кафедри української філології і прикладної лінгвістики
Донецький національний університет

Редагування як соціально необхідний процес опрацювання тексту існує в житті суспільства вже близько двох з половиною тисяч років, проте редагування як наука виникла досить недавно – менше століття тому, і окремих досліджень, присвячених його розвитку, поки що мало.

На початку ХХІ ст. чітко простежується тенденція до збільшення кількості видавництва. Так само зростає і кількість назв, обсяги тиражів та діапазон книжкової продукції. Проте ефективність видавничої діяльності у сучасних умовах могла б бути набагато вищою, якби вдосконалення роботи видавців та редакторів спиралося на більш надійну наукову основу.

Публіцистика, що останніми роками все активніше розвивається, не менше інших стилів літератури страждає від проблем редагування. Терміновість написання інформаційних матеріалів нерідко призводить до значної кількості помилок. Саме з цією метою видавництва винаймають коректорів, що контролюють продукт праці журналіста.

Інтернет-журналістика, що нині відіграє вагомий роль у формуванні світосприйняття читача, потребує не менш ретельної перевірки, адже іноді матеріали публікуються без додаткової перевірки. Це нерідко викликає обурення реципієнтів та заважає адекватному сприйняттю тексту.

Мета роботи: визначити типи видавничих помилок, на матеріалі інтернет-видання «Газета по-українськи»(gazeta.ua).

Мета передбачає розв'язання таких завдань:

- 1) вивчити наукову літературу с теми;
- 2) опрацювати класифікацію видавничих помилок;
- 3) дібрати фактичний матеріал щодо помилок у інтернет-виданні «Газета по-українськи».

Найпростіший вид видавницької діяльності – коректура. Ще І. Федоров робив спроби редагування «Апостола», що полягали в оновленні лексики, упорядкуванні системи правопису, тлумаченні малозрозумілих відрізків тексту. Утім, про нагальну необхідність редагування можна говорити лише з 30–40-х років XIX століття, адже саме цей період ознаменований розвитком книгодрукарства, видавництва, друкованих видань, появою роздрібного продажу засобів масової інформації. Саме тоді журналістська та літературна праця отримала визнання як необхідна професія.

Спочатку слово «редактор» використовується у значенні «видавець», пізніше – «керівник» видання. За цих умов робота редактора включає в себе і функції редактора, і функції головного редактора (М. Новіков, І. Крилов, О. Пушкін, О. Герцен, М. Некрасов, Ф. Достоевський, М. Салтиков-Шедрин). Утім, із часом формується новий тип робітника видавництва, що виконує роботу сучасного редактора. У кінці XIX століття видавець М. Вольф заснував для цього спеціальну посаду – літературний секретар.

Про появу редактора у сучасному розумінні слід говорити у зв'язку з післяжовтневим періодом розвитку ЗМІ та видавницької справи.

На сучасному етапі становлення редагування продовжується за трьома напрямками:

- 1) мовно-стилістичний аспект, що полягає у вивченні мови ЗМІ, вимог до неї, її аналіз, розгляд особливостей лексики, морфології, лексикології, фразеології та синтаксису. У витоків цього напрямку стояли К.І.Белінський та Д.Е.Розенталь;

- 2) узагальнення минулого та теперішнього досвіду редакторів. Тут виділяють діяльність письменників та публіцистів XIX століття (видавничі праці Пушкіна, Некрасова, Салтикова-Шедрин) та діяльність редакторів XX століття (М. Горький, С. Маршак, Л. Чуковська);

- 3) науково-теоретичне обґрунтування видавничого процесу на базі осмислення суміжних сфер знань (літературознавства, логіки, статистики, педагогіки, психології, інформатики, книговедіння тощо).

«Газета по-українськи» – українська інтернет-газета. Матеріали друкуються переважно українською мовою, однак наявна певна кількість і російською мовою. Також, можна обрати і мову оформлення сайту. Сайт видання розпочав свою роботу у 2006 році. Видавництво – ТОВ «Видавнича група «Нова інформація».

У роботі ми розглянули матеріали, опубліковані на сайті газети за період з 2013 по 2014 рр. Було з'ясовано, що редактори сайту вкрай недбало ставляться

до коригування помилок, адже зафіксовано їх значну кількість. Автори матеріалів звертаються до користувачів із таким проханням: «Якщо ви помітили помилку у тексті, виділіть її мишкою та натисніть комбінацію клавіш Alt+A».

У роботі послуговувалися типологією видавничих помилок, укладеною доктором філологічних наук, професором З.Партико Основні типи, що виокремлює автор у своїй класифікації, висвітлено на рис. 1.

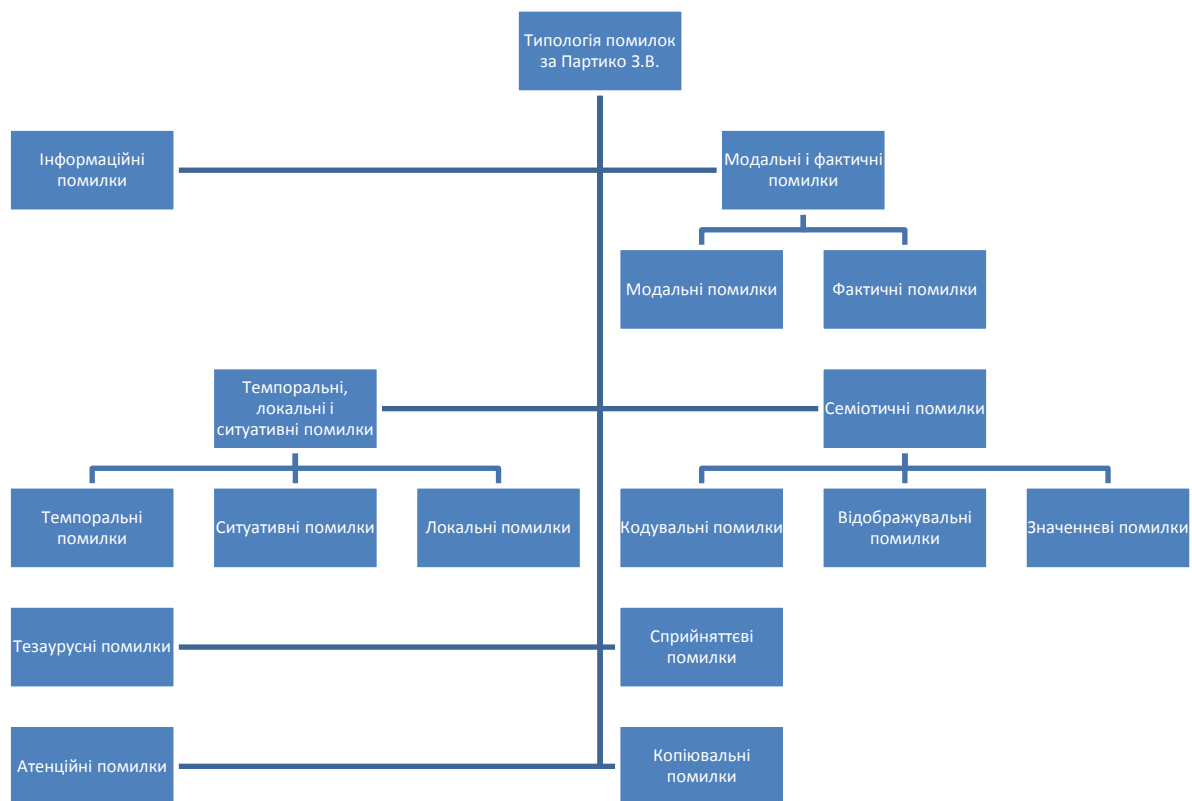

Рис. 1.

За типологією З. Партико нами зафіксовано:

1) копіювальні помилки – 25;

В цьому році легендарному режисерові виповнилося б 90 років.

Українські дороги неприсмно шокували провідного британської телепередачі Top Gear Річарда Хаммонда, повідомляє ТСН.

2) кодувальні помилки – 14;

Тепер Порошенко – опозиціонер, і з владою не друже

3) інформаційні помилки – 5;

23 листопада відбувся фінальний концерт українського туру Мумий Троль на підтримку свого нового альбому "Sos матросу". Останній виступ туру на підтримку останнього альбому колективу відбудеться 13 грудня в Льодовому Палаці Санкт-Петербурга.

4) значеннєві помилки – 5;

Ці об'єкти архітектури будуть пустувати через кризу

5) сприйняттєві помилки – 4;

Дуже люблять караоке, воно є в кожному барі.

Вони гостинні, запросто можуть запросити іноземця в юрту на чай

6) темпоральні помилки – 2;

У Москві в ці дні проходить тенісний турнір АТР "Банк Москви Кубок Кремля".

7) відображувальні помилки – 2;

– "Алегорія дощу" задумана як фонтан, – каже Наталія Мудрук, коли буде виконана в бронзі.

8) тезаурусні помилки – 1;

На його рахунку шість ейсів за відсутності подвійних помилок. Соуза навиліт не подавав і двічі помилився на подачі.

9) атенційні помилки – 1.

Назва статті "30-річні монголи не знають російської" (http://gazeta.ua/articles/ls-travels/_30-richni-mongoli-ne-znayut-rosijskoji/465869) однак розповідь іде про життя сучасних монголів, їхню розвиненість і ІТ-технологіях, пустелю Гобі та знахідки у ній.

Також у процесі дослідження було додано такі типи помилок як макроструктурні/мікроструктурні(типологія А. Капелюшного), орфографічні та пунктуаційні, що не були зазначені у типології, за якою проводилися дослідження. Було виявлено:

1) макроструктурні/мікроструктурні – 1;

Шестеро співробітників російського ОМОНу звернулися до лікарні після заворушень у Західному Бірюльово, двоє з них госпіталізовані з травмами.

Як повідомили в главку МВС, в результаті заворушень, під час яких були затримані близько 400 осіб, постраждали шестеро поліцейських.

"У медичні заклади міста з травмами різного ступеня тяжкості зверталися шестеро співробітників ОМОН ЦСН ГУ МВС РФ у Москві, з яких двох людей госпіталізовано", – сказали в МВС.

2) пунктуаційні – 16;

Працюю лише з бронзою – всі ці тонкі речі – художниця показує на складки пишних рукавів на скульптурі – неможливо зробити в камені.

3) орфографічні – 25.

Він зустрічає персонажа по імені Лорн Малво.

Таким чином, бачимо, що найчастіше зустрічаються саме орфографічні помилки, що свідчить про недостатній рівень підготовки кадрів у лінгвістичному аспекті, а наявність великої кількості копіювальних помилок демонструє неуважність та недостатню пильність у обробці матеріалів.

Дослідження видавничих помилок – дуже перспективна сфера редагування, особливо якщо йде мова про помилки у засобах масової інформації. Публіцистика розвивається активніше, порівняно із іншими літературними стилями, а тому і кількість матеріалів, що виходять у світ щодня, зростає. Помилки різного типу заважають реципієнтові адекватно сприймати подану інформацію, знижують якість отримуваних даних, відволікають увагу від основного. Будь-яка правка має бути аргументованою. Цією аргументацією і має стати повна типологія помилок.

Література

1. Базанова А. Е. Литературное редактирование: Учеб. пособие / А. Е. Базанова. – Ч.1. – М. : Изд-во РУДН, 2006. – 105 с.
2. Капелюшний А. О. Типологія журналістських помилок / А. О. Капелюшний. – Львів : ЛНУ ім. Івана Франка, 2000. – 68 с.
3. Мильчин А. Э. Методика редактирования текста : Учебник / А. Э. Мильчин. – М. : Логос, 2005. – 524 с.
4. Морозова В. А. Редактирование. Общий курс. Учебное пособие для специальности 021500 – Издательское дело и редактирование / В. А. Морозова. – Ульяновск : УлГТУ, 2002.
5. Партико З. В. Загальне редагування : загальні основи: Навчальний посібник / З. В. Партико. – Львів : ВФ Афіша, 2006. – 416 с.
6. Різун В. В. Літературне редагування: Підручник / В. В. Різун. – К. : Либідь, 1996. – С. 58.
7. Тимошик М. С. Книга для автора, редактора, видавця: Практичний посібник / М. С. Тимошик. – К. : Наша культура і наука, 2006. – 560 с.

СЕКЦИЯ 2. ОНОМАСТИКА ДОНБАССА

ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ДОНБАССА: ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ОРУДИЕ ЭКСПАНСИИ?

Мозговой Владимир Иванович,
кандидат филологических наук,
профессор кафедры менеджмента и хозяйственного права
Донецкий национальный технический университет

Топонимия Донбасса занимает исключительное место в истории любого государственного образования, в которое он входил с момента своего осмысления как этнопсихологической общности [1, с. 9–13]. Его уникальность была обусловлена как внутренним богатством населяющих этот край народов, выработавших на протяжении тысячелетий опыт бесконфликтного культурно-языкового, бытового и политического общения, так и внешним отношением собственника к объектам номинации, обладающих огромным природно-географическим и культурным потенциалом. В этой ситуации поликультурного созидания, связанного с присущим идеологии Степи состоянием многоликости и внутренней свободы [1, с. 26–31], и его коррекцией со стороны врывающихся в структуру региона внешних собственников вынуждена была формироваться проприальная культура Донбасса, прошедшая в истории своего становления два противоречивых этапа.

I. Этап естественного формирования топонимичного фонда Дикого поля на его пути к Донбассу, охвативший два периода:

А. Период, связанный с первичной стихийностью внутреннего диалога между многочисленными тюркоязычными племенами Дикого поля (начиная с древнейших времен) и устремленными на Юго-Восток амбициями Московского государства (с 50-х гг. XVII в. до к. XVIII в.).

Первое направление оставило свой след в современной гидронимии, имеющей тюркоязычные корни, но вписанной позже в «славянский» языковой контекст (русск. *Калка, Кальчик, Миус, Кальмиус, Северский Донец, Осерёд, Торец*; укр. *Калка, Кальчик, Міус (Міюс), Кальміус (Кальміюс), Сіверський Донець, Осеред, Самара, Торець* и т.п.), а второе – преимущественно в русской и малорусской топонимии (*Святогорская обитель, Лиман, Изюмский перелаз, крепость Тор, Цареборисов, Соляной, Бахмутская слобода, Дружковка, Алексеевская слобода, Андреевский сторожевой пост* запорожских казаков, *Гродовка, Никитовка, Железное, Сонцовка, Харцызск*) – предмет «творчества» монахов и казаков, развивающих здесь соляные промыслы. Немалый вклад в топонимическую историю этого края внесли и приглашенные Москвой для службы в крепостях Украинской опорной линии находившиеся под гнетом Турции молдаване, волохи, словенцы, болгары, черногорцы, хорваты и македонцы, основавшие на южных окраинах Дикого поля *Славяносерию* с

рядом населенных пунктов: *Подгороднее, Суходол, Желтое, Вергунка, Каменный Брод, Ясиноватая, Селидовка, Землянки, Государев Байрак* и др.

Б. Период, связанный с осознанным распространением идеологии индустриализации в Донбассе (к. XVIII в. – 1917 г.). Он оказался наиболее продуктивным для топонимии и характеризовался планомерным заселением просторов Дикого поля выходцами из России (чаще всего из Белгородской, Курской, Орловской и Воронежской губерний), Европы (Бельгии, Англии, Франции, Италии, Германии) и Крыма (среди бывших «крымчан» доминировали «...греки (румееи и урумы), причислявшие себя к урумам тюркоязычные грузины (гюрджи), армяне и волохи (молдаване)» [4, с. 9].

Не случайно в это время возникло понятие *Донбасс* (известны точная дата, автор и место первого употребления этого термина – 1827 г., «Горный журнал», № 2, статья берг-инспектора Е. П. Ковалевского «Опыт геогностических исследований в *Донецком горном кряже*») и сформировалась большая часть основных разрядов его онимного фонда с многоязычными по происхождению названиями:

- уездных городов и уездов (*Бахмут и Бахмутский уезд, Мариуполь и Мариупольский уезд, Славянсербск и Славяносербский уезд, Луганск и Луганский уезд, Славянск и Славянский уезд, Донецкий уезд*);

- городских поселков, промышленных и слободских поселений (*Юзовка, Горловка, Макеевка, Краматорск, Басэ, Алексеево-Орловка, Катык, Ольховчик, Енакиево, Ханженково*);

- сел и хуторов (*Зайцево, Городище, Ёвсуг, Марковка, Третья Рота, Софиевка, Раздольное, Староигнатьевка, Анадоль, Янисоль, Бугас, Карань, Каменка, Комар, Константинополь, Марьевка, Данилоивановка, Астраханка, Старая Карань, Старый Крым, Старобешево, Староласпа, Новоласпа, Великоновоселка, Мангуш, Стыла, Урзуф. Чердаклы, Ялта*) и хуторов (*Щербиновский, Адаман Чалган, Сартана, Каракуб, Карабурга, Старый Керменчик, Остгейм, Грюнталь, Гладкий, Камышеваха*);

- поветов и округов (*Старобельский повет, Купянский округ, Беловодский военно-коннозаводской округ*), военных поселений (*Кременная, Новая Астрахань, Сватово, Нижняя Дуванка, Мостки, Шульгинка, Новопсков, Белолуцк*);

- железнодорожных станций (*Дебальцево, Попасная, Никитовка, Константиовка, Дружковка, Родаково, Карань, Еленовка, Михайло-Леонтьевская*);

- улиц (*Итальянская, Готфейская, Греческая* улицы в Мариуполе, *Английская улица* в поселке Луганского завода) и т.п.;

- заводов и рудников (*Луганский металлургический завод, Петровский (совр. Енакиевский) завод, Донецкий содовый завод, Донецкий стекольный завод фирмы «Веррери де Аманд» в Сантуриновке, Юзовский завод, Лисичанский рудник, Александровский рудник, Щербиновский рудник, Успенский рудник*;

– торговых и производственных обществ (*Русское общество пароходства и торговли, Съезд горнопромышленников Юга России, Горное и промышленное общество, Русское общество коммерческого пароходства, Новороссийское общество каменноугольного, железного и рельсового производства, Бельгийское общество по разработке угля, Русско-Бельгийское металлургическое общество «Любимов, Кокерилл, Сольве и К^о», Русский Провиданс, Русско-Донецкое общество*);

– фирм (*Джербулини, Галлеано, Сангвинетти, Мерелло, де Мартино, Мембели, Видович, Ковачевич, Опоренович, Твинович, Фискович, Кавалотти, Драго Поповичей, Великоанадольская образцовая лесная плантация, Огнеупорные материалы и пластичные земли Сьель-де-Анден и Буфью*);

– балок (*Балхи, Кунжи, Домаха*), урочищ (*Алха Тарама, Амал*), курганов (*Акташ Оба, Аркды-та-Убайда*), малых рек (*Волноваха, Кашилагач, Сухая Яла, Тарама, Крынка, Волчы Воды, Мокрая Волноваха*);

– железных дорог (*Донецкая каменноугольная железная дорога, Курско-Харьково-Азовская железная дорога, Константиновская железная дорога*);

– банков (*Азово-Донской, Российско-Азиатский, Международный*) и т.п.

II. Этап осознанной коррекции «новыми собственниками» топонимического фонда Донбасса в актах именования и переименования, охватившей два периода:

А. Период строительства нового Донбасса и «подгонка» топонимического фонда под коммунистическую идеологию «советской» культурно-языковой общности (1917–1991 гг.).

Несмотря на коммунистическую заангажированность, большая его часть вписалась в культурно-языковой стереотип донбассовца, формирующегося на началах интернационализма. Так или иначе им были понятны названия нового типа, связанные с идеализацией коммунистических лидеров или образов новой эпохи (*Карло-Либхнетовск, Счастье, Новый Свет, Золотое, Ленинское*), и положительно восприняты переименования, отвечавшие реальностям заселения территории новыми собственниками: *Остгейм – Тельманово, Юзовка – Сталино – Донецк, Катык – Шахтерск, Алексеевка – Алексеево-Леоново – Чистяково – Торез, Соляное – Славянск, Лиман – Красный Лиман, Грюнталь – Мичурино, Гришино – Красноармейск, Чермалык – Заможное, Софиевка – Карло-Марксово, Сорокино – Краснодон, Хацапетовка – Угледорск, Тор – Красный Оскол, Петро-Марьевка – Первомайск, Павловск – Мариуполь – Жданов, Новониколаевка – Буденновка – Новоазовск, Луганск – Ворошиловград, Кривая Коса – Седово, Большой Янисоль – Великая Новоселка, Бахмут – Артемовск, Алчевск – Ворошиловск – Коммунарск, Кадиевка – Серго – Стаханов, Михайло-Леонтьевская – Новошахтинск, Старый Керменчик – Старомлиновка и др.* Но в то же время при неудобстве, связанном с переименованиями, сами собственники в конце концов возвращали первичные имена (*Ворошиловград – Луганск, Артемовск – Бахмут, Коммунарск – Алчевск, Славянск – Святогорск, Карло-Либхнетовск – Соледар*), оставляя только то, что объективно «вписывалось» в новую национально-историческую

парадигму: *Тельманово, Донецк, Шахтерск, Торез, Славянск, Красный Лиман, Мичурино, Красноармейск, Заможное, Краснодон, Углегорск, Красный Оскол, Мариуполь, Новоазовск, Великая Новоселка, Новошахтинск, Старомлиновка.*

Б. Период внешнего «захвата» Донбасса путем «перевода» топонимов в другую национальную парадигму и массовых переименований (начиная с 1991 г.).

Первый механизм был запущен невежественным переводом русских имен собственных на украинский язык как «принадлежащих» Украине (*Горловка – Горлівка, Никитовка – Микитівка, Никольское – Микільське, Красный Молочник – Червоний Молочар, Углегорск – Вуглегірськ*) или игнорированием адресной функции с акцентом на форму собственности при «вуалировании» юридической сути собственного имени (для этого использовались кавычки в измененной структуре наименования: *Донецкий национальный технический университет – Государственное высшее учебное заведение «Донецкий национальный технический университет»*). При этом логика конструкции уставного документа (*«Донецкий национальный технический университет – это государственное высшее учебное заведение»*) перекочевала в структуру наименования в уродливо измененной формулировке: *«Государственное высшее учебное заведение – это «Донецкий национальный технический университет»*, при которой он превратился в неизвестное учебное заведение государственной формы собственности, способный к перемещению, исходя из прихоти собственника, куда-угодно, например, в Красноармейск, что и было реализовано в условиях АТО.

Второй механизм топонимического «захвата» оказался более «продуктивным»: он апеллировал уже к государственным актам, игнорирующим право на имя населяющих Донбасс народов, и принуждал их к массовым «узаконенным» переименованиям, исходя из новой идеологии узурпаторов, не имеющих никакого отношения к Донбассу. Реальные собственники становились чужими в собственном государстве.

Противоречивость отношения к Донбассу (внутреннее чувство никем не ограниченной свободы и культурной открытости и стремление «внешних собственников» к юридической «оконтуренности» его исторической судьбы по их сценарию) отразилось на топонимии, которая в новейшей истории подверглась беспрецедентной по своим масштабам экспансии, выразившейся в переименованиях, «переводах» и изменениях структуры наименований с разрушением адресной и правовой информации о первичном собственнике.

Так, в соответствии с Постановлением Верховной Рады от 01.09.2015 г. «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики» в Донбассе следовало переименовать 47 населённых пунктов (в Красноармейском районе семь, Добропольском – шесть, Волновахском – четыре, Володарском – четыре, Артёмовском – пять и т.д.) и большую часть улиц, переулков, площадей, Дворцов культуры и т.п. (например, в Красноармейске «по закону» нужно было переименовать 64 улицы, связанные с

фактами советской истории: *ул. 40 років України* должна звучать как *Паланкова* или *Крушельницька*, *ул. 50 років України* – как *Квітуча* или *Торецька*, *ул. Артема* – как *Шосейна* или *Енергетиків*, *ул. Ватутіна* – как *Богдана Ступки* или *Старицького*, *пер. Волгоградський* – как *Скоронадського* или *Багрянова*, *ул. Фрунзе* – как *Мандрика* или *Героїв Небесної Сотні* и т.п.).

Этап субъективного отторжения сложившейся топонимической истории Донбасса знаменовался попытками навязать ему идеологию и культурно-языковые нормы западных регионов Украины: идеализацию унитарности, национальной ограниченности, культурной и языковой однотипности; политику превосходства «украинской» конфессиональности, психологию сельского собственника, истеричного русофобства и идеологической нетерпимости. По мнению авторов такой доктрины, она должна сплотить весь народ Украины в едином порыве для строительства национального государства (см.: [2]). Но чужими в этом государстве на самом деле можно считать самых ярких его апологетов, потому что в известном смысле киевские авторы пропагандистско-националистической доктрины «Донбас – це ми» или «Це наш Донбас» противопоставляли и противопоставляют идее развития Донбасса план его историко-топонимического разрушения.

Итак, сегодняшние государственные акты о массовых переименованиях топонимических объектов незаконны, как незаконен сам захват территорий. Предложения по изменению названий должны инициироваться только их собственниками, а затем рассматриваться соответствующими специалистами в области права и ономастики (а не партиями или депутатскими фракциями) и утверждаться в законодательных органах, возвращаясь к согласию на их действия конституционных обладателей «права на имя» (см.: [3]).

Литература

1. Мозговой В. И. Там, где было Дикое поле... Очерки истории Донецкого края / В. И. Мозговой, В. Г. Ляшенко // Общая ред, предисловие, составление приложений – В. И. Мозговой. – Донецк : “Кардинал”, 2001. – 336 с.
2. Мозговой В. И. Объективность языковой истории как решающий фактор социальной стабильности (уроки политического кризиса на Юго-Востоке Украины) / В. И. Мозговой // Горизонты образования = Горизонти освіти. Психологія. Педагогіка. Научно-метод. журнал. Т. 1. – № 3 (46). – Севастополь : Рибест, 2014. – С.171–176.
3. Мозговой В. И. О переименованиях и восстановлении собственных имен / В. И. Мозговой // Функциональная лингвистика: VII Межд. научн. Конгресс «Язык и мир» : Межд. конгресс. (Ялта, 5–8 октября) : Сб. научн. работ докладов / Отв. ред. А. Н. Рудяков, Ю. В. Дорофеев; Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования. – Симферополь : ООО «Форма», 2015. – 400 с. – С. 242–244.
4. Отин Е. С. Топонимия приазовских греков (историко-этимологический словарь географических названий) / Е. С. Отин. – Донецк : ДонГУ, 2000. – 195 с.

ЛЮБОПЫТНОЕ О ТОПОНИМАХ СЕЛА ОСЫКОВО СТАРОБЕШЕВСКОГО РАЙОНА

Назарова Татьяна Петровна,
учитель русского языка и литературы
**Осыковская общеобразовательная школа I–III ст. управления
образования администрации Старобешевского района**

Ещё в глубокой древности, поселяясь в каком-либо месте человек давал названия рекам, холмам, горам, озерам, самим поселениям. В каждом из таких наименований был заключен определенный смысл. Названия рек часто связывались с характером их течения, глубины, цвета воды. Названия поселков нередко определялись особенностями ландшафта, растительности, фактами из жизни самих поселенцев. Таким образом, и особенности ландшафта, растительного и животного мира, и названия древних племен и народов, и имена первых поселенцев и владельцев, и черты социально-экономической и культурной жизни, и многие другие факты истории послужили основой для образования русской топонимики.

Топонимика (от греч. «topos» – место, «онума» – имя) – раздел ономастики, изучающий собственные имена географических объектов.

С помощью топонимики можно восстановить черты исторического прошлого народов, когда-то населявших наш край, выяснить географию культуры и экономических центров, торговых путей, имен, прозвищ и фамилий первопоселенцев. При изучении микротопонимов – названий мелких географических объектов – можно попутно извлечь краеведческие сведения, т.к. топонимы непосредственно связаны с местными событиями, отражают различные факты местной истории. Изучая историю происхождения географических названий, нужно помнить, что все они имеют смысл. Никакой народ никогда не называл реку, озеро, селение просто так, случайным сочетанием звуков. А значит, объяснить можно любое географическое название. Смысл одних названий ясен, других – забыт. Топонимы, как и язык народа, постоянно развиваются, изменяются, иногда исчезают совсем. Но порой топонимы бывают «прочнее» обычных слов, названий предметов, явлений. В виде географических названий сегодня могут звучать забытые, вышедшие из употребления слова родного языка, слова чужих и даже исчезнувших, «мертвых» языков.

Я обратилась к изучению топонимов, связанных с моим селом, Осыково. История возникновения села Осыково связана с переселением беженцев из Екатеринославской губернии в конце XVIII – нач. XIX вв. Этих людей было очень мало, и не все прижились: некоторые остались, а другие двигались дальше в поисках лучших условий жизни. В далеком прошлом земли вокруг села Осыково и соседнего села Клёновки назывались Мазаевскими землями, так как в селе Клёновка жил помещик Мазай. У него было 7000 га земли, 7000

овец и рабочих. Он отдавал земли по берегам реки Осыковой в аренду крестьянам.

«Само название *Осыково* впервые появилось в архивах около 1870 года. Село получило такое название из-за названия реки и огромных осок, которые росли по берегам этой реки» [1, с. 2].

Почему сюда шли люди? Здесь прекрасные условия для занятий сельским хозяйством. Первые переселенцы селились на правом берегу реки. Жили они в землянках, сплетенных из ивняка, в небольших домиках-мазанках, помазанных глиной. Поселения были семейные. У каждой семьи была своя земля, свои орудия труда, свои кладбища. Каждая семья занималась своим промыслом.

В северной части села, на правом берегу реки, поселялись богатые семьи Кондратенко. У них на берегу реки были большие сады, две ветряные мельницы, две кузницы, небольшой кирпичный цех, где делали кирпичи и черепицу. В этой семье было 18 детей. Хозяйство семьи Кондратенко составляло 75 га земли, 10 лошадей, 4 вола и др. За год собирали по 140 тонн зерна.

В 1997 году мельнице было бы 100 лет. Семья Кондратенко построила в 1907 году первую школу в селе. Она так и называлась Кондратенковская. Они также построили и церковь, которая запомнилась старожилам своим внешним видом и хором. Ходили на службу и люди из окрестных сел. В 1927 году вся семья (кроме маленькой тогда Татьяны Федоровны Кондратенко, 1919 года рождения) была сослана на Соловки, где осталась и погибла.

На месте второй части села – Пятилетки, жила зажиточная семья Стояновых. Они приехали сюда из Запорожской области в 1910 году. Купили у помещика земли и дом. В 1917 году эта семья состояла из 28 человек. Хозяйничали эти 4 семьи вместе. Имели 300 га земли, 30 лошадей, 20 коров, 200 овец, 12 свиней, 5 плугов, 5 сеялок, свой ветряк.

В 1930 году, когда началось раскулачивание, всю семью выслали на Соловки, где люди жили в ужасных условиях. Многие люди умирали от голода и холода. В 1937 году семья вернулась и работала в совхозе на ст. Ребриково. В этом году отца семьи забрали навсегда, а мать отпустили к детям.

В 1930 году был организован колхоз «Пятилетка».

Октябрьская революция застала крестьян в 1918 году. С большой радостью они встретили это известие, но радовались напрасно. Сначала банды Махно блуждали вокруг, не давали спокойно строить свое будущее, а затем и армия Деникина.

После того, как к власти пришли коммунисты, начался настоящий переворот в жизни всех людей. В середине 20-х годов в селе началось раскулачивание. Вся земля переходила в колхозы, образовавшиеся на территории села:

«Красный партизан», «Культура» – хутор Берестяны;

«Чапаева» – с. Осыково;

«Молодой трудовик» – с. Кашпоровка;

«Пятилетка» – с. Пятилетка;

«Светлый путь» – с. Бабановка.

Затем осталось только четыре. Началась новая жизнь, разрушали старое устройство. Вместо трехлетней стала шестилетняя, а позже семилетняя школа. Были открыты два клуба и библиотеки.

Вместе с этим началась активная разработка земель. До Великой Отечественной войны за колхозами было закреплено до 2000 га пахотной земли. Было введено территориальное устройство. Осыково тогда относилось к Амвросиевскому району. Почти совсем заиленная и загрязненная река с помощью мелиораторов приобрела свой нынешний вид. Реку перекрыли плотинами, выкопали три пруда. Построили оросительную систему на полях, строили животноводческие фермы.

Теперь колхозы специализировались на молочном и мясном скотоводстве, садоводстве, земледелии.

В 1964 году с. Осыково вошло в состав Старобешевского района. Кстати, Старобешев – «перенесенный топоним: в бывшей Фульской области Бахчисарайского каймаканства было село с татарским именем *Бешев*. Название состоит из числительного *беш* 'пять' и существительного *эв* 'дом, жилище', т.е. 'пять домов'» [2, с. 158].

Из четырех колхозов был создан один колхоз им. Чапаева. Площадь земель колхоза составляла 4 650 га, из них 250 га оросительные. Строились новые дома, были отремонтированы клубы, школа, фермы. Заасфальтированы дороги, ведущие в райцентр и на железнодорожную станцию Кутейниково.

Третья часть села – хутор Берестяны. Это название пошло от названия растения – бересты. Из бересты здесь плели корзины, из ивняка – корзины и другие бытовые вещи. В том же 1930 году здесь был основан колхоз «Культура». Сегодня на хуторе осталось 9 дворов.

Четвертая часть села – Еленовка. Наиболее вероятно, названо так по имени Елена. Здесь занимались скотоводством.

Пятая – Николаевка, где ловили рыбу. Поселение состоит из 5 дворов.

Название села Бабановка пошло от помещика Бабанова. Тут занимались пчеловодством, овцеводством, ткачеством.

Название хутора *Выносливое* произошло от слова «выносить», потому что хутор находился далеко за селами, по основным дорогам. Состоял он из 15–16 дворов. Был здесь рудник, который сейчас уже не существует. На сегодняшний день осталось только название местности и несколько могил.

Село *Кашпоровка* получила название по имени своего основателя Кашпора.

Хутор *Любовка* – раньше здесь занимались гончарством, охотой на зверя, но сейчас он также не существует. На его территории находится заповедник, еще возвышаются два кургана, история которых пока не разгадана.

На территории села Осыково очень разнообразный рельеф. Через село течет река Осыкова. В далеком прошлом это была глубокая река, в которую впадало много притоков, особенно левых. Сегодня остались только балки, как

останцы притоков реки. На самой реке сегодня построено четыре плотины и образовано 4 ставка. Каждая из балок имеет свои названия:

– *Кутаневская балка*, по имени зажиточного крестьянина Кути, у которого была на реке водяная мельница;

– *Попова балка*. В далеком прошлом жители села в летнее время страдали от засухи. Решили в село привезти из Степано-Крынки батюшку Анания, чтобы он отправил службу на дому. Он выбрал эту равную красивую балку и собрал всех жителей деревни для службы. Во время службы пошел дождь. Люди боготворили батюшку и стали балку называть *Поповой*;

– *Максимова балка*. Возле балки поселилась семья крестьянина Максимова;

– *Руденкова балка*. Возле балки поселилась семья крестьянина Руденко;

– *Цыганкова балка*. Здесь жила семья Цыганков;

– *Исаева балка*. Очень длинная и большая балка, которая тянется с Амвросиевского района. Здесь жила зажиточная семья Исаия, который начал разводить много овец и строить хозяйственные постройки;

– *Кривая Балка* – название получила из-за своей своеобразной формы.

Литература

1. Иванова С. Б. История села Осыково / С. Б. Иванова // Новая Сечь. – 2008. – № 1. – С. 2–3.

2. Отин Е. С. Происхождение географических названий Донбасса / Е. С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 2014. – 199 с.

3. Пospelов Е. М. Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992): Топонимический словарь / Е. М. Пospelов. – М. : Русские словари, 1993. – 250 с.

4. Успенский Л. В. Имя дома твоего: Очерки по топонимике / Л. В. Успенский. – Л. : Дет. литература, 1967. – 303 с.

5. Суперанская А. В. Что такое топонимика / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1984. – 182 с. («Литературоведение и языкознание»).

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ПРИЗВИЩ ДОНЕЧЧИНИ, ПОХІДНИХ ВІД НАЗВ ОСІБ ЗА ТЕРИТОРІАЛЬНОЮ ОЗНАКОЮ

Новикова Юлія Миколаївна,

кандидат філологічних наук,

доцент кафедри прикладної лінгвістики та етнології

Донбаська національна академія будівництва і архітектури

Прізвища Донецчини є специфічним у своєму історичному походженні та розвитку класом онімної лексики.

Вивченню особливостей антропонімів Донецчини присвячені ґрунтовні роботи Є. С. Отіна та В. Д. Познанської. Н. Ю. Булава проаналізувала антропонімію північної Донецчини (близько 10000 номінацій), Ю. М. Новикова дослідила антропонімію центральної та східної Донецчини (більше 47000 прізвищ) [3; 4], Р. М. Падалка розглянула динаміку прізвищ Слов'янського району Донецчини (11595 номінативних одиниць). Проте вивчення антропоніміки цієї масштабної, неоднорідної з погляду походження і густонаселеної території залишається *актуальним*.

Дослідження антропонімікону Донецчини свідчить, що лексичною базою сучасних прізвищ є не тільки особові імена та географічні назви, але й *прізвиська* найрізноманітнішого характеру (спадкові сімейно-родові, індивідуальні). З погляду морфемної структури прізвиська не були спеціальними онімічними утвореннями – ними ставали традиційні апелятиви з категорії *nomina personalia* (особові назви) та *nomina impersonalia* (неособові назви) [1, с. 12]. Перетворення прізвиськ як додаткових найменувань на прізвища відбулося з появою спадковості, тобто у процесі їх поширення щонайменше на три покоління. Лінгвістично це виявилось у втраті здатності трансформуватися при переході до наступних поколінь. Тож генезис прізвища має триступінчастий характер: апелятив – прізвисько – прізвище.

У нашому дослідженні дотримуємося традиційної класифікації прізвищ відапелятивного походження, зокрема розподілу пропріальних одиниць на 21 лексико-семантичну групу:

прізвища, похідні від назв осіб: 1) за родом діяльності чи професією; 2) за внутрішніми ознаками; 3) за зовнішніми ознаками; 4) за етнічними ознаками; 5) за соціальним станом; 6) за родинними стосунками; 7) за територіальною ознакою; 8) назв міфічних істот (*nomina personalia*);

прізвища, похідні від назв неосіб: 9) тварин та птахів; 10) рослин, їх частин і плодів; 11) предметів побуту, засобів праці; 12) анатомічних понять (соматизмів) та хвороб; 13) страв, продуктів харчування; 14) явищ природи і часових понять; 15) абстракцій; 16) одягу, взуття, прикрас; 17) цифрових позначень; 18) речовин і матеріалів; 19) одиниць вимірювання та грошових одиниць; 20) свят і понять церковного вжитку; 21) розваг (ігор і танців) (*nomina impersonalia*).

На Донеччині значну групу становлять прізвища, утворені від назв осіб за їх територіальною ознакою. Прізвища, які зафіксували назви топоорієнтирів, що описово вказували на місце проживання людини, стали *об'єктом* нашого аналізу.

Метою статті є лексико-семантична характеристика прізвищ Донеччини, похідних від назв осіб за територіальною ознакою, зокрема виявлення їх регіональних особливостей, встановлення найбільш поширених прізвищ та найбільш активних лексем у їх основах.

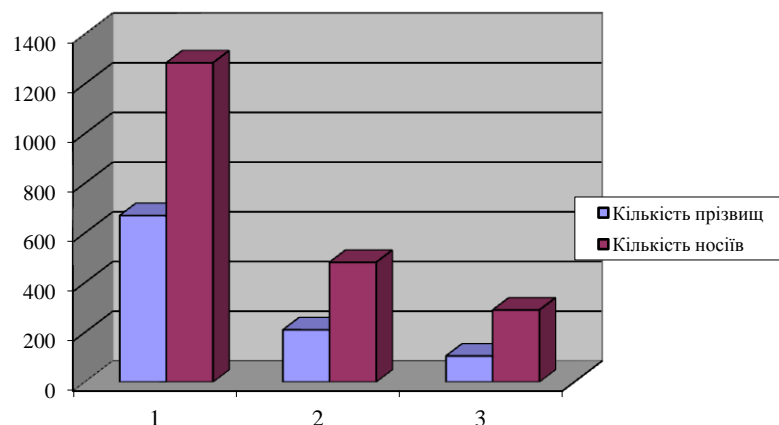
У межах окресленої лексико-семантичної групи зафіксовано 985 прізвищ; 2057 носіїв, що складає 2,1% від загальної кількості прізвищ мешканців Донеччини категорії *nomina personalia* [4, с. 88] (див. *Табл. 1, Діагр. 1*).

Лексико-семантична група прізвищ “Назви осіб за їх територіальною ознакою”

Таблиця 1

Лексичні групи прізвищ	Кількість прізвищ	Кількість носіїв	%
1. Назви осіб за об'єктами ландшафту	670	1285	68
2. Назви осіб за місцем проживання через назву житла, господарських будівель, їх окремих частин чи інших споруд	210	482	21,3
3. Назви осіб за іншими об'єктами, які були прикметними для вказівки на місце проживання	105	290	10,7
Усього	985	2057	100

Діаграма 1

*Біля прізвищ у дужках зазначається кількість їх носіїв, зафіксована на досліджуваній території (за даними словника [3]).

Прізвища окресленої лексико-семантичної групи мають в своїх основах такі опорні лексеми:

1) *назви об'єктів ландшафту*:

“гора” (280 уживань в основах прізвищ): *Нагорний* (91), *Подгорний* (31), *Подопригора* (18), *Загорський* (17), *Підгорний* (12), *Нагорнюк* (11), *Нагорняк* (5), *Нагорський* (3), *Підгірний* (3), *Підпригора* (2), *Нагорняков* (1), *Нагорний* (1), *Підіпригора* (1), *Підопригора* (1), *Подгоренко* (1), *Подгорський* (1);

“берег” (256): *Бережной* (109), *Береговой* (14), *Бережецький* (8), *Побережний* (8), *Побереженець* (6), *Бережко* (5), *Бережанський* (3), *Береженко* (2), *Бережнов* (2), *Побережнюк* (2), *Поберезький* (2), *Берегових* (2), *Береговський* (2), *Бережков* (2), *Берегейко* (1);

“долина” (218): *Долін* (47), *Подольський* (27), *Подоляка* (12), *Долинський* (9), *Надолінський* (8), *Долінін* (4), *Надольський* (3), *Новодольський* (3), *Надольний* (2), *Долинний* (2), *Долинянський* (1);

“пруд” (151): *Прудніков* (70), *Пруднік* (4), *Прудських* (3), *Пруденський* (2), *Прудь* (2), *Прудяк* (2);

“ліс” (73): *Подлєсний* (51), *Лесной* (8), *Лісовський* (5), *Подлєснов* (4), *Полесов* (2), *Полеський* (1), *Полєсний* (1), *Подлєскін* (1);

“луг” «лес на низменности, низменость, поросшая лесом» [2, II, с. 379] (53): *Підлужний* (12), *Луговий* (10), *Луговський* (10), *Залужний* (6), *Луговської* (5), *Луговой* (4), *Луговицький* (3), *Луговських* (2), *Луговець* (1);

“болото” (52): *Болотов* (48), *Болотін* (23), *Болотніков* (7), *Болотський* (3), *Болотний* (3), *Болотенко* (2), *Болотинський* (2), *Болотюк* (1), *Подболотов* (1), *Болотських* (1), *Заболотний* (1);

“озеро” (51): *Озеров* (44), *Озерський* (5), *Озеров* (1), *Заозерський* (1);

“гребля” (28): *Загребельний* (22), *Загребельський* (3), *Гребельський* (2), *Нагребельний* (1);

“поле” (24): *Полевий* (15), *Полевой* (3), *Полєєв* (2), *Полев* (2), *Полєєв* (1), *Полєв* (1);

“став” (19): *Ставцев* (11), *Заставський* (7), *Ставський* (2);

“балка” «степной овраг» [2, II, с. 25] (18): *Балко* (6), *Балковой* (3), *Балка* (2), *Балков* (2), *Балковий* (2), *Балкін* (1), *Побалка* (1), *Побалков* (1);

“байрак” «лесок в овраге, буерак» [2, I, с. 21] (15): *Байрачний* (8), *Байрачин* (4), *Байраченко* (1), *Забайрачний* (1), *Байраковський* (1);

“гай” (14): *Подгайний* (8), *Подгайський* (5), *Подгаєцький* (1);

“брід” (12): *Бродовой* (4), *Бродовський* (2), *Бродяной* (2), *Бродов* (2), *Колобрід* (1), *Побередський* (1);

“яр” (7): *Колояров* (4), *Над'ярний* (2), *Над'ярних* (1);

“плесо” «озеро по теченію реки, сильно расширенное место реки» [2, III, с. 194] (5): *Плесовських* (4), *Плесовський* (1);

“лан” (5): *Лановий* (5);

“овраг” (3): *Овражко* (2), *Оврашко* (1);

“бір” (1): *Подборський* (1).

Слід зауважити, що прізвище *Лановий* є полісемантичним. Його першоносії міг бути пов'язаний з місцевістю (від *лан* «поле, нива» [2, II, с. 343]), а міг обіймати посаду ланового – бути наглядачем за польовими роботами.

2) назви житла, господарських будівель, їх окремих частин чи інших споруд:

“кут” (88): Краснокутський (29), Кутовой (16), Закутський (10), Закутний (7), Закутнєв (5), Кутня (4), Закутнов (3), Закутин (2), Кутний (1), Кут (1), Закутня (1), Куть (1);

“підвал”, “погріб”, “льох” (85): Погребняк (44), Погрібняк (2), Подвальний (7), Льох (1), Погреб (1), Погребняков (1), Подвалюк (1);

“могила” (68): Могильний (23), Могила (13), Підмогильний (7), Могилянський (2), Могилюк (2), Могило (1);

“верх” (33): Верховський (16), Верхуша (3), Верховцев (2), Верхових (2), Верховець (1);

“хата” (33): Новохацький (9), Новохатський (6), Новохатний (5), Новохатько (3);

“крів” (23): Покровський (18), Покров (3), Подпокровний (2);

“майдан” (22): Майдан (13), Майданюк (6), Майданик (1), Майданник (1), Майданович (1);

“двір” (17): Задворний (6), Дворний (4), Задворкін (2), Надворський (2), Большедворський (1), Великодворський (1), Подворний (1);

“угол” (10): Наугольников (3), Наугольных (1), Наугольнов (1);

“оселя” (6): Оселя (4), Подосельник (2);

“пашня” (6): Пашнєв (5), Новопашин (1);

“тин” (4): Подтинний (4);

“борона” (3): Подборонов (3);

“стріха” (2): Подстрєинов (2);

“млин” (2): Новомлинський (2);

“корпус” (1): Новокорпусов (1).

Точніше вказують на місце проживання людини прізвища, в основі яких покладено назви дерев:

“дуб” (64): Поддубний (44), Поддубняк (5), Піддубний (4), Піддубський (3), Поддубних (2), Придубко (2), Надубов (1), Поддубський (1), Поддубов (1), Придубков (1);

“липа” (5): Подлипний (2), Підлип'ян (1), Подлипський (1), Подлип'ян (1);

“береза” (3): Подберезкін (2), Подберезний (1);

“груша” (3): Підгруший (1), Підгруща (1), Подгрушний (1);

“бук” (2): Подбуцький (2);

“яблуня” (1): Под'яблонський (1);

“вишня” (1): Подвишецький (1).

3) назви об'єктів, які були прикметними для вказівки на місце проживання першопосіят або якимось пов'язані з ним:

“дорога” (139): Задорожній (111), Задорожнюк (3), Подорожко (3), Подорожній (3), Надорожний (3), Бездорожній (1), Роздорожнюк (1), Займидорога (1), Оридорога (1), Подорожнюк (1), Подорога (1);

“сад” (51): Садовський (22), Садовий (18), Новосад (1);

“течія” (32): *Надточий* (14), *Надтока* (12), *Надточей* (4), *Надточа* (1), *Надточесєв* (1);

“город” / “місто” (29): *Городов* (18), *Містюк* (5), *Подгороднік* (2), *Подгородецький* (2), *Городецький* (1), *Подгородний* (1);

“глина” (19): *Глинський* (18), *Наглин* (1);

“хутір” (17): *Хуторний* (10), *Хуторянський* (3), *Хуторенко* (3), *Хуторов* (1);

“село” (2): *Радосельський* (1), *Красносельський* (1);

“земля” (1): *Подземельний* (1).

Окремо виділяємо прізвища, основи яких пов'язані з фактом прибуття, новопоселення та особливостями появи людини в новому населеному пункті. Найбільше носіїв мають такі прізвища: *Приходько* (159), *Приходченко* (23), *Приходов* (3), *Прихожай* (3), *Приходьков* (2), *Пришляк* (2), *Приходкін* (1), *Приходцев* (1), *Прихожаєв* (1), *Прихоженко* (1), *Прихожий* (1), *Прихотько* (1) < прихідько «прибулець» [2, III, с. 450]; *Новосельцев* (52), *Новосолов* (38), *Новосельський* (9), *Новоселецький* (8), *Новоселицький* (4), *Новоселков* (1) < новоселець «вновь поселившійся, новопоселенець» [2, II, с. 569]; *Мандрика* (22), *Мандрикін* (5), *Мандриченко* (5), *Мандрико* (4), *Мандрило* (2) < мандрівний «странствующій, захожий» [2, II, с. 404]; *Притиченко* (2), *Притика* (1), *Притико* (1); *Притула* (12), *Притуло* (2), *Притуляк* (2), *Притульський* (1) < «приткнутися», «притулитися», тобто пристати десь жити.

Цікаві з погляду походження прізвища *Коломоєць* (71), *Коломиєць* (65), *Коломийцев* (16). Л. М. Щетинін зазначає, що першоносій такого прізвища був пов'язаний з місцевістю «коло мита, місця, де збирали мито за проїзд через міст, через заставу, за перевезення товарів і т. д.» [5, с. 55].

Антропонім *Колобрід* (2) можна тлумачити неоднозначно. Окрім прямого значення «коло броду», його можна вивести і з переносного значення: *колобродити* «куралесить» [2, II, с. 270]. Так могли назвати пустуна, шибеника, витівника. Проте порівняння з іншими виразно топографічними прізвищами з префіксом *коло-* дозволяє припустити, що воно виникло від місцевого орієнтира (пор.: *Колопруд*, *Кологлинський*, *Колояров*, *Колокутський*).

Першоносії прізвищ *Калюжний* (39), *Підлужний* (12), *Накалюжний* (4), *Калюжа* (1), *Калюженко* (1) жили біля озер. Можливо, *калюжею* (*лужею*) називали невеличке озерце.

Прізвища, утворені від назв об'єктів ландшафту та інших топоорієнтирів, характеризуються ознаками, властивими донецькому антропонімікону. Виразною регіональною особливістю є паралельне функціонування російських і українських лексем в основах прізвищ, що зумовлено співіснуванням споріднених мов на досліджуваній території. Це такі лексеми: рос. *погреб* / укр. *погріб*, *льох*; рос. *подвал* / укр. *підвал*; рос. *город* / укр. *місто*; рос. *лес* / укр. *ліс*; рос. *лужа* / укр. *калюжа*; рос. *угол* / укр. *кут*, рос. *овраг* / укр. *яр*, *байрак*, *балка*; рос. *пруд* / укр. *став*, *ставок* та ін.

Найпоширенішими прізвищами окресленої лексико-семантичної групи є номінативні одиниці, що пов'язані з фактом новопоселення та назвами осіб за об'єктами ландшафту: *Приходько* (159), *Задорожній* (111), *Бережной* (109),

Нагорний (91), Прудніков (70), Коломоєць (71), Коломиєць (65), Новосельцев (52), Подлесний (51), Болотов (48), Долін (47), Поддубний (44).

Прізвища з активними лексемами *приходити, дорога, берег, гора, пруд, мито, новоселець, ліс, болото, долина, дуб* свідчать про міграційні процеси на території Донеччини та вказують на особливості топографії досліджуваного регіону.

Література

1. Горпинич В. О., Корнієнко І. А. Прізвища Дніпровського Припоріжжя. Словник : близько 20 000 прізвищ / В. О. Горпинич, І. А. Корнієнко / Дніпропетровський національний ун-т ; Науково-дослідна лабораторія фольклору, говірок і літератури Нижньої Наддніпрянщини. – Дніпропетровськ : Пороги, 2003. – 269 с.
2. Грінченко Б. Д. Словник української мови / Упоряд. з дод. власн. матеріалу Б. Грінченко / Борис Грінченко. – К. : Наукова думка, 1996–1997. – Т. I–IV.
3. Новикова Ю. М. Практичний словозмінно-орфографічний словник прізвищ Центральної та Східної Донеччини / Юлія Новикова // За ред. проф. Т. Ю. Ковалевської та проф. І. Є. Намакштанської. – Донецьк : «Вебер» (Донецька філія), 2007. – 996 с.
4. Новикова Ю. М. Семантико-словотвірна структура прізвищ Центральної і Східної Донеччини : Монографія / Юлія Новикова // За заг. ред. д-ра філол. н., проф. Т. Ю. Ковалевської. – Донецьк : Норд-Прес, 2009. – 210 с.
5. Щетинин Л. М. Русские имена (очерки по донской антропонимии). – 3-е изд., испр. и доп. / Л. М. Щетинин. – Ростов : Изд-во Ростовского университета, 1978. – 253 с.

ТОПОНИМЫ ДОНБАССА В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Першина Клавдия Васильевна,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры общего языкознания и истории языка им. Е. С. Отина

Донецкий национальный университет

Любая национальная культура связана с определенным типом взаимоотношений человека и природы. Не случайно В. О. Ключевский называет природу страны колыбелью каждого народа и считает ее тем фактором, который оказывает существеннейшее влияние на зарождение и движение исторической жизни народа [1, с. 63]. Указанная связь получает самые разнообразные формы своего выражения в языке. Важное место среди них занимают географическая номенклатура и топонимы.

Наличие в восточнославянской языковой картине мира разветвленной сети концептов, получающих онимное обозначение, – это одно из свидетельств понимания народом социальной и культурной значимости и самого процесса освоения человеком окружающего пространства, и его результатов. Ср., например, состав референтов, названия которых анализируются в последних работах Е. С. Отина, посвященных топонимии Донбасса: *река, речка, ручей, родник, криница, колодец, озеро, лиман, ставок, клебань, яма, море, коса, балка, мокрая балка, яр, боерак, курган, могила, гора, горы, холм, бугор, шиш, шишка, скала, бык, бычок, карьер, урочище, луг, лес, лесок, роща, сад, село, поселок, хутор, слобода, деревня, город* [3; 4]. И это лишь малая толика богатейшей референтной области, номинируемой в восточнославянских языках с использованием апеллятивных и онимных единиц.

Реализуется указанное стремление в рамках определенного этнокультурного дискурса, который в значительной мере определяет выбор признаков номинации для создания топонимов различных групп. Это наглядно подтверждают топонимии областей позднего заселения, к которым относится и донецкая топонимия. Донбасс заселялся и топонимно осваивался прежде всего носителями восточнославянской топонимной картины мира, которая сложилась задолго до начала массовой колонизации территории края. Важнейшими составляющими этой картины мира являются элементы и особенности оро- и гидрорельефа, почв, растительного и животного мира, наличие полезных ископаемых, водные ресурсы. Ср. например, топонимы Донбасса: *Байрак* < *боерак* 'овраг', *Берда* < *бердо* 'холм, гора', *Балочное* < *балка*, *Волноваха* < *волноватый*, *Гранитное* < *гранит*, *Каменные Могилы* < *могила* 'холм', *Ореховая, Калиновая, Камышеватая* < *орех, калина, камыш*, *Песчаное* < *песок*, *Угледорск* < *уголь*, *Маловодное* < *маловодный* 'бедный водой', *Привольное* < *привольный* и мн. др. В этой картине мира именуемый объект природного или искусственного происхождения воспринимается (видится) «вписанным» в широкий физико-географический и социально-культурный контекст. Показательна в этом отношении внутренняя форма и самого топонима *Донбасс*:

Донбасс < Донецкий бассейн < Донец < Дон. Таким видением обусловлен высокий удельный вес механизмов метонимического переноса. В Донбассе они обогащаются моделями «эргоним (название шахты) > ойконим» (шахта *им. Дзержинского* – г. *Дзержинск*, шахта *им. Свердлова* – г. *Свердловск*), «эргоним > урбаноним» (шахта «*Запореваляная*» – пос. *Запореваляная*, шахта *12/13* – пос. *Двенадцать-Тринадцать*). Данные модели называния не только отражают градообразующую (поселкообразующую) роль предприятий, но и показывают оценку этого факта номинационным сознанием жителей.

Ономастикон того или иного народа отличается значительной устойчивостью и традиционностью [2, с. 7]. Номинативная традиция отбирает, стабилизирует и перемещает в «номинативный подтекст» принимаемое данным народом как эталонное и должное в сфере отношений «человек – природа». В отборе признаков номинации при всей его, казалось бы, прагматичности, на более глубинном уровне проявляется и этическое, и эстетическое отношение носителей языка к окружающему миру. Приведем в качестве примера одно из наблюдений в этом плане. В городах, поселках, селах Донбасса, несмотря на степное маловодье, много зеленых насаждений, что особенно заметно становится весной, в пору цветения; скверы, парки, сады – это неотъемлемая часть городской и сельской среды обитания. Великоанадольский лес является одной из достопримечательностей степного края. А в топонимии эта органическая связь всего уклада жизни людей с миром растений отражается в наличии значительного количества названий, так или иначе соотносящихся с концептуальной сферой «растительный мир». Ср. названия населенных пунктов Донбасса (по данным на конец 80-х гг. XX в.): *Березовка, Березовое, Берестовое, Берестки, Вишиновое, Виноградное, Дубовка, Дубовое, Грабово, Зеленый Гай, Зеленый Кут, Зеленый Яр, Калиновка, Калиново, Камышатка, Кленовый, Липовка, Липовое, Лозовое, Лозоватское, Лозы, Лесное, Малиновка, Ольховатка, Осиково, Очеретино, Поддубное, Редкодуб, Садки, Садовое, Сосновка, Таловое, Терновое, Тополи, Яблонька, Ясеновка, Ясиноватая.* Практически каждая из приведенных форм повторяется неоднократно. Показательны в этом плане и названия улиц в разных городах и поселках. Ср.: *Садовая, Терновая, Фруктовая, Хвойная, Яблочная, Ботаническая, Вербная, Виноградная, Вишневая, Вишневый Гай, Зеленая, Зеленый Дуб, Цветущая, Кленовая, Кукурузная, Липовый, Лесная, Луговая (Горловка, 2002 г.); Березовая, Брусничная, Дубовая, Дубравная, Зеленая, Зеленый Гай, Кленовая, Лиственная, Луговая, Новолозовая, Садовый, Новосадовая, Сиреневая, Тенистая, Цветочная, Черемуховая (Донецк, 1980).* Отмеченное явление нельзя сводить к трафаретности номинативной деятельности, это проявление топонимной памяти поколений.

Географическое название для человека – это голос родины, большой или малой, каждое из них – отражение ее частицы. Живет оно в сознании человека как компонент ментального комплекса, являясь знаком последнего. Описание сердцевины такого ментального комплекса находим, например, в одном из военных стихотворений К. Симонова:

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке,
Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину – такую,
Какой ее ты в детстве увидал.
Клочок земли, припавший к трем берегам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком...

И все эти составляющие образа: клочок земли, дорога, лесок, речонка, перевоз, берег, ивняк – регулярно получают в русском и других восточнославянских языках онимные обозначения.

Топонимической универсалией является выбор в качестве производящих слов нарицательных обозначений привычных для данной местности реалий. Данный номинативный стереотип работает и в Донбассе: *Вербки, Мостки, Лугань, Меловатка, Крейдяное, Кременная, Гранитное, Калиново, Пески, Цветные Пески, Дубовка, Холодная Балка, Крутояровка, Балочное, Камышеваха, Лебяжье, Антрацит, Левадное, Криничное, Родники* и др. (названия селений Донбасса). Такие названия, передаваясь от поколения к поколению, формируют образ родной земли, в этом их культурное предназначение, они, по сути, памятники народной культуры. В своей совокупности такого рода топонимы представляют собой своеобразное «говорящее живописное полотно», «топонимный пейзаж». Показательным в этом отношении является следующий факт. В Донбассе в ходе переименований и присвоения наименований новым селениям в середине XX в. обращались к традиционным группам производящей лексики. Ср.: *Вишинее, Грабское, Двуречье, Доброполье, Залесное, Зеленая Долина, Криницы, Луговое, Песчаное, Разлив, Северск, Северодонецк, Новоазовск, Торецкое, Сухая Балка, Холмистое, Шахтерск, Угледорск* и др.

Включенность жизни человека и социума в природную среду, их органическая связь манифестируется и топонимами, образованными от антропонимов – личных имен, фамилий, прозвищ. Это тоже универсальная модель создания названий селений, а также различных объектов и зон внутри населенных пунктов и за их пределами. Ср.: *Макеевка, Горловка, Лутугино, Чистяково* (совр. *Торез*), *Александровка, Стаханов* (ранее *Кадиевка*), *Артемовск, Амвросиевка, Докучаевск* (ойконимы Донбасса), *Смолянка, Ларинка, Григорьевка, Щегловка, Орджоникидзе* (урбанонимы Донецка и Макеевки). Мемориальность таких названий – это верхний слой их мотивационной содержательности, он накладывается на представление о селении как части природной среды.

Литература

1. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1 / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1987. – 430 с.
2. Суперанская А. В. Имя и эпоха (К постановке проблемы) / А. В. Суперанская // Историческая ономастика. – М., 1986. – С. 7–26.
3. Отин Е. С. Топонимия Донетчины / Е. С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 2013. – 118 с.
4. Отин Е. С. Происхождение географических названий Донбасса / Е. С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 2014. – 199 с.

ПРИЗВИЩА З СУФІКСОМ -ЕНК-О В АНТРОПОНІМІЇ ДОНЕЧЧИНИ

Понєжина Олена Володимирівна,
заступник директора з виховної роботи,
учитель української мови і літератури
Новокатеринівська загальноосвітня школа І–ІІІ ст.
управління освіти адміністрації Старобешівського району

Прізвища Донеччини досі не були предметом комплексного вивчення, тому потребують наукової класифікації з огляду на семантичне різнобарв'я збереженої в їх складі лексики, а також на наявність словотвірних особливостей.

Незважаючи на помітні успіхи в антропонімічних дослідженнях, існують проблемні аспекти: виявлення словотвірних типів прізвищ, їх територіального поширення, вдосконалення лексико-семантичного складу прізвищ. Саме тому вивчення цих мовних явищ є актуальним й одним із першочергових.

Прізвища з суфіксом -енк-о найбільше поширені на території Донецької області. Особливо високий відсоток їх у центральних і північних районах (Артемівському, Добропільському, Краснолиманському, Мар'їнському, Олександрівському, Шахтарському, Ясинуватському), які в минулому активно заселялись вихідцями з Київської, Полтавської і Чернігівської областей, де прізвища з суфіксом -енк-о є найтиповішими. Питома вага цих прізвищ дещо зменшується у південних районах області (Володарському, Новоазовському, Старобешівському, Тельманівському). Як відомо, сюди в XVII–XIX ст. переселилось багато росіян південних і центральних районів Росії, кримських татар, німців-колоністів. Тому тут порівняно високий відсоток прізвищ російського та іншомовного походження.

Дослідники неодноразово зверталися до питання про виникнення й етимологію прізвищ із суфіксом -енк-о. Вважають, що виникли вони із скам'янілої кличної форми зменшених слів на -енок або розвинулися з форм середнього роду здрібнілих прикметників із суфіксом -еньк-ий. Проте загального визнання набула думка про те, що формант -енк-о є складним

суфіксом, утвореним способом поєднання іменникових основ на -ен і рефлексів суфікса -*(ь) к- (*(ь) к-), який із семантичного погляду стосувався молодих істот – людей або тварин. Суфікс -енк-о виник не раніше другої половини XII–XIII ст., коли на східнослов'янській території відбувся занепад редукованих, про що свідчить відсутність переходу /e/ в /i/. Незважаючи на те, що в різних слов'янських мовах існують його паралелі, цей суфікс став специфічно патронімною моделлю української мови [1, с. 34].

Іменникові утворення української мови з суфіксом -енк-о постали спочатку у сфері загальних назв і мали експресивне значення (*козаченько, місяченько*) або патронімічне (*гончаренко, коваленко*). Пізніше такі загальні іменники «поступово патронімізуються, перетворюючись у власні назви осіб молодих, залежних, в особові назви синів». Ці назви поширюються на всю родину і передаються у спадок нащадкам. У сфері власних назв утворення з суфіксом -енк-о набувають продуктивності в XVI–XVII ст., частково в XVIII ст.

Прізвища на -енк-о, що побутують у Донецькій області, утворювались від особових імен, географічних назв та прізвищ апелятивного походження.

Численну групу складають прізвища, для яких твірною основою послугували особові імена.

У період творення українських прізвищ особовими іменами людей виступали як церковно-християнські імена, що увійшли в побут східних слов'ян у зв'язку із запровадженням християнства, так і слов'янські імена, успадковані ще зі спільнослов'янської доби. Після християнізації слов'ян календарні імена почали витісняти слов'янські, пройшовши відповідну морфологічну адаптацію на українському мовному ґрунті. Цей факт знайшов своє відображення і в основах прізвищ досліджуваної території.

Головну роль в утворенні прізвищ відіграли чоловічі імена [2, с. 135].

Найбільше прізвищ виникло від імен, які в час формування українських прізвищ мали високий ступінь популярності: *Андрієнко, Василенко, Григоренко, Дем'яненко, Іваненко, Кузьменко, Ніколаєнко, Михайленко, Павленко, Семененко, Федоренко, Юхименко; Ганненко, Гортиненко, Марусенко* та інші. Проте кількість утворених від особових імен прізвищ залежить не тільки від популярності чи непопулярності імені, а від кількості варіантів, яке для утворення прізвища на -енк-о. Наприклад, від різних варіантів імені *Павло* виникли такі прізвища: *Пащенко, Павличенко, Павлусенко, Павлисенко, Павлушенко, Павлюченко*.

Прізвища найчастіше виникали від тих іменних форм християнських імен, які в сучасній мові стали офіційними: *Артеменко < Артем, Карпенко < Карпо, Степаненко < Степан*. Але основи прізвищ нерідко зберігають варіанти офіційних імен, які виникли в процесі освоєння християнських імен і відображають взаємодію літературно-книжної та усно-розмовної традиції в розвитку української мови. Варіанти цього типу створюють: а) чергування голосних фонем: *Єременко – Яременко, Єфременко – Охріменко, Кириленко – Куриленко*; б) чергування приголосних: *Онуфрієнко – Онопрієнко, Фроленко –*

Хроленко, Софроненко – Супруненко; в) усічення приголосних: Абакуменко – Бакуменко, Ігнатенко – Гнатенко.

Значна кількість прізвищ на -енк-о виникли як назви синів від батьківських прізвищк апелятивного походження. Народні за своєю природою прізвищк-найменування є суб'єктивними визначеннями особи, виражають народні погляди на особливості темпераменту, характеру, зовнішності, звичок, здібностей, найвлучніші слова, за допомогою яких створювались назви- образи: *Брикуненко < Брикун < брикун, Крутолобенко < Крутолоб < крутолобий.*

Залежно від лексичного значення твірних основ відапелятивні прізвища на -енк-о поділяються на лексико-семантичні групи [5, с. 44]:

1. Прізвища, які вказують на зовнішні ознаки носія. Такі прізвища складають численну групу, що пояснюється частим присвоєнням прізвищк за зовнішніми ознаками людини: *Беззубенко, Безпальченко, Безп'ятенко, Безносенко, Безрученко, Гаркавенко, Горбатенко, Глущенко; Височенко, Довженко, Куценко, Моложавенко, Пузиченко, Череватенко; Більмаченко, Бровченко, Головатенко, Губаренко, Зубатенко, Кривоусенко, Хрипаченко; Біленко, Білоусенко, Білоноженко, Гніденко, Риженко, Руденко, Сивенко, Сивоусенко.*

2. Прізвища, які вказують на риси характеру, поведінку людини. Такі антропоніми рідко називають людину за її позитивними рисами: *Добренко, Згоденко, Милостивенко, Мозговенко, Мудриченко, Правденко, Смільченко, Чепуренко.*

3. Прізвища, які характеризують людину за її родом занять, професією. У прізвищах із суфіксом -енк-о відобразились: *Войтенко, Мостовенко, Писаренко, Секретаренко, Старостенко; Атаманенко, Майоренко, Осауленко, Полковниченко, Сотниченко; Козаченко, Солдатенко, Сердюченко; Бондаренко, Колісниченко, Котляренко, Пушкаренко, Склярченко, Смолярченко, Столярченко, Тесленко; Кушніренко, Кравченко, Портненко, Ткаченко, Чоботаренко, Шаповаленко, Шевченко; Броваренко, Калашиниченко, Кухаренко, Мірошниченко, Мельниченко, Пекаренко, Медоваренко, Олійниченко; Купченко, Просоленко, Чумаченко; Гайдученко, Бурлаченко, Кучеренко, Писаренко, Стороженко; Вівчаренко, Косаренко, Коровниченко, Пастушенко, Рільченко, Свиначенко, Скотаренко, Чабаненко, Чередниченко; Дяченко, Дяконенко, Звонаренко, Молибоженко, Попенко, Пономаренко, Титаренко; Музиченко, Танцюренко.*

4. Прізвища, які вказують на національність людини: *Бесарабенко, Татаренко, Турченко, Циганенко.* У донецькій антропонімії частотним є прізвище *Литвиненко*, в якому відобразилась назва *литвин* (сучасне: *литовець*).

5. Прізвища, які вказують на соціальне становище людини. Серед них небагато таких, які називають представників соціальної верхівки: *Богаченко, Бояренко, Вельможенко, Княженко, Скоробагатченко, Солтаненко.*

6. Прізвища, які вказують на особливості території, звідки походить людина: *Багненко, Груненко, Гасенко, Лозовенко, Лимаченко, Подолиненко.*

7. Прізвища, пов'язані з фауною. В їхніх основах відобразились найрізноманітніші назви диких і свійських тварин та птахів, риб, комах: *Берегуленко, Борсученко, Зайченко, Бобренко, Медведенко, Чапленко, Шпаченко*. Серед цих прізвищ частотними є ті, які виникли від назв диких тварин і птахів. Особливо щедро представлені ті назви, які в мовній традиції є символами певних фізичних і моральних якостей: вовк – жорстокий, жадібний; ведмідь – сильний; заєць – полохливий.

8. Прізвища, пов'язані з флорою: *Берестенко, Боровиченко, Гарбузенко, Дубченко, Маслюченко, Сосненко, Тополенко, Яблуненко, Яворенко*. Такі прізвища виникали різними шляхами: одні – від прізвиськ тих, хто займався вирощуванням рослин або вживав їх у їжу. Прізвища могли виникнути і від імен, які виступали у фольклорі як персоніфіковані назви певних ознак: береза, тополя – висока, струнка; кавун – круглий; калина, малина – красива.

9. Прізвища, які вказують на предмети матеріальної культури (предмети побуту, знаряддя праці, одяг, взуття, продукти харчування та ін.): *Бриленко, Гвозденко, Дудченко, Книщенко, Козубенко, Корженко, Люльченко, Макогоненко, Очкуренко, Рогаченко, Сошенко, Чепіженко, Чоботенко, Швайченко*. Прізвища з такою семантикою найчастіше виникали від прізвиськ людей, які займались виготовленням певних предметів, приготуванням їжі, напоїв. Але певна кількість прізвищ виникла шляхом метафоричного перенесення назв предметів на людину: *Гвозденко* – за зовнішньою подібністю людини до предмета.

Таким чином, суфікс -енк-о виявляє широкі сполучувальні можливості: утворюючи прізвища, він поєднувався як з особовими іменами, так і з різними за семантикою прізвиськами. Важливо підкреслити, що він приєднувався до основ різної морфологічної будови: до непохідних (*Горбенко, Зленко*); похідних, ускладнених різними афіксами (*Горбаненко, Чернищенко*); до основ складних слів (*Крутоносенко, Однораленко*). Цікаво, що суфікс -енк-о міг сполучатися з основами, до складу яких входить цей самий суфікс: *Коваленченко < Коваленко*. Подібні приклади дають підставу згодитися з думкою про походження прізвищ з суфіксом -енк-о від батьківських [6, с. 105].

Отже, антропоніміка Донеччини пройшла довгий і складний шлях розвитку. Лексеми, що стали прізвищами, функціонували в мові задовго до закріплення їх у ролі обов'язкових спадкових найменувань. Стабілізація прізвищ відбулася порівняно пізно і в історично короткий термін: вона тривала з кінця XVII ст., тобто з часу масового заселення досліджуваної території до кінця XVII–XIX ст.

На основі лексико-семантичної характеристики встановлено допрізвищеве значення твірних основ прізвищ із суфіксом -енк-о. Виявлено, що всі антропооснови розподіляються на дві основні групи: відономастичні та відапелятивні. Перевага відапелятивних прізвищ в антропонімії Донеччини ілюструє його регіональну специфіку. Дослідження відономастичних прізвищ виявило два види антропооснов: відіменні та відтопонімні.

Відіменна лексика прізвищ становить цінне джерело для вивчення іменного репертуару періоду формування прізвищ. Ця група прізвищ неоднорідна за походженням, у її межах виокремлено антропооснови, мотивовані слов'янськими та християнськими варіантами з домінуванням чоловічих імен.

Прізвища, мотивовані апелятивними означеннями особи, відображають різноманітні аспекти життя народу – побут, заняття, сімейний стан, фізичні та психічні ознаки тощо.

Лексико-семантичний аналіз антропооснов засвідчив збереження у їх значеннєвій амплітуді найактуальніших національних рис (релігійність, любов та повага до батьків, музикальність, іронічність та ін.).

Поширення прізвищ з суфіксом -енк-о засвідчує, з одного боку, словотвірну специфіку регіональної антропоніміки. З іншого боку, отримані результати виявляють і його глибинний зв'язок із загальнонаціональною антропосистемою, оскільки сучасні українські прізвища Донеччини формувалися під впливом міграції населення з територій, де антропоніми такої структури були типовими [4, с. 138].

Суфікс -енк-о не знає обмежень у фонетичному плані: він сполучався з основами на твердий і м'який приголосний (*Золотушенко < золотуха, Івасенко < Івась*). Найчастіше він приєднується до основ на приголосний, якому передують голосний (*Зоренко < зоря*), рідше виявляється його можливість сполучатися з основами на групу приголосних (*Кудренко < кудря*).

Прізвища на -енк-о посідають в антропонімії Донеччини досить помітне місце. Вони виникали від особових імен та колишніх відапелятивних прізвиськ людей. Становлення цих лексем як прізвищ відбулося двома способами: семантичним і морфологічним. Порівняно невелика кількість таких прізвищ має явно виражений патронімічний характер. Значно більше прізвищ на -енк-о утворені семантичним способом від прізвиськ або апелятивів.

Література

1. Баранівська О. С. Прізвищеві гібриди з формантами -к(о), -енк(о) / О. С. Баранівська // Актуальні питання антропоніміки. – К., 2005. – С. 31–38.
2. Білоусенко П. І. Історія суфіксальної системи українського іменника (назви осіб чоловічого роду) / П. І. Білоусенко. – К., 1993. – 214 с.
3. Герасимчук В. А. Антропоніми: історія і сучасність: Навчальний посібник / В. А. Герасимчук, А. Ф. Нечипоренко. – Кам'янець-Подільський, 2002. – 152 с.
4. Редько Ю. К. Сучасні українські прізвища / Ю. К. Редько. – К.: Наукова думка, 1966. – 215 с.
5. Ткаченко О. Б. Українські прізвища з суфіксом -енк-о та споріднені утворення (питання походження) / О. Б. Ткаченко // Слов'янське мовознавство. – К.: Вид-во АН УРСР, 1958. – Т. 2. – С. 38–53.
6. Худаш М. Л. До питання класифікації прізвищевих назв XIV–XVIII ст. // З історії української лексикології / М. Л. Худаш. – К., 1980. – С. 100–126.

СОЦИАЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЭРГОНИМИКОНА ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

Рочняк Елена Владимировна,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и истории
Горловский институт иностранных языков

В современной эргонимии, как и в других областях ономастической номинации, происходит качественная перестройка семантических отношений, предполагающая социальную переориентацию принципов называния и отбора эргонимной лексики.

В процессе развития эргонимная система, с одной стороны, опирается на уже сложившийся набор определённых семантических моделей, реализующихся преимущественно в сфере отапельлятивных образований и обладающих высокой продуктивностью (это позволяет говорить о возможности преемственности в эргономии). С другой стороны, в ходе массовой номинации новых торгово-производственных объектов и переименования старых складываются принципиально иные типы эргонимов.

Установление корреляции эргонимического материала с фактами социально-экономического развития общества является необходимым условием социолингвистического анализа. Не преуменьшая роли внутриономастических факторов, во многом предопределяющих пути развития номинационных процессов, отметим, что данное условие выдерживается на всех этапах исследования эргонимов, так как позволяет получить полное научное представление о процессах номинации, протекающих в эргонимии.

Эргонимическая лексика – в сравнении с топонимической и антропонимической – является наиболее подвижной частью русской общеономической системы и в большей мере подвержена социальным воздействиям. Эргонимия, так же, как и остальные социокультурные феномены, несет на себе ярко выраженный отпечаток своей эпохи, является ее продуктом [2, с. 5]. Если при социализме хозяйство было плановым и практически полностью монополистическим, то в конце 80-х годов начала развиваться рыночная экономика, причем у нас, в отличие от Запада, можно определить четкую границу докапиталистического и капиталистического периодов. Кроме того, переход произошел в недавнее время и сейчас наука располагает богатой эргонимической базой по обоим периодам, зафиксированной документально.

Анализ эргонимов последнего десятилетия показывает, что процессы эргонимообразования тесно связаны с эволюцией хозяйственных форм и категорий торгово-промышленных объектов в условиях определенного способа производства. Учет их специфики продиктован объективностью лингвистического анализа, предполагающего установление связи между названием и мотивом его возникновения. Объяснение этому находим в фактах

социально-экономического характера, корректирующих развитие номинационных процессов в эргонимии последнего десятилетия. Существенными являются следующие:

а) развитие малого бизнеса, в сфере которого создаются различные малые и частные предприятия, товарищества, мелкие фирмы;

б) развитие среднего бизнеса на основе реорганизации крупных государственных предприятий. Например, в структуру крупнейшего когда-то в Украине предприятия по выпуску холодильников ЗАО «Группа Норд» входят: АО «Норд», ЗАО «Донецкий институт холодильной техники», ЗАО «Сервисный центр «Норд», ООО «Планета Норд» и другие (всего 21 предприятие);

в) создание на новой организационной основе акционерных торгово-промышленных обществ, концернов, компаний, которые стали основной формой сбыта промышленных и продовольственных товаров государственных предприятий. Например: ПАО «Стирол».

Основными функциями эргонима являются номинативная и идентификационно-дифференцирующая, а также информативная и рекламная, что обеспечивают прагматическое влияние на реципиента.

Эргонимы являются важными составляющими коммуникации, поскольку удовлетворяют нужды в общении между собственником-номинатором и реципиентом, выполняют семантическую нагрузку. Благодаря этому происходит объединение номинатора с адресатом; вместе с тем, эргонимы представляют эстетические вкусы и языковые идеалы социума очерченного временного промежутка, номинационную моду, национальные и культурные традиции, ценностные ориентиры и приоритеты [1, с. 8].

Весомым экстралингвистическим фактором создания эргонима является их рекламная функция – привлечение потребителей в условиях рыночной конкуренции, формирование положительной оценки предприятия или организации. С этой целью номинаторы, прежде всего владельцы частных предприятий, используют при наименовании эргообъектов не только семантические средства, а и графические, что оказывает содействие коммуникативному влиянию – привлечению внимания потенциальных клиентов. В частности, использование как изобразительного элемента буквы Ъ (с помощью буквы Ъ в названии «АНТИКВАРЬ» номинаторы стремились стилизовать его под старину). Зафиксированное употребление буквы А, перевернутой кверху, в эргониме-названии супермаркета «КУРАЖ», что, по мнению номинаторов, должны передавать дополнительную смысловую нагрузку – привлечь внимание к названию учреждения. Наблюдается употребление в составе многокомпонентных эргонимов компонентов К, К° при обозначении слова компания: ломбарды «Арефьев и К», «Мартынов и К°» и др.

С целью реализации рекламной функции эргонимов употребляются составные компоненты, в частности и иноязычные, которые вошли в современный язык: -сервис, -плюс, -трейд, -лайн и т.п. (ООО «Млин-сервис», ООО «Благополучие-плюс» и др.).

Процессы современного эргонимообразования носят во многом стихийный

характер. Здесь имеет место реализация многообразных лингвистических вкусов, породивших не меньшую, чем в 20–30-е годы прошлого столетия пестроту названий и обусловивших сосуществование старого и нового в эргонимии. Особенно это характерно для названий малых предприятий, фирм, частных обществ. Ср., например, «Аспект» (АО, Макеевка), «Амфир» (ООО, Донецк), «Аква-Дон» (ЗАО, Донецк), «Миком» (ООО, Горловка), «Астрон» (ООО, Енакиево).

Актуальными сегодня являются вопросы языкового урегулирования и законодательного закрепления в области наименований городских эргообъектов, в частности в торговой, банковско-финансовой и других сферах. Законодательство регулирует основные вопросы относительно наименования юридического лица, устанавливает требования к названиям юридических лиц, которые дает возможность индивидуализировать субъекты гражданско-правового процесса, закрепленные гарантии защиты коммерческого (фирменного) наименования, регламентированный порядок осуществления такой защиты. Однако остается ряд проблем, которые нуждаются в нормативно-правовом урегулировании, в частности, языкового оформления.

Актуальным остается определение роли иноязычных слов в составе эргонимов, соблюдение орфографических и лексических норм в процессе номинации. В современной эргонимии выявлено целенаправленное несоблюдение правил орфографии. Так, согласно правилам орфографии, внутри сложного по строению слова не употребляется большая буква, сложные названия с родовидовыми или с равнозначными отношениями компонентов должны быть написаны через дефис, сложные слова с первой частью *агро-*, *авто-*, *авиа-*, *интер-* пишутся слитно. Однако в практике современного создания эргонимов зафиксировано: ОАО «ЦентроКуз», ПП «Агро-маркет», ООО «Агро-трейд», ООО «Авто-континент», ООО «Авиа-агро-трейд», ООО «Интер-пласт», магазин-салон «Интер-оптика». Номинаторы избрали эргонимы «Интер-пласт», «Агро-маркет», так как на время регистрации уже функционировали ООО «Интерпласт», ООО «Агромаркет»; поэтому отступления от действующего правописания стали формой дифференциации эргообъектов.

В связи с развитием, конкуренцией, куплей-продажей заведений, изменением специализации и т.п. эргонимы проходят значительный путь преобразований. Динамика эргонимии указывает не только на качественные, но и количественные изменения.

Таким образом, по способности к изменениям эргонимы принадлежат к языковым единицам, которые находятся в состоянии непрерывного движения в связи с внеязыковыми факторами, в частности социально-экономическими и политическими. Развитие рыночных отношений, обусловивших многообразие субъектов экономики, следовательно, способствовало формированию нового эргонимического поля – коммерческой эргонимии. В этой сфере эргоним рассматривается как элемент рекламной политики фирмы, компании, акционерного общества и предполагается, что он должен создаваться с учетом

того, как он может быть воспринят адресатом. В условиях конкуренции субъектов рыночной экономики новые приёмы привлечения клиента являются залогом выживания на рынке, и названия предприятий играют здесь далеко не последнюю роль. Однако, очевидным является тот факт, что традиция коммерческой номинации в эргонимии «так же неустойчива, как и «правила игры» на отечественном рынке, неустойчивость и постоянная изменчивость которых стали общим местом в дискурсе современных средств массовой информации» [2, с. 3].

Литература

1. Лесовец Н. Н. Эргонимия г. Луганска : структурно-семантический и социально-функциональный аспекты : Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Луганск, 2007. – 16 с.
2. Шимкевич Н. В. Русская коммерческая эргонимия : прагматический и лингвокультурологический аспекты : Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.03.01. – Екатеринбург, 2002. – 21 с.

СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО МУЖСКОГО ИМЕННИКА ДОНБАССА (на примере алфавитных книг школ г. Донецка)

Усова Оксана Олеговна,
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой краеведения

Светличная Влада Юрьевна,
ст. преподаватель кафедры краеведения
Донецкий государственный университет управления

Личные имена, являясь частью лексико-семантической системы, функционируют в ее рамках и одновременно чутко реагируют на любые изменения, происходящие в обществе. Весь процесс развития именовании человека – непрерывный поиск удобной формы, отвечающей потребностям людей в четкой идентификации личности, формы, юридически закреплённой и соответствующей традициям, обычаям, своеобразной моде и, естественно, времени.

Актуальность темы определяется особым положением антропонимов как системы, существующей по законам языка, но помимо лексического компонента, включающего также этнографический, исторический, социологический, культурологический аспекты. Имена собственные представляют интерес, с одной стороны, как объект научных исследований в различных областях знаний, с другой, – как проблема выбора имени для каждого конкретного человека.

Цель нашего исследования проанализировать состояние мужского именника Донбасса, набор личных мужских имен и их количественный состав.

Изучением именника в разное время занимались такие ученые как В. Д. Бондалетов, В. А. Никонов, А. З. Суслова и др. В. Д. Бондалетов рассматривает имена с конца XIX века по 1969 год XX века (1893–1969 гг.), В. А. Никонов – с 1970 по 1980 г., А. З. Суслова – имена 90-х годов XX века.

По данным В. Д. Бондалетова, в десятку самых популярных мужских имен вошли: Александр, Николай, Михаил, Владимир, Сергей, Алексей, Дмитрий, Андрей, Виктор, Анатолий, Евгений [6, с. 210–321]. Самыми популярными именами у В. А. Никонова являются: Александр, Алексей, Сергей, Андрей, Дмитрий, Евгений, Владимир, Михаил, Роман, Денис, Николай [2, с. 153]. У А. В. Сусловой популярными по-прежнему остаются Александр, Сергей, Алексей, а сегодня стремительно растет популярность имен Никита, Антон, Даниил (Данил), Денис, Павел [3, с. 220].

Таким образом, центральный состав именников остается в основном неизменным, меняется его периферийная часть, которая и показывает состояние антропонимической системы. В исследованиях В. Д. Бондалетова встречались имена, которые популярны сейчас: Артемий, Максим, Кирилл. У В. А. Никонова эти имена стали встречаться чаще, к ним прибавились Даниил (Данила, Данил), Арсений, Никита. В именнике А. В. Сусловой отмеченные имена уже не являются редкими, а входят в состав имен широкого употребления и являются популярными [6, с. 210–321].

Материалом для анализа современного мужского именника Донбасса стали имена, отобранные из алфавитных книг ОШ г. Донецк с 1959 по 2009 года.

За первое десятилетие (с 1959 по 1969 гг.) 2344 мальчикам было дано 47 имен. Среди частотных: *Александр, Сергей, Владимир* (14–10%), *Юрий, Валерий, Виктор, Игорь, Николай, Михаил, Анатолий* (8–4%). Эти имена были использованы для называния 69,9% мальчиков. Мало использовались имена: *Дмитрий, Иван, Stanisлав, Павел, Георгий, Федор, Борис, Григорий* (меньше 0,5%). Разовых имен 14 – *Артем, Аркадий, Артур, Владислав, Даниил, Илья, Марк, Роман, Ростислав, Семен, Тарас, Тимур, Эрнст, Ян*.

Во втором десятилетии (1970–1979 гг.) репертуар мужских имен увеличился с 47 до 55 (но увеличилось и количество носителей имен с 2344 до 3502). Состав частотных имен: *Александр, Сергей, Игорь* (14–10%), *Владимир, Олег, Юрий* (9–6%), *Виктор, Андрей, Валерий* (4%). Имена *Михаил, Анатолий, Николай* совсем исчезли из наиболее распространенных имен. Чаще стали использоваться имена: *Владислав, Борис, Дмитрий, Алексей*, а имена Анатолий, Михаил, Николай вышли их первого десятка. Количество разовых имен уменьшилось с 14 до 5, но появились новые имена (*Иосиф, Мурат, Цезарь, Юлий*); увеличилась частотность использования таких разовых имён, как *Роман* (1–20), *Аркадий* (1–15), *Артур* (1–13), *Илья* (1–4), *Ян* (1–3), *Тарас* (1–3), *Даниил* (1–2), *Семен* (1–2); совсем исчезли: *Артем, Марк, Петр, Ростислав, Святослав, Эрнст*. Обновление репертуара имён произошло за счёт включения

в него новых имен (4) и исключения (13) имен репертуара предыдущего десятилетия.

В 1980–1989 гг. количество имен увеличилось с 55 до 66, ими было названо 2525 мальчиков, что на 977 меньше, чем в предыдущем периоде. Меняется круг частотных имен. Из предыдущего десятилетия сохранились только 5: *Александр, Сергей, Андрей, Олег, Владимир*. Имя *Александр* сохранило свою позицию, *Сергей* – опустилось со второй на третью, *Владимир* – с четвертой на восьмую, *Олег* – с пятой на шестую, а *Андрей* поднялось с восьмой на четвертую позицию. В первой десятке появились новые имена *Алексей, Дмитрий* (вошло в первую пятерку), *Максим, Михаил, Евгений*. Их использовали для именования 61,78% мальчиков. Количество мало использованных имен увеличилось с 26 до 34. Среди разовых имен произошли следующие изменения: а) из репертуара прошлых десятилетий сохранилось только одно имя: *Тимур*; б) количество разовых имен увеличилось до 11, за счет включения в репертуар имен – *Аргей, Аркадий, Владлен, Глеб, Игнат, Илья, Макар, Святослав, Тимофей, Тимур, Эммануэль*. Именник этого десятилетия отличается 10 именами (среди которых 7 «новых» имен и 3 «забытых»).

Мужской именник 1990–1999 гг. характеризуется уменьшением количества использованных имен до 53 для 2441 новорожденного мальчика, но, если сравнивать эти данные с именником 1970–1979 гг., то можно заметить, что тогда практически такое же количество имен (55) было использовано для называния 3502 мальчиков, что говорит о расширении репертуара имен 1990–1999 гг.. Среди частотных имен этого промежутка времени изменений мало: *Александр, Сергей* (10%), *Дмитрий, Евгений, Андрей, Алексей* (8–6%), *Владимир, Денис, Максим, Артем, Антон* (5–3%), они были использованы для именования 63,71% мальчиков. Мало употреблялись имена (меньше 0,5%) – *Илья, Петр, Даниил, Федор, Артур, Анатолий, Валерий, Николай, Борис, Григорий, Филипп, Никита, Глеб, Егор*. Разовые имена предыдущих десятилетий или перешли в разряд мало используемых (*Илья, Глеб*) или исчезли совсем, появились новые имена: *Аркадий, Владлен, Игнат, Макар, Святослав, Тимофей, Тимур*. Этот временной срез отличается 11 именами: 2 «новых» и 9 «забытых».

В пятом десятилетии (с 2000 по 2009 гг.) 3344 мальчикам было дано 57 имен. Среди частотных: *Александр, Сергей, Владимир* (14–10%), *Никита, Антон, Данил, Игорь* (9–7%), *Кирилл, Глеб, Илья* (5–3%); ими были названы 71% новорожденных мальчиков. Имена: *Никита, Антон, Данил, Игорь, Кирилл, Глеб, Илья* ранее не выходили из репертуара мало использованных и даже разовых имен (*Илья*), а в анализируемом десятилетии перешли в разряд частотных, что говорит о наметившемся качественном изменении мужского именника. Мало использовались имена: *Альберт, Максим, Руслан, Ян, Григорий, Павел, Аркадий, Георгий, Федор, Роман, Мирослав, Яков, Владлен, Герман* (меньше 0,3%). Разовые имена – *Игнат, Макар, Святослав, Тимофей, Тимур, Марат, Иосиф*.

Таким образом, работая с адресными книгами школ г. Донецка, мы можем констатировать, что в последние 50 лет в Донецке установился достаточно постоянный набор мужских личных имен (*Александр, Сергей, Дмитрий, Евгений, Андрей, Алексей, Владимир, Денис, Максим, Артем, Антон*), преобладают каноничные имена. Центр мужского именника Донбасса меняется мало, больше этому подвержена его периферия. Количественный состав наиболее используемых современных личных мужских имен нельзя назвать разнообразным.

Литература

1. Аксенов С. С. Семантический аспект теории имени собственного / С. С. Аксенов. – Кривой Рог, 1990. – 205 с.
2. Актуальные вопросы русской ономастики. – К., 1983. – 306 с.
3. Антропонимика: сб. ст. – М., 1970. – 253 с.
4. Арнольд И. В., Шеремет Л. Г. Типы сем и структура лексического значения личных имен // Лексическое значение в системе языка и в тексте / И. В. Арнольд, Л. Г. Шеремет. – Волгоград, 1985. – С. 8–16.
5. Бахнян К. В. Антропонимика как средство социолингвистической диагностики. Лингво-социологические исследования / К. В. Бахнян. – М., 1978. – С. 156–194.
6. Бондалетов В. Д. Русская антропонимика // Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – М., 1983. – С. 210–321.
7. Веселовский С. В. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С. В. Веселовский. – М. : Наука, 1974. – 382 с.
8. Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Энциклопедия русских имен / Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. – М., 2000. – 370 с.
9. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская / Отв. ред. А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1988. – 189 с.

ИСТОРИЯ НАЗВАНИЙ ГОРОДОВ ДОНБАССА

Фролова Татьяна Васильевна,
учитель русского языка и литературы
Новокатериновская общеобразовательная школа I–III ст.
управления образования администрации Старобешевского района

*Донбасс! Мое Отечество – Донбасс!
Могучий край родной моей державы.
В веках не оскудеет этот пласт
Рабочей Чести, Мужества и Славы!*

В. Зайцев

Земля между Днепром и Доном от Северского Донца до Азовского моря некогда называлась Диким Полем.

Любая пядь Донецкого края с его дальними отрогами таит в себе глубокие корни тех незапамятных дней, когда зарождалась история этого неповторимого восточного края.

Донецкий край воспет в думах и былинах, щедр на придания, сказки, легенды, стародавние и современные были о Саур-Могиле и Каменных Могилах, Великоанадольском лесе и Хомутовской степи, Кривой Косе и Святогорском монастыре.

Перемешались и укоренились на донецкой земле славянские и тюркские названия [5, с. 22].

В старину Дикое Поле называли Киммерийской, Скифской, Сарматской, Кипчакской, Куманской, Половецкой, Золотоордынской или Ногайской землей. Это земля наших предков, которую издавна нарекли по-своему, по-нашему Дикой степью.

История города *Амвросиевка* начинается с появления в 1869 году пристанционного посёлка при строительстве Курско-Харьковской железной дороги. На гербе эта отправная точка в истории города запечатлена в виде положенных накрест топора и якоря, являющихся в то время эмблемой Министерства путей сообщения России, которое и вело строительство. Впоследствии эта эмблема часто фигурировала на документах местного делопроизводства и предпринимательства. Само же название города восходит к донскому старшине Амвросию Гавриловичу Луковкину, основавшему в 1777 году хутор. Эта страничка истории, давшая городу имя, запечатлена на гербе в виде одного из символов казачества – золотой подковы на зелёном поле [1, с. 27].

История *Горловки* начинается в 1754 году, когда первые поселения запорожских казаков и крепостных крестьян основали село Государев Байрак. Занимались скотоводством, охотой и пчеловодством, выращивали хлеб. В 1868 году была построена железнодорожная станция и названа в честь горного инженера Петра Горлова – одного из основателей угольной промышленности Донбасса. В 1868 году он был приглашен на строительство Курско-Харьковско-

Азовской железной дороги для устройства угольных рудников. Здесь в 1871 году Горлов построил мощную Корсунскую копь, известную впоследствии как шахта "Кочегарка". Возникшие вокруг нового рудника горнозаводской поселок и железнодорожная станция в середине 1880-х годов были названы в честь Петра Николаевича *Горловкой* [1, с. 34].

Город *Дебальцево* основан в 1878 году как железнодорожная станция в связи со строительством Екатерининской железной дороги. К 1897 году в посёлке станции проживало более 2 тыс. человек. Название связано с прилегающим селом Ильинкой, которое в XIX веке было даровано статскому советнику И. Н. Дебольцову за участие в подавлении восстания декабристов. Спустя некоторое время Ильинка получила своё второе неофициальное имя – Дебольцовка. Именно так она была указана на топографических картах XIX века, и станция, которую основали на северных границах имения Дебольцова, получила название *Дебальцево* [4, с. 45].

Юзовка. Официальной датой «рождения» Юзовки большинство считает 1869 год. И это вполне оправданно, поскольку именно с этого времени территория Юзовки из разрозненных сел и рудников стала постепенно превращаться в единый полис. В 1869 году Джон Хьюз первым создал по сути на незаселенной неразвитой в промышленном отношении территории модель индустриального Донбасса и стал основателем Донецка. Старшее поколение греков, проживающих в Старобешево и Стыле, Донецк до сих пор называет *Заут, Юзово* [1, с. 27].

Село *Макеевка* основано в 1815 году Макеевым. Город Макеевка имеет славную и самобытную историю, которая своими корнями уходит в глубокое прошлое. Свою родословную город ведет от казацких поселений Ясиновка, Нижняя Крынка, Землянки, Макеевка, основанных в конце XVII в. 1690 год – время основания слободы Ясиновки – стал новой датой основания города Макеевки. Назван город по имени «полулегендарного донского казака Макея», основавшего в конце XVII в. заимку, на месте которой в 1787 г. генерал от кавалерии Дмитрий Иванович Иловайский заложил слободу Макеевку [5, с. 18].

Старобешево. До 1896 года – Бешево. Около 230 лет назад через старобешевский край прошел караван греков-переселенцев из Крыма. Облюбовав излучину Кальмиуса, пять семей ("беш" в переводе с греческого – "пять", "ев" – дом) – что-то вроде украинских Пятихаток, – основали сегодняшний центр Старобешевского района. И выросло вдоль одной из главных рек Донбасса ожерелье селений хлеборобов. Право заселения территории Приазовья, а также значительные льготы переселенцам были закреплены Грамотой Екатерины II от 21 мая 1778 года. В 1896 году поселение переименовано в Старобешево [7, с. 48].

Комсомольское. В Старобешевском районе, на юго-востоке Донетчины, находится горняцкий городок Комсомольское. Основан в 1933 году под названием Каракубстрой в связи со строительством рудников для добычи известняка. Каракуба (от крымскотатарского *qara qoba* – «Кара Коба» –

«черная пещера или рудник»). С 1949 года носит современное название Комсомольское. Статус города присвоен в 1957 году [8, с. 53].

Тельманово. До 1935 года – Остгейм. Для освоения богатых земель берегов Чёрного и Азовского морей царское правительство пригласило иностранных колонистов. В 1822 году немцы-меннониты, прусские и баденские выходцы основали колонию Остгейм. Остгейм – восточная родина, название, напоминающее далекую родину поселенцев. В 1935 году Остгейм переименован в Тельманово, в честь Эрнста Тельмана [6, с. 37].

Харцызск. С XV–XVIII вв. донские и запорожские казаки в суровой борьбе с кочевниками отстаивали своё право на жизнь. В междуречьях Кальмиуса и Миуса находили себе убежище представители двух казацких вольниц. Турки и татары называли этих свободолюбивых людей «харцызцами» – разбойниками. Это слово не обозначало грабителей (их по-турецки называли другим словом); «харцызцами», «харцызьяками», «харцызсниками» называли тех свободолюбивых жителей Дикого Поля, которые не подчинялись власти, а места их поселений именовали «харцызскими». Основан в 1869 году как посёлок при станции, введенной в действие на Курско-Харьковско-Азовской железной дороге. На месте современного города ещё в 1786 году была основана слобода Харцызская, принадлежавшая генерал-майору И. Д. Иловайскому [5, с. 68].

Иловайск справедливо называют юго-восточными воротами Донбасса. Начало нынешнему городу положил небольшой железнодорожный разъезд №17, возникший в степи на строящейся Курско-Харьковской-Азовской железной дороге, движение поездов по которой от Харькова до Таганрога было открыто 23 декабря 1869 года. Поскольку в этих местах участок дороги Ханженково – Таганрог проходил по землям крупного помещика и капиталиста И. Г. Иловайского, разъезд №17, вскоре значительно расширившийся, и был назван станцией Иловайск. Возникла она в степи, вдали от селений [4, с. 54].

Изучение названий городов Донбасса представляет исторический и этнографический интерес. Люди разных национальностей спокойно и мирно живут в нашем крае. Каждый чтит и уважает историю и традиции других этнических групп, потому что всех объединяет любовь, мир, дружба и взаимопонимание. Нельзя допустить, чтобы забылось историческое прошлое нашего народа. Человек духовно богат, если он знает и охотно изучает прошлое своей страны, гордится принадлежностью к своему народу.

Литература

1. Города Донецкой области. – Донецк : Кальмиус, 2003. – 192 с.
2. Гусева Н. А. Дружковка : Путеводитель / Н. А. Гусева. – Донецк : Донбасс, 1980. – 64 с.
3. Давыдов В. Д. Голубое ожерелье Донбасса / В. Д. Давыдов. – Донецк : Донбасс, 1980. – 99 с.
4. История городов и сёл УССР. Донецкая область / Предс. редкол. Г. П. Ерохов. – К. : Главная ред. УСЭ, 1976. – 812 с.

5. Книга о Донбассе. – Донецк : Донбас, 1977. – 319 с.
6. Неизвестное об известном : Краеведческие очерки. – Донецк : Донбасс, 1978. – С. 91–101.
7. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. – М. : Мысль, 1966. – 508 с.
8. Отин Е. С., Борисова Л. П. Древние географические названия Донбасса / Е. С. Отин, Л. П. Борисова // Донбасс : прошлое, настоящее, будущее : I региональная научно-практическая конференция. – Донецк, 1992. – С. 30–32.

СТУДЕНТЫ И УЧАЩИЕСЯ

ОНОМАСТИКА ГОРОДОВ ДОНБАССА

Бондаренко Элина Сергеевна,
ученица 11 класса

Науч. рук.: Саенко Е. Н.,
учитель русского языка и литературы
Комсомольская общеобразовательная школа I–III ст. № 5
управления образования администрации Старобешевского района

Донбасс – это земля неисчерпаемых природных богатств, которая всегда будет местом, где рождаются не только герои труда, но и хорошие люди, с доброй душой и сердцем. В Донбасс входит центральная часть Донецкой области и южная часть Луганской области.

Первые населенные пункты Донбасса возникли ещё во времена пещерных людей, живущих на берегу двух главных рек – Северского Донца и Кальмиуса. Первый известный в истории тип человека разумного жил и работал в этих краях. Эту культуру называли «катакомбной» – по невиданной ранее форме захоронения, представляющей собой вертикальный колодец, боковой вход и камеры для захоронений. В этот период истории был сделан большой и серьезный шаг вперед. Предшественники научились строить или рыть большие сооружения, а их преемники постигли науку металлургии.

К появлению большого числа городов привел быстрый рост населения рабочих поселков и сел в Донбассе в советский период (в 30-е годы, после войны), а также повышение их роли в экономическом балансе области.

Из 52 современных городов Донецкой области только три были отнесены к дореволюционным. Первый – в период революции (Юзовка), вторые – в 20-е, двадцать один – в 30-е, одиннадцать – 50-е и семь в 60-е годы. Это определило особенность названий многих городов областного и районного подчинения, в которых не успевало происходить «подтягивание». Поэтому в настоящее время

среди названий донбасских городов немало таких, которые по форме ничем не отличаются от названий сел и других населенных пунктов.

Город *Луганск* в советские времена назывался *Ворошиловград* (связано с именем К. Е. Ворошилова), вначале назывался *Луганский завод*. Старожилы поселка Старобешево Донецкой области, говорящие по-крымскотатарски, город *Донецк* до сих пор неофициально называют *Заут*, то есть «завод». Это то далекое время, когда только «начиналась» столица шахтерского Донбасса, и на ее месте был лишь завод Юза и небольшое рабочее местечко.

В Донбассе сохранилось немало названий, так или иначе отразивших историю заселения этого региона. На юге и юго-западе Донетчины встречаются названия населенных пунктов, повторяющие крымские топонимы: *Ялта*, *Урзуф*, *Улаклы*, *Стыла*, *Мангуш*, *Старый Крым*. В центральной части Донбасса оставили след молдаване и волохи, примерно в то же время поселившиеся в бывшем Бахмутском уезде. Так, в основе названия села *Кодема* лежит молдавское слово со значением «топкое место», «болото». Гидроним *Балта* (название балки в бассейне реки Луганчик) тоже происходит от молдавского *балтэ* – «озеро», «болото». Также в Донбассе оставили свой след сербы, хорваты и черногорцы, переселившиеся в 50–60 годах XVIII века в район между Северским Донцом и Луганью. Здесь возник административный центр их поселений – *Славиносербск* (до 1817 г. – *Донецк*).

Появление целого ряда названий городов и сел Луганской и северо-восточной части Донецкой областей связано с созданием на их территории военных поселений с середины XVIII до начала XIX веков. Это прежде всего «номерные» топонимы, некоторые из них обозначали места поселений соответствующих воинских подразделений под командованием сербских полковников: *Первая Рота* (село Серебрянка), *Вторая Рота* (село Луганское), *Третья Рота* (село Верхнее) и т. д. Другая группа «номерных» названий не связана с периодом сербской колонизации края. Слово «рота» со временем начинает обозначать всякое военное поселение, получая числовое определение в зависимости от номера расквартированных здесь воинских подразделений – кадровых рот гусарских полков: село Троицкое Лисичанского района сначала называлось *Четырнадцатой Ротой*, село Луганское (оно же *Вторая Рота*) получает третье название – *Пятнадцатая Рота* и т. д.

В названии села *Новая Астрахань* сохранилась память о пребывании в нем в 20-е годы Астраханского полка, а в селе *Новопсков* был расквартирован полк, сформированный в Пскове. С точки зрения происхождения эти названия не следует смешивать с теми, у которых определение *новый* указывает на то, что данный населенный пункт был основан выходцами из одноименного поселения. Село *Новая Полтавка* в Константиновском районе Донецкой области основано выходцами из села *Полтавка* того же района. Село *Новоахтырка* в Новоайдарском районе Луганской области населено выходцами из города *Ахтырки* Сумской области. Нельзя их сравнивать и с названиями, в которых определение *новый* указывает на более позднее возникновение

независимо появившегося одноименного поселения (сравните, например, поселок *Новоайдар* и село *Старый Айдар* Луганской области).

Название районного центра Донецкой области – села *Великая Новоселка* – представляет собой дословный перевод старого греческого названия *Салгир Ени Сала*, занесенного в приазовские степи из Крыма тюркоязычными греками-переселенцами в конце 70-х годов XVIII века. Первая часть топонима *Великая Новоселка* означает «большая». В документах XIX века часто употребительны также формы *Большая Ени-Сала* и *Больше-Янисель*. Типично славянским образованием выглядит сейчас также имя другого районного центра Донетчины – поселка *Старобешев*. На самом деле это такой же перенесенный из Крыма топоним, где конечное -ев по своему происхождению не является суффиксом, как, например, в названии *Енакиев*. Сначала селение именовалось *Бешев* (из *бешэв* – «пять домов»). Когда поблизости было основано село *Новобешев*, название первого села получило различительное определение *старо-*).

Название города *Макеевки* произошло от старинного мужского имени *Мокей*. Оно, по-видимому, принадлежало основателю займища, на месте которого впоследствии возникла слобода *Макеевская* (впервые упоминается в документах начала XIX века).

В Донецкой области есть и такие неожиданные названия, как *Балаган* (село в Красноармейском районе) и *Каютино* (поселок возле Угледорска). В дореволюционном Донбассе *балаганами* назывались принадлежавшие заводам длинные бараки, заселенные рабочими и служащими, *каютами* – низкие сырые землянки заводских рабочих и шахтеров.

Название *Доброполье* произошло из словосочетания *доброе поле*, хотя земли в окрестностях города особым плодородием не отличались. Таких нарочито «хвалебных», предзнаменовательных имен в Донбассе немало. В Донецкой области это *Прелестное*, *Райгородок*, *Рай-Александровка*, *Веселое*. В 30-е годы возле города Енакиев было хутор *Неунывай* и *Веселая Долина* в Луганской – *Счастье*, *Веселая Гора*, *Веселая Тарасовка*. Придуманы они были первыми поселенцами в надежде на то, что их жизнь на новом месте будет такой же счастливой и радостной, как и названия их сел.

С надеждой на лучшие перемены в жизни возникает и название *Новый Свет*. Так называлась в позапрошлом веке часть старой Юзовки (другое ее имя – *Ливенский поселок*, т.к. здесь была контора князя Ливена), поселок в Красноармейском районе (теперь он вошел в состав города Димитрова).

Поселок *Гродовка* был назван так потому, что в первые годы его существования (70–80-е годы XVIII века) среди его населения преобладали городовики, то есть горожане, пришедшие сюда из Полтавской губернии.

Город *Ровеньки* свое имя получил от названия небольшой речушки *Ровенек*, на берегу которой он возник в конце XVIII века. Сначала оно точно повторяло форму гидронима – «городок Ровенек». Слово «ровенек» означает «ровное место».

В названии поселка *Белокуракино* сохранилась память о его основателе – вельможе петровского времени Б. И. Куракине (первоначальное значение топонима: «село Куракино на реке Белой»).

Донбасс, кроме наименований наземных объектов, имеет еще многочисленные названия угольных пластов: «*Атаман*», «*Аршинка*», «*Великан*», «*Баклажанка*», «*Давид*», «*Иван*», «*Ирина*» и т. д. Подземные топонимы могут иногда выходить «на-гора», превращаясь в названия шахт, рабочих поселков и городов.

Такова история происхождения некоторых географических названий.

Донецкий край вдохновил на творчество многих мастеров пера и кисти, киноактеров, композиторов. Удивительно актуально стихотворение П. Г. Беспощадного:

*... Донбасс никто не ставил на колени,
И никому поставить не дано!
И нет земли прекрасней, вдохновенней,...*

Литература

1. Донетчина многоликая и вечная : Исторические зарисовки / авт. – сост. Е. Ю. Ясенов. – Донецк : ЛАНДОН-XXI, 2012. – 272 с.
2. Донеччина (книга-фотоальбом) / Ред. В. Ф. Вовенко. Авт. тексту В. Ф. Вовенко, М. П. Корнеев, 2004. – 256 с.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская / Отв. ред. А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1988. – 189 с.
4. История городов и сёл УССР. Донецкая область / Предс. редкол. Г. П. Ерохов. – К. : Главная ред. УСЭ, 1976. – 812 с.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФАМИЛИЙ УЧАЩИХСЯ МОШ №11

Васько Анастасия Дмитриевна,
ученица 11 класса

Науч. рук.: Боева Г. Т.,
учитель русского языка и литературы
Макеевская общеобразовательная школа I–III ст. № 11

Исследование истории возникновения фамилий открывает забытые страницы жизни и культуры наших предков и может поведать много любопытного о далеком прошлом.

Традиция давать человеку индивидуальное прозвище в дополнение к имени, полученному при крещении, издревле существовала на Руси и сохранялась вплоть до XVII века. Это объясняется тем, что из тысяч

крестильных имен, записанных в святцах и месяцесловах, на практике использовалось чуть более двухсот церковных именований. Зато неисчерпаем был запас прозвищ, позволявших легко выделить человека среди других носителей того же имени.

В качестве источников могли использоваться: указание на профессию, особенности характера или внешности человека, название национальности или местности, выходцем из которой был человек.

Основная масса населения на протяжении долгого времени оставалась без фамилий. Начало их закреплению положило духовенство, в частности киевский митрополит Петр Могила, который в 1632 году поручил священникам вести метрики рожденных, венчанных, умерших.

Фактическим материалом этой работы стали фамилии 25 учащихся 9–11 классов Макеевской общеобразовательной школы I–III ступеней №11.

Безусловно, данное исследование носит *актуальный* характер, так как посвящено исследованию истории происхождения славянских фамилий, их правильному употреблению и склонению.

Фамилия – это наследственное имя семьи, поэтому история каждого такого имени индивидуальна и неповторима. Именно в фамилии запечатлена живая история своего рода, которая хранит память о предках и о далеком прошлом.

Фамилии являются богатым источником для изучения лексического разнообразия языка, истории, культуры, психологии, быта и поверий народа определенной этнографической территории, поскольку их значение раскрывает значимую для истории языка и для истории его носителей информацию. Именно поэтому семантика антропонимов является одной из наиболее исследуемых категорий ономастической науки [2, с. 17].

Как отмечают известные лингвисты (В. И. Даль, С. И. Ожегов, Б.-О. Унбегаун), к XVI веку самой распространенной моделью образования фамилий стало прибавление к основе суффиксов *-ов/-ев/-ин*, ставших со временем типичными показателями русских фамилий [4]. Нами зафиксировано 14 русских фамилий из 25 исследованных, что составляет 56%: *Баскаева, Беляева, Бобылева, Важкова, Внукова, Гревцова, Карачевцева, Карпекина, Кирьязиева, Колесникова, Логинов, Озерова, Харчевников, Черников*.

Во времена Киевской Руси патронимический суффикс *-енко/-ко* у южных славян означал «маленький» или «сын такого-то». В XIII–XV веках немалая часть фамильных прозвищ, записанных на Украине, в южных землях Белой Руси и на юго-западе Московской Руси, была образована при участии этого суффикса. С этим и связана распространенность фамилий с суффиксами *-енко/-ко* на Украине, а также юге Белоруссии и России. Позднее древний суффикс *-енко/-ко* перестал пониматься буквально и сохранился лишь в качестве фамильного, а в XVII столетии фамилии на *-енко/-ко* стали преобладающими на территории всей Восточной Украины [5]. Среди исследуемых фамилий таких 5 (20%): *Бондаренко, Васько, Кошеленко, Лановенко, Мусиенко*.

8% составляют фамилии, образованные при помощи суффикса *-л-:* *Пудло* и *Тукало*.

Фамилия *Петрик* образована суффиксом **-ик-** (4%).

Оставшиеся 12% фамилий учащихся образованы бессуффиксальным способом: *Гузь, Лях, Шаповал*.

Согласно общепринятой в науке классификации лексической базой славянских фамилий являются: 1) **личные имена** (славянские: Владимир > *Владимиров*, и *христианские*, которые образовались от имен греческого, латинского, еврейского и др. происхождения: Анастас (греч.) > *Анастасов*); 2) **топонимы** (географические названия): *Московский, Донецкий*; 3) **апеллятивы** (имена нарицательные, которые первоначально идентифицировали людей по профессиональным, социальным, территориальным и др. признакам): *Бондаренко, Шаповал, Бондарь*.

Распознать многие христианские и славянские имена, дошедшие до нас в корнях фамилий, сегодня непросто. Во-первых, круг используемых «живых» личных имён, почерпнутых из святцев, к началу XX века заметно сузился; многие имена, популярные в старину, к нашему времени оказались основательно забыты. Уже сейчас мы редко встретим имена *Лука, Архип, Фома, Акулина*. Мужские имена подобного рода ещё встречаются в фамилиях: *Лукин, Архипов, Фомин*. Такие мужские имена, как *Курсан, Зот, Протас, Сазон, Меркул, Увар* прочно забыты, хотя в фамилиях продолжают свою жизнь: *Курсанов, Зотов, Протасов, Сазонов, Меркулов, Уваров*.

Фамилии, образованные от географических названий, исторически могут носить владельческий характер – они происходят от названий вотчин именуемых: *Вяземский (Вязьма), Киевский (Киев)* и т. д. Как считают исследователи, это княжеские, боярские или дворянские фамилии. Но часто такие именованья относились к простым людям – например, крестьяне именовались по названию деревни, откуда они родом: *Бажанова (п. Бажанова), Свердловский (п. Свердлово), Каменский (д. Каменка)* и др.

Фамилии отражают наблюдательность, меткость оценки и богатство языка наших предков. В них тонко подмечены внешние отличительные признаки, свойства характера и другие народные особенности.

От слов, обозначающих те или иные черты характера, также произошли многие широко распространённые фамилии. Сейчас мы не назовём молчаливого человека молчуном, а чистоплотного – чистяком; фамилии *Молчанов* и *Чистяков* убеждают нас, что раньше такие слова существовали – вначале в качестве прозвищ, а позднее они перешли в разряд фамилий.

Многим людям в прошлом давали имена и прозвища, почерпнутые из богатейшей русской флоры и фауны. Современные фамилии хранят в себе сотни названий животных (как домашних, так и диких), птиц, рыб, насекомых, растений: *Волков, Медведев, Воробьёв, Ершов, Соколов, Муравьёв, Травкин, Дубовой*.

В старину человека не редко называли и по роду его занятий: *Попов, Кузнецов, Мельников, Рыбаков*. Потомки древних мастеров текстильно-швейного производства носили фамилии *Ткачёв, Красильников, Шевцов, Кравец* (кравец – закройщик). Специалисты по головным уборам были

родоначальниками *Шаповаловых, Шляпниковых*. Широкий круг «мукомольных» и «пекарских» фамилий: *Мельник, Хлебников, Калашиников, Прянишников, Блинов* и т.д.

В эту же группу можно отнести и так называемые «церковные» фамилии. В XIX веке складывались фамилии русского духовенства. Среди них много искусственно образованных от различных слов не только русского, но и церковнославянского, латинского, греческого и других языков. Значительную группу представляют фамилии, образованные от названий церквей и церковных праздников: *Успенский, Богоявленский, Рождественский*.

Рассмотрев лексико-семантические особенности фамилий учащихся нашей школы, можно выделить наиболее частотные:

1) 16% составляют фамилии, производные от географических названий: *Важкова > Важка (Вашка)* (река в Республике Коми и Архангельской области, левый приток Мезени); *Карачевцева > Карачев* (город в Брянской области); *Озерова > озеро; Лановенко > лан* («поле» по-украински).

2) 20% составляют фамилии, производные от личных имён: *Васько > Василий* (просторечная форма – Васёк) (церк.-христ. муж. имя греч. происх.) [1, с. 271]; *Мусиенко > Моисей* (просторечная форма – Муся) (церк.-христ. муж. имя древнееврей. происх.) [1, с. 374]; *Карпекина > Карп* (церк.-христ. муж. имя греч. происх.); *Петрик > Пётр* (просторечная форма укр. языка – Петрик) (церк.-христ. муж. имя греч. происх.); *Кирияшева > Кирилл* (просторечная форма – Киря) (церк.-христ. муж. имя греч. происх.) [1, с. 341];

3) 28% составляют фамилии, производные от апеллятивов – названий по роду деятельности или профессии: *Бондаренко > бондарь* (мастер по изготовлению бочек) [3, с. 50]; *Колесникова > колесник* (колесный мастер, делающий ездвые или повозные колеса.); *Шаповал > шаповал (катрушник)* (мастер, изготавливающий из шерсти шляпы, а также другие валяные изделия) [3, с. 773]; *Харчевников > хозяин харчевни* (трактира, закусочной с дешевыми и простыми кушаньями) [3, с. 747]; *Тукало > тукало* (человек, который занимался обработкой и прядением льна либо заготовкой соломы. Тукач – «сноп соломы» и «связка дерганого льна»); *Пудло > пудло (короб)* (указывает на род деятельности людей, которых называли коробейниками – бродячими торговцами – для разноса мануфактурного и галантерейного товара); *Гревцова > гревец* (барский истопник);

4) 36% составляют фамилии, производные от апеллятивов – названий по внешним признакам, характеру, родственным связям: *Беляева > беляй* (человек со светлым оттенком кожи либо белокурыми волосами); *Гузь > гузый* (куцый, короткий); *Кошеленко > кошель* (неловкий, неуклюжий человек); *Логинов > логгин* (с латинского – «высокий»); *Черников > черник (чёрный)* (смуглый, темноволосый человек); *Баскаева > баскай* (красивый, видный, пригожий, взрачный); *Бобылева > бобыль* (безземельный, одинокий крестьянин-бедняк) [3, с. 47]; *Внукова > внук; Лях > лях* (название поляков, обычное в летописи *Нестора*), можно предположить, что в роду были поляки (ляхи), от которых и пошла история данной фамилии.

Таким образом, можно сделать выводы:

- 1) фамилии учащихся нашей школы имеют богатое историческое прошлое;
- 2) анализ семантики фамилий позволяет нам определить, к какому роду принадлежали их первые носители, чем занимались и каковы были их взаимоотношения;
- 3) самой многочисленной лексико-семантической группой фамилий является группа «Фамилии, производные от апеллятивов – названий по внешним признакам, характеру, родственным связям», которая составила 36% всех исследуемых фамилий.

Литература

1. Ісат Ю. А. Чоловічі та жіночі імена : Походження, значення, вибір / Ю. А. Ісат. – Донецьк : ТОВ ВКФ «БАО», 2007. – 560 с.
2. Новикова Ю. М. Семантико-словотвірна структура прізвищ Центральної і Східної Донеччини : Монографія / Ю. М. Новикова // За заг. ред. д-ра філол. н., проф. Т. Ю. Ковалевської. – Донецьк : Норд-Прес, 2009. – 210 с.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка : Ок. 57000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 17-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1985. – 797 с.
4. Происхождение фамилии *Бобылева* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.analizfamilii.ru/Bobylev>
5. Происхождение фамилии *Кошеленко* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.analizfamilii.ru/Koshelenko/proishozhdenie.html>

СПЕЦИФИКА ТОПОНИМИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ г. ГОРЛОВКИ

Головань Екатерина Александровна,
студентка II курса факультета славистики

Науч. рук.: Рочняк Е. В.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и истории
Горловский институт иностранных языков

Ономастика – наука об именах собственных всех типов, о закономерностях их развития и функционирования. Лингвистическая в своей основе, ономастика включает исторический, географический, этнографический, культурологический, социологический, литературоведческий компоненты, помогающие выявлять специфику именуемых объектов, и традиции, связанные с их именами, что выводит ономастику за рамки собственно лингвистики и делает автономной дисциплиной, использующей преимущественно лингвистические методы, тесно связанные с комплексом гуманитарных наук, а также наук о Земле и Вселенной [1, с. 3].

Согласно А. В. Суперанской, основное свойство собственных имен – «отсутствие связи с понятием, тесная связь с единичным, конкретным объектом» [2, с. 32]. Окунёмся в ономастику названий горловских районов.

Например, *Калиновку* местные жители именуют *Калифорнией*. Там живут суровые и так непохожие на жителей центрально-городского района люди. Калиновка – это вообще иной мир, проводником куда служит призрачный трамвай восьмого маршрута. Это рабочий район, со своей атмосферой, своим пассивным принятием господствующего порядка, своими законами существования, резко контрастирующими с другими частями Горловки. Поэтому, несмотря на название *Калифорния*, по внутренней своей сути Калиновка больше всего напоминает Манчестер или Ливерпуль (так говорят побывавшие и там, и там). Это один из нестареющих и драйвовых локомотивов химической столицы Донбасса.

Сестра-близнец Калифорнии – *Бессарабка*. Мало кто знает, но официально такого названия нет. Это поселок шахты им. Изотова. Бессарабка остается интересным районом со своими, неизменно врезающимися в память двухэтажками в «серых» шубах. Долго пыталась узнать – почему же Бессарабка? Но так никто и не ответил. Говорят, что здесь еще до войны селились выходцы из Молдавии. Вполне возможно. Больше всего меня тут поражает местный парк, от которого остались только «античные руины» – арки, стены и основания колонн.

Не так далеко от этого поселка (в 2–3 км на юго-запад) находится поселок *Комарово*, в народе называемый просто – *Курганка*. Видимо, здесь некогда было расположено захоронение (скифское, сарматское или иной культуры). Расположена Курганка совсем рядом с одним из самых мистических мест

Горловки – Никитовским ртутным комбинатом. Заброшенные карьеры, красно-фиолетовые озера, превратившиеся в лесистые ртутные отвалы. Эти места можно исследовать бесконечно, открывая все новые и новые ущелья и укромные долины.

Поселок *Байрак* – глухая окраина современной Горловки. Место это тихое и спокойное, но интересно оно тем, что является одним из древнейших поселений на Донецкой земле.

Раньше *Байрак* был *Государевым Байраком*. Разжаловали его уже после революции, в рамках борьбы большевиков с неугодной топонимикой. По легенде, название этому месту придумал еще Петр Первый, побывавший тут в конце XVII века. Тогда его отряд остановился на ночлег в овраге (буераке, байраке), с тех пор к оврагу и приклеилось такое название [3, с. 31].

Поселок *Солидарность*. Одной из его «изюминок» является название *Аргентина*. Говорят, что в 1950-х сюда начали приезжать те наши соотечественники, которые волею судеб оказались во время Второй Мировой войны в этой южноамериканской стране (по другой версии дело происходило в 1970-х и это были эмигранты, которые бежали от преследований). Пожили «аргентинцы» у нас до 1990-х и уехали (хотя далеко не все). Название так и прижилось.

Чуть дальше Аргентины находится *Соцгородок*. Совсем недалеко от Соцгородка есть пруд с поэтическим названием *Байкал*.

Рядом с терриконами шахты им. Гаевого соседствует поселочек *Кузнецовка*. Но этимология такого названия никак не связана с ковкой металла, а происходит от сорта вишен, который тут довольно активно высаживали. Примечательная страница истории Кузнецовки и в том, что половина поселка находится под терриконом.

Кстати, если глянуть на город с террикона, например, шахты им. Ленина (в народе именуемой «Пятой»), то можно увидеть, что основная часть Горловки – это одно-, двух- или пятиэтажные строения. Почему? Ответ прост – слишком много шахтных выработок под городом. Поэтому расположение наших панельно-высотных жилых массивов – неслучайно. Они стоят на безвыработных площадках (либо там, где выработки на очень приличной глубине). Это ж/м «Комсомольский» (чаще говорят – жилмассив «Комсомолец»). Он получил свое название от одноименной шахты, расположенной на его территории. А также 88 квартал (или просто «Восемь-восемь»), ж/м «Строителей» (а не «Строитель», как он обычно именуется) и ж/м «Солнечный». Еще сюда можно прибавить и 245 квартал, который наполовину панельно-девятиэтажный, а наполовину – пятиэтажный.

Ж/м «Солнечный», в народе «5 квартал». Старая часть «квартала» – это, в основном, хрущевки и «бессарабские» двухэтажки. Местные называют эту часть «старушкой», восточная же ее часть известна как «Париж». Район, который расположен от рынка «Александрия» и до конечной автобусного маршрута № 2, – это основная часть «5 квартала», который на самом деле 405 квартал. В километре от ж/м «Солнечный» на северо-восток находится поселок

«Финские» (неофициальное название). На самом деле это часть поселка шахты им. Румянцева.

Также в Горловке есть два хутора. *Стенки* и *Шевченко*. А до войны между *Аксёновкой* (официальное название – поселок *Ксеньевка*) и цехами концерна «Стирол» находилась *Русская слобода*.

Еще одна тайна стироловских окрестностей – *Верина могила*. Расположена она возле сульфатных отвалов и Поклонска. По сути это курган, возле которого были расположены каменные изваяния. Среди местных жителей можно услышать красивую легенду о похороненной здесь дочери помещика (который якобы высадил здесь Воробьевский лес для шахтных нужд).

Поселок *Химик* называют *Почтовый*. Местные жители рассказывают, что наш химзавод был настолько засекречен, что дома вокруг него называли для конспирации «*Почтовый ящик*». Название со временем сократилось до «*Почтовый*».

Территория современной Горловки была заселена запорожскими казаками. В 1776 году было сформировано государственное село *Зайцево*. В 1785 году посёлок получил другое название – *Никитовка*. До конца XIX в. станица *Зайцево* и *Государев Байрак* были самыми большими и многочисленными селами на территории нашего края.

История Горловки не исчерпана, возможно, в будущем мы услышим еще немало сказочных, легендарных и реальных историй о происхождении топонимов Горловки.

Литература

1. Ономастика [Текст] / Академия наук СССР, Институт языкознания ; [ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская]. – М. : Наука, 1969. – 260 с.
2. Суперанская А. В. Аспекты ономастических исследований / А. В. Суперанская // Теория и методология языкознания. Методы исследования языка. – М. : Наука, 1989. – С. 139–148.
3. Шевченко А. В. Топонимы Горловки / А. В. Шевченко. – Донецк : Лебедь, 1994. – 46 с.

ОНОМАСТИКА СТАРОБЕШІВСЬКОГО РАЙОНУ

Гордєєва Дар'я Денисівна,
учениця 11 класу

Наук. кер.: Мартишевська Т. М.,
учитель української мови і літератури
Петрівська загальноосвітня школа І-ІІІ ст.
управління освіти адміністрації Старобешівського району

Власні назви існують з давніх-давен, функціонують повсюдно і виникають та вживаються масово. Тому їх вивчення дозволяє істотно відновлювати факти історії мови та історії народу, досліджувати процеси номінації та її різновиди, аналізувати функції навантаження власних назв тощо. Власні назви досліджує ономастика.

Розвиток ономастики в Україні почався з розробки питань топоніміки і, меншою мірою, антропоніміки. Передусім він пов'язаний з діяльністю М. Максимовича, І. Срезневського, І. Франка, М. Сумцова і багатьох інших науковців, які привернули увагу до ономастики й самі чимало зробили в описі багатьох власних назв.

Ономастика (від грец. *onomastike* – мистецтво давати імена) – розділ мовознавства, що вивчає власні назви, їх будову, системну організацію, функціонування, розвиток і походження. За напрямками дослідження ономастику прийнято розділяти на теоретичну, описову, історичну, прикладну й поетичну, а за об'єктами дослідження – на антропоніміку, топоніміку, космоніміку, теоніміку, зооніміку, егроніміку, хрононіміку та хрематоніміку. Різні аспекти ономастики досліджували М. Фененко, Л. Успенський, О. Стрижак, М. Янко, Я. Рудницький.

Предметом нашого дослідження є топоніміка. *Топоніміка* – розділ ономастики, що вивчає походження, значення та функціонування топонімів (власні назви будь-якого географічного об'єкта).

Топоніми мають велике пізнавальне значення. Географічні назви на карті з'явилися не водночас, їх поява і розвиток тісно пов'язані із загальною історією народу, його культурою, релігією, рівнем суспільних відносин. Потреба в географічних назвах спочатку, очевидно, як у своєрідних первинних орієнтирах виникла досить давно і губиться в нетрях історії. Проте топоніми ніколи не були раз і назавжди даними, застиглими номінативними знаками географічних об'єктів. Зміни історичних умов, війни, великі переселення племен і народів обов'язково позначаються на топонімії. Забуваються і зникають старі назви, деякі з них частково або й повністю перекриваються новими топонімами відповідно до потреб етнічної спільності. Міграційні рухи сприяють перенесенню топонімів на нові ареали, формуванню географічних назв відповідно до характерних особливостей географічного середовища.

Топоніми як важлива частина загальної мовної системи етносу не існують ізольовано, вони зазнають семантичних зрушень основ, постійно відбуваються номінативні зміни об'єктів, відчутними є міжмовні та міждіалектні впливи. Тому топонімію слід розглядати не як монолітне нерухоме ціле, а як багат шарове, хронологічно різне утворення, що дає уявлення про умови, давні народи взагалі й розкриває умови формування певної нації зокрема. Процес найменування географічних об'єктів зумовлюється не тільки соціально-політичними факторами, а й естетичними, меморіальними мотивами, неабияке значення належить тут моді, має місце й випадковість.

Специфіка топонімів полягає в тому, що вони несуть інформацію, значно ширшу за лінгвістичну, дозволяють заповнювати прогалини в етногенетичних дослідженнях. Висновки, одержані на підставі аналізу архаїчних географічних назв, відіграють вагомий роль у розв'язанні, зокрема, найскладнішої проблеми сучасного слов'янознавства – окресленні прабатьківщини слов'ян. Широке поле топонімів включає історичний, географічний, етнографічний та інші аспекти, тому найдоцільнішим видається комплекс дослідження географічних назв зусиллями представників суміжних наук.

Топоніміка – джерело вивчення історії та географії рідного краю. Завданням цієї роботи є дослідження походження географічних назв Старобешівського району.

Відомо, що топоніміка включає такі поняття: 1) *гідроніми* (назви річок, озер, колодязів і т.д.); 2) *фоніми* (назви курганів); 3) *ойконіми* (назви населених пунктів); 4) *спелеоніми* (назви печер, скельних навісів); 5) *ороніми* (назви хребтів, гір, долин, ярів, впадин і ущелин); 6) *хороніми* (назви країв і країн).

Велике значення має етимологія географічних назв, тобто пояснення їхнього походження, усвідомлення первинного змісту назви того чи іншого об'єкта. Будь-яка географічна назва має своє значення. І переважна більшість їх виникла стихійно, проте зовсім не випадково: беззмістовних топонімів немає. Частина топонімів пояснити дуже легко, однак є й такі, розгадати які не так легко.

Усі географічні назви можна згрупувати у певні лексико-семантичні розряди, що мають різне походження, а саме: антропонімічне – назви, що беруть свій початок від імен та прізвищ людей, етнімічне – пов'язані з назвами народів, і назви, що походять від географічного середовища або вказують на характер господарства та різні види людської діяльності.

На території Старобешівського району знаходиться понад 40 населених пунктів. Сягаючи вглиб віків, слід зазначити, що адміністративна територія району склалася не одразу, а протягом століть. Перші поселення утворилися ще в кінці XVIII століття внаслідок того, що частина назв природних об'єктів передавалася від одного народу до іншого. Так, у 1780 році грецькими переселенцями з Криму було засновано три населених пункти – *Стила*, *Бешиве* та *Велика Каракуба*, за основу назв яких було взято назви однойменних кримських сіл. Наприклад, назва *Каракуба* бере свій початок від кримськотатарського *qara qoba* – «Кара Коба» – «чорна печера». Така назва

виправдовувалася ще й тим, що поселенці Великої Каракуби займалися видобуванням корисних копалин. З роками поселення розросталося по обидва береги Кальміусу, тому в 1946 році з'являється нова назва села – *Роздольне*.

Поруч із Великою Каракубою в 1933 році у зв'язку з будівництвом рудників для видобування вапняку з'являється поселення, що стало продовжувачем справ Великої Каракуби й отримало назву *Каракуббуд*. З 1949 року назва селища змінилася на *Комсомольське*. Вочевидь, таку назву було вжито на честь молодіжного руху «комсомольці», адже чимала кількість комсомольців брала участь у розробці рудників та спорудженні міста.

З другої половини XVIII століття царський уряд щедро роздає землі Міуського округу дворянам і козачій старшині, яка з 1775–1779 років отримала дворянство. Селяни-утікачі, що прийшли з Росії та України на «вільні землі», тут же закабалилися місцевою козацькою старшиною. Саме так утворилися й отримали назву кілька населених пунктів.

Наприклад, село *Кумачове* спочатку мало назву *Покрово-Кирєєво*. Ця назва походить від сполучення імені його власника – поручика Андрія Кирєєва та найменування Покровської церкви, що знаходилася на той час на селі. У XX столітті назву було змінено на *Кумачове*. Ця назва бере початок від спільнокореневого «кумач», що стало доволі актуальним після подій Жовтневої революції.

Ще одне село – *Новокатеринівка* – отримало назву від прізвища учасника Кримської війни офіцера Прохорова, який отримав від уряду 1200 десятин землі. Одружившись із дочкою поміщика Чистякова Катериною, він отримує кріпаків із сім'ями, яких разом зі своїми кріпаками (всього 25 сімей) поселив на березі річки Осикової, притоки Кальміусу. На прізвище господаря спочатку населений пункт неофіційно носив назву *Прохорівка*, але пізніше на честь дружини господаря село нарекли *Катеринівкою*. Проте така назва вже існувала в сусідньому уїзді, тому до офіційної назви було доточено префікс «ново», у зв'язку з чим і утворилася сучасна назва села – *Новокатеринівка*. Аби зберегти згадку про засновника першого поселення, новий населений пункт поблизу Новокатеринівки, заснований у 1919 році, отримав назву *Прохорівське*. За таким саме принципом (на честь засновника) назвали й село *Петрівське*.

А на ріці Осиковій розрослося також село, яке пізніше назвали на честь річки, на берегах якої воно розташувалося, *Осиковим*. На березі Кальміусу рівним рядком осель на початку XX століття зародилося село, яке за місцем розташування отримало назву *Берегове*.

Кілька населених пунктів району названі на честь видатних письменників, науковців, громадських діячів.

Так, село *Шевченко* отримало назву з нагоди столітнього ювілею письменника, село *Шмідта* – на честь відомого енциклопедиста, професора математики, астронома, альпініста, дослідника Арктики Отто Шмідта, а село *Ленінське* – на честь вождя пролетаріату В. І. Леніна. Неподалік від села Петрівське є невелике поселення, яке після свого заснування називалося *Сталінським*, на честь Й. В. Сталіна. Через кілька десятиліть офіційна назва

села змінилася на *Підгірне*, адже розташоване воно під відвалами, що нагадують високу гору, проте місцеві мешканці іноді ще користуються старою назвою.

Деякі населені пункти отримали назви на основі зіставлення. Так, назва села *Вишневє* походить від того, що вулиці були густо обсаджені вишневими садами, а село *Зелене* утопало в смарагдовій зелені листяних дерев. Назва села *Роднікове* бере початок від того, що розташоване на поверхні підземної мережі джерел. Поруч із цим селом є населений пункт *Кипуча Криниця*, під яким вирують потужні джерельні ключі. На карті району зустрічаємо й назву *Придорожнє*. Назва цього села виникла внаслідок того, що воно розташоване обабіч дороги, що колись сполучала районний центр із Донецьком.

У 1949 році на території Старобешівського району запрацював новий цегляний завод. З цього часу поблизу заводської території почали зводити будинки для робітників, а продукція заводу простувала на нові будівництва. Нове ж селище отримало назву *Строїтель* на знак того, що саме тут випускають будівельний матеріал для нових будівель.

У 1954 році на місці ланів колгоспу імені Котовського було збудовано Старобешівську ТЕС. Введення в експлуатацію цього підприємства дало змогу електрифікувати будинки мешканців району. З пам'ятного 1954 року замість тьмяного вогника свічок у вікнах засяяло нове електричне світло, поява якого дала поштовх для назви селища енергетиків – *Новий Світ*.

Отже, в роботі висвітлено топоніміку 21 населеного пункту Старобешівського району. Деякі топоніми досліджено вперше на основі фактів, записаних з вуст старожилів.

Кожна географічна назва, що виникла в процесі трудової діяльності людей, – велике народне багатство. Ці назви мають не лише пізнавальне, а й практичне значення. Йдучи від назви до явища, яке її породило, можна зробити значний внесок у науку.

Література

1. Стрижак О. С. Назви розповідають / О. С. Стрижак. – К. : Товариство «Знання», 1967. – 38 с.
2. Короткий тлумачний словник української мови. / За ред. Д. Г. Гринчишина. – К. : Рад. школа, 1978. – 296 с.
3. Успенский Л. Имя твоего дома. Очерки по топонимике / Л. Успенский. – Л. : Детская литература, 1967. – 163 с.
4. Фененко М. Земля говорить / М. Фененко. – Вид. II. – К. : Веселка, 1969. – 79 с.
5. Янко М. Т. Топонімічний словник-довідник Української РСР / М. Т. Янко. – К. : Радянська школа, 1973. – 237 с.

СЛЕНГОНИМИЯ В ОНИМНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ДОНБАССА

Дадыка Анна Евгеньевна,
студентка I курса архитектурного факультета

Науч. рук.: Назар Р. Н.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

Пользуясь языком, мы ежедневно сталкиваемся с собственными именами (*онимами*). Они служат для наименования людей, географических и космических объектов, животных, различных предметов материальной и духовной культуры и т.п.

Функциональное и языковое своеобразие собственных имен привело к тому, что для их всестороннего изучения была образована особая отрасль лингвистической науки – *ономастика* (от греч. *onomastike* – «искусство давать имена»).

Самой трудной задачей оказалось определить своеобразие значения имени собственного. Эта проблема воспринимается не только как лингвистическая, но и как логическая, поэтому ее исследователи – логики и, в некоторой степени, философы.

Много усилий ее разрешению посвятил крупный английский логик Джон Стюарт Милль (1806–1873). Он приходил к выводу, что собственные имена не обладают значением, они – своеобразные ярлыки, так называемые метки, помогающие узнавать предметы и отличать их друг от друга.

В свою очередь, ономастика имеет ряд так называемых «поднаук» или разделов: *антропонимика* – наука, изучающая имена, фамилии, отчества, прозвища непосредственно человека; *топонимика* – наука, изучающая названия географических объектов; *космонимика* – наука, изучающая названия объектов космического пространства, и многие другие.

Также при изучении своеобразия имен собственных следует принимать во внимание и ономастическое (онимное) пространство. Сам термин был употреблен известным советским языковедом В. Н. Топоровым для обозначения всей совокупности ономастических названий. Будучи очень нужным и удобным, данный термин впоследствии стал научным. Ономастическое пространство всегда конкретно и не есть что-то абстрактное и внеисторическое. Оно полностью не совпадает и не «накладывается» друг на друга не только в историческом плане (в разные периоды жизни одного и того же народа), но и в национально-культурном.

Всестороннее и полное изучение имен собственных, а также онимного пространства, дает возможность судить об уровне развития того или иного общества в различные исторические периоды, развитии языка.

Сленг и жаргон имеют ряд отличий в своих значениях. Так, сленг относится к словам, используемым только определенными социальными группами, такими как подростки или военные. А жаргон – терминология, которая особенно определена в отношениях какой-либо деятельности, профессии или группы. Термин относится к языку, используемому людьми, которые работают в особой области или у которых есть общие интересы.

Евгений Степанович Отин, лингвист, специалист в области ономастики, предложил для обозначения данных слов термин *сленгоним* или *жаргонный оним*, причем в данном случае сленг и жаргон употребляются как абсолютные синонимы.

В зависимости от вида объекта номинации это могут быть и разного вида топосленгонимы:

1. Сленговые топонимы (топоним для обозначения названий улиц, в том числе проспектов, бульваров, аллей, набережных, проездов, переулков, линий (один из типов улиц), шоссе (в черте города), тупиков. Широко используются в почтовых адресах для кодификации и нахождения объекта, расположенного в наземном пространстве.), агоронимы (площади) и городские хоронимы (значительные по размерам части городской инфраструктуры: кварталы, районы, микрорайоны, парки и т. д.).

Годонимы: *Щетка* – улица Щетинина в Пролетарском р-не г. Донецка; *Первая линия* – улица Артема (зачастую имеется ввиду определенный участок улицы, от площади Ленина до библиотеки им. Крупской) в Ворошиловском р-не г. Донецка; *Брусчатка* – проспект Ильича в г. Донецке (начало проспекта, от площади Ленина, мощеное брусчаткой).

Агоронимы: *Бакины* – площадь Бакинских Комиссаров в Куйбышевском р-не г. Донецка; *Ленка* – площадь имени В.И. Ленина в Ворошиловском р-не г. Донецка.

Хоронимы: *Калиновка*, *Петровка*, *Пролетарка* и т.д. – Калининский, Петровский, Пролетарский и т.д. р-ны г. Донецка соответственно (особенностью таких топосленгонимов в г. Донецке является их образование. На базе меморативного компонента полного официального названия хороним образован путем усечения с последующей суффиксацией.): *Ветка* – пересечение Киевского проспекта с улицей Павла Поповича (названа так из-за сложных транспортных развязок); *Восьмерка* – пересечение улицы Университетской и проспекта Мира (именно в это пересечение указанных улиц является конечной остановкой и разворотом троллейбуса № 8).

2. Артиосленгонимы (сленговое или жаргонное название произведений изобразительного, и не только, искусства): *Леня Каменный* – памятник В. И. Ленину на одноименной площади в Ворошиловском р-не г. Донецка; *Памятник Крупскому* – памятник Т. Г. Шевченко в Ворошиловском р-не г. Донецка (сам памятник расположен рядом с библиотекой имени Крупской, по логике учащихся, памятник мужчине – памятник супругу Крупской); *Золотой мальчик* (или просто *Золотой*) – памятник известному певцу, народному артисту СССР А. Б. Соловьяненко, установленный возле Донецкого

театра оперы и балета (сам памятник покрыт золотой краской); *Двое третьего ждут* – монумент «Твоим освободителям, Донбасс» в парке Ленинского Комсомола в г. Донецке и многие другие.

По характеру лексической базы определяют два типа сленгонимов: отонимные (образованные от официальных онимов) и отапеллятивные (образованные от имен нарицательных).

По своему составу сленгонимы могут быть однословными, словосочетаниями, а также микропредложениями.

В процессе всестороннего изучения сленгонимов можно увидеть, что способы образования видов и разрядов очень разнообразны и даже активны. Сам процесс образования сленгонимов в современном Донбассе не только не остановлен, но и весьма бурно развивается. Следует ожидать, что в связи с событиями, происходящими на территории нашего края, начиная с 2014 г. количество сленгонимов возрастет в разы. Также можно ожидать и возникновение так называемых «ассимилированных» сленгонимов, которые будут привнесены другими этническими группами. Изучая данный вид коллоквиализмов, можно будет проследить весь путь развития нашего современного общества, этнического состава населения, возникновение или исчезновение памятников культуры, населенных пунктов, районов.

Литература

1. Бондалетов В. Д. Русская ономастика : учеб. пособие для студентов пед. инст. по спец №2101 «Русский язык и литература» / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
2. Отин Е. С. Избранные работы / Е. С. Отин. – Донецк : Донеччина, 1997. – 470 с.
3. Отин Е.С. Происхождение географических названий Донбасса / Е. С. Отин. – Донецк, 2014. – 199 с.
4. Отин Е. С. Сленговые собственные имена в онимном пространстве современного русского языка: [Электронный ресурс]. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/39265/10-Otin.pdf?sequence=1>_(Дата обращения: 30.10.2015).
5. ru.knowledgr.com : [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.knowledgr.com/00046704/%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%BE%D0%BA%D0%B2%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC>_(Дата обращения: 30.10.2015).

АПТЕКИ м. МАКІЇВКИ (ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНИЙ АНАЛІЗ ЕРГОНІМІВ)

Жуков Анатолій Євгенович,
студент IV курсу філологічного факультету

Наук. кер.: Кудрейко І. О.,
кандидат філологічних наук, доцент,
зав. кафедри української філології і прикладної лінгвістики
Донецький національний університет

Упродовж останніх десятиліть спостерігається динамічний розвиток ергонімії – специфічного ономастичного розряду, до якого входять назви суб'єктів господарської діяльності. Вивчення цього різновиду пропріативів було започатковане в другій половині XX століття такими видатними ономастами, як Ю. О. Карпенко, Є. С. Отін, Н. В. Подольська, О. В. Суперанська [3, с. 2].

Однак досі комплексно не досліджено найменування місцевих об'єднань, хоча потреба в цьому очевидна, бо таких власних назв у містах значна кількість, і це спричинило багато проблем з їх упровадженням у широкий обіг. Це зумовлює актуальність обраної теми.

Мета дослідження полягає у систематизуванні ергонімів аптек м. Макіївки, визначенні їх лексико-семантичних типів. Для реалізації поставленої мети доцільним є виконання таких завдань: 1) простежити еволюцію поглядів науковців на досліджувану проблему; 2) визначити значення терміна «ергонім» як особливого виду власних назв; 3) систематизувати ергоніми назв аптек міста на основі фактичного матеріалу.

В ономастичній літературі вперше дала визначення терміну «ергонім» Н. В. Подольська: «Ергонім – це власне ім'я ділового об'єднання людей, в тому числі союзу, організації, установи, корпорації, підприємства, суспільства, закладів, гуртка» [3, с. 151].

У «Словнику лінгвістичних термінів» Ж. Марузо термін «ергонім» зовсім відсутній, а при визначенні терміна «ономастика» ним називаються тільки її основні розділи «антропоніміка» і «топоніміка» [5, с. 187].

Є. Н. Сидоренко зауважує, що ергонім є штучно створеною периферійною ономастичною одиницею, яка характеризується багаторівневою семантикою і виконує прагматичні та стилістичні функції в різноманітних сферах комунікації [4, с. 53].

У праці Р. І. Козлова зазначено, що основною функцією ергонімів є пропонування товарів чи послуг на комерційній основі. Лінгвіст твердить, що ергоніми «тяжіють до яскравості, виразності, містять настанову на приваблення клієнта за допомогою незвичності, не орієнтуються на максимально точне вираження специфіки, функцій номінованого об'єкта» [2, с. 53].

Історії становлення, ономасіологічним, лексико-семантичним і структурним особливостям ергонімів присвячено праці відомого українського

ономаста Є. С. Отіна. Учений досліджує шар ергонімів, який становлять назви акціонерно-пайових і промислових підприємств, що почали формуватися з другої половини XIX ст. Є. С. Отін простежує певні тенденції у використанні російських та іншомовних лексем в основі ергонімів, у частотності їхньої онімізації й характері.

Отже, термін «ергонім» уживають на позначення ділових об'єднань людей, оскільки й установи, і компанії утворюють насамперед для певної діяльності.

Слід відзначити, що більшість дослідників обирає провідною темою дослідження семантичну класифікацію ергонімів. Наше дослідження присвячено розгляду типології ергонімів на лексико-семантичному рівні. Джерелом для написання стали різні писемні матеріали, зокрема телефонні довідники міста. Фактичний матеріал збирався і шляхом особистого спостереження, обстеження рекламної продукції підприємств Макиївки, а також шляхом анкетування учнів 6-х, 7-х та 8-х класів під час проходження педагогічної практики протягом 2015 року. Усього зібрано 30 ергонімів – назв аптек.

Назви аптек рідко виходять за рамки лексики, так чи інакше пов'язаної з медициною, здоров'ям і довголіттям. Коли це все ж відбувається, то часто виходить смішно і навіть безглуздо. Спроби якось виділитися робляться в основному за рахунок додаткових смислів і неологізмів. Дуже популярні назви аптек з корінням «лек», «віта» і «фарм». Оскільки всі відомі слова з позитивним сенсом давно розібрані, з'являються оригінальні рішення. Особливо це стосується мереж аптек, одиничні аптечні точки раніше вибирають загальноновживані варіанти. Що цілком зрозуміло: основні відвідувачі аптек – мами і пенсіонери, а вони люди здебільшого консервативні

Серед ергонімів виокремлюємо такі назви:

1. Антропоніми: «Анна», «Регіна», «Ада», «Бероліна», «Валентина», «Дар'яна»;
2. Назва з елементом «+», який вказує на додаткову дію: *Аптека «+»*, «5+»;
3. Назва з елементом порядкового номера: *Аптека №8*, *Аптека №186*, «A5»;
4. Назви лікарських рослин: «Арніка» (*багаторічна трав'яниста рослина з сім'ян складноцвітих, виси сотою близько. 60 см, з простим листям і великими жовтими кошиками квітів*);
5. Космоніми: «Астра» (*зірка; стародавня легенда говорить про те, що астра виросла з порошинки, яка впала з зірки*);
6. Назви, які викликають певні асоціації, які у свою чергу, зумовлюють відповідні дії з боку споживачів, клієнтів та відвідувачів: «Берегиня», *Аптека 36,6*, *Аптека 120 на 80*, *Аптека Хороша*, *Ваша Аптека*, «Добрі ліки», «Цілющі ліки», «Мажор» ;
7. Назви іншомовного походження: «Гомеопатія» (*гр. «подібна хвороба»*), «Серепта» (*назва населених пунктів і похідних від них об'єктів*), «Панацея»

(усезцілювальні ліки, які намагалися винайти алхіміки), «Хелмі»(скоріше за все, з англ. – «допомогти», або ж з англ. «пекло»);

8. Скорочення (аббревіація): *Аптека TAS*, «*Фармед*», «*Фітофарм*», «*Фармакопейка*», «*Люксфарма*»;

9. Назви місяців: «*Апрель*».

Ергоніми є маловивченою галуззю ономастичної лексики. Тому дедалі більше ергоніми зацікавлюють дослідників і вимагають глибокого комплексного аналізу їхньої мовної природи, проведеного з урахуванням власне лінгвальних та екстралінгвальних чинників, що й формують неповторність і самобутність ергонімної лексики в перспективах нашого дослідження.

Література

1. Зимовець Г. В. Структурно-семантичні особливості ергонімів (м. Київ) / Г. В. Зимовець // Вісник Дніпропетровського університету. – К., 2009. – Вип. 15, Т.3. – С. 1–15. – (Серія «Мовознавство»).

2. Козлов Р. І. Современные эргоурбонимы в городской топонимической системе // Dokument HTML. – <http://www.virlib.eunnet.net/proceedings/> № 20_01/win/05/

3. Сидоренко О. М. Номінаційні процеси в полілінгвальній ергонімії Донеччини : дис. канд. філол. наук / О. М. Сидоренко. – Донецьк, 2013. – 210 с.

4. Соколова Л. Н. Типи мотивованості ергонімів (на матеріалі ергонімії м. Києва) / Л. Н. Соколова // Мовознавство. – 1993. – № 6. – С. 65–69.

5. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.

6. Довідник підприємств міста Макіївки [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://mayak-makeevki.in.ua/catalog/magaziny-makeevka.html>

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ПАТРОНИМОВ

Музыченко Дмитрий Игоревич,
студент I курса механического факультета

Науч. рук.: Новикова Ю. Н.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

Особенностью русского языка является трёхчленное именование людей: имя, отчество, фамилия. Эта формула возникла в России во времена Петра I. Позднее она распространилась на Украине и в Белоруссии.

Именование человека по именам его предков по мужской линии называется *патронимическим*, а сами эти особые имена – *патронимами* (от греч. *патер*, *патрос* «отец» + *оним* «имя»).

Патронимические образования, из которых позже развились фамилии и отчества, известны у русских с древнейших времён, задолго до принятия христианства.

Патронимические формы образовывались от имён всех типов. И *Ярославль*, и *Житомир*, известные сегодня как названия городов, были притяжательными формами, отвечавшими на вопрос «чей?» (*Ярославов*, *Житомиров*) [3, с. 83].

Отчества возникли в XI–XII вв. Ранние формы отчеств, как правило, образовывались с суффиксами *-ич*, *-ович*, *-евич*, что точнее передавало патронимические отношения (ср. в именах нарицательных: *попович*, *царевич*, *княжич*). В раннее время отчества, образованные с этими суффиксами, не были ограничены принадлежностью к определённой общественной группе.

Позднее, в XVI–XVIII вв., отчества на *-ич*, *-ович*, *-евич* получили узкосословное, привилегированное значение: так именовали царей, князей и близких к ним лиц. Как проявление верховной милости рассматривалось дарованное немногим лицам право именоваться отчеством на *-ич*, *-ович*, *-евич* [2, с. 390–391]. Продуктивными эти формы остались и до сих пор.

В берестяных грамотах XI–XV вв. встречаются патронимические формы на *-ец*, не вошедшие в русский язык в официальное употребление как отчества, но закрепившиеся в фамилиях, стандартных и нестандартных: *Кривец* и *Кривцов*, *Иванец* и *Иванцов* [3, с. 85].

Существует мнение, согласно которому уменьшительные формы древнерусских имен в какое-то время обозначали не только и не столько ласковое отношение родителей к детям, сколько патронимические связи. Имена *Лапоток*, *Ноготок*, *Новиша*, *Носко*, *Обушок*, *Овечка*, *Медведик*, *Зубок*, *Шапочка*, *Иголлка*, *Лобик*, *Гостюня* давались детям или внукам в семьях, где глава звался *Лапоть*, *Ноготь*, *Новик*, *Нос*, *Обух*, *Овца*, *Медведь*, *Зуб*, *Шапка*, *Игла*, *Лоб*, *Гость* и т.д. [3, с. 86].

Ранние отчества представляли собой:

1) форму в именительном падеже прилагательного или существительного в том виде, в котором она применялась в качестве прозвища по отношению к отцу или к более отдаленному предку: *Долгорукий, Плохой, Погорелой, Зубака, Кисель, Нелюб*;

2) форму родительного падежа прилагательного единственного или множественного числа: *Хитрово, Сырых, Сизых*;

3) форму на *-ов, -ев, -ин* от имени или прозвища.

Отчество, образованное от личного имени или прозвища отца, могло переходить от сына к следующему поколению, т.е. оно становилось *фамилией*, сохраняя при этом все те суффиксальные элементы, с которыми употреблялось вначале [2, с. 396–397].

Современные отчества образуются:

1) с помощью суффиксов *-ович, -овна* от всех мужских имён с основой на твёрдый согласный звук и нулевым окончанием в именительном падеже единственного числа (*Пётр – Петрович, Петровна*);

2) с помощью суффиксов *-евич, -евна* от имен с основой на мягкий согласный и нулевым окончанием в именительном падеже единственного числа (*Игорь – Игоревич, Игоревна*) и от имён с основой на *и, е* (*Алексей – Алексеевич, Алексеевна*);

3) с помощью суффиксов *-ич, -ична* от имён с основой на твёрдый согласный и окончанием *-а* в именительном падеже единственного числа (*Савва – Саввич*) и от имён с основой на ударное *и* (*Иеремия – Иеремиич, Иеремиична*);

4) сложный суффикс *-инична* имеют женские формы отчеств от некоторых имён на *-а/-я* (*Лука – Лукич, Лукинична, Илья – Ильич, Ильинична*);

5) в разговорных формах отчеств от мужских имён суффиксы *-ович, -евич* заменяются суффиксами *-ыч, -ич* (*Александрович – Александрыч, Андреевич – Андреич*);

6) некоторые разговорные женские формы отчеств являются результатом стяжения полных форм (*Алексеевна – Алексевна*);

7) от имён славянского происхождения (*Святослав, Ярослав*) документальными являются формы на *-ович, -овна* и формы на *-ич, -на* (*Святославович, Святославовна и Святославиц, Святославна*) [1, с. 17–18].

Отчество – знак вежливости, почтения. В просторечии даже существует обычай называть человека в знак глубокого уважения к нему не по имени, а только по отчеству (*Иванович, Петрович, Алексеевич*).

Литература

1. Петровский Н. А. Словарь русских личных имён : Более 3000 единиц. – 6-е изд., стереотип. / Н. А. Петровский. – М. : Русские словари, Астрель, 2000. – 480 с.

2. Селищев А. М. Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество / А. М. Селищев / Сост. Б. А. Успенский, О. В. Никитин. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 632 с.

3. Суперанская А. В. Имя – через века и страны / А. В. Суперанская / Отв. ред. Э. М. Мурзаев. – Изд. 2-е, испр. – М. : Издательство ЛКИ, 2007. – 192 с.

АНТРОПОНИМЫ В ОСНОВАХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ ДОНЕТЧИНЫ

**Новикова Анастасия Олеговна,
Ищенко Илья Евгеньевич,**
студенты I курса лечебного факультета

Науч. рук.: Мишина Н. В.,
ст. преподаватель кафедры русского языка
Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького

В географических названиях часто находят отражение антропонимы – личные имена, фамилии и прозвища людей, каким-то образом причастных к возникновению того или иного населённого пункта. Нередко антропонимическая первооснова такого названия прозрачна (*Андреевка, Еленовка, Марьинка*), но можно привести немало примеров полного забвения былой связи с антропонимом (*Тельманово, Дебальцево, Ясиноватая*).

Исследованию топонимов нашего края посвящены научные труды по ономастике известного учёного Евгения Степановича Отина.

Целью нашей работы является лексико-семантический анализ географических названий Донетчины, в основах которых отображены антропонимы.

На Донетчине нами зафиксировано 107 топонимов с антропонимами в основах, которые и составили фактический материал этой статьи [1].

На основе антропонимических классификационных признаков мы выделили 45 личных имён (из них 33 мужских и 12 женских) и 12 фамилий в основах топонимов нашего края.

В географических названиях Донетчины отображены такие мужские имена:

Александр (6): *Александровка* (Александровский р-н), *Александровка* (Марьинский р-н), *Александровка* (Старобешевский р-н), *Александр-Калиново* (Константиновский р-н), *Новоалександровка* (Красноармейский р-н), *Рай-Александровка* (Славянский р-н). Следует отметить, что "аппеллятив *рай* использовался с уже забытым значением *сад*" [3, с. 78];

Андрей (6): *Андреевка* (Великоновоселковский р-н), *Андреевка*, *Новоандреевка* (Волновахский р-н), *Андреевка* (Славянский р-н), *Андреевка* (Снежное), *Андреевка* (Тельмановский р-н);

Иван (6): *Иванград* (Артёмовский р-н), *Ивановка* (Волновахский р-н), *Ивановка* (Красноармейский р-н), *Иванополье* (Константиновский р-н), *Иванченково* (Володарский р-н), *Новоивановка* (Амвросиевский р-н);

Михаил (6): *Михайловка* (Александровский р-н), *Михайловка* (Красноармейский р-н), *Михайловка*, *Кузнецово-Михайловка* (Тельмановский р-н), *Новомихайловка*, *Старомихайловка* (Марьинский р-н);

Николай (6): *Николаевка*, *Никольское* (Волновахский р-н), *Николаевка* (Константиновский р-н), *Николаевка* (Славянский р-н), *Никольское* (Александровский р-н), *Елизавето-Николаевка* (Амвросиевский р-н);

Артём (4): *Артема* (Константиновский р-н), *Артёмовка* (Амвросиевский р-н), *Артёмово* (Дзержинск), *Артёмовск* (Артёмовский р-н);

Григорий (4): *Григорьевка* (Амвросиевский р-н), *Гришино* (Красноармейский р-н), *Новогригорьевка* (Артёмовский р-н), *Новогригорьевка* (Волновахский р-н);

Пётр (4): *Новопетриковка* (Великоновоселковский р-н), *Петровка* (Красноармейский р-н), *Петровское* (Волновахский р-н), *Петропавловка* (Шахтерский р-н);

Дмитрий (3): *Димитров* (Красноармейский р-н), *Дмитриевка* (Славянский р-н), *Дмитриевка* (Шахтерский р-н);

Павел (3): *Павловка* (Марьинский р-н), *Павлополь* (Новоазовский р-н), *Петропавловка* (Шахтерский р-н);

Степан (3): *Степановка* (Александровский р-н), *Степановка* (Шахтерский р-н), *Степано-Крынка* (Амвросиевский р-н);

Василий (2): *Васильевка* (Амвросиевский р-н), *Васюковка* (Артёмовский р-н);

Владимир (2): *Владимировка* (Артёмовский р-н), *Владимировка* (Волновахский р-н);

Константин (2): *Константиновка* (Марьинский р-н), *Константинополь* (Великоновоселковский р-н);

Сергей (2): *Сергеевка* (Красноармейский р-н), *Сергеевка* (Славянский р-н);

Алексей (1): *Алексеево-Дружковка* (Дружковка);

Амвросий (1): *Амвросиевка* (Амвросиевский р-н);

Валериан (разг. Валерьян [5, с. 75]) (1): *Валерьяновка* (Волновахский р-н);

Евгений (1): *Евгеновка* (Великоновоселковский р-н);

Егор (1): *Егоровка* (Волновахский р-н);

Игнатий (1): *Староигнатьевка* (Тельмановский р-н);

Иларион (1): *Ларино* (Донецк);

Касьян (1): *Касьяновка* (Володарский р-н);

Кондратий (1): *Кондратьевка* (Константиновский р-н);

Кузьма (1): *Белокузьминовка* (Константиновский р-н);

Макей / Мокей (1): *Макеевка*;

Максим (1): *Максимовка* (Волновахский р-н);

Максимилиан (1): *Максимилиановка* (Марьинский р-н);

Мирон (1): *Мироновский* (Дебальцево);

Никита (1): *Никишино* (Шахтерский р-н);

Пантелеймон (1): *Пантелеймоновка* (Ясиноватский р-н);

Прохор (1): *Прохоровка* (Волновахский р-н);

Самуил (разг. *Самойла, Самойло* [5, с. 248]) (1): *Самойлово* (Новоазовский р-н).

В нашем крае немало таких населённых пунктов, о которых известно лишь то, что могут рассказать старожилы. Эти уникальные сведения собраны и обобщены профессором Е. С. Отиным:

Иванград. Происхождение названия своего села его жители объясняют так: "Сначала переселились несколько человек. Жили в куренях. Когда приехал сюда жить Иван Гужвий, пошёл сильный дождь с градом. Люди в шутку говорили: "Не было Ивана – не было и дождя с градом. Приехал Иван – пошёл дождь с градом" [4, с. 40].

Амвросиевка. Город назван по имени Амвросия Луковкина [4, с. 11], подполковника, которому в 1777 г. было позволено войсковым правительством заселить хутор при р. Крынке.

Дмитриевка. Имя Дмитрия Иловайского не только дало название городу Иловайску, но и послужило основой для названия посёлка *Дмитриевка*, появившегося неподалёку [4, с. 57].

Константинополь. Село основано в 1779 г. греками-урумами, переселившимися сюда из крымских селений. Современный ойконим *Константинополь* появился уже на новом месте поселения – в память о бывшей столице Римской империи, основанной в 330 г. н.э. императором Константином [4, с. 50].

Макеевка. Сохранилось предание, что в этой местности в к. XVII в. была заимка запорожского казака по имени Мокей. Имя *Мокей* употреблялось в двух формах: разговорной *Мокей* (с ударением на последнем слоге) и книжной, канонической – *Мокий*, с ударением на первом слоге (от греч. *мокос* – "насмешник") [4, с. 56].

Никитовка. В 1776 г. в Зайцево приехал губернатор Азовской губернии В. А. Чертков. Он выбрал место для государственной слободы Зайцево. Осенью 1778 г. сюда приехала часть государственных крестьян села Солдатского Белгородской губернии. Особенное усердие в развитии слободы проявил крестьянин из Белгородщины Никита Яковлевич Девятилов. За заслуги Девятилова жители единодушно называли южную часть села Зайцево *Никитовкой* [2, с. 129].

В топонимах Донетчины зафиксированы следующие женские имена:

Мария (3): *Мариуполь, Марьинка* (Марьинский р-н), *Марьяновка* (Старобешевский р-н);

Екатерина (разг. *Катерина* [5, с. 128]) (2): *Катериновка* (Марьинский р-н);

Елизавета (2): *Елизаветовка* (Марьинский р-н), *Елизавето-Николаевка* (Амвросиевский р-н);

Анна (укр. *Ганна*) (1): *Ганновка* (Добропольский р-н);

Варвара (1): *Староварваровка* (Александровский р-н);

Вера (1): *Веролюбовка* (Константиновский р-н);

Елена (1): *Еленовка* (Волновахский р-н);

Любовь (1): *Веролюбовка* (Константиновский р-н);

Ольга (1): *Ольгинка* (Волновахский р-н);

Параскева (старая форма имени *Прасковья* [5, с. 221]) (1): *Парасковеевка* (Артёмовский р-н);

Пелагея (1): *Пелазеевка* (Торез);

Ульяна (1): *Ульяновка* (Красноармейский р-н).

В трудах Е. С. Отина находим такое объяснение происхождения некоторых топонимов с женскими именами в основах:

Мариуполь. Различие между исконным – крымским названием *Мариамполь* и новым приазовским – *Мариуполь* только фонетического характера. Первая часть сложного топонима *Мариамполь* связана с библейским женским именем *Мариам*, почитаемым у румеев и урумов, исповедующих православие. Это имя Богоматери, Девы Марии. Вторая его часть – топоформант *-поль* свойственный названиям селений городского типа (от греч. *полис* – город). Ещё в XIX в. была выдвинута гипотеза об исконном значении крымского названия *Мариамполь* – "город Марии", данном поселению "по имени чудотворной иконы Божьей Матери" [4, с. 61].

Елизаветовка. По преданию, село было основано в 1843 г. помещиком Летягой, который дал селу имя своей дочери. Житель этого села, историк И. В. Бессараб, связывает название села с названием протекающей через село речки Сухие Ялы: по его мнению, первая часть его названия звучала как *Ялизаветовка* и была связана с тюркским словом *ялы* "берег" [4, с. 39].

В названиях населённых пунктов проявился сознательный процесс наименования и переименования в связи с изменениями, происходившими на определённой территории. Например, "село *Староигнатьевка* вначале было названо *Игнатьевкой* – в честь митрополита Игнатия. После 1885 г., когда валахи (молдаване) выселились и образовали *Новую Игнатьевку*, село стало называться *Старой Игнатьевкой*, или *Староигнатьевкой*" [4, с. 95].

На факт переименования указывают прилагательные в составе топонимов:

"новый" (8): *Новоалександровка* (Красноармейский р-н), *Новогригорьевка* (Артёмовский р-н), *Новоивановка* (Амвросиевский р-н), *Новокатериновка* (Старобешевский р-н), *Новопетриковка* (Великоновоселковский р-н), *Новоандреевка*, *Новогригорьевка* (Волновахский р-н), *Новомихайловка* (Марьинский р-н);

"старый" (3): *Староварваровка* (Александровский р-н), *Староигнатьевка* (Тельмановский р-н), *Старомихайловка* (Марьинский р-н).

В нашем крае существуют (или существовали) названия населённых пунктов, в основах которых отображены фамилии:

советских государственных и общественных деятелей (*Калинин, Жданов, Киров*): *Калинина* (Артёмовский р-н), *Ждановка* (Харцызск), *Кирово* (Дзержинск), *Кировское* (Харцызск);

русского гидрографа, полярного исследователя (*Седов*): *Седово* (Новоазовский р-н);

выдающегося учёного, основоположника научного почвоведения (*Докучаев*): *Докучаевск* (Волновахский р-н);

инженера (*Горлов*): *Горловка*;

помещиков, землевладельцев (*Иловайский, Оватов*): *Иловайск, Ясиноватая*;

статского советника (*Дебальцов*): *Дебальцево*;

лидера немецких коммунистов (*Тельман*): *Тельманово*;

британского промышленника, основателя и директора завода Новороссийского общества (Юзовского завода), крупного деятеля в деле водворения железного производства в России (*Юз*): *Юзовка* (название современного г. Донецка в 1869–1924 гг.);

отчество политического деятеля советской России, лидера большевистской революции В. И. Ленина (*Ильич*): *Ильичевское* (Першотравневый р-н);

имя и фамилия немецкого философа, социолога, общественного деятеля (*Карл Маркс*): *Карло-Марксово* (Енакиево).

Профессор Е. С. Отин так объясняет происхождение этих топонимов:

Горловка. В 1871 г. под руководством инженера П. Н. Горлова началось строительство рудника "Корсуньская копь № 1". Возле рудника образовался рабочий посёлок, положивший начало городу [2, с. 47].

Докучаевск. Старое название города – *Еленовские карьеры*. Современное название (с 1954 г.) связано с фамилией выдающегося учёного, основоположника научного почвоведения В. В. Докучаева, изучавшего этот участок Донецкой степи [2, с. 49].

Иловайск. В 80-е гг. XVIII в. возникает слобода, основателем которой был крупный землевладелец, кавалерийский генерал Дмитрий Иловайский, с фамилией которого связано и название г. Иловайска [4, с. 57].

Юзовка. Форма названия *Юзовка* появилась на базе более раннего словосочетания *Юзовский завод*. Вначале так называлось промышленное предприятие, владельцем которого в 1869 г. стал англичанин Джон Юз [2, с. 53].

Следует отметить, что происхождение топонимов не всегда оказывается однозначным и прозрачным. Этимология названия может иметь различную мотивацию. Например: "*Ясиноватая*. По записанной в 1996 г. легенде, владевший этой землёй помещик Оватов подарил её своему сыну, а тот хвастливо говорил: "*Я сын Оватова*", что фонетически созвучно с современным названием города. Возможно, название города образовалось от названия балки, поросшей ясенем, при помощи суффикса *-оват*" [4, с. 112].

Таким образом, исследование географических названий Донетчины, в основах которых сохранены антропонимы, показало, что эта группа

количественно значительна. Следует отметить преимущество мужских имён над женскими в основах топонимов.

Наиболее распространёнными в названиях населённых пунктов нашего края являются мужские имена *Александр, Андрей, Иван, Михаил, Николай* и женские имена *Мария, Екатерина, Елизавета*.

Как справедливо отмечает Е. С. Отин, "вслушиваясь в звучание географических имён нашего края, мы можем узнать в них отзвук давно забытых имён наших предков, оставивших свои автографы в книге земли Донецкой" [4, с. 58].

Литература

1. История городов и сёл УССР. Донецкая область / Предс. редкол. Г. П. Ерохов. – К. : Главная ред. УСЭ, 1976. – 812 с.
2. Отин Е. С. Происхождение географических названий Донбасса / Е. С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 2014. – 199 с.
3. Отин Е. С. Сборник упражнений к спецкурсу по ономастике / Е. С. Отин. – Изд. 2-е, доп. – Донецк : Юго-Восток, 2014. – 99 с.
4. Отин Е. С. Топонимия Донетчины / Е. С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 2013. – 117 с.
5. Петровский Н. А. Словарь русских личных имён : Более 3000 единиц. – 6-е изд., стереотип. / Н. А. Петровский. – М. : Русские словари, Астрель, 2000. – 480 с.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ ОНИМЫ ДОНБАССА

Пашков Александр Сергеевич,
студент II курса факультета компьютерных наук и технологий

Науч. рук.: Кульбида Н. И.,
ст. преподаватель кафедры украинского и русского языков
Донецкий национальный технический университет

Ономастика (от др. греч. – искусство давать имена) – раздел языкознания, изучающий любые собственные имена, историю их возникновения и трансформации в результате длительного употребления в языке-источнике или в связи с заимствованием из других языков.

Антропоним – любое собственное имя, имеющее отношение к человеку (личное имя, прозвище, фамилия и др.).

Катойконим – именование жителя по названию места его проживания (населённого пункта).

Коннотация – добавочное значение (созначение) или эмоционально-экспрессивная окраска слова.

Микротопоним – собственное имя географического микрообъекта.

Ойкодомоним – собственное имя здания.

Топосленгоним – сленговый (жаргонный) топоним.

Универбация – стяжение в одно слово.

Абакумова. Неофициальное название одного из концов Донецка (на северо-западе Кировского р-на). Здесь находится посёлок им. Е. Т. Абакумова, названный так в честь управляющего Рутченковского шахтоуправления, бывшего коногона, выдвинутого в 20-е годы прошлого века на руководящую работу. Прежнее название посёлка (до 1958 года) – «Гигант», вероятно, по одноимённой шахте, находившейся на его территории.

Абэвэгэдэйка. Четыре однотипных многоэтажных дома с общим двором и одинаковым номером, имеющим при себе разные буквенные индексы, на центральной улице Донецка – имени Артёма: 147-А, 147-Б, 147-В и 147-Г, где расположен широко известный в городе магазин «Детский мир». Мотивирующей базой ойкодомонима является перечень следующих в алфавитном порядке названий четырех бук-индексов (абэвэгэдэ-), который, благодаря присутствию в русской речи 70–90-х годов прошлого века названия популярной радиопередачи для детей «Абэвэгэдэйка», получил (вследствие так наз. вставочного способа образования новых слов) конечную часть основы этого имени, на одно алфавитное название буквы большей и уже имеющей суффикс: а-бэ-вэ-гэ + («Абевега»)дейка¹ = ойкодомоним Абэвэгэдэйка². Вполне возможно, что описанному процессу способствовало наличие в одном из домов жилищного комплекса магазина детских товаров.

Безалкогольный. Неофициальное название части Калининского р-на Донецка. Здесь в советское время был построен завод безалкогольных напитков, где в основном работали слепые («живу на Безалкогольном»).

«Бёлка» Универмаг в Донецке. Сленгоним появился вследствие суффиксальной универбации словосочетания «Белый лебедь», являющегося официальным названием магазина (ср. подобные стяженные собственные имена: «Комсомольская правда» → «Комсомолка», Киево-Могилянская академия → «Могилянка» и др.).

Бёлый карьер. Неофициальное название части Ленинского р-на Донецка (сейчас здесь построен цирк «Космос»). Когда-то на этом месте был карьер, где велась добыча известняка.

Бикини. Площадь имени Бакинских комиссаров в Донецке. Жаргонный агороним образовался на базе одной из словоформ его меморативной части – Бакинских, которая в разговорной речи нередко используется как самостоятельный аналог полного официального имени (например: выхожу на Бакинских; живу на Бакинских), благодаря «передразниванию» – нарочитому паронимическому сближению со словом бикини ‘женский купальный костюм, состоящий из узкого бюстгальтера и плавок’ при полной бессмысленности такой связи.

Боссэ. Неофициальное название одной из частей Ленинского р-на Донецка, где находится Донецкий машиностроительный завод, в советское время имени Ленинского комсомола Украины (ЛКУ), построенный в 1889 году для производства горношахтного оборудования иностранцами Боссе и Геннефельдом. Фамилия первого из них и стала названием завода и микрорайона («работаю на Боссэ», «живу на Боссэ»).

Голова́. Памятник А. С. Пушкину – бронзовый бюст поэта на гранитном постаменте скульптора Н. А. Гинзбурга на бульваре его имени в Донецке за Драматическим театром имени Артёма. Артиосленгоним (сленговое, т.е. жаргонное название произведения изобразительного искусства) отмечен в молодёжном жаргоне Донецка.

Двенáха. Распространённый в речи шахтёров жаргонный вариант ойконима посёлок шахты №12/18, или Двенадцать-Восемнадцать, в Пролетарском районе Донецка.

Трансонимизация (эргоним → ойконим → городской хороним), которая сопровождалась универбацией (стяжением) с окказиональным суффиксальным дооформлением первой части нумеративного компонента в названии шахты и посёлка при ней.

Жилко́п. Неофициальное название северо-западной части Пролетарского р-на Донецка, расположенного здесь посёлка при шахте Капитальная. Топоним образовался от устаревшей уже аббревиатуры жилкоп – жилищный кооператив.

Заперевáльный. Мирорайон на восточной окраине Донецка. Здесь же находится шахта Заперевальная.

Золотой. В молодёжном жаргоне – памятник известному певцу, народному артисту СССР А. Б. Соловьяненко, установленный возле Донецкого театра оперы и балета. Памятник покрыт краской золотого цвета.

Клёпа. Кафе «Клеопатра» в Донецке. Образование сленгового ойконима связано с усечением имени древнеегипетской царицы Клеопатры VII-ой, отличавшейся образованностью и владевшей искусством обольщения мужчин, в европейских языках получившего референтную коннотацию 'обольстительная, сексопильная женщина'. Присутствует в современном женском именнике. На фонетические изменения в сленгоне повлияли и производные формы этого антропонима: Клёпа, Клёпка, Клёпушка, Клёпонька.

Кру́па. Распространённое в жаргоне студентов Донецка название Областной научной библиотеки им. Н. К. Крупской. Стяженный эргоним, образовавшийся вследствие лексикализации его меморативного компонента, испытывавшего, в свою очередь, усечение основы и получившего в качестве словообразующего форманта флексию -а. *Я вчера весь день просидела в Кру́пе; Выходишь у Кру́пы и идёшь направо.*

Макаро́нка. Неофициальное название северной части Калининского района Донецка, где расположена макаронная фабрика – макаронка.

Мушкётово. Микрорайон в Будёновском районе Донецка. Возник как посёлок при железнодорожной станции Мушкетово, названной так в честь геолога и горного инженера И. В. Мушкетова.

Объединённый. Посёлок, составляющий восточную часть Пролетарского р-на Донецка. Своё название получил после того, как в один жилмассив были объединены несколько мелких пришахтных посёлков.

Побе́да. Микрорайон в северо-восточной части Кировского р-на Донецка (улица Волжская, Славы, Горнорудная, Краснопольская и др.). Микрорайон получил это имя после победы над фашистской Германией, когда это слово особенно активизировалось во внутри городской топонимии, названиях колхозов и совхозов, кинотеатров, например, село Победа в Старобешевском р-не, село Победа в Амвросиевском р-не, село Победа в Марьинском р-не и др. Посёлок коксохимиков Победа в Донецке был назван так потому, что сдача его новой улицы в 1945 году совпала с праздником Днём Победы над фашистской Германией.

Соловки́. Неофициальное название части Ленинского района Донецка и находящегося здесь рынка, а также одного из «кутков» села Фёдоровки Великоновоселковского района. Так раньше называли всякие места отдалённого проживания, доступ куда был связан с определёнными трудностями (говорили: «Живу на Соловках», «Вам хорошо: вы из центра, а мне к себе на Соловки добраться не легко»).

Тексти́льщик. Посёлок в юго-западной части Кировского р-на Донецка. Здесь находился построенный в советские годы мощный хлопчатобумажный комбинат, который после получения Украиной независимости пришёл в упадок и ликвидирован.

Трудовско́й, Трудовски́е. Северо-западная часть («конец») Петровского р-на Донецка. Названа так потому, что здесь находится шахта Трудовская (в конце XIX – начале XX века – Трудовско́й рудник). Тополексема Трудовско́й (-ая, -ое) в топонимии Донетчины отмечена и в других местах: село Трудовское в Волновахском р-не, железнодорожная станция в Горловке (до революции 1917 г.).

Чи́ка. Казино и развлекательный центр «Чикаго-Сити» в центре Донецка. *Обещала быть на дискотеке в «Чи́ке»; Он из «Чи́ки» не выходит.* Сленговый ойкодомоним образовался способом усечения полного названия казино.

Шаха́. Жаргонное название двух посёлков на территории города Донецка: 1) посёлка шахты 6 – «Капитальная», его вариант: посёлок Шесть-Капитальная, или Рудник; его жителей именуют шаху́нцами; 2) посёлка шахты 6-Красная, его варианты: посёлок шахты 6-Красная, посёлок шахты № 6 имени газеты «Красная звезда», посёлок Шесть-Красная.

Шахтостро́итель. Микрорайон в Калининском р-не Донецка. Через него проходит бульвар Шахтостроителей (говорят: «живу на Шахтостроителе»).

Щётка. Часть Пролетарского района г. Донецка: ул. Щетинина и сопредельная территория. Словообразовательный синоним топонима улица Щетинина (или только Щетинина), возникший вследствие усечения его основы с последующей суффиксацией: Щет(инина) + ка = Щётка. Экспрессивная окраска жаргонного новообразования усиливается возникшей связью с омонимичным апеллятивом щётка, мотивационно неоправданной.

Януко́вка. Элитный земельный участок в Будённовском районе Донецка, где был построен жилищный комплекс бывшего губернатора Донецкой области В. Ф. Януковича, и прилегающая к нему территория.

Человеку свойственно давать новые имена вещам, местам, событиям. Некоторые такие имена набирают популярности в обществе и начинают активно употребляться. В названиях улиц, территорий, посёлков и т.д. отражается наш быт, наша индивидуальность. Иностранец не поймет всю колоритность русского языка. В некоторых таких названиях скрыт свой смысл. Ономастика не только раскрывает его, но и указывает на связь с прошлым.

Литература

1. Отин Е. С. Происхождение географических названий Донбасса / Е. С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 2014. – 199 с.

ЗОЛОТАЯ РОССЫПЬ СЛОВ. ОНОМАСТИКА СТАРОБЕШЕВСКОГО КРАЯ

Яцкая Анна Вадимовна,
ученица 10 класса

Науч. рук.: Фёдорова Л. И.,
заместитель директора по учебно-воспитательной работе,
учитель русского языка и литературы
Старобешевская общеобразовательная школа I–III ст.
управления образования администрации Старобешевского района

В современном русском языке существуют сотни тысяч имен нарицательных, обозначающих предметы и их свойства, явления природы и другие реалии нашей жизни. Кроме них существует и другой, особый мир слов, выполняющих функцию выделения, индивидуализации и представляющих собой разнообразные имена и названия: это имена собственные.

Каждый народ дает свои названия городам, селам, водоемам, лесам, горам, долинам, полям и лугам. В них отражена история материальной и духовной культуры народа, его быт, история природно-географической среды.

Интересна история возникновения собственных имен Старобешевского края.

Село *Бешево* (крымскотат. beşev – «пять домов») было основано в 1779–1783 годах греческими переселенцами из одноимённого крымского села Бешэв (позже – Бешуй, Бишуи, Бешав), расположенного в кадилыке Муфтия арпалык (Фулльская епархия, юго-западная часть Крыма [4, с. 22].

Южная и юго-восточная окраина Старобешево ограничена небольшой речушкой *Камышеваткой*, которая начинается в полях и через несколько километров впадает в одну из крупнейших рек Донбасса – *Кальмиус*, место битвы северского князя Игоря с половцами на реке Каяле (Кальмиус) [1, с. 648].

Кальмиус впервые упоминается в IX веке. О происхождении его названия много спорят. Ученый Д. И. Яворницкий считает, что оно происходит от тюркских слов «кил» – «волос» и «миус» – «рог», то есть «тонкий, как волос, и извилистый, как рог». По мнению донецкого ученого А. П. Черных, правильнее было бы возводить происхождение названия реки к одному из летописных вариантов гидронима *Кальмиус* – *Калькъ* и его соотносительные понятия Калы, Кали. Исходя из латинского “calco” – топтать, вдавливать, втоптывать, вариант названия *Кальмиуса* – “*Калькъ*” употреблялся в значении “Кочевая река”, так как весной – вверх по течению, а к зиме – вниз по реке прогонялись стада скота. А вторую часть названия реки – “моус” следует возводить к другому значению древнеанглийского слова “mouth” – вход и выход, проход, позволяющий быстро уходить (mosey). Следовательно, *Кальмиус* – “Кочевой проход” от реки Калы (Кали) и вдоль неё к реке Миус [3, с. 13].

Рядом с этим живописнейшим уголком Старобешевского района возвышается один из многочисленных холмов Донецкого кряжа *Зортав-тобе*. Слово "Зортав" в названии горы означает якобы "вырубленный лес". В путеводителях по Донбассу встречается история, что 120 лет назад сюда приезжали французы, прослышав о растущем в этих местах лесе из тутовых деревьев. Но местные жители выразили свой протест против строительства тут фабрики по разведению тутового шелкопряда вырубкой уникального леса. Курган с той поры называют "Зортав-Тобе". Ведь "Зор" переводится "сила", а "лес" называют по-гречески "тав" [2].

На северо-западе находится другая гора – *Запал-тобе*. История возникновения названия этой горы связана с переселением в XVIII веке греков из Крыма в Приазовье. Запал – имя богатого хозяина, который разлучил двух любящих людей: свою дочь и батрака, работающего на него. Не выдержав разлуки, протестуя против воли отца, Мария бросается с обрыва в холодные воды реки Кальмиус. С тех пор так и называют эту гору *Запал-тобе* (тобе – с урум. гора) [2].

Хорошо известен жителям поселка курган «*Атчапхан обалар*»: «*ат-урум*.» – «лошадь», «*чапхан*» – в переводе «бегущий». На все праздники Панаира люди собирались вокруг этого кургана. Тут проводились скачки, куреш.

Не менее интересен рассказ о происхождении названия родника. Когда-то в балке, находящейся недалеко от горы *Запал-Тобе*, был очень известный источник ключевой целебной воды, который в народе назывался "*Савлухчохрах*" (в переводе – "криница здоровья"). До революции 1917 года в дни проведения греческого праздника "*Арты*" к этому источнику совершался крестный ход. Водой из родника священник окроплял детей и взрослых, приходивших сюда просить у Бога здоровья, дождя, благословения, урожая.

Очень необычны по своему звучанию и весьма интересны своим происхождением греческие фамилии.

Большинство греческих фамилий ведут своё происхождение либо от места рождения человека, либо от имён и многочисленных прозвищ, которыми греки любят наделять своих сограждан. Наиболее часто в моем родном поселке встречаются такие фамилии.

Балабанов. Балабан – прилагательное «большой, великий» (урум.) [1, с. 15].

Балакай. В основе фамилии – урумское прозвище Бали, вероятно, от баллы – «тот, кто имеет детей» (урум.); акай – то же что ака – уважительный суффикс у урумов.

Барьяхтар. Байрактар – «знаменосец», «имеющий знамя» (тур.-тат.). Такое почетное прозвище давали храбрым и бесстрашным воинам – предводителям.

Биатов. В крымском селе Сартана еще в XVII веке встречалось прозвище Биате. Возможно, оно происходит от имени древнегреческого мудреца Биант. Урумские слова бий – «паук», ата – «отец» в сочетании друг с другом не подходят для фамилии (согласно словарю А. Гаркавца). Однако Кунак Бий, Кутлубий – уважительные прозвища XVII века.

Борлов. Борлу – «серый» (урум.). В этом случае, как и фамилия, Серов, предполагается прозвище «простой, грубый, заурядный» (перен.). Близко к фамилии прозвище Борали – «земляк», «местный житель» (тюрк.).

Бузгон. Бозгун – «поврежденный», «расстроенный», «разрушенный» (урум.). Прозвище человека, сеющего раздор или пессимиста.

Булатов. Мужское личное имя Болат от слова пулат – «сталь» (перс.-тур.) давали с пожеланием быть сильным, крепким как сталь.

Булгаков. Русская фамилия тюркского происхождения: булгак – «смятение» (др. тюрк.), прозвище беспокойного, суматошного человека (урум.).

Налбат (урум.) – кузнец, подковывающий лошадей.

Бурбу. Бурбулас – «навозный жук» (греческое заимствование, народное слово). Прозвище, ставшее фамилией в сокращенном виде, было дано работнику по найму по уходу за скотом, в основном по переброске навоза.

Национальный колорит, этнические особенности нашего поселка отражаются не только в таких направлениях ономастики, как топонимика и антропонимика, но и в эргонимике (наименованиях деловых объединений), и в (эмпоронимике (названиях магазинов, кафе, парикмахерских и т.д.). Например: кафе «Юр», «Кальмиус»; магазины «Олимп», «Зортав», фирмы «Аякс», «Сетар», «Фортуна», «Вега».

Собственные наименования – это жемчужинки в ожерелье народной культуры, истории, традиций.

Литература

1. Ерхов Г. П. История городов и сёл Украины: в 26 т. / Г. П. Ерхов. – К. : Главная редакция украинской энциклопедии, 1976. – С. 648.

2. Материалы музея дважды героя Социалистического Труда П. Н. Ангелиной.

3. Отин Е. С. Происхождение названия реки Кальмиус / Е. С. Отин // I-я областная науднотехническая конференция молодых ученых: Тез. докл. (Педагогическая секция). – Донецк, 1965. – С. 12–14.

4. Юрьев Н. П. Откуда есть пошло Старобешеве / Н. П. Юрьев. – Старобешеве, 2007. – 120 с.

СЕКЦИЯ 3. ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНЫХ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Богданов Александр Викторович,
кандидат наук по государственному управлению,
доцент кафедры краеведения

Тесунова Юлия Александровна,
студентка I курса специальности «Социология»
Донецкий государственный университет управления

Паралингвистика (греч. *para* – «около») – раздел языкознания, изучающий невербальные (неязыковые) средства, передающие совместно с вербальными смысловую информацию в составе речевого сообщения, а также совокупность таких средств.

Паралингвистические средства не входят в систему языка и не являются речевыми единицами, однако в той или иной степени представлены в каждой речевой единице.

Один из видов паралингвистических средств – графические средства (особенности почерка, графические дополнения к буквам, заменители букв).

Графология, как фундаментальная наука о почерке, имеет собственный понятийный аппарат и методологию. Как любая наука, графология стремится к обобщению, систематизации экспериментальных и других эмпирических данных, к установлению внутренних закономерностей.

Первая известная ныне книга по графологии итальянского профессора Камилло Бальдо вышла в 1630 году и называлась «*Tratto come una letra sicogno scanolanatura e qualita del scrittore*» (Как узнать природу и качества человека, взглянув на букву, которую он написал). Книга лишь произвела определенное впечатление на читающую публику, но не более того.

В XVIII веке во Франции аббат Фландрэн создал группу, участники которой классифицировали почерки людей по интересам и по роду занятий и выработали правила, которые легли в основу современного анализа почерков. Фландрэн первым дал имя новой науке – графология.

Ученик Фландрэна аббат Мишон в 1872 году он написал книгу «Система графологии». Около 1880 года работа Мишона получила дальнейшее развитие в исследованиях Крепье-Жамэна, где были применены более точные методы классификации различных черт характера по анализу почерка.

Графологией заинтересовались в Германии и в Англии. В начале XX века доктор Людвиг Клагес (Германия) издал научную работу по определению и обоснованию принципов, методов применения и интерпретации графологии.

Современные графологи считают Клагеса отцом современной графологии.

С XIX века в различных странах возникли графологические общества. В Европе графология занимает достойное место в работе психологов и психиатров и включена в учебные программы по психологии в университетах.

В дореволюционной России графологии уделялось настолько мало внимания, что в Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона этот термин даже не попал. В 1925 году все российские графологи были взяты на учет. И либо прекратили свою легальную деятельность, либо перешли в секретные отделы НКВД-КГБ.

Вскоре из советской печати исчезли всякие упоминания о работе графологов. В обществе стало культивироваться представление о графологии как о лженауке.

С развитием техники возможности графологии сильно расширились. В США в 80-х годах XX века была создана компьютерная программа для определения деловых качеств претендентов на вакантные места в учреждениях и фирмах. В ее основу положены данные исследования почерка 500 000 человек. Компьютер почти мгновенно выдает психофизическую характеристику человека по 130 параметрам.

Графология как уникальный метод экспрессивной психодиагностики, является частью практической психологии.

Психологическая диагностика по почерку возможна благодаря существованию такого явления, как психодинамический стереотип, выработанный путем взаимодействия и взаимовлияния центров головного мозга и моторики руки.

Почерк – это обратная связь с психикой. Он, подобно оптически точному зеркалу, отражает и врожденные, и приобретенные свойства личности.

В европейских странах нетрудно увидеть национальные различия в написании букв.

Испанцы обычно пишут заглавные буквы вычурно и с завитушками, что показывает их гордую и романтическую натуру. Французы пишут гораздо мельче, и их почерки отражают более логичный подход к жизни. Итальянское письмо с его простыми маленькими буквами и грациозными большими буквами отражает чувство ритма и изящества. Русская эмоциональная, общительная природа отражается в размашистом, крупном почерке. Немецкий почерк более угловат и тщателен, чем у других народов. У англичан почерк сдержан, прост, без росчерков и завитушек.

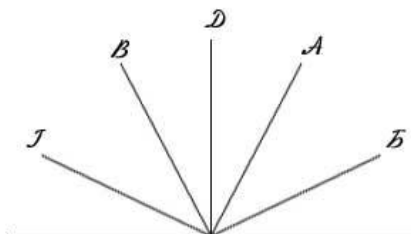
Американский почерк – свободный и размашистый. Он представляет собой сочетание многих национальных традиций, поскольку в этой стране не до конца сложился национальный стиль почерка.

Китайское и японское письмо не является почерком в нашем смысле этого слова. Однако ученые Китая и Японии утверждают, что они могут анализировать характер человека, исследуя те слова – картинки, которые китайцы и японцы изображают на бумаге.

Несмотря на наличие у почерка национальных особенностей, это не влияет

на характер анализа, но графолог обращает внимание на угловатость германского почерка, мелкость и вертикальность английского и пр. В целом анализ осуществляется так, чтобы детали не препятствовали достижению результатов.

Наклон в почерке или отсутствие какого-либо наклона – все это важно для графолога. Степень привязанности и способности их выражать измеряются «шкалой эмоций»:

А. Это самый обычный наклон в почерке. Он раскрывает теплую, дружелюбную натуру. Так пишет человек, который открыто выражает свои чувства. Однако это – не очень импульсивная натура, и такой человек может держать свои эмоции под контролем. Человек, который пишет с таким наклоном, может ладить с другими людьми, потому, что в его характере существует искренняя тяга к общению, и он не будет счастлив, если будет долго находиться в одиночестве.

Б. Здесь проявляются более крайние черты. В то время, как такой наклон показывает наличие привязанности и желание выставить напоказ свои чувства, эти черты носят более ярко выраженный характер, чем при наклоне «А». Наклон «Б» отражает большую энергию и энтузиазм в восприятии новых идей. Одиночество противопоказано для этих людей. Они постоянно нуждаются в активности. Они постоянно хотят встречаться с новыми людьми.

В. Когда пишут с наклоном назад, это является признаком того, что интеллект контролирует эмоции. Поэтому для такого человека характерны внешние проявления чувств, а энтузиазм сдерживается.

Г. Те же черты контроля ума над сердцем, что присутствуют в наклоне «В», проявляются и здесь. Однако в данном случае подавление чувств более ярко выражено. Наклон «Г» также показывает тенденцию к скрытности. Такой человек производит впечатление холодности и сдержанности, хотя под этим внешним покровом может бушевать буря эмоций.

Д. Когда почерк является вертикальным и нет наклона ни вправо, ни влево, существует равновесие между умом и сердцем. Манера такого человека – сдержанна. Такой человек хочет разумно взвесить вещи, и он не подвержен неустойчивым чувствам и случайным движениям ума. Привязанности могут быть не выражены явно; чувства могут быть раскрыты через проявления преданности, каждодневные знаки доброго отношения.

Попадают и почерки, которые не соответствуют ни одному из выше приведенных вариантов, а представляют собой сочетание букв, которые написаны с наклоном вправо, влево и вертикально. Подобный почерк

свидетельствует о том, что его автор подвержен резким сменам настроения, которые также отражаются в смене наклонов. В этом случае интеллект и эмоции находятся в конфликте: ум желает одного, а сердце – другого, осторожность борется с импульсивностью. По этой причине люди, у которых наклон меняется, отличаются непостоянством и придирчивы к мелочам.

Почерк, который не отклоняется от воображаемой прямой линии принадлежит человеку, которого не так легко расстроить мелкими событиями или заявлениями других людей. Такой человек тщательно обдумывает свои мысли и поступки и удерживает свои настроения под контролем.

1. Если линия почерка поднимается вверх, это – признак оптимизма. Такой человек не теряет духа, сохраняет веру и надежду и обычно является довольно амбициозным, стремясь продвинуться вперед.

2. Противоположным примером является строка, которая все время опускается вниз. Пессимист не выражает энтузиазма и не возлагает больших надежд на новые идеи. Он склонен проявлять скепсис, когда сталкивается с ними.

3. Если строка идет «волной», мы имеем почерк человека с переменчивым настроением, у которого каждое слово может прыгать то вниз, то вверх. У такого человека настроения меняются постоянно в зависимости от времени, места, окружающих людей. Людям, у которых нет устойчивого направления в написании строки, трудно приспособиться к любому занятию, требующему тщательного соблюдения устойчивого порядка. Часто люди, обладающие таким почерком, не соглашаются с результатами его анализа.

В почерке проявляется и тенденция к расточительству или скупости.

Если слова и строки расположены тесно друг другу, а буквы – мелкие, то такой почерк свидетельствует о большой бережливости. В то же время, если такой мелкий почерк сочетается с большими расстояниями между словами, то, хотя он не склонен много тратить на себя, он щедр в отношении других людей.

Если человек оставляет небольшие расстояния между словами и строками, а буквы – крупные, он также является бережливым. Крупные буквы и большие расстояния между ними показывают, что щедрость человека не знает предела.

Те, кто плохо разбираются в графологии, порой выносят поспешные суждения относительно почерка, например, четкость и красоту почерка они воспринимают как индикаторы интеллекта. Но это далеко не так.

Часто у человека, обладающего, так называемым, «красивым» почерком, умственные реакции замедлены, а человек с неразборчивым почерком может быть очень умным или, по крайней мере, неглупым, но необразованным. Поэтому неправильно судить о внутренней сути человека по внешнему виду почерка. Рассмотрим некоторые возможные варианты.

1. Пример ясного, разборчивого письма. Буквы выписаны медленно и тщательно. Отсутствие оригинальных букв показывает, что человек обладает способностью все взвешивать тщательно, но у него нет ярко выраженного стремления к независимости. Такой почерк свидетельствует о готовности сотрудничать с другими людьми и склонности человека поддаваться

господствующим суждениям и принадлежит человеку умному, но не склонному к независимой интеллектуальной работе.

2. Почерк разборчив, а буквы заметны и оригинальны в начертании. Это показывает наличие творческого ума, интеллектуальной любознательности и способности ясно мыслить. Если в разборчивом почерке есть заметные буквы, а заглавные буквы лишены вычурностей и завитушек, то это – яркая, интересная личность, способная приспособиться к новой обстановке и желающая попробовать новые идеи.

3. Неразборчивый почерк с беспорядочными буквами – признак ума, неспособного к ясному, логичному мышлению. Такая неразборчивость – результат нетерпеливости, подозрительности и нежелания раскрыть свой ум для усвоения новых идей. Такого человека часто трудно понять и ему нелегко обрести счастье в личной жизни. Для него характерна частая смена настроений, неразумное отношение к своим финансам.

4. На первый взгляд почерк неразборчив, но его можно без труда разобрать. Буквы написаны просто, нет попыток приукрасить их завитушками и заметно стремление убрать как можно больше штрихов. Такой почерк получается при большой скорости письма и отражает быстрый ум, который добирается до самой сути, может творчески формулировать свои мысли, легко схватывать чужие идеи, мыслить независимо.

Результаты современных исследований подтверждают имеющуюся взаимосвязь почерка с некоторыми психическими особенностями человека. По мнению многих психологов, в почерке больше, в чем в любой другой двигательной активности человека проявляется его психическая сущность. Дело в том, что неосознанное напряжение определенных групп мышц сопровождает все наши душевные движения. Так, если человек находится в каком-то стойком эмоциональном состоянии или есть стойкая тенденция в поведении, то это проявится в стойком напряжении отдельных мышечных групп. Различия же в тоне разных мышечных групп будут источником различий и в расположении линий на бумаге, что проявится в своеобразии почерка.

Графологический анализ удобен тем, что адекватно заменяет целый комплекс психодиагностических методик и тестов, а это немаловажно, поскольку человеку больше не требуется тратить огромного количество времени для заполнения многостраничных опросников. При этом исключается момент сознательного выбора социально-желательных, «правильных» ответов, тем самым дополнительно обеспечивая и защиту от субъективности участвующих в психодиагностическом анализе, сторон.

Литература

1. Исаева Е. Л. Практическая графология : как узнать характер по почерку / Е. Л. Исаева. – М. : Рипол Классик, 2010. – 256 с.
2. Кравченко В. И. Графология: характер по почерку. Учеб-метод. Пособие / В. И. Кравченко. – Санкт-Петербург : ГУАП, 2006. – 92 с

3. Графология/ Графологическая экспертиза : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://psyfactor.org/personal4.htm>.

4. Графология: научное обоснование : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://inessa-goldberg.ru/index.php/portal-general/grafologia-nauchnoe-obosnovanie.html>.

ЕТНОКУЛЬТУРНЕ ПІДГРУНТЯ ФРАЗЕОЛОГІЇ ВДАЛОГО СВАТАННЯ В УКРАЇНСЬКИХ СХІДНОСЛОБОЖАНСЬКИХ ГОВІРКАХ

Дьякова Тетяна Олексіївна,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри соціально-гуманітарних дисциплін
**Луганська державна академія культури і мистецтв
ім. М. Матусовського**

Однією з важливих складових частин фразеології східнослобожанських говірок є весільнообрядова. У сучасній україністиці науковий інтерес до цього прошарку ідіоматики дедалі зростає. У різний час вивченням весільної обрядовості Слобожанщини та її фразеологічного фонду займалися В. Борисенко, Б. Грінченко, Г. Калиновський, В. Іванов, Т. Маркотенко, І. Магрицька, О. Плетнева, В. Ужченко.

Вислови, що постали як результат фразеологічної вербалізації певних обрядових дій весільного циклу урочистостей, виступають важливим компонентом творення ареальної картини світу. Етнофраземи містять успадковані мовцями канони весільних церемоній, що стали результатом життєвого досвіду багатьох поколінь. Національно-культурна інформація пов'язана з архаїчними міфологічними уявленнями, звичаями, ритуалами. Ті обрядодії, які зараз найчастіше виконавці сприймають лише як традиційні й не завжди мотивовані, для предків відігравали важливу роль через сприйняття їх як магічних, виконання котрих гарантує щастя й добробут (*випікання короваю, посипання молодих, забивання кілка* тощо). Вивчення фразеологізованих обрядових висловів дозволяє аналізувати східнослобожанську ареальну фразеологію з урахуванням особливостей східнослов'янського культурного регіону, етнічної свідомості українців, суттєвого впливу з боку православної церкви, яка тривалий час регламентувала весільні звичаї (церковне вінчання, заборона святкувань під час посту тощо), збереження окремих елементів язичницьких ритуалів, що зазнали трансформації за сучасних умов (*викуп нареченої, переїзд весільного поїзду через вогонь, умивання молодих* тощо).

Мета розвідки – дослідити етнокультурне підґрунтя творення фразеології вдалого сватання в українських східнослобожанських говірках, проаналізувати чинники, що сприяли формуванню традиційних обрядодій періоду сватання. Мовною базою дослідження стали ареальні фразеологічні одиниці, зібрані нами за спеціальною програмою, а також зафіксовані у «Фразеологічному словнику

східнословобожанських і степових говірок Донбасу» [УВДС]. Для порівняння процесів фразеотворення у східнословобожанських говірках та інших ареалах ми залучаємо матеріали словників української діалектної фразеології, а також окремі вислови інших слов'янських мов.

Традиційне українське весілля, як і в інших слов'янських народів, складається з трьох циклів обрядів: довесільного (передвесільного), власне-весільного (весільного), післявесільного, під час яких відбувається обрядовий перехід від старих родинних і соціальних відносин до нових (В. Борисенко, Д. Зеленін). Трьома складниками весільного дійства дослідники називають також сватання, заручини, весілля, вважаючи кожен із цих етапів повторенням одних і тих самих ритуальних дій, що поступово розвиваються й ускладнюються (Хв. Вовк).

З-поміж довесільних обрядодій, що великою мірою зберігають код «рольової» поведінки, є сватання. Залежно від етапів та результатів цього обряду виокремлюють вислови на позначення власне сватання, вдалого сватання та відмови під час сватання. Зазвичай вдале сватання пов'язують з меліоративно маркованими етнокультурними символами *хліб*, *рушник*. Саме вдале сватання називають *діло*, *добре діло*.

У східнословобожанських говірках переважають вислови з концептом *хліб*: *перерізати хліб* 'дати згоду на одруження', *розрізати хліб на дві часті* 'т с', *хліб ламати* 'т с', *хлібину розламати* 'т с', *хліб приймати* 'т с': *Коли кажуть: хліб прийняли, значить дівчина погодилась вийти заміж, із хлібом ідуть свататись близькі родичі, заране договоряються, коли прийдуть; відкусити хліб* 'т с', *мінатися хлібом* 'т с', *обмінятися (помінятися) хлібом* 'т с', *прийняти хліб-сіль* 'т с'), пор.: в етнографічному дослідженні *оставляти хліб, залишити хліб, приймати хліб-сіль* [Іванов, с. 869, 883, 984]; цсл. *хліб перемінити (перемінати, міняти, обміняти, поміняти)* [9, с. 65]. Існують вірування про якість хліба, з яким ідуть свататися, способи його розрізання: *Хлібина погана була, зажарена, ріжеться погано. Яка хлібина, таке й життя було. Пополам старалась різати, а як воно засохше, зашкоруBLE... Вони з таким хлібом прийшли, і життя така була, не дуже...; Хліб нада перерізати рівно пополам, значить житимуть хорошо, если чуть больше туда чи сюда, то вже не дуже*.

Автори «Фразеологічного словника східнословобожанських і степових говірок Донбасу» зібрали екстралінгвальну інформацію щодо весільнообрядових висловів з компонентом *хліб*. *Перерізати хліб* означає посвататися; так роблять, коли молодий забирає молоду додому; дівчина пригощає свекра й свекруху й називає їх мамою й татом, так само робить і хлопець; батьки молодих міняються хлібом і надкушують його; це означає поділити щастя на двох; символізує відхід від батьків, одна половина й друга несуть мир у дві сім'ї – батьків дівчини й хлопця [УВДС, с. 242 – 243].

Згадані вирази із загальним значенням 'дати згоду на одруження' позначають дії, пов'язані з обрядовим *хлібом* – «символом розмноження» (І. Огієнко), ознакою добробуту, продовження роду, благополуччя, «при цьому

його утилітарна функція відходить на другий план, пріоритетною стає знакова, символічна» [ССКУ, с. 228]. Дослідник східнослов'янської обрядовості Д. Зеленін говорить про звичай *обмена хлібами*, коли сватам дають хліб, а вони дарують господарям принесену з собою горілку [4, с. 334]. Такий звичай, імовірно, спричинив появу ФО *запити діло* 'відзначати сватання в домі дівчини', *починати випивати* 'т с', *розпити сватовську* 'т с', *гуляти сватання* 'т с', *випити за добре діло* 'т с', *пропити дочку* [Иванов, с. 962], *сватанку випивати, згодну випивати, сватання обмивати* 'т с' [6, с. 61], *полити сватання* 'випити горілки на знак остаточної згоди батьків дівчини на шлюб', *закріпити сватання* 'т с'.

Іншим атрибутом весільної обрядовості є *рушник* – «символ злагоди, подружньої вірності» [Войт, с. 452]. Міфологічні стереотипи свідомості, ужиткова культура зберігають уявлення про *рушник* як невід'ємний елемент оздоблення інтер'єру, обов'язковий елемент родинних ритуалів і свят (народження, весілля, похорону). *Рушник* був «провісником, освячувачем, а отже, символом щасливого родинного життя» [3, с. 157], не випадково фразеологія фіксує практично всі основні кроки до шлюбу саме через ключове слово *рушник*.

У східнословобожанському весіллі *рушник* одночасно означає готовність дівчини до заміжжя, є знаком її згоди на одруження, об'єднання двох родів, символом заміжжя, оберегом [7, с. 93]. З рушником, на якому дівчина розрізає хліб, пов'язані прикмети: *Хліб при сватанні, як положено, лежить на полотенці, а дочка моя з хлібом порізала все полотенце, то погано – не житимуть. Так і вийшло, за недовго до свадьби розійшлись, свадьбу одмінили: сама ж свою дорогу порізала*.

У досліджуваному ареалі зафіксовано вирази *прийти (вернутися) з рушниками, приходити (вертатися) з рушниками* 'отримати згоду на одруження', *давати (подавати) рушники, в'язати (пов'язати) рушники* 'дати згоду на одруження', *перев'язати рушниками* 'т с', *в'язати сватів рушниками* 'т с': *Сина коли женили, ще біднувато жили, то ніяких особих діл не придержувались: повечеряли своєю сім'єю й усе. А дочок сватали коли, і хлібом мінялися, і сватів рушниками в'язали: усе, як положено*.

В етнорегіональному аспекті є такі пояснення обряду перев'язування: 'рушник має скріпити молодих на довге спільне життя'; 'перев'язування повинно забезпечити злагодю, достаток'; 'перев'язані рушниками мають бути вірними одне одному'; 'перев'язування засвідчує об'єднання двох родів', жартівливе – 'сватів перев'язують, щоб не втекли'. Символічне перев'язування зберігає архаїчно-обрядовий смисл давніх традицій, коли свати уособлювали мисливців, які полювали на дівчину, а *зв'язати* означало знешкодити (Д. Зеленін). Рідше сватів перев'язували *хусткою (платком)*. Дівчина могла власноруч *перев'язати хусткою* руку молодого, 'прив'язати до себе'. *Платок* (як і *рушник*) виконував функцію «зв'язку в об'єднувальних обрядах у всіх східних слов'ян» [8, с. 79], пор. цсл. *перев'язати (в'язати) рушниками, рушники пов'язати, в'язати хустку* [9, с. 66]. Давні регіональні джерела також подають

інформацію про обрядодію перев'язування: дівчина підносить на дерев'яній тарілці кожному із сватів *по довгому полотняному рушнику*, вишитому заплоччю, а іноді шовком або золотом, на знак згоди на їхні пропозиції [5, с. 68 – 69], дівчата сватам *хустки дають*, якщо згодні [ЖивР, с. 50], молода *подає старостам рушники*, а подруга перев'язує їм руки; молодому *перев'язує руку шовковим платком* сама молода [2, с. 393], на знак згоди батьків нареченої *дівчина подає рушники* [1, с. 96], *затикає хустку за пояс* нареченому [10, с. 94] або *підносить платок чи затыгує платок за пояс* жениху [Иванов, с. 871].

Згоду на одруження під час сватання у фразеології східнослов'янських говірок відображають також вислови з компонентом *рука*: *руки зв'язати (зав'язати)*, *руки скріпити*. Ця символіка не випадкова, оскільки «дві з'єднані руки уособлюють містичний шлюб» [ССКУ, с. 184]. Пор. вислови: *цсл. пов'язати руки* [9, с. 66], *зволін. прибити руку* 'засватати дівчину' [Арк, с. 121], *загальновідомий рос. дать руку* 'погодитися вийти заміж', *болг. дам ръката си*, досл. 'дати свою руку' [БРФС, с. 506].

Отже, етнокультурне підґрунтя ідіоматики вдалого сватання як складника весільної обрядовості східнослов'янських говірок поєднує відгомін давніх весільних обрядів і традицій, фіксує різноманітні зміни в традиційному українському весільному обряді, пов'язані з різними соціально-економічними, міграційними, урбаністичними чинниками. Етнофраземи весільної обрядовості містять збережені мовцями ареалу канони весільних церемоній як відображення досвіду попередніх поколінь.

Традиційна весільна обрядовість дає змогу розглядати її фразеологічну репрезентацію як доволі логічну систему вербальних характеристик відповідних обрядодій. Семантика й структура обрядових фразеологізмів східнослов'янських говірок є схожими із семантикою й структурою відповідних висловів, що побутують в інших українських ареалах, східнослов'янському діалектному мовленні, що свідчить про давність традицій та їхньої фразеологічної вербалізації.

Література

1. Бабенко В. А. Этнографический очерк народного быта Екатеринославского края / В. А. Бабенко. – Екатеринославль : Тип. губерн. земства, 1905. – 102 с.
2. Грінченко Б. Д. Весілля в селі Нижня Сироватка Сумського повіту Харківської губернії / Б. Д. Грінченко // Весілля : у 2 кн. / упорядкув. текстів, прим. М. М. Шубравської. – К. : Наук. думка, 1970. – Кн. 1. – С. 393–411.
3. Жайворонок В. В. Українська етнолінгвістика : нариси : навч. посіб. для студ. вищ. навч. закл. / В. В. Жайворонок. – К. : Довіра, 2007. – 262 с.
4. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М. : Наука, 1991. – 507 с.
5. Калиновський Г. Опис весільних українських простонародних обрядів / Г. Калиновський // Весілля : у 2 кн. / упорядкув. текстів, прим.

М. М. Шубравської. – К. : Наук. думка, 1970. – Кн. 1. – С. 67–74.

6. Карлова Н. М. Весільний обряд на Луганщині і його відбиття у фразеології / Н. М. Карлова // Образне слово Луганщини : тези IV регіон. наук.-практ. конф. з укр. мови / за ред. проф. В. Д. Ужченка. – Вип. 4. – Луганськ, 2005. – С. 60–62.

7. Магрицька І. В. Символіка тканинних виробів у східнослобожанському весіллі / І. В. Магрицька // Луганщина : етнокультурний вимір. – Луганськ, 2001. – С. 90–99.

8. Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – н. XX в. / Г. С. Маслова. – М. : Наука, 1984. – 216 с.

9. Плетнева О. Л. Центральна- та східнослобожанська фразеологія обрядів сватання / О. Л. Плетнева // Лінгвістика : зб. наук. пр. – Луганськ, 2006. – № 2. – С. 64–73.

10. Сумцов М. Ф. Слобожане. Історико-етнографічна розвідка / М. Ф. Сумцов ; підготов. тексту й мов. ред. Л. Ушкалова ; слово до читача, приміт. й післямова В. Фрадкіна. – Х. : Акта, 2002. – 282 с.

Список джерел і умовних скорочень

Арк – Аркушин Г. Сказав, як два зв'язав : народні вислови та загадки із Західного Полісся та західної частини Волині / Г. Аркушин. – Люблін ; Луцьк, 2003. – 177 с.

БРФС – Кошелев А. К. Болгарско-русский фразеологический словарь / А. К. Кошелев, М. А. Леонидова. – М. : Рус. яз. ; София : Наука и искусство, 1974. – 635 с.

Войт – Войтович В. Українська міфологія / В. Войтович. – К. : Либідь, 2002. – 664 с.

ЖивР – Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общ. ред. П. П. Семенова. – Т. 5. Малороссия, Подолия и Волынь. Полтавская, Черниговская, Волынская, Подольская, Харьковская и Киевская губернии. – Ч. 1. – СПб. ; М. : Изд. М. О. Вольфа, 1897. – 332 с.

Іванов – Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии : очерки по этнографии края / под ред. В. В. Иванова. – Х., 1898. – Т. I. – 1008 с.

ССКУ – Словник символів культури України / за заг. ред. В. П. Коцура, О. І. Потапенка, М. К. Дмитренка. – К. : Міленіум, 2002. – 260 с.

УВДС – Ужченко В. Д. Фразеологічний словник східнослобожанських і степових говірок Донбасу / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – 4-е вид. – Луганськ : Альма-матер, 2002. – 263 с.

Скорочення назв мов та говірок

Болг. – болгарська мова, зволин. – західноволинські говірки, рос. – російська мова, цсл. – центральнослобожанські говірки.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ЯЗЫКОМ И КУЛЬТУРОЙ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Ефремова Оксана Игоревна,

ст. преподаватель кафедры теории и практики перевода

Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

Как известно, язык является неотъемлемым компонентом культуры каждого народа, наряду с совокупностью материальных и духовных ценностей сложившихся исторически на основе экономического базиса. Поскольку язык – это социальное явление, то главным условием овладения им является проникновение в культуру народа.

Выдающийся представитель Петербургской школы языкознания, ученик Бодуэна де Куртуне, Лев Владимирович Щерба считал культуру основной отраслью, куда надо обращаться при изучении иностранного языка. Ведь человеческие понятия – это функция культуры, которая, в свою очередь, является исторической категорией и находится в тесной связи с состоянием общества и его деятельностью [3, с. 112].

Таким образом, цель изучения иностранного языка не может быть сведена к простому освоению коммуникативных умений. У учеников должно сформироваться понимание того, что иностранный язык является воплощением определенного набора верований, ценностей, мыслей, образа мышления, присущие носителям языка и которые отличаются от подобного набора, присущий носителям родного языка учеников. Подобный подход позволяет научить рассматривать любой аспект общественной и личной жизни человека с разных точек зрения, ставить себя на место другого человека, уважать ценности, мнения окружающих людей. Это в свою очередь ведет к личностному росту учащихся, стимулирует их интерес к окружающему миру, вызывает желание понять и оценить многообразие культур в мире [5, с. 125].

В рамках обучения межкультурной коммуникации языковой материал должен быть представлен в соответствии с единицей обучения, которую необходимо определять, исходя из цели обучения. Она должна не только выражаться в языке, но и отражать культуру и менталитет народа. По мнению А. В. Вартанова, единицей обучения культуры должен выступать такой языковой знак, который бы определялся лексической, грамматической и интонационной структурой речевого акта, а также определял отрезок действительности со всеми его элементами, характеристиками и условиями общения. Единица обучения должна рассматриваться исходя из культурного контекста, отображать поведенческую культуру носителей языка. Такой единицей, сочетающей лингвистические и культурные компоненты языка, выступает культурема. Главные критерии отбора культур – их информативность и адекватность определенной ситуации [1, с. 21]. Так, например, в английском языке существуют *разные возгласы для выражения боли (ouch – ой), обращение внимания (pssst – эй!), выражение сигнала*

осторожности (yo – эй!, а ну!, берегись!), Выражение восхищения, восторга (wow – здорово!; блеск!), выражение нетерпения, досады или упрека (tut – ах ты!, фу ты!).

Для осуществления эффективного межкультурного общения, ученик должен обладать межкультурной компетенцией, что позволит выйти за рамки собственной культуры и приобрести качества медиатора культур, не теряя собственной культурной идентичности.

Основу межкультурной компетенции составляют фоновые знания типичного образованного представителя британского лингвокультурного сообщества. Словарь лингвистических терминов дает следующее определение фоновых знаний: "Фоновое знание – background knowledge. Обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» [2, с. 402].

Наличие общих знаний является основной предпосылкой для адекватного общения, когда коммуниканты относятся к различным лингвокультурным сообществам. Преподавание иностранного языка предусматривает приобретение учащимися того минимума фоновых знаний, которым обладает носитель языка.

Попытки описать фоновые знания типичного носителя культуры и изучаемого языка, неоднократно предпринимались многими учеными и исследователями Украины и России. Ряд авторов говорит об "экскурсии" в слово, то есть о необходимости анализа социокультурного компонента слова. Сопоставление русского и английского языков с учетом межкультурного компонента раскрывает глубокие различия между тем, что стоит за словами этих языков, то есть между культурными представлениями о реальных предметах и явлениях действительности и между самими предметами и явлениями (Л. С. Бархударов, Л. П. Крысин, С. Г. Тер-Минасова).

Так, для англоязычного представителя является понятным использование слова "cowboy", что характеризует человека как честного и независимого. (*Americans still think of cowboys as honest, independent, and strong men. This romantic view of the American cowboy comes more from films and books than from real life. People think of cowboys as wearing blue jeans, cowboy boots, and a special large hat called a stetson.*) [4, с. 130], что для других национальных сообществ значение данного слова может быть непонятным.

Следует отметить, что фоновая лексика по каждой отдельной теме не может быть введена одновременно, вся сразу. Это необходимо делать небольшими, строго дозированными порциями. Как же обеспечить такое дозированное введение и закрепление? По мнению ряда исследователей, к каждой из культурно-бытовых тем необходимо возвращаться несколько раз, вводя очередные порции коммуникативно-ценной лексики. Только в этом случае наступает усвоения.

Предмет «иностранный язык» занимает особое место в системе образования. Преподаватель должен не только знакомить студентов с культурой страны изучаемого языка, но и создавать такие условия, при которых

у учащихся будет формироваться способность пользоваться двумя языками, не нарушая языковых и культурных норм иностранного языка.

Литература

1. Вартанов А. В. От обучения иностранным языкам к преподаванию иностранных языков и культур / А. В. Вартанов // Иностранные языки в школе. – 2003. – № 2. – С. 20–25.
2. Словарь лингвистических терминов. / Сост. О. С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – С. 498.
3. Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики / Л. В. Щерба. – Изд. 2-е. – М.: Высшая школа, 1974. – 112 с.
4. Dictionary of English language and culture. – Edinburgh: Addison Wesley Longman, 2000. – P. 298
5. Modern Foreign Languages in the National Curriculum. – London: HMSO, 1991. – 135 p.

АНТИКРИЗИСНЫЕ МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ)

Зарубина Дарья Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского и французского языка

Бут Иван Сергеевич,
студент II курса электромеханического факультета
Ивановский государственный энергетический университет

Отражению менталитета русского народа в малых формах устного творчества посвящены работы многих исследователей.

«Кажется, нигде столь резко и ярко не высказывается внешняя и внутренняя жизнь народов всеми ее проявлениями, как в пословицах, в кои облакаются его дух, ум и характер, – писал известный этнограф И. М. Снегирев в «Книге народной мудрости» – ...в собственно Русских пословицах выражается свойственный народу склад ума, способ суждения, особенность воззрения, в них русский ум находит любимый свой простор. Коренную их основу составляет многовековой, наследственный опыт, этот задний ум, которым крепок Русский и который с годами приходит, бедою и нуждою прикупается» (3). Пословицу как отражение характера и жизни русского человека рассматривали также С. Б. Адоньева, В. П. Аникин, В. Я. Пропп и др. Но большой объем материала пословиц приводит к тому, что многие темы исследованы мало.

В условиях усложнения финансовой ситуации в стране пословицы о деньгах, бедности и богатстве используются особенно активно, одновременно отражая опыт народа в кризисной ситуации, определяя, зачастую, тип поведения человека. В повести «Метель» А. С. Пушкин замечает: «Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание». Часто в кризисной ситуации человек следует стереотипам, заложенным в сознании индивида фольклором, поэтому сейчас особенно актуально исследование пословиц об отношении человека к деньгам и поведению в ситуации финансовой нестабильности.

Целью работы является описание сценариев стереотипного поведения человека в ситуации финансового кризиса, нашедших отражение в народных пословицах. В таком лингвокультурологическом аспекте пословицы тематических групп «бедность и богатство» ранее не рассматривались. Материалы и выводы работы могут быть использованы при подготовке культурологических и страноведческих курсов.

Материалом исследования стали пословицы из сборника В. И. Даля.

Прежде чем перейти к рассмотрению сценариев финансового поведения русского человека в ситуации кризиса, проанализируем, какие формы отношения к деньгам нашли отражение в русских пословицах и поговорках.

Одним из важных понятий, отражающих отношение русского человека к материальным ценностям, является жадность.

Само понятие «жадность» трактуется русским народом как однозначно негативное («У жадного кадык перетянулся» (2)). Целая группа пословиц посвящена теме расплаты за жадность, которая приходит в виде утраты собственности («Много хватать — свое потерять», «Кто много желает, тот и мало не видает»). Понятие «жадность» очень близко понятию «зависть» — желание «добра» трансформируется в желание «чужого добра» («Ищай чужаго, а своим возрыдает»). Жадный, завистливый человек часто сравнивается с собакой («Собака на сене лежит, сама не ест и скотине не дает», «Сколько собаке ни хватать, а сытой не бывает»).

Однако осуждаем народом и богач — он сравнивается с быком («Богатый — что бык рогатый: в тесные ворота не влезет», «Богатство с рогами, бедность с ногами»). Богатым, по мнению русского народа, не станешь, не погубив души, не согрешив, не пойдя на сделку с совестью («Богатому черти деньги куют», «Богатый совести не купит, а свою погубляет», «Грехов много, да и денег вволю»). Богатство не приносит русскому человеку счастья («Богатому сладко естся, да плохо спится», «Без денег сон крепче», «Не от скудости (или: убожества) скудость вышла, от богатства»).

В тех случаях, когда русский человек говорит о собственной склонности к жадности и скупости, в пословицах появляется оттенок самоиронии («Кабы у меня брюхо из семи овчин, все один бы съел», «Где глаза окинут, тут жаль покинуть», «Ложка узка, таскает по два куска, развести пошире, вытащит четыре»).

Однако значительно хуже скупости, которую русский человек со смехом замечает и в себе самом, мотовство (*«Лучше скуповато, чем мотовато», «Дай вору золотую гору – он и ту промотает»*) и жизнь не по средствам (*«На брюхе шелк, а в брюхе-то щелк», «Не сметь себя жить – себя погубить», «Не по карману затеи»*). Такое отношение к деньгам русский народ приписывает молодому поколению, противопоставляя его бережливости отцов (*«Что батюшка лопаточкой сгребал, то сынок тросточкою расшвырял», «Щеголять смолоду, а под старость умирать с голоду», «И сыну отдай, и себе на смерть оставляй!»*).

Именно бережливости должен, по мнению русского народа, учиться каждый (*«Кто не бережет копейки, тот сам не стоит рубля», «Му́ка не му́ка, а бережливость – наука», «Без нужды живет, кто деньги бережет»*). Рачительность, «бережь» – основа благосостояния (*«Береженье лучше вороженья (варианты: богатства, прибýtка)», «Бережливость лучше богатства», «Бережь – половина спасенья», «Бережь скорее барышей», «Бережливость – не скупость»*). Наличие «запаса», «лишнего» отличает хорошего хозяина (*«Запасливый лучше богатого», «Люблю дружка: укуся пирожка, да в запазушку», «И медведь из запаса лапу сосет», «Лишняя денýга не продерет кармана»*). Кризис не коснется того, кто имеет запас – реализацию этого сценария в кризисной ситуации мы наблюдаем регулярно: русские люди, чувствуя надвигающийся кризис, начинают делать запасы продуктов, особенно – первой необходимости – «Запасливый нужды не терпит».

При этом русский народ не верит в быстрое обогащение, благосостояние достигается неспешно, приобретая понемногу, сберегая приобретенное (*«Курица по зернышку клюет, да сыта живет», «Пушинка к пушинке – и выйдет перинка»*).

С необходимостью беречь нажитое в русских пословицах часто соседствует тема ожидания кризиса: «беды», «черного дня» (*«Не по наживе еда – видима беда», «Береги денежку про черный день», «Блюда хлеб про еду, а копейку про беду», «Копейка рубль бережет, а рубль голову стережет»*).

Таким образом, можно заключить, что для русского менталитета характерна готовность к «беде», и выжить в трудной ситуации сможет именно бережливый и запасливый, в то время как небрежное отношение к деньгам, как и чрезмерное стяжательство, напротив, приближает наступление «черного дня».

Литература

1. Аникин В. П. Русские народные пословицы и поговорки / В. П. Аникин. – М. : Художественная литература, 1988. – 431 с.
2. Даль В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – СПб. : АСТ, Астрель, 2008. – 752 с.
3. Снегирев И. М. Книга народной мудрости / И. М. Снегирев. – М. : Эксмо, 2014. – 92 с.

ВИХОВНИЙ ПОТЕНЦІАЛ МОВИ ФОЛЬКЛОРУ

Корнас Кристина Ігорівна,
студентка I курсу будівельного інституту

Чернишова Лариса Іванівна,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри прикладної лінгвістики та етнології
Донбаська національна академія будівництва і архітектури

Фольклор є невичерпним джерелом пізнання історії рідного народу, скарбницею його духовності, національного характеру і світогляду, важливим засобом народної педагогіки, комплексного впливу на покоління нащадків.

У поєднанні з етнографічними, календарно-обрядовими традиціями, звичаями фольклорні твори відображають самотню систему духовності і практично-дійового досвіду народного життя. У фольклорі сконцентровано оригінальне світовідчуття і світорозуміння українського народу, його національний спосіб мислення. У казках, піснях, думах, баладах, прислів'ях, приказках та інших жанрах фольклору художньо відображено зразки, еталони національних духовних цінностей, самотність української психології, які майже неможливо піддати математичним вимірам, статистичній обробці.

Необхідно зазначити, що розмаїта за формами і багата за змістом система фольклору відображає різні рівні духовності нашого суспільства. Уважний аналіз тематики, змісту його ідейної спрямованості свідчить, що фольклор концентрує в собі різні духовні пласти, які були притаманні тим чи іншим прошаркам українського суспільства: дружинникам і князям, селянам і ремісникам, чумакам, козакам і козацькій старшині, національній еліті і найнижчим верствам населення.

Підкреслимо, що найвищий статус у фольклорі займає пласт духовності, представники якого невтомно боролися з чужоземними загарбниками, відстоювали свободу народу, берегли рідну землю і захищали її від завойовників.

Український фольклор має чітко виражені дві великі групи творів. Першу групу творів становить календарний фольклор, який пов'язується з датами, віхами народного календаря, його обрядами, традиціями. До цієї групи фольклорних творів дослідники відносять колядки і щедрівки, веснянки, русальні, купальські і петрівочні пісні, обжинкові і жайинкові пісні, пастуші ладанки та інші.

Другу групу фольклорних творів становить позакалендарна творчість народу. Сюди відноситься родинно-обрядова і необрядова поезія. Перша з них пов'язана з колом людського життя від народження до смерті. До необрядової народної творчості належать казки, легенди, перекази, думи, історичні та ліричні пісні, балади, анекдоти тощо. До другої групи також входять малі фольклорні жанри: прислів'я, приказки, замовляння, небилиці, ситуативні пісні

та вірші, прозивалки, скоромовки, різні звуконаслідування та ін.

У колядках, щедрівках, віншуваннях народ зичить усім добрим людям насамперед міцного здоров'я, всіляких гараздів, успіхів у господарстві, трудовій діяльності. У цих фольклорних жанрах звеличується пан господар-трудівник, хлібороб, мудрий володар становища, оспівується злагода в сім'ї, утверджується добро, щастя.

Зміст багатьох колядок і щедрівок відображає високий духовний світ людини, зовнішню і внутрішню красу.

Веснянки і гаївки відзначаються великою розмаїтістю, глибокою любов'ю минулих поколінь нашого народу до життя, природи.

Оспівується дівоча краса, чарівність, щира любов, бажання бачити рідну місцевість уквітчану різним зелом, добрими справами.

Чільне місце у веснянках відводиться возвеличенню дівчини, її чистого кохання, зовнішньої і внутрішньої краси, цнотливості, інших чеснот. У цьому проявляється втілена у фольклорі народна мудрість, спрямована на возвеличення дівчини, майбутньої жінки, дружини і матері, як продовжувачки і хранительки людського роду. Веснянки і гаївки допомагають створити у свідомості молоді культ матері в родинному середовищі і в суспільстві в цілому. Такі зміст і спрямованість веснянок, гаївок позитивно впливають на виховання і дівчат, і хлопців.

У жниварських піснях оспівуються, як правило, щедрий урожай, невтомна праця, «женці молодії, серпи золотії». В зажинкових піснях прославляються працьовитість і загартованість людей у праці, високий добробут. Вникаючи в зміст жниварських пісень, співаючи і виконуючи пов'язані з ними обряди, люди повняться, збагачуються естетично, морально і духовно.

Важливою складовою українського фольклору є родинно-обрядова поезія. В ній народ ушлявлює кохання, яке веде до історичної місії кожної людини – створення сім'ї, продовження роду. У піснях оспівується велична в житті подія – народження дитини. Вона з любов'ю називається у фольклорних творах «ангелятко», «народженятко» та ін. Новонароджена дитина відразу стає в центрі родинного життя. Батьки, бабуся і дідусь співають дитині колискові пісні. За народною традицією, щороку відзначають день народження дитини як найбільше сімейне свято, на якому лунають задушевні пісні.

Дослідники зазначають, що найчисленнішим у фольклорі жанром є весільні пісні. Весільна пісня не існує сама по собі, поза обрядом. Вона живе в обряді, виявляє в ньому свій глибокий зміст, ідейну і моральну насаженість, чарівність. У весільних піснях втілено морально-етичні ідеали народу про створення нової сім'ї, відображено погляди на шлюб, взаємини між подружжям.

Так, у весільних піснях молодий і молода часто порівнюються з небесними світилами – сонцем, місяцем і зорею. Це символи ще дохристиянської доби, які вносять космічні мотиви в національну духовність.

Пісні співаються на таких етапах весілля, як сватання, заручини, запросини, вінкоплетіння, виготовлення гільця, розплітання коси, випікання

короваю, виряджання молодих до вінчання і зустріч їх після вінчання, покривання молодої тощо.

До весільних пісень належать ліричні, ліро-епічні пісні. Їм властиві морально-етична проблематика, ненав'язлива і корисна для молодих повчальність, що охоплює дуже широке коло родинних взаємостосунків, питань моралі. Чільне місце в весільній поезії займає мотив збереження честі молодої. Дівоча цнота цінується в народі дуже високо. Народний світогляд утверджує, що честь молодої – це честь матері, батька, родини, всього роду, це результат ступеня вихованості молодої, рівень її моралі, духовності.

У весільних піснях розкриваються здорова народна мораль, чисті надії на майбутнє, глибокі почуття та ідеали. У них іде мова про виховання майбутніх дітей, взаємини з батьками, взаємоповагу чоловіка і дружини та ін.

Багатою і розмаїтою усною народною творчістю є необрядова поезія. До цієї групи фольклорних жанрів належать історичні пісні, думи, легенди, перекази, казки, балади, прислів'я тощо.

Значний виховний потенціал втілюють у собі балади – специфічні формою вірші на історичні, легендарні, родинно-побутові теми. Народна баладна творчість сприяє пізнанню молоддю добра і зла, правди і кривди, краси і потворності як у минулому, так і в сучасному.

Зміст балад спрямований на відстоювання гідності людини, права кожного на повноцінне життя і глибоке щастя. В баладах діють сильні характери, які із запалом відстоюють гідність, справедливість, честь і часто гинуть у нерівній життєвій боротьбі.

Значний пізнавальний і виховний потенціал мають балади на сімейно-побутові теми.

У баладах засуджується гіпертрофована жадоба збагачення, яка принижує родинні цінності, моральні чесноти. Згідно з народною мораллю, яка втілена в змісті балад, великим злочином є принижувати гідність рідних, робити їм шкоду в ім'я своєкорисливості. У народній моралі родинні цінності мають найвищий статус, бо від цього залежить збереження роду, народу, нації, міцність держави. Народ часто порівнює такі поняття, як нація, держава, з поняттям родина, підкреслюючи цим самим необхідність ставитися до загальнонаціональних, загальнодержавних справ як до родинних.

Для сучасної молоді є повчальними драматичні колізії між чоловіком і жінкою, невісткою і свекрухою, братом і сестрою, батьками і дітьми, братовою і зовицею, мачухою і сиротами, як це має місце і в сучасному родинному житті. Наводяться випадки жорстоких дій, вчинків окремих людей – отруєння, утоплення, убивство, егоїстичні і підступні знущання над особистістю. Тут відображаються гостра емоційна реакція, внутрішній протест проти злочинів, висловлюється уболювання за людей, які стали жертвами, утверджується милосердя до слабих і незахищених, потерпілих і страждених.

Як особливо жорстокі і нечувані, народ трактує моральні злочини супроти рідних, за які винуватця чекає всенародна зневага, прокляття батьків і вигнання з дому, рідного краю.

Казки як епічні оповідання соціально-побутового, чарівно-фантастичного і алегоричного характеру, відображають багатогранність життя. Народна мудрість адаптувала зміст казок для сприймання дітьми. Казки мають своєрідну систему різноманітних художніх засобів, підпорядкованих, з одного боку, героїзації позитивного, звеличення добрих справ і бажань, а з другого, вони підсилюють сатиричне викриття негативних персонажів, явищ життя. У казках часто у гротескному плані зображені негаразди, ганебні явища побуту. У дітей, читачів і слухачів формується відраза до таких явищ, бажання втілювати в життя ідеали добра, правди, справедливості. В емоційному, дохідливому ключі казки дають дітям необхідну інформацію про звірів і рослин, про домашніх тварин, природу людей, стосунки між ними. Казки акумулюють у собі величезний морально-духовний потенціал, національні цінності. За допомогою казок складається гарна основа для виховання в дітях таких рис, як доброта, щедрість, чуйність, хоробрість, милосердя тощо. Казки допомагають також пробудити в серці і душі дитини відразу до таких вад, як лінощі, хитрість, боягузтво, нахабство, користоловність, несправедливість та ін.

Важлива роль у вихованні належить героїчним казкам, де прославляються подвиги в ім'я рідного народу. У таких творах утверджуються фізична і духовна сила, звитяга, стійка воля та інші високі лицарські якості наших предків.

В пізнавальному відношенні для дітей дуже корисними є відомості, що казки як «золоті зерна» фольклору, збирали М. Драгоманов, М. Гнатюк, І. Рудченко, І. Манжура, І. Франко та інші відомі вчені, зокрема українознавці.

Важливим пластом рідної культури, народної мудрості, її виховного потенціалу є прислів'я і приказки. Ці відточені висловлювання є школою народного життя, національного способу мислення. Як підкреслював І. Огієнко, прислів'я і приказки є важливою складовою української етнософії. Прислів'я і приказки є дуже цікавим і своєрідним фольклорним жанром.

Розрізняють прислів'я і приказки про рослин і тварин, родинне і громадське життя, про дружбу-товаришування, навчання, любов, пори року та ін. У прислів'ях і приказках часто сконденсована важлива думка, яка нерідко передається в символічній формі. Фольклорні жанри передають національний спосіб мислення, сприймання дійсності. Про це яскраво свідчать, наприклад, українські загадки. Їм часто властива точність вираження думки, метафоричність її формулювання. Загадки відображають кмітливість і дотепність народного мислення, незвичайні повороти думки. Коли діти систематично, упродовж тривалого часу відгадують загадки про рослин і тварин, життя людей, природні явища, вони глибше пізнають скарбницю народної мудрості.

В українській національній системі виховання чільне місце відводиться відгадуванню загадок, що є одним із критеріїв розвитку дітей. Загадки розвивають інтуїцію, передбачливість, кмітливість та інші якості особистості.

У жанрах фольклору, у всій розмаїтості його змісту відображено українську ментальність, багатогранний і самобутній світ українців. У

фольклорних творах ми глибше пізнаємо самі себе, свою національну психологію.

Література

1. Куценко Н. Я., Походжай Н. Я. Свято матері / Н. Я. Куценко, Н. Я. Походжай. – Тернопіль : Навчальна книга-Богдан, 2002. – 64 с.
2. Пащенко Д. И. Генезис гуманістичних ідей у педагогіці / Д. И. Пащенко. – К. : Науковий світ, 2001. – 174 с.
3. Руденко Ю. Основни сучасного українського виховання / Ю. Руденко. – К. : Вид-во ім. Олени Теліги, 2003. – 328 с.

ДОТЕПНІСТЬ ОДНОГО Й МУДРІСТЬ БАГАТЬОХ (НА МАТЕРІАЛІ АНГЛІЙСЬКИХ ПРИСЛІВ'ІВ І ПРИКАЗОК)

Лашко Катерина Юріївна,
студентка I курсу будівельного інституту

Чернишова Лариса Іванівна,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри прикладної лінгвістики та етнології
Донбаська національна академія будівництва і архітектури

Добрий вислів завжди вчасний» – твердить англійське прислів'я. Такої думки дотримуються ті, хто у вивченні світової культури звертається до фольклорних жанрів, зокрема до прислів'їв та приказок. Історики, стежачи за розвитком паремістичного фонду (так називають весь комплекс прислів'їв та приказок якоїсь мови), реєструють важливі зміни у традиціях та звичаях, у матеріальній та духовній культурі народу. Етнографи та фольклористи часом пробують визначити зв'язок між змістом прислів'їв та національним характером. Психологи досліджують у процесі творення прислів'їв впевні риси людського мислення. Лінгвісти, вивчаючи прислів'я та приказки, звертають особливу увагу на їх мовний склад та принципи будови. Літературознавці розглядають у них своєрідну природу метафор та символів, визначають функції цієї квінтесенції народної мудрості й фантазії в контексті літературних епох. «Прислів'я втілюють плин часу, і той, хто хоче чинити добре, може побачити себе в них, як у дзеркалі», – свідчив упорядник однієї з давніх – 1707 року – збірок англійських прислів'їв Джон Мейплтофт. Ще в ранній спробі наукового дослідження англійських прислів'їв, як бачимо, відзначено історизм їхньої еволюції, їхній зв'язок з реальним життям. Ґрунтовним доказом на користь таких спостережень Мейплтофта можуть бути самі фольклорні ідеї: «Приказка правду каже» або «Прислів'я – дитя досвіду». Процес морального виховання – свідомий чи інтуїтивний – спирається й на фольклорні максими. Народжене в свідомості однієї людини афористичне узагальнення морального й соціального

сенсу конкретної життєвої ситуації тільки тоді ставало прислів'ям, коли набувало значення «мудрості багатьох», коли роки, а часом і століття відбирали до фольклорної скарбниці лаконічні й виразні настанови, з яких складається моральний ідеал народу.

Сервантес назвав прислів'я «короткими висловами, що породжені довгим досвідом». Декотрі з найдавніших англійських паремій і справді ведуть своє походження від тих сталих порівнянь і образних моральних порад, які дійшли до нас з архаїчних часів у англосаксонському «Беовульфi» чи в «Мові Високого» із скандинавської «Старшої Едди». Середньовічний епос як універсальна картина світу в час, коли наукового пізнання його ще не існувало, поєднував розповідь про казкові пригоди та героїчні подвиги з описами цілком реальних ситуацій, і саме в цих останніх його творці широко вживали афоризми життєвої мудрості того суворого часу. Повчальні сентенції дослідники знаходять ще в ранніх англійських манускриптах VIII століття. Яскрава палітра народних прислів'їв представлена в творах основоположника англійської національної літератури Джеффри Чосера. Цікаво, що серед прислів'їв, які використовує Чосер, є чимало з соціально-критичним підтекстом – «Ті, хто створюють закони, не повинні їх порушувати».

Поворотним моментом в історії англійської культури було виникнення книгодрукування, пов'язане з діяльністю Вільяма Кекстона (1422–1491). Розпочинається новий етап і в історії вживання паремій. Англія доби Відродження вважає прислів'я окрасою стилю. Поети й драматурги від Крістофера Марло до Шекспіра з допомогою фольклорних афоризмів втілювали найвишуканіші філософські думки, а іноді дошкульні дотепи. Наприкінці XVII століття кастова мораль та естетика придворного класицизму марно намагалися принизити значення цього виразного літературного прийому, відводячи йому місце тільки в створенні так званого «вульгарного тла». Гуманістична ж англійська літературна традиція – від просвітників до сучасних реалістів – завжди зверталася до перлин народного досвіду з пошаною й захопленням.

В збірках, де прислів'я та приказки існують поза конкретною ситуацією, вони, хоч і вражають гармонією звучання, стрункістю логічної організації думки, все ж іноді виглядають трохи «академічними» істинами. В реальному житті та в літературному тексті зміст прислів'я зумовлений ситуацією, і саме там звична здавна приказка виявляє свою багатозначність, виразність і, зрештою, життєвість.

Знання процесу творення прислів'їв та приказок допомагає глибше зрозуміти різні аспекти матеріальної та духовної культури народу. Досить було сучасному англійцеві вилучити з ужитку такий предмет, як спеціальні рукавиці для підрізування живоплоту, і разом з цим відійшов до мовного пасиву вислів «Такий, що й рукавицею гідко доторкнутись». Замінив його вислів «Такий, що й жердиною гідко доторкнутись» – мається на увазі жердина, якою відштовхували барки, що колись неквапом пливли рівнинними англійськими річками та каналами. Зрозуміло, що для сучасної Англії ця реалія – також

анахронізм і, можливо, вона теж колись поступиться в цьому прислів'ї якомусь іншому образу. Процес творення фольклору безперервний. У стрімкому темпі ХХ століття механізм цього культурного явища принципово не змінився. Прислів'я має бути змістовним, лаконічним, контекстуально гнучким, має узагальнювати ситуацію, давати моральну пораду, поступово набираючи метафоричності. Репліку чергового на вокзальному пероні чи в метро, зауваження полісмена, що регулює рух на гомінкому перехресті: «Watch your step!» (дослівн. «Дивись, куди йдеш!») – сприймають буквально. Та все частіше тепер цей вираз вживається в переносному значенні – як моральна пересторога. Можливо, ми є свідками народження новітньої паремії, типової для наших днів.

В розвитку англійської демократичної культури особливу цінність мають максими, які визначають позитивні риси людського буття, складають життєвий ідеал простого англійця. Народ Британії за свою довгу історію пережив чимало воєн і тому, як і всі інші народи світу, понад усе прагне миру. В часи виснажливої Столітньої війни (1337–1453) чи в жорстоких сутичках між Ланкастерами та Йорками (1455–1485) народ, що став жертвою кривавого феодального розбрату, виголосив: «Хто проповідує війну, той чортів капелан». Народній моралі чужі загарбницькі інстинкти: «Краще з'їсти яйце в мирі, ніж вола у сварці». Фольклорна мудрість справедливо застерігає тих, хто забуває про права інших. Жити в мирі, працювати на своїй землі для щастя людей допомагає дружба. «Що один, що й нікого» – каже прислів'я. Але треба вміти вибирати друзів, і характерна для паремій контрастна побудова унаочнює цю діалектику буття: «Хто друг усім – той нікому не друг». Аналогічне за структурою прислів'я – «Той ніколи не матиме справжніх друзів, хто боїться мати ворогів» – доповнює моральну теорію новим підтекстом. Перевіряє ж теорію життя: «Друга не спізнаєш, поки в скруті не побуваєш» – одне з найпопулярніших в Англії прислів'їв.

Людина понад усе цінує свободу: «Краще їсти боби на волі, ніж ласощі у в'язниці». Простий англієць завжди вмів поставити на місце тих, хто надто чваниться своєю вищністю; мудрим радником була в таких випадках і природа («Кожен дуб жолудем був»), і історія («Не всі Стюарти рідня королям»). Дух вольності бринить у гордих словах «Кров у кожного давня»; в них – віра у споконвічність народу, в силу волелюбних традицій.

Моральні ідеали, відображені у фольклорних афоризмах, мають велике значення у формуванні характерних соціально-історичних типів і в реальному житті, і в культурному мисленні народу. В тісному зв'язку з ними розвивається образ позитивного героя в демократичній, гуманістичній традиції англійської літератури. В цьому розумінні зібрання англійських прислів'їв та приказок – своєрідний ключ для правильного сприйняття кращих надбань англійської культури. За народними принципами, «Чеснота сама як маєток», і цінувати в людині варто душевну щедрість та доброту: «Добрий той язик, що не каже лихого, й добре те серце, що не думає такого». Однак треба вміти захищати добро: «Лихого шкодуєш – доброму шкодиш». В останньому афоризмі відбиваються й такі характерні риси народної психології, як прагнення дії,

активності. Мабуть, ще за часів Робіна Гуда, славетного оборонця бідняків, народився вислів «Доброго лучника не по стрілі пізнають, а по цілі». Дія – найвищий критерій оцінки людського життя: «Життя в тому, щоб іти вперед», «Найкоротша відповідь – вчинок», «Добрі вчинки – краще, ніж добрі наміри». Прислів'я не просто моралізує: його виховне значення нерідко залежить і від перчинки критики, відвертої іронії в ньому: «Одне – словами пишатися, інше – в бою змагатися».

Прислів'я відображають головні сфери діяльності та інтересів англійського трудящого люду. Їхніми творцями були будівничі («Який тесля, такі й стружки»), хлібороби («У старого вола рівна борозна»), рибалки («Риби в морі на кожного вистачить»). Об'єднує ці «професійні» афоризми одна думка: «Що варто робити, варто добре робити». Дістається в англійському фольклорі ледарям: «Ледачий вівці й власна вовна важка». Ознакою ж досконалості є для майстра набутий у праці досвід: «Унція практики варта фунта приписів», «Найкраще річку знає той, хто перейшов її вброд». І силу думки англієць вимірює реалізацією задуманого. «Досвід – дитя думки, думка – дитя дії» – прекрасна настанова у вічному процесі пізнання світу.

Джерелом творення прислів'їв може виступати повсякденність у її найбільш прозаїчному вбранні. Забарвлені іскорками іронії буденні спостереження – «Нова мітла чисто мете», «У багатьох кухарів суп зіпсований». Невичерпним джерелом натхнення в англійському фольклорі лишається природа – поетична, мальовнича та примхлива. Спостереження над нею ставали у пригоді хліборобам та мореплавцям: «Березнева трава не на добро», «Який квітень та май, такий буде й урожай», «У квітні така погода, що раз сонце, раз негода»... Англієць – природжені корабели й моряки, тому не дивно, що море фігурує у безлічі англійських паремій: «Загубився як крапля води в морі» – кажуть про непомітного. «Великому кораблеві – глибоку воду» – так оцінюють заслуги видатної особи. «Кожен приплив має свій відплив» – потішають людину в горі. «Не оцінюй корабель з берега» – застерігають необачного. «Втратив корабель, та зберіг на гріш смоли» – сміються із скупого. Народне слово служить і зброєю в боротьбі з моральним та соціальним злом.

Різко формулюють англійські прислів'я гіркі істини світу гноблення: «Тяжко робить – голий ходить», «Сила підмінює правду», «Повному гаманцеві друзів не бракує», «Що більший негідник, то дужче таланить». Для сміливого слова немає непорушних авторитетів – ні королівських («Не покладайся на вдячність королів»), ні аристократичних («Поки сир до короля донесуть, половину самі розберуть»), ні клерикальних («Не кожен чернець, хто під клобуком ходить»). Народна мораль, по своїй суті доброзичлива й терпима до людських слабостей, стає суворою, коли йдеться про запобігання перед «сильними»: «Той, хто всім догоджав, ще й не родившись, дуба дав».

Прислів'я як дзеркало історії відбивають життя і хатин, і палаців, і будинків поважних буржуа. Ці останні лишили в англійському фольклорі своєрідний пам'ятник «традиційній англійській обачливості»: це й знамените «Не турбуй турботи, поки турбота тебе не турбує», і аксіома буржуазної

поміркованості – «Не все роби, що можеш; не все витрачай, що маєш; не всьому вір, що чуєш; не все кажи, що знаєш». А втім, яким викликом міщанській обмеженості й боягузству звучать прислів'я, народжені в інших соціальних умовах: «Як стрибаєш – подивись, як стрибнеш – не оглядайся», «Або коня виграти, або й сідло програти», «Краще вродися щасливим, аніж багатим».

І в житті, і в мистецтві цінує англійський народ відвертість: «Що з серця вийшло, до серця й доходить». А найбільше шанує правду, якою б суворою вона не була. «Половина правди – часто ціла брехня», – слушно каже народ. Максималізм народної моралі протистоїть тим макіавеллівським перекрученням, що їх зазнає ця істина в потоці буржуазної дійсності. Хтось правдиво сказав: «У справедливості свинцеві ноги, але й руки свинцеві». В цьому прислів'ї – вимушене визнання того, що соціальна справедливість нелегко торує собі шлях, але й незламна віра в те, що справедливий суд над злом неодмінно відбудеться. Звідси й інші закони народного життя й народної боротьби: «Мале до малого, то й буде велике», «Слабкі, об'єднавшись, стають сильними».

Для впливовості моральних істин та соціальних ідей, виражених у прислів'ях та приказках, багато важить їхня форма. Витворені індивідуальною фантазією паремії, шліфуючись багатовіковим вжитком, набувають художньої довершеності. Найчастіше в англійських прислів'ях контрастують зміст і художній образ, а весь вислів лишається ритмічно гармонійним: «Кожне біле має свою чорноту, кожне солодке свою гіркоту». Використовує фольклорна традиція виразні можливості гіпербол. «Не конче кішку в сметані топити» – зауважують нерозсудливому; «У нього всі гуси – лебеді» – кажуть про брехуна; «Вірить, що Місяць із зеленого сиру» – характеризують довірливого простака. Символи, які вживаються в прислів'ях, як правило, конкретні й прозорі: «Носити своє серце на рукаві» (тобто всім напоказ) – означає бути занадто довірливим. Властива англійській мові схильність до метафоричності позначається і в процесі розвитку паремій. Внаслідок цього приказкові звороти «зелений, як трава» чи «червоний, як буряк» рідко стосуються кольору предмета, а в порівнянні «холодний, мов огірок» ідеться не про погоду, а про чийсь особисту вдачу. Залюбки вдаються творці англійського фольклору до гумористичних парадоксів: наприклад, у вічному інтелектуальному змаганні слабкої та сильної статей тут вживаються такі аргументи:

Він: «Холодний пудинг покаже, яке твоє кохання». Вона: «Жіноча рада мало чого варта, але дурень той, хто нею не скористається».

Переклад паремій – справа, в якій, як ніколи, недопустимі автоматизм і буквалізм, де творча фантазія й наукова точність, знання історії, етнографії та тонке відчуття мови оригіналу й перекладу мають органічно доповнювати одне одного.

Отже, загальний огляд зразків англійських прислів'їв та приказок розкриває перед читачем невичерпні можливості фольклору і викликає пошану до англійської народної культури.

Література

1. Мовчун А. Мовні скарби : Вивчення прислів'їв і приказок у школі : Навч.-метод. посібник. / А. Мовчун. – К. : Либідь, 2000. – 184 с.
2. Чаша мудрости : афоризмы, изречения, высказывания отечественных и зарубежных авторов / Композиция В. Воронцова. – М. : Дет. лит, 1978. – 511 с.
3. Англійські прислів'я та приказки : Збірник / Перекл. з англ. Р. І. Доценко. – Серія «Мудрість народна». – № 27. – К. : Дніпро, 1986. – 174 с.

КНИГИ – СПУТНИКИ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Уварова Александра Михайловна,
студентка 1 курса института городского хозяйства
и охраны окружающей среды

Назар Роман Николаевич,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

Першина Галина Яковлевна,
учитель русского языка и литературы
Макеевская общеобразовательная школа № 32

«С книгами у нас обстоит дело так же, как и с людьми. Хотя мы со многими знакомимся, но лишь некоторых избираем себе в друзья, в сердечные спутники жизни» (Людвиг Фейербах).

Словесность – средство формирования ментальности человека. Принадлежность человека к той или иной культуре во многом определяется языком его мышления. Известно, что в Российской империи дворяне обучались говорить и думать на нескольких языках, таким образом создавалась возможность для них понимать не только культуру родного края, но и европейских стран, а также представителей их культур. И наоборот, для лучшего понимания русской культуры необходимо владеть русским языком на достаточном уровне. Даже для носителей языка изучение его правил и тонкостей необходимо для лучшего понимания красоты литературной речи, а также возможных подтекстов и скрытых смыслов сказанного или написанного в книгах. Также хорошее знание языка влияет на подсознательное понимание невербальных средств общения народа.

Существует ряд причин, почему нам нужно изучать русскую словесность.

Русская словесность связана со всеми областями науки. Деление науки на различные отрасли создано человеком искусственно для удобства изучения окружающего мира, поскольку объем знаний, накопленных человечеством,

превышает количество информации, которое способен обработать мозг одного человека. Однако в природе невозможно представить, к примеру, химические реакции без протекания физических процессов в атомах реагирующих элементов. Так же и язык, средство общения людей, неотделим от научной деятельности в целом. Кроме того, если деятельность, направленная больше на практическую пользу, чем на фундаментальное изучение науки, может обойтись без некоторых специальных научных разделов (например, программист может работать без понимания процесса фотосинтеза, а психолог – быть хорошим специалистом, не разбираясь в астрофизике), то область деятельности, не требующая знания и понимания языка, едва ли представима как в нынешнем мире, так и в прогнозируемом будущем.

Язык является средством связи поколений. Одно из основных отличий человека от прочих представителей царства животных – способность накапливать информацию, передавая ее из поколения в поколение. Таким образом, нет необходимости каждому человеку приступать к изучению явления с нуля, что дает возможность собрать гораздо больше знаний, чем позволяет длительность жизни одного человека. До появления письменности средством передачи информации служило устное народное творчество, позже – книги, ставшие средством связи не только между поколениями, но и между различными сословиями, обеспечивая единство народа. Также посредством языка на протяжении многих поколений формируется характер народа [1].

Язык помогает человеку структурировать мышление. Обучаясь словесности, ребёнок учится использовать для мышления не только образы, но и слова. Это позволяет создать до определённой степени общую систему мышления людей, что способствует лучшему пониманию друг друга. Подобная чёткость в построении мыслей необходима также для успешной деятельности человека как часть общечеловеческой системы.

Язык необходим для понимания людей. Словесность необходима не только деятелям науки, но и простому человеку в его повседневной жизни. Речь помогает нам выражать свои мысли и чувства максимально точно. В современной жизни, наполненной огромным количеством деталей, необходимо уметь объяснить окружающим свои потребности или идеи. Мы взаимодействуем с продавцами в магазинах, водителями транспорта, врачами и т.д., что было бы невозможно без наличия такого инструмента как речь.

Словесность позволяет обратиться к культурным истокам. Любой язык хранит культурный код народа. Изучая происхождения слов, человек осознаёт связь с предыдущими поколениями, понимает причины возникновения имён и названий. Таким образом, человек, изучающий русскую словесность, видит вектор развития народа, что помогает выбрать правильное направление личностного развития и достичь единства народа.

Русская словесность – инструмент воспитания патриотизма в подрастающем поколении. Вся русская литература пронизана идеями патриотизма и любви к Родине: от былин, созданных народом до творчества именитых писателей, ставших классиками литературы. Кроме того,

эмоциональная окраска слов в языке создает определённый настрой и отношение к таким понятиям, как воин-защитник, родная земля, отечество. Таким образом, сама структура русской словесности создаёт благоприятные условия для воспитания в человеке духа патриотизма [3].

Образованный человек – это человек читающий, знающий языки и умеющий общаться.

Трудно переоценить роль чтения в современном мире. Ежедневно мы читаем вывески и афиши, новости, рекламу. Чаще всего это происходит непроизвольно, вряд ли кто-то станет задумываться, читать ли ему попавшуюся на глаза табличку, мозг обработает информацию автоматически, и человек сразу же осознает написанную информацию. Таким образом, умение читать воспринимается сейчас как одна из естественных возможностей здорового человека, а возможность чтения является одним из основных источников информации [2]. По сути, чтение является искусственным чувством человека, не дающимся ему от рождения, но играющим в его жизни роль не меньшую, чем зрение или слух.

С такой точки зрения кажется совершенно естественным, что люди научились использовать этот относительно новый способ восприятия мира не только для получения практической выгоды, но и для удовольствия. Как ценители наслаждаются вкусом и ароматом вина либо слаженными движениями танцоров, так и читатель получает истинное удовольствие от хорошей книги. С развитием науки чтение книг перестало быть привилегией высших сословий. Сейчас практически каждый может выбрать подходящую книгу, купив её в книжном магазине, взяв в библиотеке или скачав в интернете электронную версию. Многие и сами пробуют свои силы в свободное время, создавая в сети новые рассказы, повести или даже романы. Относительно комфортные условия жизни в современном мире подарили нам огромное разнообразие литературы всех возможных видов и жанров.

Однако у изобилия, как и у всего в этом мире, есть обратная сторона. Если научная и специальная литература чётко структурирована, то разобраться в океане литературы художественной не так-то просто. Даже если человек решит ограничиться исключительно русской литературой, многообразие книг может сбить с толку неподготовленного читателя. Именно поэтому очень важно, как можно раньше научить ребёнка оценивать попавшую ему в руки книгу и выбирать, стоит ли тратить время на её прочтение и осмысление.

В наш век информации важнее всего уметь выбрать хорошую книгу, отличить качественную литературу от пустышки, скрывающей за яркой обложкой бедную речь или глупейшие смысловые ошибки. Книги-однодневки могут не только не нести в себе никакой пользы, но и быть опасны для юного неокрепшего разума, если не научить его критическому восприятию и не дать ориентиров в океане литературы, где ему придётся пролагать курс уже самостоятельно. Такими ориентирами являются для нас книги русских классиков. Разумеется, невозможно одинаково любить их все, ведь русская литература вобрала в себя все возможные жанры и виды литературы. На

занятиях по русской словесности – человек получает возможность осознанного выбора. Каждый, в зависимости от характера, сможет найти в русской литературе то, что доставит радость и принесёт пользу именно ему. Кто-то может не соглашаться с суждениями Толстого или Достоевского, но знакомый с их книгами человек уже не предпочтёт глупую или бессмысленную литературу, он будет искать книги того же уровня.

Разумеется, речь не идёт о полном отказе от всего, что не соответствует высоким требованиям настоящей Литературы. Во время болезни или после насыщенного событиями дня бывает приятно почитать книгу, не отягощённую глубокой смысловой нагрузкой. Надо лишь понимать, что эти книги – как «одноразовые чайные пакетики», их следует использовать и убрать, не тратя на них время и усилия.

Кроме того, по-настоящему стоящие книги, которые можно перечитывать в течение всей жизни, крайне редки. Зачастую, чтобы найти те, что будут сопровождать тебя на жизненном пути, требуется перечитать очень много литературы. Это в чём-то похоже на работу золотоискателя, тщательно просеивающего песок в поисках крупинки драгоценного металла. К большинству прочитанных книг человек не возвращается больше никогда в своей жизни, и всё же важно, чтобы даже такие книги были выбраны разумно и принесли хоть немного пользы прочитавшему их. Определять, какие из книг можно прочесть один раз, а к каким следует вернуться впоследствии, также учит русская словесность.

Литература

1. История русской риторики : [Электронный ресурс]. URL : <http://www.centri-zlatoust.ru/index.php?id=661&name=biblioteka>. (Дата обращения: 08.11.2015).
2. Книга – спутник жизни : [Электронный ресурс]. URL : <http://e-searching.net/2646-kniga-sputnik-zhizni.html>. (Дата обращения: 08.11.2015).
3. Русская словесность : [Электронный ресурс]. URL : <http://ru.convdocs.org/docs/index-239378.html>. (Дата обращения: 08.11.2015).
4. Эрудиция. Российская электронная библиотека : [Электронный ресурс]. URL : http://www.erudition.ru/ref/id.47236_1.html. (Дата обращения: 08.11.2015).

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОД ФРАНЦУЗСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ БЛЮД

Фефелова Виктория Валентиновна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры романо-германской филологии
Горловский институт иностранных языков

Лингвокультурология является одной из активно развивающихся отраслей лингвистики и многие проблемы этой области знания вызывают дискуссии. Например, проблема выявления и классификации языковых и речевых единиц, содержащих культурологическую информацию. Активная разработка этой проблематики обусловлена бурным развитием интеграционных процессов в современном мире. Сближение культур протекает в плане взаимного обогащения при сохранении их содержательного колорита, ценности и своеобразия. Эта гуманистическая тенденция вызывает необходимость углубления межкультурного взаимопонимания путём освоения «духа» других культур.

Содержание понятия «культура» соотносится со всей суммой социально-значимых материальных и духовных ценностей человечества. Человеческие поступки совершаются согласно правилам выбранным определённой социальной средой. Эти правила, как культурно-значимая информация, хранятся и передаются с помощью различных семиотических систем, включая естественный язык человека.

Культурная информация фиксируется и передаётся не только с помощью знаков языка; для её хранения и передачи человек в различные эпохи изобрёл и другие семиотические системы. Например, для передачи культурной информации многие цивилизации широко использовали всевозможные виды искусства: пение, танец, скульптуру, живопись.

Информация о национальной культуре материализуется в речевом поведении. Происходит это в случае, когда определённые элементы поведения становятся ритуальными и образуют систему речевого этикета. Поведенческий символизм делится на вербальный и невербальный. Невербальный символизм выражается в жестах, поступках, мимике, благодаря чему человек определяет своё положение в социуме. Вербальный символизм выражается в формулах языка. Языковые единицы аккумулируют культурно-историческое наследие, их можно рассматривать как стереотипы конкретного этноса, которые и формируют ассоциативно-общепринятый образ страны, народа в глазах других этносов.

Понятие национальной культуры включает максимально широкий круг языковых явлений. Эта точка зрения восходит к идеям В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка и о воплощении в языке «духа народа» [2, с. 137]. Суть теории немецкого лингвиста сводится к тому, что «духовное присвоение действительности» происходит под воздействием родного языка, поскольку

человек мыслит о мире в выражениях этого языка, пользуясь его концептуальной системой. Значит разные языковые сообщества, пользуясь разными инструментами, формируют разные картины мира, что и является основанием национальных культур.

Именно благодаря единицам языковой системы культурная информация получает способность быть зафиксированной и переданной. Лингвистические знаки, объединяющие в себе языковое значение и культурный смысл В. В. Воробьёв [1, с. 15] называет «культуремами». В языковой системе культурема выступает как фразеологизм или как отдельное слово. Например, *fondue* является культуремой французского языка и обозначает блюдо из нескольких сортов сыра, расплавленных на водяной бане с добавлением белого вина, в которое обмакивают кусочки хлеба (блюдо альпийской кухни). Французская кухня богата кулинарными рецептами, которые стали интернациональными, например, *bouillabesse* суп из разных сортов рыбы с добавлением шафрана, чеснока и оливкового масла (блюдо характерное для средиземноморского побережья Франции). *Cassoulet* – рагу, приготовленное из разных видов мяса, копчёностей, печёночного паштета, с белой фасолью. История возникновения этого блюда связана с осадой города Тура в средние века. Люди, для того чтобы выжить, принесли все оставшиеся продукты на центральную площадь города и сварили всё в одном котле. Перечисленные культуремы несут информацию о культуре, традициях и истории французского народа и государства. Названия национальных блюд являются культуремами, поскольку в сигнификате лингвистического знака заложена культурно-значимая информация, отражающая языковую картину мира французского социума.

Традиционные, «исторически насыщенные» наименования французских кулинарных блюд сохраняют самобытность и чистоту французского языка и повышают выразительность национального словаря. Названия традиционных французских блюд следует анализировать на фоне культурной эволюции языка. Подобные слова-культуремы содержат информацию не только о гастрономических привычках, но и о быте, о территориально-климатических условиях жизни французов.

Названия традиционных национальных блюд носителями языка воспринимаются не только на осознанном, но и на подсознательном уровне, как национально-культурный идентификатор. Лингвокультурный код, представленный названиями национальных блюд, важен для изучения русскоязычными учащимися для адекватного общения с носителями французского языка.

Литература

1. Воробьёв В. В. Лингвокультурологическая парадигма личности : Монография / В. В. Воробьев. – М. : РУДН, 1996. – 170 с.
2. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию : Пер. с нем. / В. фон Гумбольдт / Общ. ред. Г. В. Рамишвили ; Послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. – М. : ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.

РОЛЬ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕЛОВЕКА

Чичигин Михаил Владимирович,
студент III курса строительного института

Новикова Юлия Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

Воспитание личности, обладающей высокой нравственной культурой, является одной из важнейших педагогических проблем. Решение этой проблемы в условиях образовательного процесса в вузе может быть найдено, если в основу формирования личности современного студента поставить духовные ценности традиционной и современной народной культуры.

Преподаватели секции языковой подготовки и межкультурной коммуникации ДонНАСА работают над сложной образовательной задачей – разработкой современных систем обучения и воспитания, формирующих нравственную личность. Реализовать эту задачу даёт возможность активная работа со студентами на базе этнографических музеев секции – *«Светлица»* и *«Донбасс многонациональный»*.

Этнографические музеи – это прежде всего память, выраженная в предметах, своеобразный храм культуры. Являясь научно-исследовательскими и просветительскими центрами культуры, музеи собирают, изучают и сохраняют историко-культурное наследие, содействуют повышению культурно-образовательного уровня студенческой молодёжи, распространению знаний о человеке и его памяти, служат духовному развитию общества.

Музейные экспонаты имеют уникальную возможность воздействовать на интеллектуальные, волевые и эмоциональные сферы личности одновременно, а каждая экспозиция представляет собой программу передачи знаний, навыков, суждений, оценок и чувств.

В «Светлице» за 17-летний период существования собраны разнообразные украинские национальные произведения искусства: писанки, посуда, украинская одежда, изделия из глины, дерева и стекла, полотенца и иконы. На стенах музея студентами-архитекторами ДонНАСА нарисована украинская печь и картина, на которой изображен предсвадебный обряд – сватанье.

Экспозиции этнографического музея напоминают о талантливости наших предков, о красоте украинских обычаев и традиций. Важно то, что здесь представлены не только старинные изделия. Украшают выставку и произведения современных художников, благодаря чему можно проследить преемственность в традициях гончарства, вышивки, резьбы, декоративной

росписи, гутничества и т.п. Многие экспонаты созданы студентами собственноручно.

Чрезвычайно колоритной является коллекция рушников. Студентов, которые посещают «Светлицу», впечатляют рассказы преподавателей о нелегкой судьбе одной из полтавских народных мастериц, Екатерины Петровны Жаботинской, рушник которой и начал историю музея. На рушниках Екатерины Петровны преобладают сдержанные нежные цвета. Создается впечатление, что всю свою нелёгкую судьбу мастерица изобразила на полотне.

Экспонируется в «Светлице» и различная украинская народная одежда: сорочки, как мужские, так и женские, вышитые на вороте, манжетах и рукавах, плахта, пояс, кожух. Вышивка на сорочке выполняет не только эстетическую, но и защитную функцию, что связано с христианской верой в бессмертие души.

Отдельные экспозиции составляют изделия из дерева, лозы, кожи, коры дерева, железа, стекла, резные деревянные шкатулки, куклы-мотанки, портреты, книги, декоративные тарелки с петриковской росписью, картины талантливого народного украинского художника с Полтавщины М. А. Онацько, которые являются настолько колоритными, что по ним мы изучаем быт, традиции, обычаи украинского народа.

Работы народных мастеров из глины рассказывают о повседневном быте крестьянских семей, ярко демонстрируют реальные и фантастические мировоззренческие представления украинцев.

На базе этнографического музея «Светлица» студенты-участники научных конференций, конкурсов, факультативов и кружков проводят собственные научные исследования. Афоризмы наших студентов вошли в книгу «Нетленный голос поколений», в которой язык как весомая составляющая национальной культуры отображает менталитет нашего народа. В рамках работы центра издаётся газета «Светлица».

На протяжении всего времени функционирования этнографический музей посетили высокие должностные лица и гости из разных стран мира – из России, Швеции, Польши, Палестины, Камеруна, Нигерии, Ирака и др.

С 2014 года организован и функционирует этнографический музей «Донбасс многонациональный».

На территории современной Донетчины проживают представители 133 этнических групп. Основную часть населения составляют русские, украинцы, греки, белорусы, татары, армяне, евреи, азербайджанцы, грузины, молдаване, болгары, немцы, поляки, цыгане и др.

История формирования полиэтнического состава населения Донетчины уходит в глубину веков. Историческое своеобразие этого процесса заключалось в том, что он происходил в условиях миграции, перемещения потоков населения, главным образом, восточнославянских народов.

Существование в современной культуре Донетчины элементов различных национальных культур связано прежде всего с особенностями заселения нашего края в XVII–XIX вв.: поселением на территории Донетчины

донских и слободских казаков, развитием горнодобывающей и металлургической промышленности.

За многовековую историю в Донбассе сложилось своеобразное единство разных национальностей. Уникально то, что каждая национальная группа многонационального региона, войдя в единый социально-экономический организм промышленного края, в этническом плане осталась самобытной, сохранила все признаки своих предков.

В музее «Донбасс многонациональный» достойно представлены экспонаты более чем из 30 разных стран мира, в частности из России, Беларуси, Грузии, Азербайджана, Турции, Египта, Израиля, Монголии, Камеруна, Швеции, Польши, Китая, Палестины и др., что даёт возможность показать неоднородность и своеобразие всех этнических групп, проживающих в нашем регионе, а также исследовать национальные культуры в сравнении и взаимодействии.

Подарки иностранных гостей занимают здесь почётное место. Искусство других стран большей частью значительно отличается от русского и украинского, хотя, например, палестинская и шведская вышивки чем-то схожи со славянской. Это свидетельствует о том, что каждый народ имеет самобытную, уникальную культуру, которая основывается на общечеловеческих ценностях, а их симбиоз создаёт неповторимый колорит Донбасса.

Музеи «Светлица» и «Донбасс многонациональный» наглядно утверждают общечеловеческие духовные истины. Они напоминают нам о том, что культура Донбасса самобытна и выразительна, а наши люди трудолюбивы и талантливы.

Изучая культурное наследие населения нашего края, мы обращаемся к старинным народным источникам, которые оказали огромное влияние на формирование ментальности, характера и образа жизни людей.

Этнокультура – единая система, объединяющая традиционное с прогрессивным, инновационным. Именно в рамках изучения народной культуры молодые люди усваивают определенную систему ценностей, формирующих нравственную личность.

Литература

1. Народоведение : конспект лекций для студентов всех специальностей дневной и заочной форм обучения / Сост. : Ю. Н. Новикова, Р. Н. Назар. – Донецк : РИО ДонНАСА, 2015. – 137 с.

2. Новикова Ю. М. Історія української культури (Українознавство. Українська етнокультура) : навч. посібник для студентів технічних ВНЗ усіх спеціальностей денної і заочної форм навчання / Ю. М. Новикова. – Донецьк : Світ книги, 2012. – 150 с.

СТУДЕНТЫ И УЧАЩИЕСЯ

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Бондаренко Елена Андреевна,
ученица школы МАН ДНР, ученица 10 класса

Науч. рук.: Кирильчук Л. В.,
учитель русского языка, литературы
и мировой художественной культуры
Донецкая профильная гимназия № 122

*Язык есть исповедь народа,
В нём слышится его природа,
Его душа и быт родной...*

П. А. Вяземский

Современное состояние русского языка вызывает тревогу. И слова Петра Андреевича Вяземского нисколько не утешают. В русском языке в скором будущем не останется ничего русского. С экранов телевизоров, радиоприемников, мониторов компьютеров все чаще и настойчивее звучат иностранные слова. Исчез русский язык, о котором писал Александр Сергеевич: "Нет смысла оспаривать, что национальный язык формируется за счет заимствований, но относиться к их использованию нужно очень осторожно". Оправдано употребление заимствованных слов, если нет аналога в русском языке. А ведь язык любого народа важен не только для сохранения культуры, как массовой, так и элитарной, но и для геополитической конкуренции народов. Невольно приходишь к мысли: если общество перестало порождать новые слова, оно вообще мало что сможет создать самостоятельно. Факт удручающий.

И что самое интересное, похоже, носителям великого и могучего в большинстве своем совершенно наплевать, на каком языке они изъясняются... В моду вошли словечки криминалитета (это ещё с прошлого века – от тех самых *новых русских*), а многие жители социальных сетей эталоном ораторского искусства избрали Эллочку-людоедку и вполне счастливы. Нет смысла утруждать себя чтением книг, выписыванием мудреных слов, куда легче – *спс* вместо *спасибо*, *базар* вместо *разговор*, *валяй* вместо *говори*, «*все ок*» или «*все в шоколаде*» вместо *все хорошо*, *все замечательно*. Такое ощущение, что мы стремимся освоить блатной жаргон, чтобы не выделяться, чтобы быть на короткой ноге с представителями этого класса, отсюда и «*гнать*, *дурить*, *заценить*, *заметано*, *косяк*, *кент*, *круто*, *ништяг*, *облом*, *отстой*, *отпад*, *офигеть*, *оттянуться*, *пофартило*, *стебно*, *тачка*, *тусовка*» т.д. И этому все возрасты покорны. Большинство форумов пестрят нецензурщиной и подобного рода словесными изысками. И далее пошло-поехало: *творческий* – плохо,

заменим на *креативный*; *убийца* – несовременно, *киллер* – самое то; какая там *безопасность*, вы что, только *секьюрити*!

Можно понять использование слова *продюсер* в творческой области: в русском языке, как и в советской культуре такого понятия не было, обходились без человека, который решал вопросы отыскания денег для производства спектаклей и фильмов, а при новом строе понадобился.

Ничего нельзя возразить и по поводу компьютерных терминов. Как же иначе? Не мы придумали танец, чтобы музыку к нему заказывать. Так что давайте не будем пытаться *компьютер* называть *вычислителем*, *монитор*, например, *смотрельщиком*, а *клавиатуру* – *буквонабиралкой*. Это просто смешно! Также смешно, как и французское упорство в борьбе за сохранение чистоты языка и компьютерные термины переводить на родной язык, перегружая их лишними словами. А чего стоит хорватское название футбола – *ногомёт*.

Ничего плохого в заимствованиях нет. Но если язык жив, он должен рождать новое и на своей собственной корневой основе. Именно так было в XVIII веке: в эпоху Петра и его преемников: Россия много заимствовала из голландского, немецкого, французского, но одновременно шло интенсивное творчество на основе русских корней. Тогда появились слова «*чертеж*», «*созвездие*», «*кислород*», «*промышленность*», «*чувствительность*», «*трогательный*» и др. Их создавали Тредиаковский, Ломоносов, Карамзин, Шишков...

Что же сейчас происходит с языком? Нет творческого обновления языка, на наших глазах происходит его сокращение – и лексическое, и семантическое: «вредные» слова, вызывающие свободное движение мысли, прореживаются, а остальные сводятся к двум значениям – «за» и «против». Сложно объяснить причину таких процессов, скорее всего это смена элит. На первые места вышли нувориши, криминалитет, пиррову победу празднует недалекость. А интеллигенция высшего порядка скромна и совсем не обладает зубами и кулаками, поэтому стесняется публично экспериментировать со словом. Но, как ни велик страх прослыть белой вороной, современное состояние истощенного русского языка просто обязывает нас вернуть языку язык, вернуть чистоту, правильность, грамотность, мелодичность. В противном случае мы потеряем наше достояние безвозвратно, потеряем уважение к себе.

Если сейчас русский язык не ответит на вызов английских и иных заимствований собственным словотворчеством, это будет означать смерть языка. При современной глобализации через несколько поколений люди начнут переходить с кириллицы на латиницу, потому что большинство русских слов будет логичнее и удобнее писать на латинице. «*Бодибилдинг*», «*армрестлинг*» или «*мерчандайз*» на кириллице выглядят чудовищно! Столь же чудовищно, как написанное латиницей слово «*ощущение*» – «*oshchushchenie*».

Каждый язык выбирает те графические средства, которые способствуют наилучшему представлению его слов. Если большинство слов в русском языке станут заимствованиями из английского, то и писать их будет удобнее на

латинице. Придется Пушкина с Толстым переводить на латиницу. А это изменение всего культурного генофонда нации.

Пророчески прав был Иван Бунин, когда писал:

И нет у нас иного достоянья!

Умейте же беречь

Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,

Наш дар бесценный – речь.

А способы сохранения просты: нужно только видеть, слышать и читать классику, проводить дни слова, антислова, нужно просто любить свой родной исконный язык.

Литература

1. Введенская Л. А. Русский язык и культура речи : учеб. пособ. / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова, Е. Ю. Кашаева. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 539 с.
2. Головин Б. Н. Основы культуры речи / Б. Н. Головин. – 2-е изд. – М. : Высшая шк., 1988. – 320 с.
3. Розенталь Д. Э. и др. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – М. : Айрис-пресс, 2010. – 448 с.

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Гергель Ирина Сергеевна,
ученица 11 класса

Науч. рук.: Колосова Е. В.,
учитель русского и украинского языков
Макеевская общеобразовательная школа I–III ст. № 7

Как указано в высказывании В. Сухомлинского, «слово – тончайшее прикосновение к сердцу, оно может стать и нежным душистым цветком, и живой водой, возвращает веру в добро, и острым ножом, и каленым железом, и грязью. Мудрое и доброе слово дает радость, неразумное и необдуманное приносит беду...» [6, с. 288]. Слово, язык, речь – показатели общей культуры человека, его интеллекта, речевой культуры. По В. Радчук, «слово – визитная карточка возраста, профессии, социального положения человека» [4, с. 23–27].

Языковая культура шлифуется и совершенствуется в процессе общения, в частности во время выполнения профессиональных обязанностей. Она оказывается во владении профессиональным языком, умении высказываться правильно, точно, логично, искусно пользоваться коммуникативно оправданными языковыми средствами в зависимости от цели и ситуации общения. Все эти критерии регламентирует лингвистическая наука – *культура речи*.

Этнокультурные ценности – это установки (идеи, понятия, смыслы), которые не зависят от конкретного человека, а определяются культурой и разделяются всеми людьми, принадлежащими к данному культурному полю. Впервые понятие «ценность» употребляется в античной философии. В конце XIX в. появляется наука *аксиология* – специальный раздел философии, изучающий ценности.

Басня известного писателя Древней Греции Эзопа показала, насколько важно понимать культуру языка и речи. Мы знаем, что он был рабом философа Ксанфа. Однажды Ксанф хотел пригласить гостей и приказал Эзопу приготовить лучшее. Эзоп купил языки и приготовил из них три блюда. Ксанф спросил, почему Эзоп подает только языки. Тот ответил: «Ты велел купить лучшее. А что может быть на свете лучше от языка? С его помощью строятся города, развивается культура народов. При помощи языка мы изучаем науки и получаем знания... Люди могут найти между собой согласие, решать различные вопросы, просить, приветствовать, мириться, давать, получать, выполнять просьбы, признаваться в любви. Поэтому, я думаю, что нет ничего лучше языка».

Когда Эзоп снова купил языки, все удивились. Тогда Эзоп начал объяснять: «Ты велел мне найти худшее. А что есть в мире хуже языка? С его помощью люди оскорбляют и разочаровывают друг друга, лицемерят, лгут, обманывают, хитрят, ссорятся. Язык может изменить и обидеть. Что может быть хуже языка?!»

Язык для каждого народа становится будто второй природой, окружающей его, живет с ним везде и всегда. Без него, как и без солнца, воздуха, растений человек не может существовать. Больно бьет по народу отречение от родного языка или неуважение к нему, что равноценно неуважению к отцу и матери. Вспомним слова В. Сосюры: «Без языка родного, юноша, и народа нашего нет» [5, с. 360]. Уровень развития родного языка является показателем духовного развития народа.

По мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, «национальный язык входит в понятие национальной культуры, поскольку природные условия, географическое положение, уровень и специализация народного хозяйства, тенденция общественной мысли, науки, искусства – все большие и малые особенности жизни народа отражаются в языке этого народа» [5, с. 260]. Поэтому знать, беречь и приумножать родной язык – это обязанность каждого человека.

Наука, исследующая развитие речи, состоит из ряда историко-лингвистических дисциплин (историческая грамматика, историческая фонетика, историческая лексикология, историческая диалектология, история литературного языка), каждая из которых имеет свой объект изучения. Однако все они подчинены общей цели и как отдельные части составляют единую науку – историю языка. Социальные функции языка чрезвычайно широки. Некоторые считают язык лишь средством взаимопонимания между людьми. На самом же деле этим не исчерпывается его значение. В языке нация кодирует

всю свою историю, многовековой опыт, достижения культуры, духовную самобытность.

Язык является своеобразным генетическим кодом нации, составной частью и способом создания национальной культуры. Мировая наука имеет аргументированные доказательства того, что *русский язык* является одним из старейших и ярчайших языков.

Язык является формой и зеркалом культуры. Он вбирает в себя и своеобразно преломляет всю совокупность знаний и представлений человека о мире. Своеобразие национальной культуры, отражённой в языке, наиболее ярко проявляется в лексике, и фразеологический фонд русского языка служит тому прекрасным примером. В исконно русской фразеологии отражается картина русского мира. Быт, традиции, обычаи, нравы русского народа, природные явления, родственные отношения, религиозные представления, история – таковы основные рубрики этой картины. Например:

«*Белены объесться*» – вести себя вздорно, злобно, как сумасшедший. Почему *белены*? В деревне на задворках и свалках можно встретить высокие кусты с грязно-желтоватыми, в лиловых прожилках цветками и неприятным запахом. Это и есть белена – очень ядовитое растение. Ее семена напоминают мак, но тот, кто их съест, становится похож на безумного: бредит, буйствует, а нередко и умирает.

«*У черта на куличиках*» – очень далеко, где-то в дикой глуши. *Куличики* – искаженное финское слово «кулиги», «кулижки», давно вошедшее в русскую речь. Так на севере назывались лесные полянки, лужки, болотца. Здесь, в лесистой части страны, поселенцы далекого прошлого все время вырубали в лесу «кулижки» – площадки для распахки и покоса. Земледельцу часто приходилось на свою ниву отправляться в глушь, на самые дальние «кулижки», хуже ближних разработанные, где, по тогдашним представлениям, в болотах и буреломах водились и лешие, и черти, и всякая лесная нечисть. Так и получили обычные слова свое второе, переносное значение: очень далеко, на краю света.

«*Ящик Пандоры*» – все то, что может послужить при неосторожности источником бедствий. Когда великий титан Прометей похитил с Олимпа и передал людям огонь богов, Зевс страшно покарал смельчака, но было поздно. Обладая божественным пламенем, люди перестали подчиняться небожителям, научились разным наукам, вышли из своего жалкого состояния. Тогда Зевс решил наслать на них кару. Бог-кузнец Гефест вылепил из земли и воды прекрасную женщину Пандору. Остальные боги дали ей хитрость, смелость, необычайную красоту. Затем, вручив ей таинственный ящик, Зевс отправил ее на землю, запретив открывать ящик. Любопытная Пандора, едва придя в мир, приоткрыла крышку. Тотчас все бедствия людские вылетели оттуда и разлетелись по вселенной. Пандора в страхе попыталась вновь захлопнуть крышку, но в ящике из всех несчастий осталась только обманчивая надежда.

Никто не будет отрицать, что в низкой культуре речи проявляются отчетливые признаки бездуховности. Языковая неграмотность, неумение

написать элементарный текст, перевести его с одного языка на другой и наоборот почему-то перестали восприниматься негативно.

Языковая культура – это надежная опора в выражении независимости мысли, развитости человеческих чувств, в воспитании деятельного, настоящего патриотизма.

Литература

1. Бабич Н. Д. Практическая стилистика и культура украинского языка : Учеб. пособие / Н. Бабич. – Львов : Мир, 2003. – 432 с.
2. Беляев А. М. Культура речи учителя-словесника / А. М. Беляев // Дивослово. – 1995. – № 8. – С. 37–42.
3. Беляев А. М. Лингвистический анализ речи учителя / А. М. Беляев // Русский язык и литература в школе. – 1990. – № 1. – С. 39–41.
4. Беляев А. М. О культуре речи учителей-словесников, учителей в целом и не только словесников / А. М. Беляев // Урок украинского. – 2000. – №. 1. – С. 23–27.
5. Мацко Л. И., Кравец Л. В. Культура украинской профессиональной речи: Учеб. пособ. / Л. И. Мацко. – К. : ВЦ «Академия», 2007. – 360 с.
6. Сухомлинский В. А. Как воспитать настоящего человека : (Этика коммунистического воспитания). Педагогическое наследие / Сост. О. В. Сухомлинская. – М. : Педагогика, 1990. – 288 с. – (Б-ка учителя).
7. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://slovari.yandex.ru>.

ЯЗЫК И ДУХОВНОСТЬ

Гришилова Анна Андреевна,
ученица школы МАН ДНР, ученица 10 класса

Науч. рук.: Кирильчук Л. В.,
учитель русского языка, литературы и
мировой художественной культуры
Донецкая профильная гимназия №122

Язык является главной составляющей в развитии и эволюции каждого народа. Наряду с традиционным укладом жизни наших предков, язык играет важную роль в развитии самосознания народа.

Родной язык является специфической формой национальной культуры, несущей генетическую информацию от первоисточков. Еще К. Д. Ушинский обращал внимание на то, что язык есть самая живая связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое историческое целое. Культура речи каждого человека является основой его духовности и показателем уровня духовного развития общества в целом. И, как следствие, –

это основное условие единства и успешности развития нации.

Русский язык – это величайшая сокровищница национальной культуры русского народа, хранилище его духовно-нравственных представлений и идеалов. Языковое образование обеспечивает приобщение человека к духовному наследию предшествующих поколений и является основой формирования этнического и гражданского самосознания личности.

Всему этому нас начинают учить еще с детства, передавая в колыбельных песнях и сказках всю глубину и мудрость национального фольклора. Уже тогда, на первых ступеньках нашей жизни, еще неосознанно мы привыкаем к звучанию родных слов и начинаем дорожить каждым звуком нашего языка. И совсем незаметно язык становится величайшим таинством нашего духовного взросления. Обмен мыслями, переживаниями при помощи языка складывается из двух связанных между собой процессов: выражения мыслей и всей палитры проявлений духовного мира говорящим или пишущим и восприятия заложенной информации слушающим или читающим. Так возникает осознание правильности-неправильности собственных поступков, разграничение понятий добра и зла. Этот процесс сложен, неоднороден и абсолютно индивидуален.

Мысли и чувства музыканта выражаются в нотах, художника – в образах, скульптора – в формах, конструктора – в чертежах, а математика – в формулах и геометрических фигурах и т.п. Какими бы иными средствами ни выражались мысли, они, в конечном счете, переводятся на словесный язык – универсальное средство общения. Язык – это средство выражения мыслительного процесса и способ коммуникации с носителями языка, возможность самовыражения и приобщения к жизни в социуме.

Очень жаль, что современный носитель языка не осознает всей важности сохранения, изучения и умения правильно выражать свои мысли на своем родном языке. Модным становится жаргон, сленг, различные сложносокращенные новообразования. Это явление становится массовым и требует внимательного и вдумчивого изучения.

Жаргон – это своего рода язык в языке. Строго говоря, жаргон – это разновидность речи какой-либо группы людей, объединенных единой профессией (жаргон летчиков, шахтеров, моряков), занятием (жаргон спортсменов, коллекционеров) и т.п. Молодежный жаргон часто называют сленгом (от англ. slang) или аргот (от франц. argot). В молодежной среде жаргон бытовал издавна (жаргон гимназистов, семинаристов). Главное в этом языковом явлении – отход от нормированности, игра, ирония, маска. Раскованный, непринужденный молодежный жаргон стремится уйти от скучного мира взрослых, родителей и учителей. Они говорят: Хорошо! А мы: Клёво! Классно! Прикол! Они: Вот незадача! Мы: Ну и облом! Они: Это слишком сложно! Мы: Не грузи меня! Они восхищаются, мы торчим и тащимся.

Другая черта молодежного жаргона – ограниченность тематики. Выделяется около десятка семантических классов наименований, внутри которых много синонимов. Это названия лиц (чувак, лоб, мелкие, кони), частей

тела (фонари, рубильник, клешни), одежды и обуви (шузы, свингера, прикид), денег (баксы, бабки, кусок, лимон), положительные оценки (круто, клево, улет, отпад, аут), названия некоторых действий и состояний (вырубиться, приколоться, тащиться) и др.

Полноценное общение в молодежной среде невозможно без владения ее языком. Современные технологии раздвигают рамки общения. Например, появление интернета позволило современной молодежи «зависать» в чатах (от английского слова chat – болтовня) и тем самым значительно «расширять» свой круг общения. И поскольку основная масса, общающаяся таким образом, – молодежь, то ничего удивительного нет, что происходит активное развитие и усвоение данной нормы речи.

Также существуют жаргоны отдельных групп людей.

Жаргоны солдат и матросов срочной службы: `литеха' – лейтенант, `дух' – солдат, который служит первые полгода; жаргоны школьников: `училка' – учительница, и т.п.; жаргоны студентов: `война' – занятия по военной подготовке; общебытовые молодежные жаргоны: `бутыльмен' – бутылка; жаргоны неформальных молодежных группировок: `хайр' – волосы (слово заимствовано из англ. `hair' – волосы), `попса' – популярная музыка (из англ. заимствовано только понятие: `popular music').

Не менее значимой проблемой является молодежный сленг, в том числе и школьный. Проникнув во многие сферы языка, сленг становится средством создания нового выражения в литературе и кино и, главное, существенной частью повседневного языкового общения. Существуют различные источники и способы пополнения молодежного сленга. Например, словообразование, создающееся при помощи суффиксации, чаще передающее экспрессию грубости, пренебрежительности, ироничности: кликуха, заказуха, спокуха (-ух), журналюга, общага, тюряга (-юг, -аг, -яг). Прижилось и в семье, и в школьном общении слово «блин», его употребляют чуть ли не ежеминутно. «Нравятся» современным школьникам и следующие слова: «круто», «норм», «тупость», «клёво», «класс». Большой вред приносит и реклама. Особенно беспокоит реклама в интернете, где она появляется спонтанно, и часто её невозможно закрыть.

В пополнении лексики сленга широко используются и нейтральные суффиксы, продуктивные в литературном языке. Для производства существительных, обозначающих действия или результат действия, используются такие суффиксы:

- к(а): накрутка, отмывка, отмазка, засветка, раскрутка, напряженка;
- ни (е): отмывание, наваривание, обмисливание.

Второе место после суффиксации занимает усечение. С его помощью легко порождаются новообразования разного рода, (как правило, от многосложного слова): шиза – шизофрения; дембель – демобилизация; нал – наличные деньги.

Следующим мощным источником формирования лексического состава сленга является метафорика. Это:

метафоры: аквариум, обезьянник – “скамейка в милиции для задержанных”, голяк – полное отсутствие чего-либо, гасить – бить, улетать – чувствовать себя превосходно. В метафорике часто присутствует юмористическая трактовка означаемого: лохматый – лысый, баскетболист – человек маленького роста, конь педальный – велосипед;

метонимии: волосатые – хиппи, корочки – диплом. Метонимии типа: трава – наркотики для курения, пыхать – курить наркотики, нюхать клей затушевывают негативную суть названных денотатов.

Отличительная черта сленга – его вторичное образование по сравнению с жаргоном, поскольку он черпает свой материал, прежде всего, из социально-групповых и социально-профессиональных жаргонов. Но помимо жаргонизмов, сленг включает в себя отдельные просторечия, вульгарные слова. Однако, при подобном заимствовании происходит метафорическое переосмысление и расширение значения заимствованных единиц.

Сленг и жаргон остаётся с молодёжью, как островок естественности и свободы от мира взрослых. Хорошо это или плохо? Вопрос, по-видимому, неправомерный. Сленг нельзя ни запретить, ни отменить. Он меняется с течением времени, одни слова умирают, другие – появляются, точно так же, как и в любом другом языке. Конечно, плохо, если сленг полностью заменяет человеку нормальную речь, но представить современного молодого человека совсем без сленга невозможно. Существование молодёжного сленга нужно принимать как данность, ведь это отнюдь не «покушение» на «великий и могучий».

Каждый гражданин своей страны должен совершенствовать свой язык, чтобы быть широко образованным, воспитанным, свободным и высоконравственным человеком, ориентировавшимся в современных условиях жизни.

Язык представляет собой социальное явление, ведь вне социальных отношений им овладеть невозможно. Человек не обладает даром речи с момента рождения. Ребенок начинает разговаривать только тогда, когда ему удастся научиться повторять фонетические звуки, которые издают окружающие его люди, и благодаря умению сравнивать, сопоставлять и мыслить, он определяет их правильное значение.

Речевая деятельность, связанная с использованием языка, – одна из важнейших в жизни человека мыслящего, думающего, познающего, общающегося, рассуждающего, объясняющего, спорящего и убеждающего. Слово может быть сильнейшим оружием не только в руках бесовских людей, оно может быть еще более сильным оружием в руках борцов. И хотя они и используют его, но далеко не всегда сознают силу слова – как разрушительную, так и созидательную.

Произнося ту или иную фразу, человек выражает и утверждает себя, одновременно воздействуя на слушателей. Слово "красноречие" означает хорошую, красивую речь, которой любуются слушатели. По сути, оно – сила, с помощью которой удастся влиять на окружающий мир, изменять его, реализуя

свое собственное видение жизни. Можно, правда, нажать через острый язык немало врагов, но мудрее знать, что тот, кто хорошо говорит, способен и врагов превратить в друзей. О силе слова гласит народная мудрость: "Нет ничего слаще языка; нет ничего и более горького, чем язык".

Литература

1. Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Культура и искусство речи / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. – 576 с.
2. Головин Б. Н. Основы культуры речи / Б. Н. Головин. – М. : Высшая шк., 1988. – 320 с.
3. Соколова В. В. Культура речи и культура общения / В. В. Соколова. – М. : Просвещение, 1995. – 192 с.
4. Сопер П. А. Основы искусства речи / П. А. Сопер. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. – 448 с.
5. Значение языка в жизни общества и человека. Режим доступа: http://entelehia.ru/Rhetoric./Znachenie_yazika_v_zhizni_obshchestva_i_cheloveka.html
6. Алиева Р. Родной язык – это духовные ценности. Режим доступа: <http://bpgam.ru/2010-10-26-11-27-10/doklady/153-rodnoj-yazyk--eto-duhovnye-czennosti.html>

КУЛЬТУРА МОВЛЕННЯ ТА МОВНА ОСОБИСТІСТЬ

Кравченко Ольга Ігорівна,
учениця 11 класу

Наук. кер.: Зіборова К. В.,
учитель української мови і літератури
Архітектурно-будівельний ліцей при ДонНАБА

Культура мовлення має велике національне і соціальне значення: вона забезпечує високий рівень мовного спілкування, ефективно здійснення всіх функцій мови, сприяє підвищенню загальної культури особистості та суспільства в цілому, через культуру мовлення відбувається культивування самої мови, її вдосконалення. Можна зрозуміти, що культура мовлення – це дотримання всіх правил мови, використання мовно-виражальних засобів залежно від обставин, це любов до пізнання мови.

Культура мовлення людини – ступінь оволодіння не лише необхідними нормами, а й усіма багатствами літературної мови: ясність, логічність, співмірність мовних засобів і стилю викладання, різноманітність мовних засобів, вдалий порядок слів у реченні і словосполученні, милозвучність, виразність дикції, відповідність типу мовлення і сили голосу, ситуації мовлення.

У межах цього дослідження було проведено опитування учнів нашого ліцею. Ми намагалися з'ясувати, чи готові учні до виконання певних соціальних ролей, які потребуватимуть дотримання правил мовленнєвої культури?

65,2% – володіють мовленнєвими нормами.

Мовлення є визначальною рисою особистості, невід'ємною складовою громадянина – так вважають 24,2% респондентів.

Освічена – це людина, яка володіє мовою – 75,8% ліцеїстів.

Освічена – це культурна людина – 50,3%.

29,8% старшокласників стверджують, що цікавою для них буде людина, яка правильно говорить.

61,2% опитаних учнів здатні побачити помилки у мовленні інших.

29,3% учням дошкуляє, якщо в особистісному спілкуванні не дотримуються мовленнєвих правил.

Оволодіння мовою

Культура мовлення – важлива складова соціокультурної діяльності, тому мовна освіта повинна ставити за мету формування вміння спілкуватися на засадах діалогу культур, коли явища мови і культури, які вивчаються, пропонуються в порівнянні з аналогічними фактами рідної мови і культури.

Треба активно розвивати своє мовлення: виправляти свої помилки, вміти перебудувати висловлене, доцільно висловлюватися, письмово та усно викладати свої думки. Культура мовлення тісно пов'язана з культурою мислення. Якщо людина ясно, логічно мислить, значить, в неї мовлення логічне та ясне. І навпаки, якщо в людини немає думок, якщо вона говорить про те, чого не розуміє або не знає, то й мовлення в неї плутане, беззмістовне, повне зайвих слів, непотрібних висловів. Мовлення тоді гарне, коли воно якнайповніше і якнайточніше передає думки чи малює образи і легко сприймається, зрозуміле.

Грамотне, багате мовлення – не тільки ефективний засіб передачі й сприйняття думок та образів. Це вияв поваги до людей, з якими спілкуєшся, до народу, який створив цю мову.

Кожна людина повинна навчитися самостійно розвивати й удосконалювати власне мовлення на основі образного бачення світу, відчувати красу й велич рідного слова. Але під час навчання цьому також повинен сприяти вчитель.

Мовленнєва змістова лінія

Визначає зміст роботи над формуванням комунікативної компетентності учнів, що передбачає гармонійний розвиток умінь в основних видах мовленнєвої діяльності (аудіюванні, читанні, говорінні, письмі).

Це вміння сприймати й розуміти мовлення, самостійно створювати усні і письмові, діалогічні й монологічні висловлювання різних типів, стилів, жанрів мовлення в різних сферах життя, користуватися різновидами слухання й читання, вести діалог у ситуаціях спілкування з додержанням вимог мовленнєвого етикету, правильно й комунікативно доцільно висловлювати свої думки, аналізувати тексти, оцінювати і вдосконалювати власну мовленнєву

діяльність, оволодівати риторичними навичками тощо.

Робота над своїм мовленням викликає повагу і, без сумніву, дає результати. Шляхів вдосконалення є безліч, а процес триває усе життя.

Література

1. Антоненко-Давидович Б. Як ми говоримо / Б. Антоненко-Давидович. – К. : Рад. письменник, 1970. – 182 с.
2. Сагач Г. Золотослів : Навчальний посібник для середніх і вищих навчальних закладів / Г. Сагач. – К. : Райдуга, 1993. – 367 с.
3. Стельмахович М. Г. Мовний етикет / М. Г. Стельмахович // Культура слова. – К. : Наукова думка, 1981. – 61 с.
4. Русанівський В. М. Культура мови : Довідник / В. М. Русанівський. – К. : Либідь, 1990. – 304 с.

ЗНАЧЕНИЕ ЭТИЧЕСКИХ НОРМ В ДЕЛОВЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

Панченко Алла Дмитриевна,
студентка II курса факультета государственного управления

Науч. рук.: Светличная В. Ю.,
ст. преподаватель кафедры краеведения
Донецкий государственный университет управления

«Заберите у меня все, чем я обладаю.

Но оставьте мне мою речь.

И скоро я обрету все, что имел»

Даниэл Уэбстер

Деловые коммуникации – это сложный многоплановый процесс развития контактов между людьми в служебной сфере, для достижения определенной цели. Для каждого общества существует система общепринятых норм, правил, определяющих степень этичности поведения человека в общении. От знания этих норм, умения и навыков их применения зависит успех общения, исследование этической подготовки диктуется современной социокультурной ситуацией.

Актуальность темы обусловлена тем, что современная эпоха демонстрирует расширение и усложнение социальной действительности, которая содержит новые, более эффективные коммуникативные технологии, продуктом которых становится деловое общение. Способности и личные качества дают наибольшую отдачу лишь при наличии соответствующей деловой репутации, которая складывается из умения общаться с партнерами по бизнесу, потребителями, конкурентами, государственными органами, средствами массовой информации и т.д. В последнее время возрастает интерес к культуре коммуникационной этики.

Объектом статьи является этика делового общения как социокультурный феномен.

Предметом данной статьи являются виды и особенности развития этики делового общения, его формирование.

Цель статьи – рассмотрение этических норм деловой коммуникации.

Достижение поставленной цели статьи требует решения следующих задач:

1. Рассмотреть основные понятия.
2. Проанализировать особенности официально-делового стиля.
3. Рассмотреть виды этических принципов.
4. Проанализировать существующую ситуацию в деловом общении.

Наблюдения этической культуры получили выражение в таких памятниках мировой и отечественной культуры, как «Изречения» Конфуция, «Никомахова этика» и «Большая этика» Аристотеля, «Застольные беседы» Плутарха, «О дружбе» и «Об обязанностях» Цицерона, «Поучения» Владимира Мономаха. Исследованиям, посвященным этической стороне делового общения уделили внимание в своих научных трудах Р. Г. Апресян, Л. Е. Балашов, А. Н. Бродский, Г. П. Выжлецов, А. А. Гусейнов, Н. В. Голик, Е. Л. Дубко, В. Г. Иванов, А. Швейцер и др.

Человечество так устроено, что любое сообщество всегда «обрастало» ритуалами. Люди во время общения стремились выразить взаимное уважение и доверие, обозначить положение в обществе и готовность к сотрудничеству. Можно было поклониться, обменяться рукопожатием, потереться носами и прочее. В каждой этнической, возрастной или социокультурной группе существуют определенные правила «хорошего тона», которые регламентируют поведение людей [2, с. 2]. Общение является основной составляющей труда множества специалистов, например, менеджеров, юристов, психологов, бизнесменов. Поэтому владение общением, средствами вербальной и невербальной коммуникации необходимо для каждого делового человека [7, с. 3].

Этика – учение о морали, нравственности, нормах и требованиях, об упорядочении отношений людей. Термин введен Аристотелем как обозначение учения о нравственности. Нравственность выступает здесь ценностным выражением действий людей по отношению друг к другу, определяемых обладанием всего, что обеспечивает жизнедеятельность по критериям человечности. Важнейшими категориями этики являются: «добро», «зло», «справедливость», «благо», «ответственность», «долг», «совесть» и многое другое. Немецкий философ И. Кант считал, что без этой науки невозможно руководить людьми. Деловая этика базируется на уважении интересов не только своей фирмы, но и партнеров, клиентов и общества в целом.

Этические нормы – это система ценностей и правил этики, соблюдение которых требуется от участников делового общения. Нормы выражаются в общих представлениях о том, как должно поступать [3, с. 37–40].

Общение – процесс взаимодействия общественных субъектов, социальных групп, общностей или личностей, в ходе которого происходит обмен

информацией, опытом, способностями и результатами деятельности. Именно в процессе общения происходит специализация личности и ее самореализация. Общение выступает как способ бытия общества.

Деловое общение направлено на согласование и объединение усилий людей с целью налаживания отношений и достижения общего результата. В деловом общении человек ставит задачу убедить партнера принять конкретные предложения, побудить партнера предпринять конкретные действия, дать необходимую информацию, побудить собеседника учесть в своих действиях его интересы и т. д. [5, с. 8].

Понимание деловой этики – необходимое качество, которое нуждается в постоянном совершенствовании. Так, еще в 1937 г. Дейл Карнеги, в книге «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей», отметил: «Успехи того или иного человека в его финансовых делах процентов на 15 зависят от его профессиональных знаний и процентов на 85 – от его умения общаться с людьми».

Нравственная жизнь человека и общества разделяется на два уровня: с одной стороны – то, что есть сущее: нравы, фактическое повседневное поведение; с другой стороны – то, что должно быть: должное, идеальный образец поведения. Нередко в деловых отношениях происходят столкновения с противоречиями между сущим и должным. С одной стороны, человек стремится вести себя нравственно, с другой – ему необходимо удовлетворить свои потребности, реализация которых часто связана с нарушением нравственных норм. Эта борьба между идеальным представлением и практическим расчетом создает конфликт внутри человека, который острее всего проявляется в этике деловых отношений, в деловом общении [8, с. 14–15].

Основопологающие принципы этического поведения в любой ситуации предложены еще в древности: владей собой настолько, чтобы уважать других, как самого себя, и поступать с людьми, как мы желаем, чтобы с нами поступали, «не убивай», «не кради», «не произноси ложного свидетельства», «не прелюбодействуй», «не желай ничего, что у ближнего твоего», «не делай себе кумира», «почитай отца твоего и мать твою».

Выше человеколюбия нет ничего, говорил Конфуций. Нормы и принципы делового общения, сформулированные Конфуцием, не потерявшие актуальности и сегодня:

- «Когда правитель любит справедливость, никто не осмелится быть непослушным, когда правитель любит правду, никто в народе не посмеет быть нечестным».
- «Благоговейно относись к делу и честно поступай с другими».
- «Держать два конца, но использовать середину».
- «Благородные мужи при разногласии находятся в гармонии; у малых же людей гармонии не может быть и при согласии».
- «Благородный муж ... когда глядит, то думает, ясно ли он увидел; а слышит – думает, верно ли услышал; он думает, ласково ли выражение его лица, почтительны ли его манеры, искренна ли его речь, благоговейно ли

отношение к делу; при сомнении думает о том, чтоб посоветоваться; когда же гневается, думает об отрицательных последствиях; и перед тем, как что-то обрести, думает о справедливости» [3, с. 41].

Современные же взгляды на место этики в деловом общении определены таким образом:

- современный развитой капитализм на каждом шагу порождает человека с «рыночным характером», главные цели которого в деловом общении состоят в том, чтобы подороже себя продать;

- высокие нравственные принципы и ценности часто забываются, когда речь заходит о прибыли;

- в духовном общении часто утрачивается не только мораль, но и самоидентификация личностей (силы и возможности человека выступают как товар), отчуждающие от него;

- некоторые полагают, что в деловом общении и вообще в бизнесе этика сама по себе не нужна (нужно любыми доступными средствами максимизировать прибыль);

- вторая позиция по отношению между этикой и бизнесом состоит в том, что соблюдение этических норм в деловом общении признается важным не только с точки зрения ответственности бизнесменов перед обществом и самим собой, но и необходимостью для эффективного производства [4, с. 40–41].

Эмпирически фиксируемые практические трудности свидетельствуют о дефиците различных аспектов воспитанности людей. Человечеству угрожает упадок личной и государственной морали. Это и потребительский эгоизм, и всеобщий рост уголовных тенденций, и политический терроризм. Первичная же причина асоциального поведения лежит во внутренней бездуховности человека. Это связано с переходом за грань разумных потребностей. Упорная работа личности и общества по возвышению потребностей может ограничить неразумные потребности в безудержной наживе, утилитаризме. Законное стремление человека к культуре быта должно согласовываться с его высшими духовными ценностями. В этой согласованности раскрывается гармония взаимоотношений людей. Жить в согласии с истиной – значит выйти на путь осмысленного бытия и избранного дела, действовать в согласии с законами природы и общества и обрести уверенность в результате деятельности без ущерба для других и в полной гармонии с окружающим миром и собой [3, с. 47]. При этом необходимо помнить следующее:

- в морали нет абсолютной истины и высшего судьи среди людей;
- когда идет речь об этических промахах других, не следует делать из «моральных мух» «моральных слонов». Когда речь идет о промахах своих, следует поступать наоборот;

- в морали следует хвалить других, а предъявлять претензии к себе;
- нравственное отношение окружающих к нам зависит в конечном счете только от нас самих;

- когда речь идет о практическом утверждении норм морали, основной императив поведения – «начни с себя» [1, с. 45].

Таким образом, имеются два наиболее распространенных принципа построения этической аргументации – принцип утилитаризма и принцип нравственного императива. В соответствии с принципом нравственного императива моральные решения не должны зависеть от конкретного результата (любая взятка есть зло, обман одного клиента также аморален, как и многих). Согласно принципу утилитаризма, действие считается морально оправданным, если оно приносит или имеет тенденцию принести максимальную пользу максимальному числу лиц. Суммарная польза сопоставляется с объемом причиняемого ущерба. И если он перевешивает, решение является неэтичным. Если же все альтернативные действия причиняют ту или иную степень ущерба, то выбирается «наименьшее зло» [5, с. 10].

Поэтому применительно к деловому общению основной этический принцип можно сформулировать таким образом: в деловом общении при принятии решения о том, какие ценности следует предпочесть в данной ситуации, поступай так, чтобы твое желание было совместимо с нравственными ценностями других сторон, участвующих в общении, и допускало координацию интересов всех сторон [1, с. 46].

Основные принципы этики делового человека могут быть конкретизированы применительно к различным сферам профессиональной деятельности. Базовыми постулатами этического кодекса в деловом общении являются следующие:

- убеждение в полезности своего труда не только для себя, но и для других, для общества в целом;
- исход из того, что окружающие нас люди хотят и умеют работать;
- признание необходимости конкуренции, но и понимание необходимости сотрудничества;
- уважение любой собственности, общественных движений, уважение профессионализма и компетентности, законов, оценка образования, науки и передовых технологий [6, с. 6].

Таким образом, соблюдение этических норм в деловом общении признается важным не только с точки зрения ответственности перед обществом и самими собой, но и необходимым для эффективности профессиональной деятельности. В этом случае этика рассматривается не только как необходимый нравственный императив поведения, но и как средство (инструмент), помогающее увеличить рентабельность, способствующее укреплению деловых связей и улучшению делового общения. Думается, что этот подход – более цивилизованный и более эффективный. Чем более благополучной становится этическая атмосфера в обществе, тем более благоприятная обстановка создается и для бизнеса. Вместе с тем неэтическое поведение и общение рано или поздно обернется если и не прямыми экономическими убытками, то, во всяком случае, социальными и нравственными издержками.

Литература

1. Борисова В. В. Деловое общение. Учебный курс / В. В. Борисова : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bspu.ru/course/21138>.
2. Белоусова Т. В. Этикет. Полный свод правил светского и делового общения. Как вести себя в привычных и нестандартных ситуациях / Т. В. Белоусова. – М. : АСТ, Астрель-СПб, 2012. – 228 с.
3. Ковальчук А. С. Основы имиджеологии и делового общения. Учеб. пособие для студентов вузов / А. С. Ковальчук. – Изд. 3-е, доп. и перераб. – Ростов н/Д. : «Феникс», 2004. – 256 с.
4. Рева В. Е. Деловое общение : учеб. пособие на электронном носителе / В. Е. Рева. – Пенза : ПГУ, 2003. – 240 с.
5. Узерина М. С. Этика делового общения : учеб. пособие / М. С. Узерина. – Ульяновск : УлГТУ, 2004. – 72 с.
6. Фионова Л. Р. Этика делового общения. / Л. Р. Фионова. – Пенза : ПГУ, 2010. – 96 с.
7. Шевчук Д. А. Деловое общение : учеб. пособие / Д. А. Шевчук. – Ростов н/Д. : «Феникс», 2007. – 156 с.
8. Шеламова Г. М. Этикет делового общения : учеб. пособие для нач. проф. образования / Г. М. Шеламова. – М. : Изд. центр «Академия», 2005. – 192 с.

СВЯЗЬ ЯЗЫКА С ИСТОРИЕЙ И КУЛЬТУРОЙ НАРОДА

Солдатова Юлия Игоревна,
студентка I курса архитектурного факультета

Науч. рук.: Назар Р. Н.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

*«Каждый язык отражает культуру того народа,
который на нём говорит» (Л. В. Щерба).*

Действительно, язык – уникальное явление, одно из главных условий существования, консолидации и развития человеческого общества. Он не только средство общения и взаимопонимания людей в обществе, но также орудие мышления, инструмент познания, средство сохранения накопленного человечеством опыта.

Национально-культурный компонент чётко прослеживается в любом языке – в его лексике, фразеологии, синтаксисе.

Мысль об отражении культуры в языке не является новой. Современные зарубежные и российские ученые справедливо утверждают, что лучше, прочнее усвоить иностранный язык позволяет глубокое ознакомление с культурой

страны изучаемого языка, а также установление межкультурных контактов и межкультурной коммуникации.

Каждая локальная культура формируется в специфических исторических и природных условиях, создает свою картину мира, свой образ человека и свой язык общения. Каждая культура имеет свою языковую систему, с помощью которой ее носители общаются друг с другом, однако не только в этом заключается назначение и роль языка в культуре. Вне языка культура просто невозможна, поскольку язык образует ее фундамент, ее внутренний базис. Посредством языка люди передают и фиксируют символы, нормы, обычаи, передают информацию, научные знания и модели поведения, верования, идеи, чувства, ценности, установки. Так происходит социализация, которая выражается в усвоении культурных норм и освоении социальных ролей, без которых человек не может жить в обществе. Благодаря языку в обществе достигаются согласованность, гармония и стабильность.

Каждый язык самобытен. Он имеет собственные выражения, которые отражают менталитет и обычаи народа. Подобно нашему имени мы обретаем родной язык от нашей матери в детстве. Он формирует наше сознание, пропитывает заложенной в нем культурой.

По утверждению К. Д. Ушинского, «язык народа – лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и вся его родина; в нем претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчизны, ее воздух, ее физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури и грозы – весь тот глубокий, полный мысли и чувства голос родной природы, который говорит так громко в любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне, в родных напевах, в устах народных поэтов. Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа».

Вильгельм Кюхельбекер писал: «Рассматривая народ как существо духовного порядка, мы можем назвать язык, на котором он говорит, его душой, и тогда история этого языка будет значительнее, чем даже история политических изменений этого народа, с которыми, однако, история его тесно связана» [2].

Корневые слова языка показывают, какие предметы были самыми важными для народа в период формирования языка. Язык наиболее точно выявляет характерные черты жизненного уклада и мышления народа. Например, в языке бедуинов есть множество слов для обозначения верблюда, так как именно это животное важно для их жизни. В других языках названий этого парнокопытного существенно меньше.

Язык не относится к идеологическим или мировоззренческим формам общественного сознания (в отличие от права, морали, политики, философского, религиозного, обыденного сознания). Язык сохраняет единство народа в его истории вопреки классовым барьерам и социальным катаклизмам. Связь

истории языка и истории общества очевидна: существуют особенности языка и языковых ситуаций, соответствующие определённым этапам исторического развития. Так, можно говорить о своеобразии языков или языковых ситуаций в Средние века, в Новое время [3].

Вполне очевидны языковые последствия таких социальных потрясений, как революции и гражданские войны: смещаются границы диалектных явлений, изменяется нормативно-стилистический уклад языка, обновляется политическая лексика и фразеология. Однако основа языка остаётся прежней.

Язык выполняет функции общения, выражения мысли, а также кумулятивную функцию – функцию хранения знаний об окружающей действительности. Язык является хранителем культуры. По мнению В. В. Воробьева, язык «выступает в качестве реализованной «внутренней формы» выражения культуры как внеязыкового содержания предметно-понятийного характера, а культура – как процесс освоения человеком действительности и как фактор, воздействующий на развитие человеческого общества, – оказывается под непосредственным влиянием языка» [1].

Языки рождаются, постоянно меняются в процессе своего развития, а бывает, и исчезают (умирают). Основные в античном мире языки – древнегреческий и латынь – уже давно существуют только в виде памятников письменности, на них уже давно никто не говорит. А появившийся значительно позднее английский язык распространён во всём мире.

По данным ЮНЕСКО в мире существует 6 000 живых языков. Половина из них находится на грани исчезновения. На 96 % языков говорит только 4 % населения. 80 % африканских языков не имеют письменности. Ежегодно вымирает десяток языков, и эта тенденция будет усиливаться в будущем.

Для выживания языка необходимо, чтобы на нем говорило по меньшей мере 100 000 человек. Во все времена языки зарождались, существовали, затем вымирали, иногда даже не оставив следа. Но никогда ранее, они не исчезали настолько быстро.

Родной язык – это одновременно и культура, и образ мыслей. Многообразие языков – это огромное достояние человеческого наследия. Языки являются незаменимым инструментом сохранения и развития нашего материального и духовного наследия, составляют неповторимое выражение человеческого творчества во всем его разнообразии.

Как инструмент коммуникации, восприятия и размышления, язык также описывает то, как мы видим мир, и отражает связь между прошлым, настоящим и будущим. Родной язык уникален в том отношении, какой отпечаток он накладывает на каждого человека с момента его рождения, наделяя его особым видением вещей.

К. Д. Ушинский называет родной язык удивительным педагогом, который учит очень многому, и учит очень легко, основательно. Язык будит мысль ребенка, формирует множество понятий, взглядов, развивает логическое мышление. «Усваивая родной язык, ребенок усваивает не одни только слова, их сложения и видоизменения, но бесконечное множество понятий, воззрений на

предметы, множество мыслей, чувств, художественных образов, логику и философию языка... Таков этот великий народный педагог – родное слово!».

Русский язык является формой и зеркалом культуры. Он вбирает в себя и своеобразно преломляет всю совокупность знаний и представлений человека о мире. Своеобразие национальной культуры, отражённой в языке, наиболее ярко проявляется в лексике, и фразеологический фонд русского языка служит тому прекрасным примером. В исконно русской фразеологии отражается картина «русского мира». Быт, традиции, обычаи, нравы русского народа, природные явления, родственные отношения, религиозные представления, история.

Система образов, закреплённых в русской фразеологии и отражающих склад ума народа, связана с материальной, социальной и духовной культурой нации. Языковые единицы – это «бесценные ключи» к пониманию всех аспектов культуры.

У знаменитого русского писателя, лауреата Нобелевской премии, Ивана Алексеевича Бунина мы находим следующее высказывание: «Россия и русское слово (как проявление ее души, ее нравственного строя) есть нечто нераздельное» [2].

Русский язык называют «великим, могучим, правдивым и свободным», а еще «духоносным и светоносным языком, средоточием исторического и духовного опыта народа», отмечают его мудрость и целомудрие.

Много интересного откроет нам наш язык, познакомит с историей русского народа. Совсем не случайно в церковнославянском языке слова «язык» и «народ» суть одно слово: каков язык – таков и народ.

Публицист В. Ирзабеков в книге «Тайна русского слова», восхищаясь нашим языком, пишет: «Оказывается, такие качества, как застенчивость и целомудрие, могут относиться не только к человеку, но и к языку, каковым и является язык русский. В нем попросту нет слов, обозначающих близость мужчины и женщины». А по поводу мата он заявляет: «Я убежден, что в русском языке мата нет и быть не может... Мат лежит за пределами, за дальними границами той благословенной территории, которая зовется великорусским языком» [4].

Уродливыми наростами на языке называет писатель аббревиатуры, появившиеся у нас после революции. О появлении этих слов без корней он пишет: «Искажение языка – это одно из позорных свидетельств отпадения русского человека от Бога». А еще Ф. М. Достоевский в свое время с горечью восклицал: «Русский человек без Бога – дрянь».

Чем же обогатился наш язык в последние десятилетия? И обогатился ли? Какие слова появились? *Бабки* (в значении деньги), *байк* (мотоцикл), *баксы и грины*, *башлять*, *бодипирсинг*, *бой-френд*, *виповский*, *гей-клуб*, *дампинг*, *имиджмейкер* – и далее в том же духе. Процессы, которые происходят сейчас в русском языке, лингвисты называют «третьей варваризацией» (первая была в Петровскую эпоху, вторая – после событий 1917 года). Точнее, следовало бы говорить о тотальной жаргонизации, ибо именно жаргон правит сегодня свой мерзкий бал.

«Мне страшно подумать, – может сказать каждый из нас вслед за В. Г. Короленко, – что моим детям был бы непонятен мой язык, а за ним – и мои понятия, мечты, стремления, моя любовь к своей бедной природе, к своему родному народу... к своей стране» [2].

Каждому из нас на своем месте нужно изыскивать возможности служения Родине и ее святыням, среди которых – и родной язык.

Окружающий человека мир постоянно меняется, и соответственно меняется используемый им словарь: с одной стороны, в нем появляются новые слова (т. е. он расширяется), а с другой – исчезают слова устаревшие [3].

К. Д. Ушинский писал: «Язык народа есть произведение творческой способности дара слова не одного человека и не одной человеческой жизни, а бесчисленных жизней, бесчисленных поколений. В языке своем народ в продолжение многих тысячелетий и в миллионах индивидуумов сложил свои мысли и чувства. Природа страны и история народа, отражаясь в душе человека, выражалась в слове. Человек исчезал, но слово, им созданное, оставалось бессмертной и неисчерпаемой сокровищницей народного языка; так что каждое слово языка, каждая его форма, каждое выражение есть результат мысли и чувства человека, через которые отразилась в слове природа страны и история народа».

Литература

1. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы) / В. В. Воробьев. – М. : Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
2. Галимова Е. «Сам необыкновенный язык наш есть еще тайна...» / Е. Галимова. – Архангельск, 2007 : [Электронный ресурс]. URL : <http://www.ronl.ru/stati/kultura-i-iskusstvo/123855>.
3. Жилина О. А. Русский язык и культура речи: учеб. пособие : Ч. 1 : Основы культуры речи / О. А. Жилина, Н. Н. Романова. – М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2008. – 153 с.
4. Ирзабеков В. Тайна русского слова. Заметки нерусского человека / В. Ирзабеков. – М. : Даниловский благовестник, 2013. – 200 с.

ЯЗЫК КАК НОСИТЕЛЬ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ НОРМ

Стигостенко Ольга Олеговна, Камыса Альбина Олеговна,
студентки II курса института экономики и торговли

Науч. рук.: Сереброва С. Б.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингводидактики
**Донецкий национальный университет экономики
и торговли им. М. Туган-Барановского**

Этнос не есть лишь биологическая популяция. Его образование, вероятно, не только результат «пассионарного толчка» или «эффекта воздействия природы на поведение этнических сообществ». Существуют также и социокультурные факторы образования этноса. Согласно принятому в науке определению, этнос представляет собой «исторически сложившуюся совокупность людей, которые обладают общими особенностями культуры, включая язык». Для настоящего исследования особенно важно выделение таких этнокультурных норм, как общность и стабильность культурных ценностей, в том числе и языка.

Целью данной работы является рассмотреть понятие этноса и языка, найти между ними взаимосвязь и обосновать зависимость между этносом и языком.

Актуальность данной работы заключается в том, что основным носителем этнокультурных норм служит язык, функционируя в качестве внутриэтнического коммуникативного средства передачи традиций, информации об истории и культуре народа.

Этнические группы находятся в непрерывном контакте. В полиэтническом обществе функционируют различные языки, которые влияют на содержание и формирование этнокультурных норм. В свою очередь, формирование последних в значительной степени зависит от взаимной лингвокультурной компетентности этноконтактных групп, от степени их соответствия реальному и желаемому речевому поведению. Исторически сложившаяся совокупность этнокультурных норм и ценностей не только образует культуру этнической общности, но она становится главным звеном национального своеобразия этноса, его национального самосознания. Иногда национальное своеобразие ограничивают понятием психического склада нации. Например, говорят о лукавстве молдаван, мягком юморе и романтизме украинцев, широте и удали русских, гостеприимстве кавказцев и т.д.

Язык – факт культуры, он составная часть культуры, которую мы наследуем, и одновременно ее орудие. Культура народа вербализуется в языке, именно язык аккумулирует ключевые концепты культуры, транслируя их в знаковом воплощении – словах [1].

Видный лингвист Бодуэн де Куртенэ говорил, что «каждый язык есть своеобразное мировидение» [3, с. 24]. У представителей различных языковых

культур формируются различные картины мира. Языковая личность обязана организовывать содержание высказывания в соответствии с этой картиной. И в этом проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке.

Таким образом, этническое самосознание базируется, прежде всего, на родном языке, следовательно, анализ языка – является ключом для исследования менталитета того или иного народа.

Сама по себе история любого народа это сложный процесс, где немаловажную роль играет межкультурная коммуникация. В процессе коммуникации происходит взаимопроникновение культур. При контактах с другими культурами большинство людей судят о «чужих» культурных ценностях, используя в качестве образца и критерия культурные ценности собственного этноса. Такой тип ценностного суждения принято называть этноцентризмом. Чаще всего этноцентризм подразумевает, что собственная культура превосходит другие культуры, и в этом случае она расценивается как единственно правильная, превосходящие все другие, которые, таким образом, недооцениваются [2].

В заключение можно отметить, что язык – это ключ к человеческой культуре и, наконец, душе человека. Важным элементом этнической культуры является «душа народа», которую еще называют национальным характером или психическим складом этноса. Национальный характер не является чем-то застывшим, его особенности определяются исторически. Национальный характер существует, но не наследуется от предков, а приобретается в процессе воспитания. Причем далеко не каждый член этноса может считаться обладателем типичного национального характера.

Литература

1. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. – 3 изд., перераб. и доп. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
2. Садохин А. П. Этнология : учебник / А. П. Садохин. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Гардарики, 2004. – 287 с.
3. Тимашева О. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации : учеб. пособие / О. В. Тимашева. – М. : Флинта, 2004. – 192 с.

УКРАЇНСЬКИЙ ФОЛЬКЛОР У ПІСЕННІЙ ТВОРЧОСТІ БОРИСА ГРІНЧЕНКА

Щербань Тетяна Євгенівна,
магістрант спеціальності
«Книгознавство, бібліотекознавство і бібліографія»

Наук. кер.: Дьякова Т. О.,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри соціально-гуманітарних дисциплін
**Луганська державна академія культури і мистецтв
ім. М. Матусовського**

Борис Грінченко – не лише талановитий український письменник-гуманіст, мовознавець, соціолог, етнограф, а й видатний фольклорист. Протягом усього життя він шукав, обробляв і публікував народні пісні, казки, легенди, перекази, приказки, організовував їхнє збирання через численних кореспондентів з усієї України, виховував збирачів-фольклористів, редагував етнографічні збірники, створював покажчики паралелей до численної маси фольклорних творів [5, с. 239]. Народну творчість він вивчав у тісному зв'язку з соціальними, економічними умовами життя трудящих, засуджував теорію відмирання фольклору, став одним із зачинателів систематизованого видання української народної творчості [2, с. 66].

Вагомим здобутком народознавчої науки стало пісенне зібрання Бориса Грінченка, що увійшло до 3-го тому «Этнографических материалов...», який було опубліковано 1898 року додатком до «Земского сборника...», а 1899 – окремим виданням [5, с. 240]. Це одне з перших комплексних видань фольклору Лівобережної України, збірка нараховує 1704 пісні. Матеріал покласифіковано за жанрово-тематичним та функціональним принципами [4, с. 84]. Основу збірки складають пісні Чернігівщини [1, с. 86].

Тут є зразки майже всіх жанрів українського пісенного фольклору – колядки й щедрівки, веснянки й весняні гулянки, пісні русальні, петрівчані, троєцькі, купальські, полільніцькі, гребовецькі, косарські, жнивні, весільні, про кохання та родинне життя, колискові та забавляння, наймитські, бурлацькі, чумацькі, рекрутські, солдатські, історичні, жартівливі та сатиричні, приказки до чарки, до танцю, балади та описи весілля. Зустрічаються поодинокі зразки похоронних голосінь і дум, а також пісень напівнародного характеру [5, с. 242].

У записах Бориса Грінченка переважають родинно-побутові пісні. Вони побудовані, в основному, шляхом контрастної характеристики членів рідної та чужої сімей. У творах зображено молоду жінку та членів її сім'ї – батька, матір, братів, сестер, яким протиставляється родина чоловіка після весілля (чоловік, свекор, дівери, зовиці). Цей контраст проявляється не лише в змісті родинно-побутових пісень, але й у всій поетичній структурі образів [3, с. 157].

Головними героями в родинно-побутових піснях виведено жінку та чоловіка. Вони синтезують у собі риси загального, поодинокого, збірного, індивідуального, є сприйнятими як одне ціле. Чільне місце в родинно-побутових піснях посідає образ дівчини. Його, як і взагалі всі образи родинно-побутових пісень, створено двома способами – зовнішнім описом та внутрішньою передачею його психологічної суті за допомогою народної пісенної поетики [3, с. 158].

У ліричних піснях, виданих Б. Грінченком, головний герой виступає як готовий, сформований характер, тобто такий, що не змінюється у своїх основних рисах протягом твору. Він може поступово розвиватися, набувати щораз яскравішої характеристики не лише в своєму зовнішньому вигляді, але й у внутрішніх якостях. Розкриттю образу головного героя підпорядковані сюжет, картини побуту та природи, діалог, монолог, описово-розповідна та зображальна форми, самохарактеристики, символічні образи тощо.

Ліричні пісні, видані Борисом Грінченком, відзначають конкретність і реалізм зображення. Виявляється це у багатстві життєво-правдивих ситуацій.

Таким чином, Борис Грінченко став автором плідної праці в сфері вивчення українського фольклору. У виданих ним піснях відображено звичаї, традиції, суспільний лад, побут та світобачення українців. Простежено систему образів ліричних героїв, які розкрито максимально повно: з характеристиками, описами, почуттями. Пісні Бориса Грінченка – це не лише естетично багаті й довершені витвори мистецтва, а й яскраве відображення фольклору українського народу.

Література

1. Білосветова І. С. Б. Грінченко і пісенний фольклор лівобережної України / І. С. Білосветова // Борис Грінченко : тези доповідей республіканської науково-практичної конференції, присвяченої 125-річчю від дня народження видатного українського письменника, вченого, громадського діяча. – Ворошиловград, 1988. – С. 86–87.

2. Будівський П. О. Із спостережень над поетикою українських ліричних пісень, виданих Борисом Грінченком / П. О. Будівський // Проблеми творчої спадщини Бориса Грінченка : тези доповідей республіканської науково-практичної конференції, присвяченої 130-річчю від дня народження Бориса Дмитровича Грінченка. – Луганськ, 1993. – С. 66–67.

3. Будівський П. О. Поетика народних пісень виданих Б. Грінченком / П. О. Будівський // Творча спадщина Бориса Грінченка й українська національна ідея : матеріали наук. конференції до 145-ої річниці з дня народження Бориса Грінченка. – Луганськ : СПД Резніков В. С., 2008. – С. 158–163.

4. Будівський П. О. Специфіка українських родинно-побутових пісень / П. О. Будівський // Борис Грінченко : тези доповідей республіканської науково-практичної конференції, присвяченої 125-річчю від дня народження видатного

українського письменника, вченого, громадського діяча. – Ворошиловград, 1988. – С. 84–85.

5. Скиба О. В. Фольклористичний аспект мистецького світу Б. Грінченка / О. В. Скиба // Творча спадщина Бориса Грінченка й українська національна ідея : матеріали наук. конференції до 145-ої річниці з дня народження Бориса Грінченка. – Луганськ : СПД Рєзніков В. С., 2008. – С. 239–243.

ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХА НАРОДА

Яфарова Алина Салихтяновна,
студентка I курса факультета менеджмента

Науч. рук.: Усова О. О.,
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой краеведения
Донецкий государственный университет управления

По своей сущности язык – это всего лишь знаковая система и по совокупности норм и правил ничего не выражает. Значением и смыслом эту знаковую систему наполняет лишь человек. Ведь язык – это зеркало культуры человека, отражение этой культуры характерного для каждого языка и, конечно же, этнической группы, речевого коллектива, который с помощью него передает и обменивается информацией. С латинского языка термин «культура» означает взращивание, совершенствование чего-либо. Естественно, и применительно к человеку это совершенствование, взращивание, формирование какого-либо образа. Если рассматривать эту трактовку, то можно доказать, что благодаря культуре человек образовывается. В процессе познания человек осваивает ценности, связанные с культурой. Так как достижения познавательного характера представляют собой систему духовного и материального состояния человечества, ведь освоение общих научных положений является приобретением культурных ценностей. Как известно, язык представляет собой способ получения информации об окружающем мире и является средством коммуникации. Одновременно он выполняет две важные функции: хранит и выражает духовную культуру, которая передается от поколения к поколению. Из этого следует, что уровень культуры человека и эпохи в целом определяется отношением к языку. Поэтому важная миссия образования современного поколения заключается в том, чтобы сформировать любовь к родному и также иностранным языкам, к сохранению, обогащению научных, исторических и духовных ценностей.

Можно предположить, что к языку нужно относиться, как к различным аналогам одежды, которая может быть подобрана к какой либо конкретной ситуации и которую всегда можно сменить. В какой бы ситуации человек не оказался – его речь будет скучна и неинтересна, порой глупа и может даже

вызвать недоумение, если он не будет применять в своем рассказе культуру языка на котором говорит. Примером может послужить речь Элизы Дулиттл из пьесы Бернанда Шоу «Пигмалион». Она полна яркости, эмоциональности, только в том случае, если ее сформировали сразу двое «учителей» – это профессор Хиггинс и полковник Пикеринг. Первый «учитель» придал речи понятную и грамотную форму, а второй украсил ее всей глубинной подлинной человеческой культуры [3].

Но также существуют и проблемы взаимопонимания между культурой, этносом и языком. История нам приводит множество примером, когда неосознанное, ненамеренное ущемление интересов групп общества, пренебрежительное отношение к духовной культуре, обычаям этноса, явлениям культуры приводит к неожиданным этническим конфликтом. Большинство национально-освободительных движений в первую очередь говорили о снятии запрета на их родной этнический язык. Именно этот язык становится объектом политической несправедливости, в связи с чем этнический язык может жить лишь внутри народа – его генетического носителя и зачастую дальнейшая судьба такого языка зависит от каждого человека индивидуально. Примером такого явления может служить крымско-татарский язык, который остался лишь благодаря татарам, так как они говорили на нем в кругу своей семьи, своей общины. Несмотря на ущемления и запрет, крымско-татарский язык передавался из поколения в поколение, не теряя своего индивидуального качества, а напротив появился новый колорит языка. Очевидно, что невозможно рассматривать языковые явления без границ развития общества. Отношения между «языком» и «культурой» очень не легки. Эти два понятия можно сравнивать лишь по функциональным параметрам. Учёный Г. Нешименко выделил два основных момента в различении таких понятий.

Первый – это **язык – система гомогенная**. То есть знаковые системы, которые характеризуют язык, являются однородными. Они применяются в виде некоторых форм существования этнического языка (литературный язык, обиходно-разговорная речь и т. д.), используемых как в звуковой (произношение), так и в графической (написание) номинации.

Второй – это **культура – гетерогенна**. Знаковые системы, которые используются в культуре, весьма разнообразны, а также существенно отличаются друг от друга (звукоинтонационный, вербальный языки, иконический язык. Хотя, естественно, сопоставлять значимость сравниваемых компонентов в высшей степени непрофессионально). Оба феномена тесно связаны с мышлением и общением человека, однако результативность этой взаимосвязи существенно отличается. Так, функциональным назначением языка является коммуникативность, а культуры – эстетичность (эстетическое самовыражение личности как творца) [1].

Роль самого языка как универсального зеркала действительности обязана кардинально изменить всю языковую ситуацию в современном мире, которая требует применения языка во всех сферах жизни, без исключения. Язык дан каждому социуму, и только лишь родное слово воплощает весь спектр

духовной и культурной жизни народа, полностью выражает мысли, чувства, желания души человека, создаёт внутреннюю гармонию между физической и духовной природой общества, стимулирует развитие национального бытия, формирует культуры. Следует отметить, что проблемы духовной онтологии языка наиболее точно и полно передал немецкий учёный Вильгельм фон Гумбольдт, который описывал язык как отражение духа народа, воплощение духовной революции. Такое представление следует из его философской культуры, в основе которой лежит перенос человеческого духа в процессе познания на мир, за которым мы наблюдаем, и который нас окружает, в результате чего происходит разнообразие гносеологических связей. Не следует забывать, что человек создает культуру, в свою очередь культура создает человека. Человек реализуется в культуре мысли, культуре труда и культуре языка. Культурой является не только все то, что сделано за все века руками и умом человека, но и выработанный веками способ общественного поведения, что выражается в верованиях, обычаях [2].

Человеческий язык представляет собой набор уникальных свойств, одарен понятной речью и, конечно же, творческим началом и через него является бесценным даром человека, нации и общества в целом. Язык – это святыня, которую нужно уважать, ценить и почитать. Именно этим и должно определяться отношение людей к языку. В силу огромного значения языка в судьбах людей безнравственно относиться к нему как к чему-то обыденному. К нему нужно относиться как к великому дару. Исходя из всего выше сказанного, можно сделать вывод, что главная задача, которая стоит перед современным обществом в том, чтобы дать ему возможность познать все аспекты языка и с помощью него развивать как духовную культуру, так и культуру в целом. Как говорил А. Куприн: «Язык – это история народа. Язык – это путь цивилизации и культуры. Поэтому-то изучение и сбережение русского языка является не праздным занятием от нечего делать, но насущной необходимостью».

Литература

1. Вильгельм фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт ; [Пер. с нем. / Общ. ред. Г. В. Рамишвили ; Послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева]. – М. : «Прогресс», 2000. – 400 с.
2. Реан А. А., Бордовская Н. В., Розум С. И. Психология и педагогика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.psyho.ru/library/books/rean-a-abordovskaya-n-vrozum-s-i-psixologiya-i-pedagogika/19/2/>
3. Синцов Е. В. Русский язык и культура речи : учеб. пособие / Е. В. Синцов. – М. : Флинта, 2011. – 170 с.

СЕКЦИЯ 4. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

НАРОДНА АФРИКАНСЬКА АФОРИСТИКА – ЗАГАЛЬНОЛЮДСЬКИЙ ДОСВІД У НАЦІОНАЛЬНОМУ ОСВІТЛЕННІ

Божинська Олена Романівна,
студентка I курсу архітектурного факультету

Чернишова Лариса Іванівна,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри прикладної лінгвістики та етнології
Донбаська національна академія будівництва і архітектури

«Слово наче птах – народжується з крилами», – говорить одне з африканських прислів'їв. Але, на жаль, порівняно мало народних крилатих висловів змогли подолати опір часу і «пролетіти» крізь довгі століття. Адже в більшості країн Чорного континенту писемність з'явилася лише в першій половині XX століття. Проте навіть та незначна частка фольклору, що дійшла до нас, могла б скласти величезну бібліотеку. Міфи, легенди, казки, пісні, прислів'я та приказки передавалися з уст в уста, від покоління до покоління, величезною кількістю мов, яких і зараз в Африці існує понад семисот.

Як відомо, збирання фольклору почалося ще з сивої давнини у Греції та Римі, однак в Африці цей процес почався нещодавно. «Разом з гріотом (так називають народних співців-імпровізаторів) гине ціла бібліотека», «Гріоти – це скарбниці слів і народна пам'ять», – кажуть у наші дні на африканському континенті. І якщо гріотові не було кому передати своє мистецтво, то воно поступово забувалося. Однак фольклор посідав і посідає таке значне місце в житті африканців, що не може зникнути безслідно з плином часу. Тому-то світ і має змогу віддати належне традиційному мистецтву давніх африканських цивілізацій – танцям, обрядовим дійствам, міфам, легендам, гімнам на честь якоїсь події або якоїсь особи, героїчним, мисливським, побутовим пісням, прислів'ям і приказкам. Звичайно ж, краще збереглися матеріальні пам'ятки – бронзові й теракотові скульптури Іфе та Беніна, барельєфи Феццана, навіть традиційна дерев'яна скульптура й ритуальні маски.

Та не тільки безжальний час і відсутність писемності перешкодили багатьом чудовим зразкам африканської народної творчості збагатити культуру сьогодення. Величезної й непоправної шкоди традиційному мистецтву та фольклору завдав колоніалізм.

Здавалося б, такі варварські злочини безсилі проти усної народної творчості, проте це далеко не так. Коли йдеться про Африку, слід враховувати особливий, надзвичайно міцний взаємозв'язок різних форм фольклору, які часто виступають як своєрідна «двоєдиність» або навіть «багатоединість».

Дослідниками давно помічено, що «музика – пісня – танець» – поняття нероздільні в Африці. Якщо згадується одне з них, то маються на увазі й інші». Це саме можна сказати чи не про всі форми традиційного мистецтва. Для кожного ритуалу існує своя маска, свої слова, які викликають різноманітні асоціації, то ж коли хоч одна з цих асоціацій назавжди губиться, то разом з нею губиться й цілий комплекс міфологічних уявлень, а отже, й багато витоків фольклору.

В африканській усній народній творчості існує не тільки згаданий взаємозв'язок конкретних художніх форм, а й їхня функціональна єдність: вони мали й мають (хоч зовні це може й не так виразно виявляється) двоєдину спрямованість – естетичну й побутово-практичну. Остання впливає не тільки з побуту африканця, а й з традиційних релігійних принципів абсолютного спіритуалізму, що й сьогодні відіграють важливу роль у африканському світобаченні. У світі, вчить спіритуалізм, існують добрі та злі духи, що постійно впливають на людину, нерідко борючись один проти одного. Африканець танцює, щоб задобрити духів, виконує найрізноманітніші анімістичні обряди, музика супроводжує ритуальні танці та обряди, пов'язані із сільськогосподарськими роботами. Африканець вважає, що пісня робить чоловіка безстрашним, а маски допомагають побороти сили зла. Слову в Африці надають магічного значення, зокрема його властивості впливати на людину, тварину, річ. З допомогою слова людина намагається змінювати світ, перетворювати його, надавати його розвитку потрібного спрямування. Завдяки магічному слову чаклун або пророк спілкується з духами, з потойбічними силами, керує природою, відвертає хвороби тощо.

Те саме можна сказати і про прислів'я та приказки африканських народів: вони водночас були і витвором народно-поетичної творчості, і засобом впливу на думку вождя, ради старійшин тощо. «Є прислів'я, приказки, вислови, зміст яких зрозумілий тільки небагатьом утаємниченим, зокрема традиційним вождям, посередникам, старійшинам... У традиційному суді прислів'я та приказки – невід'ємна частина процесуального кодексу. Будь-який вирок, рішення або ухвала можуть бути висловлені у формі прислів'я або інших усталених виразів і часто залежать від них», – пише дослідниця Р. Вологдіна [2, с. 10].

Таке ставлення до слова типове для всього континенту. Мистецтво гріотів дуже високо цінують у Західній Африці, а у Східній Африці людина, яка хоче бути прикладом для наслідування, мусить стати не тільки хоробрим воїном, а й вирізнитися своєю красномовністю. Якщо ж згадати й досить широко розповсюджений звичай африканських народностей висловлюватись непрямо («Дорослий нічого навіпростець не скаже»), то стане зрозумілою й виняткова роль прислів'їв та приказок у житті африканця, хоча вони, звичайно ж, поступаються в цьому вже згадуваній триєдиності «музика – пісня – танець». Щоправда, інколи прислів'я та приказки народжувалися як частина героїчної або побутової пісні, гімну на честь вождя тощо, а вже потім перетворювались на окрему семантичну одиницю. Так, наприклад, у мисливських піснях

народності йоруба натрапляємо на рядки, що згодом стали самостійними прислів'ями: «Не жартуй з Огуном (богом вогню)»; «Смерть ні з ким не дружить»; «Не йди ні попереду, ні позаду друга». Так само неодноразово ставали прислів'ями моралізаторські закінчення легенд і казок. Скажімо, кінець однієї з казок народу тві набув значення прислів'я-запитання: «Чим ти віддячиш за зроблене тобі добро?» Так само перейшли в прислів'я й деякі повчальні вислови з казок хауса («Не повторюй чужих помилок»), амхарів («Хитрун сам потрапить у свій капкан»), монго та інших народів.

Більшість африканських прислів'їв та приказок склалися багато століть тому, хоча, звичайно ж, вони народжуються й досі. Прислів'я та приказки увібрали в себе особливості історичного розвитку, культури та побуту народів Африки і є, як правило, типологічним узагальненням, дидактичним висновком, філософською сентенцією. Моральна настанова, роз'яснення якогось явища набувають у прислів'ях народів Африки виразної форми завдяки сконцентрованій думці, натяку, тонкому гуморові, інакомовності, порівнянням, метафорам, гіперболам. Інколи вживаються рими та асонанси, що, звичайно ж, характерно не тільки для африканських прислів'їв, а й для прислів'їв багатьох народів світу.

Особливістю африканського фольклору, що часто відбиває світосприймання і давніх общин у цілому, і конкретної особистості, є його міфологічність. Саме вона визначає як сутність, так і жанрову специфіку усної народної творчості африканських племен і народностей, своєрідність їхніх уявлень про навколишній світ та про місце людини в ньому. Різноманітні фантастичні, містичні, ірраціональні елементи досить-таки химерно переплітаються з елементами цілком реальними, із здобутими в упертій боротьбі за існування конкретними знаннями. Ці архаїчні риси африканського фольклору, притаманні в повній мірі міфів, міфологічній казці, казці про тварин, набагато слабкіше виявляються у прислів'ях та приказках.

Однак і в них можна знайти окремі сліди тотемічних вірувань, коли міфологічний герой ототожнюється з якоюсь твариною, птахом, комахою. Таким зооморфним героєм є павук Анансі у фольклорі народності ашанті. Характерно, що Анансі вільно спілкується з богом неба Н'ямою і навіть купує в нього всі казки, які через це зветься не казками бога неба, а казками павука. Анансі дуже їх цінує. Він вимагає, щоб його казки (його слова) завжди до нього й поверталися. Саме завдяки цьому міфів виникли прислів'я народу ашанті «Анансі своїх слів не продає» і «Нехай моя казка повернеться до мене». Однак це досить рідкісна генеза африканських прислів'їв. Як правило, вони тісно пов'язані з реальним життям. Прогресивний англійський вчений та публіцист Б. Девідсон цілком справедливо виділяє в африканському світосприйнятті два основних аспекти. Перший – це пояснення світу, а другий – повчання, як у цьому світі жити й поводитися. Саме на цих двох основах найчастіше й ґрунтуються африканські прислів'я та приказки, що є водночас джерелом пізнання світу і відображенням морального ідеалу народу. Звідси походить і етико-практична спрямованість цього жанру в усій народній творчості

африканців, які завжди складали високу ціну красі, мудрості прислів'я та приказки, вірили в їхню необхідність («Розмова без приказки – як м'ясо без солі», «Прислів'я в розмові – як солодкий мед у глечику», «Хто зрозумів прислів'я, той мудрий», «Слово – багатство»). Адже народ і його прислів'я – невіддільні. І справді, коли прислів'я гнівається – це вислів народного гніву; коли висловлює прагнення до волі – це народне прагнення, коли сміється – це сміх народу. І, незважаючи на те, що прислів'я та приказки – найлаконічніші фольклорні форми, саме в них виявляється народна мудрість, відбиваються своєрідні національні риси того чи того народу, саме в них узагальнено життєвий досвід багатьох поколінь.

Гірко звучать африканські прислів'я про рабство, адже мільйони темношкірих були позбавлені волі, а більшість із них – ще й батьківщини. Тому-то й кажуть африканці: «Раб завжди винен», «Коли раб ховається в затінок, він позбавляє себе єдиного, що йому належить – сонячного проміння», «Воля дорожча від золота» тощо.

Нема такого народу, який би не любив своєї батьківщини, однак для африканців, мабуть, ця любов особлива, бо, як уже сказано вище, в їхній душі через особливості історичного розвитку любов до рідної землі поєднується з любов'ю до свободи. Мабуть, саме тому прислів'я про батьківщину та чужину такі виразні: «Людина на батьківщині – як лев у лісі чи крокодил у річці», «Людина без батьківщини – як насіння без землі», «Побитий на чужині – повернеться додому, побитий удома – куди піде?»

«Життя – це праця», – стверджує прислів'я народу ашанті, близьке за змістом до безлічі афористичних висловів багатьох інших народів, у тому числі й африканських. Працю, як одну з найвищих цінностей життя, оспівують («Щоб злетіти в небо – потрібні крила, щоб заслужити повагу – потрібна праця»), а лінощі зневажають («Краще німечий старий, аніж ледар молодий»). У африканських прислів'ях висловлюється і протест проти соціальної нерівності («Син багатія – бавиться, син бідняка – з голоду помирає»), стверджується висока гідність простої людини («Бідного рятує чесність»); протиставляються народ і визискувачі («Що для бідного – клопіт, те для багатія – радість»; «Коли вмирає проста людина, хвалять її розум, коли вмирає імператор – хвалять його палац»). Щоправда, африканська община свого часу породила й особливу етику. Так, у народності дінка вважалося за неможливе мати худоби більше, ніж її потрібно для прожиття, а в хауса моральною настановою багатієві була вимога роздати бідним своє «зайве» майно. Коли ж така людина не скорялася общині, її відверто зневажали. Про це і йдеться у прислів'ї «Багатство – шлях до ганьби». Мабуть, у надрах африканської традиційної общини з'явилися й вислови: «Тінь у всіх людей одного кольору» або «Моє належить не тільки мені».

Прислів'я народів Африки багато чого розкривають у характері, моралі, самій душі народу. Вони можуть бути і повчанням («У людини троє друзів: мужність, розум і проникливість»), і утвердженням колективістської етики («Лева можна зв'язати й нитками, коли скрутити їх до купи»), й іронічним

запереченням («Не лякай леопарда мертвим бабуїном»), і філософською сентенцією («Світ старий, але майбутнє росте з минулого»), і жартівливим застереженням («Не сідай на дикобраза»), і чітким логічним паралелізмом («Старість знає, що таке молодість, молодість не знає, що таке старість»).

Деякі африканські прислів'я, зовні схожі на здавна відомі нам, мають зовсім інший внутрішній зміст, як-от прислів'я «Рука миє руку, а обидві – обличчя». На відміну від майже адекватних зовнішніх відповідників – українського й російського походження – тут ідеться про дружбу, про товариську підтримку. Це африканське прислів'я не містить у собі жодного відтінку іронії чи образи.

Частина африканських прислів'їв аналогічна за змістом латинським, англійським, французьким та багатьом іншим («Любиш когось, люби і його собаку», «Друзів пізнають у нещасті», «Не знаючи броду, не лізь у воду», «Не все те золото, що блищить», «Нова мітла чисто мете») та ін. Це – явище природне, адже прислів'я живуть сотні років, легко долаючи кордони й переходячи від одного народу до іншого. Звичайно ж, не можна виключати і того, що те саме прислів'я або приказка могли народитися незалежно у двох або навіть кількох народів.

Зустрічаються й ідентичні вислови у різних африканських народів. У цьому випадку з більшою певністю можна говорити саме про запозичення, адже, наприклад, мовою суахілі розмовляють у Кенії, Танзанії, Сомалі, Мозамбіку, а мовою хауса – в Нігерії, Камеруні, Чаді, Нігері та в інших країнах. І це – далеко не поодинокий для Африки приклад. Тому-то африканські прислів'я та приказки легко мігрують від народу до народу і їхнє точне походження встановити майже неможливо.

Звичайно ж, африканці створили безліч цілком оригінальних прислів'їв та приказок. Для їх кращого розуміння треба взяти до уваги те, що павук в африканському фольклорі є втіленням мудрості, а заєць – хитрощів, змія виступає символом зла, а слон – сили. Поняття смерті часто пов'язане з культом предків, які, за африканськими уявленнями, існують і після смерті, – в іншій іпостасі. Однак їхнє існування триватиме тільки доти, доки про них пам'ятатимуть нащадки. Тому-то африканці повсякчас звертаються до померлих у своїх ритуальних танцях, піснях, заклинаннях.

Оригінальними є й ті африканські прислів'я, які містять у собі граничні узагальнення. Вони стосуються відносин людини і світу, закликають людину до самопізнання («У світі легко заблукати», «У світі як у морі», «Пізнай себе так, як світ пізнав тебе!»). Багато прислів'їв цього типу досить широко вживають сучасні африканські письменники.

Отже, прислів'я та приказки народів Чорного континенту створені в різні часи, проте їхня різноманітність і багатство великою мірою пояснюють причини того впливу, що його мав і має й тепер фольклор на повсякденне життя народів країн Африки та на їхні молоді літератури.

Література

1. Мовчун А. Мовні скарби : Вивчення прислів'їв і приказок у школі : Навч.-метод. посібник. / А. Мовчун. – К. : Либідь, 2000. – 184 с.
2. Прислів'я та приказки народів Африки / Перекл. В. К. Кухалашвілі. – Серія «Мудрість народна». – № 42. – К. : Дніпро, 1986. – 223 с.
3. Чаша мудрости : афоризмы, изречения, высказывания отечественных и зарубежных авторов / Композиция В. Воронцова. – М. : Дет. лит, 1978. – 511 с.

О СПЕЦИФИКЕ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ

Гамolina Ася Кивовна,
ст. преподаватель кафедры лингводидактики
**Донецкий национальный университет экономики
и торговли им. М. Туган-Барановского**

Не вызывает сомнений тот факт, что каждое занятие по любому иностранному языку – это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает другой незнакомый мир и другую чужую культуру, потому что за каждым словом стоит представление о мире, обусловленное национальным сознанием. По мнению ученых, в национальном языке отражается генетический код народа, говорящего на нём, своеобразное мировосприятие картины мира, что, воплощая объективный закон единства языка и национальной культуры, ведет к уникальной возможности по данным языка познакомиться с историческим прошлым этноса, его нравственными идеалами, ценностными ориентирами, философией и психологией. Специфика сказывается и в ритмике языка, и в его мелодике, и в его фонетической и структурно-семантической системах, в интонационных конструкциях, в особенностях функционирования языковых знаков в речи, в лексике, в поговорках и идиомах языка, которые определяются географическими, климатическими и историко-культурными особенностями, оказавшими влияние на формирование народа как нации на пути создания суверенного национального государства [7, с. 23]. Поэтому и сегодня для каждого студента, овладевающего русским языком как иностранным, независимо от практических целей его обучения (получение специальности, возможность вступать в контакт с его носителями и тому подобное), изучение русского языка должно быть неразрывно связано с постижением русскоязычной, а для обучающихся в нашем регионе, и украинской культур.

Иностранная культура как один из компонентов обучения на подготовительном факультете имеет социальное, лингвострановедческое, педагогическое и психологическое содержание, которое соотносится со всеми его аспектами и вытекает из содержания такого предмета, как русский язык как

иностранный язык. Однако овладение русским языком и культурой происходит не сразу, а постепенно. Поэтому преподавателям-практикам целесообразно решить следующие задачи: выделить тот круг объектов, которыми можно овладеть за часы, отведенные на изучение языка; установить оптимальное соотношение группы объектов, входящих в учебный, познавательный, развивающий и воспитательный аспекты; минимизировать материал, но в то же самое время обеспечить реализацию его необходимости и достаточности; найти наиболее оптимальные типы занятий; использовать на занятиях отрывки из лучших произведений художественной литературы, так как литературное произведение представляет собой феномен национальной культуры, обладающий определённым страноведческим и лингвострановедческим потенциалом; обеспечить взаимосвязь аудиторной и самостоятельной работы.

Обращение к проблеме изучения языка и культуры одновременно не случайно, так как это позволяет удачно сочетать элементы страноведения с языковыми явлениями, которые выступают не только как средства коммуникации, но и как способ ознакомления обучаемых с новой для них действительностью.

Сегодня в практику преподавания иностранных языков прочно вошли и такие термины, как лингвострановедение и лингвокультурология. Лингвострановедение сочетает в себе, с одной стороны, обучение языку, а с другой – даёт определенные сведения о стране изучаемого языка, оно обеспечивает решение целого ряда проблем, в частности, главной филологической проблемы адекватного понимания текста, поэтому оно выступает в качестве лингвистической основы не только лингводидактики, но и перевода. Лингвокультурология – на сегодняшний день, пожалуй, самое молодое ответвление этнолингвистики [5, с. 217], она создана, по прогнозу Эмиля Бенвениста, на основе триады – язык, культура, человеческая личность [1, с. 45] и представляет лингвокультуру как линзу, через которую исследователь может увидеть материальную и духовную самобытность этноса. Или же, если воспользоваться “химической” метафорой, это новейшее молекулярное соединение в границах последней, отличное от всех прочих своим “атомарным составом” и валентностными связями: соотношением “долей” лингвистики и культурологии и их иерархией. В ее задачи входит изучение и описание взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета [7, с. 216–217; 3, с. 4–6; 4, с. 28].

К компонентам культуры, несущим национально-специфическую окраску, можно отнести как минимум следующие:

- традиции, а также обычаи и обряды;
- бытовую культуру, тесно связанную с традициями, вследствие чего ее нередко называют традиционно-бытовой культурой;
- повседневное поведение, принятые в некотором социуме нормы общения), а также связанные с ним мимический и пантомимический коды;
- национальные особенности мышления представителей той или иной культуры;

•художественную культуру, отражающую культурные традиции того или иного этноса.

Итак, изучение русского языка как иностранного предполагает знакомство студента с реалиями страны изучаемого языка, а в нашем случае – и с украинскими реалиями тоже. Реалии – это реальные факты, предметы материальной культуры, касающиеся быта, культуры, истории страны изучаемого языка, героев, традиций, обычаев. Отличительными чертами реалии являются характер ее содержания (связь обозначаемого предмета с определенной страной, народностью, социальной общностью) и принадлежность ее к определенному периоду времени. В число лексических единиц, обладающих ярко выраженной национальной культурной семантикой, кроме реальных, входят коннотативная лексика (слова, совпадающие по основному значению, но различающиеся по культурно-историческим ассоциациям); и фоновая лексика, которая обозначает предметы и явления, имеющие аналоги в сопоставляемой культуре, но различающиеся по каким-то национальным особенностям функционирования, формы, предназначения предметов и т.п. Большой интерес представляют так же поговорки, идиоматические выражения, песни украинского и русского народов, в которых отражается национальное своеобразие истории, культуры, традиционного образа жизни носителя языка. Представляется необходимым составить паспорта коннотативной, фоновой и безэквивалентной лексики, общественно-политических, национальных, локальных, микролокальных, современных и исторических, географических, этнографических, бытовых и трудовых реалий, понятий искусства и культуры, этнические понятий и т. п., необходимых для изучения студентами-иностранцами на подготовительных факультетах Украины.

Следует отметить, что в этом плане представляют интерес, теоретическую и практическую значимость исследования о паспортизации ключевых слов, работа с использованием методики лингвострановедческой компарации, ролевые игры на материалах художественных текстов, использование прецедентных текстов, которые представляют собой, так называемые универсалии мировой культуры и культуры народа изучаемого языка, создание с учетом всего вышесказанного силами вузов интерактивных учебников нового поколения.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 446 с.
2. Верещагин Е. М. Язык и культура : три лингвострановедческие концепции / Е. М. Верещагин. – М. : Прогресс, 2005. – 370 с.
3. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 1997. – 186 с.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

5. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты : монография / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

6. Миронов В. В. Философия как метаморфоза культуры / В. В. Миронов. – М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 150 с.

7. Тер-Минасова С. Г. Язык и культура: монография / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 628 с.

ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ МЕЖДУ НАРОДАМИ ЗАПАДНОГО И ВОСТОЧНОГО МИРА

Кисель Виктория Сергеевна,
ассистент кафедры теории и практики перевода
Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

Проблема межкультурной коммуникации становится крайне актуальной в нынешнее время, эпоху, когда границ между странами и народами практически не существует благодаря развитию туризма, бизнеса, спорта, военному сотрудничеству, личным контактам. В результате различных политических, экономических, военных событий большое число людей мигрирует, проникает в другие страны, а, следовательно, и в другие культуры. Однако из-за различий в этих культурах, могут происходить разнообразные разногласия и даже конфликты по причине незнания элементарных основ поведения того или иного народа. Национальный характер – это своеобразный национальный колорит чувств и эмоций, образа мыслей и действий. Устойчивые и национальные черты привычек и традиций, формируются под влиянием географических условий, условий материальной жизни, особенностей исторического развития данной нации [1, с. 23]. Особенное внимание хотелось бы уделить культурам европейского и азиатского миров.

Одним из наиболее важных различий является разница в выборе коммуникативных средств общения. Представители западных культур, являясь более индивидуалистичными, больше внимания уделяют информационной стороне общения, нежели тому, как эта информация передаётся. У европейцев более развито языковое мышление, в отличие от представителей азиатской культуры, у которых доминирует образное мышление. Поэтому европейцы стремятся к беглости речи и к развитию своих речевых навыков. Народы же восточного мира больше внимания обращают на контекст сообщения, то есть для них важнее как сказано, а не то, что сказано. Таким образом, их речь характеризуется неконкретностью и расплывчатостью высказываний. Данная стратегия позволяет им больше узнать о намерениях партнёров и тем самым выстроить свою линию поведения.

При взаимодействии коммуникации и культуры становится заметно их взаимное влияние друг на друга. В каждой культуре имеются свои концепты (то

есть картины мира). Так, например, изучая категорию вежливости, можно увидеть множество различий в двух рассматриваемых культурах. К примеру, в азиатском мире неприемлемым является категорический ответ «нет», что для европейца – абсолютная норма. На Западе стремятся давать конкретные ответы, в Азии же это может служить причиной прекращения отношений. Этот фактор может привести к полному взаимонепониманию во время, к примеру, бизнес встреч. Представитель Европейской культуры просто может не понять расплывчатый характер высказывания азиатских партнёров.

Даже такое повседневное действие как приветствие может неприятно удивить представителей двух народов, если они не знакомы с особенностями поведения друг друга. Сравним двух таких различных представителей как итальянец и китаец. Итальянцы большое значение придают приветствию. Они могут не только пожать руки, но и обняться и даже поцеловаться. Китайцы будут в недоумении от такого рода поведения. Они очень уважают личное пространство и стараются избегать телесных контактов между мало знакомыми людьми. Первый поприветствует партнёра тот, кто моложе, и приветствие будет сопровождаться поклоном, иногда многократным. Во время разговора с малознакомыми людьми китайцы будут оставаться неподвижными, это касается не только тела, но и лица. При этом голос у них будет очень тихим, приближенный к шёпоту. Китайская культура общения опирается на конфуцианско-даосистские принципы, согласно которым мудрый человек должен жить достойно, быть уравновешенным, внешне бесстрастным, сдерживать проявление эмоций, знать свое место, не нарушать установленные правила, не выставлять свои достоинства напоказ [3]. «Сохранить лицо» – это умение сводить межличностные конфликты до минимума, не теряя чувства достоинства и самообладания. Китайцы очень сдержанный, спокойный и неторопливый народ. Проявлением ума у них считается уклончивость, а учтивость имеет приоритет перед правдивостью. Одной из ярко выраженных характерных черт общения у китайцев является улыбка. Китайцы улыбаются, когда испытывают самые разнообразные чувства от радости до горя. Таким образом, они проявляют своё уважение к собеседнику и показывают, что их проблемы не должны становиться проблемами собеседника, что ярко иллюстрируется китайской поговоркой «На сердце обида, а на лице улыбка».

Этническая обусловленность особенно ярко проявляется на уровне невербальной коммуникации. Исторически невербальные способы передачи информации появились в жизни людей раньше, чем вербальные. Сформировавшись до возникновения языка, они оказались устойчивыми и эффективными в своих первоначальных функциях [2]. К ним относят мимику, жесты, зону личного пространства. Яркие различия в культуре общения видны даже на этом уровне. Простой взгляд может привести к провалу общения. Европейцы при разговоре в основном смотрят в глаза собеседнику, что считается признаком открытости, честности и доброжелательности. У китайцев же прямо в глаза смотрят только враги в смертельной битве, поэтому во время беседы они не будут смотреть партнёру в глаза. Также и зона личного общения

будет значительно отличаться. Как уже отмечалось выше, китайцы не допускают к себе слишком близко собеседников, а, к примеру, у итальянца близость к собеседнику – это признак дружелюбия. Чаще всего, именно, непонимание символики жестов и мимики ведет к искаженному истолкованию смысла их действий, что порождает такие негативные чувства, как настороженность, презрение, враждебность [2, с. 132]. Большинство людей во время общения используют жесты рук, чтобы подчеркнуть или выделить наиболее важные места в разговоре, указать на предметы или людей, выразить мысль и проиллюстрировать свое высказывание [2, с. 201]. Считается, что все жесты имеют социальное происхождение и культурно обусловлены. Китайская культура предпочитает меньшую частотность, умеренность и сдержанность в движениях, что обусловлено философским восприятием мира. В каждой культуре есть такие жесты, которые выглядят одинаково, однако воспринимаются по-разному. Так, к примеру, постукивание пальцем – китайцы стучат двумя пальцами по столу в благодарность за предложенную еду, итальянцы же, данным жестом, показывают свое нетерпение; мизинец, направленный вверх, остальные пальцы сжаты в кулак – в Италии так показывают удобу, китайцы воспримут данный жест как оскорбление. Таким образом, становится очевидным, что жесты и мимика являются важнейшим фактором успешной коммуникации, а их незнание может привести к конфликтной ситуации.

Итак, необходимыми условиями эффективности процесса коммуникации двух или более представителей различных культур являются следующие факторы: владение иностранными языками, знание материальной и духовной культуры другого народа, нравственных ценностей, мировоззренческих представлений, которые в совокупности определяют модель поведения партнеров по коммуникации [4].

Литература

1. Арутюнян С. М. Нация и ее психический склад / С. М. Арутюнян. – Краснодар : Краснодарское книжное издательство, 1966. – 180 с.
2. Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Учеб. пособие / А. П. Садохин. – М. : КИОРУС, 2014. – 254 с.
3. Стернин И. А. Русское и китайское коммуникативное поведение / И. А. Стернин. Научное издание Вып. 1. – Воронеж : Истоки. – 2002. – 76 с.
4. Филипова Ю. В. Актуализация личностных характеристик коммуникантов в контексте диалога культур / Ю. В. Филипова // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 1. – С. 131–137.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Колесниченко Людмила Владимировна,
ст. преподаватель кафедры лингводидактики
Донецкий национальный университет экономики
и торговли им. М. Туган-Барановского

Процессы интеграции и глобализации, стремительно развивающиеся в современном мире, активизировали контакты между странами и народами, цель которых чрезвычайно разнообразна – от участия в спортивных состязаниях, поисков новой работы, ведения бизнеса, до удовлетворения научных интересов, получения образования или повышения квалификации. Но какой бы ни была цель, человек, попадая в иную языковую и культурную среду, вступая в межкультурную коммуникацию, испытывает определенные трудности, связанные с необходимостью погружения в чужой мир.

Еще в 50-е годы понятие «межкультурная коммуникация» ввели в научный оборот Г. Трейгер и Э. Холл, которые определили ее как идеальную цель; именно к ней должен стремиться человек в своем желании как можно быстрее и лучше адаптироваться к окружающей среде. В понятии «межкультурная коммуникация» выделяется «межэтническая коммуникация», понимаемая нами как общение между разными народами. Представители этих народов способны сформировать в себе чужую культурную идентичность, предполагающую знания языка, ценностей, норм и стандартов поведения другого лингвокультурного сообщества, и, кроме того, могут достигать социального успеха при контакте с ним.

Немаловажное значение для успешности процесса межкультурной и межэтнической коммуникации имеет учет фактора национального характера. Знание его особенностей способствует эффективному вхождению представителей одного этноса в другое лингвокультурное сообщество.

Ученые – психологи, лингвисты, методисты – заинтересовались проблемами национального характера и его роли в освоении иноязычной деятельности как первого шага к успешной межкультурной и межэтнической коммуникации еще в 60–70-е годы прошлого столетия. Были проведены фундаментальные исследования, получены интересные экспериментальные данные, намечены пути дальнейших исследований.

Интересные работы в этой области принадлежат, к сожалению, уже ушедшему Г. Д. Гачеву, Ю. Г. Прохорову, И. А. Стернину, А. Г. Садохину, С. Г. Тер-Минасовой и др. Однако нельзя утверждать, что все вопросы уже решены.

Мы попытаемся рассмотреть проблемы межэтнической коммуникации с точки зрения особенностей национального характера в преломлении к китайскому этносу. Наши исследования основывались на наблюдениях за процессами культурной адаптации китайских студентов во время их учебы в Донецке и размышлениях о трудностях, с которыми они встретились.

Приезжая в страну для получения высшего образования, китайские студенты начинают знакомство с культурой другого народа через усвоение фонетической, лексической и грамматической систем языка, овладения соответствующими способами и средствами выражения мысли. Студенты знакомятся с иноязычной действительностью через всю совокупность страноведческих знаний, заключенных в материалах, используемых в учебном процессе. Овладение этими знаниями и умениями являются главным условием для формирования успешной межкультурной коммуникации.

Обратимся к определению понятия «национальный характер». К сожалению, в настоящее время в науке нет общепризнанного понимания национального характера для обозначения психологических особенностей отдельных этносов. Вероятно, это происходит от некоторой размытости и аморфности исследуемого материала. Как очень образно подметил Г. Д. Гачев, национальный характер народа «очень «хитрая» и трудно уловимая «материя». Ощущаешь, что он есть, но только пытаешься определить его в словах – он улетучивается» [1, с. 55]. Тем не менее трудности в определении этого сложного предмета вовсе не означают невозможности или ненужности подобных исследований. Думается, что каждый, даже самый незначительный шаг в этом направлении, приблизит нас к пониманию истины.

Коснемся вопроса национального характера, как мы его понимаем. В основе национального характера лежит специфическое восприятие и понимание действительности, которое формируется стереотипами мышления, свойственного той или иной лингвокультурной общности, в результате чего развиваются определенные психологические особенности этноса, проявляющиеся в организации его быта, обычаях, традициях, поведенческой и эмоциональной реакциях. Пристальное изучение национального характера этноса в соответствии с этими критериями дает более или менее его полную картину.

Еще в 40-х годах прошлого столетия была выдвинута идея о возможности выделения у каждого народа доминирующего типа личности, так как модели семейной организации, уход и воспитание детей, фольклор, политические и экономические системы различны для разных культур, но единообразны в рамках одной культуры; они способствуют выработке определенных схожих психологических черт характера всех членов того или иного общества. Однако эксперименты не подтвердили существования доминирующего типа у многих исследуемых народов, поэтому мысль о его наличии в настоящее время воспринимается скептически. Ученые объясняли отсутствие общих личностных характеристик у большинства представителей определенного этноса тем, что внутрикультурные различия между отдельными слоями или классами общества часто бывают значительнее, чем межкультурные. Однако, на наш взгляд, этот вопрос требует дополнительных исследований. Возможно, подобное происходит из-за чрезмерной детализации исследуемого материала, мешает за частным увидеть общее. Как говорил известный поэт, «лицом к лицу лица не увидать». Так, определяя национальный характер русских, и зарубежные и

отечественные ученые главными (доминирующими) чертами называют доброту и милосердие. Однако далеко не все представители этого этноса обладают такими качествами. Тем не менее данный факт не мешает доброте и милосердию отнести к характерным особенностям русского народа. Подобное противоречие, вероятно, можно снять, если найти тот предел, границы, до которых можно погружаться в чужие психологию и культуру с целью изучения национального характера. Однако как и само понятие «национальный характер», так и понимание этих границ для современного уровня развития науки пока что расплывчаты, неясны и неуловимы, поэтому нам кажутся перспективными исследования, проводимые в данном направлении.

Вот те основные моменты, которыми будем мы будем руководствоваться при определении сущности национального характера китайского этноса.

Мир русской и китайской культуры непохожи, далеки друг от друга, как непохожи и далеки их языки. Считается, что формирование второго языка происходит под стихийным или осознанным влиянием уже ранее заложенной в сознании человека системы родного языка. Если родной и изучаемый язык близкородственные, билингвы имеют возможность без дополнительных умственных и физических усилий перенести уже известные языковые факты на новую почву. Однако китайский и русский языки разносистемные: китайский относится к китайско-тибетской языковой семье, в его основе лежит иероглиф, в то время как русский язык – флективно-аналитический, то есть активное отражение окружающего мира в образах и представлениях у китайцев и русских различно.

История возникновения и развития китайского этноса насчитывает более 4,5 тыс. лет. Особенности образного мировосприятия, нашедшие отражение в устной и письменной формах речи, огромное влияние этических принципов Кун-фу-цзы способствовали формированию у китайцев таких черт характера, как сдержанность в проявлении чувств, немногословность, замкнутость, настороженность по отношению к чужим.

Разумеется, нельзя считать, что среди китайцев нет людей открытых и коммуникабельных, однако смеем утверждать, что вышеперечисленные черты являются доминирующими в их национальном характере.

Попадая в чужую культурную среду, китайские студенты, впрочем, как и представители других национальностей, испытывают так называемый культурный шок. Этот процесс не одномоментный; у каждого он может продолжаться разный промежуток времени, в течение которого человек проходит несколько стадий: от воодушевления, повышенного интереса ко всему окружающему через спад эмоций, раздражение, чувства одиночества и беспомощности к постепенному возвращению уверенности и началу развития адаптации к чужой культуре и в целом к чужой жизни.

Важным результатом и целью процесса аккультурации является долговременная адаптация в другом мире, которая формируется в двух направлениях: во-первых, это психологическая адаптация; при ее успешности человек ощущает удовлетворенность, психологический комфорт в иной

лингвокультурной среде. Добиться этого крайне сложно. Гораздо проще приобрести социокультурную адаптацию – умение свободно ориентироваться в новой культуре и обществе, решать повседневные вопросы. Только в том случае, если обе эти составляющие сольются в единое целое, можно говорить об эффективности процесса адаптации. Но подобное среди людей, планирующих временно жить в другой стране, в частности, китайских студентов встречается крайне редко.

При вхождении в мир русского языка и культуры китайские студенты испытывают трудности как субъективного, так и объективного характера. Но если трудности субъективного характера зависят только от индивидуальных особенностей личности – у каждого они свои, то в основе объективных трудностей лежат общие для данного этноса качества, связанные с особенностями мировосприятия и, в конечном счете, с национальным характером.

Считается, что чем выше уровень культуры этноса, тем благоприятнее для него знакомство с другой культурой. Этот тезис кажется нам спорным, ибо, вероятно, трудно усомниться в высоком уровне как русской, так и китайской культуры, тем не менее различия между ними так велики, что при попытке преодолеть эту дистанцию может возникнуть чувство ее непреодолимости. Кроме того,

- наличие сильных традиций в родной культуре мешает восприятию традиций другой культуры;

- мешают быстрой культурной адаптации и сложности в изучении русского языка, так как китайский и русский языки разнотипные;

- чем более закрытый человек, тем сложнее ему адаптироваться в новой среде – а наше поверхностное знакомство с особенностями национального характера говорит об их чрезвычайной сдержанности и закрытости – и это приводит к тому, что общение с носителями культуры может быть сведено к нулю.

По нашим наблюдениям, все это препятствует процессам адаптации и аккультурации китайских студентов в русской культуре. Как правило, не происходит их психологической адаптации, и общение сводится к формальному решению вопросов, связанных с бытом и учебой. Китайцы продолжают жить в своем, привезенном с родины мире, оставаясь равнодушными и нелюбопытными ко всему, что их окружает.

Чтобы процесс адаптации все-таки состоялся, необходимо, на наш взгляд, проводить подготовительную работу с будущими студентами на родине: знакомить их с историей, традициями и обычаями страны. Таким образом можно, с одной стороны, повысить интерес к стране будущей учебы, а с другой – способствовать более легкому и быстрому процессу культурной адаптации.

Подведем итоги. Понятие «национальный характер» существует, хотя современная наука еще не дала его общепризнанного определения.

Национальный характер китайского этноса формировался в течение более 4-х тысяч лет. В китайском народе, как и в других народах, существует

доминирующий тип, и чем более закрыто общество для внешнего влияния, тем этот тип мощнее и распространеннее. Особенности национального характера китайцев, крайне низкий уровень способности к коммуникации препятствуют их вступлению в межкультурный и межэтнический диалог. И хотя жизнь современного Китая, его экономическая открытость вносят определенные коррективы в систему традиционных культурных ценностей, однако эти изменения касаются лишь внешних проявлений культуры, не затрагивая ее скрытых глубин.

Учет фактора влияния национального характера на способность китайских студентов к успешной межэтнической коммуникации поможет преодолеть трудности и разработать правильную стратегию и тактику обучения.

Литература

1. Гачев Г. Д. Национальные образы мира : Центральная Азия / Г. Д. Гачев. – М. : УРСС, 2002. – 214с.
2. Прохоров Ю. А. Русские : коммуникативное поведение / Ю. А. Прохоров. – М. : Флинта. Наука, 2006. – 196 с.
3. Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации / А. П. Садохин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и культурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2002. – 624 с.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Овчаренко Лилия Адамовна,
учитель украинского языка и литературы
Солнцевская общеобразовательная школа I-III ст.
управления образования администрации Старобешевского района

*Язык не может быть плохим или хорошим...
Ведь язык – это только зеркало.
То самое зеркало, на которое глупо пенять.*

С. Довлатов

Умение общаться, владеть языком общения – это свойство, выделяющее человека из огромного мира природы. Слова, складываясь в язык, представляют мощное орудие для формирования знаний и опыта, которые передаются из поколения в поколение. Общение – вот основа существования человека.

Язык – признак душевного состояния каждого народа. Через язык выявляются такие важные черты, как психология определённого народа, его манеры, характер, состояние мышления, индивидуальность художественного творчества. Язык – средство культуры, он не существует вне законов общества. «Каждый язык отражает культуру того народа, который на нём говорит», – утверждал Л. В. Щерба. Действительно, язык – уникальное явление, одно из главных условий существования, консолидации и развития человеческого общества.

XXI век – век стремительного развития человеческой цивилизации, поэтому возникает большой интерес к проблеме межкультурной коммуникации. Ни один человек, ни одна культура не может существовать изолированно от других людей, культур, т.е. «вариться в собственном соку».

Впервые определение *межкультурная коммуникация* было использовано в книге «Культура как коммуникация» («Culture as Communication», Trager, Hall), написанной в 1954 году американскими учеными-культурологами Эдуардом Холлом и Джорджем Трэгером. Эта книга и стала отправной точкой дисциплины «Межкультурная коммуникация». В ней были определены основные проблемы взаимоотношений между различными культурами, и дисциплина «Межкультурная коммуникация» была выделена в отдельное научное направление.

Сегодня как никогда проблема межкультурной коммуникации актуальна в нашем крае. Восточные славяне в течение многих лет ассимилировались в три отдельные нации: русские, белорусы, украинцы. Их народные обычаи, обряды, календари перекликаются и будут перекликаться вечно.

Согласно определению В. Г. Афанасьева, для системы в целом характерен межэлементный обмен. Мы остановимся на информационном обмене, история возникновения и развития которого тесно переплетается с историей появления и развития знаковых систем и их техники. Основные этапы информационного

обмена: устный, письменный, книжный, компьютерный.

Рассмотрим каждый из этих этапов с исторической точки зрения.

1. Устный этап. Развитие общества сопровождается развитием языка и речи. По словам Фридриха Энгельса, развитие *homosapiens* привело к необходимости вербализации. Если труд повлиял на физическое развитие человека, то речь стала продолжением этого развития. Речь является квинтэссенцией мыслительной активности человека. По культуре речи можно судить об общем уровне развития человека.

2. Письменный этап. При попытке изменения письма левой рукой у врожденных левшей возникают и проблемы в самореализации личности, обедняя тем самым общий уровень интеллекта всей нации.

3. Книжный этап. Эпоха книгопечатания была заложена со станка Гуттенберга в 1440–1450 гг. В России эпоха книгопечатания стартовала с книги «Апостол» Ивана Федорова, Петр Мстиславец – в 1563–1564 гг. Затем появились первые примеры защиты авторского права на печатное издание. Книга позволила осуществлять значительно более широкий и быстрый обмен информацией. Как говорил В. И. Вернадский, "книгопечатание явилось могучим орудием, которое охраняло мысль личности, увеличило ее силу в сотни раз". Информационная составляющая книги постепенно утрачивает значимость и действенность, девальвируя в результате общедоступности, когда предложение превышает спрос, и читатель не в состоянии переварить обрушившиеся на него потоки информации. Кроме того, порой поиск информации может занять больше времени и сил, чем самостоятельное создание нового источника информации. Это привело к дублированию научных трудов, конструкторских и инженерных разработок, тормозящему технический прогресс. Это, в свою очередь, привело к появлению электронных форм книги. Однако книга как физический объект устойчиво занимает свою нишу в информационном поле, и это необходимо поддерживать, поскольку книга является не только носителем информации, но и частью культурного наследия, играющего большую роль в формировании образного и абстрактного мышления у поколений читателей. Сегодня существует масса книгохранилищ, институтов языка, государственных библиотек, в которых хранятся как раритетные, так и современные книги.

4. Компьютерный этап является новой стадией в истории общественных коммуникаций. Распечатка текстов по-прежнему возможна, и осуществляется она при необходимости визуализации. Компьютерный этап характеризуется тем, что организация хранения, классификация, переработка и распространение информации осуществляется при помощи техники. Самым основным отличием компьютерной коммуникации от всех других типов является то, что диалог происходит не между индивидуумами, а между человеком и электронной памятью машины. Все другие способы коммуникации – это диалог между индивидуумами посредством того или иного технического приспособления (видеотелефон, кинематограф и т.д.). Коммуникация "человек–компьютер" является основным отличительным фактором электронной коммуникации от

устной или документальной формы, в которой диалог происходит непосредственно между индивидуумами. Для компьютерного этапа характерно такое понятие как гипертекст, который является новой технологией работы с текстами в информационном обмене. Оно имеет особенно большое значение в общественно-социальной области, которая описывается многочисленными сложными параметрами. Кроме того, компьютерный обмен предоставляет широкие возможности для реализации информационных потребностей индивидуума.

Живя в многоязычном крае, мы обязаны быть межкультурно компетентными людьми, с уважением относиться к культурам всех народов. Межкультурная коммуникация есть общение между представителями различных культур. Соглашусь с определением межкультурной коммуникации, сформулированным И. И. Халеевой: «Межкультурная коммуникация есть совокупность специфических процессов взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам и языкам. Она происходит между партнерами по взаимодействию, которые не только принадлежат к разным культурам, но при этом и осознают тот факт, что каждый из них является другим и каждый воспринимает чужеродность партнера».

Три понятия «терпение», «терпимость», «толерантность» являются, по мнению Тер-Минасовой, универсальной формулой для успешной межкультурной коммуникации. Язык – это зеркало, показывающее мир в восприятии человека, окружающую человека реальность. Одновременно в зеркале языка отражается и сам человек, его образ жизни, поведение, взаимоотношения с другими людьми, система ценностей, культура.

Культуролог Д. С. Лихачев, будучи поборником культурного единства человечества, выдвинул идею создания своеобразного Интернационала интеллигенции, сформулировав «девять заповедей гуманизма», во многом перекликающихся с десятью христианскими заповедями.

В них он призывает культурную элиту:

- 1) не прибегать к убийству и не начинать войн;
- 2) не считать свой народ врагом других народов;
- 3) не красть и не присваивать себе плодов труда своего ближнего;
- 4) стремиться лишь к правде в науке и не использовать ее во вред кому бы то ни было или в целях собственного обогащения; уважать идеи и чувства других людей;
- 5) уважать своих родителей и предков, сохранять и уважать их культурное наследие;
- 6) бережно относиться к Природе как к своей матери и помощнице;
- 7) стремиться к тому, чтобы твой труд и идеи были плодом свободного человека, а не раба;
- 8) преклоняться перед жизнью во всех ее проявлениях и стремиться осуществить все воображаемое; быть всегда свободным, ибо люди рождаются свободными;
- 9) не создавать себе ни кумиров, ни вождей, ни судей, ибо наказание за это

будет ужасным.

Высоко было сказано талантливым педагогом В. А. Сухомлинским: «Слово – тончайшее прикосновение к сердцу; оно может стать и нежным, благоуханным цветком, и живой водой, возвращающей веру в добро, и острым ножом, ковырнувшим нежную ткань души, и раскаленным железом, и комьями грязи... Мудрое и доброе слово доставляет радость, глупое и злое, необдуманное и бестактное – приносит беду, словом можно убить – и оживить, ранить – и излечить, посеять смятение и безнадежность – и одухотворить, рассеять сомнения – и повергнуть в уныние, сотворить улыбку – и вызвать слезы, породить веру в человека – и заронить недоверие, вдохновить на труд – и привести в оцепенение силы души».

Так давайте же употреблять только те слова, которые несут *веру в добро*, на каком бы языке они не звучали!

Литература

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – СПб, 1995. – 558 с.
2. Лихачев Д. С. Прошлое – будущему. Статьи и очерки / Д. Лихачев. – Л., 1985. – 575 с.
3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурные коммуникации / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2009. – 624 с.
4. Халеева И. И. О тендерных подходах к теории обучения языкам и культурам / И. И. Халеева // Известия России Академии образования. – 2000. – № 1. – С. 11.

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО СОЦИУМА

Романенко Маргарита Николаевна,
ст. преподаватель кафедры общеобразовательных
и социально-экономических дисциплин
**Бендерский политехнический филиал ГОУ "Приднестровский
государственный университет им. Т. Г. Шевченко"**

На современном этапе развития общества в странах ближнего зарубежья, как и во всем мире, складывается новая образовательная ситуация, для которой характерны: усиление этнизации содержания образования, возрастание роли родного языка обучения, повышение интереса к историческому наследию, традициям, актуализация идей народной педагогики. Одновременно особую значимость приобретает возникновение и развитие поликультурного образования, отражающего взаимосвязь этнокультурного и общекультурного факторов в образовании и развитии личности. Для Приднестровской Молдавской Республики вопрос поликультурного воспитания подрастающих

поколений – это вопрос, имеющий не отвлеченно-теоретическое значение, а вполне практический аспект. Сохранение и развитие этнических культур предполагает наличие в системе образования равных для всех учащихся возможностей реализации своих культурных потребностей, предусматривает взаимодействие между людьми с различными традициями, ориентацию на диалог культур, отказ от культурно-образовательной монополии одних наций и народов в отношении других.

Необходимыми условиями формирования личности, ориентированной на современный образ жизни высоконравственного человека, являются богатства его внутренней духовной культуры, интеллектуальная свобода, высокий нравственный потенциал, хороший эстетический вкус, толерантность в межличностном и социальном общении. Развитие всех этих качеств невозможно без создания эффективной системы обучения и воспитания. В качестве главных целей такого образования должны быть:

- 1) удовлетворение образовательных интересов представителей всех народов;

- 2) подготовка учащихся к жизни в полиэтническом социуме.

Это определяет ряд конкретных педагогических задач, а именно: глубокое и всестороннее овладение культурой своего народа; формирования представления о многообразии культур; воспитание позитивного отношения к культурным различиям, обеспечивающим прогресс всего общества и способствующего самореализации отдельной личности; развитие умений и навыков продуктивного взаимодействия с носителями различных культур; формирование осознанных позитивных ценностных ориентаций личности по отношению к культурному наследию других народов. В содержание поликультурного образования обязательно входят такие составляющие как, культура собственного межнационального взаимодействия, специфика основных психологических особенностей этносов, проживающих на территории государства. Необходимо обращать внимание учащихся не только на общие элементы этнических культур. Чем больше они узнают об индивидуальных особенностях различных культур, тем понятнее им будут чужие поступки, взгляды. Следует не только знакомить, но и приобщать ребят к участию в национальных традициях, обычаях, праздниках тех народов, которые живут в регионе. По своей сущности традиции и подлинно национальные идеи носят интернациональный характер. Чем лучше человек знаком с духовным наследием различных народов, тем проще ему воспринять иную культуру и быть терпимее.

Воспитание личности в условиях поликультурного социума – это воспитание у человека потребности и готовности к конструктивному взаимодействию с людьми и группами людей независимо от их национальной, социальной, религиозной принадлежности, взглядов, мировоззрения, стилей мышления и поведения.

Каждое учебное заведение имеет свою духовную среду, которая находит отражение в этике взаимодействий, традициях построения обучающего

пространства. Именно здесь решается практически весь комплекс воспитательных задач, стоящих перед современным образованием.

В организованной совместной деятельности педагога, родителей и студентов возможно создание условий для формирования толерантного отношения к окружающему миру в форме единства общения и деятельности. Результатом такой работы должно стать преодоление барьеров в общении, развитие лучшего понимания себя и «других», создание возможностей для самовыражения с целью формирования миролюбия.

Эти задачи можно решить путем интегрированного подхода в учебно-воспитательном процессе. Наиболее гибкими к интегрированию являются предметы гуманитарного цикла. Возможно сочетание истории, эстетики, русского и молдавского языков, философии, психологии, социологии, экономики.

Региональный компонент является составной частью учебного плана предметов социально-экономического цикла всех вузов Приднестровской Молдавской Республики. В предметах социально-экономического цикла, как ни в каких других, есть возможность всесторонне использовать региональный компонент, раскрыть его роль в формировании представлений обо всех сторонах жизни региона. Благодаря региональному компоненту, на лекциях есть возможность изучить историю становления и развития населенного пункта, узнать об известных его жителях – академиках Е. К. Федорове, Л. С. Берге и К. К. Гедройце в Бендерах, Н. Д. Зелинском в Тирасполе, графе П. Х. Витгенштейне в Каменке, командире партизанского соединения Герое Советского Союза П. Вершигора в Рыбнице и др.

При изучении истории Приднестровья реализуется цель поликультурного образования, которая состоит в формировании человека, способного к активной и эффективной жизнедеятельности в многонациональной среде, обладающего развитым чувством понимания и уважения других культур, умением жить в мире и согласии с людьми разных национальностей и верований.

Большое значение для нравственного и патриотического воспитания имеет знакомство студентов с историей и названиями улиц, школ, парков, датой постройки памятников, изучение героического и трудового прошлого и настоящего села, города и республики в целом. На лекциях по истории изучению регионального компонента отводится до 20%. При изучении древних цивилизаций территория Северного Причерноморья рассматривается как одно из известных мест стоянки древних людей.

Для идейного и нравственного воспитания большое значение имеет тема «Исторические народности в ПМР». В ней раскрывается процесс складывания русской, украинской и молдавской народностей, которые являются социальной основой в Приднестровье. Дружба и взаимопомощь этих народов прошла испытания временем. Ярким примером этому является борьба населения Приднестровья за свое освобождение и соединение с Россией в период русско-турецких войн конца XVIII–XIX вв. и борьба за независимость в 90-ых годах XX в. [1].

Примером высокого боевого духа народа Приднестровья является героическая борьба против фашистских оккупантов. Деятельность подпольщиков и партизан рассматривается в теме «Приднестровье накануне и в годы Великой Отечественной войны». Это занятие позволяет познакомить учащихся с известными личностями и событиями, в честь которых названы многие улицы города Бендеры: 28 июня, А. Курило, генерала Ф. И. Толбухина.

Большое значение для изучения истории края имеет тема «Приднестровье в 40–50-е гг. XX века». Она позволяет раскрыть положение в хозяйстве республики и ту помощь, которую оказали братские республики СССР, и в первую очередь Россия, часто в ущерб себе для восстановления экономики региона. Именно в этот период были построены большинство промышленных предприятий, расширились города и поселки, проведено большинство коммуникаций, которые позволяют и в настоящее время поддерживать определенный уровень развития экономики и культуры. На этом уроке можно использовать и знакомство с историей определенного предприятия города.

Особую роль для идейно-патриотического воспитания играет тема «Образование ПМР», в рамках которой рассматривается процесс становления и развития ПМР, трудности современного строительства и возможные перспективы. Как пример сплоченности всего народа ПМР раскрываются события 1992 года, когда народ встал на защиту независимости республики. Этот урок способствует воспитанию гордости за свою республику и ненависти к силовым методам решения всех спорных вопросов [1].

Сегодня не только в Приднестровье, но и во всем мире следует придерживаться принципа: единства – сколько необходимо, многообразие – сколько возможно. Нужен фундамент для межкультурной коммуникации, составной частью которой являются гуманность, справедливость, признание культурных традиций народов, проживающих на одной территории. Межкультурная коммуникация означает умение учиться организаторскому таланту американцев, пунктуальности немцев, вежливости японцев и корейцев, гостеприимству молдаван и гагаузов. На фоне межкультурной коммуникации многие имеют выгоду от обмена опытом с коллегами.

О том, как печально заканчиваются истории, где взаимопонимание не найдено, рассказывается ещё в баснях. Знаменитый русский баснописец Крылов не раз поднимал вопрос несогласия. Его лебедь, щука и рак из-за различия во мнениях и невозможности найти компромисс так и не могут закончить начатое дело: «А воз и ныне там...». Необходимость толерантности И. А. Крылов обосновывает так: «Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдёт...»

Задача преподавателя – научить учащегося толерантному отношению к людям другой национальности, к людям, придерживающимся других взглядов, к тем, кто чем-то отличается от представителей основной группы. Формирование толерантного сознания возможно только на принципах личностно ориентированного подхода, который требует отказа от безличной, формальной педагогики в пользу педагогики сотрудничества и гуманизма.

Примером технологий, обеспечивающих формирование толерантного сознания учащихся на уроках, являются технология критического мышления, технология проблемного обучения, интерактивные методы, в частности диалоговые. Вести диалог – значит искать истину вместе. Учебный диалог – это не только форма, но и способ отношений. Он позволяет быть услышанным; главное в нём не воспроизведение информации, размышление, обсуждение проблемы. В диалоге осуществляются важнейшие проявления человеческих отношений: взаимоуважение, взаимодополнение, взаимообогащение, сотворчество.

Воспитание толерантности студентов является значимой проблемой, стоящей перед педагогической наукой и практикой. Актуальность исследования обостряется тем, что в нормативной документации, регламентирующей учебный процесс в учебных заведениях, до недавнего времени решения этой задачи не было предусмотрено. Несмотря на это, социокультурная ситуация формирует ожидания общества, что в процессе обучения будущий специалист должен овладеть знаниями и умениями по организации гуманных межличностных отношений.

Толерантность в ценностном плане рассматривается в тесной взаимосвязи, но не отождествлении с терпимостью, терпением и смирением. Толерантность не имеет однозначного определения и понимается в различных научных дисциплинах по-разному: как активная форма отношения к миру, как приспособительная функция организма, как эквивалентность и мера различаемости, как нравственная сдержанность, как терпимость, эмоциональная устойчивость, терпеливость и т. д. Однако толерантность можно рассматривать как минимум в трех аспектах: во-первых, овладение определенной философией толерантности как ценности; во-вторых, как культуру толерантного поведения; в-третьих, как отношение к соответствующей действительности, воплощающееся в реальном поведении.

Глобализация современного мира постоянно напоминает человечеству о том, что мир многообразен и в то же время един, что различные подходы к одним и тем же процессам неизбежны ввиду различия культур, но уже небезопасны как для конкретных социальных субъектов, так и для мира в целом. В заключение приведу слова Бернарда Шоу: «Теперь, когда мы уже научились летать по воздуху, как птицы, плавать под водой, как рыбы, нам не хватает только одного – научиться жить на Земле по-человечески».

Литература

1. Бабилунга Н. В., Бомешко Б. Г. История родного края / Н. В. Бабилунга, Б. Г. Бомешко. – Тирасполь : РИО ГИПК, 2005. – 326 с.

СТУДЕНТЫ И УЧАЩИЕСЯ

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Егупова Анастасия Андреевна,
студентка II курса факультета экономики

Науч. рук.: Богданов А. В.,
кандидат наук по государственному управлению,
доцент кафедры краеведения
Донецкий государственный университет управления

Культура одного народа не способна полноценно функционировать без использования культурных достижений других народов в процессе своего развития и жизнедеятельности. В настоящее время практически нет совершенно изолированных от мира культурных общностей, кроме небольших племён в самых укромных уголках планеты. Сегодня естественна ситуация, когда любой народ открыт для восприятия чужого культурного опыта и одновременно сам готов делиться с другими народами продуктами собственной культуры. Это обращение к культурам других народов получило наименование «*межкультурная коммуникация*». Поэтому для нас, представляет большой интерес исследование данного понятия с культурологического аспекта.

Межкультурная коммуникация (далее МК) – это связь и общение между представителями различных культур как непосредственные контакты между людьми и их общностями и опосредованные формы коммуникации (язык, речь, письменность, электронная коммуникация). Опосредованная коммуникация осуществляется также путём знакомства с предметами, изготовленными, либо используемыми в жизненном процессе определённой этнической группой, знакомства на месте проживания этой группы и в других местах с предметами, оказавшимися там в результате перемещения (хранилище, музей, выставка).

Анализ истории человеческого общества показывает, что одним из важнейших условий существования и дальнейшего развития культуры является возможность обмена духовными ценностями между людьми. Становление личности происходит посредством коммуникации с другими людьми и при постижении культурных ценностей.

Одной из причин интереса к теме «межкультурная коммуникация» стало развитие человеческой цивилизации, интернационализация и глобализация. Успешная межкультурная коммуникация, а тем более научная коммуникация, предполагает знание иностранного языка и иностранной культуры. Изучение иностранного языка по Вильгельму фон Гумбольдту – это «*приобретение иной точки мировоззрения в прежнем миропонимании*» [2].

Межкультурная коммуникация осуществляется только тогда, когда все участники диалога культур изучают и уважают нормы поведения друг друга.

Способность, организовать такую связь между людьми различных культур и плодотворно ее развивать, называется *«межкультурная компетентность»*.

Основу для межкультурных научных встреч заложил Александр фон Гумбольдт своими экспедициями в Южную Америку, в Россию, Центральную Азию (Казахстан, Барнаул, Алтайские горы и киргизские степи) и Сибирь. Научные знания, по мнению Гумбольдта, *«являются частью богатства страны, её естественным ресурсом наравне с другими. Если их неправильно развивать и нерационально использовать, страна будет переживать период застоя и упадка»* [1].

Понятие *«межкультурная коммуникация»* введено в 1950-х американским антропологом Эдвардом Холлом в рамках разработанной им для Госдепартамента США программы адаптации американских дипломатов и бизнесменов для деятельности в других странах.

Сегодня работы Холла считаются базовыми, основополагающими и концептуальными в вопросах восприятия культуры как определяющей составляющей поведенческого фактора различных индивидуумов. Они признаны во всем мире и нашли своих последователей в США и в Европе [6].

Начало 70-х годов прошлого столетия ознаменовалось бурным развитием коммуникационной науки в США и обогатило учение Холла новыми теоретическими обоснованиями психологической составляющей межкультурной коммуникации. Такое ускорение в развитии нового научного направления было обусловлено объективными общественными процессами, происходящими в мире, назревшими в обществе тенденциями и новой геополитической ситуацией. Глобализация и универсализация экономической, образовательной, туристической, культурной и других сфер жизнедеятельности выявили проблемы, связанные с недопониманием, игнорированием актуальности, ошибками в общении и недооценки влияния межкультурной коммуникации на ситуацию в мире. Уже к концу 70-х годов прошлого столетия межкультурная коммуникация в США оформилась как отдельная область на стыке теоретических и практических гуманитарно-культурологических дисциплин с собственным предметом и методологией исследования.

До Европы волна популярности межкультурной коммуникации дошла лишь в 90-х годах прошлого столетия. Интерес к этим проблемам возник сначала в Германии, что было обусловлено возрастающими потоками иммиграции и трудностями при их адаптации в производственной и образовательной сферах и ассимиляции в обществе.

В Мюнхенском университете была разработана уникальная образовательная программа по курсу теории межкультурной коммуникации. С теоретической точки зрения интересный вклад в общую теорию развития МК внесен Герхардом Малетцке, написавшим исследование *«Межкультурная коммуникация»*, где описываются инновационные подходы к классическим методам МК применительно к немецкоязычной аудитории [4].

Россия совсем недавно присоединилась к странам, в которых межкультурная коммуникация стала обязательной академической

дисциплиной. В тесном сотрудничестве с немецкими исследователями ученые МГУ и русские ученые создали учебник под названием «Основы межкультурной коммуникации», который стал первым в России учебником по этой дисциплине [3]. Однако исследования в области межкультурной коммуникации не ограничиваются чисто образовательной и научной сферами. Научные разработки в этой области имеют широкое прикладное применение в социально–политической сфере. Широко распространено это применение в Европе и США, и в последнее время все больше, но еще не в достаточной мере, используется в России.

Культура – это сущностная характеристика человека, связанная с человеческой способностью целенаправленного преобразования окружающего мира, в ходе которого создается искусственный мир вещей, символов, а также связей и отношений между людьми.

Коммуникация и общение являются важнейшей частью человеческой жизни, а значит, и частью культуры. Подчеркивая их важность, многие исследователи приравнивают культуру к общению (коммуникации).

Ни одна культура не существует изолированно. В процессе своего существования она вынуждена постоянно обращаться или к своему прошлому, или к опыту других культур. Это обращение к другим культурам получило название «*взаимодействие культур*».

Основные причины, которые мешают установлению контактов между представителями различных культур и препятствуют успешной межкультурной коммуникации:

1) «**этноцентризм**» как мнение, что своя собственная культура является центром мира и масштабным явлением для всех других людей;

2) заведомое **негативное отношение** к представителям чужой культуры как внешнего или чужого, которое приносит неизвестность или угрозу;

3) **возникновение стереотипов** о представителях определённой культуры. Неспособность собеседника выйти за рамки сложившихся образов о данной культуре ведет зачастую к несогласию.

Научить людей общаться (устно и письменно), научить производить, создавать, а не только понимать иностранную речь – это трудная задача, осложнённая ещё и тем, что общение – не просто вербальный процесс. Его эффективность зависит от множества факторов (условия и культура общения, правила этикета, знание невербальных форм выражения, наличие глубоких фоновых знаний и др.).

В ситуации контакта представителей различных культур преодоление языкового барьера недостаточно для обеспечения эффективности общения. Для этого необходимо преодолеть культурный барьер. Национально-специфические особенности самых разных компонентов культур коммуникантов могут затруднить процесс межкультурного общения.

По мнению С. Г. Тер-Минасовой, понятия «терпение», «терпимость», «толерантность» являются универсальной формулой для успешной межкультурной коммуникации [5].

Главный ответ на вопрос о решении актуальной задачи обучения иностранным языкам как средству коммуникации между представителями разных народов и культур заключается в том, что языки необходимо изучать в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках.

Необходимо не только обучить человека иностранному языку, но и научить его уважать и ценить культуру данного народа.

Подводя итоги, можно отметить, что сравнительно новая наука межкультурная коммуникация находится на стадии обретения своих конкретных форм и областей применения и обособления в отдельную отрасль научного знания. Однако многое еще предстоит сделать в плане укрепления теоретической и практической базы.

Межкультурная коммуникация означает также умение учиться друг у друга, например, стратегии и организаторскому таланту швейцарцев, импровизационному таланту финнов, пунктуальности немцев, вежливости японцев и корейцев, гостеприимству киргизов, казахов и узбеков. На фоне межкультурной коммуникации многие имеют выгоду от обмена опытом с коллегами из разных стран.

Литература

1. Александр фон Гумбольдт. Вестник Европы : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.e-reading.club/bookreader.php/1037577/Gumboldt_-_Aleksandr_fon_Gumboldt._Vestnik_Evropy.html.
2. Вильгельм фон Гумбольдт : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://genhis.philol.msu.ru/article_231.html.
3. Грушевицкая Т. Г. и др. Основы межкультурной коммуникации : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://lineburg.ru/o/fty/osnovy_mezhkul'turnoj_kommunikacii.html.
4. Interkulturelle Kommunikation: zur Interaktion zwischen Menschen verschiedener Kulturen / Gerhard Maletzke. – Opladen : Westdt. Verl. – 1996. – 226 p.
5. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_Index.php.
6. Эдвард Холл – великий дедушка НЛП : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.vestniknlp.ru/edvard_xoll_velikij_dedushka_nlp.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ В РЕЧЕВЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ

Мельничук Анастасия Игоревна,
магистрант кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий, ст. лаборант

Науч. рук.: Соболева И. А.,
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой русского языкознания
и коммуникативных технологий

Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

Для решения задач исследования необходимо рассмотреть сущность и особенность толерантности, изучение которой находится на стыке ряда гуманитарных дисциплин – социологии, истории, психологии, педагогики, политологии.

На вопрос: «Если Вы испытываете неприязнь к людям другой национальности, то к каким именно?», были получены следующие ответы: к представителям «кавказских национальностей» (чеченцам, грузинам и др.) – 66%; к евреям – 13%; к представителям среднеазиатских национальностей (таджикам, узбекам и др.) – 17%; к представителям других национальностей – 4%. В опросе участвовали тридцать студентов исторического факультета Луганского университета имени Тараса Шевченко. Данные социологического опроса можно рассматривать как импульс и мотив выбора темы исследования и её квалификацию как проблемной.

Среди ученых, внесших вклад в изучение проблем толерантности, необходимо назвать такие имена: А. Г. Асмолов, в работе которого были представлены подходы к определению понятия «толерантность» («На пути к толерантному сознанию»); В. Л. Лекторский, выявил различные критерии толерантности как этического феномена («О толерантности, плюрализме и критицизме»); В. В. Шалин, рассмотрел место толерантности в системе либеральных ценностей («Толерантность (культурная норма и общественная необходимость)»); П. Николсон, квалифицировал толерантность как идеал морали («Толерантность как моральный идеал»); Уолцер, предложил выделять разные степени проявления толерантности личности («О терпимости») и др.

Пути и способы решения задач исследования предполагают определение основных методов, которые использовались при проведении исследования. В данной работе использовались *методы*: метод сравнительного анализа, монографический метод, метод анализа, опросы.

Цель статьи – соотнести проблемы толерантности с фактами реальных коммуникаций.

Предмет исследования – социальная толерантность в общении, включающая различные формы терпимости людей во взаимоотношениях друг с

другом; проявленные в монологической и диалогической речи.

Объект исследования – современные коммуникации.

Толерантность и интолерантность играют существенную речеорганизующую роль. Дискурсивная функция этих категорий проявляется в процессе коммуникации. И хотя эстетические установки в дискурсе трудно верифицируются, преднамеренно или непреднамеренно передавая информация может быть выявлена. В коммуникативном действии сходятся социальное и психологическое, "происходит перенос приоритета от конвенций языковых к социокультурным" [11, с. 44].

Мультикультурализм означает сосуществование или содействие сосуществованию различных культур в одной стране. Но мультикультурализм может также означать взаимную изоляцию культур. Некоторые расисты верят в своего рода мультикультурализм, который близок к системе апартеида, существовавший в Южной Африке, где различные культуры были жестоко и несправедливо разрознены [7].

Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, показывает, что «толерантность» – производное от французского *tolerant* – терпимый» [6, с. 726]. «Толерантность – это то, что делает возможным достижение мира и ведет от культуры войны к культуре мира», – так говорится в Декларации принципов толерантности, принятой генеральной Конференцией ЮНЕСКО в 1995 году.

Толерантность – это миролюбие, терпимость к этническим, религиозным, политическим, конфессиональным, межличностным разногласиям, признание возможности равноправного существования «другого» мнения, поведения, точек зрения и т.д. Подобным же образом определяет данное понятие и большинство современных словарей; например, «Большой энциклопедический словарь» под общей редакцией А. М. Прохорова трактует «толерантность» как «...терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению» [1, с. 694].

Достаточно четкое определение можно увидеть в Краткой философской энциклопедии: «Толерантность (от лат. *tolerantia* – терпение) – терпимость киного рода взглядам, нравам, привычкам. Толерантность необходима по отношению к особенностям различных народов, наций и религий. Она является признаком уверенности в себе и сознания надёжности своих собственных позиций, признаком открытого для всех идейного течения, которое не боится сравнения с другими точками зрения и не избегает духовной конкуренции» [3, с. 457].

Более полным представляется определение терпимости, данное в словаре по этике под редакцией А. А. Гусейнова и И. С. Кона: «Терпимость – моральное качество, характеризующее отношение к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам и поведению других людей. Выражается в стремлении достичь взаимного понимания и согласования разнородных интересов и точек зрения без применения давления, преимущественно методами разъяснения и убеждения...» [5, с. 351]. Именно общение и позволяет нам достигать взаимопонимания.

Очень интересным является высказывание Р. Р. Валитовой: «...толерантность предполагает заинтересованное отношение к другому, желание почувствовать его мироощущение, которое побуждает к работе разум уже потому, что оно – иное, чем – то не похожее на собственное восприятие действительности» [2, с. 33–34]. По мнению Отфрида Хеффе, толерантность тоже предполагает взаимное уважение различных культур и традиций, признание самоценности других культур.

Нетерпимость (интолерантность) – это неуважение к привычкам и убеждениям (верованиям) других людей. «Нетерпимость» может подразумевать несправедливое обращение с людьми по причине их религиозных верований, различия полов или даже одежды и прически. «Нетерпимость» не приемлет различий и является одной из основ расизма, антисемитизма, ксенофобии и дискриминации. Она часто может привести к насилию [7]. Эта трактовка понятия «интолерантность» является одной из самых распространенных, поскольку она встречалась во многих работах. Соответственно, интолерантность – это неприятие другого человека, неготовность к сосуществованию с другими (иными) людьми; проявляется через конфликтное, агрессивное поведение.

В русском языке толерантность можно рассматривать в двух аспектах: она понимается, во-первых, как отношение и соотносится со словом терпимость, а во-вторых, понимается как деятельность, поведение, и соотносится со словом ненасилие. Таким образом, толерантность является ядром лингвокультурологического поля, в которое входят все слова, семантически и ассоциативно связанные с терпимостью и ненасилием.

Речевая толерантность – это, прежде всего, проявление внутренних поведенческих установок в речи. Нарушение толерантного общения ведет за собой речевую агрессию. Речевая агрессия — это сфера речевого поведения, которая мотивирована агрессивным состоянием говорящего. Можно говорить о двух вариантах проявления случаев речевой агрессии в текстах. Во-первых, автор прямо призывает адресата к агрессивным действиям. Во-вторых, автор подачей предмета речи вызывает или поддерживает агрессивное состояние адресата [4, с. 45]. Интолерантность проявляется в монологической и диалогической речи как речевая агрессия, которая вызывает, поддерживает и побуждает людей к нетерпимости к друг другу.

Всеми известный российский юморист Михаил Задорнов не раз называл американцев «тупыми», высмеивал их жизнь, президента и мировоззрение. Президент США Барак Обама в марте 2009 года на комедийном шоу Джея Лено на телеканале NBC сказал о своих спортивных успехах ведущему так: «Что касается боулинга, я начал тренироваться и даже прогрессирую, но пока чувствую себя как участник Олимпиады для умственно отсталых» [10]. Для главы государства это является грубым проявлением нарушения морального облика – оскорбление людей с ограниченными возможностями, приуменьшение их способностей.

Звучание в Баку хита Believe певицы Шер стало поводом для очередного

всплеска проявлений армянофобии в стране.

Как сообщает baku.ws, проигрывание песни этнической армянки (настоящее имя певицы и актрисы – Шерилин Саркисян Лапьер Боно Оллмен) в одном из турецких ресторанов столицы СМИ стало информацией, удостоившейся внимания нескольких СМИ и пользователей интернета. Мнение по данному поводу высказал также один из депутатов Милли Меджлиса Фазил Агамалы: «Такого рода кафе, где звучит вражеская музыка, вредят национальному менталитету и они должны быть бойкотированы. Владельцы не должны забывать, что они функционируют в Азербайджане и такого рода поведение может привести к серьезным санкциям», – заявил депутат.

Знаменательно, что случай произошел на фоне проходящей в Баку международной конференции по толерантности, в ходе которой азербайджанские официальные лица в очередной раз заявляли о полной толерантности и отсутствии нетерпимости в стране. Образцом толерантности страну охарактеризовал также президент Ильхам Алиев, обвинив попутно в вандализме армян.

Речевая агрессия не способствует добрососедским отношениям, она провоцирует конфликты и информационные войны. Нетерпимость демонстрирует не только нарушение общечеловеческих норм, но и влияет на имидж страны в том случае, если интолерантные оценки затрагивают национальное достоинство или сферу социально-политической жизни. Интолерантное поведение публичных людей транслируется средствами массовой информации, обсуждается на форумах и в блогах, то есть получает большой общественный резонанс.

Литература

1. Прохоров А. М. Большой энциклопедический словарь. В 2 т. / А. М. Прохоров. – Сов. энциклопедия, 1991. – Т. 2. – 896 с.
2. Валитова Р. Р. Толерантность : порок или добродетель? / Р. Р. Валитова. – Вестник Московского университета. Сер.7. Философия, 1996. – 51 с.
3. Краткая философская энциклопедия. – М. : Прогресс – Энциклопедия, 1994. – 576 с.
4. Петрова Н. Е. Формы проявления речевой агрессии в газетном тексте / Н. Е. Петрова // Русский язык в школе. – 2006. – № 1. – 90 с.
5. Гусейнов А. А. Словарь по этике / А. А. Гусейнов. – Политиздат, 1989. – 100 с.
6. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Д. Н. Ушаков. – М. : Русские словари, 1994. – 1562 с.
7. Словарь терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.tolerance.ru/slovar.php>
8. Алиева М. А. Песня Шер, очередной армянофобский скандал и конференция по толерантности в Азербайджане [Электронный ресурс.] / М. А. Алиева. – Режим доступа : <http://4vlada.net/obshchestvo/serdyuchkin->

koshmar-kontserty-andreya-danilko-v-rossii-stali-otmenyat-po-zvonku-sverkhu

9. Альперина С. Сальные шутки [Электронный ресурс] / С. Альперина. – Режим доступа : <http://www.panarmenian.net/rus/news/184938/>

10. Васильченко С. Топ-10 неудачных шуток политиков [Электронный ресурс] / С. Васильченко. – Режим доступа : <http://www.yaplakal.com/forum7/topic504593.html>

11. Синельникова Л. Н. Концепт толерантность в проекции на современное общественное сознание / Отв. ред. Л. Н. Синельникова. – Луганск : Альма-матер, 2005. – С. 38–48.

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СФЕРЕ ДЕЛОВЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

Пуськова Анастасия Александровна,
студентка II курса института экономики и управления

Науч. рук.: Сереброва С. Б.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингводидактики
**Донецкий национальный университет экономики
и торговли им. М. Туган-Барановского**

В настоящее время, в эпоху глобализации, интеграции, научного и культурного сотрудничества, в период становления «всеобщей» культуры, особую роль играет межкультурная коммуникация, которая осуществляет свою деятельность на разных уровнях и охватывает значительную аудиторию. Необходимость рассмотрения данного вопроса обуславливается тем, что деятельность международного культурного обмена распространяется на такие сферы, как дипломатия, бизнес, решение военных конфликтов, научную активность. Понимание и осознание важности чужой культуры помогает создать пространство, где люди различных национальностей, языковой, религиозной принадлежности будут иметь возможность строить свое общение без каких-либо барьеров исключительно на основе взаимопонимания.

Целью работы, в связи с этим, является исследование особенностей межкультурной деловой коммуникации в современном мире.

Тер-Минасова С. Г. даёт такое определение межкультурной коммуникации – «общение, осуществляемое в условиях столь значительных культурно обусловленных различий в коммуникативной компетенции его участников, что эти различия существенно влияют на удачу или неудачу коммуникативного события» [6, с. 2].

Понятие «межкультурная коммуникация» впервые было сформулировано в 1954 году в работе Г. Трейгера и Э. Холла «Культура и коммуникация. Модель анализа». Этим понятием они обозначили «идеальную цель, к которой

должен стремиться человек в своем желании как можно лучше и эффективнее адаптироваться к окружающему миру». Согласно определению Т. Б. Фрик: «Межкультурная коммуникация – это общение людей, которые представляют разные культуры». И. В. Денисова и А. П. Еременко дают похожее определение, только используют понятие “межэтническая коммуникация”: «это общение между лицами, представляющими разные народы (этнические группы)».

Любой факт и процесс межкультурной коммуникации может быть охарактеризован по уровню/глубине проникновения коммуникантов в контактирующие культуры. С этой точки зрения могут быть выделены следующие уровни:

- 1) культурное взаимоприятие;
- 2) культурное взаимопонимание;
- 3) культурное «взаимоединение».

Первый уровень можно условно представить через утверждение: «Я предполагаю, знаю и учитываю, что другой думает и действует по-другому».

Второй уровень – через утверждение: «Я знаю и понимаю, почему другой – другой, и я готов согласиться с объяснением его инакости и принять ее».

Третий, высший, уровень можно попытаться выразить утверждением: «Я понимаю и принимаю концептуальные ценности другого и готов разделить их».

Понятие «межкультурная деловая коммуникация» охватывает целый ряд регистров речи, как письменных, так и устных и требует к себе особого внимания.

Кроме этого, «... активные международные связи на разных уровнях – от государственного до регионального – делают иностранный язык необходимым средством для диалога культур, интеграции страны в мировую экономическую систему, осуществления совместных научно-технологических проектов с другими странами. В связи с этим, на первое место выдвигается необходимость профессиональной языковой подготовки специалистов, способных к осуществлению международных контактов с учетом лингвосоциокультурных особенностей политических и деловых партнеров, т.е. способных к межкультурной коммуникации» [2, с. 2].

Профессиональная деятельность специалистов-международников предполагает наличие у них лингвострановедческой и социокультурной компетенции.

В рамках профессиональной коммуникации необходимо учитывать, что «...речевая деятельность осуществляется в широком социальном контексте, который определяет истинный смысл высказывания. Это подтверждают руководители компаний, ведущих международную торговлю, отмечая, что представители стран, относящихся к разным культурам, не могут вести переговоры в одинаковом формате. Представителям разных культур свойственно разное понимание одних и тех же фраз, обусловленное различием в социальном поведении. Например, у японцев не принято давать прямой отрицательный ответ – они выбирают такие речевые обороты, которые

вызывают недопонимание у европейцев. Фраза «это будет трудно сделать» для японца означает невозможность исполнения, в то время как для европейца – наличие трудностей в исполнении» [2, с. 11].

Известные антропологи Ф. Клухон и Ф. Шродбек в своих работах изучали культурные различия в системах ценностей, составляющих картину мира определённой культуры – отношение к категориям пространства и времени, к деятельности, к межличностным отношениям и т.п. Рассмотрим некоторые примеры. Хорошо известно, что «...в европейских культурах молчание в ситуации общения считается невежливым. Например, англичане в ходе переговоров предпочитают делать небольшие паузы, а американцы их вовсе не любят и стремятся заполнить любыми общими разговорами – о погоде или спорте. Проще говоря, разные культуры используют разные временные системы. Переговоры с испанцами обычно протекают менее динамично, чем с американцами. Поскольку испанцы многословны, регламент ведения переговоров, как правило, не соблюдается. Большие любители затягивать переговоры – китайцы. Иногда процесс их ведения не ограничивается не только одной встречей в течение дня, а может длиться от нескольких дней до нескольких месяцев. При этом, это вовсе не означает, что они сомневаются подписывать ли соглашение. Переговоры с французскими предпринимателями обычно проходят также медленно, поскольку они любят весьма досконально изучить все аспекты и последствия поступающих предложений. И если собеседники попытаются ускорить переговорный процесс, сделка может не состояться. В Японии терпение считается одной из основных добродетелей, именно поэтому нужно быть готовым к тому, что переговоры начнутся с менее важных деталей и будут продвигаться очень медленно» [1, с. 78].

Большой интерес для понимания различий в деловом общении разных культур представляют работы Ричарда Льюиса. Он разделил несколько сотен национальных культур мира на три группы – моноактивные, полиактивные и реактивные.

Ричард Льюис утверждает, что «...моноактивные культуры ориентированы на задачу (task-oriented), они чётко планируют свою деятельность. Так, шведы, швейцарцы, датчане и немцы в один промежуток времени делают одно дело, полностью на нём сосредоточены и работают по заранее запланированному графику. Когда люди моноактивной культуры вынуждены совместно работать с людьми другой культуры, они раздражаются, не понимая, почему партнёры опаздывают или вовсе переносят запланированную встречу. Моноактивность американцев несколько иная. По выражению Льюиса, «они живут большей частью в настоящем и будущем». Характерными чертами моноактивных народов исследователь называет интровертность, терпеливость, любовь к уединению, пунктуальность, краткость» [5, с. 64].

Рассматривая полиактивные культуры, учёный говорит, что такие культуры «...ориентированы на людей (people-oriented), общительны и многословны. Они делают одновременно несколько дел и совсем не в запланированном порядке, легко перестраиваются в ходе переговоров,

зачастую полностью меня повестку дня. Полиактивные народы считают реальность важнее, чем распорядок установленный человеком. Итальянцы, португальцы, испанцы, латиноамериканцы – экстраверты, нетерпеливы, очень любопытны. Они непунктуальны, их график непредсказуем. В отличие от моноактивных народов подгоняют факты как им удобно» [5, с. 67].

Представители данного типа культуры «...владеют всем разнообразием жестов и мимики, которые практически не используются и зачастую неправильно истолковываются представителями других типов культуры. Носители полиактивной культуры ведут беседу красноречиво, прибегая к различным тактикам. Они многословны, широко используют образные средства и многократно переформулируют свои высказывания. В рамках рассматриваемого типа культуры считается нецивилизованным сразу приступать к обсуждению предмета разговора. За формальным представлением участников следует 15-минутная (у французов) или даже 20–30-минутная (у испанцев и итальянцев) светская беседа о политике и скандалах (у французов), о футболе и семейных делах (у испанцев/ итальянцев). Традиционные для данного типа культуры опоздания на встречи вынуждают ее участников откладывать ее начало, дожидаясь остальных [3, с. 162].

Реактивные, иначе говоря, слушающие культуры – ориентированы на сохранение уважения (respect-oriented). Японцы, китайцы, турки, корейцы, финны – лучшие в мире слушатели, которые редко иницируют дискуссии, предпочитая сначала выяснить позицию партнёров, затем на неё откликнуться и только потом сформулировать свою» [5, с. 70].

Даже когда они начинают отвечать, от них редко можно услышать определённое мнение. Их тактика базируется на постановке вопросов с целью более чётко понять ожидания визави. Так, японцы, например, «...по много раз будут возвращаться к одному и тому же пункту договора, чтобы убедиться в том, что никаких недоразумений не возникло. Финны, несмотря на свою резкость и прямолинейность, во время заключения сделки всегда попытаются найти выход, приемлемый для обеих сторон. Китайцы не будут поспешны и подберут разные подходы и возможные решения для избегания разногласий» [5, с. 71].

Именно представители реактивной культуры более других используют виртуозно невербальную коммуникацию, осуществляемую с помощью тонкого языка телодвижений. «В реактивной культуре предпочтительным способом общения будет монолог. Льюис так его описывает – «монолог – пауза – размышление – монолог» [5, с. 72].

В заключение, можно сказать, что в условиях возрастающей коммуникаций между носителями разных культур в деловой сфере необходимо достигать нового уровня взаимопонимания, независящего от степени культурных различий. Мышление и поведение разных народов, несмотря на глобализацию, интеграцию никогда не станут одинаковыми. Вместе с тем знания особенностей культуры и поведенческих моделей народов поможет

избежать непреднамеренных оскорблений и последующих возможных конфликтов.

Литература

1. Особенности деловых межкультурных коммуникаций : Вестник Мариупольского государственного университета. Серия : философия, культурология, социология. – Вып. 3 / Под ред. И. Г. Онищенко. – Мариуполь, 2012. – 143 с.
2. Gibson R. Intercultural business communication. – Oxford University Press, 2002. – 111 p.
3. Громова Н. Деловое общение / Н. Громова. – М. : Экономистъ, 2005. – 134 с.
4. Иконникова Н. К. Механизмы межкультурного восприятия / Н. К. Иконникова. // Социологические исследования. – 1995. – № 8. – С. 26–34.
5. Льюис Р. Деловые культуры в международном бизнесе от столкновения к взаимопониманию / Р. Льюис / Пер. с англ. – М. : Дело, 1999. – 440 с. – С. 64–72.
6. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М., 2000. – 146 с.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Сабирзянова Валерия Валериевна,
студентка I курса архитектурного факультета

Науч. рук.: Назар Р. Н.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

Современное развитие человеческой цивилизации характеризуется как «конец истории», или постистория (С. Крымский), когда в социальной и духовной сферах возникают неразрешимые противоречия. Трансформационные процессы затрагивают не только область экономических интересов, а все чаще – сферу политическую. Глобализируются демократические процессы и правовые структуры. Современное мироустройство представлено не столько отдельными странами, а скорее политическими межгосударственными объединениями, которые и выступают в качестве движущих сил исторического прогресса (ООН, НАТО, ЮНЕСКО, ЕС, СНГ и др.) [5, с. 279–283]. Общей мировой в эпоху глобализации становится тенденция утраты национальными государствами («страна-нация») своих позиций, как субъектов мировой

истории; их границы становятся «прозрачными» для деятельности транснациональных корпораций и объединений.

Именно в цивилизационном измерении актуализируется проблема межкультурной коммуникации различных народов и этнических общностей, проблема поиска способов сосуществования в едином мировом пространстве в условиях процесса взаимопроникновения и взаимного обогащения культур с одной стороны, а с другой – постоянного состязания культур, в пространстве которого мы наблюдаем национальные, религиозные конфликты между культурно-историческими общностями как на межгосударственном уровне, так и внутри полиэтнических государств. В любом полиэтническом государстве возникает проблема формирования и реализации языковой политики, которая отвечала бы интересам общества и способствовала созданию гармоничной модели этнополитического развития.

Проблемы реализации языковой политики, этнорегионизации, характеристики языковых и этнокультурных различий находят отражение как в работах отечественных, так и зарубежных авторов Р. Агранофф, У. Алльтерматт, Ж. Зиллер, И. Илишева, С. Максименко; изучение стереотипов языкового общения (Ю. Прохоров), соотношение речевых и поведенческих стереотипов (М. Китайгородская, Н. Розанова), национальные стереотипы, их особенности (А. Сергеева), специфика коммуникативной культуры этносов (И. Стернин), язык нации, национальные архетипы (С. Крымский), институализация понятия стереотип и его место в системе наук (В. Липман), типология стереотипов (В. Красных) и др.

Составной частью любой национальной культуры, ее национально-специфическим компонентом является речь, как один из видов человеческой деятельности. Язык, в первую очередь, способствует тому, что культура может выступать как средством общения (интеграции), так и способом дезинтеграции людей. В содержательной составляющей языка закрепляется на уровне архетипов ментальная картина этноса или нации, народа, которая и выступает фундаментом всех стальных культурных представлений – стереотипов. «Язык – это путеводитель в «социальной действительности»... Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать: в значительной степени они все находятся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе... В действительности же «реальный мир», в значительной мере, неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы» [7, с. 130–131].

Язык создает нас такими, каковыми мы есть, причем не столько в особых случаях употребления языка, сколько в постоянно действующих общих законах и повседневной оценке им тех или иных явлений [8, с. 158].

Определяя стереотип как «...схематичный и односторонний образ в голове человека, какого-либо явления, личности, вещи и одновременно – мысль о нем, усвоенную из окружающей среды еще до познания самого объекта» [3, с. 409], поместим его в контекст социального взаимодействия. Здесь стереотип рассматривается как некая «модель» действия, которая связана с выбором той

или иной стратегии и тактики поведения в определенной ситуации – это так называемые языково-поведенческие стереотипы.

Стереотипы обладают ментальной специфичностью и соотносятся с повседневной картиной мира. С одной стороны, стереотипы облегчают процесс коммуникации, но с другой – социальные, национальные, расовые, профессиональные, идеологические – могут выполнять и деструктивную функцию в процессе общения, приводя к интолерантности коммуникаций [4, с. 67]. Они также выступают как основания оценочной деятельности, причем достаточно схематичной. Стойкость, повторяемость, упрощенность, обобщенность, образность, схематичность, эмоциональность являются основными характеристиками стереотипов. Функции стереотипа могут быть определены исходя из психологической или социологической трактовки феномена. В. Липман указывал на психологическую функцию стереотипа как экономию усилий в познании мира, и общественную, как защиту общественной позиции [3, с. 211–212]. Безусловно, общественная функция может быть охарактеризована как стабилизирующая, потому, что дает человеку ощущение безопасности и защищенности, приспособления к действительности.

Анализ коммуникативного поведения разных народов позволяет выявить совокупность коммуникативных признаков (правил, норм), которые могут быть соотнесены с принципами толерантности в общении, или, наоборот, будут свидетельствовать о не толерантном коммуникативном поведении.

Эволюция общественного сознания способствовала переосмыслению понятия толерантности, расширив значение данной категории, придав ей модус глобальности. Толерантность – это диспозиция, расположенная между добродетелью, равнодушием и скрытым макиавеллизмом [6, с. 161]. Ее позитивная сторона состоит в том, что она позволяет свободно циркулировать в обществе различным точкам зрения. Толерантность в отношениях между народами приобретает новую окраску – желание понять чужую культуру, обычаи, отнестись к ним с уважением. В то же время, по мере ускорения темпов глобализации стали все заметнее проявляться и негативные стороны этого процесса. Основными проблемами сегодня становятся нетерпимость, агрессия, ксенофобия. Отставание в экономическом развитии, разнообразие религий, культур, этносов становится источником проявления интолерантности. Важно отметить, что важным фактором, влияющим на уровень толерантности, является тип культуры: агрессивно-нетерпимая или толерантная, которые могут быть соотнесены со степенью социальной удовлетворенности. Ее высокий уровень способствует проявлению толерантности, низкий – препятствует. К сожалению, отношения между людьми, общественными группами, национально-государственными общностями не становятся более справедливыми, и не стимулируют рост культуры толерантности в глобализующемся мире [2, с. 145–148]. Эффективной формой противодействия указанной тенденции в последние годы стала идея и практика мультикультурализма. В отличие от ставки на ассимиляцию, политика мультикультурализма предполагает возможность, и

даже необходимость сосуществования этнических общин, представляющих различные культуры.

Вопрос языковой политики относится к главенствующим в этно-национальной стратегии многонациональных государств. Исторический опыт европейских демократий доказывает, что жизнеспособной является такая толерантная государственность, которая не требует от своих граждан диктата единого языка. Одним из наиболее интересных является пример Бельгии. В этой стране, начиная со второй половины девятнадцатого века, языковой вопрос становится приоритетным. Если Бельгийская конституция 1831 года не наделяет ни один из языков статусом единственного государственного – французский, фламандский и немецкий используются в зависимости от ситуации, причем предпочтение отдается французскому, то лишь государственные реформы 1970–1990-х годов закрепляют за Бельгией статус федерального союзного государства с тремя равноправными языками: французским, немецким и фламандским. Современная Бельгия объединяет несколько лингвистических и культурных групп, имеющих свои собственные институты, обеспечивающие гарантии осуществления их прав и способствующих сохранению собственного языка, своей религии, своих культурных ценностей, возможности организовывать автономную систему образования отдельным этническим общностям. Опыт решения языкового вопроса в восьми коммунах Бельгии, где введен режим языкового содействия, безусловно, заслуживает внимания и изучения, особенно полиэтническими странами и регионами, переживающими острые, порой непримиримые противоречия на языковой почве [3, с. 98–105].

Не менее показательным в этом отношении является и пример Испании, где официальным государственным языком признан кастильский, тем не менее, автономные сообщества законодательно сохраняют право устанавливать официальные языки отдельных областей. Богатство лингвистических особенностей разных регионов признается культурным наследием Испании, законодательно закреплено статьями Конституции, которая в свою очередь регламентирует правовой статус иноязычных групп населения. В уставах испанских областей закрепляется возможность свободного изучения и использования языков: государственного – кастильского и любого из региональных: баскского (Устав Страны Басков), каталонского (Устав Каталонии), астурийского диалекта – бабле (Устав Астурии), языков Балеарских островов, Галисии, Валенсии [1, с. 114–126]. Никто также не может быть дискредитирован по языковому принципу.

Финляндия предоставляет максимальные права языку меньшинства, например, этнических шведов, которые составляют всего 6 % граждан страны. Шведский язык получил статус второго государственного, а в Хельсинки и других крупных городах установлен билингвизм [8, с. 4].

Все вышеперечисленные примеры свидетельствуют о понимании того, что возрастающий уровень экономической, социальной и культурной интеграции государств вызывает к жизни необходимость формирования адекватной

толерантной лингвистической политики, разумно сочетающей как учет национальных особенностей и стереотипов, так и наиболее успешные варианты решения вопросов межнациональной коммуникации. Формирование конструктивных этностратегий на сегодняшний день является важнейшей составляющей программ государственного управления.

Литература

1. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе / У. Альтерматт. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 367 с.
2. Асмолов А. Г. На пути к толерантному сознанию / А. Г. Асмолов. – М. : Смысл, 2000. – 255 с.
3. Дербишайр Д. Политические системы мира: Пер. с англ. / Д. Дербишайр, Я. Дербишайр. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2004. – Т.1. – 512 с.
4. Илишев И. Г. Язык и политика в многонациональном государстве (политологические очерки) / И. Г. Илишев. – Уфа : Китап, 2000. – 272.
5. Кримський С. Б. Під сигнатурою Софії / С. Б. Кримський. – К. : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2008. – 367 с.
6. Марсель Г. Опыт конкретной философии / Г. Марсель. – М. : Республика, 2004. – 367 с.
7. Сепир Э. Статус лингвистики как науки / Пер. с англ. В. Н. Перцова // Языки как образ мира / Сост. К. Королев. – М. : АСТ; СПб. : TerraFantastica, 2003. – С. 127–138.
8. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Пер. с англ. Л. Н. Натан, Е. С. Турковой // Языки как образ мира / Сост. К. Королев. – М. : АСТ; СПб. : TerraFantastica, 2003. – С. 157–201.
9. Хорн Ф. Национальные меньшинства Финляндии / Ф. Хорн. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pietari.com/russian/vahemmistot-24.htm>

КУЛЬТУРА ГРУЗИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Стурки Каха,
студент V курса факультета маркетинга
и таможенного дела

Науч. рук.: Гамolina А. К.,
ст. преподаватель кафедры лингводидактики
**Донецкий национальный университет экономики
и торговли им. М. Туган-Барановского**

Наш культурно неоднородный мир характеризуется сегодня противоречиями между потребностью национального самосохранения и многокультурной действительностью, между необходимостью символической унификации и разнообразием, усиленными экономическими и финансовыми потребностями, на которые в свою очередь влияют нарастающие и весьма противоречивые процессы глобализации (демократизация, информатизация, культурная стандартизация, ценностная универсализация и т.п.). Поэтому сегодня поиск национальной идентичности практически для каждой страны становится актуальным по мере формирования глобальной экономики и культуры.

Национальную идентичность можно определить как самоидентификацию человека с той или иной страной, как внутреннее самоощущение в качестве принадлежности к определённой нации. Она обусловлена историческим прошлым, а её параметры формируются в течение длительного времени, их преемственность и определяет историческую устойчивость.

Следует отметить, что сейчас нет такой страны, нет таких экономико-политических объединений (например, Европейский союз или страны СНГ), которые не стали бы заложниками многочисленных противоречий, возникающих из-за непонимания на уровне ментальности, из-за сложнейших исторических противоречий, переплетений языков, символов, ценностей, приверженностей к культурному наследию, опыта культурной памяти, способов самовыражения, устойчивых моделей поведения и т.п. Использование сверхсовременных информационных технологий, сопротивление которым практически невозможно, и культурная стандартизация позволяют взламывать казавшиеся ранее незыблемыми барьеры между различными культурами, вовлекать их в водоворот всемирной конкуренции, в котором выживают лишь те культуры, которые оказываются способными адаптироваться к стремительно меняющемуся миру, воспринимать новейшие достижения мировой цивилизации, не теряя своей самобытности. Яркий пример такой адаптации – японская культура. Но на современном этапе, к сожалению, есть и такие случаи, когда глобализация перемолола культурные ядра национальных идентичностей, сделав граждан этих стран «гражданами

мира», и оставила от этих ядер лишь некий туристический набор. И, наконец, особняком в этом отношении стоят Китай, Индия и Россия, имеющие более чем тысячелетнюю культурную историческую традицию. Однако слишком уповать на это обстоятельство не стоит: глобализация перемелет и их, если культурные ядра национальных идентичностей этих стран не окажутся достаточно адаптивными к происходящим стремительным переменам в экономике, технологиях и социальной жизни.

С другой стороны, проблема национально-культурной самоидентификации напрямую связана с вопросами национальной идеи, самоощущения личной принадлежности к определенной национальной культуре. Культурная самоидентификация определяется через корреляцию с тремя главными составляющими социального и культурного процессов:

- погруженностью в единое семиотическое поле культуры;
- принадлежностью, сопричастностью с общим историческим путем развития культуры;
- и, наконец, принятием и осознанием ценностно-традиционного строя культуры, ее ценностной семантики, выраженной в историческом наследии и специфике ментальности.

Влияние глобализации и давление массовой культуры ведут к тому, что исламские и христианские народы опасаются утратить свою этническую идентичность. Поэтому они ищут спасение в связи со своей малой «родиной», своими местными, региональными корнями, с религией. Анализируя роль этих религий в вопросе национальной идентичности, ученые выделяют три модели: первая представлена народами, у которых укорененность и их влияние достаточно велики; вторая – народами, у которых влияние существенно, однако недостаточно для того, чтобы оказывать значительное воздействие на социальную, культурную и политическую обстановку; третья охватывает народы, у которых религиозная ситуация характеризуется следующим образом: люди считают себя верующими, однако слабо знакомы с вероучением или вовсе его не знают, выполняют частично или не выполняют вовсе большую часть религиозных предписаний, ориентируются на «мирской» образ жизни в целом.

У народов Грузии сложилось свое понимание этнической идентичности, существенно отличающееся и от «немецкой» концепции нации (по крови), и от «французской» (по гражданству). Центральным моментом нашей идентичности выступает родная земля, которая рассматривается как святыня, как нечто совершенно независимое от ее геоэкономической или геополитической ценности. Также на развитие культурных традиций внутри страны оказывает влияние тот факт, что на нашей территории соседствуют такие две религии, как православие и ислам.

Тот факт, что грузинская культура целиком и четко не относится ни к Западу, ни к Востоку, действительно смягчил и уменьшил опасность потери собственного культурного лица в процессе контакта с этими двумя мирами. В Грузии идет сложный и противоречивый процесс поиска ценностных

ориентиров, но, сложившийся в условиях маргинальности адаптационный механизм успешно работал при теснейших контактах как с восточно-христианско-византийским (позднее – с российско-православным), так и с мусульманским миром. Грузинская культура сумела найти адекватные «ответы» на их «вызовы». Вывод об адекватности «ответов» опирается на факт сохранения основных характерных черт грузинской культуры (хотя, конечно, не без изменений), формы же «ответов» определялись именно маргинальным положением. В частности, формировались соответствующие обстановке ценности, стереотипы поведения, ориентированные на неустойчивое, меняющееся окружение. Что касается степени маргинальности или ее продолжительности на отдельных этапах развития грузинской культуры, то это отдельная тема [7, с. 345].

Чтобы сформировать реалистическое видение перспектив моей родины и самоидентификации, необходимо, во-первых, суметь определить константы в социально-историческом развитии региона на протяжении всего периода его существования, во-вторых, суметь вычленив в текущей ситуации базовые общественные процессы, которые будут определять будущее на долговременную перспективу. Отдельных решений этих проблем не существует – они не просто взаимосвязаны, но и взаимообусловлены. Здесь требуется долгосрочная, целенаправленная и последовательная политика комплексной модернизации общества.

Литература

1. Авксентьев В. А. Теоретические аспекты изучения этнических процессов на Северном Кавказе / В. А. Авксентьев // Этнические процессы накануне XXI века : Матер.науч. конф. Ставрополь, 1998. – 12 с.
2. Дамения О. Н. К проблеме идентификации кавказской культуры / О. Н. Дамения // Вестн. Адыгейского ун-та. – 1998. – № 1. – 6 с.
3. Какителашвили Т. Запад в грузинском сознании / Т. Какителашвили // Эна да култура. – 2000. – № 1. – 5 с. (на груз. яз.)
4. Нижарадзе Г. Полемические заметки о некоторых социально-психологических аспектах грузинской культуры / Г. Нижарадзе // Чкуаваисаган (Ум от горя). – Тбилиси, 1994. – С.41–82. (на груз. яз.)
5. Розов Р. С. На пути к синтезу макроисторических парадигм / Р. С. Розов // Философия и общество. – 1998. – № 4. – С.103–133.
6. Татунц С. А. Уроки М. М. Ковалевского и Российский Кавказ / С. А. Татунц // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политика. – 2001. – № 2. – С. 7.
7. Цымбурский В. Народы между цивилизациями / В. Цымбурский // Россия и мусульманский мир : Бюллетень реферативно-аналитической информации. – 1998. – № 2. – С. 68.
8. Чиковани Н. Проблема цивилизационной принадлежности Грузии в современной научной литературе / Н. Чиковани // Россия и Грузия : диалог и

родство культур / Материалы международного симпозиума (Тбилиси, 3–6 сентября 2003 г.). – Санкт-Петербург. – С. 340–348.

9. Шадже А. Ю. Феномен кавказской идентичности / А. Ю. Шадже // Научная мысль Кавказа. – 2002. – № 1. – С. 29.

ЖЕСТЫ КАК ОСНОВНОЙ ЭЛЕМЕНТ НЕВЕРБАЛЬНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Тазетдинов Руслан Илдарович,
студент II курса факультета государственного управления

Науч. рук.: Светличная В. Ю.,
ст. преподаватель кафедры краеведения
Донецкий государственный университет управления

Актуальность вопросов межкультурных коммуникаций подтверждается тем, что в условиях глобализации в процесс межкультурного общения вовлечены практически все страны, стремящиеся занять свое особенное, достойное место в мировом сообществе.

Возьмите любую сложную, потенциально нестабильную проблему – взаимоотношения в арабском мире, конфликт между сербами, хорватами и боснийцами, корпоративные решения или взаимоотношения между руководящим и исполнительным уровнями в международной корпорации, — в глубине любой из них скорее всего можно обнаружить коммуникативные ошибки и межкультурные недопонимания, которые препятствовали разрешению проблемы конструктивным путем.

Цель работы – выявить специфику невербальной коммуникации в процессе межкультурного общения, а также проанализировать использование основных жестов, их значения и различия в разных культурах.

Исследования процесса коммуникации показывают, что речевое (вербальное) общение является основным видом человеческой коммуникации [6, с. 164]. Специалистами по общению подсчитано, что современный человек произносит за день около 30 тысяч слов или примерно 3 тысячи слов в час [4, с. 132].

Но эффективность любых коммуникационных контактов определяется не только тем, насколько понятны собеседнику слова и другие элементы вербальной коммуникации, но и умением правильно интерпретировать визуальную информацию, то есть взгляд партнера, его мимику и жесты, телодвижения, позу, дистанцию, темп и тембр речи. Ведь даже если язык является самым эффективным и продуктивным инструментом человеческого общения, все же он не является единственным инструментом. Ученые установили, что с помощью языка мы передаем не более 70 % информации своим собеседникам [6, с. 165]. Наряду с языком существует довольно большое

число способов общения, которые также служат средством сообщения информации, и эти формы общения ученые объединили понятием «невербальная коммуникация». Альберт Мейерабиан установил, что передача информации происходит за счет вербальных средств (только слов) на 7 %, за счет звуковых средств (включая тон голоса, интонацию звука) на 38 %, и за счет невербальных средств на 55%. Профессор Бердвиссл проделал аналогичные исследования относительно доли невербальных средств в общении людей. Он установил, что в среднем человек говорит словами только в течение 10–11 минут в день, и что каждое предложение в среднем звучит не более 2,5 секунд. Как и Мейерабиан, он обнаружил, что словесное общение в беседе занимает менее 35 %, а более 65 % информации передается с помощью невербальных средств общения [1, с. 3].

Жесты, мимика, позы, одежда, прически, окружающие нас предметы, привычные для нас действия – все они представляют собой определенный вид коммуникации, получивший название невербальной коммуникации.

А. П. Садохин под невербальной коммуникацией в науке понимает совокупность неязыковых средств, символов и знаков, используемых для передачи информации и сообщений в процессе общения [6, с. 165].

М. С. Андрианов дает следующее определение: «Невербальная коммуникация – это совокупность неречевых коммуникативных средств – система жестов, знаков, символов, кодов, использующихся для передачи сообщения с большой степенью точности и играющих важнейшую роль в смысловом понимании людей друг друга» [2, с. 12].

Ю. П. Тен в учебнике «Культурология и межкультурная коммуникация» определяет невербальную коммуникацию как систему «символов, знаков и жестов, заключающих в себе определенные сообщения с высокой степенью точности, которая используется и развивается в целях коммуникации членами данной культуры» [7, с. 137–138].

Как видим, не смотря на различные интерпретации определения невербальной коммуникации, у них есть сходство. Все авторы определяют её как систему, или совокупность неязыковых, неречевых средств (символов, знаков жестов), используемых для передачи информации и сообщений в процессе общения. Также М. С. Андрианов и Ю. П. Тен уточняют тот факт, что невербальная коммуникация как система неязыковых средств, используется для передачи сообщений с наибольшей точностью, что помогает лучше понять друг друга.

Одним из основных элементов невербальной коммуникации является использование в процессе общения жестов. В результате многочисленных исследований было выяснено, что все элементы невербальной коммуникации культурно обусловлены, и что неправильное толкование некоторых жестов может привести к недоразумениям, особенно если не учитывать национальные особенности жестикулирующего собеседника.

Изучив особенности использования жестов людьми разных народностей, А. Пиз оформил свои наблюдения в книге "Язык телодвижений". Благодаря его

исследованию мы можем понять смысл многих жестов, которые человек делает осознанно или неосознанно. Тем самым мы сможем лучше понимать, что собеседник хочет донести до нас. Однако не следует забывать о том, что не все жесты и знаки, используемые людьми разных национальностей, имеют одинаковое значение и смысл. Некоторые из них существенно отличаются друг от друга. Поэтому часто случается так, что доброжелательно настроенный человек, воспринимается агрессивно, а иногда и враждебно. И чтобы не допустить таких ошибок, которые могут существенно испортить отношения между людьми разных культур, следует знать, когда и как можно употреблять эти жесты, а когда нет.

Во всем мире основные коммуникационные жесты не отличаются друг от друга. Когда люди счастливы, они улыбаются, когда они печальны – хмурятся, когда сердятся – у них жесткий взгляд. Кивание головой почти во всем мире обозначает, "да" или утверждение. Похоже, что это врожденный жест, так как он также используется глухими и слепыми людьми. Покачивание головой для обозначения отрицания или несогласия является также универсальным, и может быть одним из жестов, изобретенных в детстве. Когда маленький ребенок наелся, он крутит головой из стороны в сторону, чтобы увильнуть от ложки, которой родители кормят его. Тем самым очень быстро он приучается использовать покачивание головой для выражения своего несогласия и отрицательного отношения. Проследить происхождение некоторых жестов можно на примере нашего первобытнообщинного прошлого. Оскаливание зубов сохранилось от акта нападения на противника и до сих пор используется современным человеком, когда он злобно усмехается или проявляет свою враждебность каким-то другим способом. Улыбка первоначально была символом угрозы, но сегодня, в совокупности с дружелюбными жестами, она обозначает удовольствие или доброжелательность.

Жест "пожимание плечами" является хорошим примером универсального жеста, который обозначает, что человек не знает или не понимает, о чем речь. Это комплексный жест, состоящий из трех компонентов: развернутые ладони, поднятые плечи, поднятые брови.

Как вербальные языки отличаются друг от друга в зависимости от типа культур, так и невербальный язык одной нации отличается от невербального языка другой нации. В то время, как какой-то жест может быть общепризнанным и иметь четкую интерпретацию у одной нации, у другой нации он может не иметь никакого обозначения, или иметь совершенно противоположное значение. Например, рассмотрим разницу в интерпретации разными нациями таких трех типичных жестов, как кольцо из пальцев руки, поднятый вверх большой палец и V – образный жест пальцами.

Жест *"О`Кей" или кружок, образуемый пальцами руки*, был популяризован в Америке в начале XIX века, главным образом, прессой, которая в то время начала кампанию по сокращению слов и ходовых фраз до их начальных букв. Существуют разные мнения относительно того, что обозначают инициалы "ОК". Некоторые считают, что они обозначали "allcorrect" – все правильно, но

потом, в результате орфографической ошибки, превратились в "Oll-Korrect". Другие исследователи настаивают на том, что это антоним к слову "нокаут", которое по-английски обозначается буквами К. О. Имеется еще одна теория, согласно которой эта аббревиатура от имени "ollKinderhoof", места рождения американского президента, использовавшего эти инициалы (О.К.) в качестве лозунга в предвыборной кампании. Какая теория из этих верна, мы никогда не узнаем, но похоже, что кружок сам по себе обозначает букву "О" в слове O'кеу. Значение "ОК" хорошо известно во всех англоязычных странах, а также в Европе и в Азии, в некоторых же странах этот жест имеет совершенно другое происхождение и значение. Например, во Франции он означает "ноль" или "ничего", в Японии он значит "деньги", а в некоторых странах Средиземноморского бассейна этот жест используется для обозначения гомосексуальности мужчины.

Поэтому, путешествуя по разным странам, следует подчиняться правилу "Со своим уставом в чужой монастырь не ходят". Это поможет вам избежать возможных неловких ситуаций.

Поднятый вверх большой палец. В Америке, Англии, Австралии и Новой Зеландии поднятый вверх большой палец имеет 3 значения. Обычно он используется при "голосовании" на дороге, в попытках поймать попутную машину. Второе значение – "все в порядке", а когда большой палец резко выбрасывается вверх, это становится оскорбительным знаком, означающим нецензурное ругательство или "сядь на это". В некоторых странах, например, Греции этот жест означает "заткнись", поэтому можете представить себе положение американца, пытающегося этим жестом поймать попутную машину на греческой дороге! Когда итальянцы считают от одного до пяти, этот жест обозначает цифру "1", а указательный палец тогда обозначает "2". Когда считают американцы и англичане, указательный палец означает "1", а средний палец "2"; в таком случае большой палец представляет, цифру "5".

Жест с поднятием большого пальца в сочетании с другими жестами используется как символ власти и превосходства, а также в ситуациях, когда кто-нибудь вас хочет "раздавить пальцем".

V – образный знак пальцами. Этот знак очень популярен в Великобритании и Австралии и имеет оскорбительную интерпретацию. Во время второй мировой войны Уинстон Черчилль популяризировал знак "V" для обозначения победы, но для этого обозначения рука повернута тыльной стороной к говорящему. Если же при этом жесте рука повернута ладонью к говорящему, то жест приобретает оскорбительное значение – "заткнись". В большинстве стран Европы, однако, V жест в любом случае означает "победа", поэтому, если англичанин хочет этим жестом сказать европейцу, чтобы он заткнулся, тот будет недоумевать, какую победу имел в виду англичанин. Во многих странах этот жест означает также цифру "2".

Эти примеры говорят о том, к каким недоразумениям могут привести неправильные толкования жестов, не учитывающие национальные особенности

говорящего. Поэтому, прежде чем делать какие-либо выводы о значении жестов и языка тела, необходимо учесть национальную принадлежность человека.

Детально изучив отобранную в ходе исследования информацию, нами было выяснено, что национальные культуры слишком различны, чтобы взаимодействовать без проблем. В современном мире, когда невозможно обойтись без межкультурного общения на самых разных уровнях – от межличностного до межнационального, любому человеку, вовлеченному в межкультурную коммуникацию и заинтересованному в ее эффективности, может помочь представление о культурном многообразии мира, отражающее наиболее отличные и характерные признаки той или иной культуры [5, с. 35].

Это является подтверждением того, что нельзя недооценивать роль невербального общения как в повседневной жизни так и в общении с представителями других культур.

Знание основных компонентов невербального общения очень важно для межкультурного взаимодействия и взаимопонимания, поскольку это позволяет установить толерантные отношения, избежать «культурного шока», предупредить конфликтные ситуации, а также способствует оптимальной организации процесса общения в целом. Однако, несмотря на всю важность невербального общения, уровень знания об особенностях невербального общения, в частности о трактовке жестов, у населения низкий. Отсутствие подобных знаний отрицательно влияет на уровень взаимопонимания между представителями различных стран.

Литература

1. Пиз А. Язык телодвижений [Электронный ресурс] : А. Пиз / Режим доступа : http://lib100.com/book/contact/body_language/html/
2. Андрианов М. С. Невербальная коммуникация : психология и право / М. С. Андрианов. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 2007. – 256 с.
3. Василик М. А. Основы теории коммуникации : Учебник / М. А. Василик. – М. : Гардарики, 2003. – 615 с.
4. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М. : Наука, 1993. – 173 с.
5. Персикова Т. Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура : учеб.пособие / Т. Н. Персикова. – М. : Логос, 2008. – 224с.
6. Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации / А. П. Садохин. – М. : Высшая школа, 2005. – 310 с.
7. Тен Ю. П. Культурология и межкультурная коммуникация / Ю. П. Тен. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2007. – С. 221.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Хазова Диана Александровна,
студентка II курса института экономики и управления

Науч. рук.: Сереброва С. Б.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингводидактики
**Донецкий национальный университет экономики
и торговли им. М. Туган-Барановского**

Возникновение новых отраслей науки сегодня становится реальным. Одной из таких наук является межкультурная коммуникация.

Межкультурная коммуникация – это научная этика, научные методы для улучшения взаимопонимания и межкультурного обмена.

Одной из причин нашего интереса к данной теме стало развитие человеческой цивилизации, интернационализация и глобализация.

Целью данной работы является рассмотрение проблем и перспектив межкультурной коммуникации. Для достижения данной цели поставлены следующие задачи: изучить развитие человеческой цивилизации, интернационализации и глобализации, рассмотреть понятие «межкультурная коммуникация».

Успешная межкультурная коммуникация, а тем более научная коммуникация, предполагает знание иностранного языка и иностранной культуры. Изучение иностранного языка, по Вильгельму фон Гумбольдту, – «... это приобретение иной точки мировоззрения в прежнем миропонимании» [1, с. 53].

Как справедливо отметил Гете, «кто не знает иностранного языка, не знает и своего родного». Эту мысль почти дословно выразил Раймар Люст: «Смотреть на мир глазами других людей и превращать их перспективы в свое собственное мышление кажется мне наиболее верным путем для того, чтобы найти общее решение для будущих проблем наступающего века» [1, с. 23].

Межкультурная коммуникация – это связь и общение между представителями различных культур, что предполагает как непосредственные контакты между людьми и их общностями, так и опосредованные формы коммуникации.

Иногда межкультурную коммуникацию обозначают как «кросс-культурную» (от английского «cross-cultural»). Это указывает на недостаточную переводческую культуру тех, кто этим обозначением пользуется, что уже само по себе свидетельствует о сложности проблем межкультурной коммуникации.

Межкультурная коммуникация изучается на междисциплинарном уровне как соотношение таких наук как культурология, психология, лингвистика, этнология, антропология, социология, экология средств коммуникации.

А. П. Садохин дал такое определение межкультурной коммуникации: «Межкультурная коммуникация есть совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам» [2, с. 194].

Существуют и другие определения межкультурной коммуникации. Г. Трейгер и Э. Холл этим понятием обозначили «идеальную цель, к которой должен стремиться человек в своем желании как можно лучше и эффективнее адаптироваться к окружающему миру» [1, с. 63].

Согласно определению Т. Б. Фрик, «межкультурная коммуникация – это общение людей, которые представляют разные культуры». И. В. Денисова и А. П. Еременко дают похожее определение, только используют понятие «межэтническая коммуникация»: «это общение между лицами, представляющими разные народы» [2, с. 196].

В. С. Библер, говоря о межкультурной коммуникации, отмечает, что она порождает «новый всеобщий социум культуры», особую социальность, точнее форму свободного общения людей в силовом поле диалога культур.

В своей работе «Межкультурная коммуникация и корпоративная культура» Т. Н. Персикова дает определение коммуникации. Это «культурно обусловленный процесс, все составляющие которого находятся в тесной связи с культурной (национальной) принадлежностью участников процесса коммуникации» [3, с. 207].

Автором также выделяются три правила, по которым осуществляется межкультурная коммуникация:

1. Информация, передаваемая на невербальном уровне, которая представляет наибольшие трудности для интерпретации членами иной культуры.

2. Для достижения понимания при общении необходимо обучать участников межкультурного взаимодействия активному слушанию.

3. Необходимо уметь предвидеть и предотвратить возможные ошибки при коммуникации с представителями разных культур, иначе намечавшийся межкультурный контакт может сорваться из-за произведенного негативного впечатления.

Культура представляет собой совокупность форм человеческой деятельности, без которых она не может воспроизводиться, а значит, существовать. Культура – это набор «кодов», которые предписывают человеку то или иное поведение, оказывая на него тем самым управленческое воздействие.

Иммануил Кант противопоставлял в этой связи культуру умения культуре воспитания. «Внешний, «технический» тип культуры он называет цивилизацией, – отмечает в этой связи А. В. Гулыга. – Кант видит бурное развитие цивилизации и тревожно отмечает ее отрыв от культуры; последняя тоже идёт вперед, но гораздо медленнее. Эта диспропорция является причиной многих бед человечества» [3, с. 210].

Основу для межкультурных научных встреч заложил еще Александр фон Гумбольдт своими экспедициями в Южную Америку, позже в Россию, Центральную Азию (Казахстан, Барнаул, Алтайские горы и Киргизские степи) и Сибирь, послужившими обменам культур между народами.

Иоганн Вольфганг Гете писал: «Немец должен изучать все языки, чтобы дома иностранцы казались ему своими, а на чужбине он чувствовал бы себя как дома» [4, с. 105]. Ведь тот, кто не знает иностранных языков, не знает и своего собственного.

Литература

1. Язык как фактор интеграции образовательных систем и культур : Сб. науч. статей ; отв. ред. : И. Б. Игнатова, Л. С. Безкоровая : – Белгород : БелГУ, 2010. – 448 с.
2. Бурмистрова А. В. Английский речевой этикет как важное средство межкультурной коммуникации / А. В. Бурмистрова // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – № 4 (104). – С. 194–198.
3. Брайтон К. Оценивание межкультурной коммуникативной компетенции / К. Брайтон // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 1. – С. 207–214.
4. Щенникова Н. В. Английский язык в России : знаковая система особого рода (постановка проблемы) / Н. В. Щенникова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 2. – С. 105–109.

СЕКЦИЯ 5. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Батальщикова Эллина Юрьевна,

кандидат педагогических наук

доцент кафедры английской и восточной филологии

Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

Одним из приоритетных направлений модернизации высшего педагогического образования на современном этапе является подготовка будущих учителей, особенно учителей гуманитарных дисциплин, к осуществлению профессиональной деятельности с учетом концептуальных положений гуманистической образовательной парадигмы, личностно-ориентированного подхода, принципов демократизации, гуманизации и активного учебно-воспитательного процесса в общеобразовательной школе, реализации требований, касательно формирования школьников, как субъектов образовательного процесса, развитию в них творческого, критического мышления, умения общаться.

В современных условиях понижается функциональная значимость и привлекательность традиционной организации обучения, передача «готовых» знаний от учителя ученику перестает быть основной задачей учебного процесса. В связи с этим современный педагог должен уметь создать на уроке атмосферу успеха, паритетного диалога всех субъектов образовательного процесса, творческое взаимодействие на основе использования интерактивных форм, методов и технологий организации учебного процесса.

Цель статьи – определить педагогический потенциал использования интерактивных технологий обучения, обозначить их позитивное и негативное влияние, раскрыть актуальность использования интерактивной формы взаимодействия в высшей школе.

Понятие «*интерактивность*», «*интеракция*» (от англ. *inter* – взаимный и *act* – действовать) в современном научном дискурсе приобретает статус общенаучной категории. Так, в исследованиях по проблемам информационных технологий, интерактивность рассматривается, как свойство программного интерфейса по организации взаимодействия с пользователем; в социологии, интеракция – это процесс, в котором индивидуумы в ходе коммуникации своим поведением влияют на других, вызывая соответствующие реакции; в психологии – это способность человека взаимодействовать или находится в режиме диалога с кем-то (чем-то); в педагогике – это способ познания, который

осуществляется в формах совместной деятельности всех субъектов учебного процесса.

На основе анализа теоретических основ педагогической интеракции (М. Петренко [5]); теории и практики педагогического взаимодействия (Е. Каратаева [4]), коллективного и кооперативного обучения (В. Дьяченко [3], О. Уваров [7]), педагогики сотрудничества (Ш. Амонашвили [1], С. Соловейчик [6]) определено, что интерактивное обучение – это обучение, построенное на основе общения и взаимодействия, которое реализуется в технологиях, методах и организационных формах.

В последнее время наблюдается усиление научного интереса к проблемам использования интерактивных технологий в учебном процессе общеобразовательной и высшей школы. Однако среди педагогов, в центре научных интересов которых находится интерактивная форма организации учебной деятельности, не существует единой точки зрения касательно определения термина исследуемой проблемы. Описывая, по сути, одинаковую форму учебного взаимодействия, они определяют ее по-разному.

Проанализировав работы вышеприведенных ученых и практиков, мы определили *интерактивную технологию обучения*, как организацию процесса обучения, которая детерминирует активную позицию учащегося в коллективном процессе познания, основывается на взаимодействии всех его участников, содержит четко спланированный ожидаемый результат обучения, совокупность интерактивных методов и приемов, которые стимулируют процесс познания и взаимодействия субъектов интеракции [7, с. 8].

Педагогический потенциал интерактивных технологий обучения необходимо рассматривать и в дихотомическом измерении: *с одной стороны*, они гибко интегрируются в классно-урочную систему за счет инновационного подхода к формам и методам организации учебно-воспитательного процесса; содействуют в переориентации учащихся на партнерство в учебном процессе, повышению самооценки, формированию культуры ведения дискуссии, развитию навыков социокультурной коммуникации, работы в команде, ориентируют учащихся на свободные и самостоятельные действия; *с другой стороны*, – существуют определенные ограничения и риски, связанные с эпизодичностью использования интерактивных технологий, напряжением эмоционального состояния вследствие принудительной активизации мышления и высокой интеллектуальной нагрузки, неумением учащихся слушать других, конформизмом, психологическим дискомфортом в связи с неуспешной коммуникацией, пониженным интересом к занятиям как результату некорректного поведения со стороны других субъектов интеракции и т.д.

Однако, нейтрализовать вышеперечисленные риски можно и нужно. На наш взгляд, именно учитель в своей новой функции является тем движущим фактором, который призван свести до минимума возможные негативные влияния на интерактивном уроке. Интерактивная форма организации учебного процесса должна стать нормой. Эпизодическое использование интерактивных технологий обучения не окажет необходимого эффекта. Целью и ориентиром

для учителя должно стать создание благоприятного эмоционального климата на уроке, атмосферы сотрудничества и сотворчества. Особое внимание должно уделяться развитию навыков ведения дискуссии, умению слушать и слышать, с уважением относиться к «иной» точки зрения. Совместно с учащимися необходимо выработать определенный свод правил поведения, во время интерактивного урока, где главным является уважение к личности.

В контексте вышеперечисленного, особое значение приобретает проблема внедрения интерактивной формы организации учебного процесса в ВУЗе, так как именно в высшей школе, в процессе подготовки будущих педагогов закладываются основы интеракции. Только «пережив» все позитивные аспекты влияния интерактивных технологий на собственном опыте, молодой педагог может прийти к пониманию всей важности и актуальности использования интерактивных форм и методов работы и взять интерактивную форму организации учебной деятельности за ориентир в будущей профессиональной деятельности.

Литература

1. Амонашвили Ш. А. Размышления о гуманной педагогике / Ш. А. Амонашвили. – М. : Издат. дом Шалвы Амонашвили, 1995. – 496 с.
2. Батальщикова Е. Ю. Педагогічні умови підготовки майбутніх учителів гуманітарних дисциплін до застосування інтерактивних технологій навчання у загальноосвітній школі : автореф. дис. на здоб. наук. ступеня канд. пед. наук : спец. 13.00.04 “Теорія і методика професійної освіти” / Е. Ю. Батальщикова. – Луганськ, 2013. – 20 с.
3. Дьяченко В. К. Сотрудничество в обучении : о коллективном способе учеб. работы : кн. для учителя / В. К. Дьяченко. – М. : Просвещение, 1991. – 191 с. – (Мастерство учителя : идеи, советы, предложения).
4. Коротаева Е. В. Директор – учитель – ученик : пути взаимодействия / Е. В. Коротаева. – М. : Сентябрь, 2000. – 120 с.
5. Петренко М. А. Теория педагогической интеракции : дис. ... докт. пед. наук : 13.00.01 / М. А. Петренко. – Ростов-на-Дону, 2010. – 404 с.
6. Соловейчик С. Л. Педагогика для всех / С. Л. Соловейчик. – М. : Просвещение, 1987. – 365 с.
7. Уваров А. Ю. Кооперация в обучении : групповая работа / А. Ю. Уваров. – М. : Просвещение, 1992. – 231 с.

ИГРЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕРЕСА К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Безуглая Александра Романовна,
ассистент кафедры романо-германской филологии
Горловский институт иностранных языков

Большинство словарей определяют игру как добровольную физическую или умственную активность, чаще всего основанную на определенных правилах и развивающуюся по заранее спланированному сюжету, который не ставит перед человеком никакой другой цели, кроме как получить удовольствие от самого процесса игры. Являясь развлечением и забавой, игра выступает против принуждения. Она призвана вызвать приятные эмоции и мотивировать ученика. Это одна из главных причин, почему педагоги все чаще прибегают к использованию игр на занятиях.

Игровая деятельность незаменима в процессе обучения: она способствует постепенному продвижению (от буквы и фонемы до фразы, параграфа, текста); может охватывать различные области знаний (грамматику, лексику, фонетику и т.д.); учитывает важность удовольствия и интереса в процессе обучения; обращает внимание на бесконечные возможности языка; выделяет наиболее важные его аспекты (коннотации, полисемия и т.д.). Игра способна изменить как сам процесс обучения, так и отношение к нему, устранив трудности и моменты, вызывающие у учащихся скуку; приблизив их общение на уроке к реальной жизни и помогая установить более доверительные отношения между студентами и преподавателем [2, с. 47].

Разнообразие игр, которые могут быть использованы на уроке иностранного языка, настолько велико, что представить исчерпывающий их перечень достаточно трудно. Это обучающее средство может применяться в различных ситуациях и для различных целей – все зависит от грамматики игры (а именно: набора правил, инструкций, образца и т.д.) и задач, которые она ставит перед учениками. Можно выделить 4 основных типа игр:

- лингвистические;
- творческие;
- образовательные;
- театральные постановки.

Лингвистические игры включают в себя грамматические, морфологические и синтаксические, лексические, фонетические и орфографические. Они позволяют исследовать определенные закономерности и характеристики языка, понять его строение, правила функционирования. Этот тип игр является наиболее формальным, хотя, безусловно, способствуют развитию мышления и анализа у участников.

Творческие игры, независимо от формы своей реализации (устной или письменной), требуют непосредственного личного участия и вклада каждого

задействованного персонажа. Они побуждают к поиску неординарного подхода к решению той или иной задачи и призваны развить творческие способности и изобретательность. Упор делается на речевой потенциал учащихся, перед которыми стоит задача создать что-то принципиально новое и непривычное. Загадки, шарады, анаграммы, липограммы и т.д., относятся к этой категории игр [3, с. 203].

Лингвистические и творческие игры неразрывно связаны с литературой и творчеством великих авторов. Наиболее известной можно считать игру «изысканный труп», придуманную французским писателем Андре Бретоном – она основана на особенностях синтаксической структуры языка (подлежащее, определение, сказуемое, прямое дополнение, не прямое дополнение и т.д.); по условию данной игры учащиеся передают друг другу листок, на котором по очереди пишут слова, первый участник должен придумать существительное, загнуть край листка, спрятав свое слово от остальных участников, которые далее, подобным же образом, дополняют первое слово (не зная его) прилагательным, глаголом, наречием и т.д., образуя в итоге предложение; последний игрок разворачивает сложенный лист, делает грамматические согласования, если это необходимо, и зачитывает полученный результат остальным [4, с. 124].

Образовательные игры опираются на знания участников в различных областях. Наиболее популярной игрой этой группы можно считать «Слова на одну букву» (учащиеся за определенный промежуток времени заполняют заранее подготовленную таблицу, состоящую из нескольких столбцов, например: мужское и женское имя, страна, город, известный человек и т.д. – которые нужно заполнить подходящим по смыслу словом, соблюдая главное условие: все ответы должны начинаться на одну и ту же букву, меняющуюся в каждом следующем туре). Этой игре можно придать страноведческий характер, введя более специфические категории как регионы, традиционные блюда, символы страны, язык которой изучается и т.д.

Последний тип – это игры-постановки, которые превращают учебную аудиторию в настоящую театральную сцену, а учеников – в актеров. Этот вид деятельности может строиться на импровизации или на прописанном заранее сценарии. Преподаватель играет здесь роль режиссера-постановщика, который или руководит актерами, или предоставляет им полную свободу действий. Драматизации, ролевые игры, моделирование различных ситуаций, также относятся к данной группе [1, с. 67].

Игра может стать ценным вспомогательным средством в процессе изучения иностранного языка даже при минимальных познаниях учащихся. Следует обратить внимание на то, что большинство видов игровой деятельности не требуют никаких дорогостоящих декораций и оборудования. Сценарий игры легко можно изменить, в зависимости от преследуемых преподавателем целей, степени подготовки класса и т.д.

При правильном использовании, игры – незаменимый учебный материал. Они делают обучение приятным и привлекательным, мотивируют

и именно этим нравятся ученикам и студентам любого возраста и уровня владения языком.

Литература

1. Газман О. С. Роль игры в формировании личности школьника / О. С. Газман // Совет. педагогика. – М. : Просвещение, 1982. – № 9. – С. 65–70.
2. Калаева Г. Г. Интенсификация обучения французскому языку при помощи языковых игр / Г. Г. Калаева // Иностранные языки в школе. – М. : Просвещение, 1996. – № 3. – С. 47–52.
3. Маркова А. К. Формирование мотивации учения / А. К. Маркова. – М. : Просвещение, 1990. – 286 с.
4. Cuq J.-P., Gruca I. Cours de didactique du français langue étrangère et seconde. – Presses universitaires de Grenoble, 2005. – 304 p.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ

Белоусова Евгения Владимировна,
ассистент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий

Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

Коренные изменения, которые произошли и продолжают происходить в современном обществе, создают предпосылки для полного обновления образовательной системы. Такая тенденция находит отображение в разработке и последующем внедрении интерактивных методов обучения – новых технологий образования, основанных на мировом педагогическом опыте.

Интерактивное обучение – это прежде всего диалоговое обучение, в ходе которого осуществляется взаимодействие преподавателя и студентов. В основе концепции этой технологии предполагается понимание социального взаимодействия людей в межличностной коммуникации, важнейшей особенностью которой признается способность человека принимать роль другого, представлять, как его воспринимает партнер по общению [3, с. 145].

Суть интерактивного обучения состоит в том, что учебный процесс организован таким образом, что практически все учащиеся оказываются вовлеченными в процесс познания. В организованной среде (интерактивной среде) они имеют возможность понимать и рефлексировать по поводу того, что они изучают, познают, делают, знают и думают.

Таким образом, интерактивный метод обучения решает одновременно три основные задачи: познавательную, коммуникативно-развивающую, социально-ориентационную. Это позволяет реализовать субъектный подход в организации учебной деятельности, формировать активно-познавательную и мыслительную

деятельность учащихся, усилить мотивацию к изучению предмета, создать благоприятную атмосферу на занятии, исключить монологическое преподнесение учебного материала и дублирование информации, которая может быть получена из доступных источников [2, с. 98].

Научно-методические основы, на которых базируется интерактив, – это обучение через опыт и сотрудничество, учет различий в стилях познания, поисковые и исследовательские методы.

Основными формами и методами обучения, способствующими повышению качества обучения и эффективности учебно-познавательного процесса при изучении русского языка, могут быть: ролевые игры, деловые игры, семинары, конференции, диспуты, аргументированное эссе, методы «*Кейс-стади*», «*Мозговой штурм*», составление концептуальных карт, кластеров, метод «*AQSI*», метод «*Синквейн*», защита рефератов, творческие сочинения, доклады, сообщения, тестирование, программированный контроль, исследовательская работа, а также традиционные методы информационно-описательного характера [1, с. 54].

Как показывает практика, интерактивные методы стимулируют мотивацию студентов к обучению, а также способствуют переводу пассивных знаний в умения, предоставляют широкие возможности для творчества, формируют необходимые в социальном партнерстве профессиональные и социально значимые личностные качества.

Кроме того, правила игры, являясь способом передачи и усвоения социального опыта, требуют от студентов выполнения определенных нравственно-этических нормативов партнерского общения, взаимодействия и поведения.

При этом использование интерактивных методов обучения предполагает новую роль для преподавателя. Теперь он не транслятор знаний, а активный руководитель и участник учебного процесса.

Преподавателю необходимо учить студентов думать, а не довольствоваться готовыми ответами, работать с академическими текстами и связывать их с собственной жизнью, развивать у студентов навыки аналитического мышления, управлять динамикой аудитории.

В настоящее время трудно представить процесс преподавания русского языка в вузе без использования различных инновационных технологий. Эффективно информационных технологий на занятиях русского языка не подлежит сомнению. В числе их преимуществ можно назвать субъективную ориентацию, гибкость и вариативность. ИКТ помогают педагогу повысить уровень преподавания, обеспечивая наглядность, образовательный процесс сделать более увлекательным, играют исключительную роль в развитии страны.

Литература

1. Антони М. А. Интерактивные методы обучения как потенциал личностного развития студентов / М. А. Антони // Психология обучения. – 2010. – № 12. – С. 53–63.

2. Воронкова О. Б. Информационные технологии в образовании : интерактивные методы. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 315 с.

3. Пассов Е. И. Концепция коммуникативного иноязычного образования: методическое пособие для русистов / Е. И. Пассов. – СПб. : Златоуст, 2007. – 199 с.

МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Богданов Александр Викторович,
кандидат наук по государственному управлению,
доцент кафедры краеведения
Донецкий государственный университет управления

Многоязычие является неотъемлемой частью настоящего и будущего Европы, и владение несколькими иностранными языками обусловлено в настоящее время не только экономическими, но в значительной степени и общеобразовательными моментами как фактор общего, политического и культурного развития личности.

Нам представляется, что для моделирования будущей системы образования в Донбассе следует изучить языковую политику в странах Европы как составляющую общеевропейской концепции образования и воспитания в духе толерантности и рассмотреть основные современные методы обучения.

В качестве основной задачи в сфере изучения иностранных языков Европейский совет выдвигает владение каждым жителем Европы как минимум двумя иностранными языками, причем одной из них – активно (многоязычие).

В Европе наряду с английским, обязательным для изучения во всех школах как первый иностранный язык, наиболее популярными являются языки развитых в экономическом отношении стран – немецкий, французский, итальянский. Предусмотрено, что в Восточной Европе немецкий язык будет постепенно вытеснять английский как язык международного общения. Французский язык сохранит свои позиции как язык общения вне Европы. Исследования в Германии показали, что для работы в 80% европейских фирм необходимо знание как минимум два иностранных языков, прежде всего английский и французский, а в 45% компаний – как минимум три языка (испанский, итальянский, русский).

Поэтому можно определить иерархию наиболее популярных в Европе иностранных языков, которая определяет языковую политику европейских стран на новое тысячелетие, следующим образом: английский > немецкий > французский > русский > испанский (итальянский) > португальский. При определении языковой политики литература и культура страны изучаемого языка являются неотъемлемой частью содержания обучения иностранным языкам в Европе на всех уровнях.

Образование в современной Европе выступает как понимание собственной цивилизации, то есть овладение основами философии и науки и важнейшими произведениями искусства и литературы. Поэтому основная задача образования состоит в формировании и развитии личности посредством усвоения определенного содержания через чтение.

Но самое главное в концепции образования в Европе заключается в том, что образованный человек является продуктом своей собственной культуры, и это позволяет учитывать взгляды других людей и в соответствии с этим менять свои собственные взгляды, то есть быть толерантным по отношению к другим. Толерантность образованного человека означает признание другого мировоззрения в качестве равноправного со своим собственным, осознание собственных культурно-ментальных границ, признание другой личности и другой культуры как необходимое средство обогащения своего собственного существования в современном мире с постепенным сближением разных народов.

Само понятие культуры в данной концепции характеризуют четыре аспекта:

- 1) все культуры гетерогенные, многогранные и включают в себя элементы нескольких культур сразу;
- 2) культуры постоянно меняются под влиянием исторических моментов;
- 3) культуры охватывают все пространство человеческого существования, то есть все продукты мышления человека, его конкретных действий, его опыт, законы и правила, определяющие сосуществования людей, особенно отношение человека ко всему новому и неизвестному, а также к идеям, ценностям и формам жизни;
- 4) все культуры принципиально равноценны.

Как известно, для продуктивного усвоения иностранных языков с целью дальнейшего общения требуется довольно много времени. Как альтернативные варианты предлагаются модели рецептивного усвоения иностранных языков, когда каждый из участников общения говорит (пишет) на своём родном языке, но понимает своего партнера, который также говорит (пишет) на своём родном языке.

Один из методов рецептивного усвоения иностранных языков получил название Fremdsprachenwachstum (возрастание иностранных языков) [1]. Он основывается на психологическом постулате о том, что каждый человек от рождения обладает способностью к пониманию и выработке как родного, так и иностранного языка. Развитие этой способности проходит через определенные этапы: восприятие (аудитивное или визуальное) и понимание речи других людей; длительный речевой контакт; творческое воспроизведение речи. Как утверждают авторы данного метода, основной источник освоения иностранного языка заключается не в развитии навыков и имитации «сухих» текстов учебника, а в творчестве и понимании природных текстов, с которыми люди встречаются в жизни. Понимание при этом рассматривается как активный внутренний процесс, основанный на специфических языковых стратегиях и

законах, которыми человек обладает от рождения и которые являются универсальными для всех людей. Поэтому для развития такой способности необходимо дать ученику возможность как можно больше воспринимать естественную, неадаптированную иностранную речь с присущими ей характеристиками (сочетание простых и сложных оборотов, эмоциональная окраска, естественный темп). Для усвоения иностранных языков по этой модели требуется значительно меньше времени, чем для активного его изучения.

Данная форма коммуникации с успехом используется во многих регионах Европы с родственными языками соседних народов, например, скандинавские страны, Словакия – Польша и др. Но таким же образом можно изучать и языки одной языковой группы, например, немецкий / английский, французский / испанский. Важным при этом является даже не родство языков, а опыт в усвоении хотя бы одного иностранного языка. Разработка модели рецептивного усвоения иностранных языков позволит достичь многоязычия в относительно короткие сроки.

Еще одно направление в изучении иностранного языка получило название Birkenbihl-Methode [2]. Изучение иностранного языка по этому методу включает несколько этапов-шагов:

1-й шаг – декодирование текста как дословное дешифрование текста учащимися или презентация учащимся дословно дешифрованного текста. При этом, чем абсурднее «перевод», тем легче ученики осознают различия в структурах родного и иностранных языков;

2-й шаг – активное слушание. Ученики читают декодированный на родной язык текст и одновременно слушают текст на иностранном языке с диска. Благодаря этому понятия иностранного и родного языков соединяются между собой в коре головного мозга учащихся неразрывно и одновременно, а не с определённым промежутком времени, как при обычной системе обучения (сначала произносится «сегодня», а за ним перевод «heute»). При этом выводятся на сознательную основу структурно-грамматические различия в языках, то есть грамматические правила усваиваются наглядно, без специального заучивания. При этом необязательно читать иностранный текст, если нужно обучиться только слушанию и говорению. Текст необходимо слушать до тех пор, пока ученики не станут понимать его без перевода.

В связи с задачей формирования межкультурной компетенции значительно возрастает роль и место родного языка и родной культуры при изучении иностранного. Трудности в общении возникают как раз тогда, когда собеседники считают, что они без проблем могут общаться на основе хорошего владения системой языка. Бизнесмены, которые очень хорошо владеют языком, часто попадают в критические ситуации из-за разногласий в культурах. Поэтому в Западной Европе возникло направление исследований под названием «Critical Incidents Technique» (технология критических случаев) [3].

Применительно к системе образования этот метод обладает рядом преимуществ, а именно

- 1) это гибкий метод, который может быть использован для улучшения всей мультипользовательской системы;
- 2) данные собираются не только со слов респондентов, но и собственными усилиями исследователей;
- 3) он полезен при возникновении проблем, причина и степень сложности которых неизвестны;
- 4) он недорог и обеспечивает максимальную информативность;
- 5) он легко понятен и может применяться с помощью опросника или анкеты.

В целом европейский опыт в изучении иностранных языков может быть описан следующим образом.

Речь должна усваиваться и преподаваться в непринужденной атмосфере, без принуждения и без санкций, потому что сегодня все должны изучать иностранные языки, потому что изучение иностранных языков – это жизненно важная потребность. В связи с этим по-новому рассматривается соотношение между аудиторным (управляемым) и внеаудиторным (неуправляемым) усвоением иностранного языка, более целенаправленно при обучении учитываются различия между категориями учащихся в зависимости от возраста, пола и целей при выборе изучения того или иного языка.

Изучение языка происходит на основе модульного принципа (например, английский компьютерный, английский для обмена, английский для чтения, английский экономический, английский медицинский и др.). При этом сочетаются интенсивные и экстенсивные фазы в изучении языка; используются мультимедийные средства обучения языку; разрабатываются методики обучения языку с учетом языкового опыта учащихся и возможности интенсификации учебного процесса. Для бóльшей эффективности учебного процесса осуществляется оптимизация системы много функциональной подготовки преподавателя языка (специалист по многоязычию для различных ступеней обучения, включая обучение взрослых; посредник между родной и иноязычной культурой учеников; эксперт по технологиям межкультурного многоязычного обучения), для чего разрабатываются новые учебные программы для раннего обучения иностранному языку, билингвального обучения и других форм с конкретизацией целей обучения, в качестве которых наряду с межкультурной и коммуникативной компетенции выступают также профессиональная, посредническая в плане языка и многое другое.

В заключение необходимо отметить, что в связи с общей европеизацией и глобализацией экономики необходимы исследования по определению потребностей различных профессиональных групп учащихся; выбор различных стратегий обучения в зависимости от психофизиологического типа обучающегося; использование новейших информационных технологий (перенос уроков фонетики, лексики, грамматики в компьютерные классы, использование аутентичных материалов из Интернета). Актуальна также задача объективизации и стандартизации контроля обученности учащихся с помощью

различных аутентичных тестов, моделирующих их будущую деятельность в виде общения на иностранном языке.

Литература

1. Fremdsprachenwachstum [Electronic resource] – Mode of access: <http://de.wikipedia.org/wiki/Fremdsprachenwachstum>
2. Die Birkenbihl-Methode zum Sprachenlernen [Electronic resource] – Mode of access: <http://lernenheute.wordpress.com/2009/09/03/die-birkenbihl-methode-zum-sprachenlernen/>
3. Critical Incident Technique [Electronic resource] – Mode of access: http://en.wikipedia.org/wiki/Critical_Incident_Technique

О КРИТЕРИЯХ ОТБОРА ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТОВ ДЛЯ РАБОТЫ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО (УКРАИНСКОГО) ЯЗЫКА

Борисова Людмила Петровна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего языкознания
и истории языка им. Е. С. Отина

Янышевская Вера Владимировна,
ст. преподаватель кафедры общего языкознания
и истории языка им. Е. С. Отина
Донецкий национальный университет

Вопрос правильного отбора древнерусских текстов для анализа их языковых особенностей на практических занятиях по истории русского и украинского языков не связан с решением только лишь методических задач, которые ставит перед собой преподаватель, работая со студентами в рамках названных учебных курсов. Как известно, история русского, равно как и украинского языка в учебных планах специальностей «Язык и литература (русский)», «Язык и литература (украинский)» представлена в двух взаимосвязанных, но разных по содержанию дисциплинах: исторической грамматике, которая занимается историей живого, разговорного, диалектного языка, т.е. историей языка-природы, и истории литературного языка, книжного, нормализованного, т.е. истории языка-культуры. Поскольку предмет изучения обеих дисциплин не совпадает, факты языка разнообразных по типу и жанрам памятников древнерусской письменности должны анализироваться дифференцированно, так как в них отражается разная по типу норма: книжная или узуальная (традиционная). Книжная норма реализована в языке текстов, созданных в книжно-славянской традиции, а узуальная – в

памятниках деловой и бытовой письменности. Узуальная норма, как известно, в языковом коллективе усваивается естественным путём, а книжная (как более осознанная и стабильная) – только в процессе обучения. По сравнению с нормой живого языка книжная норма вторична и либо противопоставляется узуальной норме, либо опирается на неё, что, в конечном счете, определяет типологическую характеристику литературного языка [3, с. 36].

Зависимость двух типов нормы от жанра произведения схематично продемонстрирована Н. И. Толстым в его «пирамиде». Устойчивые книжные нормы представлены в «верхушке» (верхнем ярусе) «сакральной вершины пирамиды». Это богослужебные, агиографические, панегирические и др. тексты, язык которых строго нормирован и предельно консервативен [4, с. 86]. В середине «пирамиды» представлены жанры, находящиеся на границе церковной и светской литературы (религиозно-учительная, церковно-юридическая, апокрифическая, историческая, повествовательная, паломническая и др.). В их языке закономерно смешивается и книжная, и узуальная норма. В этих произведениях, по мнению Н. И. Толстого, «доступ народному, или «простому» русскому языку был значительным, и с каждым веком он возрастал» [там же]. В памятниках письменности делового характера церковнославянские нормы отсутствовали, но, тем не менее, это не даёт основания автору исключить их из разряда литературных, поскольку он видит в них особую сферу письменного древнерусского языка, который, возможно, отражает дописьменную традицию обычного устного права [4, с. 85]. «Базовым» (низшим) слоем в пирамиде Н. И. Толстого является устная народная словесность, которая вплоть до XVIII века не имела письменной фиксации и язык которой никогда не определялся как литературный. Однако и сегодня нельзя утверждать, что язык русского фольклора был тождественен живому разговорному языку. Это особая изолированная языковая система, которая всё ещё ждёт своего изучения. Содержание «пирамиды» Н. И. Толстого помогает нам ориентироваться в распространении двух типов нормы в языке различных древнейших текстов, и поэтому знание этого материала для студентов является первостепенным уже в самом начале работы. В курсе исторической грамматики на материале специально подобранных для этого отрывков из памятников письменности они учатся анализировать факты истории древнерусского языка как живой, разговорной системы (узуальная норма). Изучая же историю литературных языков (русского и украинского), студенты определяют тип или жанр памятника письменности и подкрепляют свои выводы характеристикой книжной и/или узуальной нормы, закреплённой (или отсутствующей) в конкретном языковом материале.

Памятники письменности Древней Руси являются самым ценным источником изучения истории русского языка. Появление письменности у славян заметно изменило формы существования и характер древнерусской языковой культуры. Самым ярким событием этого времени можно назвать появление двух письменных языков: церковнославянского (русская редакция старославянского языка) и древнерусского, нормы которых были закреплены в

произведениях разных жанров. Соединение этих двух языковых стихий в дальнейшем привело к рождению русского литературного языка нового типа. Как верно утверждает В. В. Колесов, «во многом и современная вербальная (языковая, словесная) русская культура обязана синтезу идеально высокого стиля средневековой книжности и материально бытового разговорного» [1, с. 18]. Однако в древности эти две стихии при безусловном языковом родстве различались, в том числе и характером нормы. Рассуждения о том, что язык деловых памятников древнерусской письменности был лишен каких-либо норм, сегодня не имеет никаких научных оснований, хотя вопрос об этом до сих пор сохраняется в числе проблемных. Однако трудно не согласиться с мнением М. Л. Ремнёвой о том, что «языковая ситуация на Руси вплоть до нового времени характеризовалась наличием двух нормализованных языковых явлений, друг другу противопоставленных, и эта противопоставленность определяла специфику книжно-письменной культуры на Руси» [2, с. 24].

В процессе изучения курса истории русского или украинского языка при наличии большого количества разнообразных хрестоматий для самостоятельной работы студентов преподаватель должен дифференцированно подбирать необходимый материал, понимая, что характеристика памятников разных жанров древнерусской письменности XI–XIII веков может содержать противоречивый материал, неверный анализ которого приводит к ложным выводам (например, проблема истории простых форм прошедшего времени в живой восточнославянской речи до сих пор не снята по этой причине). По этой причине М. Л. Ремнёва призывает в основу исторического анализа языкового материала положить «корректное дифференцированное описание», которое не исключает следов взаимодействия и взаимовлияния восточнославянской и церковнославянской языковых стихий [2, с. 21].

Литература

1. Колесов В. В. История русского языка : Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / В. В. Колесов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ. – М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 672 с.
2. Ремнёва М. Л. История русского литературного языка / М. Л. Ремнёва. – М. : Филологический факультет МГУ, Филология, 1995. – 400 с.
3. Саркисова Л. Н. О концепции курса «История русского литературного языка» / Л. Н. Саркисова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Филология. – 2005. – № 2. – С. 36–47.
4. Толстой Н. И. Церковнославянский и русский : их соотношение и симбиоз / Н. И. Толстой // Вопросы языкознания. – 2002. – № 1. – С. 81–90.

**ТЕКСТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ
КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)**

Гетманская Галина Ивановна,
преподаватель кафедры «Русский язык
и литература в начальной школе»
**ГОО «Приднестровский государственный
университет им. Т. Г. Шевченко»**

Родионова Лилия Фёдоровна,
преподаватель кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
**БПФ ГОО «Приднестровский государственный
университет им. Т. Г. Шевченко»**

Образование – это не только система знаний, это и способность найти нужную информацию, верно использовать её, а также умение предусмотреть и достойно оценить последствия своих действий. Образование создаёт предпосылки и возможности для широкого взгляда на действительность, помогает установить связи между различными сферами познания и духовного опыта и в известной мере содействует появлению и созреванию особого качества личности и культуры.

Развитие у студентов технических специальностей способностей профессионального общения на русском языке – одна из основных целей обучения. При этом следует учитывать специальность обучающегося наряду с национальной принадлежностью. Среди многочисленных проблем лингводидактики и методики преподавания русского языка в национальной аудитории эти факторы особенно важны при выработке навыков профессионально ориентированной речи на уровне литературных норм. Если не учитывать значительное различие в грамматических системах русского и родного языков, межъязыковую интерференцию, выработка навыков профессиональной речи окажется невозможной.

Профиль факультета (профессиональная ориентация обучения), преодоление интерферентного влияния родного *молдавского, украинского, болгарского, гагаузского* и др. языков, на которых говорят жители многонационального Приднестровья, определяют содержание учебного языкового материала на занятиях по официальному (русскому) языку (*тексты, терминологическая лексика, грамматические структуры*) и его организацию в словосочетания, предложения.

Цель преподавания – выработка навыков монологического высказывания и ведения диалога студентами на русском языке в зависимости от той или иной ситуации. Далеко не всем студентам удаётся проанализировать текст с точки

зрения проблем, которые поднимает автор, выразить свою позицию и аргументировать её; привести примеры выразительных средств языка, показать их роль в тексте. Немногие студенты способны изложить свои размышления оригинально, правильным, богатым и образным языком.

Положительных результатов в речевом развитии будущих инженеров следует ожидать при использовании системы языковых средств, а также коммуникативных заданий, подобранных в соответствии с учебными потребностями. Подобная система складывается из текстов по специальности, объединённых тематически, а также из пред- и послетекстовых заданий на усвоение лексики (преимущественно терминологической) и грамматическое конструирование по моделям.

Студенты технических специальностей заинтересованно воспринимают содержание текстов профессиональной направленности, осознанно подходят к семантизации терминологической лексики и её усвоению.

Это тем более важно для будущих инженеров, которым предстоит стать командирами производства. Ведь современное общество нуждается в высокообразованных, квалифицированных инженерных кадрах, обладающих способностью критически и креативно мыслить, стремящихся к самообразованию, умеющих работать в различных по своим социальным характеристикам коллективах.

Без овладения коммуникативной компетенцией, приобретаемой в ходе языковой социализации, наше общество вряд ли получит таких специалистов. Знание норм литературного языка и умение владеть ими – необходимое условие речевой культуры студентов инженерных специальностей.

На примере одного из текста, используемого нами в практике преподавания, попытаемся показать ряд компонентов системы обучения будущих инженеров осмысленному восприятию общеупотребительной и терминологической лексики, что увеличивает активный словарный запас и готовит их к восприятию специальных дисциплин, а также обогащает знания по данной теме.

Тема занятия: «Из истории лампы накаливания».

I. Предтекстовые задания.

а) Соберите пословицы. Переведите 3 пословицы на родной язык.

1. Каково сошьёшь –	не выловишь и рыбку из пруда.
2. Мёд есть –	коли зайца боишься.
3. Любишь кататься,	таково и износишь.
4. Каково испечёшь,	в улей лезть.
5. Дело человеком ставится,	люби и саночки возить.
6. Не ходи в лес,	таково и съешь.
7. Без труда	человеком и славится.

б) Используя словарь иностранных слов, объясните значение терминов, укажите язык-источник: *алгоритм, эксперимент, проводник, технология, патент, платина, вольфрам, цоколь, люминофор, флуоресцентный*. Составьте словосочетания.

в) Подберите синонимы к словам *незабвенный, использовал, отечество, купила, путь, существование, нескончаемый, перегорела, идея*. Составьте предложения.

г) Просклоняйте словосочетания *бесконечные эксперименты, угольное волокно, вольфрамовая нить, инженерная мысль, флуоресцентный порошок*.

II. Притекстовые задания.

➤ Прочитайте 1 абзац текста. Как вы думаете, о чём пойдёт речь?

➤ Что вы знаете об истории лампы накаливания?

Давайте приоткроем завесу истории и обратим свои взоры в тридцатые годы XIX столетия: именно тогда миру был явлен первый образец, с которого и началась эпоха ламп, продолжающаяся и по сей день.

Датой рождения первой лампы накаливания можно считать 1838 год, когда бельгиец **Жобар** ставит опыты с лампой с угольными электродами. Это и положило начало бесконечным экспериментам по совершенствованию самой технологии, в основе которой лежит принцип нагревания проводника (нити накаливания) при протекании через неё электрического тока.

Уже в 1878 году английский изобретатель **Джозеф Вильсон Сван** получает британский патент на лампу с угольным волокном. В его лампах волокно находилось в разреженной кислородной атмосфере, что позволяло получать очень яркий свет.

В это же время не остаются в тени и наши соотечественники. 11 июля 1874 года российский инженер **Александр Николаевич Лодыгин** получил патент за номером 1619 на нитевую лампу. В качестве нити накала он использовал угольный стержень, помещённый в вакуумированный сосуд.

Тем временем, во второй половине 1870-х годов незабвенный **Томас Эдисон** проводит исследовательскую работу, в которой он пробует в качестве нити различные металлы. И уже в 1879 году патентует лампу с платиновой нитью. Но технология далеко не совершенна... и в 1880 году он возвращается к угольному волокну и создаёт лампу со временем жизни 40 часов. Это было буквально прорывом в те времена. Одновременно Эдисон изобрёл патрон, цоколь и выключатель. Несмотря на столь непродолжительное время жизни, его лампы постепенно вытесняют использовавшееся до тех пор газовое освещение.

Прогресс берёт верх! Наступает эра электрического освещения.

1890 год. Снова Россия, и снова Лодыгин. Александр Николаевич изобретает несколько типов ламп с нитями накала из тугоплавких металлов. Лодыгин первым предложил применять в лампах вольфрамовые нити (в современных электрических лампочках нити накала именно из вольфрама) и закручивать нить накаливания в форме спирали. К сожалению, в родном отечестве он не находит поддержки и в 1906 году продаёт патент на вольфрамовую нить компании General Electric. В том же 1906 г. в США он строит и запускает завод по электрохимическому получению вольфрама, хрома, титана. Из-за высокой стоимости вольфрама патент находит только ограниченное применение. Но уже через четыре года **Вильям Дэвид Кулидж**

изобретает улучшенный метод производства вольфрамовой нити. Впоследствии вольфрамовая нить вытесняет все другие виды нитей, но это уже более поздняя история.

Ещё одной заслугой Лодыгина можно считать то, что ему пришла в голову идея откачивать из лампочек воздух – тем самым увеличивая её срок службы.

Немногим ранее Лодыгина, в 1904 году венгры доктор **Шандор Юст и Франьо Ханаман** получают патент за № 34541 на использование в лампах вольфрамовой нити. В Венгрии же были произведены первые такие лампы, вышедшие на рынок через венгерскую фирму Tungsram в 1905 году.

С тех пор лишь небольшие доработки и изменения коснулись лампы накаливания, к которой мы так привыкли, что даже фактически не замечаем её. Вкрутил. Выкрутил. Вкрутил... Этот процесс был бы бесконечным, если бы на заре двадцатого столетия инженерная мысль застыла на месте. Но, конечно, это было далеко не так.

Тусклый, жёлтый свет ламп накаливания не давал покоя самым светлым умам той поры. Истории известно множество, как успешных, так и не очень, опытов по заполнению ламп накаливая различными смесями газов. Но лиш... в 1926 году **Эдмунд Джермер** и его сотрудники предл...жили увеличить операц...он...ое д...вление в пр...делах колбы и покрывать её флуоресцентным порошком который пр...обр...зовывает (ультра)фиолетовый свет и...пускаемый возбуждён...ой плазмой в более однородный белый свет.

Э. Джермер в настоящее время признан изобр...тателем лампы дн...вного света. General Elektrik позже купила патент Джермера и под руководством **Джорджа Э. Инмана** к 1938 году дов...ла лампы дневного света до ш...рокого ком...ерч...ского использования.

Принц...п работы этой лампы в корне отл...чался от предшествен...ицы. При работ... лампы между двумя эл...ктродами нах...дящимися в прот...воположных концах лампы возн...кает (низко) температурный дуговой эл...ктрический разряд. Лампа заполнен...а инертным газом и парами ртути прох...дящий ток пр...вод...т к по...влению УФ излучения (не)вид...мого для человеч...ского глаза. (По) этой пр...чине его пр...обр...зуют в видимый свет с пом... щью явления люминесценц...и. Внутрен...ие стенки лампы покрыты спец...альным вещ...ством-люминофором погл...щающем УФ излучение и излу...ющим вид...мый свет. Изм...няя состав люминофора можно м...нять оттенок св...чения лампы. (Из ж. «Электроэнергетика: сегодня и завтра»).

III. Послетекстовые задания.

1. Определите тему и основные мысли текста, найдите ключевые слова.
2. Укажите тип речи текста и стиль. Приведите доказательства. Как соотносятся, «перекликаются» начало и конец текста?
3. Объясните членение текста на абзацы, составьте план. Озаглавьте текст.
4. Укажите лексические, грамматические, смысловые средства связи между частями текста.

Поразмыслиаем над прочитанным:

*Какой год в истории человечества можно считать датой рождения первой лампы накаливания? Какой принцип лежал в её основе? Кто был пионером в этом деле?

*Какой вклад в изобретение лампы внёс английский изобретатель Джозеф Вильсон Сван?

*В чём, по-вашему, состоит заслуга на этом поприще русского инженера Александра Николаевича Лодыгина? Что вам известно о его изобретениях?

*Найдите в тексте рассказ об открытиях А. Н. Лодыгина. Как вы думаете, почему он продал патент на вольфрамовую нить компании General Electric?

*Кто из учёных, на ваш взгляд, изобрёл улучшенный метод производства вольфрамовой нити?

*В какой стране были произведены первые лампы с вольфрамовой нитью?

*Кто из учёных признан изобретателем лампы дневного света? Расскажите, что вам известно об истории её создания.

*В чём, по-вашему, состоит принцип работы лампы дневного света?

*Явление люминесценции. Что это такое?

IV. Задания по тексту.

Продолжите предложения:

1. Первая лампа накаливания... 2. Обратим свои взоры... 3. 1838 год...
4. Английский изобретатель... 5. 11 июля 1874 года российский инженер А. Н. Лодыгин... 6. В 1879 году Томас Эдисон... 7. В 1906 году А. Н. Лодыгин... 8. Вольфрамовая нить... 9. Истории известно множество...
10. Эдмунд Джермер в 1926 году... 11. При работе лампы между двумя электродами... 12. Проходящий ток приводит к ... 13. Изменяя состав люминофора...

•Подберите антонимы к словам *настоящее, предшественница, застыла*. Какую роль они играют в тексте? Найдите контекстные антонимы.

•Составьте словообразовательные цепочки к словам *увеличивая, соотечественники, доработки, нагревание, накал*.

•Укажите способ синтаксической связи (*согласование, управление, примыкание*) в словосочетаниях: *в форме спирали, электрические лампочки, нити накала, в родном отечестве, при работе лампы, можно считать, ограниченное применение, фактически не замечаем, вакуумированный сосуд*.

•Найдите в первых трёх абзацах местоимения, выпишите их, укажите разряд.

V. Самостоятельная работа.

1. Вставьте пропущенные буквы, раскройте скобки, расставьте знаки препинания. Сгруппируйте орфограммы.

✓ Укажите в тексте предложения, осложнённые причастными и деепричастными оборотами. Объясните пунктуацию.

2. Составьте связный текст из данных ниже предложений.

1. Причина тому – вольфрам, который активно применяется в электронике, при производстве смартфонов, ноутбуков, планшетов и

мобильных телефонов. 2. В результате исследований специалисты пришли к выводу, что мобильные устройства негативно влияют на мозг человека. 3. Британские учёные под руководством Джессики Тирелл из университета Эксетера обследовали 8 тысяч англичан, активно пользующихся различными электронными приборами, компьютерами, мобильниками и т.д. 4. Именно повышение уровня вольфрама в организме значительно усиливает риск инсульта. (Из журнала.)

✓ Подумайте и ответьте: что такое инсульт?

VI. Речевые ситуации.

• Вас пригласили на встречу с учащимися технического колледжа им. Ю. А. Гагарина. Как будущие инженеры, расскажите ребятам:

- ✓ об истории создания первой лампы накаливания;
- ✓ об изобретателях лампы накаливания;
- ✓ о принципе работы лампы дневного света.

Подобная работа с текстом профессиональной направленности помогает студентам пополнить свой словарный запас, развивает навыки самостоятельной работы над лексикой и создаёт базу для овладения словообразовательной системой русского языка.

Такая форма работы призвана способствовать развитию речи студентов инженерных специальностей и повышению их интереса к занятиям по русскому языку.

Литература

1. Гетманская Г. И. Русский язык и культура речи. Комплексный анализ текста : Учебное пособие для студентов-нефилологов / Г. И. Гетманская, Л. Ф. Родионова. – Тирасполь : Полиграфист, 2010. – 124 с.

2. Гетманская Г. И. Текст профессиональной направленности и процесс языковой социализации будущих инженеров / Г. И. Гетманская, Л. Ф. Родионова // «Строительство–2013». Строительство. Дороги. Транспорт. Материалы международной научно-практической конференции (Россия, 12–13 декабря 2013 г.). – Ростов-на-Дону : РГСУ, 2013. – С. 97–100.

3. Материалы ж-в «Электроэнергетика: сегодня и завтра», «Наука и жизнь».

ОСНОВНІ ВИПАДКИ ІНВЕРСІЇ У НАУКОВО-ТЕХНІЧНИХ ТЕКСТАХ З МАШИНОБУДУВАННЯ

Кульбіда Наталя Іванівна,
ст. викладач кафедри української і російської мов
Донецький національний технічний університет

Однією з проблем сучасної лінгвістики є вивчення синтаксичної структури і функціонування елементів наукового тексту, щодо універсальності яких вчені неодноразово висловлювали сумнів [2, с. 176]. Тому не зникає потреба поглибленого вивчення засобів семантичного увиразнення тексту в одній із найважливіших сфер функціонування мови – у науковому стилі; необхідністю встановлення типових мовних засобів досягнення стилістичної виразності та визначення їх комунікативної доцільності; окреслення механізмів текстотворення у мові спеціального призначення. **Актуальність теми дослідження** посилюється тим, що науково-технічні тексти з машинобудування ще не було описано в цьому аспекті. **Об'єктом** дослідження є науково-технічний текст і дискурс, зокрема описова та експериментальна стаття як його різновид. **Предмет** дослідження – інверсія як засіб семантичного увиразнення та текстотворення в науково-технічному тексті та дискурсі.

Метою цієї статті є опис інверсії у науково-технічному тексті та спроба встановлення функцій інверсії у текстах цього стилю. Як основні **завдання** дослідження визначаємо представлення результатів систематизації випадків уживання інверсованих синтаксичних конструкцій, визначення основних типів інверсії та встановлення функцій інверсії в проаналізованих текстах.

За матеріал дослідження було обрано тексти описових та науково-експериментальних статей з машинобудування.

Як показує аналіз фактичного матеріалу, для текстів з машинобудування, як і для науково-технічних текстів інших галузей, характерними є насамперед синтаксичні конструкції з прямим порядком лінійного розташування членів речення: група підмета (формального суб'єкта) передує групі присудка чи присудків, напр.: *Ефективність діагностики значною мірою залежить від коефіцієнта варіації напрацювання елементів автомобіля до граничного стану* (Вісник Вінницького політехнічного інституту, далі – ВПІ, 2008-3, с. 82). *Далі золотник рухається в режимі вільного вибігу (як підпружинена маса) і закривається після набору системою випробувального тиску* (Вісник ВПІ, 2008-3, с. 73–74).

Переважно прямий порядок слів спостерігаємо у межах групи підмета: узгоджене означення знаходиться у препозиції щодо підмета, а неузгоджене – у постпозиції: *Жорсткі вимоги до надійності РВТ пояснюють актуальність створення стендів для випробування на довговічність* (Вісник ВПІ, 2008-3, с. 73).

У групі присудка для прямого порядку слів важливим є лінійне розташування поширених і непоширених додатків, напр.: *Схема гідроприводу*

стенда для випробування РВТ на довговічність (рис.1) включає насосну станцію Н з пневмогідравлічним акумулятором ПГА, мультиплікатор тиску МТ [...] (Вісник ВПІ, 2008-3, с. 73).

Разом з тим аналіз текстів показує, що для значної кількості синтаксичних конструкцій характерною є зміна прямого порядку структурних елементів висловлення, зокрема порядку у розташуванні групи підмета відносно групи присудка, а також у лінійному порядку облігаторійних елементів у межах кожної з груп головних членів речення.

Насамперед привертає увагу зміна в порядку взаємного розташування групи підмета і груп присудка. Винесення групи підмета у постпозицію сприяє логічному наголошенню інформації про суб'єкт дії, процесу чи суб'єкт-носій ознаки. Так, у наведеному нижче прикладі автор експериментальної статті підкреслює інформацію про те, що об'єкт наукового опису (формальний суб'єкт) входить до ряду однотипних об'єктів (елементів систем гідроприводів), яким притаманна приписувана предикатом ознака (*знаходить застосування*), але саме цей об'єкт вирізняється з-посеред інших мірою ознаки (*широке застосування*), і до нього автор прагне привернути увагу адресата: *В системах гідроприводів різних машин широке застосування знаходять рукави високого тиску (РВТ)* (Вісник ВПІ, 2008-3, с. 73). Зауважимо, що у цьому реченні у групі присудка підкреслено міру ознаки також за допомогою інверсії (*широке застосування знаходить*). Порівняймо з трансформованим реченням з прямим порядком “підмет – присудок”: *Рукави високого тиску знаходять широке застосування в системах гідроприводів різних машин*, – де логічно наголошеною виявляється інформація, виражена локативним детермінантом, що не відповідало б комунікативній меті, яку ставить перед собою автор статті.

Зміна прямого порядку розташування груп підмета і присудка може бути викликана необхідністю симетричного логічного наголошування елементів двох чи більше синтагм з, наприклад, зіставляваною чи протиставлюваною інформацією: *На заміну ширококовжіваному двокромковому триходовому золотнику [4] з електромагнітним керуванням / в запропонованому приводі застосовані два однокромкових золотники з вільним вибігом [...]* (Вісник ВПІ, 2008-3, с. 73). У наведеному вище висловленні за допомогою інверсії зіставляється семантика логічно підкреслених членів двох синтагм (*двокромковому золотнику – два однокромкових золотника*) та увиразнюється новизна запропонованої автором конструкції.

Зіставлявані чи протиставлювані семантичні елементи можуть знаходитися як у межах синтагм одного речення різного ступеня складності, так і у межах більш складних одиниць тексту. У науковій літературі, присвяченій питанням синтаксису наукового тексту, неодноразово підкреслювалося, що “подібний дистанційний механізм відбору та розподілення синтактико-стилістичних засобів здатний з'єднати в єдину комплексну побудову опис певного явища, надаючи йому форму складного синтаксичного цілого [3, с. 149]. У таких випадках інверсований підмет як логічно наголошений член речення виступає засобом зв'язку між частинами

тексту, а інверсія виконує текстотвірну функцію. Досить часто тоді зазнає інверсії також група присудка, у якій у препозицію виноситься і детермінант, що відповідає попередньо представлений у тесті інформації (пресупозиції, темі), напр.: *Аналогічно працює і другий золотник, що скидає тиск до нульового значення* (Вісник ВПІ, 2008-3, с. 74).

Текстотвірну функцію, крім функції семантичного увиразнення, виконує також винесення на ініціальну позицію інверсованого присудка, який передає нову інформацію (входить до складу реми), напр.: *Досягається згадане за рахунок того, що в циліндричних золотниках необхідна герметичність досягається додатним перекриттям [...]* (Вісник ВПІ, 2008-3, с. 73).

Як вже зазначалося вище, одним із важливих комунікативних завдань автора експериментальної статті є повідомлення адресата про новизну та визначальні риси запропонованої ним наукової чи технічної інформації, які вводяться до тексту за допомогою відповідних лексичних засобів, як-от: *особливість, перевага, новизна, ефективність*, тощо. Підкреслення цих ознак відбувається шляхом подвійної інверсії: зміни порядку взаємного розташування підмета і присудка, а також одночасного перенесення в ініціальну позицію наведених вище та подібних за семантикою лексем у ролі іменної частини складеного іменного присудка, напр.: *Особливістю стенду є спосіб керування мультиплікатором* (Вісник ВПІ, 2008-3, с. 73). Текстотвірна функція притаманна також інверсії іменної частини складеного іменного присудка та структурної групи “підмет – присудок” у тих випадках, коли носіїв ознаки, які називає іменна частина присудка, є кілька. Тут інверсована група складеного іменного присудка (орудний відмінок іменної частини + дієслово є) знаходиться на початку речення, а далі інформація подається у вигляді відкритого чи закритого ряду сурядних груп підмета, напр.: *Очевидною умовою ефективності діагностики є істотне зниження ймовірності відмов автомобіля, а також виключення невинуватених профілактичних робіт, яке досягається при відпрацьованій системі діагностики* (Вісник ВПІ, 2008-3, с. 82).

У науково-експериментальних статтях досить часто спостерігаємо також вживання синтаксичних конструкцій зі складеним предикатом, іменна частина якого виражена пасивним дієприкметником, а сам предикат передуює суб'єкту дії, стану чи процесу, що формально відповідає непрямому порядку слів у реченні – інверсії, напр.: *В роботі прийняті такі припущення: густина, питома вага і модуль пружності робочої рідини постійні; тиск на виході гідростанції (тиск живлення) постійний [...]* (Вісник ВПІ, 2007-3, с. 83). *В основу запропонованого підходу покладене співставлення механічної характеристики (МХ) двигуна та діаграми навантаження (ДН), яке використовується в роботах [...]* (Вісник ВПІ, 2007-3, с. 84). Незважаючи на співфункціонування симетричних конструкцій, не можемо їх зарахувати до таких, де інверсія семантично увиразнює частину інформації, що міститься у висловлюванні. Зауважимо, що структура і порядок слів цих висловлень є характерними для безособових речень з предикатом на –но, -то, який вимагає поширення прямим

додатком – назвою граматичного предмета – об’єкта дії, що знаходиться у постпозиції щодо предиката, напр., *Розроблено пневмогідравлічний привід для формування прямокутних імпульсів тиску до стенду для випробування рукавів високого тиску на довговічність* (Вісник ВПІ, 2008-3, с. 73). Тому конструкції з пасивним дієприкметником у складі предиката можна трансформувати у відповідні безособові речення з прямим порядком розташування групи предиката (предикат – прямий додаток), напр.: *На рис. 3 показана ЧХП, прийнята за вихідну під час розробки ЕГСВ одного з випробувальних стендів [...]* (Вісник ВПІ, 2007-3, с. 86). – *На рис. 3 показано ЧХП, яку ми прийняли (яку було прийнято) за вихідну під час розробки ЕГСВ одного з випробувальних стендів.* Не випадково у одних і тих же статтях спостерігаємо нерідко хитання у виборі типу конструкцій для передачі однотипної інформації, напр., порівняймо: *На рис. 4 показані графіки залежностей (9) та (10), побудовані для гідродвигуна з таким початковими параметрами [...]* (Вісник ВПІ, 2007-3, с. 87) і *На рис. 5 показано таку МХ (крива 1)* (Вісник ВПІ, 2007-3, с. 87).

Отже, така квазі-інверсія є результатом змішування двох типів синтаксичних конструкцій, а не свідомої зміни порядку слів у реченні. Припущення про помилковість вживання конструкції з формальною інверсією (предикат з іменною частиною у формі дієприкметника – суб’єкт) підтверджується порівнянням загальної семантики висловлювань названого типу з висловленнями, які побудовано на основі безособової конструкції з предикатом на -но, -то. Обидва типи висловлень у науково-експериментальній статті передають результат наукового дослідження, спостереження чи експерименту як завершену на певному етапі дію, процес чи стан дослідження та теоретичні висновки з них. Порівняймо, напр., формулювання результатів наукового дослідження у таких висловленнях: *Розроблено математичну модель приводу, досліджено стійкість перехідного процесу, показано, що показники перехідного процесу задовольняють нормативні вимоги до стендів даного призначення* (Вісник ВПІ, 2008-3, с. 73). – *У роботі описані теоретичні дослідження стійкості і перехідних процесів в гідроприводі стенда* (Вісник ВПІ, 2008-3, с. 73). У обох випадках адресат одержує інформацію про форму завершення певного етапу дослідження чи експерименту.

Зміна прямого порядку слів також є не доцільною, якщо її застосування порушує логіку викладу шляхом перенесення семантичного навантаження на несуттєвий для конкретного висловлення елемент інформації. Розглянемо для прикладу уривок тексту, в якому йдеться про методику випробування на довговічність рукавів високого тиску: *Стенд призначений для випробувань РВТ на довговічність шляхом формування прямокутних імпульсів тиску. ГОСТом 6286-73 обумовлюються параметри імпульсу; тривалість переднього фронту імпульсу не повинна перевищувати 75 мс [...]* (Вісник ВПІ, 2008-3, с. 73). Як бачимо, інформацію, яка відповідає меті висловлення, передає словосполучення *шляхом формування прямокутних імпульсів тиску*. Саме цей семантичний елемент висловлення стає предметом опису в наступних синтаксичних конструкціях (*тривалість переднього фронту імпульсу не повинна*

перевищувати 75 мс і далі). Отже, інверсія аналізованої пасивної конструкції шляхом зміни порядку семантичного і формального суб'єктів дії не сприяє логічності викладу.

Таким чином, аналіз найбільш поширених у науково-технічному тексті синтаксичних конструкцій зі зміною прямого порядку членів речення показує, що інверсія найчастіше виявляється як: 1) зміна порядку взаємного розташування групи підмета і групи присудка; 2) зміна прямого порядку розташування у межах групи присудка, а також у лінійному порядку облігаторійних елементів у межах кожної з груп головних членів речення.

Кожен з типів інверсії відповідає певній комунікативній меті. Так, винесення групи підмета у постпозицію сприяє логічному наголошенню інформації про суб'єкт дії, процесу чи суб'єкт-носії ознаки. Зміна прямого порядку розташування груп підмета і присудка може бути викликана необхідністю симетричного логічного наголошування елементів двох чи більше синтагм, семантика яких є предметом зіставлення чи протиставлення. У таких випадках інверсований підмет виступає також засобом зв'язку між частинами тексту, а інверсія виконує текстотвірну та композиційну функцію.

Подвійна інверсія як зміна порядку взаємного розташування підмета і присудка, а також одночасне перенесення в ініціальну позицію іменної частини складеного іменного присудка, вираженої лексемами, що називають певний етап, новизну, достовірність дослідження тощо, також поліфункційна, оскільки виконує текстотвірну, увиразнювальну та композиційну функції.

Література

1. Брандес М. П. Стилистика текста / М. П. Брандес. – М. : Прогресс-Традиция, ИНФРА-М, 3-е изд., перераб. и доп., 2004. – 416 с.
2. Карпусенко Н. В. Експансія синтаксичної структури як засіб стилістичної виразності у німецькомовному науково-лінгвістичному дискурсі / Н. В. Карпусенко // Вісник Харківського національного університету. – 2010. – № 928. – С. 167–172.
3. Разинкина Н. М. Стилистика английского научного текста / Н. М. Разинкина. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 216 с.

СИСТЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ-ФИЛОЛОГОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА

Луценко Ирина Владимировна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий

Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

Одним из важнейших отличий науки от обыденного сознания является ее способность выходить за рамки определенного типа практики и открывать для человечества новые предметные миры. В XXI веке наука превращается в социальную силу, оказывающую серьезнейшее и все возрастающее влияние на самые различные сферы жизнедеятельности. При этом тенденции развития науки вообще и студенческой науки в частности, основываются на общих тенденциях развития современного общества. Становится очевидным, что никакое учреждение высшего профессионального образования уже никогда не сможет подготовить специалиста «раз и навсегда» к выполнению тех профессиональных функций, с которыми он столкнется в условиях реального производства. В этих условиях уникально возрастает значение самообразования, способности студента как будущего специалиста к самостоятельной творческой деятельности.

Целью статьи является разработка и внедрение системы формирования исследовательской культуры будущих учителей-филологов в деятельности студенческого научного общества (СНО).

Основанием для создания системы формирования исследовательской культуры будущих учителей-филологов в деятельности СНО определены следующие положения:

- отказ от представления про субъект как абстрактный индивид (М. Мамардашвили),
- личность рассматривается как «проект», то есть множество возможностей развития и становления личности, реализация творческого потенциала человека;
- образовательный процесс в высшем учебном заведении рассматривается как простор жизнедеятельности индивида, что обеспечивает рефлексивный, открытый выбор и принятие решений, которые отвечают принципам свободы;
- среди наиважнейших форм привлечения студентов к исследовательской деятельности является студенческое научное общество как добровольное объединение студентов, которое направлено на организацию научно-исследовательской деятельности будущих специалистов;
- формирование исследовательской культуры будущих учителей-филологов – это длительный процесс, который будет осуществляться в

соответствии с последовательностью профессиональной подготовки студентов в высшем учебном заведении, усложняя целевые ориентиры, задания, формы от младших до старших курсов.

Разработка указанной системы осуществлялась с учетом теоретических подходов к определению сущности и структуры исследовательской культуры будущего учителя, методологических подходов к её формированию (системный, деятельностный, личностно ориентированный, культурологический), ведущих направлений организации научно-исследовательской работы в вузе на современном этапе, особенностей деятельности СНО в высшем учебном заведении.

Исходными теоретико-методологическими позициями, которые составляют основу разработки содержания системы формирования исследовательской культуры будущих учителей-филологов в деятельности студенческого научного общества определены такие:

- ценностные основания науки, научной деятельности, технологии научного творчества (М. Вебер, В. Вернадский, Б. Кедров, П. Фейерабенд и др.),

- психологические аспекты исследовательской деятельности (В. Аллахвердов, А. Леонтович, В. Мухина, О. Обухов, О. Поддьяков, О. Савенков, А. Юревич);

- теория и практика профессиональной подготовки, личностно-профессиональное становление будущих учителей (А. Алексюк, О. Дубасенюк, Н. Кузьмина, Л. Митина);

- методология исследовательской деятельности педагога (С. Гончаренко, В. Загвязинский, В. Краевский, Н. Кузьмина, О. Новиков, В. Полонский, В. Сластенин),

- организация научно-исследовательской деятельности студентов (В. Балашов, В. Богословский, С. Брызгалова, Л. Квиткина, В. Кагерманьян, М. Сачек, Е. Спицын),

- научные идеи относительно научного сообщества (П. Бурдые, С. Денисов, Т. Кун, М. Полани, Д. Прайс) и научную коммуникацию (В. Батыгин, Н. Волкова, О. Выдрин, В. Московкин), взаимообогащает общение (М. Бубер), сотворчество как диалог "глубинного общения" (Г. Батищев, М. Бахтин, В. Библер).

Отвечая требованиям системного подхода (В. Беспалько, Н. Кузьмина и др.), система формирования исследовательской культуры будущих учителей-филологов в деятельности СНО рассматривается как совокупность таких взаимосвязанных компонентов, как целевой, мотивационно-установочный, содержательно-развивающий, исследовательско-творческий, результативный. Субъектами указанной системы являются студенты и преподаватели.

Целевой компонент содержит цель, задачи, принципы (системности, открытости, опережение, технологичности, вариативности, динамичности, корпоративности, партнерства, ресурсного обеспечения; партисипативности, кооперации).

Мотивационно-установочный этап в границах деятельности студенческого научного общества предусматривал осуществления информационно-просветительской работы, в частности поддержки веб-страницы СНО, публикацию материалов о деятельности СНО в средствах массовой информации; формирование мотивации научно-исследовательской деятельности, диагностирование исследовательских умений и творческих способностей студенческой молодёжи с целью выявления индивидуальных ресурсов (интеллектуального, личностного, этического и др.), на этом этапе важным является формирование у студентов целостных представлений о сущности научной деятельности, знакомство с базовыми исследовательскими умениями.

Содержательно-развивающий этап связан с приобретением знаний о сущности и способах научной деятельности в процессе участия в разных формах деятельности СНО.

Исследовательско-творческий предусматривал привлечения студентов к выполнению самостоятельных исследовательских работ, творческих проектов, выступлений на Днях науки, участия в студенческих научных конференциях разного уровня, публикации результатов научных исследований и др.

Результативный – раскрывает положительную динамику возрастания уровня сформированности исследовательской культуры будущих филологов.

С целью формирования исследовательской культуры будущих учителей в деятельность СНО внедрялись разные формы и методы работы: постоянно действующий семинар «Ценность познания», в границах которого проводились проблемные лекции, деловые игры («Защита творческого проекта», подготовка научной конференции, «Оппонент»), тренинги («Я – исследователь» – по формированию творческих способностей, умений работать в команде, «Метаморфозы живого знания», ведущей идеей которого избрана позиция В. Зинченко «Войдем в Мир образования вместе, а выйдем врозь, каждый в свой Мир»), групповые дискуссии, написания эссе («Моя исследовательская перспектива», «Учитель-исследователь в школе будущего» и др), круглый стол «Плагат: кто виноват и что делать?», микропрактикумы «Библиографический поиск», «В мире умных мыслей (правила цитирование)» и др.

Мы считаем, что для эффективного формирования и развития исследовательской культуры будущих учителей-филологов, следует проводить такую работу с первого курса обучения в ВУЗе, так как предпосылкой успеха является поэтапное и системное развитие умений и навыков исследовательской культуры.

Данные этапы являются последовательной системой взаимозависимых действий педагогов, ответственных за научную работу на факультетах и студентов на основе мероприятий, которые были организованы и проведены СНО факультета, университета.

Таким образом, внеучебная научная деятельность студентов организуется через деятельность СНО факультетов, университета и позволяет включить всех студентов университета в исследовательскую деятельность на протяжении

четверых лет обучения в высшем учебном заведении. Это делает нашу работу оптимальной и эффективной.

Перспективу дальнейшей научной работы рассматриваем в исследовании таких вопросов, как: научно-методическое сопровождение научно-исследовательской деятельности студентов с использованием информационных технологий, технологии включения будущих специалистов в виртуальное научно-исследовательское пространство, формы и методы формирования умений и навыков научной коммуникации у студентов филологического факультета.

Литература

1. Афанасьев В. Общество : системность познание и управление / В. Г. Афанасьев. – М. : Политиздат, 1981. – 432 с.
2. Методика навчання і наукових досліджень у вищій школі : навчальний посібник / С. У. Гончаренко, П. М. Олійник, В. К. Федорченко та ін. ; за ред. С. У. Гончаренка, П. М. Олійника. – К. : Вища школа, 2003. – 323 с.
3. Момот А., Кагерманьян В., Хотенков В. Опыт организации научно-исследовательской работы студентов во внеучебное время / Под ред. В. И. Крутова ; НИИ пробл. высш. шк. – М., 1985. – 40 с.

ДО ПРОБЛЕМИ ВПРОВАДЖЕННЯ ІННОВАЦІЙНОЇ ПРОЕКТНОЇ ТЕХНОЛОГІЇ У ВИКЛАДАННЯ ДИСЦИПЛІНИ «УКРАЇНСЬКА МОВА ЗА ПРОФЕСІЙНИМ СПРЯМУВАННЯМ»

Матулевська Наталія Павлівна,
ст. викладач кафедри української і російської мов
Донецький національний технічний університет

У статті розглядається впровадження проектної технології в навчальний процес вищої школи на прикладі викладання дисципліни «Українська мова за професійним спрямуванням», аналізується можливість поєднання інноваційного методу з усталеними формами навчання.

Метод проектів був відомий ще у 20-ті роки ХХ століття у США. Спершу його називали «методом проблем» і розвивався він у межах гуманістичного напрямку у філософії та освіті, в педагогічних поглядах та експериментальній роботі Джона Дьюї. На основі *концепції прагматизму* американського педагога Дж. Дьюї (1859–1952) його послідовник Вільям Кілпатрік розробив «проектну систему навчання», або метод проектів. Учні включалися безпосередньо у практичну діяльність, через яку вони мали опанувати теоретичні знання, необхідні для вирішення конкретного завдання.

Сьогодні «метод проектів», у вигляді проектної технології навчання, пройшовши випробування часом, набув нової актуальності для закладів освіти

як України, так і інших країн, де він тривалий час був витиснутий із педагогічної практики, оскільки метод проектів має і *слабку сторону* – за надмірної захопленості прагматичною спрямованістю навчання може бути знижений загальний теоретичний рівень освіти.

Однак останнім часом, у зв'язку зі *становленням парадигми особистісно орієнтованої освіти*, метод проектів переживає друге народження як ефективне доповнення до інших педагогічних технологій, що сприяють становленню особистості – суб'єкта діяльності та соціальних стосунків.

Метод проектів створює умови, за яких студент може самостійно здобути знання чи застосувати придбані раніше, причому замість дій за зразком в основному виступають пошукові й дослідницькі дії. Основний акцент робиться на творчий розвиток особистості.

Застосування проектної технології дозволяє реалізувати в навчальному процесі такі загальнодидактичні принципи, як науковість, наочність, індивідуальність, системність, добровільна участь та вільний вибір, інтелектуальний розвиток, продуктивність, керованість, цілісність, завершеність.

В. Кіппатріком виділено декілька типів навчальних проектів, серед яких найбільш прийнятними для вищої школи ми вважаємо:

- *проект розв'язання проблеми* (науково-дослідницький проект) – розв'язання фізико-математичних, технічних, історичних, мовних проблем, що, як правило, поєднується з дискусійними формами роботи;
- *проект-вправа* (проекти навчання і тренування) для оволодіння певними навичками;
- *ігровий проект* – круглий стіл, дискусія, конференція, свято.

Виходячи із завдання вищої школи щодо формування високопрофесійного фахівця, *найперспективнішими* видами проектної діяльності, з огляду на її потенціальні психолого-педагогічні можливості, є *колективні міжпредметні науково-пошукові проекти*, що не тільки систематизують знання, а й забезпечують максимальне їх наближення до реальних потреб життя, творчої самореалізації і конструктивної соціалізації особистості студентів.

Застосування проектної технології передбачає такі етапи роботи над проектом (Г. А. Русских, Ю. В. Момот, І. І. Зайцева):

1. Мотивація проектної діяльності студентів.
2. Уведення учнів у тематичне поле проекту, формування груп, планування роботи.
3. Збір інформації з проблематики проекту, пошук шляхів розв'язання проблеми.
4. Структурування інформації, аналіз ефективності обраного способу вирішення проблеми проекту.
5. Виконання запланованих кроків з реалізації проекту, практичних дій.
6. Оформлення результатів проекту, підготовка до презентації.
7. Аналіз досягнутих результатів, експертиза продукту проекту.
8. Коригування результатів роботи над проектом.

9. Презентація, оцінка та аналіз проекту.

Роль викладача в організації проектної діяльності полягає у наданні допомоги щодо постановки завдань, висування пропозицій та ідей, в коригуванні плану дій та одержаних результатів.

Міжпредметні науково-пошукові навчальні проекти заохочують студентів до використання таких методів вирішення проблеми, як мозковий штурм, рольова гра, евристичний і проблемний пошук, дискусія, командна праця, підтримують інтелектуальну діяльність студентів у когнітивній, афективній і психомоторній сферах на всіх рівнях – знання, розуміння, застосування, аналізу, синтезу. Дозволяють вчитися на власному досвіді й досвіді інших у конкретній справі, а не вдавати навчальну діяльність.

Нова програма з української мови за професійним спрямуванням передбачає опанування дисципліни протягом трьох семестрів. Це дає можливість кожному із студентів взяти участь у створенні та презентації науково-пошукового проекту з мовних проблем. Цей проект може бути різних типів: проект розв'язання проблеми, проект-вправа, ігровий проект; може носити кооперативний або змагальний (конкурсний) характер; бути за складом учасників проектної діяльності індивідуальним чи колективним.

Ми пропонуємо приклад навчального проекту «Стилі мовлення сучасної української мови».

Ключове питання: Що є причиною існування і функціонування різних стилів мови?

Тематичні питання:

1. Скільки стилів мови існує і де вони використовуються?
2. У чому полягають мовні особливості наукового і офіційно-ділового стилів?
3. Чи створюються зараз нові стилі?

Основним змістом проекту є практичне застосування знань про стильове та жанрове різноманіття української мови. Проект передбачає закріплення понять: стиль, стильова норма, стильові характеристики, мовні кліше тощо. Виконуючи цей проект, студенти досліджують характерні риси кожного стилю на прикладах текстів різної стильової спрямованості, у різних комунікативних мовленнєвих ситуаціях, об'єднаних спільною темою. Наприклад, тема: «Навчально-виробнича практика студентів». Комунікативні ситуації:

1. Лекція з теми практики.
2. Розмова з керівником практики.
3. Обговорення проходження практики зі студентами групи.
4. Оформлення звіту з практики.
5. Написання статті про проходження практики в газету «Донецький політехнік».
6. Участь у телевізійній програмі «ВУЗ-TV» (передбачаються ролі інтерв'юера і учасників програми), присвяченій проблемам практики і працевлаштування студентів.

Для реалізації проекту студенти залучають як знання з української мови, так і фахові, професійні знання. Результати дослідження студенти подають за допомогою доповідей, виступів, публікацій, рольових ігор, мультимедійних презентацій.

Очікуваними результатами проектної діяльності є належний рівень сформованості знань про особливості стилів української мови, навички правильного відбору необхідної інформації, її аналізу, порівнювання та класифікації, а також вміння планувати роботу, добирати ілюстративний матеріал, переконливо подавати здійснений проект, робити висновки.

Як бачимо, проектна технологія навчання несе у собі невичерпний потенціал у забезпеченні варіативної складової навчального плану.

На нашу думку, *цінність проектної технології* полягає в тому, що вона, через діяльнісний підхід, допомагає особистості у становленні її як активного соціокультурного діяча, виступає інтегруючим фактором (поєднуючи особистий досвід діяльності, «університетське знання», досвід спілкування тощо) на шляху входження студента до загального соціокультурного середовища. Це дає можливість побудувати власну освітню траєкторію, яка відображає сучасні вподобання та можливості молодих людей і спрямована на перспективу: до майбутньої професії, до формування ключових компетенцій, до саморозвитку особистості, до неперервної освіти.

Проектність – один із вимірів рівня культури народу, «уміння проектувати у великому і малому, вибрати найбільш оптимальні, у той же час конкурентоздатні варіанти розвитку». На перший план виступає випереджаючий розвиток самої людини, формування творчої особистості, яка проектує й організує своє життя.

Проектне навчання – корисна альтернатива лекційній системі, але воно аж ніяк не повинно витіснити її і ставати певною панацеєю. Фахівці з країн, які мають великий досвід у цій справі, вважають, що проектне навчання варто використовувати як доповнення до інших видів прямого чи непрямого навчання, як засіб прискорення росту і в особистісному вимірі, і в академічному.

Метод проектів може бути застосованим і в іноземній аудиторії. Як приклад ми пропонуємо ігровий проект міні-спектакля за оповіданням А. П. Чехова «Злой мальчик».

Учасниками проектної діяльності є студенти 3-го курсу англійського технічного факультету, які вивчають спеціальні предмети англійською мовою. Дисципліна «Російська мова як іноземна» викладається цим студентам в обсязі 4-х навчальних годин на тиждень.

Підготовці проекту передуює вивчення художнього тексту в аудиторії, в тому числі й робота, спрямована на зняття граматичних і смислових труднощів, зумовлених історико-культурним фоном художнього твору.

Потім студенти під керівництвом викладача розробляють сценарій, в який, крім чехівських героїв (Іван Іванович, Анна Семенівна, батьки Анни

Семенівни) вводиться ще й оповідач. Викладач допомагає розподілити ролі між учасниками проекту.

Ключовим питанням проекту є: чи дійсно Коля був злою дитиною?

Тематичні питання:

1. Яка риса характеру визначає поведінку Івана Івановича?
2. Яким є характер Анни Семенівни?
3. Чому хлопчик шантажував дорослих і чому вони дозволяли це робити?

Основною метою проекту є практичне застосування лексико-граматичних конструкцій в усному мовленні в ситуаціях, які моделюють спілкування і реалізують комунікативні потреби студентів. Проект передбачає формування і удосконалення таких компетенцій у іноземних студентів: співробітництво, адаптація, самонавчання, комунікація, пошук, отримання нових знань.

Очікуваним результатом проектної діяльності є підвищення рівня володіння російською мовою, формування навичок правильного вибору лексико-граматичних конструкцій, введення їх в усне мовлення, удосконалення вживання інтонаційних конструкцій, навичок участі в діалозі і полілозі, а також уміння планувати роботу, аналізувати навчальний матеріал, робити висновки.

Студентам другого курсу основних факультетів як навчальний проект було запропоновано розробити план лінгвокраїнознавчого тематичного заняття «Звичаї, свята і традиції України і країн, з яких приїхали студенти».

Працюючи над проектом, студенти разом з викладачем визначають ключове і тематичні питання.

Ключове питання: Як звичаї та традиції віддзеркалюють менталітет людей різних національностей?

Тематичні питання:

1. Які свята є улюбленими в Україні і на батьківщині студентів?
2. В чому схожість і різниця окремих обрядів (наприклад, весілля)?
3. Чому традиції і звичаї різних народів різні?
4. Чи потрібно зберігати давні національні традиції в сучасному світі?

Здійснюючи цей проект, студенти аналізують, досліджують і співставляють характерні риси народів, знайомляться з культурою і традиціями представників різних національностей. Для реалізації проекту студенти залучають як країнознавчі, так і мовні знання.

Результати досліджень ними презентується у вигляді доповідей, виступів, публікацій в університетську газету, мультимедійних презентацій, оформлення стендів тощо.

Очікуваними результатами даного проекту є необхідний рівень лінгвокраєзнавчих знань, удосконалення усного і писемного мовлення, розширення й активізація лексичного запасу, вміння відібрати і подати потрібну інформацію у відповідних мовних конструкціях.

Як бачимо, проектна технологія несе в собі значний потенціал у забезпеченні варіативності навчального плану з вивчення російської мови як іноземної. Вона дає студентам можливість побудувати власну освітню траєкторію, допомагає сформувати ключові компетенції. Будучи спрямованою

на саморозвиток особистості та безперервне навчання, проектна технологія є корисним доповненням до системи аудиторних занять з російської мови як іноземної.

Література

1. История педагогики и образования: От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX в. / Под ред. А. И. Пискунова. – М., 2001. – 512 с.
2. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: Учеб. пособие / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева, А. Е. Петров; под. ред. Е. С. Полат. – М.: Издательский центр «Академия», 1999. – 214 с.
3. Биятенко-Колоскова С. Е. Русская версия международной программы e-mail тандем. Изучение иностранных языков через Интернет / С. Е. Биятенко-Колоскова, О. В. Дядиченко // Материалы всероссийской конференции «Интернет. Общество. Личность». – СПб., 2000. – Режим доступа: <http://iol.spb.osi.ru>
4. Побокова О. А. Новые технологи в обучении языку: проектная работа / О. А. Побокова, А. А. Демченко // Новые возможности общения: достижения лингвистики, технологии и методики преподавания языков. – Иркутск, 2003. – 240 с.

ЛЕКСИКО-ГРАМАТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ВИРАЖЕННЯ ВЗАЄМОЗВ'ЯЗКУ ПРОЦЕСІВ В УКРАЇНОМОВНИХ ТЕКСТАХ З ЕЛЕКТРОТЕХНІКИ

Матулевська Наталія Павлівна,
ст. викладач кафедри української і російської мов
Донецький національний технічний університет

У мові немає ізоморфних стосунків між змістом думки та її мовним висловлюванням. Будь-яку думку можна висловити різними засобами, за допомогою різних синтаксичних будов. Численність виражень його самого змісту є принциповою особливістю природознавчих мов.

У даній розвідці ми наведемо оглядовий опис деяких семантичних структур, що вживаються в науковому стилі для вираження взаємозв'язку між явищами та процесами. У наукових текстах речення із семантикою взаємозалежності є досить частотними, і міститися це значення може саме у слові **залежати** у поєднанні з прийменниковою конструкцією *від чого*. У таких реченнях суб'єкт означає наслідок, а прийменникова конструкція – причину. Наприклад: *Опір провідників залежить від температури. У разі незмінної напруги сила струму залежить від опору кола.*

Як бачимо, у другому прикладі вказується також, за яких саме обставин відбувається взаємозалежність явищ ("у разі незмінної напруги").

Дуже поширеним для вираження взаємозв'язку в науковому стилі є конструкції з прийменником **внаслідок** та ланцюжком іменників, що означають дію, процес. Прийменник **внаслідок** разом із залежними словами виконує в реченні роль обставини і є стрижневим компонентом. Наприклад: ***Внаслідок** безперервного переходу електронів з катода на іони та надходження їх на анод підтримується рух електронів у провідниках, які з'єднують джерело електричної енергії з електродами.*

Прості речення з конструкцією **внаслідок чого** легко можуть бути розгорнуті у складні із сполучником **внаслідок того, що**. Але в науковому стилі переважають прості речення, оскільки усунення дієслова, яке несе головне, змістовне навантаження у складному реченні, збільшує інформативність імені, створює більшу стислість, економічність мовлення, тобто конденсує його, скорочує протяжність мовленнєвого сигналу, що не байдуже для наукового викладу. Деякі конструкції вимагають після себе родового відмінка (тобто є генетивними). Це і згадувана вже конструкція **внаслідок чого**, і сполучення **під дією чого, від дії чого, під час чого, за чого**.

Конструкція **під дією чого** означає активну причину якихось процесів. Наприклад: *У замкненому колі електричний струм протікає **під дією** електрорушійної сили джерела енергії.*

У реченнях даного типу можуть вказуватися додаткові обставини протікання взаємообумовлених процесів ("у замкненому колі").

Менш поширеною є конструкція **від дії чого**, яка теж виконує функцію активної причини певних перетворень. Наприклад: *Струм у зовнішньому колі виникає **від дії** різниці потенціалів на затискачках джерела енергії.*

В українській мові російський прийменник **при** залежно від значення передається різними засобами. Коли він розповсюджує віддієслівний іменник, що означає процес, він набуває часового значення і виражається за допомогою прийменниково-іменникового сполучення **під час + родовий відмінок віддієслівного іменника**. Наприклад: ***Під час** проходження струму по провіднику температура його підвищується.* Якщо російський прийменник **при** сполучається з невіддієслівним іменником (а іноді ще й розповсюдженим прикметником або прислівником), то він набуває умовного значення і в українській мові передається конструкцією **за чого**. Наприклад: ***За дуже малого опору** сила струму в колі буде великою, а напруга на затисках генератора – малою.*

У цьому реченні ми можемо спостерігати взаємозалежність трьох явищ одночасно, що взагалі є характерною особливістю наукового стилю.

Щодо російського прийменника **при**, то він може передаватися в українській мові також за допомогою конструкції **через + знахідний відмінок**, якщо наслідок впливу є негативним. Наприклад: ***Через виділення** водню на мідній пластині елемента дія елемента послаблюється.*

Якщо описується нестандартна ситуація, окремий негативний випадок, то вживається конструкція **у разі чого**. Наприклад: *У разі зміни магнітного потоку, який пронизує виток провідника, у цьому витку виникає ЕРС індукції*. В українській мові досить продуктивні конструкції, внутрішня форма яких зумовлюється прийменником. В них найбільшою мірою виявляється національна специфіка мови. Прийменник як частина мови досить широко спеціалізується на передачі різних обставинних значень.

Так, дуже характерна для наукового стилю мови конструкція **з чим** надає реченням значення кількісних або якісних змін. Віддієслівним іменником передається одне із взаємозв'язаних явищ, яке розглядається як причина, а наслідок передається присудком. Причому зниження ознак одного явища може спричинити як підвищення, так і зниження ознак другого. Наприклад: *Зі зниженням температури збільшується в'язкість електроліту*.

Синонімічною до конструкції **з чим** є сполучникова конструкція **чим..., тим...**, в якій предикат може бути виражений ступенем порівняння прикметників або дієсловом у сполученні зі ступенем порівняння. Ця конструкція використовується для передачі як одночасних, так і різночасних дій. Присудок підрядної частини виражає явище, яке розглядається як головне, а присудок головної – явище, що розглядається як залежне. Підрядна частина із сполучником **чим**, як правило, починає речення. Але, якщо увага акцентується на головній частині, можлива інверсія, і підрядна частина із сполучником **чим** йде за головною. Наприклад: *Чим вища ЕРС джерела енергії, тим більшим буде відхилення стрілки вольметра*.

Взаємообумовленість процесів може бути пропорційною. Це виражається конструкціями зі словами **прямо пропорційно** або **обернено пропорційно**. Наприклад: *Сила струму в замкненому колі прямо пропорційна ЕРС і обернено пропорційна опорів всього кола*.

Слід зауважити, що складні речення із сполучником **якщо** теж достатньо поширені. Наприклад: *Якщо напруга між вузлами не змінюється, то сили струму в резисторах, розміщених між цими вузлами, не залежні одна від одної*.

Взаємообумовленість процесів підкреслюється також за допомогою слів **обумовлює, впливає, спричиняє, перешкоджає, послаблює** і т. ін.

Нерідко в науковій мові існує спільнокореневе з іменником дієслово. Іменникова конструкція синонімічна дієслову. Наприклад: *Опір кола перешкоджає проходженню струму. І зовнішнє коло, і саме джерело енергії становлять перешкоду для проходження струму. Зміна опору одного з послідовно приєднаних приймачів спричиняє зміну загального опору всього кола. При цьому змінюються напруги на всіх приймачах*.

Цікаво спостерігати роль зворотних дієслів (ЗД) у реченнях із семантикою взаємообумовленості процесів. Хоча вони виконують функцію присудка, роль ЗД у таких реченнях допоміжна і полягає у підсиленні і розширенні змісту взаємозв'язку процесів.

Аналіз фактичного матеріалу свідчить, що ЗД, вживані у реченнях із значенням взаємообумовленості, є співвідносними, тобто виводяться за значенням із відповідних у звуковому і морфологічному відношенні з незворотних дієслів і відрізняються від останніх лише наявністю постфікса -**ся**. До того ж, за класифікацією Н. М. Марчука, вони належать до підгрупи загальнозворотних дієслів.

ЗД, вживані у реченнях з ознакою взаємообумовленості процесів, можна умовно поділити на групи на основі їх функціональної єдності та змістової специфіки:

1) ЗД із значенням визначення об'єкта дослідження (**встановлюється, виражається, називається, формулюється** тощо); наприклад: *Залежність маси речовини, що виділилася, від сили струму встановлюється двома законами Фарадея;*

2) ЗД із значенням переміщення в просторі (**рухається, пересувається, відгалужується, повертається, спрямовується** і т. ін.); наприклад: *Внаслідок взаємодії магнітного поля та провідника зі струмом провідник буде переміщуватись у той чи той бік;*

3) ЗД із значенням зміни стану предмета (**зменшується, збільшується, перетворюється, нагрівається, охолоджується, змінюється** тощо); наприклад: *Під час зіткнення електронів з молекулами витрачається енергія, яка перетворюється в теплоту;*

4) ЗД із значенням появи предмета або процесу (**утворюється, з'являється, відбувається** і т. ін.). Наприклад: *Під дією цих полів у тілі утворюються намагнічені ділянки, що нагадують найдрібніші магнітики.*

Розгляд природи взаємозалежності явищ і відтворення її у семантичній структурі речень ще чекає на своїх дослідників.

Література

1. Мацько Л. Українська мова в кінці XX століття (Зміни в лексиці) / Л. Мацько // Дивослово. – 2001. – С. 15–20.
2. Непийвода Н. Ф. Мова української технічної літератури (функціонально-стилістичний аспект) / Н. Ф. Непийвода. – К., 1997. – С. 101.
3. Російсько-український науково-технічний словник / Укл. : В. Перхач, Б. Кінаш. – Львів, 1997. – 453 с.
4. Селіванова О. Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія / О. Селіванова. – Полтава : Довкілля, 2006. – 716 с.

СОПОСТАВЛЕНИЕ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Медведкина Татьяна Андреевна,

ст. преподаватель кафедры украинской филологии
и прикладной лингвистики

Донецкий национальный университет

В современной методике обучения иноязычной речевой деятельности учет родного языка и родной культуры студентов-иностранцев признается одним из ведущих лингводидактических принципов.

В большей или меньшей мере осознанная, а нередко и неосознанная потребность сравнить изучаемый язык с родным непременно присутствует в сознании любого человека. Вспомним известные слова Л. В. Щербы о том, что родной язык иностранцев можно изгнать из аудитории, но не из голов. Следовательно, поиск приемов и способов опоры на родной язык, формы учета его влияния на процесс овладения другим языком оказывается принципиально важной методической и психологической задачей. Такую задачу приходится решать преподавателям-русистам на международном факультете, так как к нам приезжают на обучение студенты из разных стран мира и, естественно, встает вопрос, как эффективно и быстро обучить их русскому языку, больше того, обеспечить такой уровень владения языком, который позволил бы продолжать образование в других вузах.

В последнее время на наш факультет приезжают на обучение китайские студенты, для которых русский язык очень необычен и труден. Следует обратить внимание на ряд приоритетных трудностей, которые возникают, например, в системе письма.

Как известно, только в Китае сохранилось и существует иероглифическое письмо, и у студентов-китайцев, владеющих иероглифической письменностью, не сразу приходит понимание написания «заглавных» букв, потому что «заглавных» иероглифов в системе китайской письменности нет, все они (иероглифы) одинаковой величины и пишутся подряд, без интервалов между словами.

Слитное и раздельное написание не представляет проблемы для студентов, привыкших к алфавитной письменности, а для китайских студентов является трудно постижимой задачей. Поэтому так актуальны в процессе обучения китайских граждан микродиктанты и специально подобранная система упражнений для овладения навыками письменной речи русского языка.

Дополнительные трудности в изучении русского языка и спецдисциплин возникают и в связи с тем, что в китайском языке нет интернационального пласта лексики, а есть их этимологические кальки. Калькирование считается важнейшим способом восприятия китайским языком иностранной лексики. Отсюда и трудности в преподавании научного стиля речи русского языка и

спецдисциплин для китайских студентов, которым нужно приложить много усилий для изучения интернациональных слов.

Принципиальные отличия заключаются и в фонетических системах языков. В китайском языке деление на слоги совпадает с морфемным членением слова, а в русском языке – слог чаще всего не совпадает с ним, т.е. слог не всегда отражает значимую часть слова (сравним: под-го-тов-ка и под-готов-ка).

В языке путунхуа (государственный язык Китая) есть дифтонги, в русском языке дифтонгов нет, согласные звуки в китайском языке занимают в составе слога определенное место, а в русском языке – произвольное. Основные трудности в произношении сводятся к различным произносительным нормам гласных и согласных в языковых системах русского и китайского языков. Например, многие гласные отличаются наличием или отсутствием предыхания. Звуки предыхательные всегда глухие, отсюда и «рваная» мелодика слова в русском языке. Щелевые согласные в китайском языке все глухие, а в русском языке глухим щелевым согласным противопоставлены звонкие ф-в, с-з, ш-ж. Звук [р] – самый трудный для китайских студентов и в отличие от русского языка – недрожащий.

С первых уроков обучения китайских студентов русскому языку нужно использовать устные упражнения, направленные на развитие разговорной речи, формировать навыки говорения, развивать навыки понимания речи на слух, аудировать. Подготовленные преподавателем упражнения и выполнение их студентами поможет преодолеть трудности перехода от родного языка к неродному и использовать его как средство в монологическом и диалогическом общении.

При обучении китайских студентов технике чтения и для выработки норм правильного произношения мы выделяем слоги, но при введении новых слов им следует объяснить все значимые части слова. Необходимо подчеркнуть также, что китайские слова, как правило, двусложные, тогда, как в русском языке – многосложные и следует проявить большое терпение и умение, чтобы на втором месяце обучить китайских студентов фразам типа «Я учусь на международном факультете в Донецком национальном университете».

Обзорный характер подготовленных материалов не дает, к сожалению, возможности рассмотреть более подробно каждый из названных аспектов в сопоставлении русского и китайского языков, указать на особенности трудностей, связанных с практикой обучения. Однако фрагментарное сопоставление изучения языков, в котором делаются первые шаги, показывает, что оно может быть полезно для решения многих лингвометодических задач.

Литература

1. Алексахин А. Н. Вводный курс практической фонетики китайского языка путунхуа / А. Н. Алексахин. – М. : Восточная книга, 2013. – 175 с.
2. Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке / И. А. Зимняя. – М. : Просвещение, 1985. – 159 с.

3. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука, 1974. – С. 24–39.

4. Шубин Е. П. Языковая коммуникация и обучение иностранным языкам / Е. П. Шубин. – М. : Просвещение, 1972. – 349 с.

ПЕСНЯ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Некрутенко Елена Борисовна,

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры теории и практики перевода

Санченко Евгения Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой теории и практики перевода

Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

На современном этапе актуальной задачей становится поиск наиболее эффективных способов и приемов обучения иностранному языку. Решить данную проблему можно путем воздействия не только на сознание, но и на проникновение в эмоциональную сферу. Поэтому, использование песен является наиболее действенным методом освоения иностранного языка, поскольку в музыкальных композициях есть способствующие запоминанию механизмы, а также грамматические, идиоматические конструкции, фразеологизмы, сленг, обширный лексический материал и др. Песни всегда эмоционально окрашены, содержат актуальные темы, наполнены художественными образами и риторическими оборотами.

Психологи доказали, что музыка представляет собой эффективный способ запоминания лингвистического материала, поскольку представляет такой вид деятельности, который вовлекает в работу оба полушария головного мозга. Ученые определили, что человеческий мозг имеет разные области для восприятия речи и музыки. Музыкальный центр мозга находится в правом (творческом) полушарии, а речевой центр (языковые способности, а именно речь, способности к письменности и чтению, запоминанию букв, чисел, и их написанию) в левом. Это способствует хранению изучаемого материала и его более быстрому воспроизведению. Поэтому музыкальные композиции, объединяя работу обоих полушарий, запоминаются лучше, чем стихотворения, а алфавит легче спеть под музыку, чем произнести. Вот почему ритмы текста и приятная музыка надолго остаются в нашей памяти [3].

Необходимо выделить основные функции, объединяющие изучение иностранного языка и использование песен на уроках:

– физиологическая (способствующая запоминанию);

- эмоциональная (вызывающая чувства, переживания);
- психологическая (способствующая релаксации, расслаблению);
- социально-психологическая (повышающая динамику в группе; сочетает в себе эмоциональные, интеллектуальные и ценностные установки, отношения, настроения, мнения и чувства членов группы);

- коммуникативная (способствующая общению);
- когнитивная (стимулирующая мыслительные процессы);

Данная объединяющая концепция дает основу для использования вышеперечисленных функций в процессе обучения иностранному языку на основе использования песен страны изучаемого языка.

Музыка и пение песен оказывают неоценимую помощь в изучении иностранного языка в силу ряда причин:

- Песни, как один из видов речевого общения, способствуют усвоению и расширению лексического запаса, поскольку они содержат новые слова и выражения. В музыкальных композициях часто встречаются названия присущие только определённым народам и нациям предметов материальной культуры, имена собственные, что помогает развитию знания стилистических особенностей языка и понимания специфики культуры, истории, традиций, обычаев народа, говорящего на этом языке.

- На песенной основе и в непринужденной обстановке, грамматический материал и сложные конструкции предложения, прочнее усваиваются, легче и быстрее запоминаются и откладываются в долговременной памяти;

- Песни способствуют совершенствованию навыков иноязычного произношения, а также развитию способности полноценно воспринимать музыку и адекватно оценивать те или иные ее достоинства или недостатки. Повторение и разучивание коротких по объему песен помогают закрепить правильное произношение, интонацию, артикуляцию, правила ударения в словах, особенности ритма и мелодики. Установлено, что музыкальный слух, слуховое внимание и слуховой контроль находятся в тесной взаимосвязи с развитием артикуляционного аппарата. Работа с песнями решает проблему многократного повторения высказываний по одной модели или восприятия одного и того же слова или выражения [2, с. 58–59].

- Использование музыки и песен на уроках иностранного языка содействует эстетическому отношению к действительности, несет в себе духовное начало, эмоциональную насыщенность и энергетический заряд положительных эмоций. Музыка создает благоприятную психологически комфортную обстановку, снижает психологическую нагрузку, способствует активизации языковой деятельности, повышает эмоциональный тонус, поддерживает интерес к изучению иностранного языка. Влияние музыки на психологические процессы организма человека давно известно и изучено медиками, психологами и активно используется в процессе обучения многих дисциплин, как в школах, так и в вузах. Например, можно использовать фоновую музыку, способствующую снятию психологического напряжения, при проведении контрольных работ. Для таких целей музыку лучше подбирать

мелодичную, спокойную, без резкой смены темпа.

- Песни также активизируют и развивают творческий потенциал, воображение и фантазию.

- Песни своим содержанием побуждают к изложению собственных мыслей, являются хорошим стимулом для монологического и диалогического высказывания, развитию как подготовленной, так и спонтанной речи.

- Использование музыкального материала является средством оптимизации структуры урока, которое повышает активность и работоспособность, повышает мотивацию.

Песни на уроках иностранного языка можно использовать для достижения различных целей, а также решения воспитательных, развивающих и практических задач:

- фонетическая зарядка в начале урока;

- для более прочного закрепления лексического и грамматического материала;

- для стимулирования речевых навыков и умений;

- для релаксации в середине или в конце урока, когда учащиеся или студенты испытывают физическую и психологическую напряженность и им необходима разрядка, снимающая напряжение и восстанавливающая их работоспособность [5, с. 50].

Сами по себе приведенные выше цели ничего не представляют собой без приемов, которые используются во время выполнения заданий. А приемы ознакомления с песней могут быть самыми разнообразными, а именно:

- угадать содержание песни исходя из ее названия;

- заполнить пропуски словами из песни (глаголы, прилагательные и т.д.);

- написать отсутствующие строки;

- ответить на вопросы (в виде теста), составленные на основе содержания песни;

- соединить слова из песни с подходящими дефинициями;

- в тексте песни подчеркнуть синонимы/антонимы к словам, напечатанным в раздаточном материале;

- представить и рассказать или нарисовать то, про что было услышано в песне;

- расположить в правильной последовательности перепутанные строки песни;

- найти грамматические явления (например, Present Simple, Present Continuous, Present Perfect, etc.);

- обсудить свое впечатление во время прослушивания песни, либо свое отношение к музыкальному произведению;

- составить стихотворение (на основе содержания песни), используя образец из раздаточного материала [1, с. 2].

Можно использовать следующие критерии отбора песен:

- песня должна быть ритмичной, не очень длинной;

- соответствовать уровню владения иностранным языком, а также

интересам, музыкальным вкусам студентов;

- песня должна мотивировать;
- отражать страноведческие реалии страны изучаемого языка.

Существуют разные этапы работы с песнями, но, в основном они сводятся к следующим аспектам:

- краткое вступительное слово о песне (основное содержание, характер, история создания, стиль и особенности аккомпанемента);
- первое прослушивание песни, знакомство с ее музыкальной стороной: особенностями ритма, мелодии;
- проверка понимания содержания песни:
- путем перевода текста на родной язык;
- постановка вопросов;
- выделение грамматических явлений, новой лексики, необходимых для полного понимания содержания песни; и обеспечение их закрепления;
- фонетическая отработка текста песни, где акцентируется внимание на темпе, правильности произнесения отдельных слов и текста в целом;
- повторное прослушивание с опорой на текст;
- разучивание мелодии в процессе совместного исполнения песни с использованием фонограммы [4].

Работа с песней может растянуться на несколько уроков, поэтому, на последующих занятиях песню повторяют 1–2 раза до полного ее усвоения.

Подводя итог, необходимо сказать, что работа с песней всегда активизирует речемыслительную деятельность, развивает социокультурную компетентность, увеличивает словарный запас, улучшает восприятие иностранной речи на слух. Кроме того, музыка и песни создают благоприятную психологическую обстановку, помогают расслабиться и являются эффективным способом изучения иностранного языка.

Литература

1. Карпенко О. Вивчення іноземної мови через пісню й музику / О. Карпенко // Англійська мова та література. – 2004. – № 12 (58). – С. 2–4.
2. Метьюлкіна О. Б. Пісні на уроках англійської мови / О. Б. Метьюлкіна // Іноземні мови. – 1996. – № 4. – С. 58–60.
3. Моренков В. Say Goodbye to Boring! Language Learning through Song / В. Моренков : [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.study.ru/support/lib/note52.html>
4. Работа с песней на уроках немецкого языка : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://wallit.ru/dokumenty/material/rabota-s-pesnei-na-urokakh-nemetskogo-iazyka/>
5. Синькевич Г. С. Песня на уроке английского языка / Г. С. Синькевич // Иностранные языки в школе. – 2002. – № 1. – С. 50–54.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Новикова Юлия Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии

Атанова Галина Юрьевна,
преподаватель кафедры прикладной лингвистики и этнологии
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

В современном мире использование мультимедийных средств является одним из важнейших направлений применения информационных технологий в образовании. Возможности мультимедиа позволяют активизировать процесс обучения за счёт наглядности, а также сочетания логического и образного способов усвоения информации.

Актуальность представленного в данной статье исследования обусловлена целесообразностью использования мультимедиа в учебном процессе.

Мультимедиа включает в себя текстовую, графическую, анимационную, видео- и звуковую информацию, допускающую различные способы структурирования, интегрирования и представления [3, с. 30; 1, с. 29], что позволяет преподавателю качественно улучшить учебный процесс: представлять изучаемый объект в различных условиях, формировать у студентов красочные, объёмные образы, развивать их логическое мышление, тем самым активизируя креативный подход к обучению. Мультимедиа также позволяют студентам самостоятельно работать над учебными материалами, что способствует реализации принципов активного, самостоятельного, творческого обучения [3, с. 34].

Важен и обратный процесс – создание студентами собственных мультимедийных презентаций для публичных выступлений. Это навык, необходимый современному человеку. Без работы с презентациями студентам не обойтись и в процессе обучения, и в будущей профессиональной деятельности, готовясь к разного рода выступлениям, докладам и т.д.

Применение мультимедийных технологий в обучении меняет роль преподавателя в образовательном процессе: он перестаёт быть единственным источником знания, становясь руководителем и помощником студентов. Преподаватель обеспечивает педагогическое руководство и контроль результатов обучения, поощряя студентов при самообразовании, предоставляя условия мотивации обучения и нацеливая на поиск знаний, а также вырабатывая стремление студентов к критическому анализу информации.

Целью данной статьи является разработка способов применения учебных презентаций на практических занятиях по межкультурной коммуникации.

Рассмотрим использование учебной презентации при изучении темы «Традиционное жилище славян». Данная презентация включает в себя

графическую и текстовую информацию.

Практическое занятие «Традиционное жилище славян»

Тема: «Традиционное жилище славян».

Цели: обогатить студентов знаниями о традиционном жилище славян; развивать устную речь студентов, способствовать их творческой и познавательной активности; воспитывать любовь к народным традициям, уважительное отношение и интерес к культурному наследию своего народа.

Тип занятия: изучение нового материала.

Оборудование: мультимедиа-презентация.

Межпредметные связи: архитектура, история, история культуры, народоведение, русский язык и культура речи.

Ход занятия

I. Актуализация опорных знаний.

Слайд 1. Тема занятия и эпиграф

Прочитайте эпиграф к нашему занятию – это строки из стихотворения Александра Древицкого «Деревянная Русь»: *«Русь. Изба, ещё одна, / Церковь, с дерева она, / Всё же это без гвоздя, / А стоит... Вот это да!»*

Прокомментируйте это высказывание.

Слайд 2. Значение слова «изба»

С. И. Ожегов в толковом словаре русского языка даёт следующее определение: «Изба – деревянный крестьянский дом» [5, с. 194].

Первые наземные дома у славян появились приблизительно в IX–X веке, а само название **изба** (а также его синонимы «ызба», «истьба», «изьба», «истобка», «истопка») зафиксированы в древнейших памятниках русской письменности, датированных X в. Возможно, слово произошло от глагола *истопить*, поскольку в условиях холодного климата главную роль в жилище играла печь, которую *топили* [2].

Объясните, почему своё жилище наши предки называли избой?

Слайд 3. Русская изба

Изначально срубные избы появились в северных районах славянских поселений, где земля была очень сырой, болотистой или глубоко промерзшей.

Русскую избу украшали узорными резными досками, окна – наличниками. Крышу украшало бревно-охлупень в форме головы коня, которое называли «конёк крыши».

О чем может рассказать декор крестьянской избы?

Как назывались резные доски, которые украшали окна?

Как называлось бревно-охлупень в форме головы коня на крыше?

Слайд 4. Интерьер русской избы

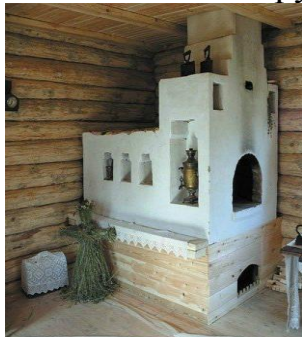
Внутренняя площадь дома делилась на рабочую (печь, полка для посуды, ложник), обрядовую (стол, красный угол) и бытовую (кровать, сундук, колыбель, лавки). Стены, окна, дверь, карниз печи, порог были орнаментированы с использованием красного, синего и жёлтого цветов, которые содержали в себе магическую и символическую информацию.

В чём особенности внутреннего пространства русской избы?

Какая цветовая гамма использовалась для декорирования избы?

Какую символическую информацию передают цвета?

Слайд 5. Печь в русской избе

Печь была основой всей жизни людей, главным оберегом семьи, семейным очагом, «центром святости» в доме. Не случайно родилось в народе выражение «начать от печки», то есть с самого начала. Её ставили в противоположной от входа стороне, в северном углу в качестве непреодолимой преграды на пути злых сил. Считалось, что за печью живёт домовый – хранитель домашнего очага.

Какое значение имела печь в русской избе?

Какие народные обычаи, связанные с печью, вы знаете?

Слайд 6. Красный угол

Красный угол располагался в южной и юго-восточной части дома, в переднем углу избы. Это было непреложное правило. В народе говорили: «Красный угол краше ясного солнца, яснее ясного месяца». Его ещё называли *большой, святой*. Это было самое почётное место – духовный центр дома. Здесь стояли иконы (важнейшей была икона Спасителя,

потом Богоматери и далее святых, среди которых особо почитаемый в народе св. Николай) в начищенных до блеска окладах, украшенные рушниками.

Самых дорогих гостей усаживали в красном углу, на красную лавку за стол, убранный нарядной скатертью – столешником.

Какой угол назвался красным? Где он располагался?

Какие иконы находились в красном углу?

Слайд 7. Украинская хата-мазанка

Большое внимание в отделке дома уделялось росписи стен внутри и снаружи. Цветовая гамма хаты-мазанки – традиционная, использовались красный, чёрный и зелёный цвета. Часто это был растительный орнамент, реже изображались фигурки птиц и животных, иногда импровизированные бытовые сюжеты, мотивы народных календарных обрядов.

С какой целью люди украшали своё жилище?

Какая цветовая гамма использовалась для декоративной росписи?

Слайд 8. Семиотика жилища украинцев

Вышитые полотенца – рушники – гордость любой семьи, свидетельство умений и талантов хозяйки. Символика рушников разнообразна, в вышивке могут быть зашифрованы целые послания. Так, *извилистая линия* означает пожелание долголетия, *ягоды калины* – девичью красу, *виноград* – обещание благополучия, а *бутоны цветов* – пожелание иметь детей. Вышитыми рушниками украшали красный угол, оформляли оконные проёмы, с ними встречали дорогих гостей [4, с. 87].

О чём свидетельствуют символы на рушниках?

Какие обереги использовали украинцы?

Слайд 9. Белорусская изба

Традиционное жилище белорусов – срубная изба из сосновых, реже еловых брёвен.

Организация народного жилья была предельно простой и отвечала бытовым потребностям. Дверной проём делали низким, что помогало сохранить тепло. Порог обычно был высоким, что также способствовало сохранению тепла.

Обычно между «красным» и «бабьим» углами выполнялись всевозможные хозяйственные работы. Здесь находился лучник, чаще в виде переносной стойки с зажимом, в который втыкали лучину.

Интерьер украшали всевозможные изделия местных мастеров: деревянные, часто с резьбой и росписью, керамические, плетённые из соломки и лозы, а также рогожи и циновки. Вышивкой орнаментировали как предметы быта, так и одежду.

Что представляет собой традиционное жилище белорусов?

Из каких материалов изготовлены традиционные изделия белорусских мастеров?

Слайд 10. Древнерусские поселения

Как свидетельствуют данные археологии, в древний период славяне жили в укрепленных поселениях, зачастую довольно крупных. Место для поселения выбиралось по возможности труднодоступное, например, возвышенный мыс у слияния двух рек. Вокруг поселения возводилось ограждение в виде земляного вала или деревянной стены (от слова «огородить» произошло слово «город»).

Слайд 11. Общие признаки интерьера русского, украинского и белорусского жилья

Общими элементами интерьера являются: красный угол, традиционная печь, деревянный настил («полати») возле боковой стены печи, ларь (сундук для одежды), колыбель, стол, лавы вдоль главной стены, которые украшались веретами, коцами, коврами, полки для посуды возле дверей и над ними, хлебная полка над окнами главной стены, рушники.

Слайд 12. Общее и различное в экстерьере русского, украинского и белорусского жилья

Традиционный украинский дом, в отличие от русской и белорусской избы, обмазывали глиной и белили. В украинских домах делали четырёхскатные крыши. Белорусские и русские избы имели двухскатные крыши. В Украине двухскатные дома тоже встречались, но только там, где украинцы граничили с белорусами или русскими.

Задание: Выполните сравнительный анализ традиционного русского, украинского и белорусского жилища.

Таким образом, учебные мультимедийные презентации на практических занятиях по дисциплине «Межкультурная коммуникация» представляют собой информативную наглядность, которая позволяет использовать сопоставление как приём работы с графическими материалами.

В целом использование мультимедиа даёт возможность студентам стать активными участниками учебного процесса и научиться работать самостоятельно, эффективно усваивая учебный материал.

Литература

1. Атабекова Е. П. Использование мультимедийных технологий на уроках русской литературы в 7 классе / Е. П. Атабекова // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – 2008. – № 5 (23). – С. 29–35.
2. Лингвострановедческий словарь : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lingvostranovedcheskiy.academic.ru>.
3. Мультимедиа в образовании : специализированный учебный курс / Бент Б. Андресен, Катя ванн ден Бринк ; авторизованный пер. с англ. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Дрофа, 2007. – 224 с. : ил. – (Информационные технологии в образовании).
4. Новикова Ю. М. Історія української культури. Українознавство. Українська етнокультурна : навч. посіб. для студентів технічних ВНЗ усіх спеціальностей денної і заочної форм навчання / Ю. М. Новикова / Під заг. ред. канд. філол. н., професора Намакштанської І. Є. – Донецьк : Донбас, 2012. – 150 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка : Ок. 57000 слов / С. И. Ожегов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 19 изд., испр. – М. : Рус.яз., 1987. – 750 с.
6. Русская изба, украинская хата-мазанка, белорусская изба. Иллюстрации : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : go.mail.ru.

СЕМАНТИЗАЦИЯ ПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ В НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ВУЗАХ В ОБЪЕМЕ ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ И ОБЩЕНАУЧНОЙ ЛЕКСИКИ

Онацкая Наталия Георгиевна,

ст. преподаватель кафедры украинского и русского языков

Митасова Элла Фёдоровна,

ст. преподаватель кафедры украинского и русского языков

Донецкий национальный технический университет

Цель данной статьи – выявить проблематику и определить место специальной лексики в системе выделения этапов презентации таких лексических конструкций, как приставочные глаголы, в аудитории технического вуза.

Для студентов-неофилологов русский язык является средством овладения конкретной специальностью, в связи, с чем на первый план выдвигается проблема отбора материала для презентации и способов его подачи. В плане общеупотребительной лексики обращение к данной проблеме продиктовано объемом глагольной лексики, поэтому при составлении необходимых обучающих материалов (особенно для студентов 2-го курса) следует

обращаться к справочникам-корнесловам, отбирать наиболее коммуникативно ценные глаголы, составляющие основу речевого высказывания. Следовательно, материал-объем приставочных глаголов должен быть минимизирован, четко определены количества значений приставок и сами значения приставок. Многие методические сборники могут быть отправной базой исследования, но потребуют определенной коррекции, связанной с учетом прогнозируемой степени овладения языком, более четкой должна быть дифференциация семантических групп – глаголов, сочетающихся с той или иной приставкой в том или ином значении [1].

В связи с этим следует иметь в виду, что в теории и практике преподавания русского языка как языка специальности в первую очередь следует рассматривать глаголы, в которых префиксы имеют четко выраженное семантическое значение, служащее смысловой дифференциации производных однокоренных глаголов.

Идея взаимосвязанности семантики и грамматики представляется в этом плане совершенно необходимой. Исходя из семантики (глагола и аффиксов), следует проследить два существенных момента:

- 1) механизм словообразования;
- 2) сочетаемостные возможности полученной лексемы.

Таким образом, в настоящее время следует говорить о проблеме семантизации приставочных глаголов в нефилологических вузах в объеме общеупотребительной и общенаучной лексики [2; 3]. Нижевысказанные положения будут проиллюстрированы конкретным материалом.

Следующий аспект рассмотрения приставочных глаголов – *приставочные глаголы в языке специальности*. Проблема создания языковой базы студентов для активного их участия в учебном процессе по избранной специальности до сих пор относится к числу самых актуальных и недостаточно разработанных. В этой связи совершенно необходимой представляется взаимосвязь между кафедрой русского языка и специальными кафедрами в плане отбора материала.

Исходя из вышеизложенного, используя уже известный способ презентации приставочных глаголов «от приставок – к глаголу», предлагается в работе над каждой приставкой (с учетом специальной лексики) выполнять определение основных значений приставок на материале общеупотребительной и общенаучной лексики.

Включение специальной лексики расширяет словарный запас студентов, а также, что немаловажно, позволяет проследить системность языковых явлений, богатые словообразовательные и сочетаемостные возможности русской лексики, наглядно показать студентам, как «работает» механизм в языке их специальности. Целесообразно начинать не с текста, а с презентации отдельных словосочетаний и предложений – сначала для наблюдения и анализа, а затем для закрепления и контроля материала [4].

Студенты-нефилологи должны изучить (или повторить, но уже в системе) основные значения глагольно-именных приставок, используя как

общеупотребительную, так и общенаучную, специальную лексику. Далее предлагается для анализа уже большие специальные тесты – как строго научного, так и научно-популярного характера, акцентируя при этом внимание на приставочных глаголах. В проанализированных текстах число приставочных глаголов очень велико, а в отдельных текстах оно может составлять 1/3 и даже доходить до 40%. Описание таких текстов для презентации в аудитории может составлять предмет специального исследования.

Кроме того, следует отметить, что, обращаясь к языку специальности, студенты пополняют свой лексический запас – в том числе словами, не являющимися терминами, а образованными по словообразовательным законам русского языка, например: *рассогласование, подложка, запредельный, волновод и др.*

С точки зрения семантики эти слова легко «расшифровываются». Известны случаи так называемого переосмысления слова – слово в этом случае становится термином: *обработка сигналов, возмущения прерывается и т.п.*

В текстах по специальности присутствует большое количество однокоренных образований, поэтому для лексического анализа слов рекомендуется брать целые гнезда глаголов (второй путь исследования: от глагола к приставкам), каждое из таких гнезд представляет собой законченное целое и включает, помимо глагола, образованные от него причастия и деепричастия, а также существительные. Таким образом, можно анализировать префиксальное воздействие на исходный однокоренной глагол.

Подводя итог изложенному выше, проиллюстрируем основные положения данной статьи конкретным материалом. Для этого рассмотрим главные моменты презентации в студенческой аудитории темы «Основные значения приставки **ОТ-**», разработанной с учетом специальностей технических вузов. Данная разработка для студентов II курса предполагается расширение их знаний в области лексики, словообразования и синтаксиса.

I. Значение приставки **ОТ-** – «отделение части от целого».

1. Примеры для наблюдения типа: *У прибора нет ручки, ее кто-то отбил.*

2. Наблюдение за подгруппами.

Подгруппа А: *делать, быть, ломать, включать и др.* Список можно продолжить.

От данных исходных глаголов образовать глаголы с приставкой **ОТ-**, определить их вид, дать видовые пары.

Где возможно, образовать возвратные глаголы с приставкой **ОТ-**, прокомментировать их, составить с ними предложения. От полученных приставочных глаголов образовать все возможные формы причастий и деепричастий.

Подгруппа Б: *отбавить, отличить, отсыпать, откачать и др.*

Выявить их семантику, определить вид, выполнить ряд грамматических и речевых упражнений.

Подгруппа В: *отклеить, отпарить, оторвать, отсоединить.*

Выполнить ряд упражнений для наблюдения за семантикой глаголов и их сочетаемостью. Дать свои примеры.

Составить небольшой словарь (1) глаголов совершенного и несовершенного вида с приставкой **ОТ-** – в 1-ом значении, используя материал, приведенный выше. Определить как семантически различаются глаголы подгруппы А, Б, В.

3. Продолжить составление словаря (2), используя общенаучную и специальную лексику, зафиксировать падеж зависимых форм. Например: *отбор цветов, отбор носителей, естественный отбор, откачивать газ, откачка газов, откачка информации.*

Список содержит до 28 единиц.

Значения слов с приставками **ОТ-** даются списочно, что позволяет активизировать самостоятельную работу студентов.

4. Ряд упражнений на закрепление единиц из «Словаря 2»: образование глагольных форм, отглагольные образования, упражнения на подстановку необходимых форм и т.п.

Отметим, что аналогичным образом строится работа по определению и закреплению остальных значений.

II. Значение – «неполное (частичное) удаление предмета, движение в сторону от чего-либо» (*типа А: отойти, отклониться и др.; типа В: отбросить, откинуть, оттолкнуть и др.*), а также специальная лексика: *ответвление мощностей, линии задержки с отводами, отвод тепла, теплоотводы и др.*

III. Значение – «полная законченность, исчерпанность, завершенность, т.е. финитивность» (*типа А: отгреметь, отключить, отзвучать и др.; типа Б: отходить, отработать, отслужить; типа В: отрегулировать, отремонтировать, отладить*), а также специальная лексика: *отсуммировать; двоичные коды, которые нельзя отсуммировать и др.*

IV. Значение – «возвращение звука, света, образа» (*например, типа А: откликнуться, ответить и др.; типа Б: отсвечивать, отражаться и др.; типа В: отдать, отблагодарить и др.*, при этом обратить внимание на пересечение значений III и IV).

5. Заключительные задания. Данные задания предлагают упражнения на дифференциацию значений глаголов с приставкой **ОТ-** акцент на специальную лексику.

Выводы. Предложенное исследование представляет попытку систематизации данного материала для обучения русскому языку с учетом специальности студента.

В плане общеупотребительной лексики обращение к этой проблеме продиктовано большим объемом глагольной лексики, которая встречается в текстах по специальности. В данной статье предложены рекомендации относительно того, как правильно отбирать наиболее коммуникативно ценные глаголы, помогающие студенту овладеть языком специальности.

Именно поэтому в статье рассматриваются те глаголы, префиксы которых имеют четко выраженное семантическое значение, служащее смысловой дифференциацией производных однокоренных глаголов.

Литература

1. Барыкина А. Н. Изучение глагольных приставок / А. Н. Барыкина, В. В. Добровольская, С. Н. Мерзон. Изд. 2-е. – М. : Рус. яз., 1981. – 192 с.
2. Барыкина А. Н. Сборник упражнений по глагольному словообразованию. Естественнонаучный профиль / А. Н. Барыкина, В. В. Добровольская, С. Н. Мерзон. – М., 1982. – 241 с.
3. Мотина Е. Н. Язык и специальность : лингвометодическая основа обучения русскому языку студентов-нефилологов / Е. Н. Мотина. – М., 1983. – 170 с.
4. Плотникова Г. Н. Лингвометодические основы обучения русскому словообразованию / Г. Н. Плотникова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1994. – 144 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Руснак Ирина Михайловна,
преподаватель кафедры общеобразовательных
и социально-экономических дисциплин
**Бендерский политехнический филиал ГОУ "Приднестровский
государственный университет им. Т. Г. Шевченко",**
аспирант
**Кишинёвского государственного педагогического
университета им. И. Крянгэ**

Современная образовательная система за последние несколько десятилетий претерпела серьезные изменения, которые связаны с социально – экономическими, социокультурными преобразованиями общества. Система среднеспециального и высшего образования не стала исключением. Сегодня каждый образованный человек понимает, что достойное будущее страны зависит от высокообразованных и грамотных носителей языка. Главными функциями языка являются коммуникативная, выразительно – экспрессивная и конструктивная функции. Именно поэтому практическое проявление сущности языка выводится современными образовательными задачами на первое место. И по этой же причине культура речи является одной из самых актуальных дисциплин нашего времени. Цель гуманитарного предмета «Русский язык и культура речи» в техническом вузе не только дать студентам традиционные знания в области русского языка по орфографии, пунктуации и грамматике, но

и добиться, чтобы каждый студент задумался над своими коммуникативными потребностями, овладел профессиональной лексикой, грамотно использовал все функции языка, умел организовать свою речевую деятельность.

Задача преподавателя-словесника в том, чтобы донести до каждого студента истинную красоту русского языка; объяснить, что культура речи непосредственно влияет на будущий профессиональный уровень, профессиональные качества и конкурентоспособность специалиста; определить новые профессиональные приоритеты инженерного образования. Особое внимание, по мнению преподавателей-практиков, следует уделять обучению профессиональной речи.

Ни для кого не секрет, что сегодня происходит развитие и расширение профессионального использования русского языка в сфере науки и техники. Определились новые профессиональные приоритеты инженерного образования: идеалом инженерной компетентности стал успешный и уверенный в собственных силах молодой специалист, готовый принимать социально ответственные решения в производственных и жизненных задачах.

Многие исследователи также считают, что умение четко и ясно выражать свои мысли, говорить грамотно, умение не только привлечь внимание своей речью, но и воздействовать на слушателей является одной из основных характеристик профессиональной пригодности любого человека.

«Заговори со мной, чтоб я тебя увидел», – эту фразу произнес Сократ, когда к нему привели ученика, который молчаливо осматривал всё вокруг. Он сказал: «...чтоб я тебя увидел», – не услышал. То есть речь не простая упаковка мысли, она характеризует человека, обнаруживает его интеллектуальные возможности, уровень мышления, эрудицию, зрелость, общую культуру.

Однако не всегда выпускники технических вузов способны осуществлять акты коммуникации в своей профессиональной деятельности. Самыми распространенными коммуникативными барьерами для инженеров являются: неумение четко выразить мысли или передать идеи, неточности в письменной речи, нарушение норм орфоэпии, скудное владение профессиональной речью. Поэтому работа над формированием всех вышеупомянутых компетенций должна стать для преподавателя-словесника приоритетной.

Профессиональная речь – особая функциональная разновидность, обслуживающая профессиональную сферу общения; данную разновидность разные авторы называют по-разному: язык науки, специальный язык, язык для специальных целей, профессиональный язык и т.п. [9, с. 29].

По мнению Н. К. Гарбовского, существует несколько определений профессиональной речи.

1. Профессиональная речь – вариант речи, за которым стоит лингвистически, психологически и социально обусловленный выбор языковых средств, куда входят и профессионализмы, и термины, и слова, не имеющие особой стилистической окраски.

2. Профессиональная речь – любая речь, связанная с профессиональными потребностями, ведущаяся на профессиональные темы, по преимуществу

между специалистами в данной области. Профессиональная речь определяется, прежде всего, предметом речи (т.е. по сути, тем, чем занимаются представители определенной профессии).

3. Профессиональная речь – это прежде всего устная форма речи, хотя она может быть и письменной, и это не только деловая документация, но и различные виды письменного делового общения, причем профессиональная речь может протекать в официальной и неофициальной обстановке и будет профессиональной, только если главная задача общения – обеспечение профессиональной деятельности [2, с. 30].

В энциклопедии «Русский язык» отсутствует такое понятие, как «профессиональная речь». Профессиональная речь названа «специальной речью», которая входит в литературный язык, а именно в те его сферы, «которые отражают узкую языковую практику людей тех или иных специальностей».

От того, с кем приходится общаться, в каких условиях происходит общение, во многом будет зависеть, к какому варианту «профессионального языка» следует обратиться профессионалу-инженеру, чтобы быть правильно понятым, в конечном итоге выполнить намеченную коммуникативную задачу и добиться успеха. Понятие «профессиональная речь» неразрывно связано с понятием профессиональная коммуникативная компетентность и в какой-то мере каждое из них дополняет друг друга.

Речь является средством приобретения, осуществления, развития и передачи профессиональных навыков.

Культура профессиональной речи включает:

- ✓ владение терминологией данной специальности;
- ✓ умение строить выступление на профессиональную тему;
- ✓ умение организовать профессиональный диалог и управлять им;
- ✓ умение общаться с неспециалистами по вопросам профессиональной деятельности.

Знание терминологии, умение устанавливать связи между известными ранее и новыми терминами, умение использовать научные понятия и термины в практическом анализе производственных ситуаций, знание особенностей стиля профессиональной речи составляют лингвистическую компетенцию в профессиональном общении.

Для этого необходимы следующие качества:

- ✓ знание норм литературного языка и устойчивые навыки их применения в речи;
- ✓ умение следить за точностью, логичностью и выразительностью речи;
- ✓ владение профессиональной терминологией, знание соответствий между терминами и понятиями;
- ✓ владение стилем профессиональной речи;
- ✓ умение определять цель и понимать ситуацию общения;
- ✓ умение учитывать социальные и индивидуальные черты личности собеседника;

- ✓ навыки прогнозирования развития диалога, реакций собеседника;
- ✓ умение создавать и поддерживать благоприятную атмосферу общения;
- ✓ высокая степень контроля эмоционального состояния и выражения эмоций;
- ✓ умение направлять диалог в соответствии с целями профессиональной деятельности;
- ✓ знание этикета и четкость выполнения его правил.

В этой связи возникает главный вопрос: каким образом, при помощи каких форм, приёмов и методов преподаватель-русист может сформировать у студентов способности владения профессиональной лексикой? На наш взгляд, основными являются практические занятия по отработке орфоэпических, лексических, грамматических и синтаксических норм. Огромное количество подобных заданий, используемых мною на занятиях, существует сегодня в учебных пособиях по русскому языку и культуре речи для технических вузов. На практикумах по языку студентам предлагается расставить ударение как в общеупотребительных, так и в профессиональных словах, построить предложения с деепричастным и причастным оборотами, найти и исправить ошибки в образовании слов и словосочетаний, а также в нарушении синтаксических норм. Здесь следует отметить, что языковой материал подбирается индивидуально, с учётом специальности каждой группы, с включением соответствующей профессиональной лексики.

Ещё один вид деятельности, который, на мой взгляд, целесообразно использовать на занятиях – чтение и анализ текстов научно-популярного стиля. Подобная работа способствует развитию навыков говорения. Общеизвестно, что учить научной речи очень трудно, ведь для студентов первых курсов является новым и лексика с её значительным объёмом терминов, и грамматический строй речи, и содержание высказываний. Постепенно комплексный анализ научных текстов становится доступным для всех студентов. Система заданий побуждает к дискуссии, готовит к более сложным видам учебной деятельности: языковому анализу, размышлениям на различные темы и пониманию лексического значения профессиональных слов.

Знакомиться с профессиональными терминами можно также при изучении следующих тем:

- Основные способы образования слов в русском языке.
- Правописание сложных имён существительных и прилагательных.
- Лексикология. Слово и его лексическое значение.

Одним из обязательных видов работ на моих практических занятиях является:

- ✓ написание сочинений-эссе о выбранной профессии с использованием профессионализмов и специальных терминов;
- ✓ проведение словарных диктантов с использованием профессиональных терминов;
- ✓ изучение лексического значения профессионализмов и работа с паронимами.

Следует отметить, что данную работу эффективнее проводить на интегрированных лекциях с преподавателями специальных дисциплин.

Таким образом, специальные навыки студентами приобретаются в процессе профессиональной подготовки. Преподаватель русского языка и культуры речи в своей работе должен обязательно учитывать, что структура профессионально-речевой культуры включает единство трех компонентов: когнитивного (знание профессионально-речевого общения, умение применять знания в профессиональной деятельности); коммуникативного (включает межличностную коммуникацию, межличностное восприятие); рефлексивного (способность к самовыражению в профессионально-речевой деятельности, умение оказывать влияние на партнера по общению).

Именно поэтому, целесообразно в программу подготовки инженерных специалистов включать такие образовательные дисциплины в техническом вузе, как «Русский язык и культура речи», «Этика делового общения», «Основы речевой коммуникации», «Деловой русский язык», что, бесспорно, будет способствовать повышению профессиональной компетентности специалистов, развитию их речевой культуры, профессиональной речи.

Для ряда профессий, и технические профессии не являются исключением, культура речи составляет наиболее важную часть профессиональной деятельности и является основной составляющей труда. Культурой речи важно владеть всем, кто по своей должности, роду занятий связан с людьми, организует и направляет их работу, ведет деловые переговоры, воспитывает, учит, заботится о здоровье, оказывает людям различные услуги.

Каждый будущий выпускник среднего и высшего учебного заведения должен знать, что культура профессиональной деятельности во многом определяет ее эффективность, а также репутацию организации в целом и отдельного специалиста в частности, а уровень коммуникативных способностей определяет уровень его конкурентоспособности.

По профессиональной речи специалиста судят об уровне его профессионализма, о его общей культуре.

Поэтому воспитание профессионально-речевой культуры является неотъемлемым компонентом подготовки студентов инженерных вузов.

Литература

1. Бирюкова С. Н. Формирование коммуникативной культуры студентов технического вуза: на основе изучения курса «Русский язык и культура речи» : автореф. дис. ... канд. пед. наук. / С. Н. Бирюкова. – Воронеж. – 2004. – 22 с.
2. Введенская Л. А. Русский язык и культура речи / Л. А. Введенская. – Р/нД. : Феникс, 2004. – 384 с.
3. Виноградов В. В. Русская речь, её изучение и вопросы речевой культуры / В. В. Виноградов // Основы культуры речи : хрестоматия / сост. Л. И. Скворцов. – М. : Высшая школа, 1984. – 312 с.

4. Гарбовский Н. К. Теория перевода : Учебник / Н. К. Грабовский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
5. Гарбовский Н. К. О функционально-стилистической вариативности языка / Н. К. Грабовский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. – С. 9–35.
6. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://lingvistics_dictionary.academic.ru/3201.
7. Машина О. Ю. Культура речи как предмет изучения / О. Ю. Машина // Электронный научно-информационный журнал «Учёные записки НовГУ». – 2006. – № 1.
8. Селиверстова Л. И. Реализация профессиональной направленности в языковой подготовке студентов технического вуза / Л. И. Селиверстова : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.moluch.ru/conf/ped/archive/22/2041/>.
9. Худякова Е. А. Основные направления воспитания речевой культуры будущих специалистов железнодорожного транспорта / Е. А. Худякова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://journals.uspu.ru/attachments/article>.

МОНИТОРИНГОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ КОМПЬЮТЕРОМ УЧИТЕЛЯМИ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

Сенич Татьяна Владимировна,
учитель информатики
Донецкая общеобразовательная школа I–III ст. № 119

Требования настоящего обусловленные становлением системы образования Донецкой Народной Республики на принципах демократизации, дифференциации, ориентации на личность. Достаточно актуальна необходимость кардинальных изменений системы подготовки учителей и преподавателей, направленных на повышение качества и конкурентоспособности образования молодой Республики в новых экономических, социально-культурных и геополитических условиях, ускорение интеграции ДНР в международное образовательное пространство. Поэтому постоянное повышение уровня владения компьютером является чрезвычайно важным особенно для учителей, именно учителя являются отражением готовности всего общества и сейчас, и особенно в будущем к интегрированию образовательной системы в мировое образовательное пространство.

Проблематика исследования охватывает следующие вопросы:

1. Установление степени владения учителями компьютером.
2. Установление круга компьютерных программ, обычно используются учителями для обеспечения учебного процесса или личного интереса.
3. Установление уровня владения компьютерными программами.

4. Установление уровня желания / необходимости дальнейшего овладения компьютером.

5. Установление направлений развития и совершенствования самых востребованных учителем навыков и умений использования компьютера.

Цель – определить уровень владения компьютером у учителей и степень их желания, возможности и необходимости улучшать собственные навыки работы с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Объекты – учителя общеобразовательной школы № 147 г. Донецка (30 человек).

Методы исследования: анкетирование (анонимное, добровольное).

Подбор инструментария исследования: анкета, содержащая 26 вопросов относительно:

а) наличия технических средств (компьютеров, ноутбуков, нетбуков, планшетов, доступа к сети Интернет и т.д.), наличия времени для использования технических средств и ИКТ (вопросы 1–5);

б) уровня владения некоторыми программами, редакторами и приложениями, способными облегчить и усовершенствовать работу учителя и повысить интерес к предмету у обучающихся (Microsoft Word, Microsoft Excel, Microsoft Power Point, Paint, Adobe Photoshop, Corel Draw, Internet, WordPad, Блокнот и т.п.) (вопросы 6–17);

в) собственной оценки анкетлируемыми уровня своих умений и навыков работы с компьютером и ИКТ (вопросы 18, 23);

г) средств повышения уровня владения компьютером (вопросы 19–22, 24–26).

Критерии, показатели и индикаторы качества услуг институции. Критерии, на основе которых производилась оценка объектов мониторинга, состоят из нескольких показателей:

а) наличие доступа у опрошенных к компьютеру и Интернету – 100% (90% – имеют дома компьютер или ноутбук, 10% – у родственников);

б) использование программ приложения Microsoft Office – 79% опрошенных (93% – Microsoft Word, 77% – Microsoft Excel, 67% – Microsoft Power Point);

в) с графическими редакторами и процессорами работают только 43% опрошенных;

г) активно работают со стандартными приложениями Блокнот и WordPad только 20% опрошенных, а 47% признались, что вообще не знают об этих приложениях;

г) Интернет используют для работы 97% опрошенных, а также 31% анкетлируемых используют Интернет-технологии для развлечений;

д) оценили же свою осведомленность в компьютере как достаточную – 53% опрошенных, а достаточно владеют Интернетом 37%;

е) желают улучшить свои знания компьютера – 80% опрошенных, а владение Интернет-технологиями – 67%;

ж) желают учиться навыкам работы с ПК – 91% опрошенных и делать это желают:

- только самостоятельно – 17%,
- только с друзьями – 7%,
- только посещая специализированные курсы и дополнительные занятия в школе – 27%,
- только посещая специализированные курсы вне школы – 27%,
- посещая любые курсы – 7%,
- учиться самостоятельно или на курсах вне школы желает 3%,
- учиться каким-либо образом – 3%,
- и вообще не желают учиться 9% опрошенных;

з) хотят тратить на обучение работе с ПК по 1 часу в неделю – 58% опрошенных и от 1 до 5 часов – 33%.

Таким образом, современный школьный учитель должен стоять на передовой внедрения новых технологий в ряды молодежи, но его уровень владения компьютером и ИКТ непозволительно низок. По нашему мнению, одной из приоритетных задач повышения квалификации и самообразования современного педагога является задача повышения уровня владения компьютером, широкое применение ИКТ в образовательном процессе, обучение молодого поколения наилучшими средствами для достижения поставленных высоких результатов.

Литература

1. Блонский П. Учет школьной работы / П. Блонский. – «На путях к новой школе», 1926. - № 7–8.
2. Орлов А. А. Педагогическое образование : поиск путей повышения качества / А. А. Орлова // Педагогика. 2002. – № 10.
3. Сирая Т. В. О применении компьютерной техники и информационных технологий в учебном процессе / Т. В. Сирая // Сборник докладов научно-практической конференции Донецкого национального университета «Оптимальное педагогическое общение в условиях гуманизации образования» / Под ред. проф. Сторожева В. И. – Донецк : «Норд Компьютер», 2004. – 318 с. – С. 175–178.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ У ОБУЧАЮЩИХСЯ СРЕДСТВАМИ СОВРЕМЕННОГО УРОКА ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНФОРМАТИВНОМУ ЧТЕНИЮ

Ткачев Владимир Игоревич,
преподаватель иностранных языков

Скороходова Анжелика Игоревна,
зам. директора по учебно-воспитательной работе
Горловский лицей № 47 «Старт»

Общеизвестно, что содержание обучения второму иностранному языку в современных образовательных организациях должно обеспечивать достижение главной цели обучения, которая состоит в том, чтобы научить обучающихся общаться на иностранном языке в типичных ситуациях быденной жизни в рамках усвоенного программного материала. Способность обучающихся общаться на иностранном языке обеспечивается формированием у них иноязычной коммуникативной компетенции, которая охватывает такие виды компетенций: языковая, речевая, социокультурная и пр. [1, с. 42].

Именно формирование культурной и социокультурной компетенций становится доминирующей при обучении второму иностранному языку в отечественной и международной системах школьного и высшего образования. Но существенная часть новейших иностранных и отечественных методик преподавания второго иностранного языка предусматривает уже полную реализацию не только учебного, общеобразовательного, но и воспитательного потенциала современного урока иностранного языка. Учитель иностранных языков должен обеспечивать не только обучение иноязычному общению (формировать у обучающихся компетенции в аудировании, говорении, чтении и письме), но и обеспечивать формирование у обучающихся общечеловеческих моральных качеств.

Современные французские методологи А. де Кантильяк и П. Серребер считают, что именно на уроке второго иностранного языка особенное внимание должно уделяться идейно-воспитательной ценности учебного материала [9, с. 47].

Именно учителя второго иностранного языка обязаны формировать не только успешного коммуниканта, но и личность, которая имеет доступ к духовной сокровищнице народа, язык которого изучается.

На современном уроке второго иностранного языка учитель должен не только организовать диалогическую и монологическую речь обучающихся, но и формировать умения и навыки чтения, в частности, информативного. Ведь получив навыки именно информативного чтения, обучающийся не только в состоянии извлекать и анализировать информацию на иностранном языке, но и находить идейно-воспитательное содержание даже в наиболее банальных

аутентичных текстах. Даже, читая наиболее простые примеры грамматических упражнений, обучающийся имеет возможность открывать для себя источник информации, который несет в себе глубинный моральный смысл.

Знакомя учеников с сюбжонктивом, грамматика 1915 г. приводит как модель молитву “Отче Наш” [3, с. 191]:

L'oraison dominicale

Notre pere qui est aux cieux que ton nom soit sanctifie, que ton regne arrive, que ta volonte soit faite sur la terre comme au ciel, donne-nous aujourd'hui notre pain quotidien; pardonne-nous nos offenses comme nous pardonnons a ceux qui nous ont offenses; ne nous induis point ne tentation, mais delivre-nous du mal. Ainsi soit-il.

Следует считать, что именно средствами современного урока второго иностранного должно быть восстановлено "потерянное диалектическое единство обучения и воспитания" [2, с. 296].

Как уже было сказано, на современном уроке второго иностранного языка учитель должен уделять внимание не только организации диалогической и монологической речи обучающихся, но и развивать у них навыки информативного чтения.

Информативное чтение – это извлечение из текста определенной информации. Информация делится по видам: содержательная, семантическая, эстетическая, лексическая, грамматическая, стилистическая.

Во время организации информативного чтения развиваются навыки поисковой работы через извлечение содержательной информации и дискурсивные процессы.

Французский психолог и лингвист С. Мориак считает, что, например, для формирования адекватных умений обучающихся в чтении большое значение должен иметь характер текстов, их идейно-воспитательная ценность. Аутентичные тексты на уроке второго иностранного языка обязаны содействовать формированию морально-этических качеств чтеца. Информативное чтение, по утверждению современных отечественных и иностранных методистов, должно обучить современного школьника:

- извлекать необходимую информацию;
- анализировать и критически воспринимать информацию;
- использовать прочитанные тексты как дополнительную базу для формирования грамматических, лексических навыков и умений;
- воспринимать идейно-воспитательную ценность аутентичных текстов.

В целом мы можем утверждать, что почти все современные аутентичные методики преподавания второго иностранного языка называют главной целью обучения не только формирование коммуникативно-полноценной личности, но и формирование высокодуховного человека, моральные достоинства которого создаются на фактичном материале о стране и народе, язык которого изучается, на вечных идеалах этого народа.

Литература

1. Методика преподавания иностранных языков в средних учебных заведениях : Учебник. Из-во 2-е, испр. / Кол. авторов под руков. С. Ю. Николаевой. – К. : Ленизд, 2002. – 328 с.
2. Мокра О. М. Засоби вербалізації концепту ДОБРО в сучасній французькій мові / О. М. Мокра // Наукові записки. Серія “Філологічна”. – Острог : Видавництво Національного університету “Острозька академія”. – Вип. 5. – 2009. – С. 294–298.
3. Практическая грамматика французского языка. – Петербург : Издательство Аллендорфа, 1915. – 453 с.
4. Скляренко Н. К. Как научить сегодня иностранным языкам (концепция) / Н. К. Скляренко // Иностранные языки. – 1995. – № 1. – С. 5–9.
5. Ткачов В. І. Лінгвістичні та когнітивні характеристики концепту ДОБРО в сучасній французькій мові / В. І. Ткачов // Матеріали міжнародної наукової конференції “Лінгвістичні аспекти мовної комунікації: функціонально-прагматичний, семантичний та когнітивний параметри досліджень”. – Горлівка : Вид-во ГДПІМ, 2008. – С. 119–121.
6. Berard E. Grammaire du francais. Comprendre, reflechir, communiquer. Niveau A1 / A2 du Cadre europeen. – P.: Didier, 2005. – 192 p.
7. Hamon Ph., Roger-Vasselin D. Le Robert des ecrivains de langue francaise. – P.: Robert, 2000. – 1619 p.
8. Huisman D., Vergez A. Le commentaire philosophique au baccalaureat. – P.: ABC du BAC, 1979. – 191 p.
9. Sardou V. Elle etait... Morale de chez nous . – Lille: Folio, 2007. – 402 p.
10. Walter H. Le Francais dans tous les sens. – P.: Robert Laffont, 1988. – 99 p.

ИНТЕРАКТИВНОСТЬ КАК ИННОВАЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТРЕНИНГОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ)

Ферсман Наталия Геннадиевна,

кандидат педагогических наук,

доцент кафедры лингводидактики и перевода

Гуманитарного института

Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого

Значение межкультурной компетентности специалиста в современном глобальном информационном мире трудно переоценить. Известно, что основной причиной межкультурных конфликтов, в том числе и при деловом общении, является неосознанное предубеждение по отношению к «чужим», а избежать и предупредить такого рода конфликты возможно лишь при сформированной межкультурной компетенции, основной целью которой является «принятие культурных ценностей другого человека ради сохранения эффективного общения с ним» [2, с. 195].

В свете новых требований, обусловленных социальным заказом общества, существенно возросло внимание ученых к различным аспектам методики обучения межкультурному общению в условиях высшей школы. В новых социокультурных условиях большое значение в определении основных направлений вузовского обучения имеет проблематика новых педагогических технологий как особый предмет исследования. В публикациях, посвященных исследованию указанной проблемы, освещаются теоретические и практические вопросы инновационных – активных и интерактивных – методов вузовского обучения.

Предметом педагогики является проектирование, исследование и практическое использование педагогических систем (ПС); для получения эффективных изменений в качестве образования следует соответствующим образом менять именно ПС [1, с. 54]. Анализ психолого-педагогической литературы последних лет позволяет сделать вывод, что в настоящее время в образовании существуют две основные ПС как «особые формы совместной деятельности педагогов и учащихся в рамках педагогической практики» [3, с. 25]: *традиционная* и *инновационная*. Рассмотрим их подробнее.

Массовая педагогическая практика имеет черты традиционной системы, согласно которому обучаемые вначале получают знания, и лишь потом учатся их применять. Задачей традиционной педагогической системы является приобщение обучаемых к обобщенному и систематизированному опыту человечества, что, по мнению многих современных исследователей (Р. М. Грановская, В. И. Загвязинский, А. Г. Кругликов, Г. В. Лаврентьев, Н. Б. Лаврентьева, А. Я. Найн, И. П. Подласый, А. В. Хуторской и др.), ведет к отрыву теории от практики и к замене практики учебной информацией. Приведем мнение А.В. Хуторского: школа, заставляя учащихся усваивать чьи-

то знания, «воспитывает потребителя, всезнайку-энциклопедиста, теряя при этом творца и деятеля» [8, с. 8–9].

В традиционной организации учебного процесса в качестве способа передачи информации используется односторонняя форма коммуникации: трансляция преподавателем информации и ее последующее воспроизведение обучающимся в позиции воспринимающего. Такая форма коммуникации, существующая столь долгое время, неприемлема сегодня по многим причинам. Назовем лишь некоторые недостатки такого способа учения. Прежде всего – это пассивность обучающегося во время занятия, его функция – слушание, в то время как педагогические и социологические исследования показывают, что от пассивного участия в процессе обучения очень скоро не остается и следа. Вторая причина еще более проста и очевидна: односторонняя коммуникация оправдана лишь в случае недостатка информации, невозможности ее получения другим способом, кроме как из рассказа лектора. Сегодня в большинстве случаев это не так. Преподаватель, как правило, использует материал, который не является оригинальным (оригинальность характерна только в способах, логике и манере изложения). Однако такой подход мало чем способствует конструированию знания обучающимся – чужая конструкция знания никогда не становится своей [7].

На современном этапе развития общества становится очевидной необходимость перехода от преимущественно регламентирующих, алгоритмизированных форм и методов организации дидактического процесса (*традиционное обучение*) к развивающим, проблемным, исследовательским, поисковым, обеспечивающим познавательные мотивы и интересы в обучении (*инновационное обучение*) [4, с. 28]. Согласимся с А. В. Хуторским о том, что для построения теоретико-методологических оснований педагогической инноватики необходимо рассматривать её объект и предмет не в традиционном ключе внешних воздействий на обучаемых, а с позиций условий обновления их образования, происходящего с их участием [9].

Обратимся к принципиально другой, многосторонней, форме коммуникации в образовательном процессе. Специально организованный способ многосторонней коммуникации предполагает активность каждого субъекта образовательного процесса, а не только преподавателя, паритетность, отсутствие репрессивных мер управления и контроля с его стороны. Обучающиеся лучше воспринимают материал, если преподаватель, с одной стороны, структурирует предмет для более легкого усвоения, с другой стороны, принимает и включает в обсуждение мнения обучающихся, которые не совпадают с его собственной точкой зрения. Возрастает количество интенсивных коммуникативных контактов между самими обучающимися. Все вышеизложенное привело к тому, что в последнее время наблюдаются все более частые попытки модификации обучающими собственных технологий обучения в направлении применения *интерактивного режима*.

Раскроем содержание термина «интерактивное обучение» (ИнАО): «*Интерактивное обучение* – это способ познания, осуществляемый в формах

совместной деятельности обучающихся: все участники образовательного процесса взаимодействуют друг с другом, обмениваются информацией, совместно решают проблемы, моделируют ситуации, оценивают действия коллег и свое собственное поведение, погружаются в реальную атмосферу делового сотрудничества по разрешению проблем» [5, с. 8]. Таким образом, ИнаО характеризуется видоизменением форм на диалоговые с сохранением целей и содержания образовательного процесса.

К основным интерактивным методам обучения относят: *дискуссионные* (диалог, групповая дискуссия, кейс-методы – разбор ситуаций из практики; анализ ситуаций морального выбора и др.); *игровые* (дидактические и творческие, в том числе деловые (управленческие) игры, ролевые и организационно-деятельностные игры); *тренинговые* формы проведения занятий, включающие в себя дискуссионные и игровые методы обучения. Анализ литературы показал, что *основу интерактивного обучения составляют интерактивные упражнения и задания*, к которым относят: творческие задания; работа в малых группах; разминки; внеаудиторные методы обучения (СМИ, фильмы, песни и др.); обсуждение актуальных профессиональных и жизненных тем в форме дискуссии и др. [7, с. 72].

В рамках данной статьи рассмотрим *тренинг* как интерактивную групповую форму организации межкультурного обучения. В тренинге применяются принципы интерактивного обучения: индивидуальные стили обучения, навыки активного слушания и задавания вопросов, предоставления обратной связи; тренинг имеет собственные цели и задачи, структурированное содержание и методы оценки результатов. Главное правило тренинга – сочетание активного включения обучающихся и «дозированное преподнесение информации» [6, с. 11–12].

К методическим и организационным основам межкультурного тренинга относят: проведение тестирования, методы наблюдения, анкетирования, опросов или беседы и т.д.; разработку программы, включающей цели и задачи тренинга; предполагаемый результат и формы отчетности; составление характеристики группы; определение условий для успешного достижения результатов: место и материально-технические средства для проведения занятий, их частота и длительность; аудио и видеоматериалы, раздаточный материал; определение критериев уровня сформированности коммуникативных навыков и межкультурной компетентности.

Выделяют следующие части тренинга: вводная часть (знакомство с содержанием занятия, упражнения-разминки), основная часть (отработка необходимых навыков, мини-лекции, решение ситуативных задач, формирующие заданные в целях и задачах качества) и заключительную часть (подведение итогов занятия, получение обратной связи). Существенным элементом тренинга как процессо-ориентированной организации обучения является фасилитаторская роль преподавателя, который в данном виде обучения принимает роль модератора – помощника, осуществляющего поддержку и организацию активной работы обучающихся [5, с. 127].

Тренинговую форму можно считать наиболее эффективной для формирования межкультурной компетентности, так как она позволяет формировать коммуникационные межкультурные навыки путем воспроизведения конкретных ситуаций, изучения характеристик рассматриваемых культур, анализируя тем самым и свою культуру, что, безусловно, способствует умению переноса полученных знаний на идентичные ситуации межкультурного взаимодействия.

Таким образом, межкультурное обучение с применением ИнАМ можно рассматривать как инновационное и наиболее эффективное в современном вузовском образовании, так оно ориентируется на успешную адаптацию в современных социоусловиях и соответствуют основным педагогическим принципам обучения.

Литература

1. Беспалько В. П. Педагогика / В. П. Беспалько // Образовательные технологии. – 2005. – № 4. – С. 52–75.
2. Грановская Р. М. Творчество и конфликт в зеркале психологии / Р. М. Грановская – СПб. : Речь, 2010. – 416 с.
3. Лаврентьев Г. В., Лаврентьева Н. Б. Инновационные обучающие технологии в профессиональной подготовке специалистов / Г. В. Лаврентьев, Н. Б. Лаврентьева. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2002. – 156 с.
4. Морева Н. А. Технологии профессионального образования : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н. А. Морева. – М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 432 с.
5. Панина Т. С., Вавилова Л. Н. Современные способы активизации обучения : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. Т. С. Паниной. – М. : Издательский центр «Академия», 2006. – 176 с.
6. Торн К., Маккей Д. Тренинг. Настольная книга тренера / К. Торн, Д. Маккей. – СПб. : Питер, 2001. – 208 с.
7. Ферсман Н. Г. Формирование и развитие инновационного (творческого) мышления специалистов в системе постдипломного образования (в рамках курса иностранного языка) / Н. Г. Ферсман : под науч. ред. д-ра пед. наук, профессора М. А. Акоповой. – СПб. : Астерион, 2014. – 180 с.
8. Хуторской А. В. Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения / А. В. Хуторской. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – 416 с.
9. Хуторской А. В. Педагогическая инноватика : методология, теория, практика : научное издание / А. В. Хуторской. – М. : Изд-во УНЦ ДО, 2005. – 222 с.

РОЛЬ НАВЧАЛЬНОГО ТЕКСТУ У СТРУКТУРІ ПІДРУЧНИКА З УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ ДЛЯ СТУДЕНТІВ - НЕФІЛОЛОГІВ

Шавлак Лариса Василівна,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри української і російської мов

Буяновська Наталія Іванівна,
ст. викладач кафедри української і російської мов
Донецький національний технічний університет

Стрімке зростання потоків інформації, характерне для сучасного суспільства, позначається перш за все у диференціації та спеціалізації підручників та інших навчально-методичних матеріалів за рахунок їх орієнтації на різні контингенти учнів та їх рідну мову, на різні форми й цілі навчання тощо.

Навіть неповна типологія підручників з української мови для студентів-нефілологів не може зневажати такими основоположними класифікаційними ознаками, як: адресат підручника – професійна, соціальна характеристика аудиторії, для якої призначений даний посібник; тип посередника між посібником й учнем: викладач, телебачення й радіо, система завдань та контролю при заочному навчанні: цілі навчання – один або декілька видів комунікативної діяльності, оволодіння якими забезпечує даний підручник (універсальний, підручник за спеціальністю або з ділового мовлення і т. ін.); методика навчання – реалізований у підручнику набір методичних прийомів для презентації навчального матеріалу, вправ і контролю.

На цей час кількість підручників настільки велика, що важко зберегти у пам'яті найбільш суттєві їх характеристики. Тому слід розробити наукові об'єктивні методи опису й аналізу матеріалу, що стає актуальним завданням для фахівців.

Серед проблем навчання і створення підручників з української наукової мови важливе місце посідають проблеми навчального тексту у даній статті здійснена спроба визначити основні категорії тексту, показати їх взаємозалежність і взаємозумовленість, які забезпечують комунікативну діяльність, а також наголосити на важливості теоретичних досліджень для створення підручника з української мови для студентів-нефілологів.

У загальній теорії мовознавства приділяється ще недостатньо уваги вивченню системних і функціональних властивостей тексту, закономірностей його організації. Не можна говорити про будь-який об'єкт дослідження, в даному випадку про текст, не назвавши його категорій. Проте в літературі відсутні роботи, які б систематизували правила й функціонування категорій тексту.

Деякі лінгвісти виділяють три основних категорії -параметри: вербальний, синтаксичний і семантичний. Вербальний параметр утворюється конкретними

реченнями, які формують текст, визначаються взаємозв'язками частин тексту, а семантичний визначає зміст тексту і визначає частини, на які він поділяється.

Інші визначають такі основні параметри: тема, фокус, зв'язок. *Тема* – це основний зміст тексту, *фокус* служить для виділення маркованих елементів тексту (слова, словосполучення, речення), а *зв'язок* – це засіб об'єднання різноманітних відрізків висловлювання. Але ці параметри властиві мові взагалі. Без них немає процесу комунікації. Тому, якщо визнати ці параметри ознаками тексту, то слід ототожнити поняття мовлення й тексту [3, с. 48].

Тут слід визначити загальноприйняте положення, що хоча мовлення за природою спонтанне, неорганізоване, але воно має свої обмеження, визначені загальною системою мови. Однак системність мовлення і системність мови не співпадають за своїми показниками. На думку дослідників, системність у тексті ще тільки починає вивчатися. І все ж таки у будь-якому тексті, можна знайти категоріальні ознаки, які відрізняють його від інших одиниць мови. Розглядаючи їх як граматичні категорії, слід зазначити, що не всі вони властиві будь-якому тексту, і не завжди наявні там, де вони обов'язкові. І тільки після набутого досвіду спостережень над функціонуванням кожного типу тексту в різні періоди можна визначати всі його категорії.

Отже, текст як факт мовленнєвого акту системний. Текст являє собою закінчене повідомлення, яке має свій зміст, організований за абстрактною моделлю однієї з форм повідомлень (функціонального стилю, його різновидів і жанрів), і характеризується своїми дистинктивними ознаками.

Зміст стосовно тексту набуває свого термінологічного використання. Як термін граматики тексту, він відноситься лише до інформації, яка міститься в тексті в цілому; *значення* – до морфем, слів, словосполучень, синтаксичних конструкцій. Ці категорії можна визначити як категорії тексту. Вони отримують свої конкретні форми реалізації. Так, наприклад, форми категорії інформативності – це розповідь, міркування, опис; категорія інтеграції реалізується у підрядних формах одних частин тексту іншими; у стилістичних прийомах, у синонімічних повторах та ін.

Слід визначити також одиницю тексту. Нею є надфразова єдність, яка поєднує ряд речень. Речення виступає тут як складкова частина та як частина завершеної комунікації. На сьогодні вивчення надфразових єдностей проводиться в чотирьох планах: 1) у плані семантики, 2) її плані прагматики; 3) в плані синтаксису, 4) в плані функціонування.

Найменш визначеним є другий план – план прагматики. Вивчення надфразових єдностей є важливим тому, що саме в плані прагматики можливе вивчення послідовності частин тексту, тобто створення механізму його будови.

У плані функціонування вивчення єдностей ведеться переважно у художньому стилі.

Аналізуючи той чи інший текст, ми бачимо, що окремі його частини, іноді навіть ті, що стоять на значній відстані, бувають пов'язані засобами зв'язку. Деякі лінгвісти використовують термін когезія (від англ. *chesion* – зчеплення).

Когезія забезпечує логічну послідовність, темпоральний або просторовий зв'язок окремих повідомлень, фактів, дій та ін.

Категорія когезії і категорія континууму пов'язані між собою і доповнюють одна одну. Категорія континууму пов'язана з поняттями простору і часу. Її можна представити як певну послідовність фактів, подій, які відбуваються у просторі і часі. Це категорія тексту, а не речення, тому що в реченні не має розгортання думки. Суттєво континуум – це синтез когезії і переривчастості. Ця категорія реалізується в тексті і за допомогою видових і часових форм, семантико-функціональних відношень.

Серед категорій виділяється також форма залежності й відносно незалежності відрізків тексту, відносно змісту всього тексту або його частини (сентенції), яку ще називають автосемантією. Вона є необхідним прийомом організації тексту, який розкриває змістовно-концептуальну інформацію.

Категорії ретроспекції і проспекції пов'язані з часовими і просторовими поняттями. Ретроспекція базується на можливості пам'яті утримувати інформацію і пов'язувати її з тією, яка повідомляється. Практично кожний текст базується на ретроспекції. Вона являє собою своєрідний повтор думки. Її можна розглядати як паузу. Як і більшість категорій, ретроспекція пов'язана з іншими категоріями – когезією, інформативністю, автосемантією.

Проспекція – один з прийомів розповіді, який дає можливість чітко уявити собі зв'язок і обумовленість подій і епізодів. Ця категорія часто простежується і в наукових текстах. Різниця між цими категоріям полягає в тому, що ретроспекція завжди посідає якесь місце у поступовому русі тексту, а проспекція викликана самим ходом сюжету.

Модальність – це категорія, властива мові в дії, тобто у мовленні. Але у різних типах текстів проявляється вона по-різному. Так, наприклад, домінує в поетичних текстах: логічність, аргументованість – типові якості наукових текстів – звичайно не залишають місця суб'єктивній модальності. Тому її можна визначити як нульову. Однак сумнів щодо правильності дослідження може розглядатися як один з проявів модальності. На жаль, автори наукових робіт рідко висловлюють вербально своє ставлення до власних висновків.

Чітко виступає модальність також у публіцистичних статтях.

Як уже зазначалося, всі категорії тексту пов'язані і взаємообумовлені. Як тільки розглядаються особливості певної категорії, в дію вступають інші. Метод аналізу тексту полягає в тому, що всі ці частини розглядаються як ізольовано, так і в їх взаємозв'язку. Такий метод можна назвати синтезованим, або інтегруючим.

Стосовно тексту інтеграція – це скоріш процес, ніж його результат. Вона забезпечує послідовне осмислення інформації. Результат інтегрування пов'язаний з категорією завершеності. Інтеграція по-різному сприймається в наукових, публіцистичних і ділових текстах, з одного боку, і в художніх – з іншого. Вона є функцією обсягу тексту: чим більший текст, тим менше спостерігається і реалізується категорія інтеграції. У наукових текстах вона легко піддається аналізу. Слід чітко розрізняти когезію і інтеграцію. Когезія –

це форми зв'язку, а інтеграція – це поєднання всіх частин тексту з метою досягнення його цілісності. Вона здійснюється не тільки формально-граматичними засобами зв'язку, але й семантико-тематичними.

Що можна вважати завершеністю тексту? Відомо, що текст має початок і закінчення. Текст можна вважати завершеним тоді, коли його задум отримав вичерпне висловлювання. Іншими словами – функція роздумів, розповідей, описів та інших форм комунікативного процесу, коли, на думку автора, бажаного результату досягнуто поступовим рухом теми, її розгортанням [2, с. 41].

Таким чином, уявлення про категорії тексту, про функціонування в ньому граматичних категорій та інших засобів функціонально-семантичних категорій сприятимуть розвитку комунікативної методики, створенню ефективних підручників, оскільки текст більше наближений до умов комунікації, ніж інші мовні одиниці, і посідає важливе значення в загальній структурі підручника з української мови для студентів-нефілологів.

Аналіз структури наукових текстів підручників з української мови для студентів-нефілологів дозволяє відокремити таку його структурну одиницю, як абзац. Саме абзац є найважливішою для наукового тексту архітектонічною одиницею. Він характеризується насамперед у плані організації змісту: план вираження тут підпорядковується плану змісту, що проявляється у ряді мовних засобів, покликаних задовольняти потреби відтворення зв'язків і відношень між компонентами абзаців, ієрархічну залежність між компонентами складної закінченої думки.

У межах абзацу виділяються, у свою чергу, такі синтаксичні інгредієнти, що обслуговують як потреби абзацу, так і потреби речення [5, с. 85].

Саме тому в процесі вивчення наукового стилю в аудиторії студентів-нефілологів науково-методичний апарат спостереження за структурою тексту має першочергове значення. Результатом кропіткої багатоаспектної роботи над текстом має стати формування і закріплення вмінь та навичок сприймати «чужі» і створювати свої наукові тексти різного характеру.

Література

1. Арутюнова Н. Д. Номинация и текст. Виды наименований / Н. Д. Арутюнова // Языковая номинация. – М., 1977. – С. 304–357.
2. Багмут Н. Й. Семантика і інтонація української мови / Н. Й. Багмут. – К., 1991. – 382 с.
3. Гальперин И. Р. Информативность единиц языка / И. Р. Гальперин. – М., 1974. – 175 с.
4. Доблаев Л. Г. Смысловая структура учебного текста и проблемы ее понимания / Л. Г. Доблаев. – М., 1982. – 275 с.
5. Коваль А. П. Науковий стиль сучасної української літературної мови. Структура наукового тексту / А. П. Коваль. – К., 1970. – 307 с.
6. Лосева Л. М. Как строится текст / Л. М. Лосева. – М., 1980. – 94 с.

7. Саратовський Л. В. Пізнавальні завдання з української мови / Л. В. Саратовський. – К., 1987. – 219 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАГЛЯДНЫХ ПОСОБИЙ ВО ВРЕМЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ДОННУ

Ярошенко Наталья Александровна,
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой общего языкознания
и истории языка им. Е. С. Отина

Емельяненко Анна Владимировна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего языкознания
и истории языка им. Е. С. Отина
Донецкий национальный университет

Преподаватели филологического факультета ДонНУ традиционно организуют учебный процесс в соответствии с актуальными запросами времени. Существуют определенные схемы, традиции планирования и реализации учебной деятельности, которых мы чётко придерживаемся на протяжении всего своего педагогического стажа. Так, овладение понятийным аппаратом и контроль за этим процессом осуществляется, в частности, при выполнении лингвистических задач разного типа, анализа проблемных ситуаций, основанных на материале отдельных тем курса, а также при выполнении индивидуальных тестовых заданий. Семинарские занятия в целом, а также подготовка к ним предусматривают, с одной стороны, изучение определенного теоретического материала и системы терминов, а с другой – формирование практических навыков анализа речевого материала. Активизации работы студентов способствует наличие обязательного письменного задания, которое после занятия проверяет преподаватель. Эффективными формами организации преподавания различных лингвистических дисциплин являются также индивидуальный опрос и защита индивидуальных домашних работ по определенным темам курса [5, с. 205–206]. Также важным методическим инструментом для преподавателей филологического факультета ДонНУ являются наглядные пособия. Значительный вклад в разработку методики использования наглядностей-схем на уроках сделали М. Девдера, В. Паламарчук, В. Пономаренко и др. Исследователи определили роль и функции этого типа наглядности в обучении, предложили образцы схем. Нельзя не упомянуть вклад В. Шаталова: ученый в своей практике активно использует опорные сигналы, в которых в образно-символической форме отражено главную суть факта или явления.

Исследователи отмечают: при восприятии учебного материала со схемами, таблицами, графиками задействованы как зрительная, так и слуховая память [1, с. 50–51].

Безусловно, успешная реализация целей и задач преподавания любых лингвистических курсов не мыслима без высококачественных наглядных пособий и раздаточных материалов, что мотивирует актуальность исследования. В данной работе речь идет прежде всего не об электронных носителях информации, а о традиционных носителях широкого назначения.

Объект исследования – наглядности и раздаточные материалы, используемые во время преподавания лингвистических дисциплин. Предмет исследования – оптимальные способы использования анализируемого объекта. Цель нашего исследования – определить оптимальные типы наглядностей и раздаточных материалов, представленные традиционными информационными носителями широкого назначения, и установить оптимальные способы их использования во время изучения лингвистических дисциплин. Заявленная цель обуславливает реализацию таких задач:

- выявление факторов, содействующих формированию у студентов терминологического и понятийного аппарата курса, и обеспечивающих эффективное усвоение новых для них языковедческих терминов;
- описание надлежащей организации аудиторной и самостоятельной работы студентов при помощи соответствующих наглядностей и раздаточных материалов.

Работая над материалами статьи, мы использовали личный опыт преподавания дисциплин «Введение в языковедение», «Общее языкознание», «Стилистика и культура речи» «История украинского литературного языка», «Фонетика украинского литературного языка», «Функции невербальных компонентов креолизованных текстов». Рассмотрим основные типы наглядностей и раздаточных материалов, используемых нами на лекционных, практических и семинарских занятиях.

1. Таблицы. Этот тип наглядных пособий привлекает своей чёткостью, последовательностью и логичностью структурирования изучаемого материала. Таблицы могут быть лаконичными, краткими, содержать только базовую информацию, либо же быть развернутыми, насыщенными примерами и сопровождаться дополнительным шрифтовым и цветовым оформлением (например, в таблице с классификацией гласных фонемы верхнего, среднего и нижнего подъема можно обозначать разными цветами).

2. Схемы. Готовясь к занятию, можно использовать готовые схемы. Также можно воссоздавать схемы непосредственно во время занятия, что, по нашему мнению, является более результативным, поскольку помогает привлечь к работе студентов, эффективнее обучать их. И. В. Рефлер констатирует: «Большой эффект дает не использование схем в готовом виде, а непосредственно совместная деятельность учителя и ученика по их составлению. Такая работа может быть организована во время объяснения нового материала, а готовые схемы и опорные конспекты могут быть

использованы в будущем...» [3, с. 150]. Опорные схемы можно применять как на различных типах занятий, так и на разных этапах: во время ознакомления с ключевыми понятиями, классификациями, типологиями, для закрепления, систематизации и проверки усвоения изученного материала. Схемы не должны быть перенасыщены текстом, лишними словами, ненужной информацией.

3. Фотографии. Кроме классического использования фотографий при изучении персоналий (известных лингвистов, литературоведов) и при работе в фонетических лабораториях, уместно использование портретов при изучении текста как лингвистического объекта. Так, мы в тестовых заданиях для аспирантов дополняем вербальный материал тестов невербальным компонентом – портретом ученого [4, с. 50–52] (См. Рисунок 1).

Рисунок 1. Пример сочетания вербальных и невербальных средств в тестовом задании для аспирантов.

Встановіть, які паралінгвістичні засоби використано у поданому креолізованому тексті:

ГРАБЕЦЬ (Hrabec) Стефан (14.I 1912, м. Станіслав, тепер Івано-Франківськ – 25.XII 1972, Лодзь) – польс. мовознавець. Закін. 1936 Львів. ун-т. Викладав у 1946–52 в ун-ті м. Торуня, з 1954 – професор Лодз. ун-ту. Автор праць: з історії

С. Грабець.

польс. літ. мови, в яких досліджував вплив на неї укр. мови: «Окрайні елементи в мові деяких польських письменників 16 і 17 ст.» (1949), «Про мову Берната з Любліна» (1960) та ін.; з ономастики, зокрема української: «Географічні назви Гуцульщини» (1950); «Карпатські географічні назви» (1959) та ін. Брав участь у створенні «Словника мови

А. Міцкевича» і «Словника польської мови XVI ст.». Співредактор «Українсько-польського словника» (1957). У кн. «Нарис історії української мови» (1956) йому належить розділ «Нарис історії української мови з кінця 18 ст. до новіших часів», де йдеться про мову творів І. Котляревського, Т. Шевченка, І. Франка, Лесі Українки, М. Коцюбинського та ін. укр. письменників.

Лит.: Taszycki W. Stefan Hrabec. «Język polski», 1973, t. 53, № 5; Його ж: Stefan Hrabec jako onomasta. «Onomastica», 1973, ч. 18, з. 1–2; Encyklopedia wiedzy o języku polskim. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1978. Т. Б. Лукинова.

- а) графічна сегментація, довжина рядків, шрифт, розрядка, світлина;
- б) розташування тексту на аркуші, шрифт, розрядка, світлина;
- в) курсив, розрядка, різні розміри шрифтів, різні типи шрифтів;
- г) світлина, допоміжні знаки, різні типи шрифтів;
- ґ) інший варіант: _____.

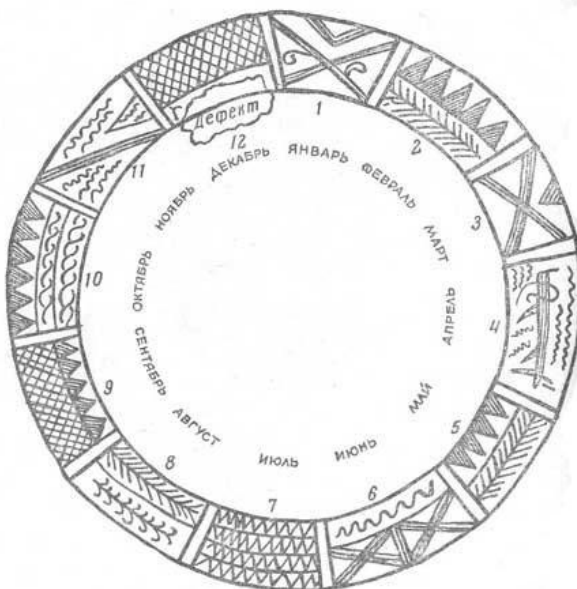
Использование фотографий особенно важно при разработке курсов и спецкурсов, связанных с паралингвистической проблематикой.

4. Диаграммы. Анализируемый тип наглядности уместнее всего применять для визуализации результатов количественного анализа

фактического материала. Относительно других типов наглядностей диаграммы являются наименее используемыми в нашей методической деятельности. Однако именно они разрешают продемонстрировать соотношение разнообразных лингвистических феноменов.

5. Комплексные материалы. Нами разработана рабочая тетрадь для аспирантов, изучающих украинский язык [4]. В тетради представлено много задач интерактивного типа (упражнения, связанные с редактированием текстов, упражнения на нахождение соответствий и т.п.). Пятнадцать тестовых заданий охватывают актуальные вопросы лексики, грамматики, стилистики украинского языка; в тестах освещены актуальные проблемы профессиональной коммуникации, в том числе этикет служебного общения. Также использовано немало наглядных материалов разных типов (таблицы, фото, шрифтовое оформление). Как показывает наш опыт, именно интерактивные задания помогают лучше всего усвоить материал. На сегодня в стадии разработки находится рабочая тетрадь по спецкурсу «Функции невербальных компонентов креолизованных текстов» для студентов специальности «Украинский язык и литература». В ней мы планируем использовать принципиально новый тип наглядности: интерактивный рисунок. Этот тип наглядного пособия рассчитан на совместную работу преподавателя и студентов во время изучения древней славянской письменности – письма «черт и рез». Пособие состоит из пустой формы для заполнения – контура орнамента с археологической находки (т. н. «лепесовской чаши») и набора наклеек-сегментов. Наклейки-сегменты последовательно вклеиваются в форму орнамента по мере того, как преподаватель объясняет студентам порядок расшифровки академиком Б.А. Рыбаковым обозначений месяцев в календарном цикле, отображенном на древней чаше (См. Рисунок 2). Сам преподаватель либо последовательно воспроизводит рисунок на доске, либо пользуется таким же набором наклеек и формой, как студенты.

Рисунок 2. Предполагаемый результат заполнения формы-орнамента с археологической находки (т.н. «лепесовской чаши»).

Итак, оптимальным типом наглядных пособий мы считаем комплексные материалы, т.к. они сочетают в себе преимущества остальных типов. Также несомненным плюсом комплексных материалов является возможность переключения внимания с одного типа визуального объекта на другой, что позволяет снизить утомление слушателей, сильнее вовлечь их в процесс учебной деятельности.

Предполагаемая перспектива исследования – изучение и классификация наглядностей, представленных электронными носителями информации, и разработка способов оптимизации учебного процесса при помощи данных наглядностей. Также планируется издание рабочей тетради «Функции невербальных компонентов креолизованных текстов».

Литература

1. Ємельяненко Г. В. Використання схем під час вивчення морфології в загальноосвітній та вищій школах / Г. В. Ємельяненко, В. М. Попова // Методичні студії : Зб. наук.-метод. праць. Вип. 3. – Донецьк : ДонНУ, 2013. – С. 50–53.
2. Нагаєв В. М. Методика викладання у вищій школі / В. М. Нагаєв. – К. : ЦУЛ, 2007. – 232 с.
3. Рефлер І. В. Використання опорних схем і конспектів на уроках географії / І. В. Рефлер // Таврійський вісник освіти. – 2011. – №4 (36). – С. 148–154.
4. Українська мова (за професійним спрямуванням) : Робочий зошит для аспірантів негуманітарних спеціальностей (точні та природничі науки) / Укл. : А. П. Загнітко, Г. В. Ємельяненко. – Донецьк : ДонНУ, 2013. – 72 с.
5. Ярошенко Н. О. Викладання курсу «Вступ до мовознавства» у світлі кредитно-модульної системи / Н. О. Ярошенко // Збірник матеріалів Всеукраїнської науково-методичної конф. «Інноваційні процеси та технології в сучасному університеті». – Донецьк, 22 квітня 2009 р. – Т. 2. – Донецьк : ДонНУ, 2009. – С. 205–207.

СЕКЦИЯ 6. ЯЗЫК И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Богданов Александр Викторович,
кандидат наук по государственному управлению,
доцент кафедры краеведения

Шатохина Регина,
студентка I курса специальности "Социальный работник"
Донецкий государственный университет управления

Язык как средство общения одновременно сочетает целесообразность и нормативность, он оптимален с точки зрения содержания и формы, результативен и эффективен с точки зрения воздействия. Вместе с тем, в обществе имеются многочисленные речевые практики, своего рода речевые субкультуры, обусловленные географическими, социальными, профессиональными, возрастными, идеологическими и другими признаками. У этих практик собственная нормативность, смешение норм, деформации. Преодоление мультинормативности, несоответствий и противоречий речевых практик происходит через культуру речи как нормативную категорию. В качестве основного критерия культуры речи предложено единство стилистического соответствия и коммуникативной целесообразности.

Владение высоким уровнем культуры речи предполагает умение строить правильную речь, не нарушающую языковую норму.

Первый уровень культуры речи означает освоение человеком литературных норм, что гарантирует правильную индивидуальную речь. Второй уровень овладения литературным языком означает, что говорящий и пишущий свободно использует все ресурсы языка для создания ясной, выразительной, обоснованной и убедительной речи. Однако чаще всего мы слышим речь носителей усреднённой речевой культуры, что характерно даже для говорящих с высшим образованием. К современным тенденциям речевых практик можно отнести: а) увеличение иноязычных заимствований, преимущественно англо-американской лексики; б) разрушение стилистической системы (использование блочного построения фраз и штампов как неспособность найти наиболее точное и уместное средство для выражения мысли); в) изменение интонационных конструкций; г) экспансия арготической, сленговой, уголовной, ненормативной лексики. Эти тенденции снижают качество речи и информативность общения, эмоциональный, эстетический, моральный и интеллектуальный потенциал общения на уровне индивидов и общества в целом.

Средства массовой информации значительной степени устанавливают

нормы языка и коммуникации, они наиболее ответственны за соответствие этих норм лучшим культурным традициям русской словесности. Периодическая печать продолжает оставаться и поныне сильнейшим средством массовой информации, имеющим достаточный потенциал воздействия не только на читателя, но и на различные стороны жизни общества.

Среди проблем, обсуждаемых в аспекте культуры речи, наиболее острая – это проблема культуры речи СМИ, в которых наблюдается самое большое количество нарушений литературных норм. По словам О. Б. Сиротининой, *«журналисты должны знать, что они доносят до нас не только передаваемые ими новости, не только формируют общественное мнение, но и либо развивают русский язык, сохраняя его основу, либо просто убивают его, подменяя один из богатейших языков мира бедным и уродливым жаргоном»* [3, с. 4].

Язык СМИ играет главную роль не только в распространении русского языка, но и в повышении грамотности населения. Хотя отмечены определённые положительные результаты работы СМИ по формированию уважительного отношения к русскому языку, в печати продолжают встречаться массы ошибок, а с экранов телевизоров нередко звучит далеко не образцовый русский язык. Появление в прямом эфире спонтанной устной речи обусловлено отменой цензуры, но демократизация СМИ спровоцировала участие в публичном общении людей с различным образованием и соответственно уровнем речевой культуры.

При исследовании языка СМИ можно выделить следующие факты нарушений норм литературного языка, которые носят регулярный массовый характер:

1) на телевидении и радио наблюдаются постоянные нарушения норм произношения слов, как самими ведущими программ, так и героями этих программ, а также политиками, артистами и др.;

2) на радио и молодежных каналах телевидения, где целевая аудитория молодежь и подростки, огромное количество заимствованной лексики из английского языка (американизмов), особенно связанных с модой (*тренд, лук, принт* и др.) и современной музыкой (*хит, демо, трек, саунд* и др.);

3) во всех СМИ отмечено постоянное употребление жаргонной, просторечной, в том числе бранной и даже ненормативной лексики.

Таким образом, можно отметить, что СМИ сегодня действительно разрушают существующие нормы литературного языка.

Исследования речи российских звучащих СМИ были проведены еще в 2000 году [2, с. 38–53] и позволяют обнаружить между нарушениями связь. Так, официальный *«постновояз»* с его косноязычием и двусмысленностями, вроде *«контролировать ситуацию»*, смыкается с субстандартной лексикой. употребление которой символизирует освобождение от тоталитаризма, победу общечеловеческих ценностей и, главное, – торжество этики и морали (понятий) в виде выражений уголовного жаргона. Вследствие внедрения жаргонизмов в массовое сознание носителей языка происходит широкое распространение и

даже некая элитаризация вульгарной брани [1, с. 23–31].

Исследования языковой культуры звучащих СМИ в результате мониторинга ВЦИОМ РФ позволили сделать ряд выводов:

1. Необходимо признать неизбежность ошибок в спонтанной речи. Сознательным нарушением этических и эстетических канонов являются инвективы и нарочитая грубость выражений в публичной речи, но статистически допустимый процент нарушений грамматической, лексической и стилистической правильности речи составляют ошибки, связанные с особенностями речемыслительного процесса, когда говорящему приходится делать выбор между одинаково возможными для его сознания вариантами высказывания или когда ситуация устного общения вынуждает его конструировать длинную и сложную фразу, синтаксическая глубина которой превышает порог оперативной памяти.

2. Авторитет СМИ по-прежнему высок. Особенно это касается издающихся долгое время и зарекомендовавших себя печатных изданий, степень доверия к которым населения значительно выше, чем к телевидению, радио или Интернету, которые нередко воспринимаются как средства развлечения. Однако в электронных СМИ существуют систематические информационно-аналитические и публицистические передачи, слову которых люди доверяют. В результате услышанное слово, его новое понимание или неправильное толкование и произношение закрепляются за определёнными сферами употребления, создается традиция, происходит последующее привыкание к необычному или непривычному выражению. Следовательно, СМИ искусственным образом закрепляют в сознании общества языковые модели, штампы и создают мифы.

Состояние русского языка в СМИ в последнее десятилетие вызывает серьёзную обеспокоенность. Газеты, радио, телевидение, Интернет составляют сегодня основную сферу, в которой «живет» современный русский язык. За прошедшее десятилетие облик русского литературного языка в СМИ изменился. Наиболее заметны эти перемены в таких его разновидностях, как язык политики, публицистики, художественной литературы. Иной облик языку придает, прежде всего, новая лексика, бурным потоком хлынувшая на страницы газет, в теле- и радиоэфир.

С одной стороны, ясно, что сегодня сама тематика обсуждаемых проблем заставляет вникать в суть новых явлений, которые не были раньше предметом общественного диалога и требующих новых именований и оценок. С другой стороны, в политику и в СМИ пришли новые люди, которые по-новому ставят проблемы и по-новому их решают, по-новому устанавливают планку нормативности (литературности) использования языковых средств. Очевидно, единственным способом соблюдения разумного баланса между необходимым и допустимым в условиях действия обоих факторов («новые проблемы» + «новые люди») остается целенаправленная работа по формированию нового уровня феномена языкового сознания говорящих с нами с телеэкрана или в радиоэфире.

С первого десятилетия ХХI в. языковое сознание русского человека под воздействием кардинальных социальных сдвигов в России переживает активно развивающиеся процессы социальной трансформации. Эти процессы, освобождая творческую энергию языка, расширяя использование его эстетических и смысловых ресурсов, способствуют обогащению его выразительных возможностей и одновременно дают простор раскрытию коммуникативного потенциала говорящих.

Однако нельзя умолчать о том, что под знаком неосознанного протеста против жестко предписываемых нормой правил словоупотребления и построения речи произошло снятие запретов на использование в средствах массовых коммуникаций стилистически сниженных, эстетически безобразных слов и выражений. Насыщение публичной речи вульгарными выражениями превратилось в признак доверительного общения, языковая раскованность приблизилась к языковой распущенности [1, с. 23–31].

Влияние звучащих СМИ на процессы формирования языкового сознания трудно переоценить, они способны как формировать языковое сознание человека, так и деформировать его. На арене русского языка сейчас разворачиваются драматические события. Стремительно нарастает словесный вал. Усиливается его эмоциональное и ментальное воздействие. Все новые позиции отвоевывает себе разговорная речь. Это гораздо более идущий процесс, чем демократизация языка художественной литературы и газеты. Теперь язык прессы и звучащих СМИ все менее смыкается с книжно-письменным типом литературного языка, которому по-прежнему остаются верны лишь письменная, научная и отчасти деловая речь. Этот тип сокращает сферу своего распространения и во многих областях терпит вторжение ранее чуждых ему элементов, которые приходят на смену прежнему эволюционному его формированию и развитию.

Роль СМИ в развитии современного русского языка велика. Это происходит и в связи с уменьшением роли художественной литературы, и с постоянным ростом количества каналов ТВ, радиостанций, газет и журналов. Это увеличение количества, к сожалению, привело к снижению качества. В результате во всех средствах массовой информации мы постоянно наблюдаем нарушение норм русского литературного языка. Это и употребление варваризмов, и многочисленные нарушения в ударении, и засорение языка иностранными словами (далеко не всегда оправданно заимствованными). Но самый большой вред сегодня наносят не иностранные слова, а наши «родные» жаргонизмы, просторечия бранная и ненормативная лексика в СМИ. Такое масштабное внедрение в речь жаргона, сленга, грубой лексики с негативной эмоционально-экспрессивной окраской неизбежно приведёт к изменению мировоззрения носителей языка, огрублению речевого поведения и в итоге к утрате того русского языка, который неизменно является основой русской культуры. К сожалению, большинство российских журналистов не выбирает себе аудиторию, они обслуживают массы и вынуждены работать на том языке, который сегодня выбирают массы. Поэтому для изменения ситуации

необходимо вмешательство на государственном уровне, ведь насколько современные СМИ сегодня разрушают нормативный язык, настолько они, при соответствующем государственном контроле, который не ограничивает свободу слова, а лишь контролирует нормативность речи журналистов, могут выступить в роли целителя и созидателя, ведь охват аудитории и свойства воздействия на сознание посредством СМИ остаются неизменными.

Итак, в реальном функционировании современного русского литературного языка как основы для формирования языкового сознания личности, наряду с его основными коммуникативными сферами, все более возрастающее распространение получает область публичных речевых коммуникаций. Эта речь интеллектуального характера, на которой происходит общение с широкой аудиторией в учебной деятельности, на конференциях и собраниях, по радио и телевидению. Она адресована широкой аудитории. Она имеет важные задачи содержательного плана, соотносимые с письменными текстами – научными, публицистическими, отчасти деловыми и художественными. В то же время устная форма осуществления соотносит её и с живой разговорной речью бытового характера. Этот тип литературной речи еще не получил всестороннего описания в исследовательском плане.

Функционирующий литературный язык обслуживает сообщество пользователей, говорящих применительно к самым разнообразным нуждам коммуникации. Чем более развито общество, тем многообразнее потребности общения. Утверждаясь в общественной практике, эти потребности постепенно приводят к возникновению определённых сфер общения, которые обычно обнаруживают тенденцию к исторической консолидации. Число таких сфер общения стремится полностью удовлетворить нужды коммуникации и поэтому увеличивается по мере их роста.

Необходимо также отметить, что перед нами разворачиваются противоборствующие тенденции дифференциации и интеграции литературного языка: растущие и расширяющиеся нужды общения требуют закрепления за соответствующими сферами соответствующих языковых средств, которые будут определять структуры развития языкового сознания, а интересы нации требуют языкового единства. Если бы тенденции к дифференциации не противостояла тенденция к интеграции, произошел бы распад литературного языка. Между тем исторически обычно наблюдается обратное положение – рост, развитие и упрочение нации в государственности ведет к обогащению и развитию национального литературного языка, к упрочению его позиций, при этом СМИ выступают ключевым инструментом такого процесса.

Литература

1. Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества / Е. А. Земская // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 23–32.
2. Мониторинг уровня языковой культуры российских звучащих СМИ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – ВЦИОМ, 2000, июнь. – М., 2000. – С. 38–53.

3. Сиротинина О. Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка / О. Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации. Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М. Л. Кормилицыной. – Вып. 2. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. – С. 3–20.

ЭКСПРЕССИВЫ В ПЕЧАТНЫХ СМИ

Карпенко Мария Александровна,
студентка I курса архитектурного факультета

Гапонова Татьяна Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

Язык – живой и сложный организм, который постоянно меняется. Поэтому мы все чаще замечаем изменения, которые происходят в нем. Появляются новые слова и выражения, которые могут относиться к диалектизмам, жаргонизмам, а также молодежному сленгу и другим лексическим группам. В связи с этим наблюдаются изменения в языковом стиле СМИ.

Современная лексика печатных текстов СМИ тяготеет к живому разговорному языку. По этой причине одним из факторов лингвистических изменений является попытка завладеть большей потребительской аудиторией при помощи трансляции мировоззрения, которое определяется социальной позицией автора и его индивидуальным видением реальности. Значительную роль в создании личного авторского мнения играют экспрессивы. С помощью оценочных конструкций формируется мнение и сознание адресата информации. Таким образом, смысл получаемых сведений может приобретать положительную или отрицательную окраску в зависимости от личных предпочтений публициста, в то время, когда информация должна быть нейтральной, для формирования индивидуального мнения читателя.

Публицистический стиль – один из функциональных стилей, обслуживающих широкую область общественных отношений – политических, экономических, идеологических и т.д. Но в основном публицистический стиль – это стиль прессы (газеты, журналы), а также язык радио, кино, телевидения, речь общественно-политических деятелей. Исходя из этого, можно выделить такие функции данного стиля: информационная, воздействующая, коммуникативная, эстетическая, экспрессивная.

Важнейшей функцией публицистического стиля является воздействующая, так как роль публицистики, особенно газетной, заключается в том, чтобы убеждать читателя и воздействовать на его волю и чувства с целью создания общественного мнения.

Характер воздействия может быть прямым и открытым. Но также он может быть скрытым за внешне объективной подачей фактов. Однако сам отбор фактов, их более или менее подробное рассмотрение, характер подачи материала тоже предусматривают определённое воздействие на массы. По самой своей природе публицистика призвана активно вмешиваться в жизнь, формировать общественное мнение.

Публицистический стиль имеет огромное влияние на культуру всего общества, так как имеет широкое распространение во многих сферах деятельности людей. Поэтому изложение и передача информации в рамках этого стиля должно быть особенно внимательно к содержанию, а также к форме высказывания.

Лексика современного русского языка стилистически неоднородна: одни слова носят общеупотребительный характер, другие – используются в определенной речевой ситуации.

Многие слова не только определяют понятия, но и выражают отношение к ним говорящего. Оценочность может выразиться, например, в восхищении белым цветком: *белоснежный, белехонький, лилейный*. Эти слова эмоционально окрашены: положительная оценка отличает их от стилистически нейтрального определения *белый*. Также эмоциональная окраска может выражать и отрицательную оценку называемого понятия: *белобрысый, белесый*. Поэтому эмоциональную лексику называют еще оценочной (эмоционально-оценочной) или экспрессивной.

Экспрессивная стилистика – это направление лингвостилистики, изучающее экспрессивные средства языковой системы и закономерности их использования носителями языка. Основу этого научного направления заложили труды Ш. Балли. Согласно его определению «стилистика изучает экспрессивные факты языковой системы с точки зрения их эмоционального содержания, то есть выражение в речи явлений из области чувств и действие речевых фактов на чувства» [1].

В отечественной лингвистике одним из первых задачу изучения стилистических ресурсов русского языка поставил Л. В. Щерба. Ученый связывал использование выразительных средств с функциональной целесообразностью языка [7].

Экспрессия – значит выразительность (от лат. *expressio* – выражение). К экспрессивной лексике обычно относятся слова и выражения, которые могут делать ее более эмоциональной и выразительной. Часто одно нейтральное слово имеет несколько синонимов, различающихся по степени эмоционального напряжения: *несчастье, горе, бедствие, катастрофа; буйный, безудержный, неукротимый, неистовый, яростный*. Нередко к одному и тому же нейтральному слову относятся синонимы с прямо противоположной окраской: *просить – молить, кланяться; плакать – рыдать, реветь*.

Экспрессивно окрашенные слова могут приобретать такие высокие стилистические оттенки: торжественный, высокий, риторический, поэтический. А также сниженные: шутливое, ироническое, фамильярное, неодобрительное,

пренебрежительное, презрительное, вульгарное, бранное.

Основным средством достижения желаемой экспрессивной окраски речи является оценочная лексика. В ее составе можно выделить три разновидности [3]:

1. Слова с ярким оценочным значением. К ним принадлежат слова-«характеристики» (*предтеча, провозвестник, первопроходец; брюзга, пустомеля, подхалим, разгильдяй и др.*), а также слова, содержащие оценку факта, явления, признака, действия (*предназначение, предначертание, деячество; дивный, нерукотворный, безответственный, допотопный; дерзать, вдохновить, опорочить, напакостить*).

2. Многозначные слова, обычно нейтральные в основном значении, но получающие яркую эмоциональную окраску при метафорическом употреблении. Так, о человеке говорят: *шляпа, тряпка, тюфяк, дуб, слон, медведь, змея, орел, ворона*; в переносном значении используют глаголы: *петь, шипеть, пилить, грызть, копать, зевать, моргать и т. п.*

3. Слова с суффиксами субъективной оценки, передающие различные оттенки чувства: положительные эмоции – *сыночек, солнышко, бабуля, аккуратненько, близехонько* и отрицательные – *бородища, детина, казенщина* и т. п.

Развитию эмоционально-экспрессивных оттенков в слове способствует его метафоризация. Так, стилистически нейтральные слова, употребленные как тропы, получают яркую экспрессию: *гореть (на работе), падать (от усталости), задыхаться (в неблагоприятных условиях), пылающий (взор), голубая (мечта), летящая (походка) и т. д.* Окончательно определяет экспрессивную окраску контекст: нейтральные слова могут восприниматься как высокие и торжественные; высокая лексика в иных условиях приобретает насмешливо-ироническую окраску; порой даже бранное слово может прозвучать ласково, а ласковое – презрительно.

Яркие стилистические краски таит в себе прямая и несобственно-прямая речь, восклицательные и вопросительные предложения, в особенности риторические вопросы.

Риторический вопрос – одна из самых распространенных стилистических фигур, характеризующаяся яркостью и разнообразием эмоционально-экспрессивных оттенков. Риторические вопросы содержат утверждение (или отрицание), оформленное в виде вопроса, не требующего ответа.

Совпадающие по внешнему грамматическому оформлению с обычными вопросительными предложениями, риторические вопросы отличаются яркой восклицательной интонацией, выражающей изумление, крайнее напряжение чувств. Неслучайно авторы иногда в конце риторических вопросов ставят восклицательный знак или два знака – вопросительный и восклицательный.

Эмоциональную напряженность речи передают и присоединительные конструкции, то есть такие, в которых фразы не умещаются сразу в одну смысловую плоскость, но образуют ассоциативную цепь присоединения. Например: *Есть у каждого города возраст и голос. Есть одежда своя. И*

особенный запах. И лицо. И не сразу понятная гордость (Рожд.).

Особую экспрессивность придают речи тропы (гр. *trópos* – поворот, оборот, образ) – слова, употребленные в переносном значении: метафоры, сравнения, эпитеты, метонимии.

Перед выходом в печать любая газетная или журнальная статья проходит такие основные этапы создания, как: первичный замысел материала, накопление необходимых данных (фактов), выбор языковых средств, а также и саму организацию языковых средств в тексте.

Построение текста и выбор языковых средств опирается на воздействующую и информационную функции публицистики.

Информационная функция реализуется при помощи разнообразных языковых средств, которым присущи точность, нейтральность, объективность.

Воздействующая функция связана с экспрессивностью и выразительностью. При этом главной задачей выразительности речи является выделение главного в сообщении и привлечение адресата с помощью необычных слов, формоупотреблений, синтаксических построений.

Так как публицистический стиль обладает не только оценочностью, эмоциональностью и страстностью, но и логичностью, официальностью и стандартизованностью, то в речи используются специальные публицистические приемы, частотные, общедоступные языковые средства, устойчивые речевые обороты (клише).

Стандартизованность обеспечивает быстроту в подготовке материала. Сочетание экспрессии и стандарта – важнейшая черта публицистического стиля. Но также журналисты часто употребляют разнообразные слова, включая нелитературные элементы, необходимые для достоверного изображения событий и людей.

Таким образом, публицистика выполняет две свои главные функции: информационную, которая доносит информацию о чем-либо адресату, то есть народным массам и социальным группам, и воздействующую, которая умелым авторским словом формирует видение на проблему читателя, показывая информацию с нужной для журналиста стороны.

Основным приемом является экспрессивная стилистика, которая в большей мере выполняет воздействующую функцию, а также наделяет публицистический стиль его основными чертами (страстность, эмоциональность, логичность, точность).

Методами использования экспрессивной стилистики является употребление экспрессивно окрашенных слов, оценочная лексика, риторические вопросы, восклицательные предложения, присоединительные конструкции, тропы и т. д.

Итак, мы рассмотрели и проанализировали роль экспрессивной стилистики и ее использование в печатных СМИ. Во многих статьях и заметках встречается чрезмерное использование оценочной лексики с целью заинтересовать читателя и показать ему взгляд на факты с нужной журналисту стороны.

Но также при анализе экспрессивных конструкций выяснилось, что язык

является отражением современного состояния языка (на это указывает наличие сленговых выражений и актуальных фразеологизмов), а также его разговорной разновидности, включая даже моду на какие-то, например, арготические элементы.

Таким образом, мы можем говорить о двух противоположных сторонах использования экспрессивных конструкций в печатных СМИ. В первом случае это возможность заинтересовать читателя, предоставив ему более яркую и запоминающуюся информацию. Во втором случае это преднамеренное формирование точки зрения, влияние и навязывание авторского мнения на сознание адресата.

Литература

1. Балли Ш. Французская стилистика / Шарль Балли. – М. : Высш. шк., 1961. – 258 с.
2. Голуб И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – М. : Айрис-пресс, 1997. – 442 с.
3. Кайда Л. Г. Стилистика текста / Л. Г. Кайда. – М. : Флинта, 2001. – 325 с.
4. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Ред. М. Н. Кожина. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 649 с.
5. Щерба Л. В. Современный русский литературный язык / Л. В. Щерба. – М. : Прогресс, 1977. – 213 с.
6. Энциклопедический словарь-справочник "Культура русской речи" : – М. : 2003. – 198 с.
7. Экспрессивные стили [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook083/01/part-003.htm#i187>
8. Языковые средства выражения экспрессивности в текстах, блогах В. Соловьева [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.bestreferat.ru/referat-116145.html>

УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛЕНГА И ЖАРГОНА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Коваленко Валентин Николаевич,
студент I курса института городского хозяйства
и охраны окружающей среды

Назар Роман Николаевич,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

Средства массовой информации прочно вошли в жизнь человеческого общества. Они являются мощным средством воздействия на разум человека.

Коммуникации, такие как средства массовой информации и Интернет, сегодня – это самые колоссальные источники информации, которые знало человечество, и одни из самых опасных, поскольку информационная война намного страшнее милитаризма.

В современном обществе для общения выработались «особые языки» – сленг и жаргон. И они с каждым днём активно проникают в нашу повседневную жизнь.

Если раньше СМИ служили примером уровня речевой культуры, способствовали его повышению, то в настоящее время они в большой степени способствуют его деградации. Так, речь многих дикторов развлекательных, а иногда и аналитических программ неправильно построена, загрязнена словами-паразитами, словом, налицо все признаки ухудшения уровня речевой культуры самих дикторов [1].

По мнению исследователей, в наше время телевидение, радио и пресса – неотъемлемые спутники большинства людей, поэтому и речь последних тоже стала ухудшаться. Слово, однажды сказанное в телеэфире устами корреспондента, начинает использоваться простыми гражданами, входить в язык. Именно усилиями СМИ в первую очередь в русский язык вводятся неоправданные заимствования. Например, такие как, *мониторить*, *флеш моб*, *селфи*, *креатив*. Эти слова часто слышатся из уст диктора и население также начинает их использовать, до конца, не осознавая и не понимая смысл и происхождение этих слов [4].

Особый интерес в этом отношении представляет отечественная реклама. Переживая период своего становления, она еще не обрела свою стилистику, поэтому, с одной стороны, здесь копируются западные образцы (соответственно с использованием множества заимствований), с другой, непринужденность, даже «разухабистость» общения с включением жаргонизмов (впрочем, иногда это делается из эпатажа, желания шокировать и тем самым пробудить интерес потребителя к рекламируемым изделиям).

Для имитации непринужденности общения, особенно в устной рекламе, нередко используется диалогическая речь. Например, тексты некоторых реклам: *Разыгрался аппетит* – «не тормози», *сникерсни! Если хочешь утром «как» – выпей на ночь «Дюффалак»*; *Баунти* – райское наслаждение; *Мстите лично мне и т.п.*

Это не молодежно-подростковый жаргон, на сегодняшний день это – нормативный русский язык – в рекламных картинах, потому что пока нет более мощного средства агитпропа, чем телевидение, и нет ничего более усердно им тиражируемого, чем подобная лексика [3].

Язык рекламы довольно точно отражает некоторые особенности современной языковой ситуации.

Возникновение жаргонов справедливо оценивается как отрицательное явление в развитии современного русского языка. Поэтому языковая политика заключается в отказе от их использования. Однако писатели и публицисты вправе обращаться к этим словарным пластам в поисках реалистических красок при описании творческих сторон нашей действительности.

Источником могут служить:

- иностранные языки, как их литературная составляющая, так и просторечная (*баксы, бабло* – американский сленг *деньги*; *дэнс* – английское *танцы*; *фантастиш* / *я-я, дас ист фантастиш* – немецкое *потрясающий* / *да-да, это потрясающе*), при этом возможно использование дословного перевода (*перец* – *парень* английский сленг);

- блатные выражения, которые должны затруднить понимание смысла беседы со стороны непосвящённых. Воровской жаргон, как правило, отражает внутреннюю иерархию преступного мира, закрепляя наиболее обидные и оскорбительные слова, клички и т. д. (*кишиш* – *суматоха*; *косарь (косой)* – *тысяча*; *косяк* – *неправота, неправильное действие*; *крыса* – *крадет у своих*; *погоняло* – *кличка*; *репа* – *голова*; *терка / перетереть* – *совещание, подписание контракта*);

- язык музыкантов, который содержит в себе сразу несколько типов слов сленга: здесь и профессионализмы, и заимствованные слова, и слова сокращенные (*репа* – *репетиция*; *лабать* – *играть на музыкальном инструменте*; *лажа* – *ошибка в музыкальном исполнении*; *сольник* – *сольный концерт*);

- компьютерный жаргон – разновидность сленга, используемого как профессиональными, так и другими пользователями компьютеров. Сюда же можно отнести и сетевой жаргон – жаргон, используемый пользователями Интернет (*сервак* – *веб-сервер*; *мыло* – *почта* (от английского *Mail*); *комп* – *компьютер*; *винда* – *операционная система Windows*; *клава* – *клавиатура*; *прога* – *программа*; *драва* – *драйвер*);

- субкультура, как часть культуры общества, отличающаяся от преобладающего большинства, социальные группы носителей этой культуры. Субкультура может отличаться от доминирующей культуры собственной системой ценностей, языком, манерой поведения и т.п. Такой сленг используют

с целью кодификации языка, чтобы он был понятен только представителям одной субкультуры. Субкультур существует великое множество: сленг хиппи (*бёздник – день рождения; маза – удачная возможность*), сленг панков и металлистов (*Хой! – приветствие; барыга – человек, перепродающий что-либо*) [2].

Важную роль в СМИ стало играть злословие. Активное его использование в текстах СМИ целенаправленно разрушает этические нормы и принципы.

Любая публикация несет в себе авторское отношение к происходящим событиям. Автор, используя злословие, получает в руки мощное оружие. Используя его не по назначению, он действует негативно на сознание читательской аудитории, на ее психоэмоциональное состояние, разрушая позитивность в восприятии действительности и превращая позитивное в негативное.

Рассмотрим случаи употребления злословия в заголовках к текстам. В журналистике заголовку уделяется очень большое внимание, так как, во-первых, он передает в сжатой форме основное содержание текста, во-вторых, служит средством привлечения внимания читателя, с чем связана его особая выразительность, образность и даже иногда экспрессия, которые порой задают тон всей публикации (*«Я вратарь, а не топ-модель». Как иштаны прославили Габора Кирая; Селфи Джастина Бибера поставили Instagram на колени; Американцы записали песню с помощью стиральной машины; На церемонии «Ватник года» украинская публика полакомилась «русским младенцем»; Суды оштрафовали россиян на 14 миллионов за мат*).

Газетных материалов, где основную скандальную нагрузку несут заголовки, довольно много, и злословие здесь представлено в двух формах: открытой или скрытой.

Скрытое злословие в заголовках можно выявить только при сопоставлении содержания заголовка с самим текстом статьи, специальные языковые средства в данном случае существенной роли не играют.

Итак, средства массовой информации, превратившись в одну из основных сфер использования речи, сегодня, с одной стороны, отражают общее состояние языка, а с другой – во многом определяют его характер и свойства.

Язык – неотъемлемая часть духовной культуры народа, и СМИ не смогут выполнять присущие им просветительские, образовательные и воспитательные функции, общаясь со своей аудиторией с намеренными нарушениями речи.

Именно консерватизм языковой нормы позволит языку быть той силой, которая объединяет его носителей.

Можно сделать вывод о том, что жаргонная лексика становится важным средством стилизации речи, средством создания особого, дружески-непринуждённого тона беседы с читателем. Употребление в текстах СМИ «сниженных» языковых средств является одним из наиболее эффективных средств выражения оценки. Используя речевую специфику разных групп говорящих, средства массовой информации отражают современное общество и роль отдельных социальных групп в его развитии и вместе с тем

пропагандируют жаргонную лексику, оказывая влияние на активный словарь. Отступление от литературной нормы в процессе порождения текста создают определённую тональность иронии, юмора или сарказма, способствуют созданию реалистичности при описании явлений, что делает газетный текст более доступным и интересным для народных масс. Так журналисты влияют на формирование взглядов всего населения страны.

По нашему мнению, крайне важна умеренность и избирательность в употреблении сленга в жизни и в СМИ, в частности. Зачастую употребление сленга в языке СМИ в качестве экспрессии бывает очень удачно и эффективно. Но злоупотребление сленгом, а вернее его популяризация, существенно снижает уровень языка, что особенно недопустимо в печати и литературе.

Литература

1. Влияние средств массовой информации на уровень речевой культуры: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/2007/03/29-355>.__ (Дата обращения: 05.11.2015).

2. Исследовательский проект «Влияние жаргонизмов на современное состояние русского языка»: [Электронный ресурс]. URL: <http://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2014/09/10/issledovatel'skiy-proekt-vliyanie-zhargonizmov-na-sovremennoe-sostoyanie>. (Дата обращения: 05.11.2015).

3. Молодёжный жаргон: за и против: [Электронный ресурс]. URL: www.hintfox.com/article/molodzhnij-zhargon-za-i-protiv.html.__ (Дата обращения: 07.11.2015).

4. Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества: [Электронный ресурс]. URL: evartist.narod.ru/text12/07.htm. (Дата обращения: 06.11.2015).

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СМИ НА РАЗВИТИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Корнас Кристина Игоревна,
студентка I курса строительного института

Ковалёва Наталья Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

Средства массовой информации занимают большое место в жизни человека. Они являются составной частью нашего общества. Пресса, радио и телевидение дают возможность получить информацию в области экономики, политики, культуры.

Средства массовой информации влияют на мировоззрение людей,

оперативно доносят информацию в различные регионы, эффективно воздействуют на эмоции человека.

К средствам массовой информации относятся социальные институты, обеспечивающие сбор, обработку и распространение информации в массовом масштабе. Массовая информация рекомендована для большой, обычно географически рассредоточенной аудитории и отличается быстротой и регулярностью распространения, практически одновременностью получения опосредствованным, в известной степени стереотипизированным характером. Передаваемая информация должна удовлетворять потребности общества. Она является частью массового духовного общения людей, которое возникло на определённой ступени развития человечества в дополнение к непосредственному межличностному общению.

К основным средствам массовой информации можно отнести: телевидение, радио и прессу, и конечно, интернет, где можно ознакомиться с материалами газет, радио и телевизионных каналов, получивших таким образом доступ к широкой аудитории.

Каждый язык чутко реагирует на те изменения, которые происходят в жизни общества. И если ещё каких-то сто лет назад в создании норм словоупотребления основополагающим фактором была именно художественная литература, то сейчас это место заняло телевидение и Интернет. Современное общество находится в огромной информационной зависимости и уже ни для кого не является секретом то, что видоизменяясь, язык превращается в мощное оружие информационного воздействия.

На русском языке говорят миллионы людей во всем мире – это один из самых старых языков. Он является официальным не только в России, но и в Белоруссии, Казахстане, в США и во многих других странах. Русский язык один из наиболее распространенных языков мира. На этом языке издавали свои произведения Достоевский, Пушкин, Толстой..., которые сейчас читает весь мир.

Русский язык лежит в основе русской цивилизации и культуры.

В филологических науках утверждают, что журналистика и реклама являются видами массовой коммуникации и выделяют в них аналогичные признаки [1, с. 2].

Огромное количество учёных придерживаются той точки зрения, что массовая коммуникация является специфическим социальным институтом. Так, Джон Томпсон пишет: *«массовая коммуникация представляет собой институционализированное производство и массовое распространение символических материалов посредством передачи и накопления информации»* [2, с. 2].

В международной энциклопедии социальных наук констатируется:

«Массовая коммуникация включает институты, посредством которых специализированные группы используют технологические устройства (пресса, радио, кино и т. д.) для распространения символического содержания большим, гетерогенным и рассредоточенным аудиториям» [3, с. 2].

Примеров, которые отрицательно влияют непосредственно на сам язык, достаточно: *это и отклонения от русской литературной интонации, и влияние молодёжных сленгов, орфографическая нестабильность заимствований, облегчение орфоэпических норм, влияние Интернета и смс-общение, внедрение профессионализмов в общеупотребительную лексику, а также многое другое.* Иногда звучит искажённая речь, в которую внедрены новомодные тенденции, с экранов телевизоров прослушиваются грубые речевые ошибки, в газетах встречаются лексические казусы, явные грамматические ошибки и свободное использование грубо-просторечной и ненормативной лексики. Конечно, для языка – это зло.

В наше время остро ощущается проблема очищения русского языка. Многие учёные-лингвисты видят надвигающуюся лингвистическую катастрофу – исчезновение русского языка, так как и в бытовой, и в официальной сфере используется много иноязычных слов, причём зачастую неоправданно. В СМИ используется много жаргонизмов, много орфографических, орфоэпических, грамматических ошибок, например: *в рекламе, объявлениях, инструкциях, вывесках и т. п.*

В XXI веке состояние русского языка беспокоит не только специалистов, но и всё современное общество, в котором прослеживается болезненная тенденция разрушения принципа соответствия речи нормам культуры и этики. Происходит стилистическое разрушение литературного языка, отклонение от традиционных литературных норм.

Язык СМИ принадлежит к одной из основных форм языкового существования. Именно анализ текстов массовой коммуникации позволяет делать выводы относительно языковой компетенции говорящих и тех тенденций в развитии литературных языков, которые наблюдаются в данный период.

Подводя итоги, стоит отметить, что существуют объективные причины языковых изменений: сегодня наш язык меняется и потому, что меняется жизнь, и в XXI веке, видимо, будут говорить на несколько модифицированном, другом русском языке.

Литература

1. Дзялошинский И. М. Медиапространство России : коммуникационные стратегии социальных институтов: Монография / И. М. Дзялошинский. – М. : Издательство АПК и ППРО, 2013. – 479 с.
2. Медведева Е. В. Рекламная коммуникация / Е. В. Медведева. – М. : URSS, 2003. – С. 57.
3. Thompson John B. Ideology and Mass Culture. – Oxford, 1990. – P. 219.
4. The Study of the Mass Communication // International Encyclopedia of the social Science. Vol – N.Y., 1968. P. 47–53.

ЯЗЫК СМИ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПОРТРЕТАХ ГОРОДОВ ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ: СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ

Кудрейко Ирина Александровна,
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой украинской филологии и прикладной лингвистики
Донецкий национальный университет

Определение социолингвистического портрета города не является новым в лингвистической науке. Во второй половине XX в. активизировались исследования, направленные на изучение функционирования языка в сообществе его носителей для определения границ ареалов, коррелирующих с определенными языковыми образованиями. Стоит отметить, что первыми в этом направлении были работы таких ученых, как Б. Ларин [5], в трудах которого находим программу исследования языка города; В. Лабов [4], Делл Х. Хаймса [8], Р. Макдэвида мл. [6] и др., которые исследовали язык городов, используя наработки диалектологов при изучении сельских диалектов.

Социолингвистический портрет города – метод, позволяющий с помощью анализа культурно-исторических, социально-экономических и др. данных выявить коммуникативные и социальные функции языка (языков) в исследуемом сообществе на исследуемой территории.

В разработке социолингвистического портрета города большое внимание уделяется использованию языка (языков) в массовой, публичной, общественной, личной коммуникации, в устной и письменной речи. Значительную роль в исследовании языка города имеют особенности состава населения, что является показателем современных миграционных процессов людей, направлений социальной политики и форм их экономической реализации. В этом аспекте важна демографическая типология городов, их внутреннее территориальное распределение на новые/старые районы с однородным или смешанным населением, особенности социально-экономической сферы и образовательно-профессионального уровня.

Исторический фактор является одним из решающих в проявлении параметров социолингвистического портрета города, так как позволяет проследить диахронический срез языковой ситуации, возникшей на исследуемой территории, определить сильные/слабые позиции языков, используемых теми или иными языковыми сообществами на исследуемой территории в течение длительного времени, установить основные концептуальные параметры, обусловившие проявление современной языковой ситуации.

Характерной особенностью социолингвистических портретов Амвросиевки, Докучаевска, Енакиево, Снежного, Тореза, Шахтерска – городов области является функционирование украинско-русского / русско-украинского билингвизма, что мотивировано комплексом культурно-исторических, социально-экономических и собственно территориально-демографических факторов.

Для осуществления социолингвистического портретирования на территории городов Амвросиевка, Докучаевск, Енакиево, Снежное, Торез, Шахтерск была продумана модель анкетирования, для чего определили степень репрезентативности различных социальных, возрастных групп. Анкетирование и опрос проводились среди учащихся школ и членов трудовых коллективов жителей исследуемых городов с мая по октябрь 2006 года. Для определения статуса украинского/русского языков на территории городов Донецкой области были составлены, напечатаны и распространены анкеты, в которые входили вопросы о степени распространения и использования родного языка жителями области. Каждому опрашиваемому предлагалось заполнить анкету, которая состояла из 24 альтернативным способом составленных вопросов об уровне владения украинским/русским языками и «паспортички» – вопросы о национальности, образовании и характере трудовой деятельности. Количество жителей, которые дали ответы на вопросы, – 7461 человек.

Возраст опрошенных: 10 – 19 лет – 987 чел.; 20 – 29 лет – 1656 чел.; 30 – 39 лет – 1921 чел.; 40 – 49 лет – 1606 чел.; 50 – 59 лет – 915 чел.; 60 – 69 лет – 297 чел.; 70 – 79 лет – 79 чел. Социальный статус: служащие – 3190 чел., рабочие – 2479 чел., крестьяне – 198 чел. Остальные 1594 опрошенных – ученики, студенты.

Особое внимание уделяем языку СМИ на исследуемой территории, потому что именно язык телевидения, радио, периодических изданий формирует языковую компетенцию говорящих, определяет языковые приоритеты в том или ином административно-территориальном образовании.

Изучение социолингвистических проблем телевидения и радио в аспекте соотношения родного и второго языка относится к числу конкретных частных исследований и помогает определить особенности функционирования одного или нескольких языков в условиях двуязычной аудитории. Используя материалы исследования, мы можем так охарактеризовать двуязычную аудиторию телевидения городов Донетчины: под двуязычной аудиторией мы понимаем население, представленное различными национальностями, которые компактно проживают на территории Амвросиевки, Докучаевска, Енакиево, Снежного, Тореза, Шахтерска. Это население обслуживается местными телевизионными компаниями, где работа региональных СМИ осуществляется на русском и украинском языках.

В анкете респондентам было предложено ответить на следующий вопрос: «Какой язык предпочитаете при просмотре телепередач?» Вопрос о выборе языка в средствах массовой коммуникации решается с учетом культурно-исторических, социально-экономических условий и особенностей социально-демографического и социально-лингвистического состава аудитории в каждом отдельном случае (см: [1]). Понятие «выбор языка в сфере массовой коммуникации» имеет два значения: во-первых, это реализация определенной языковой и национальной политики посредством массовой коммуникации; во-вторых, это решение каждого отдельного слушателя или аудитории в целом о том, какому языку отдавать предпочтение при просмотре телепередач [2,

с. 238].

Данные анкетирования свидетельствуют, что русский язык предпочитают во время просмотра телепередач: в Амвросиевке – 1032 чел., в Докучаевске – 831 чел., в Енакиеве – 1089 чел., в Снежном – 1053 чел., в Торезе – 1318 чел., в Шахтерске – 1043 чел. Всего – 6366 респондентов, что составляет 85 % от общего количества опрошенных (7461). Украинский язык предпочитают во время просмотра телепередач: в Амвросиевке – 267 чел., в Докучаевске – 138 чел., в Енакиеве – 147 чел., в Снежном – 234 чел., в Торезе – 63 чел., в Шахтерске – 246 чел. Всего – 1095 респондентов (15% от общего количества опрошенных).

Анализируя ситуацию с печатными средствами массовой информации, следует отметить, что ни в одном из исследуемых городов нет местных периодических печатных изданий на украинском языке. Все газеты на территории исследуемых городов русскоязычные. Украинскоязычные газеты на территории Амвросиевки, Докучаевска, Енакиеве, Снежного, Тореза, Шахтерска являются подписными. Процент респондентов, которые выписывают украинскоязычные печатные периодические издания, составляет 1,78% от общего количества опрошенных [3, с. 77].

Всего на территории Донецкой области на 01.01.2010 года зарегистрировано 1241 периодическое печатное издание местной сферы распространения, из них украинскоязычных – 15 изданий (газеты: «Студентська орбіта», «За передову шахту», «Світло Христове», «Родина», «Запорозька Січ», «Спадщина», «Світлиця», «Новий шлях» и др.), украинско-русских – 103 издания, русско-украинских – 629 изданий, русскоязычных – 277 изданий, с использованием иностранных языков – 197 изданий и 20 – на языках других национальных меньшинств. Таким образом, количество изданий, заявивших о намерении использовать украинский язык, составляет 60%. Стоит отметить, что в период с 1995 г. по 2014 г. количество периодических печатных изданий, употребляющих украинский язык, увеличивалось с каждым годом: если в 1995 году на территории области было зарегистрировано 382 издания, из которых 26% – украинские и украинско-русские, то в 2000 году общее количество областных изданий увеличилось до 707, из которых украинские, украинско-русские, русско-украинские составили 52%, в 2005 году показатель украинских, украинско-русских, русско-украинских изданий увеличился на 6 процентов по сравнению с 2000 годом и составлял 58% от общего количества печатных периодических изданий – 1084.

Информационный показатель социолингвистических портретов городов Донецкой области свидетельствует, что СМИ области в исследуемый период (2006–2010 гг.) были как украинскоязычными, так и русскоязычными.

Литература

1. Дешериев Ю. Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе / Ю. Д. Дешериев. – М. : Наука, 1966. – 402 с.

2. Дешериев Ю. Д. Социолингвистические проблемы функционирования системы массовой коммуникации в СССР / Ю. Д. Дешериев // Язык в развитом социалистическом обществе. – М. : Наука, 1983. – 256 с.

3. Кудрейко І. О. Соціолінгвістичні портрети міст Донеччини : монографія / І. О. Кудрейко. – Донецьк : Вид-во «Ноулідж» (донецьке відділення), 2013. – 174 с. – Бібліогр. : с. 140–166. – 100 пр. – ISBN 978-617-579-783-9.

4. Лабов У. Исследования языка в его социальном контексте / У. Лабов // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1975. – Вып. 7. – С. 199–229.

5. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание / Б. А. Ларин. – М. : Просвещение, 1977. – 223 с.

6. Макдэвид Р. И. мл. Диалектные и социальные различия в городском обществе / Р. И. Макдэвид мл. // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1975. – Вып. 7. Социолингвистика. – С. 362–382.

7. Хаймс Х. Д. Этнография речи / Делл Х. Хаймс // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1975. – Вып. 7. Социолингвистика. – С. 42–96.

ВОСПИТАНИЕ ДУХОВНОГО ЕДИНСТВА И РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Куприна Людмила Васильевна,
учитель русского языка и литературы

Зыкова Юлия Валериевна,
учитель украинского языка и литературы
Комсомольская общеобразовательная школа I–II ст. № 2
управления образования администрации Старобешевского района

*«Слово – дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей,
словом можно и разъединить их, словом служить любви, словом же можно
вражде и ненависти»*

Л. Н. Толстой

Вот сколько великих целей у человеческого языка. Нет более ценной вещи в жизни человека, чем язык. Он не только предмет изучения. Живой язык народа – это величайшее его достояние.

Русский язык – один из самых развитых языков мира. Он богат своим словарным запасом, оттенками слов, мелодичностью, выразительностью. Не один десяток лет лучшие мастера слова: поэты, писатели, лингвисты работали над усовершенствованием нашего языка. Создание бессмертных произведений стало делом жизни А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Н. В. Гоголя, В. И. Даля, В. В. Виноградова, А. М. Пешковского и др. Эти известные всему миру люди посвятили свою жизнь тому, чтобы каждый из живущих стал по-настоящему грамотным, научился ясно и правильно выражать свои мысли, любил свой язык и гордился им.

До сих пор нет единого мнения насчет того, откуда появился язык. Дар ли это Божественный, подарок от космических пришельцев или результат огромного труда и эволюции человека? Ясно только одно: исчезни язык – исчезнут и люди. И сразу вспоминается Робинзон Крузо... Пятница... Остров... и самое главное в жизни на острове – это возможность общаться с себе подобным.

Основная функция языка – информативная. Она вытекает из потребности выражать свои мысли, передавать их кому-либо, ожидать от собеседника взаимопонимания. Мы обмениваемся новостями, предаем свой жизненный опыт, добиваемся своих целей с помощью языка. И мы согласны с мнением Антуана де Сент-Экзюпери, что единственная настоящая роскошь – это роскошь человеческого общения.

Мы постоянно разговариваем с кем-нибудь, сообщая что-либо, или же слушаем других. Мы не представляем современную жизнь без газет, журналов в глянцевых обложках, любимых телепередач. Без языка мы просто не сможем существовать как общество. Во всех случаях устанавливается связь писатель – читатель, ведущий – зритель, герои произведений – читатель. Во всех случаях мы используем родной язык.

Национальный язык – язык, который объединяет исторически сложившийся коллектив людей. Именно язык со всеми его средствами помогает нам ясно, четко формулировать свои мысли, идеи, желания. Мы знаем, что национальный язык – явление непостоянное. Он, как живой организм, живет, развивается, проходя длительный путь.

Развитие национального языка связано с историей народа, с развитием его культуры. Лучшие достижения языка воплощаются в произведениях русской литературы, в результат работы средств массовой информации. Основной задачей всех средств массовой информации, на мой взгляд, является формирование духовной культуры нашего народа – занятие поистине трудоемкое и, вместе с тем, великое. В продукции СМИ отражаются не только природа нашей страны, ее история, жизнь людей в общей массе или же конкретного человека. Отражается вся история духовной жизни народа, его исканий. Хорошее и плохое, правильное и не очень – все это, шаг за шагом, составляет мозаику нашей жизни, след духовной жизни народа, сотканный из живой народной речи.

XXI век – век информации. И не зря бытует мнение «богат тот, кто владеет информацией». Важно, чтобы эта информация была полезной для человека, способствовала возвышению его духовного уровня, объединяла бы народ и народы в единое целое. А не наоборот.

Вершиной любого языка считается по праву чистый и гибкий литературный язык. Все мы помним, как раньше учителя наставляли при изучении языка и литературы: «Литературный язык – это язык мастеров слова, поэтов, писателей, лингвистов, дикторов». Возьмем для примера средства массовой информации.

Культура речи – это умение грамотно, ясно и красиво выражать свои мысли, не прибегая к вульгарным выражениям. И с этим же понятием связывают другое – культуру общения. Так вот, умеют ли всегда средства массовой информации (работники радио, телевидения, журналисты) общаться с нами? Общаться так, чтобы оставаться примером овладения русским языком, быть эталоном русского речевого этикета. «Привет», «пока» – теперь уже стало привычным услышать это с экранов телевизора или от диктора радиопередачи. А ведь еще совсем недавно (в историческом понимании «недавно») – до 80-х гг. XX века как приятно и трепетно звучали слова диктора информационной передачи «Время» – «Добрый вечер, дорогие товарищи», «До свиданья», «До скорой встречи в эфире».

Речевой этикет – это как раз та область человеческой жизни, которая дает начало целой цепочке: «речевой этикет – вежливость – доброжелательность – взаимопонимание – мир». Доброе, хорошее, чистое слово, вежливые отношения с окружающими – это то, чего нам не хватает сейчас, в современном мире.

Вежливость, доброе слово всегда противопоставляются грубости, хамству, высокомерию. Прекрасна пословица «Как аукнется, так и откликнется». Поэтому нам, взрослым, нужно задуматься не только над своими поступками и делами, но и словами, речевым поведением. Задумываться всем: родителям, учителям, работникам радио, телевидения, журналов и газет, интернет-изданий.

Слушая новостные передачи телевидения, радио, просматривая информацию интернет-сайтов, мы понимаем, что сейчас, в пору великих геополитических свершений, в период военных действий, мы становимся свидетелями самой настоящей информационной войны. Разговорные термины «сепары», «ватники», «колорады», «нацики», «укропы» стали такими привычными, что даже дети младшего возраста употребляют в своей речи эти слова. А ведь мы сейчас не задумываемся, что закладывается «семя» для речевого общения целых поколений. Души отравлены неправильными словами, неправильным поведением.

Нельзя уступать своей идеологии пред чужой, нельзя навязывать кому-то свое мнение, свой язык. Но всегда нужно помнить: общение – это духовное обогащение. И чем мы обогатим наши души и души наших детей – задумываться очень важно.

«По отношению каждого человека к своему языку можно совершенно точно судить не только о его культурном уровне, но и о гражданской ценности», – утверждал писатель К. Г. Паустовский. О формировании какой гражданской ценности можно говорить после просмотра сериалов «Виталька» или «Счастливы вместе»? не берусь судить точно, поскольку не являюсь поклонником этих сериалов, но, по-моему, их юмор глуп, упрощен и может способствовать только развитию глупости и низменных человеческих потребностей.

К нашей общей радости, телевизионные каналы «Оплот», «Новороссия» сейчас стали показывать старые художественные фильмы времен СССР – «Девчата», «Весна на Заречной улице» и др.

Добрые, чистые, хорошие впечатления оставляют они в душе зрителей. Способствуют формированию высоконравственных порывов. И разве это плохо, что человек не смотрит каждый час фильм об убийстве, погоне, драке, изнасиловании. Это значит, что человек, периодически смотрящий такие фильмы, узнает, что в жизни есть не только определенные рамки и нормы поведения, что можно убить, отнять, заставить. А есть жизнь, где нужно задуматься прежде, чем что-то совершить; уметь сострадать, помогать, дружить, любить и т.д.

Нам всем нужно понять, что мы такие, какие есть, со своими традициями, обрядами, привычками. Каждому народу полезно обогащаться опытом другого народа, его культурой. Но при этом не потерять себя, гордиться своей страной, народом, языком, культурой.

Приятно и полезно посмотреть путешествия Михаила Кожухова («В поисках приключений»), телепередачу «Орел и решка», «Самый умный». Подлинно выразительная, ясная речь ведущих, умение активно пользоваться своим словарным запасом располагает зрителя, и вот уже мы проникаемся симпатией и к ведущим, и к тому, что нам предлагают посмотреть. Я думаю, чтобы заинтересовать зрителя, команде этих людей нужно было много работать, задумываясь не только над сюжетом, но и над речевым сопровождением программы. Подумать, уместны ли будут просторечные слова, жаргонизмы, стрелы иронии.

Хочется особо остановиться на мультипликационной продукции для наших детей. Чистые, светлые мультфильмы вроде «Просто так», «Трое из Простоквашино» производства времен СССР не противоречат великим целям формирования разносторонне развитой личности. Доброту, искренность, умение и желание помочь другому, сострадание, трудолюбие, желание делать приятное людям просто так, без всякой корысти – вот что воспитывают эти мультфильмы в душах наших детей.

Нужно быть очень ответственными в вопросе выбора телепродукции нашим родителям. Что смотрит ваш ребенок? На кого похожи герои мультфильмов иностранного происхождения? О чем они говорят с экранов? И каким станет ваш ребенок, когда вырастет, если он будет помнить «такие мультики»?

Мультипликационные фильмы «Фиксики», «Уроки тетушки Совы» поучительны. Они повышают не только объем знаний вашего ребенка, но и его словарный запас. Учат вежливости, добрососедским отношениям, трудолюбию и т.д.

Каким должен быть язык, много говорили еще со времен А. С. Пушкина. А вот какой мы бы хотели видеть работу средств массовой информации? Наверное, прежде всего, работа всех видов СМИ должна быть направлена на формирование духовного единства нашего народа, на воспитание любви к своему народу, гордости за свою страну. Информация, предлагаемая всем нам, должна быть правдивой, чистой, не лишенной здравого смысла. Речевая культура дикторов, журналистов, блогеров – соответствовать нормам русского

литературного языка и быть образцом для подражания нашему молодому поколению.

Литература

1. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. – Т. 43. – Ч 1. На каждый день (1906–1910). – М. – Ленинград, 1929. – С. 44.
2. Антуан де Сент-Экзюпери. Земля людей. Режим доступа : <http://www.proza.ru/2013/09/13/265>

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ В РЕПОРТАЖНЫХ ТЕКСТАХ

Назар Роман Николаевич,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

Информационно-аналитическая разновидность текста объединяет черты официально-информационного, информационно-делового стилей с научным. Информационно-аналитические тексты адресованы читателю-неспециалисту, который осмысливает закономерности современной общественной жизни в специальных сферах. Эта разновидность аналитико-публицистической функции реализуется в жанрах заметки, статьи, рецензии и др., где обобщенный фактологический материал, учитывая реалии сегодняшнего дня, испытывает аналитическую коррекцию.

Для газетно-научной разновидности публицистических текстов характерно объединение собственно научного и популяризаторского в содержании при доминировании научного. Подтип встречается в статье, заметке, хронике, обзоре, интервью, репортаже и т.п. Для разновидности аналитического подтипа характерна специальная терминология, средства речевой экспрессии и др.

Репортаж – жанр газетно-журнальной публицистики; информация, сообщение, рассказ о текущих событиях, которые публикуются в периодической печати или транслируются по радио и телевидению.

К важным характеристикам репортажа принадлежит документализм изображения действительности. В современном репортаже успешно могут объединяться как информационные, так и художественно-публицистические начала.

В зависимости от предметно-тематического содержания разные исследователи разделяют репортаж на *событийный, актуальный, тематическо-познавательный, постановочный, специальный, проблемный, исследовательский.*

Ораторский подстиль также выполняет агитационно-пропагандистскую функцию, но в форме публичной речи, которая воплощается в письменной и устной форме. Устная форма реализуется в таких речевых жанрах: доклад на общественно-политическую тему, доклад-отчет (на конференциях, съездах, форумах), политическая речь, дипломатическая речь, речь на митинге, агитационная речь, речь на юбилее, траурная речь и т.п.

Силу эмоционального влияния публичного слова определяют не только объектом и ситуацией выступления, но и тем, кто и как говорит. Описанные речевые жанры ораторского подстиля имеют свои специфические композиционные и языковые особенности, которые в объединении с общими признаками публицистического красноречия образуют некоторые канонизированные характеристики стиля публичных выступлений.

Нужно обратить внимание на языковые особенности ораторского искусства. Как разновидность литературно-письменной речи оно сохраняет особенности письменной речи, а именно: развернутые синтаксические структуры, распространенные словосочетания, синтаксические параллелизмы, лексические повторы и др. Однако языку публичных выступлений присущи особенности устной речи, в частности короткие и эллиптические предложения, разговорные слова, повороты и др. Кроме того, для красноречия характерна эмоциональность, которая определяется содержанием выступления. Ораторская речь бывает уверенной и страстной, праздничной и пафосной, деловой и суховатой, теплой и мягкой, грубой и крикливой, меланхолической, монотонной, казенной или канцелярской.

Для публичной речи важны приемы стилистического синтаксиса, так называемые речевые фигуры, которые помогают достичь экспрессивности и динамичности высказывания. Например, по мнению исследователей, фигуры повтора слова, словосочетания или предложения помогают обратить внимание слушателей, подчеркнуть значимость того, что повтор выражает. Стилистический прием повтора союзов перед однородными членами предложения предоставляет фразе особого интонационного ритма, логически акцентирует внимание на объединяемых словах. Кроме экспрессивной функции, повтор в публичном выступлении выполняет задачи логико-смыслового подчеркивания, облегчает восприятие на слух продолжительного фрагмента речи, разбивая его на отдельные части и выделяя определенную мысль.

Большую экспрессивную силу имеет прием градации, то есть расположение слов и словосочетаний путем увеличения их содержательной и экспрессивно-эмоциональной значимости. Вместе с тем для выделения и акцентирования тех или иных слов или словосочетаний сознательно используют нарушение обычного порядка слов в предложении, в частности инверсию, антитезу, риторический вопрос, структуру высказывания в форме вопрос-ответ.

Чтобы привлечь внимание аудитории к определенной идее, в публичные выступления вводят прямую речь, эмоциональные восклицания и т. п. Такой

стилистический прием в речи как разговорность направлена на привлечение аудитории к квазидialogу с оратором, активизацию слушателей и др. Разговорность оказывается в простоте построения фразы, отходе от определенных грамматических норм, использовании разговорной лексики и фразеологии.

Исследуя некоторые аспекты теории речевых актов, в частности, репортажа, мы приходим к понятию прагматики. *Прагматика* – это измерение формирования речевых высказываний, определяемое функциональными особенностями партнеров в речевом акте, например, коммуникативными интенциями говорящего и характером речевых средств, которые он использует, а также самой ситуацией общения. Одним из основных вопросов прагматики, точнее прагматической семантики, является установление смысла разного рода языковых единиц в соответствующих условиях их употребления.

В речи важным средством усиления публичного слова является интонация, которая предоставляет стилистическому приему необходимого динамизма, усиливает выразительность и т. п. Остроумие помогает установить контакт с аудиторией, восстановить внимание, раскритиковать оппонента, используя юмор, сатиру, иронию, сарказм.

С прагматической точки зрения, основными стилистическими качествами публичной речи является правильность, богатство языка, сжатость, ясность, точность, эмоциональность, целесообразность. Среди стилистических средств выразительности используют тропы, гиперболы, аллегории, эвфемизмы, пословицы, поговорки, крылатые слова, цитаты, термины, профессионализмы, жаргонизмы и т. п.

Термин – это языковой знак, который обозначает специальное понятие в системе понятий; слово или словосочетание, которое обозначает понятие определенной отрасли знаний или деятельности человека. Термины бывают общенаучные, междотраслевые, узкоспециальные. Термины являются отличительной характеристикой научного стиля речи, хотя могут употребляться и в других стилях, например, публицистическом.

Нами были проанализированы репортажные тексты, размещенные в «Российской газете» (www.rg.ru, ноябрь 2015 г.), на количественное употребление терминологии.

Так, было выявлено употребление экономических, технических, механических, общенаучных терминов и терминологических словосочетаний.

Например, наиболее употребительными в репортаже экономическими терминами являются: *аудит и его производные* (5629); *экономика* (265 тыс.); *рубль* (260 тыс.); *банк* (155 тыс.); *основные фонды* (99 тыс.); *налоги* (94 тыс.); *долги* (77 тыс.); *кредит* (52 тыс.); *офис* (25 тыс.); *коллектор* (23 тыс.); *баланс* (17 тыс.); *экономический анализ* (13 тыс.), а *экономическая теория* (3158); *бухгалтер* (10 тыс.); *оборотные средства* (3850); *дебет* (414); *деньги* (175), а *делать деньги* (41 тыс.).

Техническая терминология: *автомобиль* (261 тыс.); *дом* (234 тыс.); *дорога* (118 тыс.); *строительство* (88 тыс.); *транспорт* (61 тыс.); *здание* (57

тыс.); мост (25 тыс.); сооружение (23 тыс.); дверь (23 тыс.); колонна (17 тыс.); магистраль (11 тыс.); кадастр (5479); аккумулятор (5011); тормоз (4988); бетон (3735); балка (1505); землеустройство (1223); геодезия (1045); лоджия (693); смазка (588); стропила (98); бетоносмеситель (23).

Общенаучная и межотраслевая терминологии: площадь (72 тыс.); тонна (49 тыс.); компьютер (25 тыс.); угол (16 тыс.); ручка (8033); линейка (6115); треугольник (2097); шприц (1419); геометрия (1140); поршень (163).

Также нами были выделены профессионализмы, сленговая и жаргонная лексика: винда (11 тыс.); мышка (1450); бакс (523); стричь купоны (151); бабло (147), а рубить бабло (6); клавиша (38); сервак (1).

Таким образом, проанализировав репортажные тексты с прагматической точки зрения, можно сделать вывод, что для достижения поставленных целей автор может использовать различные виды терминологии, профессионализмы и сленговую и жаргонную лексику, которые в контексте могут придавать экспрессии репортажу.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. и др. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – С. 3–47.
2. Богданов В. В. Лингвистическая прагматика и её прикладные аспекты / В. В. Богданов // Прикладное языкознание. – СПб, 1996. – С. 268–275.
3. Назар Р. М. Репортажный текст : структура, семантика : монографія / Р. М. Назар / За наук. ред. канд. філол. наук, доцента М. О. Вінтоніва. – Донецьк : Світ книги, 2012. – 156 с.
4. Российская газета: [Электронный ресурс]. URL: www.rg.ru. (Дата обращения: 06.10.2015–10.11.2015).

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ» ГРУППЫ «ЛУГАНСК – НАШ ГОРОД!»)

Санченко Евгения Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой теории и практики перевода

Некрутенко Елена Борисовна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры теории и практики перевода

Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

В современной лингвистике все большее значение приобретает теория Интернет-дискурса. Каждодневное столкновение различных культур, обычаев, религий, традиций, языков – привычный и даже обыденный портрет современного Интернет-дискурса социальной сети. Общение – взаимодействия и взаимоотношения, возникающие между различными субъектами: между отдельными личностями, личностью и группой, личностью и обществом, группой (группами) и обществом [1, с. 157]. Дискурс социален по своей природе, поскольку в рамках любой коммуникативной ситуации происходит общение, в котором каждый из коммуникантов имеет определенный социальный статус.

Виртуальная коммуникация обладает определенной спецификой, радикально отличающей ее от общения в физическом мире. Формы общения в Интернете многообразны. Существует целый ряд параметров, обусловленных сетевой средой, которые должны быть учтены в процессе киберобщения. Успешность коммуникации, доведение информации до сознания адресатов, установление контакта в целях достижения общности на когнитивном уровне между пользователями во многом зависит от специфической формализации языковых средств, а также от соответствующего расположения знаков и знаковых структур.

Целью статьи является анализ особенностей Интернет-дискурса социальной сети «ВКонтакте» (группы «Луганск – наш город!»).

Результаты исследования показали, что структура группы похожа на структуру аккаунта, она содержит аватар, информацию о группе, статус, стену, список участников группы, аудио- и видеозаписи и фотоальбомы, а также механизм «Обсуждения», действующий по принципу форума, т.е. дающий возможность обсуждать какой-либо вопрос или тему.

Публичное общение в социальной сети «ВКонтакте» может проходить параллельно в нескольких жанрах. Прежде всего, для публичного высказывания используется «стена» – инструмент социальной сети, работающий по примеру *микроблога*. То есть пользователь аккаунта располагает *на стене* текстовую, аудио- или видеозапись, которую могут

видеть и комментировать другие пользователи. Такие записи, так называемые «*посты*», могут использоваться для выражения настроения владельца аккаунта, для обращения к Интернет-общественности (с целью рассмешить, привлечь внимание на какие-либо проблемы, дать совет и т.д.), также они могут быть опубликованы в форме опроса (как анонимного, так и открытого) с целью изучения проблемы, волнующей владельца аккаунта. Специфика коммуникации данного жанра проявляется в возможности комментирования и добавления аудио- и видео-ответов к посту, а также характеризуется возможностью участия в публичных опросах. Кроме того, записи на «*стене*» может оставлять не только владелец аккаунта, но и другие пользователи. То есть данный инструмент, в отличие от блога, позволяет организовать многостороннее общение пользователей.

Другим вариантом публичного общения в социальной сети «ВКонтакте» выступает общение в различных сообществах и группах по интересам и темам. Участие в группе предполагает возможность ознакомления с контентом, его комментирования, участия в различных опросах и обсуждениях. К примеру, если группа посвящена теме «*Фотография*», на «*стене*» может быть расположена различная информация о фототехнике, о возможности использования разнообразных программ для обработки фотографий, и другие материалы, которые могут быть полезны для фотографов. В фотоальбоме подобной группы будут расположены примеры фотографий на различные темы, а в видеозаписях могут находиться видеоуроки для начинающих фотографов. В разделе «*Обсуждения*» участники группы могут поднимать интересующие их темы для обсуждения с другими участниками. Кроме того, социальная сеть «ВКонтакте» с помощью функции «*Встреча*» дает возможность своим участникам перевести виртуальное общение в реальное. Чтобы договориться с другими пользователями социальной сети о встрече, «ВКонтакте» можно создать специальную страницу, которая поможет договориться обо всех деталях предстоящего собрания. Еще одна функция «ВКонтакте», направленная на публичное общение, – это *Лента новостей*, которая позволяет отслеживать активность «*Друзей*» и сообществ, в которых состоит пользователь.

Важным аспектом социальной сети «ВКонтакте» можно считать способ коммуникативной самопрезентации пользователя. При регистрации в социальной сети, владелец аккаунта создает *профиль* с информацией о себе. Сайт «ВКонтакте» предлагает готовую форму, в которую необходимо вписать данные о дате рождения, месте проживания, знании языков, семейном положении, образовании, политических и религиозных предпочтениях, любимых книгах, фильмах, телепередачах, цитатах, а также графу «*О себе*», где пользователь в свободной форме располагает информацию о себе, которую, он готов предоставить для публичного доступа.

Приватное общение в социальной сети «ВКонтакте» заключается в обмене сообщениями, функции которых позволяют пользователям не только общаться, используя текст, но также обмениваться различного рода информацией в форме аудио- и видеозаписей, текстовых и графических документов, а также общаться

в режиме реального времени через веб-камеру. Таким образом, приватное общение в социальной сети «ВКонтакте» дает возможность сосуществования устной и письменной речи.

Важной характеристикой социальных сетей является то, что практически весь контент сайта создается непосредственно пользователями, что позволяет исследовать их с точки зрения виртуальной языковой личности или социолингвистического типажа. Нам не встретились работы такой направленности, хотя, уверены, исследование социолингвистического типажа и описание виртуальной языковой личности в различных жанрах и видах интернет-коммуникации представляет большой интерес для современной науки.

Следует отметить, что большая часть дефиниций, использующихся в сети «ВКонтакте», представляют собой лексемы в переносном значении из русского (*стена, профиль, страница, друзья, мероприятие, встреча* и т.д.) и английского языков (*лайк, пост, репост, аватар*). Это является свидетельством того, что инструменты сайта социальной сети «ВКонтакте» построены по аналогии с реалиями современной действительности, а также того, что английский язык играет ведущую роль в формировании терминологии интернет-дискурса, что уже неоднократно отмечалось во многих лингвистических исследованиях. К примеру, *Стена* «ВКонтакте» предназначена для расположения на ней постов, записей, изображений, по аналогии с реальной стеной, на которой можно оставить граффити. *Страница* «ВКонтакте» создана по аналогии со страницей из какого-либо портфолио или досье, в котором представлена основная информация о человеке и т.д.

Особенности социальной сети «ВКонтакте» обусловлены специфическими чертами современной сферы киберкоммуникации, в числе которых можно отметить следующие:

1. Антропоцентричность. Любая обсуждаемая проблема рассматривается сквозь призму человека. Например, среди ключевых тем для обсуждения в группе «Луганск – наш город!» можно выделить следующие: «*Текущая ситуация в Луганске!!!*»; «*Куплю-продам*»; «*Хочу помочь (волонтерство)*»; «*Пропал человек!*»; «*SOS! Крик о помощи!*»; «*Работа мобильных операторов в Луганске!*» и т. д.

2. Включенность в социальную деятельность. Участников группы «Луганск – наш город!» социальной сети «ВКонтакте» объединяет тема проживания в Луганске.

3. Преимущественно статусное равноправие участников. Но чрезвычайно актуальной для современного общения является проблема натиска вербальной агрессии. В борьбе с ее проявлениями (как в виде откровенного сквернословия, использования личных оскорблений, так посредством наиболее изощренных технических способов – флейда, флуда, спама как способов навязывания пользователю нерелевантной для него информации) предпринимаются определенные меры (в чатах за порядком следят модераторы; существуют санкции за нарушение правил форума в виде банов – частичных или полных

запретов на участие). Например, администратор группы «Луганск – наш город!» социальной сети «ВКонтакте» строго следит за лексикой и предупреждает участников обсуждений: *«Все комментарии с матом и ссылками автоматически удаляются. Усовершенствовали антиспамер:-)!»*, *«За комментарии не по делу БАН»*.

4. Речевая однородность. В интернет-сообществах, где люди объединены общим опытом и интересами, важно не столько название предмета, о котором идет речь, сколько его характеристика и оценка, т.е. новая информация. Таким образом, члены таких групп обладают общим лексическим опытом и тезаурусом. Например, часто в обсуждениях группы «Луганск – наш город!» имеются фразы: *«Кто из Луганска, тот поймет»*, *«Сразу видно, что ты не из Луганска»* и подобные.

5. Возможность конструирования виртуального образа в процессе самопрезентации каждого из участников веб-общения. Зачастую пользователи презентуют себя с иной стороны, чем в условиях реальной социальной нормы. Ролевое поведение позволяет переносить на виртуального двойника «нереальные» качества, «проигрывать» их.

Одним из средств самовыражения в Интернет-коммуникации является выбор «ника» (от англ. nickname) – своеобразного «виртуального имени», в которое человек старается вложить как можно больше смысла и индивидуальности. Например, среди пользователей группы «Луганск – наш город!» социальной сети «ВКонтакте» чаще можно встретить фамилию и имя (по сравнению с социальной сетью «Одноклассники», в которой пользователи нередко регистрируются под специфическими псевдонимами), хотя необычные ники тоже присутствуют: *«Позитивный Котов»*, *«Andrew Crazy»*, *«Mr Right»*, *«Ыы Ыы»*, *«Тотту Малыш»*, *«Женя Женьчка»*, *«Вера Спасибо»* и т. д.

6. Отсутствие невербальных компонентов общения. Интернет-общение, по преимуществу своему личное и неофициальное, ограничено по форме передачи информации (только в виде печатного текста). Все составляющие поведения человека в сети Интернет вольно или невольно приобретают вербальное измерение. Коммуникация в форме письменного текста задает вариативность и наибольшую субъективность интерпретаций высказываний собеседника. Например, для передачи важности и вопросительного тона пользователь использует повтор вопросительного знака: *«Что со связью МТС в Луганске?????????»*. А неуважительный тон собеседника приходится корректировать не криком, а словами: *«Ирина, давайте не будем в Гугл отправлять, сказала, будь добра обоснуй с ссылкой на действующее законодательство»*.

7. Возможность вступать в коммуникацию как с одним, так и со множеством адресатов (пользователей Интернет) одновременно (в режиме on-line). С этих позиций интернет-общение можно считать разновидностью массовой коммуникации как одной из самых распространенных на сегодня форм бытования национального языка, а тексты современной киберкоммуникации можно причислить к разряду медиатекстов. Отсюда –

тенденция к «смещению» жанров и образованию синтетичных форм киберкоммуникации.

8. Политематичность. Тематическая неограниченность сферы общения, позволяющая обсуждать в группе «Луганск – наш город!» темы личного и бытового характера, общественной жизни, науки, политики, культуры и т.д. Например, администратор группы активно приглашает создавать актуальные темы для обсуждения: *«Если хотите новую полезную тему, пишите ее название в комментариях»*.

Таким образом, социальная сеть «ВКонтакте» имеет достаточно сложную многоуровневую структуру, позволяющую пользователям интернета осуществлять коммуникацию как на межличностном, так и на публичном уровнях. Специфическими чертами современной киберкоммуникации в группе «Луганск – наш город!» социальной сети «ВКонтакте» являются антропоцентричность, включенность в социальную деятельность, диалогичность, особый характер авторства, совмещение личности коллективного автора – читателя, наличие категории авторизации с четко выраженным субъектом, особое представление об объекте изображения, снятие временных и пространственных ограничений, преимущественно статусное равноправие участников, речевая однородность, неограниченность в выборе языковых средств, фактор физической непредставленности субъектов общения (анонимности), возможность конструирования виртуального образа в процессе самопрезентации, отсутствие невербальных компонентов общения, возможность вступать в коммуникацию с одним / со множеством адресатов и политематичность.

Литература

1. Лунева О. В. Общение / О. В. Лунева // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 4. – С. 157–159.

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Соболева Ирина Александровна

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой русского языкознания
и коммуникативных технологий

Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

Для динамично развивающейся дискурсологии важно уяснение характера и особенностей комбинаторики вербальных и невербальных компонентов, составляющих то, что в русском языкознании называют языковой личностью. Современная дискурсология позволяет сфокусировать внимание на структуре и поведении языковой личности, расширяя поле наблюдений и рефлексий, корректируя и дополняя модель, предложенную Ю. Н. Карауловым [5].

Языковую личность можно рассматривать с позиций различных научных знаний и выделять при этом в ней различные страты и аспекты для изучения. В. И. Карасик выделяет пять аспектов в речевой организации человека: языковую способность, коммуникативную потребность, коммуникативную компетенцию, языковое сознание и речевое поведение [4, с. 24–25]. Лингвистику интересует прежде всего речевое поведение, дискурсологию – сложный комплекс всех этих аспектов, определяющих индивидуальное и коллективное когнитивное пространство личности.

Цель статьи – рассмотреть различные современные подходы в изучении языковой личности с позиций дискурсологии.

В. И. Карасик считает, что типология языковых личностей может строиться на различных основаниях. С позиций этнокультурной лингвистики можно выделить типы носителей базовой и маргинальной культур для соответствующего общества. Здесь действует оппозиция «свой – чужой». С позиций психолингвистики уместно противопоставить типы личностей, выделяемые в психологии, и рассмотреть языковые и речевые способы проявления соответствующих личностей. С позиций социокультурной лингвистики выделяются типы языковых личностей по объективным статусным признакам – возраст, пол, уровень образования, стиль жизни и т.д. [4, с. 25–26].

Одним из возможных подходов к изучению языковой личности может быть выделение релевантных признаков модельной личности, т.е. типичного представителя определенной этносоциальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводам ценностной ориентации. Такая модельная личность представляет собой прототипный образ, считает В. И. Карасик.

Соглашаясь с этим подходом в целом, считаем нужным заметить, что такие прототипные модели будут представлять собой условные, зыбкие и схематичные построения языковых личностей. К примеру, список социальных типов, предлагаемый В. И. Карасиком, – «Братан», «Новый русский»,

«Телевизионный ведущий» — сложным образом взаимодействуют и проявляются в современном медиаполитическом дискурсе в рамках и границах одной языковой личности. То есть политический дискурс и языковые личности, его представляющие, демонстрируют и элементы тюремного жаргона (*разборки, наезд, крышевать, мочить, кидать* и т.д.), и элементы поведения элитарной языковой личности (этикетность, образность, ироничность и т.д.).

Таким же условным и даже далеким от современных реалий можно считать и прототип «Русского интеллигента», предложенный в свое время Л. П. Крысиным. Он считает, что одним из речевых маркеров речевого поведения интеллигента является употребление слов *«отнюдь, волнительный, несомненно, жаль, вне всяких сомнений, весьма»* и, наоборот, неупотребление слов *«подвижка, конкретика»* и др. [6]. Современная дискурсивная практика показывает, что языковая личность демонстрирует гетерогенный тип речевого поведения в разных речевых ситуациях, претендует на исключительность и индивидуальность, независимо от того, к какому социальному статусу относится и какие ценности исповедует. Видимо, чрезвычайно частотное количество так называемых смешанных, гибридных языковых личностей, представляющих сложное хитросплетение черт речевого поведения «Братана» и «Телевизионного ведущего» в современном медиадискурсе, подтверждают это наблюдение.

Хотя, безусловно, любая языковая личность представляет собой некие алгоритмы стереотипных моделей поведения. Т. М. Николаева выделяет три вида стереотипов в речевом поведении: 1) речевой стереотип — отрезок высказывания, включенный в контекст, представленный «свободными» компонентами высказывания, т.е. это — чужая речь в речи говорящего; 2) коммуникативный стереотип — в одних и тех же ситуациях употребляются одни и те же обороты, клише, т.е. это — этикетные формулы, клишированные обороты делового общения и т.д.; 3) ментальный стереотип — стремление мыслить дуальными или градуальными категориями, т.е. это — определенные установки и привычные реакции, облекаемые в языковую и неязыковую форму и характеризующие языковую личность [8, с. 162–178].

Е. А. Ничипорович считает важным не анализ свойств языковой личности как некоторой отдельности, а анализ модусов ее вербального и невербального существования в виде микросоюзов (микротолп) с тем или иным периодом распада и рассматривает языковую личность как непременно существующую в открытом дискурсивном эпизоде или, иными словами, в таком хронотопе, в котором отсутствуют строгие ограничения на использование макроэтикетного и тематического кодекса, характерного для русского общения. Словом, Е. А. Ничипорович стремится не только описать привычки кооперативной языковой личности, но и выявить глубинные установки (кооперационные архетипы), способные проанализировать не только вербальные манифестации кооперативной личности, но и описать ее социально-психологический образ [9].

Полагаем, перспективным для изучения языковой личности в медиаполитическом дискурсе является понятие «имплантации» — встройки

инородных языковых элементов, превращающих канонизированную вербальную среду в неканонизированную среду. Эти «имплантации» позволяют выстраивать модель дискурсивного поведения языковой личности, наблюдать за тем, как такие языковые средства перестают быть инородными в структуре дискурса данной личности. Показательно, что использование таких «имплантантов» в медиаполитическом дискурсе (и не только в нем) часто приводит к различным речевым эффектам – юмору, иронии, сарказму, сатире и т.д. То есть тому, что порождает смех или улыбку (внешнюю или внутреннюю). Иными словами, существует нечто, что вслед за В. Л. Вартаняном следует назвать момистическим, некоторым соотношением вербального и невербального, переходом одного в другое в дискурсивной деятельности языковой личности [1]. М. А. Кулинич в свою очередь предлагает систематизированно и обобщенно рассматривать те модусы человеческого поведения, над которыми смеются люди [7]. Это, на наш взгляд, позволило бы вплотную подойти к созданию этномомистического портрета современной языковой личности и описать дискурсивные механизмы, порождающие комизм в широком смысле – дискурсивные характеристики как адресанта (так называемых «мишеней для шуток»), так и адресата («стрелков по мишеням») и качества, ценности речи («берущиеся на мушку»).

Понятно, что момистический портрет современной языковой личности неразрывно связан с ментальными и этнонациональными особенностями. Такой портрет рисует и М. А. Кулинич, перечисляя ценности англичан и американцев, свидетельствующие о противоречивой этнической психологии тех, кто говорит почти на одном языке. Интерес, на наш взгляд, представляет и корпус таких русскоязычных момистических дискурсов. Вот, к примеру, один из них, рассказывающий о командировке английского профессора-слависта в современную Россию и отражающий этнонациональную специфику и такого дискурса, и дискурсивных личностей: *«На обратном пути нашу машину «Жигули – 2105» остановил офицер ГИБДД. Проверив мои водительские документы и убедившись, что от меня не пахнет алкоголем, он сказал сидевшему рядом со мной профессору Роберту Портеру: – Что-то мне ваше лицо знакомо, это не у вас я на прошлой неделе права отобрал за пьянку? – Я профессор славистики из города Глазго, Великобритания, – гордо выпрямился англичанин. – Одно другому не мешает, – мудро заметил гаишник и пожелал нам счастливого пути неизвестно куда, не взяв с нас за это ни копейки денег»* (Огонек, № 7, 2014).

Продуктивность использования понятия «имплантации» в характеристике языковой личности, предложенного Е. А. Ничипорович, подтверждается, на наш взгляд, и результатами работы С. Г. Васильевой, хотя она и не использует этот термин [2]. Основная цель ее работы – выявить формы разноязычия в этнически гетерогенном лингвокультурном сообществе, преимущественно обращая внимание на устно-непринужденные формы функционирования речи. С. Г. Васильева оспаривает корректность использования понятия билингвизма для осмысления речевых событий, происходящих в таком сообществе. Более

эвристичным и соответствующим языковым реалиям будет по ее мнению «подслушивающая лингвистика» и метаполевой дискурсивный анализ, опирающийся на факты спонтанной речи и письменных источников.

Вполне возможно, что «подслушивающая лингвистика», или «дискурсология вслушивания», или даже «вживания»», что, на наш взгляд, точнее и корректнее по номинированию, станет важным методологическим инструментом при изучении современной дискурсивной личности. Эта методика должна быть направлена на изучение вербального поведения личности с позиций внутрисубъектного разноязычия как целостного метаобразования. В одних случаях (по отношению к одним языковым личностям) мы можем говорить о фактах речевой мутации (интерференции и интеркаляции), когда иноязычные вкрапления мигрируют из Языка ₁ в Язык ₂, или из Языка ₂ в Язык ₁ (интеркаляция). Такие процессы чрезвычайно актуальны для речевого поведения современных граждан Украины и, безусловно, должны быть учтены при анализе или паспортизации таких языковых личностей.

Однако больший интерес, на наш взгляд, представляют другие формы внутрисубъектного разноязычия или диглоссии, когда языковая личность демонстрирует такой тип языкового поведения, который диссонирует с ее социальным статусом, возрастом, уровнем образования, половой принадлежностью и т.д. Самый очевидный пример такого внутрисубъектного разноязычия – широкое использование жаргонных средств в медиаполитическом дискурсе [10].

По мнению С. Г. Васильевой, существует внутрисубъектное пространство носителя языка и внутрисубъектный образ как единство формы и содержания языкового знака. Это разнопорядковые величины, но не антагонисты. Внутрисубъектное разноязычие – это совокупность ядерных типовых, периферийных типовых и нулевых коммуникативных ситуаций. Безусловно, изучение таких коммуникативных ситуаций, их дискурсивный анализ дадут развернутую характеристику отдельной языковой личности, позволят найти ключ к ее дискурсивному поведению.

Если считать, что понятие имплантации речи (Е. А. Ничипорович) и понятие внутрисубъектного разноязычия (С. Г. Васильева), а также понятие смешанной речи и внутренней интерференции указывают на нечто общее в современном дискурсивном поведении, то все они в совокупности представляют большой интерес для дискурсивного анализа как типологизированных кооперативных личностей, так и реальных, конкретных дискурсивных личностей.

При анализе этих дискурсивных явлений в структуре языковой личности нельзя, конечно же, ограничиваться исключительно лингвистическими процедурами. Особую важность приобретает когнитивный, культурологический, психологический и иной инструментарий. Так, Д. Б. Гудков считает, что природу наших вербальных и невербальных поступков предопределяют мемы или культурные гены. Он предлагает свою версию системы культурных генов – прецедентных феноменов как

лингвокультурологических общностей, проявляющихся в различных формах поведения языковой личности [3].

Интересен также такой подход в выявлении составляющих кооперативной дискурсивной личности, как типологизация их на Лидеров и Исполнителей. При этом под Лидером мы понимаем личность с объемным разнообразным коммуникативным полем и регистрами речи, а под Исполнителем – личность со сфокусированным полем коммуникативной речи. Лидер предлагает выбрать, а Исполнитель предлагает выбрать из выбранного, из тех языковых средств, фокуситивов, которые употребляет и рекомендует Лидер.

В высшей степени многообещающими для исследования дискурсивной личности будут и факты, свидетельствующие о конфликтности или бесконфликтности дискурсивного поведения. В частности, наличие в речи разного рода инвективов, обеспечивающих наличие агрессивности и пейоративности в вербальном поведении.

Одним словом, современная лингвистика предлагает множество подходов и параметров в описании современной языковой личности, представляющей собой многомерное образование. Данная статья, конечно же, не претендует на сколько-нибудь полное отражение научных позиций по этому вопросу. Совершенно ясно, что понятие структуры языковой личности по Ю. Н. Караулову остается как данность. То есть представление о языковой личности, реализующейся через свои вербализмы, существующей лишь в языке и с помощью языка же стремящейся вписаться в правила бытия в его письменной или устной форме, продолжает оставаться базовым. В дополнение к этим параметрам рассмотрения языковой личности следует добавить наблюдения за вариациями или смещениями в вербальном каноне, за реализациями его в пространстве и времени дискурсивного общения-поведения.

Таким образом, дискурс позволяет описывать не столько языковую (речевую) личность, сколько личность дискурсивно-семиотическую, что на наш взгляд, дает более многомерное представление о многообразии форм ее существования.

Литература

1. Вартанян В. Л. Фрагменты психолингвистической теории юмора: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 13.01.01. «Русский язык» / В. Л. Вартанян. – Москва, 1994. – 20 с.
2. Васильева С. Г. Разноязычие (смешанная речь) и типология билингвизма личности: автореф. дис. на соискание учен. степени докт. филол. наук : спец.: 13.01.01 «Русский язык» / С. Г. Васильева. – Москва, 1999. – 26 с.
3. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: автореф. дис. на соискание учен. степени докт. филол. наук : спец. 13.01.01 «Русский язык» / Д. Б. Гудков. – Москва, 2000. – 30 с.

4. Карасик В. И. Речевое поведение и типы языковых личностей / В. И. Карасик // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс. Сборник научных трудов / Под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной. – М. : Азбуковник, 2003. – С. 24–46.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
6. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 90–107.
7. Кулинич М. А. Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора: автореф. дис. на соискание учен. степени докт. культур. наук : спец. 24.00.04 «Прикладная культурология» / М. А. Кулинич. – Москва, 2000. – 25 с.
8. Николаева Т. М. От звука к тексту / Т. М. Николаева. — М. : Школа «Языки русской культуры», 2000. – 680 с.
9. Ничипорович Е. А. Кооперативная языковая личность в открытом коммуникативном эпизоде: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 13.01.01. «Русский язык» / Е. А. Ничипорович. – Москва, 1999. – 20 с.
10. Соболева И. А. Поливекторная палитра медиаполитического жаргона / И. А. Соболева // Соціолінгвістичні студії. – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2010. – С. 101–106.

ОСОБЕННОСТИ ИЗЛОЖЕНИЯ КВАНТИТАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В НОВОСТНОМ МЕДИАТЕКСТЕ

Стеценко Надежда Михайловна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры украинского и русского языков
Донецкий национальный технический университет

Лингвистические особенности новостных медийных текстов обусловлены стремлением к объективности и нейтральности излагаемой информации. Отсюда перечень их специфических языковых черт, диктуемых функционально-жанровой принадлежностью: особые тематические доминанты, структура «перевернутой пирамиды», высокая степень клишированности, отсутствие в тексте лексических единиц с развитым коннотативным компонентом значения за исключением политико-оценочных, наличие большего количества по сравнению с другими медиатекстами глагольных словосочетаний, безличных форм и т.д. (Ю. С. Воротникова, Ф. Т. Грозданов, Т. Г. Добросклонская, К. Д. Кирия, Г. Л. Ковальчук, М. Л. Ковальчукова, О. Р. Лащук, А. А. Негрышев, С. А. Серова, О. О. Сподарец, Ю. В. Шемелина и др.).

Одним из безусловных признаков точного новостного содержания являются разнообразные статистические данные и числовые показатели, которые не только конкретизируют факты, но и подчеркивают степень достоверности изложенной информации. В связи со своим прямым назначением числовой материал в новостном медийном тексте прежде всего выполняет информативную функцию.

Однако функция информирования для квантитативной информации новостного медиатекста не является единственной, поскольку, вне всякого сомнения, числовой материал таких публикаций обладает еще и прагматическим потенциалом. Согласно мнению И. Б. Голуб, количественная информация является «важнейшим средством усиления экспрессивности речи» [2]. Соглашаясь с этим мнением, Н. Н. Бондарчук указывает, что «статистика, сведения различного численного характера... например, показатели борьбы с преступностью, данные об увеличении уровня занятости, процентное снижение безработицы за определённый период времени и т. п. – оказывают огромное эмоциональное влияние на аудиторию, вызывают у неё особое волнение» [1].

Различные аспекты изучения категории количества в СМИ представлены в работах таких исследователей, как С. Г. Кара-Мурза, В. П. Мингинос, К. М. Накорякова, С. И. Симакова, А. А. Тertyчный, А. А. Черкашина, Н. Н. Хухрянская и др. Квантитативная информация в масс-медиа включает три основных квантитативных значения: определенное, неопределенное и приблизительное количество [9]: «По словам министра, в последние месяцы **2015 года** наметилась опасная тенденция, когда выезжающие в ЕС без документов пакистанские граждане высылаются обратно по обвинению в терроризме без соответствующей проверки» (Укринформ, 07.11.2015, 14:17)

(неопределенное кол-во); «...в субботу в очередной раз осуществлено зарыбление Днестра – выпущено свыше 37 тысяч особей рыбы – около 1,3 тонны – карпа, сазана и белого амура... на проведение экологической акции комбинат выделил около 155 тыс. грн. (Интерфакс, 07.11.2015,17:22) (приблизительное кол-во); "Оппозиционный блок" заявляет, что власть нарушает закон, не выпуская экс-министра юстиции Украины Елену Лукаш из СИЗО СБУ в Киеве после решения суда и внесения залога в сумме 5 млн 115,6 тыс. грн. (Интерфакс, 07.11.2015,14:50) (определенное кол-во). Для новостных текстов масс-медиа характерно использование определенного и приблизительного количества.

В новостных текстах, продуцируемых сайтами информационных агентств, числовой материал может быть подан двумя основными способами – словесным и цифровым. Особое значение для передачи количественной информации принадлежит именно цифровым обозначениям. Общеизвестно, что роль цифр состоит в упорядочении, нумерации и систематизации объектов действительности. Цифра четко характеризует реальность и дает представление о масштабе происходящего. Авторитетность цифры неоспорима, поскольку статистические данные всегда производят впечатление объективных и строгих фактов. Язык цифр всегда кажется убедительным, создавая ореол неоспоримой авторитетности [Цит. по: 7, с. 168]. Однако функции цифровых обозначений нельзя ограничить передачей чисто фактуальной информации.

В исследованиях языка СМИ цифра называется еще и «сильнейшим раздражителем внимания» [8]. Исследователи подчеркивают, что «цифра, включенная в словесный текст, прерывая ряд слов, всегда останавливает на себе внимание... она «бросается в глаза» зачастую еще до прочтения всей фразы, на первый план выступает не содержательная информация, а выразительная сторона количественной характеристики явления» [3]. Отметим в этой связи важность исследования С. И. Симаковой, в которых цифровое обозначение рассматривается как элемент креолизованного текста [8].

Таким образом, цифровые обозначения, согласно принципу о чередовании экспрессии и стандарта в языке масс-медиа [5], выполняют не только информативную, но и воздействующую функцию и являются не только источником информации, но и источником воздействия на реципиента.

В зависимости от функционального назначения количественной информации (информирование–воздействие) выделяют логические (рациональные) и риторические (выразительные) приемы изложения количественной информации, содержащей цифровые обозначения [9].

Обобщив приемы использования количественных в масс-медиа, представленные в работах таких исследователей, как С. Г. Кара-Мурза [4] и М. А. Семкин [7], выделим следующие логические приемы изложений количественной информации в новостных заметках информационных агентств:

1. Альтернативные способы представления одного и того же количества. Заголовок и текст сообщения могут чередовать цифровое и словесное обозначение одного количества: «*Бюллетени для выборов в Закарпатский*

облсовет с четырехчасовым опозданием привезли в Ужгород (заголовок) ... из-за поломки авто доставка бюллетеней задержалась на фактически 4 часа...» (текст) (УНИАН, 23.10.2015, 20:55).

2. Приведение данных на фоне общей картины ситуации для объективного представления масштаба проблемы. Понять и оценить значение количественной информации помогает наличие сопоставительного контекста: *«Пентагон планирует сократить 40 тысяч военных к концу 2017 года (заголовок)... для предусмотренной численности вооруженных сил в 450 тысяч человек сокращения не станут диспропорциональными ... (текст)»* (УНИАН, 23.10.2015, 14:52).

3. Сокращение словесной количественной информации, которое упрощает восприятие фактов, благодаря чему становится возможным обильное употребление цифровых деталей различного рода в одной публикации: *«По состоянию на 7:00 в семи районах Киевской области осуществляется тушение 13 локализованных очагов тления торфа на общей площади около 95,15 га... По информации пресс службы ГосЧС, в круглосуточном режиме от Гос ЧС привлечены 219 человек и 56 единиц техники. Радиационный фон в Киеве и Киевской области составляет в среднем 11-13 микрорентген в час (безопасный уровень радиационного фонда до 30 микрорентген в час). Радиационный фон в зоне отчуждения составляет... 22 микрорентген в час (безопасный уровень радиационного фонда до 50 микрорентген в час). Как сообщал УНН, 24 октября по состоянию на 7:00 в Киевской области продолжают тлеть 102га торфа»* (УНН, 25 октября 2015, 11:12).

Прагматический потенциал цифровых обозначений реализуется посредством различных риторических приемов. Остановимся на некоторых из них.

1. Использование единиц разных порядков для представления одного и того же количества: *«Кабмин выделил почти 0,5 миллиона помощи пострадавшим участникам Майдана (заголовок). Кабинет министров Украины выделил 487,2 тысячи гривень одноразовой денежной помощи лицам, получили тяжкие телесные повреждения во время Революции достоинства (текст)»* (УНИАН, 29.09.2015, 19:14). При арифметическом равенстве первое число (почти 0,5 миллиона) кажется большим, чем 487 тысяч. В первом случае автор сообщения принимает за точку отсчета число миллион, а во втором – тысячу. Фактически цифры равны, но имеют разные когнитивные особенности восприятия, поскольку относятся к разным порядкам: первое количество представляется более внушительным, чем второе. Такой прием позволяет, не искажая фактов, по-разному их оценивать.

2. Округление количественной информации в заголовочной позиции. Общеизвестно, что целые числа, которые представляют названия десятков, сотен, тысяч и т.д., имеют больший по сравнению с прочими воздействующий потенциал, именно поэтому «сильная» заголовочная позиция обычно уменьшает или увеличивает текстовые цифровые данные, округляя их: *«В Донецкой области зарегистрировали уже более 250 сообщений относительно*

избирательного процесса – МВД (заголовок) ... зарегистрировано 251 сообщение, связанное с нарушением избирательного законодательства... (текст)» (УНН, 25 октября 2015, 11:38); «В Украине «ходит» наличности на 300 миллиардов – НБУ (заголовок) В Украине по состоянию на 1 ноября 2015 года в наличном обращении находилось 295,7 млрд грн. (лид)» (Укринформ, 16.11.2015, 15.00).

Иногда несоответствие количественной информации в заголовке и тексте/лиде может быть значительным: *«Подкуп избирателей, джинса и агитация обошлись партиям в 2 миллиарда гривен – эксперты (заголовок)...крупнейшие политические партии потратили на выборы не менее 1,8 млрд гривен (текст)» (УНИАН, 20.10.2015, 12:46).*

3. Сопоставление фактов. Комментарий не относится к жанровым особенностям новостных текстов, однако автор, приводя сравнительную количественную информацию, позволяет реципиенту сделать логический вывод самостоятельно. В таком случае можно говорить об имплицитных приемах воздействия в новостях: *«Министр финансов Наталья Яреско заявляет, что до конца года будет сокращено 30% работников Государственной фискальной службы..."30% мы сокращаем до конца года", – заявила она... Напомним, ранее Р.Насиров заявил, что количество налоговиков и таможенников в Украине в новом году сократится с 58 тыс. человек до 41 тыс. человек» (УНН, 6 ноября 2015, 11:26).*

4. Игра статистикой (приведение данных без общей картины ситуации, когда читателю невозможно понять масштаб проблемы): *«Объем реализации промышленной продукции... в Украине... в отпускных ценах предприятий (без НДС и акциза) в январе-сентябре 2015 составил 1 трлн 75 млрд 974 млн грн...» (УНН, 30 октября 2015, 14:05).* В данном тексте других количественных данных, которые бы помогли оценить рядовому читателю, насколько велик или мал в отчетном периоде объем промышленной продукции.

5. Вынесение в заголовок прагматически обусловленных цифровых показателей. При наличии нескольких цифровых обозначений в тексте в заголовок будет вынесен тот, который имеет наибольший воздействующий потенциал для читателя публикации – так называемое пропозициональное выдвижение [6] (Т. ван Дейк, А. А. Негрышев, Н. С. Цыбикова): *«Жертв пожара в ночном клубе Бухареста уже 39 (заголовок). ...Как сообщил исполняющий обязанности премьер-министра Румынии Сорин Крымпяну, два пациента скончались во время транспортировки их в Голландию, а еще пять человек – в больницах румынской столицы (текст)» (Укринформ, 07.11.2015, 16.35).* Как видим, текст посвящен факту гибели семи человек, но в заголовок вынесена информация об общем количестве жертв инцидента (39), поскольку оно более масштабно представляет трагедию.

6. Создание образа числа. Этот прием в исследованиях С. Г. Кара-Мурзы назван важным приемом манипуляторов: создать для аудитории некий образ числа, не давая информации о точных количественных данных [4]. Например: *«В Нацбанке рассказали, как из обанкротившегося банка Пшонки выводили*

миллионы (заголовок) ... как сообщали "Наші гроші", на момент вывода из «БГ Банка» 4,7 млн долларов путем продажи облигаций внутреннего госзайма подставным структурам по цене всего около 8000 гривен, в банке находилась куратор НБУ Валентина Дикая (текст)» (УНИАН, 04.11.2015,14:32). В данном примере сумма, о получении которой идет речь в тексте (около 8 000 гривен), названа в заголовке миллионами. Читатель, который закончит знакомство с новой информацией на уровне заголовка публикации, запомнит именно заголовочный многократно преувеличенный вариант.

Таким образом, мнение о том, что организация языкового материала в сфере СМИ, а также его функционирование определяется взаимодействием стандартизированных и экспрессивных языковых средств, справедливо и для количественной информации в новостных медийных текстах. Количественные данные в новостях, представленные в виде цифровых обозначений, являются не только источником информирования, но и источником воздействия на реципиента. Исследование логических и риторических приемов изложения количественной информации в новостном медиатексте позволяет оценивать их прагматический потенциал.

Литература

1. Бондарчук Н. Н. Число в журналистском тексте / Н.Н. Бондарчук // Журналистика и медиаобразование–2008: сб. трудов III Международной научно-практической конференции (Белгород, 25–27 сентября 2008 г.): в 2 т.– Т. II / Под ред. проф. М. Ю. Казак и др. – Белгород : БелГУ, 2008. – С. 182–187.
2. Голуб И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – М., 2001. – 448 с.
3. Накорякова К. М. Цифра в публицистическом тексте / К. М. Накорякова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_39.
4. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Эксмо, 2005. – 832 с.
5. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи : из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – СПб. : Златоуст, 1999. – 319 с.
6. Негрышев А. А. Прагматика новостного газетного заголовка: механизмы преобразования информации в системе заголовков-текст / А. А. Негрышев // Вестник МГУ. Серия 9. «Филология». – 2006. – № 1. – С. 97–109.
7. Семкин М. А. Манипулятивный потенциал количественных аргументов в дискурсе политического комментария / М.А. Семкин // Политическая лингвистика. – 2011. – № 3(37). – С. 167–171.
8. Симакова С. И. Цифра в газетном тексте (на примере рекламно-информационной газеты «Интересное предложение») / С. И. Симакова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып 48. – 2010. – № 32 (213). – С. 128–131.
9. Хухрянская Н. Н. Количественные номинации в российских печатных СМИ 2005–2009 гг. – дис. канд.филол.н. / Надежда Николаевна Хухрянская. – 10.02.01. – Белгород, 2009. – 176 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

Цынцарь Анна Леонидовна,
доцент кафедры общеобразовательных
и социально-экономических дисциплин,
зам. директора по научной работе
Бендерский политехнический филиал
ГОУ «ПГУ им. Т. Г. Шевченко»

В современных условиях люди становятся зависимыми от средств массовой коммуникации. Прежде всего, это касается информации, знаний и оценок о происходящем в обществе. Тип и уровень этой зависимости определяется рядом структурных условий. Влияние массовой коммуникации оказывается большим, если общество находится в состоянии изменений, конфликтов или нестабильности. Также многое зависит от степени реализации массовой коммуникацией собственно информационных функций.

Актуальность работы обусловлена тем, что значение массовой коммуникации имеет всевозрастающий характер на общемировом уровне, как источника власти, как агента социализации, как распространителя инноваций и т.д. Психология массовой коммуникации – новая, современная наука, исследующая психологическим инструментарием массовые коммуникационные процессы, в которых субъектами выступают коммуникаторы (ведущие, авторы программ и т.д.) и реципиенты (массовый получатель информации речевого или текстового сообщения).

Основная цель данной работы – изучить психологические характеристики массовой коммуникации.

«Массовая коммуникация – систематическое распространение сообщений среди численно больших рассредоточенных аудиторий с целью воздействия на оценки, мнения и поведение людей». Массовая коммуникация – это разновидность духовно-практической деятельности, т.е. деятельности по трансляции, переносу в массовое сознание (общественное мнение) оценок текущих событий, признаваемых социально актуальными [2, с. 58].

Психологические особенности коммуникации определяют:

1. Формирование социальных установок у главного субъекта взаимодействия (Д. Узнадзе: установка – это готовность действовать определенным образом). Чтобы коммуникация была эффективной, надо чтобы таких установок было три. *Первая* – направленность на партнера – предполагает полное включение в процесс взаимодействия при одновременном отвлечении от личных чувств, мыслей, переживаний. *Вторая* – принятие партнера как личности – предполагает безусловное и безоценочное восприятие партнера, а также уважительное отношение к его взглядам, позициям, точкам зрения, интересам и т.д. *Третья* – направленность на сотрудничество –

предполагает организацию совместной деятельности по решению конкретного вопроса.

2. Создание благоприятного психологического климата. Для этого необходимо учитывать актуальные потребности партнера:

- потребность в самовыражении и достижении понимания (виды активного слушания: нерефлексивное – активное молчание с использованием невербальных средств коммуникации и рефлексивное – активная речевая деятельность с использованием вопросов и т.д.);

- потребность в эмоциональном понимании (для удовлетворения этой потребности используется механизм эмпатии. Эмпатия – это способность и умения сочувствовать и сопереживать другому, а также способность понимать чувства другого);

- потребность в признании личности [5, с. 124].

В структуре коммуникативного процесса выделяются 3 группы:

1. Собственно – коммуникативные (коммуникатор – код-сообщение-реципиент). Код – это язык или его разновидность (сленг, жаргон), которую используют участники коммуникации. Сообщение – ситуация, в которой протекает коммуникация-канал коммуникации – вид речевой коммуникации (письменная, устная речь).

Шумы – это помехи, которые искажают информацию, блокирует коммуникацию (состояние партнеров).

Обратная связь – это реакция реципиента на высказывание.

2. Психологические – коммуникативные намерения общающихся (отражают психологию); замысел сообщения (информация, которую один партнер передает другому); цель коммуникации (результат); понимание сообщения – истолкование реципиентом полученной информации

3. Социально-ролевые – Статусные и ролевые характеристики участников коммуникации – поведение, которое предписывается человеку его положением (статусом) и его ролью. Необходимо знание и учет статуса и роли в коммуникации, для того, чтобы выбрать манеру общения. Если собеседник не называет свой статус, то он определяется по внешним характеристикам. Главная цель – установление взаимопонимания [1, с. 32].

В психологии выделяют коммуникативные барьеры – препятствия психологического характера, которые могут возникать на пути передачи информации. Они могут быть вызваны погрешностями в самом канале передачи информации: фонетический (дефект речи) и логическое непонимание (сленг); вызванные социокультурными различиями партнеров, принадлежность общающихся к разным социальным, экономическим, политическим, национальным группам; вызванные определенным негативным отношением между партнерами (неприязнь); обусловленные определенными психологическими особенностями общающихся (интро-экстраверсия, тревожность и т.д.).

Некоторые особенности психологической массовой коммуникации:

1. Интерес, подражание, например, в соотношении условий и образа жизни коммуникантов.

2. Формирование ценностей, неявно присутствующих в масс-коммуникативных процессах, которые, функционируя на личностном уровне, формируют массовое (общественное) сознание.

3. Идентификация, означающая эмоциональное и смысловое отождествление потребностной сферы человека в соответствии с поступающей извне информацией.

4. Восприятие, понимание, переживание, запоминание, мотивация и ожидания в механизме обращения аудитории к СМИ и т.д.

5. Убеждающее воздействие аудитории коммуникантом (СМК).

6. Формирование интересов и стереотипов массового сознания через установки.

7. Создание коммуникатором (СМК) условий для реализации феноменов подражания и заражения в массовых проявлениях.

8. Формирование слухов с определенными целями.

9. Мотивация и активизация творческого мышления в группе (корпоративной среде) [4, с. 65].

Одной из важнейших социально-психологических функций массовой коммуникации является ее способность само организовывать общественное мнение, общественное сознание.

Развитие коммуникаций в современном обществе включает в себя и такие процессы, в ходе которых информация не только передается, но и искажается, может самопроизвольно возрастать или угасать. Следовательно, массовая коммуникация – это специфическая форма человеческого общения. Массовая коммуникация как социально-психологический феномен предполагает постоянную динамику и непредсказуемость своих эффектов.

В современных условиях (свобода слова, право каждого на получение и распространение информации и т.д.) возможности массовой коммуникации могут быть реализованы с максимальным эффектом, если соответствующие технологии выстраиваются с учетом психологии массовой коммуникации [3, с. 52].

Но в любом случае, психологически объяснимо, что реципиенты, играющие при приеме информации пассивную роль, становятся активными коммуникаторами, распространяя полученную информацию, руководствуясь интересом, подражанием, модой и т.д.

Литература

1. Назаров М. М. Массовая коммуникация и общество / М. М. Назаров. – М. : Дело, 2004. – 428 с.

2. Новиков К. Ю. Психология массовой коммуникации: Механизмы, практика, ошибки / К. Ю. Новиков. – М. : Высш. шк, 2007. – 127 с.

3. Почепцов Г. Г. Коммуникативные технологии двадцатого века / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, Ваклер, 2007. – 352 с.

4. Роцин С. К. Психология толпы : анализ прошлых исследований и проблемы сегодняшнего дня / С. К. Роцин // Психологический журнал. – 2000. – № 5.

5. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций / Р. Харрис. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 446 с.

БІБЛЕЇЗМИ ТА СУЧАСНІ ЗАСОБИ МАСОВОЇ ІНФОРМАЦІЇ

Шкуран Оксана Володимирівна,

кандидат філологічних наук,

доцент кафедри української мови і загального мовознавства

Луганський державний університет ім. Тараса Шевченка

Кінець ХХ століття в сучасному мовознавстві ознаменувався зміною наукової парадигми – переходу до антропоцентричного вивчення мови (О. А. Пустовалова, В. І. Гідинська, О. С. Кубрякова, Г. А. Золотова та ін.). Антропоцентризм визначається тим, що людина стає точкою відліку в науковому дослідженні, в його перспективах і кінцевих цілях. Цей підхід ілюструє «тенденцію поставити людину на чільне місце у всіх теоретичних передумовах наукового дослідження і обумовлює його специфічний ракурс» [7, с. 212].

У такому випадку постає питання, про яку людину йдеться мова: про людину, що еволюціонувала від мавпи або про людину, створеному Богом? Саме в цьому питанні криється принципова відмінність в оцінці самої людини та її діяльності, в тому числі й мовної. В останньому випадку точніше було б говорити не про антропоцентричний, а про теоцентричний підходи до філологічних досліджень. Неможливо зрозуміти і вивчати релігійну мовну особистість без урахування основних світоглядних уявлень самої особистості. Якщо антропоцентрична парадигма визначає підхід до мови як до світу, що лежить між зовнішніми та внутрішніми явищами людини, стало традиційним посилення на В. фон Гумбольдта, що теоцентрична парадигма визначає людину і мову як створіння Боже з посиланнями на Біблію і святоотцівське вчення. Саме послуговуючись цим принципом, необхідно вивчати проблеми, що стосуються людини, її віри / невіри та мови: мова та релігія, мова та культура, мова та свідомість, мова та комунікація та ін. Можна припустити, що саме теоцентрична парадигма – майбутнє всіх наукових досліджень, про що свідчать публікації на тему релігії та науки. „Цей перехід буде поступовим, а проміжною ланкою може бути збереження антропоцентричної парадигми, але заснованої на релігійній, зокрема, християнській антропології, яка може служити методологічним підґрунтям сучасних гуманітарних досліджень” [3, с. 65].

У лінгвістичних дослідженнях учені посиляються на праці В. фон Гумбольдта, Л. Вітгенштейна, Й. Л. Вайсгербера, Е. Гуссерля та ін. Безумовно, знати цих та інших видатних учених слід, але не будемо забувати,

що вони були представниками інших конфесій. 2007 року на відкритті XV Міжнародних Освітніх Різдвяних Читань Святиший Патріарх Московський і всієї Русі Алексій говорив про те, що „нинішня система освіти проникнута матеріалістичним духом. Якщо ми вважаємо себе православними християнами, то все, що ми робимо, повинно відповідати вченням Церкви, щоб ми не тільки знали, але й жили згідно з ученням, як наставляв святий Василій Великий» [8, с. 2].

Тому останнє десятиліття спостерігається поступова зміна наукової парадигми і визначаються нові об'єкти дослідження, а саме, – релігійна мова (сакральна мова, культова мова, мова сакруму (Zdybicka), молитовна мова (Weclawski), мова Церкви та ін.

Термін *релігійна мова* активно вживається в польській лінгвістиці, де відзначається три основні підходи в її розумінні. Авторами підкреслюється зв'язок мови з релігією (Rowalski 1973; Zdybicka 1984; Kloczowski 1994). Зокрема З. Здибіцька пише: „Релігія, розглянута як соціальне явище, глибоко пов'язана з культурою, охоплює доктрину, систему істин, проголошуваних певною групою людей, моральні норми і звичаї, кодифікований культ, а також інститути, покликані визначати і передавати доктринальні істини, моральні принципи” [9, с. 176]. Словацький лінгвіст Й. Містрік розглядає релігійний стиль в групі так званих „суб'єктивних стилів”, підкреслюючи їх близькість до художнього і ораторського стилів [7, с. 83].

Православна лінгвістика як міждисциплінарний науковий напрямок – нове перспективне явище в галузі гуманітарних дисциплін. Філологія як наука зародилася в надрах синтезу філософії та богослов'я та реалізовувалася на перших порах свого існування як їх складова. Православна лінгвістика повертає вітчизняну філологію до джерел, але вже на новому рівні наукового гуманітарного знання, враховуючи багатовікові досягнення його розвитку.

Як відомо, в православній церкві Московського Патріархату в якості мови богослужіння використовується церковнослов'янський переклад Біблії, що бере свій початок з кирило-мефодіївського часу і переніс в ході багатовікового розвитку чимало редакторських замін, спрямованих на уніфікацію тексту і наближення його до російської літературної і народної мови. 1816 р. уперше було видано текст руського Євангеліє, а 1876 р. російською мовою вперше було надруковано повний переклад Біблії, затверджений священним Синодом (Логачов, 1991). Зрозуміло, що біблеїзми, здавна проникали в російську та українську літературні мови, входили в нього спочатку в церковнослов'янській формі; з витісненням із літературного вжитку старослов'янizmів і заміні власне російськими формами, біблеїзми також підлягали цьому процесу. Східнослов'янські мови, на відміну від інших європейських, сприйняли через церковнослов'янські переклади й чимало запозичень з грецької, які придбали в літературному і мовному вживанні марковану стилістику і семантику і тому знайшли статус біблеїзмів.

Актуальність теми дослідження пов'язана і з розумінням, і з визнанням культурної домінанти мови, яка розкриває традиціоналізм мислення через

рефлексивність релігійних картин світу православ'я. Вона визначається перспективністю вивчення: православних фразеологізмів, паремій, досліджуваних східнослов'янських мов в аспекті міжкультурної комунікації. Відомий російський фразеолог В. М. Мокієнко називає це дослідженням динаміки біблеїзмів [6, с. 10].

Зокрема, ми спробуємо окреслити роль біблеїзмів – біблійних фразеологізмів, що є надслівними, оцінними, семантично цілісними (з допуском варіантності) експресивними одиницями, що виконують вторинно-номінативну функцію, відтворювану певною мовною спільнотою.

Простежимо так звану динаміку біблеїзму *Не хлібом єдиним живе людина*, що вперше записаний у Старому Завіті, однак поширився завдяки вже Завіту Новому. У Євангелії говориться про те, що Христос після Хрещення в річці Йордан, пішов у пустелю. Сорок днів Він нічого не їв. Під час перебування в пустелі та суворій стриманості до Ісуса прийшов сатана і сказав: „Якщо Ти Син Божий, скажи, щоб каміння це стало хлібами”. Христос відмовився від пропозиції спокусника, сказавши йому у відповідь: *Написано „Не хлібом самим буде жити людина, але кожним словом, що походить із уст Божих”* [1, с. 24].

Отже, первинна семантика цього біблійного вислову така: людина почуває себе щасливою, в першу чергу, від повноцінного духовного життя. Уживаючи біблеїзм *Не хлібом єдиним живе людина*, ми нагадуємо оточуючим про зневажливе ставлення до матеріальних потреб.

А чим живі сучасні люди? „Хліб – усьому голова,” – говорить прислів'я. Дійсно, ще з первісних часів страх перед голодом, смертю диктує людині потребу в їжі, теплі, світлі... Але з розвитком людської цивілізації зросла і розширилася ієрархія наших бажань. Так що ж може бути головнішим, ніж їжа, вода і повітря в нашому житті?

Як же сучасні засоби масової інформації, поглинаючи позанавчальну, позапрофесійну діяльність «мирян» визначають семантику біблеїзму *Не хлібом єдиним живе людина*. Для прикладу візьмемо форуми-обговорення з рубриками:

Не хлібом єдиним живеться чоловікові. І здобною булочкою мріє поласувати.

На цьому форумі учасниками є чоловіки-полігамісти, які віддають перевагу обговорювати „інтимні” бажання і мріяння. Булочкою здобною називають жінку з „вільними поглядами на інтимне життя”, що не зв'язує себе вузами подружнього життя і не визнає жіночої моногамності.

Не хлібом єдиним живе людина – харчування потрібно і розуму.

Хочемо відповісти словами відомого російського філософа ХХ століть І. А. Ільїна: „Релігійно сліпі і безкрилі покоління нашої епохи виникли не відразу: людина осліпла закономірністю матерії, стрункністю розуму і силою формальної волі; і віддала їм центральне місце свого духу, а душевна інерція і еволюція техніки доробила інше” [5, с. 47].

Зустрічаємо трансформації і в назвах статей інтернет-видань, напр.: *Не хлібом єдиним, але й мацою (маца – прісний єврейський хліб); Не хлібом єдиним*

живе людина – складете гастрономічні вірші і надайте думці форму і голод Вам не страшний; Не хлібом єдиним живе людина. Потрібно щось випити, Живі не хлібом єдиним – мислимо, а значить – живемо; Не хлібом єдиним сита людина; Не хлібом єдиним ... Але, без закусі пити, – не супер!

Таким чином, в засобах масової інформації реалізується повна духовно-семантична деформація біблійного вислову *Не хлібом єдиним живе людина*, що супроводжується негативною трансформацією. Маркетологи і фахівці з реклами вважають, що близько вісімдесяти відсотків читачів приділяють увагу тільки заголовкам. Щоб заінтригувати і зацікавити читача, заголовок необхідно зробити максимально яскравим і незабутнім. У такій якості часто використовуються фразеологічні звороти, і зокрема трансформовані, до них публіцисти вдаються з метою створення найбільшого емоційного ефекту. Але є й інші: стійкі емоційно-сприйнятливі на генетичному рівні вираження-біблеїзми легше сприймаються нащадками колись «віруючих» прабатьків і швидше відкладаються на підсвідомому рівні – і роблять свою справу аморалізації підростаючого і „блукаючого” поколінь; друга причина – незапланована, а сама собою випливає з потреб бездуховного суспільства – споживацьке ставлення до життя, культ грошей та ін. Тому творці сайтів, не замислюючись над етимологією так званої „ходової назви” намагаються привернути увагу до своїх форумів і збільшити кількість учасників обговорення.

„Разом з Рабле і слідом за Вольтером європейське людство висміяло і просміяло всі свої святині. Разом з Байроном воно захопилося демонізмом. Разом з Ніцше воно наздогнало свій нігілізм і своє антихристиянство. Цим була остаточно підготовлена релігійна криза нашої і наступної за нами епохою” [8, с. 47].

Але є й життєстверджуючі, що правильно визначають наближену архісемантику досліджуваного біблеїзму, напр.: *Не хлібом єдиним ти жива, людина, – Ти жива, людина, і любов’ю* (Л. Філатов); *Не хлібом єдиним, все живе людина. Але манною небесною і Духом Святим!* (І. Маліновська); ... *Щоб не хлібом єдиним – Не хлібом! – А надією врятованим хрестом!* (Ф. Цаголова) та ін.

Підводячи підсумок фрагменту наукового пошуку: як інтерпретується біблеїзм *Не хлібом єдиним живе людина* в сучасних соціальних інтернет-мережах? – Наголошуємо на необхідності подальшого наукового моніторингу біблеїзмів у сучасному контексті ЗМІ з метою роз’яснювальної роботи первинного семантичного вмісту стійких поєднань, узятих з Книги книг, підвищення інтересу до православної лінгвістики. Завершуючи сказане, повертаємося до цитати В. М. Мокієнко, який називає це явище динамікою біблеїзмів. Але вона буває як позитивною, так і негативною. У нашому випадку активне функціонування біблеїзму сприяє негативній семантичній динаміці.

Література

1. Библия : Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Издание Московской Патриархии, 1990. – 1372 с.
2. Гадамский А. К. К проблеме определения теолингвистики / А. К. Гадамский // Ученые записки ТНУ. – Т. 17(56). – № 1 : Филологические науки. – Симферополь : ТНУ, 2004. – С. 63–69.
3. Гадамский А. К. Религиозный язык – теолингвистика – языкознание / А. К. Гадамский // Ученые записки Таврического национального университета. – Филология. Том 20 (59). – № 1. – Симферополь : ТНУ, 2007. – С. 287–292.
4. Кубрякова Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус / Е. С. Кубрякова // Изв. АН. Серия литературы и языка. – М., 1994. – Т. 53. – № 2. – С. 3–15.
5. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. Исследование / И. А. Ильин. – М. : Фолио, 2004. – 589 с.
6. Мокиенко В. М. Библеизмы и фольклоризмы : генетическое родство или типологический параллелизм? / В. М. Мокиенко. – In: *Studia Slavica Savariensia*, 2001. – № 1–2. – S. 65–77.
7. J. Mistrik. Religiozny styl . / J. Mistrik // *Stylistyka I*. – Opole, 1992. – S. 82–89.
8. <http://www.patriarchia.ru> / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Рождественские чтения 2007.
9. [http:// www.amen-online.de](http://www.amen-online.de) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Zdybicka Z. Człowiek i religia. – Lublin, 1984. – 210 S.

СТУДЕНТЫ И УЧАЩИЕСЯ

БІБЛІЙНІ ВИРАЗИ ТА ЇХ СЕМАНТИЧНА ДЕФОРМАЦІЯ В ЗМІ

Аляб'єва Катерина Василівна,
студентка III курсу філологічного факультету

Наук. кер.: Шкуран О. В.,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри української мови і загального мовознавства
Луганський державний університет ім. Тараса Шевченка

Майже щодня, не помічаючи цього, ми використовуємо той чи інший фразеологізм – усталений вислів, що несе у собі значний зміст. Використати фразеологізм – значить чітко донести інформацію співрозмовнику, висловити свої конкретні враження, подумки, переживання. Але, коли ми вживаємо такі вислови, не завжди замислюємося над їх походженням, а якщо чесно, взагалі не вдаємося в такі подробиці. Чому? А мабуть тому, що більшість людей вважає, начебто вони походять з фольклору. Так, ми погоджуємося з цим. Деяка частина фразеологізмів дійсно народилася з вуст наших предків й передавалася з покоління в покоління, тому наші батьки і мають такі знання про історію мови та цілого народу.

Якщо ж поринути в етимологію усталених висловів, тобто в їх історію походження, можна певною мірою спростувати твердження, що „всі фразеологізми з народу”, саме так відповість майже 1/2 інформантів двох поколінь. Насправді ці словосполучення, якби дивно не звучало для молодих і старших, є біблійними, бо зафіксовані в Біблії.

У цих словах і полягатиме актуальність нашої теми, адже ми віримо, що поставлені питання будуть розглянуті не тільки викладачами та вченими, які займаються фразеологією, а й кожною людиною. Ми повинні розуміти цінність Біблії, хоча б декілька разів на місяць відкривати цю „Книгу книг”, щоб тримати в собі той стрижень віри й добра, чого саме і не вистачає нашому суспільству.

Мета роботи – провести психолінгвістичний експеримент та з'ясувати розуміння семантики та етимології біблеїзмів людьми різного віку, соціального стану й освіти.

Для реалізації поставленої мети треба вирішити такі завдання: провести психолінгвістичний експеримент з людьми різного віку, статі, соціального стану й з особистими поглядами на семантику висловів, тобто значення та походження того чи того фразеологізму; зіставити розуміння семантики респондентами молодшого та старшого поколінь, з'ясувати відмінність результатів експерименту.

Для проведення психолінгвістичного експерименту ми використали п'ять фразем, а саме: *рвати на собі волосся*, *Фома невіруючий*, *крапля в морі*, *всьому свій час*, *хто не працює, той не їсть*.

Активно взяли участь люди різного віку. Це були як молоді 18–25 років, так і дорослі, де найстаршим респондентом стала бабуса 85 років.

Завдання інформантів полягало у визначенні семантики та походження фразеологізмів. Після цього учасники експерименту обговорювали результати і чому вони були такими. Важливо було визначити категорії людей – вік, стать та галузь професійної діяльності. Серед них брали участь як і студенти філологічного факультету, так хлопці і дівчата, які працюють у різних галузях сфери, а це вчителі, кухарі, будівельники та залізничники. Що стосується дорослих, то опитування було індивідуальним. Адже їм, на відміну від молодших, важко відразу зорієнтуватися. Тому на старше покоління було витрачено більше часу. Переважно це були люди, які вивчали точні науки, серед них працівники залізниці та торгові представники, пенсіонери.

Отже, завдяки колективному відгуку, підрахувавши відповіді, ми змогли визначити той відсоток людей, які констатували джерело походження фразем з Біблії. Перше – це загальна кількість відповідей двох груп інформантів, які сприймають походження фразем як біблійське:

- *Рвати на собі волосся* – 23%
- *Фома невіруючий* – 88,5%
- *Крапля в морі* – 12%
- *Всьому свій час* – 46,5%
- *Хто не працює, той не їсть* – 23%

Що стосується відповідей конкретної групи. Так фразеологізм *Фома невіруючий* відмітили біблійним аж 85% молоді. Всі трактували його однаково, це людина, яка нікому і ні в що не вірить» та «яка ставиться до всього скептично. Інший вислів *Всьому свій час*, визначили правильно походження 46% людей. *Кожна подія відбувається у відведений для неї час, не раніше, не пізніше*, – відповіла одна із 19-літніх дівчат нашого факультету. *Крапля в морі* – тільки 33%. Більшість писали, що походження є з народу, фільму або з якоїсь книги, але, що саме з Біблії, вказала лиш 1/3. Один учасник експерименту 24 років пояснив фразему так: *це щось незначне у чомусь величезному... ну як кіт наплакав*. З ним можна тільки погодитися, адже дійсно, використовуючи ці вже два вислови, ми маємо на увазі малість чогось при великих обставинах. Правильність етимології фразеологізму *хто не працює, той не їсть* дали 28% молоді. Часто зустрічаємо в мовленні цей вислів, адже для того, щоб щось отримати, потрібно працювати над цим, той, хто не бажає працювати, не повинен споживати чужі плоди, або як наголосив один з 20-літніх інформантів *хто не пає, той ходить голодний*. Якщо ж говорити про останню фразему, то тільки 23% респондентів молодшої групи відмітили вислів *рвати на собі волосся* біблійним. Це словосполучення найбільше спричинило виникнення дискусії під час уже обговорювання відповідей з молоддю, адже ніхто не вірив,

що його взято з Біблії. Більша частина аудиторії сумлінно хотіла довести фольклорне походження, спираючись тільки на шкільні знання.

Ось у цьому і виникає питання. Чому дітям у школі не дають базові знання з біблеїстики? Адже це настільки важливо, і навіть не тому, що вони згодом будуть досвідченими саме у визначенні семантики та етимології фразеологізмів. Біблія – це книга, котра скаже нам, хто є людина, яке її призначення у цьому світі, що є джерелом її проблем і запропонує їх вирішення.

Схожа проблема переслідувала і наших батьків, адже за час Радянського Союзу не тільки в школах та інших закладах обходили релігію, нехтували нею повсюди. Люди, котрі хотіли самовиразитися, піддавалися переслідуванню з боку влади, – таке твердження давали респонденти старшого покоління під час опитування. Одна жінка 47 років розповіла, що їм забороняли ходити до церкви та розмовляти на такі теми в публічних місцях. А тих, які все ж навідувалися до церкви, – звільняли з роботи. Але при всьому цьому, наприклад, бабусі не переставали ходити до неї, на що відповідали: *Нам нічого вже боятися*. Мабуть, тому експеримент серед людей старшого віку був не таким результативним.

Фразеологізми *крапля в морі, хто не працює, той не їсть* визначили як біблійного походження лише 17%. Одна з найстарших респондентів 85-літня бабуся трактувала перший вислів так, це *нестача, сльози, краплинка*. Сльози, мабуть, тому, що ми часто переймаємося через якусь дрібницю і при цьому дуже засмучуємося. Другий вислів визначила вона окремими словами *ледарі, зухвальці*, інші вказали – *кожен повинен трудитися*, та взагалі це *заклик до працьовитості*. Походження фразеологізму *рвати на собі волосся* теж визначило небагато людей, їх становило 23%. *Злість, сказ, образа, біль, нестриманість, переживання* – це все відноситься до цього виразу. Майже 1/5 учасників сказали, що він фольклорного коріння. 47% дорослих визначили правильну етимологію фраземи *всьому свій час*. *Не бажано квапити події*, – відповів чоловік років 50-ти років. Та останній, найвідоміший усім вислів це *Фома невіруючий*, аж 97% респондентів вірно трактували походження. Як і молоде покоління, старші в один голос промовили, що *це людина, котра ні в що не вірить*.

Під час проведення експерименту ми сподівалися, що результати будуть трохи інакшими. Ми не пропагуємо вивчати Біблію від корки до корки. Ні. Ми тільки хочемо, щоб кожен зрозумів усю цінність цієї Книги-життя. Дійсно, це життя цілих народів, сімей, самої особистості, адже її створили ті люди, які мали за своїми плечима не один рік досвіду. Їх титанічна праця до сих пір живе, і завдяки законам книги можна як виховувати, так і карати, судити й правити, народжувати та помирати. Тож відкриваючи Біблію, кожен повинен не просто читати і читати, а поглинати в усю суть написаного. Тільки тоді вона допоможе нам подивитися на світ іншими очима, і бути всебічно розвинутими.

Отже, в результаті проведення психолінгвістичного експерименту з людьми різного віку, статі, соціального стану, ми з'ясували, що респонденти

правильно трактуют семантику біблеїзмів, однак помиляються в етимології зазначених одиниць.

Література

1. Балакова Д. и др. Лепта библейской мудрости : библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / Авторы-составители : Д. Балакова, Х. Вальтер, Н. Ф. Венжинович, М. С. Гутовская, Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2014. – 208 с.

2. Словник української мови : в 11 тт. / АН УРСР. Інститут мовознавства : за ред. І. К. Білодіда. – К. : Наукова думка, 1970–1980.

ИНФОРМАЦИОННАЯ КАРТИНА МИРА. ИНФОРМАЦИОННАЯ СФЕРА

Афанасьев Григорий Евгеньевич,
студент I курса архитектурного факультета

Науч. рук.: Назар Р. Н.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

Язык, выполняя функции источника и хранителя информации, в свою очередь является способом выражения накопленных знаний и базисом для формирования нового. Язык выступает предметом социальной наследственности, благодаря которому человек может обращаться к знаниям и опыту предыдущих поколений, чтобы в итоге получить новые знания. Благодаря этому с помощью языка в процессе активной познавательной деятельности человеку удалось радикально изменить информационную картину мира.

Если под информационной картиной мира понимать всю совокупность знаковых систем, сигналов и проявлений информационных связей, то язык можно рассматривать как особый вид социальных информационных связей. Информационная картина мира получает возможность социального воспроизведения, связанного с активным отношением к накопленному опыту, когда отбирается, сохраняется и создается то, что способствует дальнейшему развитию общества, итогом чего становится создание нового информационно-языкового видения мира.

Идею опережающего развития человечества продолжил В. И. Вернадский. Он разработал модель постепенного превращения биосферы, преобразованной разумом и трудом человека, в «ноосферу», или «вторую природу», создаваемую

в процессе активного, творческого познания. Определяя научную мысль как объективную «геологическую силу», русский ученый связывал ее с существованием «огромной области человеческого сознания», которая представляет собой новую картину мира, обособленную интенсивным развитием информационной деятельности людей.

Вильгельм фон Гумбольдт определял «языковое мировидение» как динамичный, непрекращающийся процесс постижения мира через конкретный язык. Условия человеческого бытия, «охарактеризованные языком», должны, по мнению немецкого ученого, возвышать человека до решения задач, связанных с его особым культурно-историческим предназначением. Конечной целью человеческого общения, согласно Гумбольдту, является свободное развитие внутренних сил людей, способных неограниченно расширять сферу своего существования.

В нынешнее время, все мы являемся свидетелями невиданной информационной силы, которая стала возможна благодаря развитию информационных технологий. На смену научно-технической революции пришла информационная революция, в ходе которой создается новое «информационное общество». Информационные связи играют жизненно важную роль во всех сферах человеческой деятельности. Информационные ресурсы общества становятся в настоящее время определяющим фактором его развития как в научно-техническом, так и в социальном плане.

Наряду с традиционными средствами информационной связи (телефон, радио и телевидение) сегодня очень широко применяются такие системы электронных коммуникаций, о которых человечество раньше и не могло мечтать. Нынешние информационные технологии обеспечивают быструю двустороннюю управляемую связь, использующую звук, изображение, буквенно-цифровые данные, а также комбинации различных видов информации.

Интеграция средств связи, объединение их с компьютерными сетями позволяет создавать мощнейшие системы для хранения огромных массивов данных и их скоростной обработки. Подключение ко всемирной сети дает возможность вхождения в информационное пространство мирового общества, что открывает доступ к источникам информации в любой части нашей планеты и позволяет сделать новую генерируемую человеком информацию достоянием всего человечества.

Степень овладения пространством и временем является одним из показателей прогресса человечества. Можно с полным правом утверждать, что развитие человечества – это одновременно и постоянное изменение его пространственно-временной ориентации. Человечество смогло научиться формировать пространство и время, в котором существует, благодаря науке и практическому опыту.

Современное общество породило синтетическое материально-духовное образование, не виданное до сих пор, называемое «инфосферой». Информационная сфера стала одним из неотъемлемых атрибутов

общечеловеческой культуры и экономики современного мира. Медиафера (включая сюда все виды СМИ) является лишь надводной частью этого гигантского айсберга инфосферы, основная часть которого сегодня является составным элементом техносферы.

Инфосфера раскрывается через комплексность информационных процессов как результирующее конкретной деятельности человека, его способности целенаправленно реагировать на поступающую информацию, анализировать ее и принимать решение, постоянно увеличивая методы ее производства, приятия и передачи дальше.

Литература

1. Афанасьева Ю. Д. Герменевтический аспект языка СМИ / Ю. Д. Афанасьева, В. Г. Кузнецов // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Сб. науч. тр. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – С. 234–271.
2. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1991. – 273 с.
3. Гумбольдт В., фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.

УКРАЇНСЬКА МОВА В ЗАСОБАХ МАСОВОЇ ІНФОРМАЦІЇ

Гайдайчук Катерина Олексіївна,
учениця 10 класу

Наук. кер.: Мерецька Н. З.,
учитель української мови і літератури
Макіївська загальноосвітня школа І–ІІІ ст. №7

Одним із елементів громадського життя, який активно реагує на суспільні процеси й віддзеркалює їх, є засоби масової інформації. Їх вплив дуже великий на громадську свідомість. Здатність швидко й майже тотально охоплювати найширші аудиторії дає їм змогу формувати суспільну думку, визначати духовні цінності. Ось чому мова засобів масової інформації, а зокрема неологізми та їх функціонування у ЗМІ, – важлива й актуальна проблема сучасних досліджень. Розвиток і вдосконалення мови як засобу спілкування відбувається насамперед у сфері одиниць лексико-семантичного рівня – слів, які становлять відкриту, динамічну систему. Функціонування словникового складу української мови постійно супроводжують такі процеси: 1) поява нових лексичних одиниць, покликаних до життя потребами називання тих або інших конкретних предметів у найширшому розумінні цього поняття, суспільних процесів і явищ, абстрактних понять різноманітних галузей науки, духовної та

матеріальної культури тощо; 2) віддалення на периферію лексичного складу частини слів у зв'язку з втратою ними номінативної актуальності, спричиненої частковою або повною втратою суспільної ваги відповідними конкретними реаліями, соціально-політичними процесами, абстрактними поняттями. Тому в мові завжди наявна пасивна й активна лексика.

Пасивну лексику словникового складу становлять лексичні одиниці, обмежене вживання яких зумовлюється особливостями позначуваних ними явищ. До цієї категорії належать архаїзми, історизми й неологізми.

Вивченням цього питання займались видатні вчені, дослідники, зокрема: А. Грищенко, І. Ющук, О. Тараненко, В. Горпинич. Стилiстичні функції неологізмів досліджували І. Білодід, А. Коваль, О. Пономарів, Л. Кравець. Неологізми української мови останніх десятиліть, зокрема суспільно-політична лексика, вивчалися здебільшого в плані загальних словотвірних, лексико-семантичних та стилістичних тенденцій розвитку (А. Москаленко, І. Шашкін, К. Ленець, О. Сербенська та інші). Об'єктом даного дослідження є неологізми в мові засобів масової інформації.

Неологізми (гр. *neos* «новий» і *logos* «слово») – слова, а також їх окремі значення, вислови, які з'явилися в мові на даному етапі її розвитку й новизна яких усвідомлюється мовцями (загальномовні) або були вжиті тільки в якомусь акті мовлення, тексті чи мові певного автора (стилiстичні, або індивідуально-авторські неологізми) [6, с. 377].

Неологізми називають лексичними інноваціями. На думку О. Сербенської, інновації – це «новотвори, запозичення, а також включення і входження в мову, зумовлені перерозподілом значень у видах і жанрах мовлення; це і відродження слів і висловів з минулих епох» [7, с. 108].

Фактори, які спричиняють утворення неологізмів, можна поділити на такі групи:

1) позамовний – потреба дати назви новим предметам і явищам: дисплей, принтер, йогурт, гіпсокартон, клонування;

2) інтралінгвальний – для заміни попередніх найменувань новими, зумовленої різними чинниками – тенденцією до мовної економії, уніфікації номінативних моделей, виразнішого, точнішого найменування, експресивно-стилiстичного оновлення, з причин соціально-політичного, пуристичного, евфемістичного характеру та інше, напр.: *компакт* замість *компакт-диск*, *теракт* замість *терористичний акт*, *літак* замість *аероплан*, *мобільник* замість *мобільний телефон*.

Неологізми поділяються на лексичні й семантичні. Новизна лексичних новотворів виявляється у формі (євро, сайт, ксерокопії, дизайнер, дисплей, принтер). Семантичні неологізми – це нові значення, які розвиваються в словах, уже наявних у мові (меню, фанера, піратство).

Загалом неологізми виникають декількома шляхами: вони творяться з наявного в мові матеріалу властивими для даної мови словотвірними способами, інколи штучно, часто запозичуються літературною мовою з

діалектів і з інших мов. Іншомовні запозичення становлять найчисельнішу групу серед неологізмів.

Авторські неологізми, які називають стилістичними, індивідуально-авторськими, okazіоналізмами, становлять окрему групу. Так, зокрема, у поезії І. Драча є такі його новотвори, як журбота, засмута, білогруддя, чорнобров'я, у Д. Павличка – ластівочість, у М. Вінграновського – зненавидь, у В. Стуса – паверх, паниз, нажиття, паскін.

Деякі авторські неологізми ввійшли до літературної мови. Так, зокрема, створені М. Старицьким лексеми байдужість, мрія, майбутнє, незагойний, нестям, страдниця, чарівливий, І. Верхратським звіт, І. Франком чинник [1, с. 229], Т. Шевченком високочолій, І. Нечуєм-Левицьким світогляд, самосвідомість, Л. Українкою провесна, промінь міцно прижилися у нашій мові, навіть увійшли до активного словника [2, с. 504].

Лексична система мови засобів масової інформації – найдинамічніша система сучасної української літературної мови. Загальновідомо, що у сфері ЗМІ найрізноманітніше та найсильніше виявляються процеси, які характеризують саме життя мовного організму; тут найбільше зосереджені інновації. І це природно, адже однією з основних функцій засобів масової інформації є інформативність, новизна.

Мова сучасних українських засобів масової інформації привертає до себе увагу багатьох лінгвістів. Це – багатюще джерело для дослідження новітніх тенденцій у розвитку сучасної літературної мови. Одним із найпомітніших процесів, що відбуваються у нашій мові сьогодні, є процес активного поповнення лексики української мови.

Згідно з визначенням О. Сербенської, неологізми сучасної української мови можна поділити на такі групи:

1. Новотвори. Збурення політичного життя, яке настає в передвиборний період, позначається на мові ЗМІ. Із одного боку, творяться ситуативні лексеми-оказіоналізми на зразок кравчукізм, кучмізм, кучмісти, кучмономіка, ЗМІшники, ющенківці, а з другого – творяться okazіональні словосполучення у функції номенів: усе це збільшує протестний електорат; силовий тиск на виборчий загал через виконавчу вертикаль; ліві розтягнуть голоси свого електорату; визначити прохідного кандидата («Вечірній Київ»); всенародна любов до чинного і безрезультативного; ніхто, крім Гаранта, не мав можливості... («День»). Сюди ж можна віднести й неологізми, що їх створюють журналісти, піарівці, рекламисти: депутати тузляться (про події навколо острова Тузла) («Урядовий кур'єр»).

У сучасному суспільстві стрімко розвивається рекламна індустрія, а це, у свою чергу, формує мову реклами, яка має великий вплив на суспільство – рекламні гасла й заклики, репліки героїв рекламних роликів широко цитуються. Реклама сприяє ознайомленню широкого кола українців із новими реаліями, напр. адаптер, аудіокарта, вібромасажер, жалюзі, ролети, чіпсмейкер. Молодь часто спілкується рекламними слоганами: Не гальмуй – снікерсуй; Шейканемо, бейбі. Всі ці неологізми творяться за допомогою різних словотвірних афіксів і

змінюються за граматичними законами української мови; порівняйте: дієслова наказового способу: малюй, працюй і снікерсуй; дієслова майбутнього часу: напишемо, скажемо і шейканемо; абстрактні іменники: героїзм, патріотизм і кучмізм.

2. Запозичення. На відкритість сучасного українського суспільства, розвиток економічних і культурних зв'язків України із західними країнами українські засоби інформації відреагували масовим запозиченням чужих слів: арт-салон, брифінг, ваучер, відеокліп, діджей, екстрадиція, імідж, імейлик, креативний, мас-медіа, піцца, попса, рімейк, топ-модель, фанта, хіт, шоу-бізнес. Наприклад: «Безробітна сумчанка на ярмарку вакансій сказала, що втрата роботи – це зміна іміджу»; «Журі, до складу якого увійшло кілька значних представників дорослого міста шоу-бізнесу, оцінювало маленьких конкурсантів» («Урядовий кур'єр»).

Англомовні інтелектуальні «збагачення» часто викликають огиду й несприйняття. Кількість англіцизмів в одній фразі часом сягає такого числа, що глядач (слухач) уже не здатен сприймати інформацію: «Генеральний директор холдингової, консалтингової чи трастової компанії організовує тренінгові курси, наділяє бізнес-планами, складає лістинг котирувань відповідно до маржі, встановленої Нацбанком, укладає ф'ючерсні контракти, які набувають сили при в'їзді до офшорних зон». Чи не зрозуміліше й простіше було б сказати: «Генеральний директор розпорядчого, дорадчого чи довірчого товариства організовує навчання, складає список вартісності відповідно до допуску, встановленого Нацбанком, укладає майбутні угоди, які набувають чинності при виїзді до непадінглих зон»? Іноді людям, які вже звикли до таких запозичень, здається, що неможливо дібрати українських відповідників. Та це далеко не так. Скажімо, популярне слово консалтинг має в українській мові сім відповідників (деякі з них – синоніми): порадицтво, дорадець, порадиик, радний, дорадиий, порадиий, порадиий [4, с. 4].

Завдяки ЗМІ частина запозиченої лексики досить швидко освоюється, збагачується похідними утвореннями, граматикалізується: національний хіт-парад, хітова пісня, хітова програма, хітова дівчина, офшорна гра (телевізія), фостерна сім'я.

3. Перерозподіл значень у жанрах і видах мовлення. Оновлення й поповнення лексичного складу української мови відбувається і в результаті лексико-семантичної деривації слів. У нових умовах функціонування слова набувають і нових семантичних навантажень. Це дає їм можливість розширювати семантику похідної основи й функціональне поле: крутий, крутизна, круто, крутіше, крутіший (багатий), тінь, тіньовик, тіньова економіка, більшовики (більшість у парламенті). Реальність породжує для мови нові й нові об'єкти називання (предмети, поняття, ознаки, явища, відношення) й формує потребу в новотвореннях та запозиченнях лексем. Кожна мова більш стала, традиційна з боку номінативно-комунікативних одиниць. В. Чапленко пропонував «пучковий підхід» до розуміння природи мовного знака. Він вважав, що природа мовного знака характеризується переплетінням кількох

ознак, що формують пучок асоціацій за суміжністю. Поява нового значення – це ще одна ниточка в семантичному пучку лексеми [3, с. 19].

Такі лексичні новації поповнюють загальний жаргон сучасної української мови: засвітитися (виявити себе), загнутися (зазнати поразки), зависнути на чомусь (звернути увагу), наварювати (одержувати швидко прибутки), найжджати (мати претензії), прокручувати (одержувати прибутки), прикид (одяг), бабки (гроші), прикол (щось особливе), шлангувати (прикидатися) та ін. Наприклад: «Пам'ятаю, 1988-го року я й двоє моїх знайомих створили кооператив, поїхали до Грузії, привезли звіди силу-силенну чобіт, наварили на кожній парі 10 рублів»; «Чого ж ви в президенти не балотуетесь? З такими амбіціями саме час засвітитися» («День»); «Співачка надумала носити спідницю навиворіт, удаючи, що так прикольніше і тягне, як мінімум, на Жан Поля Готьє»; «Хто «копає» під прокурора?» («Україна молода»).

4. Відродження слів і висловів з минулого. Важливою лексикологічною проблемою є поповнення термінології сучасної української літературної мови, зокрема, профільних терміносистем, бо при цьому треба розумно поєднувати національні та інтернаціональні елементи.

Природним є прагнення до термінотворення на основі власної мови. Ця орієнтація виконує позитивну роль, консолідуючи членів мовної спільноти.

Повернена, реабілітована лексика поповнила собою терміносистеми багатьох сфер гуманітарних наук, особливо суспільних, культури, освіти, виробництва.

Так, наприклад, в освітню систему повернулись окремі колись традиційні форми навчання й відповідно слова, похідні від них утворення й словосполучення: гімназія, гімназист, гімназистка, гімназійний (клас); ліцей, ліцейний, ліцеїст, ліцеїстка, ліцейна (програма); бакалавр, магістр.

Якщо подивитися на профільні підтерміносистеми сучасної української мови під кутом зору реабілітації слів, то найбільш реабілітованою є підсистема «фінанси»: акція, акціонер, акціонерний, аукціон, гривня, комерція, комерсант, комерційний, комерціалізація, оренда, орендний, орендатор.

Поповнення української мови реабілітованими лексемами, новотворами, запозиченнями, елементами розмовного, професійного мовлення певною мірою порушує вже усталену кодифікацію української літературної мови, актуалізує питання про функціонування літературної норми та її варіантів. Виникають лексичні паралелі як перехідні ланки до нової норми або семантико-конотативної синонімії: баскетбол – кошиківка, бачення – візія, виставочний – виставковий, відпочиваючий – відпочивальник, винятковий – ексклюзивний, гімнастика – рухавка, зноска – посилення, журнал – часопис, казначейство – скарбниця, сучасний – модерний, фотографія – знімок – світлина та інші.

У публіцистиці часом уживаються й індивідуальні неологізми для посилення експресії вислову: «Для нас, дивослівців, надзвичайно важливий зворотний зв'язок» («Дивослово»); «Артикуляційні відмінності між голосними і приголосними учні можуть досягнути, шукаючи відповіді на запитання, чому і

яку групу звуків дехто з дослідників називав «роторозкривачами», а яку – «ротозакривачами» («Дивослово»).

Кількість неологізмів тільки в періодиці (вона переважно і є матеріалом для їх фіксації) у розвинених мовах досягає протягом року десятків тисяч (не всі, звичайно, лишаються у мові). Переважна більшість неологізмів (до 90%) – це терміни [6, с. 377]. Неологізми ряду мов (англійської, російської, французької, японської) фіксуються й досліджуються в центрах неології. Існують словники нових слів і значень.

Сфера сучасних українських засобів масової інформації засвідчує: мова живе, еволюціонує, і завдання небайдужих до її долі журналістів-інтелігентів – вони ж бо належать до основних творців найрізноманітніших текстів – дбати, щоб мова за цих складних обставин залишалася собою, зберігала свої генетикотипологічні риси. Тому журналіст мусить мати тонке мовне чуття, знати, що треба, а чого не варто пускати в обіг.

Література

1. Кочерган М. П. Вступ до мовознавства. Підручник / М. П. Кочерган. – К. : ВЦ Академія, 2002. – 367 с.
2. Літературознавчий словник-довідник / За ред. Р. Т. Гром'яка та інш. – К., 1996. – С. 503–504.
3. Мацько Л. Українська мова в кінці ХХ ст. : (Зміни в лексиці) Л. Мацько // Дивослово. – 2000. – № 4. – С. 14–20.
4. Нікітіна Н. Українська мова на телебаченні / Н. Нікітіна // Дивослово. – 2004. – № 12. – С. 2–7.
5. Пономарів О. Д. Стилїстика сучасної української мови / О. Д. Пономарів. – Т., 2000. – С. 78–84.
6. Українська мова : Енциклопедія. – К., 2000. – С. 377.
7. Сербенська О. А. Актуальне інтерв'ю з мовознавцем : 140 запитань і відповідей / О. А. Сербенська, М. Й. Волощак. – К. : Просвіта, 2001. – С. 108.
8. Сучасна українська літературна мова : Підручник / За ред. А. П. Грищенка. – 2-ге вид. – К., 1997. – С. 196–198.

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СМИ

**Гончаров Виктор Валерьевич,
Пархомчук Татьяна Михайловна,**
студенты II курса института учёта и финансов

Науч. рук.: Колесниченко Л. В.,
ст. преподаватель кафедры лингводидактики
**Донецкий национальный университет экономики
и торговли им. М. Туган-Барановского**

Актуальность данной темы обусловлена тем, что СМИ во многом определяют языковую, социально-психологическую и культурную ситуации в обществе. Язык СМИ относят сегодня к одной из основных форм языкового существования. Именно анализ текстов массовой коммуникации позволяет делать выводы относительно языковой компетенции говорящих и тех тенденций в развитии литературного языка, которые наблюдаются в данный период.

Культура речи считается сравнительно новым разделом науки о языке. Выделять культуру речи как отдельную область языкознания начали в 20–30-е годы; ею занимались такие корифеи лингвистики, как Г. О. Винокур, С. Н. Ожегов, В. В. Виноградов. Продолжили исследования проблем культуры речи В. Г. Костомаров и современные ученые – Е. Н. Ширяев, О. Л. Дмитриева, Н. В. Новикова и другие. Однако нельзя сказать, что все вопросы решены.

Цель данной работы заключается в рассмотрении проблем влияния качества информации на развитие культуры языка и восприятия информации коммуникантами. Кроме того, в статье мы касаемся некоторых аспектов грамотного формирования информационных сообщений.

Вторая половина XX – начало XXI вв. – это век, когда стремительно развивались средства массовой информации и новые информационные технологии. Появление Интернета, печати, радио, телевидения привели к созданию глобального информационного пространства, особой виртуальной среды. Обладая высоким престижем и самыми современными средствами распространения, язык СМИ выполняет в «информационном обществе» роль своеобразной модели национального языка [1]; он активно воздействует на литературную норму, языковые вкусы и предпочтения. В этом процессе можно обнаружить как положительные, так и отрицательные моменты. Во-первых, растёт количество текстового материала, порождаемого в сфере массовой информации, что, безусловно, имеет позитивное значение. Однако статус многих новых типов газет, журналов, радио- и телепередач не непонятен для общества. Во-вторых, хотя язык СМИ по-своему и обогащает литературный язык, насыщая его оценочными оборотами, интересными сравнениями, формируя яркую, часто афористичную речь, вместе с тем в большинстве СМИ чрезвычайно много отступлений от литературных норм. Наряду с

некачественной, недобросовестной информацией в языке СМИ много просторечий, жаргонизмов, иноязычных слов, морфологических, синтаксических и стилистических ошибок.

Соблюдать принципы культуры речи тем более важно, что современное поколение молодых людей все большее внимание уделяет неофициальным источникам информации, так как в подобных источниках она изложена более лаконично и перемежается с развлечениями.

Нам показалось интересным определение культуры речи, которое дал Е. Н. Ширяев: «Это такой набор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач» [3]. Иными словами, язык (и речь) СМИ должен соответствовать правилам культуры речи, быть целесообразным и эффективным для адресатов.

К сожалению, владельцы СМИ чаще всего идут по самому легкому пути: используют менее квалифицированную и более дешевую рабочую силу, что приводит к снижению уровня грамотности и качества информации.

Кроме того, за последние несколько лет значительно увеличилось количество дикторов на телевидении, коверкающих и неправильно произносящих слова, особенно это заметно в новостных программах. В тематических и новостных передачах встречается немало случаев некорректного произношения или использования слов, наблюдается тенденция увеличения заимствований из иностранных языков. А между тем радио и телевидение должны быть царством безукоризненно грамотной художественной речи, так как журналисты, авторы программ, ведущие и дикторы, вступая в широкое общение с огромной, невидимой ими аудиторией, вольно или невольно воспитывают её, укрепляя в ней определённые тенденции, взгляды, вкус, заставляют усваивать предлагаемые ими произносительные нормы.

Нельзя не обратить внимание на рекламу как один из инструментов информационной политики и один из факторов влияния на развитие языка как такового. В сфере рекламы [1] нередко используются приемы изменения форм слов или создания новых слов не в соответствии с правилами языка. Такие приемы считаются негативной практикой, но, учитывая специфику рекламируемых товаров, услуг, а также пожелания заказчиков, обычно не запрещаются и не редактируются.

Подведем итоги. На современной стадии развитие русского языка и его влияние на культуру общества находится в неудовлетворительном состоянии. Нарушаются элементарные правила работы с публикуемой информацией, происходит значительная утрата литературности в языковой и речевой коммуникации. Чтобы избавиться от данных проблем, нужно повышать уровень квалификации специалистов, контролировать официальность источников информации и придерживаться норм языковой культуры.

Литература

1. Губанов Д. А. и др. Модели влияния в социальных сетях / Д. А. Губанов, Д. А. Новиков, А. Г. Чхартишвили // Управление большими системами. – 2009. – № 27. – С. 205–281.
2. Колмановский В. О литературном языке и жаргоне // Режим доступа : URL:http://innabb.users.baku.ru/pubs/vkolmanovsky/10311_ru.php//innabb.users.baku.ru/pubs/vkolmanovsky/10311_ru.php
3. Ширяев Е. Н. Современная теоретическая концепция культуры речи / Е. Н. Ширяев // Культура русской речи : Учебник для вузов. – М. : МГУ, 2000. – 441 с.

НОРМАТИВНОСТЬ ЯЗЫКА В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Гребенюк Владислав Андреевич,
студент I курса учётно-финансового факультета

Науч. рук.: Осипова А. Н.,
кандидат наук по государственному управлению,
доцент кафедры краеведения
Донецкий государственный университет управления

В статье рассматриваются проблемы, существующие в современной телевизионной аудитории, которая следует речевым интенциям журналистов, проникаясь их основными идеями и оценками.

Язык общественных выступлений накладывает новые обязанности: соответствие языковой общеупотребительности, доступности для аудитории.

В рамках направления лингвистической этики работают такие ученые, как Н. Д. Бессарабова, Т. И. Сурикова, О. М. Казакова и А. Е. Зимбули, Н. В. Орлова, Г. А. Копнина, А. Г. Шилина.

Возможный вред от несоблюдения в средствах массовой информации литературных норм несомненно сложно переоценить. Такие нарушения приводят к негативным последствиям, таким как падение грамотности и общего уровня культуры аудитории (особенно это касается детей), либо попросту негативному отношению к СМИ и информации.

В статье анализируются нормативные аспекты речи. Этические аспекты влияния корреспондентов и журналистов в средствах массовой информации, выявление нарушений и способы их предупреждения.

Нормы современного русского литературного языка должны соблюдаться в любой сфере жизни общества, но особенно это касается средств массовой информации. Этот факт закреплен на законодательном уровне в нормативно-правовых актах. Как пример можно привести Федеральный закон «О

государственном языке Российской Федерации» [1]. Однако, стоит выделить, что языковые нормы отнюдь не всегда выполняются полностью или не выполняются совсем, свидетелями чего мы становимся регулярно, хотя далеко не всегда даже осознаем этот факт.

Также можно отметить, что этот закон предоставляет специалистам-лингвистам давать оценку нормативности или ненормативности тому или иному медиатексту с учетом действующих тенденций и процессов, происходящих в языке [2, с. 81].

Такие специфические аспекты речи журналистов все чаще становятся предметом обсуждения. Прагматической задачей журналиста является воздействие на целевую аудиторию с целью формирования у нее определенного взгляда на тот или иной предмет обсуждения. Для эффективного речевого общения, в том числе речевого общения журналиста с читателями или слушателями, следует учитывать:

1. Аудиторию, на которую рассчитан речевой материал;
2. Уровень осведомленности адресанта и его интересы;
3. Подбор лексических и фразеологических единиц с учетом максимальной эффективности решения задач общения;
4. Понятность речи.

Соблюдение нормативности аспектов культурной речи – важнейший фактор достижения результативности общения [4, с. 300].

Известно, что языковая норма существует из-за стремления людей к наиболее адекватному пониманию друг друга. Языковая норма или литературная норма – это правила использования кодифицированных речевых элементов или средств [3].

Благодаря нормам язык может сохранять свой консерватизм. Реальное развитие языка происходит с нарушением некоторых норм, появляются варианты норм, затем нарушение или новый вариант обретает или может обрести статус вариативной нормы, позже – единой нормы без вариантов. Как правило, «жесткие» нормы (орфографические, орфоэпические) журналистами-профессионалами соблюдаются, однако есть нормы «плавающие», то есть те, нарушение которых может показаться незамеченным и неважным, но тем не менее, если они не соблюдаются, то у автора высказывания, в данном случае журналиста, должна быть сверхзадача нарушения нормы. Отклонение от языковой традиции, от норм, рекомендаций без особой на то причины, как правило, оценивается носителями литературного языка отрицательно [3].

Норма консервативна, однако ее консерватизм не означает полной неизменности в течение определенного, иногда довольно продолжительного времени. Источники изменения литературной нормы – в речи, подвижной, подвергнутой варьированию, в том числе, и в речи журналистов. Следует, однако, чувствовать тонкую грань возможного и пока невозможного варьирования. «Свежее слово», «необычное употребление», «непривычный порядок слов» и многое другое при неоднократном повторении могут стать нормой [4, с. 300].

Если говорить конкретно о нормативности или ненормативности порядка слов в речи журналистов, тогда причиной нарушения порядка слов является влияние разговорной речи. Так как журналист является специалистом в речевой области, он обязан обладать знаниями о семантическом синтаксисе.

Синтаксические нормы предписывают правильное построение слов в словосочетаниях и предложениях. Расположение слов в предложении может иметь стилистическое и семантическое значение. Строя предложения, нужно помнить, что в русском языке при свободном порядке слов предпочтительным является прямой порядок слов, а не инверсия (лат. *inversio* – переворачивание, перестановка). При прямом порядке подлежащее стоит перед сказуемым, исходная информация перед новой. Предложение может получиться двусмысленным, если прямой порядок не будет соблюден, инверсный порядок характерен для разговорной речи [3].

Но так как перед журналистом стоит коммуникативная задача, то есть подчеркивания в своей речи того аспекта содержания предложения, который наиболее важен и существенен в данном контексте.

Рассмотрим ситуацию на примере конкретного случая.

«В Донецке **зимой** будет работать штаб по борьбе со снежными валами и неправильно припаркованными автомобилями». При правильном порядке слов в предложении было бы так: «**Зимой** в Донецке будет работать штаб по борьбе со снежными валами и неправильно припаркованными автомобилями». Сам же автор этой статьи как бы намеренно подчеркнул слово «зимой», но смысла в таком подчеркивании нет, кроме того, появляется второй смысл: штаб будет работать **только зимой**! Такое подчеркивание при неправильном построении слов в предложении бессмысленно и излишне. И так очевидно, что снежные валы – это явление, которое может быть **только зимой**. Семантическая сочетаемость также нарушена в этом предложении, а точнее в словосочетании «борьба с автомобилями», ведь бороться можно только с кем-то, а с чем-то – только в случае ограниченной сочетаемости, к примеру, борьба с коррупцией, бесхозяйственностью, глупостью и так далее [4, с. 300].

Существуют также коммуникативные варианты предложения, у которых различно актуальное членение, проще говоря, акцент ставится на другом слове в зависимости от коммуникативной задачи говорящего или автора. «Зимой в **Донецке** будет работать штаб по борьбе с валами...» (акцентируем внимание на месте работы данного штаба); «**Штаб** по борьбе с валами и неправильно припаркованными автомобилями будет работать в Донецке» (здесь акцент идет на работу самого штаба, ее присутствие в городе) [4, с. 301].

Несоблюдение языковых норм представляет собой ту опасность, которую трудно недооценивать, ведь кроме недовольства носителей языка и появления у них негативного отношения к средствам массовой информации в целом, ведет еще к падению общего уровня культуры речи и грамотности населения. Если говорить о рекламе как о неотъемлемой части СМИ, чье основное орудие – воздействие на массы, повторяемость, тогда здесь проблема стоит наиболее широко. Ученые предупреждают, что «речевая ошибка запоминается

автоматически, а носители языка заражают ею окружающих», но, к сожалению, корреспонденты, журналисты, рекламщики не усвоили этого [2, с. 81].

Сейчас самым популярным и часто используемым приемом в СМИ является языковая игра. Немотивированное использование языковой игры – это преднамеренное нарушение системных отношений языка, иначе говоря, она построена на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате такой деструкции экспрессивное значение, и вызывает у аудитории эстетический и стилистический эффект. Ученые-лингвисты уверены, что удачное, уместное и мотивированное использование этого приема в СМИ и рекламной индустрии не противоречит языковой норме, а даже напротив, способствует повышению эффекта воздействия на аудиторию приведенной информации: словосочетание *удар по ценам* звучит как *ценопад*, *ценокос* и так далее [2, с. 82].

Использование такого приема как языковая игра или игра слов в СМИ, рекламе и прочих публичных, общедоступных ресурсах обязательно должна быть мотивирована и удачна.

В настоящее время в средствах массовой информации, включая рекламу как особый вид предоставления информации, проблема нарушения нормативности языка стоит очень остро. Во-первых, это нарушение порядка слов, во-вторых, это применение языковой игры как приема в тех случаях, когда это не уместно, в-третьих, это этический аспект, применение «лингвоцинизмов» в речи корреспондентов и сам факт воздействия СМИ на сознание масс при учете их необъективности.

Литература

1. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации». Официальный текст : [принят Гос. Думой 20.05.2005 г.] // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.consultant.ru>.

2. Астанина И. В. Нормативный и лингвистический аспекты изучения рекламных текстов / И. В. Астанина // Вестник Воронежского государственного университета. – 2014. – № 4 : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/philolog/2014/04/2014-04-21.pdf>.

3. Каменская О. Г. Русский язык и культура речи : учебное пособие для студентов / О. Г. Каменская, Р. А. Кан, Е. Т. Стрекалова, М. Н. Запорожец // Тольяттинский государственный университет. – 2005. – С. 99.

4. Юздова Л. П. Нормативные аспекты речи журналистов (на примере анализа порядка слов) / Л. П. Юздова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 22 : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lib.csu.ru/vch/313/070.pdf>.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕКСИКИ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ВОДОСНАБЖЕНИЕ И ВОДООТВЕДЕНИЕ» В СМИ

Дмитриева Дарья Валерьевна,
студентка II курса института городского хозяйства
и охраны окружающей среды

Науч. рук.: Назар Р. Н.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

Средства массовой информации – одна из составляющих нашей жизни. Они воздействуют на нас постоянно – это газеты, журналы, радио, телевидение и, конечно же, Интернет.

Из СМИ мы узнаем, что происходит в окружающем мире, изучаем язык, культуру различных народов. Но не всегда язык в СМИ соответствует речевым нормам. Если раньше СМИ служили примером уровня речевой культуры, способствовали его повышению, то в настоящее время они в большой степени способствуют его деградации. Речь и стиль многих авторов статей, тезисов, заметок иногда неправильно построена, загрязнена словами-паразитами, словом, налицо все признаки ухудшения уровня речевой культуры.

Поскольку в настоящее время нас окружают радио, пресса, телевидение и Интернет и общение между людьми перешло в виртуальную плоскость, нам необходимо знать свой язык, уметь владеть культурой речи.

Изучая дисциплины по направлению «Водоснабжение и водоотведение» и в дальнейшем специфика работы будет состоять в общении с людьми, нам необходимо владеть лексикой выбранной специальности. Нам необходимо понимать терминологию специальности, уметь различать различные виды терминов и профессионализмы, уметь объяснить и донести до собеседника необходимую информацию.

Изучая дисциплины в вузе, такие как «Украинский язык профессионального общения», «Русский язык и культура речи», спецдисциплины по водоснабжению и водоотведению мы можем, например, провести исследование по употреблению лексики специальности «Водоснабжение и водоотведение» в СМИ различной направленности и стилистики.

Рассмотрим на примерах текстов Интернет-сайтов использование лексики направления «Водоснабжение и водоотведение».

На сайте «Портал коммунальной грамотности населения» (<http://gkx.by>) мы можем ознакомиться с таким текстом:

«Вода! Самое удивительное и загадочное, самое сложное вещество в природе. Это вещество, обладающее полтора десятком аномальных свойств, вещество по поводу строения и структуры которого, до сих пор ведутся

дискуссии и споры ученых. Вода, наряду с воздухом, является основой существования жизни на Земле. Человек без пищи может прожить 1-2 месяца, а без воды только 3-5 суток. Вода нужна не только для физического существования человека, но и как средство гигиены, как важнейшая составляющая любого производственного цикла, как средство тушения пожаров, как средство выращивания продовольственных культур. Трудно представить себе сферу деятельности человека, которая может обходиться без воды.

Все технологические операции по водоснабжению и водоотведению проводятся на специальных гидротехнических сооружениях: водозаборных, очистных, насосных станциях, водоводах, коллекторах, строительством и эксплуатацией которых и занимаются выпускники по профилю «Водоснабжение и водоотведение». Учебный план этой специальности насчитывает более 60 дисциплин гуманитарного, социального, экономического, математического, общепрофессионального и специального циклов. Наиболее важные дисциплины: математика, физика, химия, химия воды и микробиология, теоретическая механика, гидравлика, сопротивление материалов, геодезия, геология, строительные материалы, строительные конструкции, технология строительного производства, организация строительства, безопасность в строительстве и эксплуатации специальных сооружений, очистка природных и сточных вод, водозаборные сооружения, инженерные коммуникации, насосные станции, комплексное использование и охрана водных ресурсов, санитарно-техническое оборудование зданий, эксплуатация сооружений водопроводно-канализационного хозяйства. Водоснабжение и водоотведение – самая стабильно работающая отрасль страны. Её практически не касаются ни социально-политические революции, ни экономические кризисы. Это объективная реальность: если остановится водоснабжение – прекратится сама жизнь человечества.

Обеспечение населения питьевой водой производится в основном из подземных источников, что позволяет получать хорошую, качественную воду. Ресурсы пресных подземных вод оцениваются в 49,6 млн м³/сут. Известно 273 месторождения с общими запасами более 7,04 млн м³/сут. Разрабатывается 160 месторождений, годовой объем добычи воды, из которых составляет около 2,8 млн м³/сут.

В настоящее время услуги водоснабжения и канализации оказываются 1460 организациями, из которых 144 относятся к системе Министерства жилищно-коммунального хозяйства. При этом на их долю приходится более 85% объема оказываемых услуг.

Из чего складывается стоимость доставки в квартиру воды, ее отведение и очистка после использования.

Чтобы добыть подземную питьевую воду, вначале проводятся геологоразведочные работы, затем бурят скважины, опускают в них трубы и глубинные насосы, которые поднимают воду на поверхность. На станциях очистки и обезжелезивания, ее тщательно фильтруют, очищают от вредных

примесей. Далее вода по трубам подается (опять же насосами) по многокилометровым водопроводам в наши дома. Весь этот процесс требует больших затрат электроэнергии в себестоимости воды она занимает до 25%. Множество специалистов - операторы, сантехники, монтажники, инженеры и слесари, химики-лаборанты и многие другие круглосуточно следят за бесперебойной работой техники и аппаратуры, контролируют качество воды, устраняют неисправности, не допускают аварийных ситуаций. Оплата труда работников, налоги на зарплату следующая статья расходов. Любая техника имеет свой срок службы, поэтому предприятия водоканала вкладывают определенные средства на замену отработавших свой срок труб, задвижек, насосов, счетчиков учета расхода воды, кабелей электроснабжения и т.д., что также стоит недешево.

И, как любое предприятие, водоканалы должны расширять свою сеть вместе с ростом городов и поселков, модернизировать производство, внедрять энергосберегающие технологии, улучшать качество воды. Расходы на эти цели, разложенные на среднеедневное потребление, и формируют среднюю стоимость 1 м³ холодной воды. Таким же образом рассчитывается отведение и очистка сточных вод».

На сайте компании «Вода Донбасса» (<http://www.voda.dn.ua>) представлен текст:

«На сегодняшний день ремонтные бригады КП «Компания «Вода Донбасса» по-прежнему не могут получить допуск для выполнения восстановительных работ на участке канала Северский Донец-Донбасс (СДД) от насосной станции третьего подъема до балки Шумы. Провести восстановительные работы на этом участке трубопровода необходимо как можно быстрее, так как от этого зависит стабильная работа канала СДД в зимний период. Если эти работы не будут выполнены в ближайшее время, под угрозой окажется водоснабжение Донецка, Горловки, Макеевки и прилегающих населенных пунктов, а также Мариуполя.

До сих пор не получен допуск для выполнения восстановительных работ на линии электропередачи 110 кВ, от которой осуществляется электроснабжение комплекса насосных станций третьего подъема канала СДД.

Сложной остается ситуация с водоснабжением поселка Еленовка. Более трех месяцев назад в результате обстрела была повреждена линия электропередачи, от которой осуществляется электроснабжение водопроводной насосной станции.

Коллектив КП «Компания «Вода Донбасса» крайне обеспокоен сложившейся ситуацией и надеется на скорейшее получение разрешения на выполнение необходимых работ».

На сайте <http://kratko-po-faktu.ru> находим интересные факты о воде:

«Многие из нас не придают должного значения такому привычному веществу, как вода. Те из нас, кому повезло проживать в зоне умеренного климата, редко сталкиваются с проблемой отсутствия доступа к воде.

Только жители засушливых регионов Земли по-настоящему понимают ценность этого незаменимого ресурса. Интересные факты о воде и ее роли в экосистеме нашей планеты помогут понять всю ее важность для человечества. Некоторые удивительные факты о воде по-прежнему не поддаются пониманию, что только увеличивает интерес к ним.

По итогам сравнения 122 стран, проводимым ЮНЕСКО, самые чистые запасы пресной воды находятся в Финляндии.

Около 1 млрд. людей не имеют доступа к чистой питьевой воде.

Основная масса воды на Земле находится не на ее поверхности, а содержится в мантии, и превышает наземные запасы более чем в 10 раз.

Употребление чистой воды вместо других напитков снижает аппетит и способствует скорейшему похудению.

Самая дорогая вода продается в Лос-Анджелесе, стоимость литровой емкости с эксклюзивной жидкостью, украшенной кристаллами Swarovski, составляет 90\$.

В мировом океане содержится объем питательных веществ, превышающий годовой урожай на всей Земле в 20 тыс. раз.

Таяние всех ледников приведет к поднятию уровня мирового океана на 64 метра и затоплению 1/8 поверхности суши.

Нил – единственная река, исток которой начинается у экватора, а течение направлено от него.

Естественный процесс очищения загрязненных подземных вод занимает несколько тысячелетий.

На Земле вода единственное вещество, находящееся одновременно в трех состояниях: газообразном, жидком и твердом.

Научные факты о воде

Не так давно наука установила, что вода является одним из самых удивительных веществ. Ее простая, на первый взгляд, структура до сих пор скрывает в себе массу тайн и секретов. Каждый день открываются новые удивительные факты о воде, которые полностью опровергают привычное представление о ней. Некоторые интересные факты о воде с позиции науки помогут и вам приобщиться к тайнам этого необыкновенного вещества.

Как ни странно, лед образуется быстрее из горячей воды, чем из холодной.

Абсолютно чистая вода без сторонних примесей замерзает при температуре значительно ниже 0 С.

Ученые различают 5 состояний воды в жидкой фазе, и 14 – замерзшем виде. При охлаждении воды без примесей до – 120 С, она превращается в вязкую субстанцию, а при охлаждении ниже – 135 С – приобретает свойство твердого аморфного вещества без кристаллической решетки, подобно стеклу.

У воды наибольшая теплоемкость среди всех жидкостей.

Только сила поверхностного натяжения ртути превосходит соответствующий показатель воды.

В чистом виде (H_2O) в природе вода не встречается, так как является универсальным растворителем и всегда содержит в своем составе растворенные вещества.

Вода абсолютно не поддается сжатию, но при этом меняет плотность при изменении температуры.

Вода – одно из немногих веществ, которое увеличивается в объеме при переходе из жидкого состояния в твердое.

Существование белковых форм жизни невозможно без воды.

Самый высокий показатель плотности у воды наблюдается при температуре +4 С.

Вода может замерзнуть при температуре выше 0 С.

Вода пропускает только видимый спектр солнечного света, она поглощает инфракрасные лучи и радиацию.

Медицинские факты о воде

Вода является вторым после кислорода веществом, необходимым для существования человека. Процессы жизнедеятельности человеческого организма необратимо прекращаются при отсутствии воды в течение считанных дней. Приведенные ниже интересные факты о воде непосредственно связаны с ее влиянием на наш организм и могут оказаться полезными.

Количество болезней, распространяемых посредством воды, составляет 85% от общего числа заболеваний.

Потеря человеческим организмом воды в 12% от массы тела и более без своевременной врачебной помощи необратимо ведет к гибели.

Ежегодно от заболеваний, передаваемых с помощью воды, погибает около 25 млн. людей.

Общее количество воды, выпиваемой человеком на протяжении жизни, составляет около 35 тонн.

Употребление алкоголя и кофеина ведет к стремительному обезвоживанию организма.

Состояние «похмелья» очень сходно с состоянием человека, который провел два дня в пустыне без воды.

Человеческий организм состоит из воды примерно на 80%.

Длительное употребление дистиллированной воды ведет к дефициту минеральных солей в организме, и множественным нарушениям его функционирования».

Проанализированные тексты представлены в таких стилях речи – научном, публицистическом и официально-деловом. Они насыщены общеупотребительными, узкоспециальными терминами и профессионализмами, которые характеризуют лексику как направления «Водоснабжение и водоотведение», так и других направлений и могут быть понятны специалистам, с одной стороны, и широкому кругу читателей с другой.

Литература

1. ЖКХ : [Электронный ресурс]. URL : <http://gkx.by/baza-znaniy/zhilishchno-kommunalnye-uslugi/osnovnye-uslugi-zhku/385-vodosnabzhenie-i-vodootvedenie>. (Дата обращения: 02.11.2015).
2. Вода Донбасса : [Электронный ресурс]. URL : <http://www.voda.dn.ua/languages/novosti/novosti-kompanii>. (Дата обращения: 03.11.2015).
3. Кратко по факту : [Электронный ресурс]. URL : <http://kratko-po-faktu.ru/priroda/422-interesnye-fakty-o-vode.html>. (Дата обращения: 01.11.2015).

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В ЗЕРКАЛЕ СМИ

Дымнич Алина Игоревна,
студентка II курса института экономики и управления

Науч. рук.: Сереброва С. Б.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингводидактики
**Донецкий национальный университет экономики
и торговли им. М. Туган-Барановского**

Статья посвящена рассмотрению проблем современного развития культуры речи и культуры русского языка в зеркале современных масс-медиа, таких как печатные издания, телевизионные и радиопередачи, Интернет. Также в статье рассматриваются проблемы влияния качества информации на развитие у человека культуры общения и восприятия информации. Дополнительно в статье рассматриваются аспекты грамотного формирования информационных сообщений организацией. Отдельно рассматривается влияние неофициальных источников информации в сети Интернет, таких как социальные сети, форумы и т.п. Данная проблема является крайне актуальной, в связи с тем, что медиа пространство практически не контролируется с точки зрения грамотного формирования языковой культуры, происходит смена поколений спикеров, вследствие которого культура подачи информации, сложившаяся в Советской России, на данный момент является практически утраченной, а новая культура предоставления информации не сформировалась. В то же время данной проблеме уделено недостаточное внимание в профессиональных и научных кругах, в результате чего данная ситуация прогрессирует.

Исследованием проблем современного русского языка в зеркале средств массовой информации занимались отечественные и зарубежные исследователи: Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г., Колмановский В. О.,

Лекант П. А., Диброва Е. И., Касаткин Л. Л., Нургалеева Л. В. и ряд других ученых.

В данной статье под термином «средства массовой информации» понимается несколько более широкий круг массовых медиа, включая ресурсы сети Интернет, не являющиеся официальными интернет-изданиями, например, форумы и социальные сети, которые являются инструментом коммуникации организаций. Также под СМИ в данной статье подразумевается любая информация, передающаяся через общедоступные источники информации, такие как телевидение, радио, газеты, журналы, книги и т.д.

Современные средства массовой информации во многом определяют языковую, социально-психологическую и культурную ситуации в обществе. Информирова человека о состоянии мира и заполняя его досуг, СМИ оказывают влияние на весь строй его мышления, на стиль мировосприятия, на тип культуры сегодняшнего дня.

Язык СМИ относят сегодня к одной из основных форм языкового существования. Именно анализ текстов массовой коммуникации позволяет делать выводы относительно языковой компетенции говорящих и тех тенденций в развитии литературных языков, которые наблюдаются в данный период.

Обладая высоким престижем и самыми современными средствами распространения, язык СМИ выполняет в «информационном обществе» роль своеобразной модели национального языка, он активно воздействует на литературную норму, языковые вкусы и предпочтения.

С одной стороны, язык массовой коммуникации по-своему обогащает литературный язык, насыщая его оценочными оборотами, формируя отточенную, нередко афористическую речь [3]. С другой стороны, нельзя не видеть негативной роли языка некоторых СМИ, изобилующего многообразными отступлениями от нормы, наводящего речь жаргонизмами и иноязычными словами. Именно в СМИ происходят активные процессы изменения языковой нормы русского языка.

Информационные коммуникации организаций в различных СМИ являются немаловажным фактором развития языковой культуры общества, но, в отличие от классических средств информации, в их формировании принимают участие низко квалифицированные кадры, не имеющие специального образования. Это вызвано особенностями современного рынка рекламы и связей с общественностью как бизнеса. Коммуникации организации в сфере связей с общественностью, как правило, можно разделить на «низкий» и «высокий» сегменты. К «высокому» сегменту относятся коммуникации с классическими СМИ и официальными интернет-изданиями. К «низкому» сегменту относятся социальные сети, форумы, различные информационные сайты, не являющиеся интернет-изданиями. Для работы с «высоким» сегментом, как правило, привлекаются опытные люди, зачастую профессиональные журналисты, которые работали в СМИ и обладают связями в СМИ, пользуются уважением и знакомы с процессом работы и культурой общения журналистов. Для работы в

«низкой» сфере в целях экономии зачастую используются молодые люди, только что закончившие обучение в вузах, студенты и иные кадры, не обладающие необходимыми знаниями и опытом работы с информацией.

Современное поколение молодых людей все большее внимание уделяет неофициальным источникам информации, так как в подобных источниках она изложена более лаконично и перемежается с развлечениями [4]. Организуя работу с подобными ресурсами, организации используют менее квалифицированную и более дешевую рабочую силу, что приводит к снижению уровня грамотности и качества информации. В процессе продвижения своей продукции или поддержания репутации зачастую в информацию, распространяемую организациями, вводятся иностранные слова, искажаются существующие термины и понятия. Это все приводит к изменению русского языка и оказывает влияние на всю культуру общения современного общества.

Говоря о таких СМИ как радио и телевидение, нельзя не отметить влияние на развитие языка современных передач и фильмов. Многие люди используют телевизор или радио для создания так называемого фона, например, в машине или на кухне во время приготовления пищи [2]. Это время приходится на период времени с 18.00 до 24.00 и является основным прайм-таймом, в это время идут наиболее рейтинговые передачи и фильмы, но их качество оставляет желать лучшего, так как нередко они представляют собой незамысловатые сериалы, которые озвучены в разговорном стиле, в них часто встречаются бранные слова и выражения, практически полностью отсутствует литературная речь. За последние несколько лет сильно увеличилось количество некомпетентных дикторов на телевидении, коверкающих и неправильно произносящих слова, особенно это заметно в новостных программах. На радио ситуация обстоит несколько лучше в связи с тем, что голос является единственным средством передачи информации, в тематических и новостных передачах встречается достаточно немного случаев некорректного произношения или использования слов, но, тем не менее, наблюдается тенденция увеличения заимствования слов из иностранных языков.

Нельзя не обратить внимание на рекламу как один из инструментов информационной политики организации и один из факторов влияния на развитие языка как такового. В сфере рекламы нередко применяются приемы изменения формы слов или создания новых слов не в соответствии с правилами языка. Применение этих приемов считается не очень хорошей практикой, но, учитывая специфику рекламируемых товаров и услуг вместе с пожеланиями заказчиков, не возбраняется.

Возвращаясь к «высокому» сегменту коммуникации, стоит уделить внимание официальным интернет-изданиям, в особенности новостным лентам, получающим все большее распространение в сети Интернет [1]. Залог популярности, а соответственно и прибыли новостных лент заключается в оперативной публикации информации о происшествиях и событиях. Это служит причиной некачественного редактирования публикуемой информации. Если печатное издание проходит несколько этапов проверки перед выходом в

печать, то сообщения новостных лент в лучшем случае только просматриваются корректором. Как результат, информационные сообщения новостных лент испещрены орфографическими, пунктуационными и стилистическими ошибками.

Проанализировав вышеприведенную информацию, можно сделать правомерное заключение, что на современной стадии развитие русского языка и его влияние на культуру общества находится, мягко говоря, в неудовлетворительном состоянии. В упадке находится культура работы с языком, нарушаются элементарные правила работы с публикуемой информацией, происходит значительная утрата литературности в языковой коммуникации.

Литература

1. Губанов Д. А. и др. Модели влияния в социальных сетях / Д. А. Губанов, Д. А. Новиков, А. Г. Чхартишвили // Управление большими системами. – 2009. – № 27. – С. 205–281.
2. Колмановский В. О литературном языке и жаргоне // URL: http://innabb.users.baku.ru/pubs/vkolmanovsky/10311_ru.php
3. Лекант П. А., Диброва Е. И., Касаткин Л. Л. Современный русский язык / Под ред. Леканта А. – 3-е изд., стереотип. – М. : Дрофа, 2002. – 560 с.
4. Нургалеева Л. В. Аксиологический подход к изучению проблем этики и эстетики сетевой культуры / Л. В. Нургалеева // Единая образовательная информационная среда : проблемы и пути развития. – Томск : Изд-во ТГУ, 2003. – С. 275–277.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЗАГОЛОВКАХ МЕДИАТЕКСТОВ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Казакова Яна Андреевна,
студентка III курса факультета экологии и химической технологии

Науч. рук.: Стеценко Н. М.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры украинского и русского языков
Донецкий национальный технический университет

Заголовок является чрезвычайно важной частью любого медийного текста: согласно исследованиям психологов, 80% читателей уделяют внимание только заголовочной информации нового для них материала [3]. Действительно, получая листовку на улице, в первую очередь мы читаем то, что написано самыми большими буквами и бросается в глаза, то есть заголовок. Время, которое человек тратит на прочтение заголовка, равно примерно двум секундам.

Содержание заголовка в медиатексте обусловлено рядом функций: информативной, рекламной, интегративной, воздействующей, экспрессивной, знаковой, эстетической, оценочной, графически-выделительной и др. [2].

В зависимости от функции, реализуемой в заголовке, заголовочная информация может быть, как полным обобщением смысла текста, так и авторским вариантом наиболее важного элемента содержания новостного текста в зависимости от его личных установок, убеждений. Различные аспекты соотношения текстовой и заголовочной информации в медиатекстах отражены в исследованиях таких ученых, как Т. ван Дейк, Э. А. Лазарева, А. А. Негрышев, Н. С. Цыбикова, М. А. Шамелашвили, М. И. Шостак и др. Вопрос о соотношении текстовой и заголовочной информации медиатекстов является одним из наименее исследованных в медиалингвистике, что обуславливает актуальность исследования.

Цель данной статьи – проанализировать способы преобразования текстовой информации медийных текстов в заголовочной позиции.

Заголовок в печатном медиатексте является частью заголовочного комплекса, к которому относят внутренние заголовки, рубрики, подзаголовки, надзаголовки, вкладки, эпиграфы, анонсы. Собственно, заголовок является самым важным компонентом заголовочного комплекса, который, с одной стороны, является самостоятельной независимой смысловой единицей, а с другой – неотъемлемым компонентом структуры текста [2, с. 120].

Содержание заголовка обусловлено множеством функций, и основными, по мнению исследователей, являются информативная (передача интеллектуально-информативного содержания) и прагматическая (воздействие на эмоционально-волевую сферу психики) [2, с. 122].

В зависимости от степени полноты отражения заголовком темы озаглавливаемого медиатекста выделяют заголовки полной тематизации и заголовки частичной тематизации [4, с. 99]. Заголовок **полной тематизации** максимально информативен, поскольку он содержит обобщение всей текстовой информации. Примерами информативных заголовков могут быть названия в «качественной» прессе или на сайтах информационных агентств. Например: *«Весеннюю охоту на гусей и уток могут закрыть»* («Известия», 21.05.2015); *«Иностранным агентам выйти из реестра пока не удастся»* («Независимая газета», 22.05.2015); *«Счетная палата нашла нарушений на полтриллиона»* («Известия», 22.05.2015); *«В правительстве разругали идею с отменой бесплатных аборт»* («Новые известия», 22.05.2015). Такие заголовки обобщенно отражают тему материала.

Но иногда автор может выносить в заголовок не основную информацию, описывающую содержание, а тот содержательный элемент, который считает наиболее удачным для привлечения внимания читателя. Это и есть заголовок **частичной тематизации** [2, с. 300]. Например: *«Леонид Федун ушел непобедившим»* («Коммерсантъ», 22.05.2015). Эта статья насыщена фактами не только об уходе директора клуба, но и об успехах и поражениях команды «Спартак», о дальнейшем финансировании команды Леонидом Федуном. Но именно вынесенная в заголовок содержательная информация имеет большой рекламный потенциал, так как Леонид Федун – знаменитая личность и вице-президент ЛУКОЙЛа, поэтому она была выделена как заголовочная. Примерами заголовков частичной тематизации также могут быть заголовки *«Лукашенко не поехал в Европу»* («Независимая газета», 21.05.2015); *«РФ и США крепят военную мощь Ирака»* («Независимая газета», 22.05.2015); *«Зарплаты россиян к концу года упадут на 10%»* («Новые известия», 22.05.2015).

Таким образом, заголовок как компонент многогранной структуры медиатекста может отражать, как обобщающую содержание медиатекста информацию, так и отдельный ее фрагмент. Это зависит только лишь от намерений автора и от общей направленности издания.

Заголовочная информация, определенная автором медиатекста как наиболее важный компонент макроструктуры новостного медиатекста, может подвергаться различным трансформациям компонентов. Выделяют следующие виды операций с заголовком: замена, усечение, перестановка и добавление новых компонентов [4, с. 100].

Примером **замены компонентов** является заголовок *«130 млрд выпадут из эфира»* («РБК» 22.05.2015). В тексте отмечено: *«Ситуация на рекламном рынке постепенно стабилизируется, уверяет группа «Видео Интернешнл». Если в первом полугодии расходы на телерекламу упадут на 22%, то во втором – всего на 16%, прогнозирует ее крупнейший продавец...»*. Если в самом тексте приведены данные для каждого телеканала в процентном соотношении, то заголовке намеренно подчеркивается более значительный масштаб данного события.

Примером **усечения информации** является заголовок в газете: «Архангельский губернатор закрыл собой список досрочников» («Коммерсантъ» 23.05.2015). Речь в заметке идет о том, что «Владимир Путин одобрил отставку архангельского губернатора Игоря Орлова. Глава области получил санкцию на досрочные выборы. Он заявил, что статус избранного губернатора поможет ему оправдать доверие инвесторов в экономику области. Баллотироваться он будет от "Единой России". Представители других парламентских партий признают, что найти сильных конкурентов ему будет сложно. В Кремле сообщили, что новых досрочных отставок глав не планируется». Здесь усечение части содержания создает заголовок с интригой.

Еще одним приемом, который используется в заголовках для воздействия на читателя, является **перестановка компонентов** в заглавии с целью привлечения внимания. Например, в заголовке: «Фигу снялся с выборов президента ФИФА» («Eurosport.com», 21.05.2015). Бывший капитан сборной Португалии по футболу является активным участником описываемого события, но в тексте описывается следующая информация: «Принц Иордании Али бин Аль-Хусейн остался единственным конкурентом Йозефа Блаттера. «После раздумий и небольшого совещания с другими кандидатами я думаю, что то, что будет происходить 29 мая, – не будет честными выборами», – написал Фигу. Ранее свою кандидатуру с выборов снял президент Королевского футбольного союза Нидерландов Михаэль ван Праг, который теперь будет поддерживать другого кандидата – Али бин Аль-Хусейну. Принц Иордании остался единственным конкурентом действующего президента Йозефа Блаттера». Если в тексте роль капитана сборной Португалии пассивна, то в заголовке именно его личность выходит на первый план.

Следующий тип операций с заголовочной информацией – **добавление новых компонентов**. Реализуется этот прием чаще всего посредством введения в заголовок глаголов, которые подменяют констатацию фактов. Например, заголовок: «В Омской области хотят освободить "Газпром" от налогов». В тексте содержится следующая информация: «Сегодня газификация Омской области осуществляется в основном за счет бюджетных средств, – заявил Вадим Чеченко. – С каждым годом строится все меньше газопроводов. Мы предлагаем установить для газораспределительных организаций льготную налоговую ставку в 0,01% по налогу на имущество в отношении газопроводов, введенных в эксплуатацию не ранее 1 января 2015 года. Льготы будут касаться ГРО, прокладывающих газопроводы на территории Омской области» («Независимая», 22.05.2015). Трансформированный вариант заголовка включающий глагол «освободить» обеспечивает новости большой рекламный потенциал.

Проанализированные преобразования в заголовках новостных медиатекстов свидетельствуют о том, что заголовок может максимально использоваться в целях привлечения внимания к информации. Это повышает воздействующий потенциал заголовочной информации за счет снижения его информативной ценности.

Таким образом, заголовок, содержащий различные преобразования текстовой информации, несомненно привлекает и удерживает внимание читателя. Он играет роль крючка, заглотнув который, по словам С. М. Гуревича, читатель знакомится со своим «уловом» – всей публикацией [1, с. 45]. Полагаем, что использование различных трансформаций уместно в печатных масс-медиа, поскольку придает изюминку каждой написанной статье.

Литература

1. Гуревич С. М. Газета : вчера, сегодня, завтра / С. М. Гуревич. – М. : Аспект-Пресс, 2004. – 288 с.
2. Лазарева Э. А. Заголовочный комплекс текста – средство организации и оптимизации / Э. А. Лазарева // Проблемы образования, науки, культуры. – 326 с.
3. Ляпина О. А. Структурные, функциональные и прагматические особенности немецкого газетного заголовка : На материале немецкой общенациональной прессы : дис. ... канд. филол. н. – 10.02.04. – Воронеж. – 2002. – 154 с.
4. Негрышев А. А. Прагматика новостного газетного заголовка : механизмы преобразования информации в системе заголовков-текст / А. А. Нарышев // Вестник Московского ун-та. – Сер . 9. Филология. – 2006. – № 1. – С. 97–108.

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТА НА РАЗВИТИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Кинчевская Карина Руслановна,
студентка II курса института экономики и управления

Науч. рук.: Сереброва С. Б.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингводидактики
**Донецкий национальный университет экономики
и торговли им. М. Туган-Барановского**

Век компьютерных технологий набирает обороты. Нет ни одной области человеческой деятельности, где это не реализуется. И именно Интернет является своеобразной сетью, которая позволяет связываться с компьютером на другом конце планеты. Данная тема актуальна. Ведь каждый день все пользуются Интернетом, и в ряде случаев он меняет условия существования людей. Интернет – это бесконечный поток информации: это веселье, развлечения, знания и работа. Он влияет на все сферы деятельности людей, в короткие, по историческим меркам, сроки превратился в неотъемлемый

элемент повседневной жизни. Поэтому целью данного исследования является определение степени влияния Интернета на развитие русского языка.

Появление и широкое распространение Интернета повлекло за собой стирание границ между устной и письменной речью, что позволило многим исследователям (М. Кронгауз, В. М. Лейчик, О. В. Лутовинова и др.) говорить о новой форме коммуникации – устно-письменной, когда письменное высказывание создается и функционирует по законам, характерным, скорее, для разговорной речи [1].

Интернет дал много возможностей пополнения словарного запаса, литературного языка, обеспечив доступ к различным библиотекам. Теперь, чтобы прочесть произведения известных русских классиков или выучить то или иное правило русского языка, достаточно просто зайти на нужный сайт в Интернете. Совершенно новую коммуникативную форму взаимодействия представляют литературные сайты и форумы («Самиздат», «Литостровок» и др.), где художественные произведения обсуждаются читателями в процессе их создания, а иногда и создаются коллективно.

Благодаря Интернету происходит широкое распространение СМИ. В этом случае язык официальных электронных СМИ незначительно отличается от языка печатных изданий. Блоги более неформальны с точки зрения языка. Здесь информация о событии, анализ, субъективная реакция автора нераздельно.

Такие социальные сети как «Одноклассники», «В контакте», Facebook и др. дают возможность свободно высказывать свои мысли по любым вопросам, дискутировать и тем самым развивать способность формулировать и правильно высказывать свои мысли. Однако «обитатели» чатов практически полностью лишены вспомогательных средств: темпа речи, акцентирования части высказывания, эмоциональной окраски речи, тембра голоса, его силы, дикции, жестов и мимики.

Проблема нехватки невербальной информации в общении посетителями чатов решается использованием (для компенсации тембра и акцентирования части высказывания) так называемого «капса» (от английского «Caps Lock» – блокировка верхнего регистра клавиатуры; написание фразы или части ее заглавными буквами), который повсеместно в Сети трактуется как повышение голоса [2]. С этой же целью используется и многократное написание восклицательных знаков.

Эмоциональный дефицит участники общения компенсируют за счет суррогатов эмоциональных реакций – «смайликов» (от английского «smile» – «улыбка»), которые получили чрезвычайно широкое распространение [3].

Следует также отметить, что в Интернете наблюдается стремление к нетипичному, ненормативному поведению. Неоднократно мы сталкиваемся с тем, что пользователи допускают ненормативное поведение, нетипичное для той социальной среды, к которой они относятся. Например, чтобы выделиться в Рунете, участники общения пытаются выработать индивидуальный стиль: намеренно пишут с ошибками, используют зачеркнутый шрифт, пишут

поочередно строчными и прописными буквами, используют ненормативную лексику.

Это дало возможность выявить важную, на мой взгляд, особенность языка в сети – грамматическую свободу. Страницы чатов и форумов так и пестрят неологизмами и сленгом. По сути, Интернет – фабрика по производству новых слов. Например: «спс» (спасибо), «чедеешь» (что делаешь?), «я тя лю» (я тебя люблю) и многие другие слова, словосочетания и уже устоявшиеся выражения [4].

Молодежь впитывает все новое, как губка, и эту проблему, в свою очередь, обостряет уже стойкая привязанность молодых людей к телефонному общению посредством SMS и ISQ. Здесь важна скорость передачи мысли, поэтому слова беспощадно сокращают, забыв про грамматику.

Словарный запас виртуальной сети обогащен новыми словами, которые заимствованы, как правило, из американизированного английского языка. Вначале были специальные термины, обозначающие какую-либо деталь, составляющую, не имеющую точного аналога в родной речи. Но, несмотря на то, что большая часть заимствований имеет свой русский аналог: «никнейм» – псевдоним, «бан» – блокировка, «он – лайн» – реальное время и т.д., Интернет-неологизмы прочно заняли свою нишу в языке виртуального общения.

«Интернет-неологичное» общение начинается с пространства сети, а потом переносится на почву повседневной жизни. Словарный запас общения, таким образом, обновляется.

Ученые говорят о том, что словарный запас русского языка в целом составляет 500 000 слов, словарный запас А. С. Пушкина – 21 290 слов, а словарный запас современного русского человека – около 3 000 слов [4]. Получается, что до определенного возраста человек пополняет свой словарный запас, а как только в его жизнь входит виртуальное общение, такая необходимость отпадает, так как окружающие тебя и так понимают.

Итак, если абстрагироваться от оценочного подхода к тем или иным явлениям в Интернете, можно увидеть, что развитие языка в этой новой для него среде происходит под влиянием двух противоположных тенденций: тенденции к деформализации, т. е. отказу от единых и обязательных норм письменной речи; и тенденции к формализации, т. е. появлению новых норм, которые предполагают добровольность, сознательность и альтернативность. Остановить действие этих тенденций можно только путем наложения строгих ограничений на саму интернет-коммуникацию.

Влияние Интернета на развитие русского языка разное в различных областях. В области фонетики и графики (а в Интернете фонетика может быть представлена только в виде графики) это влияние может проявляться весьма ограниченно. Воздействие ошибочного написания на орфографию и пунктуацию языка вряд ли окажется значительным, и в этом смысле большую опасность представляют опечатки, которые могут появиться при переводе печатных текстов в электронную форму.

Больше всего изменений происходит в лексике. Появление новых слов и новых значений, изменение частотности сочетаемости и ассоциативных связей.

Наименьшее внимание привлекают изменения в области грамматики, в особенности синтаксиса. А между тем здесь есть повод для беспокойства. Синтаксис русского языка различен для устной и письменной его формы. Синтаксические обороты письменной речи рассчитаны на неторопливое чтение, позволяющее отследить все грамматические связи. А Интернет развивает привычку к быстрому чтению, в результате которого улавливается общий смысл, а усвоение синтаксической конструкции не происходит. Отсюда возросшее число ошибок на согласование, в том числе и в печатных текстах. В перспективе это может привести к упрощению синтаксической системы, вытеснению сложных конструкций в пассивный запас языка.

Наблюдаемые тенденции развития русского языка дают повод задуматься, но не дают оснований для пессимизма. Русский язык под влиянием Интернета может приобрести новые формы и средства выражения или утратить часть старых, но он останется русским языком во всем богатстве его возможностей.

Литература

1. Бергельсон М. Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации / М. Б. Бергельсон // Вестник МГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – №1. – С. 55–67.

2. Валиахметова Д. Р. Письменная разговорная речь в контексте особенностей Интернет-дискурса / Д. Р. Валиахметова // Бодуэновские чтения : Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика : Междунар. науч. конф. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т. 2. – С. 7–9.

3. Виноградова Т. Ю. Специфика общения в Интернете / Т. Ю. Виноградова // Русская и сопоставительная филология : Лингвокультурологический аспект. – 2004. – № 11. – С. 63–67.

4. Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России : Функционирование русского языка в Интернете : концептуально-сущностные доминанты / Г. Н. Трофимова. – М. : Изд-во РУДН, 2004. – 380 с.

РУССКИЙ ЯЗЫК В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Кравцова Евгения Николаевна,
студентка III курса института культуры

Науч. рук.: Луценко И. В.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий
Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

Актуальность исследования связана с выяснением влияния средств массовой информации на изучение русского языка и распространения его культуры. Исторически так сложилось, что именно язык наиболее чутко реагирует на различные изменения в экономике, политике, социально-культурной сфере, подстраивается под любые метаморфозы в общественном сознании. Если еще столетие назад основополагающим фактором в создании норм словоупотребления была художественная литература, то сегодня на формирование языковой культуры оказывает непосредственное влияние радио, телевидение, Интернет. Поскольку нынешнее общество находится в колоссальной информационной зависимости, можно утверждать, что язык, видоизменяясь, также становится мощным оружием информационного воздействия.

В этом процессе есть как положительные, так и отрицательные стороны. Благоприятным изменением можно считать то, что донесение информации стало более доступным, язык сообщения – более простым, а это означает, что такая информация стала понятной большей аудитории людей. К сожалению, в новых изменениях языка есть и негативные проявления. Современное общество смешало два понятия – «свобода слова» и «свобода речи». Под «свободой слова» подразумевается право на вольное высказывание своих мыслей, точки зрения и т. д. Проще говоря, человек может говорить то, что считает нужным. «Свобода речи» подразумевает под собой другой аспект – человек может говорить, как хочет, то есть употреблять жаргонизмы, слова, заимствованные из иностранных языков, диалектизмы и т.д. Смешивание этих двух понятий затронуло не только разговорную речь, но и речь журналистов. Анализ статей печатных изданий, речи дикторов на радио и телевидении, а так же публикаций на различных Интернет-ресурсах показывают, что во многих случаях журналистами нарушаются все речевые аспекты: коммуникативный, нормативный и даже этический.

Цель статьи – рассмотрение важности русского литературного языка для средств массовой информации, а так же его особенностей в различных направлениях системы публичного оповещения.

Средства массовой информации зачастую называют четвертой властью. И это не удивительно, потому что именно они в основном определяют настроения общественности, языковую, культурную и политическую ситуацию в обществе.

По сути, СМИ имеют власть над общественным сознанием. Грамотно сформулированная подача информации способна радикально изменить взгляды человека на событие или ситуации. СМИ действительно огромная сила.

Обладая высоким уровнем технологий в распространении информации и имея немалое влияние на общественность, язык средств массовых информационных не только отображает национальную речь современного общества, но и видоизменяет литературные нормы, наполняя их большей образностью, оценочными оборотами, а во многом и отточенной афористичностью.

Но в этом процессе есть и негативные черты. Вседозволенность, существующая в современном обществе, проникает во все сферы деятельности человека, в том числе и в журналистику. Фривольная манера речи некоторых СМИ приводит к тому, что литературная речь наполняется жаргонизмами, «непечатными словами», а также иностранными словами, имеющими исконно русские аналоги. СМИ являются своеобразным зеркалом, отображающим любые изменения в нормах русского языка. Для современных средств массовой информации свойственно: разнообразие норм речевого поведения; шаблонизация публицистических жанров; демократизация публицистического стиля; приверженность речевой моде.

В связи с тем, что СМИ имеют большое влияние на формирование норм современного русского языка, как никогда остро встает вопрос развития информационно-языковой культуры для сохранения традиционных норм национальной речи.

Русский язык в теле- и радиоэфире. Теле- и радиовыступления относятся к жанру публицистики. Благодаря этому способу передачи информации, освещаются политические, социальные и культурные события. Главным требованием к такому роду оповещений является точность и достоверность преподносимой информации. Но в то же время им характерны общедоступность, призывность и эмоциональность.

Информация в теле- и радиоэфире рассчитана на широкую аудиторию. Она должна подаваться в доступной и понятной форме. Речь телеведущего и диктора во все времена считалась образцом для подражания. Особенно пристальное внимание уделялось речи СМИ в СССР. Стоит лишь вспомнить великих дикторов того времени – Юрия Левитана и Игоря Кириллова. До сегодняшнего дня никто не превзошел их профессионального мастерства. Речь этих дикторов не просто соответствовала языковым нормам, а была образцом настоящего «живого» русского литературного языка. Речь диктора и телеведущего отображает языковую культуру всей страны.

Анализируя и сравнивая новостные эфиры советского времени и современности возникает вывод, что качество речи очень снизилось. Вот несколько примеров языковых и грамматических ошибок в эфире российских телеканалов («НТВ Мир», «Россия 24», «Первый канал», «Рен ТВ»): употребление жаргонизмов и нецензурной лексики во время ведения репортажа с места событий; неправильная расстановка ударений; дефекты речи; неправильное произношение слов; грамматические ошибки в титрах.

Сетевая журналистика. В последнее время Интернет становится все более популярным в информационном русскоязычном пространстве. На онлайн просторах развиваются практически все сферы журналистики. Так же с развитием Интернет-технологий увеличивается количество различных сайтов.

Информация распространяется очень быстро, но содержит большое количество непроверенных сведений, низкосортного материала, наполненного лексическими и грамматическими ошибками, жаргонизмами и т. д. Этот процесс дает пространство для творчества копирайтерам – людям копирующим информацию с одного сайта на другой. Соответственно, стоит хотя бы на одном из сайтов допустить ошибку, как она распространится буквально по всему Интернету.

Для сетевой журналистики характерен разговорный стиль написания текста, а такой формат нередко провоцирует журналиста на употребление некорректных слов, обозначений, ошибок в грамматике и семантике.

Исследование текстов телеведущих, просмотр периодической печати и страниц сети Интернета позволяет сделать некоторые выводы: в языке СМИ слишком много небрежностей и «неправильностей» в речи, вызванных недостаточным знанием стилистических своеобразий или смысловых оттенков разных выражений и конструкций, а также правила сочетания слов; в разговорно-литературную речь стали входить слова и обороты грубого просторечия; наблюдается широкое и усиленное употребление своеобразных вульгарных, а иногда и подчеркнуто – манерных жаргонизмов; неоправданное употребление в языке средств массовой информации слов иностранного происхождения может привести к тому, что через много лет мы перестанем понимать язык наших классиков.

Таким образом, язык современных СМИ обладает всеми недостатками русского языка нынешнего периода, и обеспечить благоприятное развитие и восприятие языка СМИ обществом можно именно путем повышения речевой культуры всех членов общества, в том числе и журналистов, работников телевидения, к которым надо предъявлять особенно жесткие требования в области владения языком.

Литература

1. Иванова Т., Черкасова Т. Русская речь в эфире : Комплексный справочник / Т. Иванова, Т. Черкасова. – М. : Дрофа, 2008. – 250 с.
2. Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана : Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте / О. А. Лаптева. – М. : ЛКИ, 2007. – 520 с.
3. Материалы телепередач "НТВ Мир", "Россия 24", "Первый канал", "Рен ТВ".

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

Кравченко Валерия Сергеевна,
студентка III курса факультета экологии и химической технологии

Науч. рук.: Стеценко Н. М.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры украинского и русского языков
Донецкий национальный технический университет

Отличительной чертой современных средств массовой информации является применение авторами медийных текстов огромного количества разнообразных приемов, повышающих экспрессивность новостной информации. Одним из таких приемов является использование журналистами языковой игры в газетных заголовках. Различные аспекты языковой игры отражены в работах таких ученых как С. В. Ильясова, Е. В. Падучева, Е. А. Земская, Т. А. Гридина, Н. И. Клушина, В. З. Санников, С. И. Сметанина и др. По утверждениям исследователей, языковая игра превратилась в почти необходимый атрибут текстов современных СМИ. В лингвистике языковой игрой называют совокупность явлений, когда говорящий «играет» с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное» [4, с. 172]. Наиболее интересным для исследования полагаем использование языковой игры со шрифтовым варьированием в газетных заголовках.

Цель данной статьи: систематизировать способы применения языковой игры со шрифтовым варьированием в газетных заголовках русскоязычной украинской прессы.

Разные аспекты феномена языковой игры в газетных заголовках исследовали Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, С. В. Ильясова, А. А. Негрышев, Н. Сабурова, В. З. Санников и др.

Термин языковая игра впервые был употреблен Л. Витгенштейном в работе «Философские исследования», ему же принадлежит широкая трактовка языковой игры как «одной из тех игр, посредством которой дети овладевают родным языком» [1]. В исследованиях последних лет термин «языковая игра» получил несколько иную (более узкую) трактовку: под языковой игрой понимается осознанное нарушение нормы. При таком подходе языковая игра противопоставляется языковой ошибке. В современной языковой ситуации не всегда легко провести грань между ошибкой и игрой. То, что традиционно квалифицировалось как ошибка, например, неоправданное употребление прописной буквы в современных рекламных текстах, в аббревиатурах, воспринимается при том же подходе не как нарушение орфографической нормы, а как реализация коммуникативной нормы, определяющейся задачами рекламного текста.

Таким образом, главными признаками языковой игры в исследованиях называются комический эффект и анормативность (С. В. Ильясова, Т. А. Гридина, В. З. Санников и др.). Например, С. В. Ильясова отмечает, что для достижения комического эффекта создатель текста, передавая информацию, намеренно нарушает языковые нормы [2].

Одним из приемов языковой игры исследователи называют графическое выделение. Этот прием широко исследовал В. Г. Костомаров. Обобщив классификации языковой игры, представленные в научных работах С. Ильясовой, предложим следующую классификацию языковой игры с шрифтовым варьированием в современных СМИ.

1. На базе омонимии:

а) «**МИРовой парень** (заголовок)...16 лет отчисляет свою зарплату в фонд **мира** водитель автобуса Виталий Травин (текст)» («Известия», 15.04.2000);

«Нас не **переКОСишь!** (заголовок)...посреди Керченского пролива раскинулась песчаная **коса**Гузла. Собственно, она и является камнем преткновения в пограничных спорах» (текст) (КП, 17.10.2000).

Разновидностью названного типа игры можно считать **обыгрывание имени собственного** в качестве графически выделенной части:

«**ГАЗ**ификация Литвы» (заголовок). «Прервавшиеся с распадом Советского Союза связи России с Прибалтикой начали восстанавливаться – АО «**Горьковский автозавод**» объявило вчера о начале сборки своих автомобилей в Литве» (текст) («Известия», 22.11.2000);

ФАКЕЛЬНОЕ шествие (заголовок). «Футбольную драку в Воронеже перед матчем «**Факел**» - «Спартак», по одной из версий спровоцировали неонацисты» (текст) (КП, 08.08.2000).

2. На базе паронимии:

а) выделение аббревиатур.

В статье под названием «**ЛОМОвая юность**» сообщается, в частности, такой факт из биографии вице-премьера И.Клебанова, как работа на Ленинградском оптикомеханическом объединении (**ЛОМО**); **ВОЗ** (Всемирная организация здравоохранения) – **ВОЗ**ражения против табака (КП, 08.08.2000).

б) выделение имен собственных:

«В на**ЗИДА**ние «Ювентусу» (заголовок) («Известия», 26.11.2000). В данном примере графически выделена фамилия знаменитого игрока футбольного клуба «Ювентус» - **З. Зидана**, который был дисквалифицирован за грубую игру.

В качестве графически выделенной части может использоваться название фирм: «**НАФТА**линовый бизнес (фирма «**Нафта**», экспортирующая нефть и нефтепродукты).

в) выделение имен нарицательных:

«**ПоКЛОН** с того света» (заголовок) «Богатая американская семья собирается с помощью **клонирования** вернуть себе умершую дочь» (текст) (КП, 20.10.2000).

3. Выделение в контаминированных образованиях.

Контаминациями называют один из самостоятельных типов языковой игры, результатом которой является создание инноваций контаминированной структуры и систематики. «**Катавасия**» (заголовок); «Запасники известного музея уже больше 250 лет охраняют пушистые смотрители» (лид) («Известия», 22.11.2000);

«Нас снова **ОСКАР**били» (заголовок). «Ни одна из трех картин, представленных на соискание «**Оскара**» странами СНГ, не прошла предварительный конкурс» (КП, 17.02.2000).

Полагаем, что значение шрифтовых выделений имеет огромное значение для восприятия газетной информации, поскольку подсознание читателя всегда из монотонного газетного текста выделит именно слова, которые написаны крупным шрифтом или курсивом.

В наше непростое время журналистам все сложнее привлечь читателя, а графическое выделение в заголовках очень выгодно подчеркивает тему статьи и делает её более привлекательной для простых людей.

Данное явление в масс-медиа вызывает разные оценки учёных. Исследователь Е. Н. Канаева видит в словотворчестве подобного рода опасную, мотивированную вседозволенностью тенденцию к расшатыванию морально-этических основ общества [3, с. 77] и ставит в пример журналистов печатных СМИ Италии и Германии, которые оставляют за газетным заголовком исключительно информативную функцию, минимизируя употребление прецедентных речевых единиц. В то же время Е. П. Черногрудова в своем диссертационном исследовании утверждает, что набор и разнообразие экспрессивных приёмов в заголовках свидетельствует о профессионализме журналистов и, следовательно, об уровне издания [5].

Можно долго спорить о правильности и оправданности таких методов привлечения читателей, но известные издания доказывают то, что в современном мире без подобных «хитростей» не обойтись.

Все выше перечисленные методы языковой игры с графическим выделением широко используются во всех СМИ. Для читателя стали незаметными и вполне нормальными такие выделения, но вместе с тем подсознание всегда из монотонного газетного текста выделит именно слова, которые написаны крупным шрифтом или курсивом. Журналистам все сложнее привлечь читателя, а графическое выделение в заголовках очень выгодно подчеркивает тему статьи и делает её более привлекательной для простых людей. Можно долго спорить о правильности и оправданности таких методов привлечения читателей, но известные издания доказывают то, что в современном мире без «хитростей» не обойтись.

Литература

1. Гридина Т. А. Языковая игра : стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург, 1996. – Режим доступа : <http://gigabaza.ru/doc/110519.html>

2. Ильясова С. В. Языковая игра в газетном тексте [Электронный ресурс] / С. В. Ильясова // RELGA: научно-культурологический электронный журнал. – № 23 (77). – Режим доступа : <http://www.relga.ru/Environ>.
3. Канаева Е. Н. Несколько замечаний о газетных заголовках / Е. Н. Канаева // Русская речь. – 2007. – № 6. – С. 75–77.
4. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 533 с.
5. Черногрудова Е. П. Заголовки с прецедентными текстами в современной публицистике / Е. П. Черногрудова : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Воронеж, 2003. – 243 с.

БІБЛЕЇЗМ НАРІЖНИЙ КАМІНЬ ТА ЙОГО ІНТЕРПРЕТАЦІЯ В СУЧАСНОМУ МОВЛЕННІ

Мазур Олена Анатоліївна,
студентка III курсу філологічного факультету

Наук. кер.: Шкуран О. В.,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри української мови і загального мовознавства
Луганський державний університет ім. Тараса Шевченка

У російську та українську мови вираз *наріжний камінь* (рос. «краеугольный камень») прийшов зі старослов'янської. Первісне значення – це перший камінь, який кладуть в основу будови. Він приймає на себе основний тягар і визначає розташування будівлі. Ще в залізному столітті наріжний камінь використовували для з'єднання двох суміжних стін в архітектурних спорудах. Це забезпечувало міцність. Це був особливо великий камінь, що вимагав спеціальних зусиль і ритуалів. На його поверхні вирізали щось (дату, ім'я, релігійний знак тощо). Коли закладався камінь – означало, що закладено основу [2, с. 23].

У радянський час поняття *наріжний камінь* стало ідіомою і набуло семантичного значення основи, початку, суті чогось. Для урочистої закладки *наріжного каменя*, що умовно означає початок будівництва, запрошували відомих громадських і культурних діячів, великих підприємців, представників духовенства. Запрошених залучали до самого укладання каменю, іноді з використанням спеціально виготовлених для цього інструментів – молотка, кельми, шпателя. Зазвичай на камені вказували прізвища почесних гостей, які брали участь в урочистостях.

У Біблії згадуються *і наріжний камінь, і камінь на чолі кута*.

У Новому Завіті Ієшуа цитує слова Давида (Пс. 117: 22): *Знехтуваний всіма камінь став основою, на якій все буде триматися! Ісус Христос бере ці слова і повторює їх відносно себе: „Камінь, що відкинули будівничі, той*

наріжним став каменем” (Пс. 117: 22) (ст.-слав. *Камінь, егоже небрегоша будівничі, сей бисть в главу кута*) [1, с. 234, 237].

Користуючись інтернет-ресурсами, ми вибрали підзаголовки різних ЗМІ, до складу яких входить вираз *наріжний камінь*. Це, зокрема, назви інтернет-форумів: „Таблиця Менделєєва – наріжний камінь хімії”, „Логіка – наріжний камінь філософії”, а також назви книг: «Пожарный типаж. Том 1. Краеугольный камень», «Ржев – краеугольный камень Восточного фронта» та ін.

Нерідко вираз *наріжний камінь* підміняють іншим, на перший погляд аналогічним – *камінь спотикання* (рос. «камень преткновения»), який теж має біблійне коріння.

Згідно з Біблією *камінь спотикання* – це камінь, який був покладений Богом в Сіоні, щоб спотикалися невіруючі. Апостол Петро цитує вірш із книги пророка Ісайї: *Тому так говорить Господь Бог: Ось Я кладу в основу на Сіоні камінь, каменя випробуваного, наріжного, дорогого, міцно вірує в нього не осоромиться* (Іс. 28:16) і укладає *Отже Він для вас, віруючих, коштовність, а для невіруючих камінь, що відкинули будівничі, але який став главою кута, і камінь спотикання, і скеля спокуси, і об нього вони спотикаються, не вірячи слову, на що й призначені* (1Петр. 2: 6–8). Як бачимо, первісне значення виразу *камінь спотикання* – перешкода, яку майже неможливо подолати. На сьогодні вираз став ідіомою і набув семантичного значення перешкоди, яку важко подолати на шляху до досягнення мети, або ж причину невдачі.

Згідно з Біблією *наріжний камінь* – *камінь спотикання*. Тобто *наріжний камінь* і *камінь спотикання* – це одне й те саме поняття, але у набутих метафоричних значеннях вони різняться. *Наріжний камінь* – то основа, а *камінь спотикання* – спірне питання, причина конфлікту. Ось, наприклад, можна сказати, що *наріжним каменем* виникнення найдавніших держав на півдні стали клімат і наявність джерела води. Якщо ж спробуємо замінити одну ідіому іншою, то речення втрачає своє первісне значення, і взагалі буде некоректним.

Ми провели психолінгвістичний експеримент серед студентів університетів та працюючих ЛНР різного віку у різних напрямках. Учасникам дослідження запропоновувалося заповнити анкету, в якій вони мали вказати:

- чи чули вони такий вираз як *наріжний камінь* (рос. «краеугольный камень»), і якою мовою;
- чи знають вони якісь відомості про його походження;
- як вони можуть його розтлумачити.

Серед 100 респондентів роком від 18 до 64 цей вираз чули:

- в перший раз – 71 людина;
- і російською, і українською – 2 людини, при чому обидві правильно вказали і на походження, і на тлумачення;
- тільки українською чула всього 1 людина, але вона не змогла дати хоч якісь відомості про фразеологізм;
- тільки російською мовою чуло 25 учасників дослідження, серед яких вказали на походження:

1. з фольклору – 1;
2. з психології – 1;
3. правильно – 5 чоловік;

Троє навіть детально описали історію виникнення та поширення цього біблеїзму.

На питання розтлумачити вираз відповіді були щонайрізноманітніші:

- а) щось з секретом (1);
- б) головна думка (1);
- в) предмет, відносно якого не можуть прийти до згоди; гостре протиріччя (5);
- г) предмет, що не підходить (1);
- г) камінь, що має гострі кути (1);
- д) кидатися в крайнощі (1);
- е) зацикленість на чомусь (1);
- є) камінь, що має багато сторін, або ж неповторну та своєрідну форму (1);
- ж) чули, але не пам'ятають, при яких обставинах і відповідно не можуть дати визначення (4);
- з) основа, початок, фундамент; головна думка чого-небудь (9).

• російською, а також англійською, знає 1 працююча студентка, що змогла дати правильні відповіді на всі пункти анкети.

Контингент інформантів – це 14 студентів віком від 18 до 21 та 11 працівників віком від 25 до 52 років.

Отже, зі 100 учасників дослідження, тільки 7 відповіли на всі питання анкети правильно. Це жінка-домогосподарка 52 років та 3 чоловіки 20, 25 та 31 років, що мають професії ніяк не пов'язані з історією, релігією та будівництвом, а також 2 студенти історичного факультету та студентка факультету природничих наук.

Таким чином, біблеїзм *наріжний камінь* майже вийшов із ужитку. Сьогодні люди можуть дізнатися про нього з книг, насамперед з Біблії, літератури кінопродукції, але не з щоденних розмов з пересічними людьми. Моніторинг указує на те, що люди, які вже мають роботу, володіють трохи більшим обсягом інформації, ніж ті, що навчаються в університеті. Це можемо обґрунтувати старшим віком та більшим досвідом. Не можемо стверджувати зі 100% впевненістю, що молодше покоління поступається старшому у прагненні до нових знань, адже все обумовлено індивідуальними особливостями. 5 зі 100 інформантів з повною впевненістю вказали на те, що *наріжний камінь* – це спірне питання щодо якого ніяк не можуть прийти до згоди, тим самим плутаючи цей біблеїзм з іншим – *каменем спотикання*.

Отже, поширення фразеологізм *наріжний камінь* набув завдяки Біблії, у якій і почав вперше використовуватися як метафора; за результатами дослідження на сьогодні цей вираз не є загальноживаним, хоча значення свого протягом часу не змінив; *наріжний камінь* та *камінь спотикання* не є аналогами, хоча й називають один і той же предмет. Перший позначає основу,

фундамент, початок чого-небудь, останній – конфлікт, протиріччя. Фразеологізми з різним значенням не можуть бути взаємозамінними.

Література

1. Библия : Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Издание Московской Патриархии, 1990. – 1372 с.
2. Камень преткновения [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru>

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА СМИ

Межённая Анна Андреевна, Хоменко Елена Сергеевна,
студентки II курса института учёта и финансов

Науч. рук.: Колесниченко Л. В.,
ст. преподаватель кафедры лингводидактики
Донецкий национальный университет экономики
и торговли им. М. Туган-Барановского

Стремительное развитие всех сторон жизни современного общества, наблюдаемое в конце XX – начале XXI веков, происходило одновременно с поистине революционными изменениями в области средств массовой коммуникации. Появление интернета дало мощный толчок для традиционных СМИ – печати, радио, телевидения, что привело к созданию глобального информационного пространства, особой виртуальной среды, образованной совокупностью множества медиа потоков.

Переход к новым реалиям, связанных с передачей и восприятием информации, выдвинул в качестве одной из важнейших задач всестороннее исследование языка во всем его многообразии. Цель нашей работы заключается в изучении одного из аспектов языка – его функционирования в средствах массовой коммуникации. Рассмотрим некоторые вопросы.

Известно, что СМИ подразделяются на:

- визуальные (периодическая печать);
- аудиальные (радио);
- аудиовизуальные (телевидение, документальное кино).

Среди функций СМИ выделяют следующие:

- информационную (часто изложение фактов сопровождается комментарием к ним, их анализом и оценкой);
- познавательно-просветительную (передавая многообразную культурную, историческую научную информацию, СМИ способствуют пополнению фонда знаний своих читателей, слушателей, зрителей);

– функцию воздействия (СМИ не случайно называют четвертой властью: их влияние на взгляды и поведение людей достаточно очевидно, особенно в периоды так называемых инверсионных изменений общества);

– гедонистическую (здесь речь идет не просто о развлекательной информации, но и о том, что любая информация воспринимается с большим положительным эффектом, когда сам способ ее передачи вызывает чувство удовольствия, отвечает эстетическим потребностям адресата).

СМИ прочно вошли в жизнь человеческого общества. Они являются мощным средством воздействия на человеческий разум. Будучи динамичным по своей сути, язык СМИ наиболее быстро реагирует на все изменения в общественном сознании, отражая состояние последнего и влияя на его формирование.

Однако в газетах встречается большое количество ошибок, а с экранов телевизора часто звучит далеко не образцовая русская речь.

Учитывая отношение молодежи к телевидению – для многих это единственный источник и «светоч» в жизни, – СМИ должны бережно обращаться с русским словом.

В своей книге «Русский язык на газетной полосе» известный ученый-лингвист В. Г. Костомаров, указывая на особенности языка СМИ, выделил в качестве основной черты современной газеты стремление к стандартизации и одновременно к экспрессивности. Широкие возможности для реализации этой тенденции представляют фигуры речи, тропы и аллюзия. Не будем подробно останавливаться на характеристике всех аспектов этого явления. Коснемся лишь некоторых, являющихся, на наш взгляд, наиболее яркими.

К фигурам речи, понимаемым нами как отступления от нейтрального способа изложения с целью эмоционального и эстетического воздействия, относят различные типы вопросов, повторы, аппликации, структурно – графические выделения. Нам показалось интересным проанализировать язык газеты «Московский комсомолец» с точки зрения встречающихся там аппликаций. Анализировались номера «МК» от 12.10.15 г., 18.10.15 г., 20.10.15 г.

Аппликациями называются вкрапления общеизвестных выражений – фразеологических оборотов, пословиц, поговорок, сложных терминов – в текст. В языке «МК» мы встретили такие аппликации: *никто не хотел забирать, яма раздора, чем сердце успокоится, аванс имени Нобеля, между красными и литовцами», сказав «а», обычно приходится говорить «б».*

Активно используются в языке «МК» и тропы – языковые единицы, имеющие второй план, угадываемый за буквальными значениями: метафоры, метонимии, синекдохи. Приведем примеры: *наша экономика не тонет, уголь в Украину идет не в полную силу, маленькие пенсии под сладким соусом, Меркель наконец-то надела синий пиджак надежды, сильная Вера (об актрисе Вере Васильевой).*

Очень часто, особенно в заголовках статей, встречаются в «МК» и аллюзии – особые приемы текста – образования, заключающиеся в соотнесении

создаваемого текста с какими-то уже существующими литературными или историческими фактами. Например, *следствие ведет РПЦ, раздайте патроны, поручик Голицын, кому суждено прорубить окно в Европу, а что же наш Евгений*.

Использование в языке СМИ различных фигур речи, троп и аллюзий, безусловно, способствует тому, что язык газеты становится ярким, сочным, образы запоминающимися. Это тем более важно в условиях жесткой конкуренции, информационного рынка, борьбы за читателя, поэтому-то журналисты стремятся сделать свою продукцию броской, остроумной, привлекающей внимание, часто при этом, к сожалению, переходя границы, которые требует соблюдать культура речи.

Культура речи в СМИ – это прежде всего умение выбрать и употребить языковые средства таким образом, чтобы они соответствовали параметрам общения, функциям СМИ. Несмотря на упоминающееся выше желание журналистов привлечь внимание читателей любой ценой, необходимо в обязательном порядке соблюдать нормы литературного языка, помня о том, что, кроме известных функций, СМИ выполняют еще две важнейшие задачи: способствуют распространению русского языка в мире и повышают грамотность населения.

Рассмотрим наиболее типичные, на наш взгляд, недочеты в языке СМИ:

1) в области лексики:

– неточное употребление слова: *в начале семидесятых лет, от разработки до внедрения проходит очень большой путь (срок), я внимаю (взываю) к вашему разуму, это ее самое вкусное лакомство, меньшая / большая половина, в районе двух часов;*

– лексические штампы, или стандарты, которые быстро закрепляются:

устойчивые: *в долгу перед кем, в этом отношении, из первых рук, в полном разгаре, ни в коей мере, голубое топливо, черное золото, белое золото;*

ошибочные: *понес жертвы и лишения, уделить важное внимание, мотивы продиктованы;*

– плеоназмы – употребление слов, близких по значению: *мы пришли к согласию и консенсусу, передовой авангард, потерпели полное фиаско и др;*

– тавтология – повторение однокоренных слов, близких по значению: *польза от использования этих предметов, на фабрике установлены две фасовочных линий для фасовки;*

– паронимы – близкие по звучанию, часто однокоренные, однако разные по значению: *абонемент не отвечает (надо абонент), он вздохнул воздух (надо вдохнул), роспись директора на документе (надо подпись) и др.;*

– полукальки: *топ-руководитель, телевецание, пролонгировать, трудоголик, wellness-консультант, стрипрейсер-убийца;*

– транслитерация: *columnist (колумнист) – ‘журналист, имеющий постоянную колонку в газете’; domain-site (домен-сайт); top-manager (топ-менеджер); омбудсмен – (швед.) ‘человек, отстаивающий чьи-то права’;*

2) в области морфологии:

– неправильное употребление падежных форм имен существительных: *благодаря этих процессов, вследствие нашему соглашению и т. д.*;

– неправильное употребление форм имен числительных: *около двадцать делегатов, с одна тысяча сто сорок тремя туристами и т.д.*;

3) в области синтаксиса:

– нарушение согласования по смыслу: *Народ устал от бесконечного вранья, от того, что их обманывают. Сразу несколько конфликтов были погашены*;

– нарушение управления: *присуще большинству сельским труженикам; свидетельство о том, что; указывать о том, что*;

– нарушение традиционного порядка слов: дистантное препозитивное расположение прилагательных, которое способствует непринужденному, разговорному звучанию высказывания: *Мне бы хотелось еще маленькое сделать замечание. В свое время замечательная была книга напечатана Львом Гинзбургом. Автор колоссальную провел работу; постпозиция (инверсия фольклорного характера): море синее, поле чистое, писал я не раз, говорили мы ему*;

4) в области стилистики:

– совмещение лексических единиц разных стилей: *реквием лабуха Островского, однако людям науки такая неразбериха не по нраву, отчего «императрицу» понесло и т.д.*

Язык СМИ, являясь составной частью литературного языка, имеет свои особенности, как общие, характерные для всех видов СМИ, так и частные, свойственные отдельным подъязыкам – периодической печати, радио, телевидению, интернету. В результате исследования газетных текстов мы попытались классифицировать те недостатки и отклонения, которые встретились на страницах «МК».

Думается, что избежать их может помочь улучшение подготовки работников СМИ и их личная ответственность за слова, которые они несут в массы.

Литература

1. Баранов А. Н. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание / А. Н. Баранов, В. В. Паршин // Роль языка в средствах массовой коммуникации. – М., 2003. – С. 100–143.

2. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе / В. Г. Костомаров. – М. : Просвещение, 2001. – 267 с.

3. Медведева С. Ю. Специфика языка печати как средства массовой коммуникации / С. Ю. Медведева // Роль языка в средствах массовой коммуникации. – М. : 1996.

4. Введенская Л. А. Русский язык и культура речи : Учеб. пособ. для вузов / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова, Е. Ю. Кашаева. – Ростов/н/Д : «Феникс», 2001. – 311 с.

ЯЗЫК И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Мещерякова Анастасия Григорьевна,
ученица 10 класса

Науч. рук.: Фролова А. Л.,
учитель русского языка и литературы
Комсомольская общеобразовательная школа I–III ст. № 1
управления образования администрации Старобешевского района

В настоящее время русский язык переживает новое состояние: он приспособляется к быстро меняющейся жизни нашего общества. В этом процессе обновления многое является положительным, полезным: демократизация языка, усиление «разговорной струи», освобождение от официозности, оживление языка новыми выразительными средствами. Однако момент разрушения, вседозволенности, распространившийся в общественных процессах, проникает и в сферу употребления языка. Это сказывается в засорении речи внешними заимствованиями (большим количеством иностранных слов, имеющих хорошие русские соответствия) и внутренними заимствованиями (жаргонизм, «непечатными» словами, наводившими не только разговорную речь, но и художественную литературу, публицистику), в расшатывании языковых норм, которые становятся менее строгими и обязательными, в разрушении русских культурно-речевых традиций.

Названные явления оказывают негативное воздействие на речевую культуру русского человека. К сожалению, она сейчас очень невысока. Идет речь даже о деградации языка. Удручает безграмотность письменной и устной речи, засилие просторечия и разгул матерщины, нарушение элементарных этических норм общения не только в межличностной, но и в публичных сферах. Подобное отношение к языку, нашему национальному богатству, мешает общению на русском языке.

Много претензий высказывается в адрес средств массовой информации (СМИ). Действительно, речь журналистов, которая все чаще остается для населения, особенно подрастающего поколения, источником языковых образцов, далека от совершенства. В ней наиболее быстро и отчетливо отразились те негативные явления, которые вызывают тревогу за современное состояние русского языка, за уровень речевой культуры в нашем обществе.

Основной фактор, определяющий современное речевое бескультурье в СМИ, – тот же самый, что и в стране в целом: российское языковое сознание смешало два понятия: свобода слова (говори, что хочешь) и свобода речи (говори, как хочешь). Именно поэтому на замечание по поводу сквернословия у нас отвечают: «А у нас свобода слова».

Наблюдения за языком СМИ (центральных и местных газет, радио- и телепередач разных каналов, сети Интернет) показывают, что ими часто

нарушается все аспекты культуры речи: нормативный. Коммуникативный, этический.

Средства массовой информации занимают огромное место в жизни отдельного человека и в обществе в целом. Телевидение, радио, печать, интернет, реклама стали основными источниками информации, формирующими внутренний мир человека, его мировоззрение и культуру речи.

Современные средства массовой информации во многом определяют языковую, социально-психологическую и культурную ситуации в обществе. Информирова человека о состоянии мира и заполняя его досуг, СМИ оказывают влияние на весь строй его мышления, на стиль мировосприятия, на тип культуры сегодняшнего дня.

Обладая высоким престижем и самыми современными средствами распространения, язык СМИ выполняет в «информативном обществе» роль своеобразной модели национального языка, он активно воздействует на литературную норму, языковые вкусы и предпочтения.

С одной стороны, язык массовой коммуникации по-своему обогащает литературный язык, насыщая его оценочными оборотами, формируя отточенную, нередко афористическую речь. С другой стороны, нельзя не видеть негативной роли языка некоторых СМИ, изобилующего многообразными отступлениями от нормы, наводняющего речь жаргонизмами и иноязычными словами. Именно в СМИ происходят активные процессы изменения языковой нормы русского языка.

Русский язык в телеэфире. Телевизионные выступления относятся к жанру публицистики. Они раскрывают общественно-политические, экономические и культурные отношения. Выступления по телевидению должны отличаться достоверностью, точностью фактов, строгой обоснованностью. В то же время для них являются характерными эмоциональность, призывность и общедоступность.

Телевыступления рассчитаны на широкую аудиторию и должны быть понятны всем. Речь телеведущих – образец для подражания. Именно они (телеведущие) формируют речевую культуру в современной России. Однако не все выступления соответствуют этим нормам.

Создаётся впечатление, что электронные СМИ на рубеже веков получили возможность во всех возрастных слоях миллионных масс людей формировать язык, его словарный запас и языковые нормы (произношение, мелодику).

У электронных СМИ есть ряд специфических особенностей: невозможность приостановить поток информации с целью осмыслить непонятное, переспросить неясное, выборочно получать лишь желательное из потока информации и т.п., вплоть до приемлемости или неприемлемости диктора или ведущего.

Все это превращает электронные СМИ в доминирующий инструмент в процессе формирования языка, диктующий свои условия и ставящий потребителя в безвыходное подчиненное положение.

Язык рекламы. В постсоветской России 1990-х гг. в силу развивающейся рыночной экономики получила распространение и утвердилась в общественной повседневной действительности новая сфера деятельности – рекламная и соответственно новый тип текстов – рекламных.

Российская реклама представляет собой развивающуюся сферу деятельности, правила в которой ещё только устанавливаются. Как показали время и исследования, реклама не только двигатель торговли, но и стимул для развития речевой деятельности.

Но не журналисты определяют языковую палитру нашего вещания, в основном она определяется теми, кто делает рекламу. И по времени, и по влиянию язык рекламы оказывается чрезвычайно сильным. Притом большинство объявлений даются иностранными компаниями, и эта реклама. Как правило, перевод с английского. Ситуация здесь очень сложная. Необходимо обращать больше внимание на языковое качество рекламы, поскольку язык рекламы очень широко внедряется в общую речь: многие говорят новыми штампами – не газетными, а рекламными.

Своеобразие языка рекламы определяется тем, что он всегда находится во взаимодействии:

- со зрительным рядом (печатная, наружная реклама);
- со звуковым рядом (на радио);
- со звуковым и зрительным рядом (в составе телевизионного ролика, клипа).

Сетевая журналистика. В последние годы позиции компьютерной сети Интернет в русскоязычном информационном пространстве значительно укрепились. Интернет охватывает практически все тематические сферы современной журналистики. Новые виртуальные возможности создают благоприятную почву для всякого рода новообразований, прежде всего лексического плана. Сетевому журналисту, нашедшему какое-нибудь новое слово и сумевшему это слово изящно употребить, нередко удастся навязать его всему виртуальному обществу.

Сетевой журналист не ограничен рамками бумажной страницы. Минувя этот этап, материал статьи изначально имеет статус печатного текста. Для такого облегченного и ускоренного способа передачи информации характерен менее официальный стиль речи, близкий к разговорному. А также определенная размытость жанровых границ. А разговорный стиль ближе при изложении материала в свою очередь провоцирует некоторых журналистов на привлечение некорректных языковых средств, ошибок в семантике.

В языке СМИ слишком много небрежностей и «неправильностей» в речи, вызванных недостаточным знанием стилистических своеобразий или смысловых оттенков разных выражений и конструкций, а также правил сочетания слов.

К границам разговорно-литературной речи приблизились и иногда беспорядочно врываются слова и обороты областного или грубого просторечия.

Наблюдается широкое и усиленное употребление своеобразных вульгарных, а иногда и подчеркнуто-манерных жаргонизмов.

Неоправданное употребление в языке средств массовой информации слов иностранного происхождения может привести к тому, что через много лет мы перестанем понимать язык наших классиков.

Таким образом, язык современных СМИ обладает всеми недостатками русского языка нынешнего периода, и обеспечить благоприятное развитие и восприятие языка СМИ обществом можно именно путем повышения речевой культуры всех членов общества, в том числе и журналистов, к которым надо предъявлять особенно жесткие требования в области владения языком.

Русский язык – язык великого народа, язык великой литературы.

Величие и мощь русского языка общепризнаны. Русский язык считается «одним из самых сильных и богатых языков» мира. В связи с этим увеличивается ответственность всех тех, для кого русский язык является родным, за его чистоту и правильность, за его точность и выразительность. «Надо вдумываться в речь, в слова», – говорил Чехов. «Надо воспитывать в себе вкус к хорошему языку; как воспитывают вкус к гравюрам, хорошей музыке», – утверждал Максим Горький молодое поколение советских писателей.

Литература

1. Белоусов В. Н. Русский язык в ближнем зарубежье и русская речь в российских средствах массовой информации / В. Н. Белоусов. – М. : Наука, 2007. – 400 с.
2. Воротникова Ю. Л. О некоторых особенностях языка средств массовой информации / Ю. Л. Воротникова. – СПб. : Просвещение, 2007. – 342 с.
3. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. – М. : Добросвет, КДУ, 2009. – 234 с.
4. Иванова Т., Черкасова Т. Русская речь в эфире : Комплексный справочник. – М. : Дрофа, 2008. – 250 с.
5. Николаева Т. Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы : социолингвистическая дистрибуция / Т. Николаева // Язык как средство трансляции культуры. – М., 2006. – С. 112–131.
6. Черных А. Усталость состраданий / А. Черных // Мир современных медиа. – М. : Территория будущего, 2007. – С. 180–194.
7. Электронные версии печатных СМИ. Режим доступа : <http://pressa.ru/>

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Омельченко Анастасия Андреевна,
студентка II курса факультета права
и социального управления

Науч. рук.: Богданов А. В.,
кандидат наук по государственному управлению,
доцент кафедры краеведения
Донецкий государственный университет управления

Телевидение, радио, интернет, газеты, журналы – то, без чего современный человек не может представить свою жизнь. Средства массовой информации несут в себе в первую очередь информацию, которая передается непосредственно с помощью языка. Благодаря этому, общество имеет представление о том, что происходит в мире. Следовательно, актуальным является вопрос о роли СМИ в обществе и влиянии на русский литературный язык.

Русский язык – это язык российского государства и русской нации, сложившийся на протяжении веков исторический литературный клад. На сегодняшний день он все чаще и чаще подвергается опасности быть искаженным, разрушенным. Эта угроза напрямую исходит в большинстве своем от средств массовой информации. Следует обратить особое внимание на то, что 70-80% информации воспринимается обычными людьми с помощью СМИ.

Средства массовой информации подразделяются на аудиовизуальные (документальное кино, телевидение), аудиальные (радио), визуальные (периодическая печать) [2]. Все они объединяются в единую систему – систему влияния на общество. Есть несколько подходов к выделению основных функций СМИ, но остановиться хотелось бы на следующих:

1. Информативная (функция сообщения, репрезентативная) заключается в том, чтобы информировать аудиторию о событиях и условиях жизни непосредственного окружения, сообщества, мир в целом.

2. Идеологическая функция означает, что видение происходящих событий представлено аудитории через призму определённых культурных ценностей и политических ориентиров.

3. Когнитивная функция означает, что язык в этой сфере деятельности создаёт публицистическую картину мира.

4. Развлекательная функция воспринимается как разнообразные программы и материалы, позволяющие заполнить свободное время, получить эстетическое наслаждение или эмоциональную разрядку.

5. Образовательная функция означает повышение образовательного уровня аудитории и распространение знаний в рамках специальных образовательных передач или каналов

6. Рекламная функция связана с воздействием на массовую аудиторию с целью убеждения или необходимости приобрести определённые товары или воспользоваться определёнными услугами.

Исходя из этих функций, становится очевидным, что СМИ чрезвычайно влиятельны и необходимы для современного населения.

СМИ развиваются одновременно с общечеловеческим прогрессом. Но, к сожалению, этот процесс поглощает и язык. Сегодня стоит говорить о том, что современный русский язык далёк от того литературного языка, на котором говорили наши предки. Это обусловлено, конечно же, техническим прогрессом, внедрением информационных технологий, заимствованием иностранных слов для обозначения новых явлений и т.д. Иногда в телевизионных передачах можно увидеть столь непристойные вещи, что они повергают зрителей в шок своей излишней откровенностью, непристойностью или хамством, не говоря об информации из Интернет, где возможны нецензурная брань, антиобщественные проявления или нарушающая нормы морали и даже уголовное законодательство информация.

Язык СМИ в наши дни разительно отличается от современного русского литературного языка. Очень часто в радиорепортажах или телепередачах преподносимый слушателю (зрителю) материал содержит жаргонизмы, просторечия или даже нецензурные выражения. Довольно распространённым является и нарушение норм произношения в русском языке, причем не только простыми участниками, но и самими репортерами. В российских молодёжных журналах просматривается тенденция к употреблению заимствований из иностранных языков (чаще всего из английского языка). Насколько это необходимо?

Если рассматривать этот вопрос с позиций защиты русского языка, то, безусловно, это негативное явление. Русский язык относится к группе славянских языков, входящей в состав индоевропейской языковой семьи. Современные лексические и грамматические нормы русского языка появились в результате длительного процесса взаимодействия восточнославянских диалектов. Восточнославянский, так же известный как древнерусский язык, в XIV–XV веках явился основой для формирования русского, украинского и белорусского языков [6].

Русский обладает диалектическими способностями, которые отличают его от других языков, придают ему неповторимость и индивидуальность. Но сегодня стоит задуматься о том, каким станет русский язык в будущем, если уже сейчас он наполнен заимствованными словами, которые вытесняют не только исконно русские слова, но даже более ранние заимствования. В абсолютном большинстве это заимствования из английского языка. Так, например, существовавшее ранее слово «кегельбан», пришедшее в русский язык в результате контактов с немецкой культурой, было заменено английским

аналогом «боулинг». Знакомое всем россиянам слово «*контора*» появилось ещё во времена Петра Первого от немецкого «*Kontor*», которое в свою очередь было заимствовано из французского языка («*comptoir*», т.е. «касса, шкаф для хранения денег»), сегодня это слово повсеместно заменяется на английский «*офис*». Французское слово «*омар*» стало современным английским «*лобстером*». И таких примеров можно привести достаточно много.

Все эти «чужеродные» слова появляются в русском языке непосредственно через СМИ и преимущественно через Интернет. Причём изменения в речевой практике развиваются так стремительно, что русский язык не успевает за ними. Интернет имеет свои преимущества и ограничения. Он обладает возможностями мгновенной передачи информации в любую точку мира. Также важно, что пользователи имеют равные возможности для совершения действий в этом пространстве.

Можно выделить несколько основных функций интернета:

1. Информационная функция – самая важная функция. Интернет содержит в себе бесконечное множество различной информации, к которой имеет доступ население. Она способствует усвоению знаний, ведь интернет может дать ответ на любой вопрос.

2. Функция СМИ заключается в распространении информации. В данном случае, интернет значительно отличается от печатных изданий, в основном, неформальным, подробным и доступным изложением информации.

3. Функция свободного общения, которая реализуется через социальные сети. Дает возможность свободно общаться, участвовать в дискуссиях и т.д.

4. Функция развлекательная как приятное проведение времени с интересным сопровождением во время всего сеанса.

5. Функция психологической разрядки как стремление расслабиться, уйти от реальных проблем в свой лично созданный виртуальный мир [1].

Основной способ общения в сети интернет – письменный. Поэтому ограничения связаны, прежде всего, с отсутствием непосредственного контакта с собеседником. Некоторые утверждают, что столь скорое развитие языка интернета – тенденция к интеллектуализации современной культуры [3]. Но на самом деле это не совсем так. Язык претерпевает неконтролируемые изменения: исконно русские слова заменяются новыми английскими, многие из русских слов просто исчезают из употребления, ненормативная лексика заполонила просторы интернета. Разве можно утверждать, что это прогресс для русского языка?

Думается, нет. Не случайно в международной практике пользователей Интернет приняты правила сетевого общения нетикет (от английского слова «*net*» – сеть и французского слова «*étiquette*» – надпись, предписание [5], в которых содержится требование делать свои записи удобочитаемыми, в т.ч. не использовать сленг (жаргон) или иностранные слова, непонятные другим участникам интернет-общения.

Анализируя процесс влияния СМИ на русский язык, необходимо отметить, что такое влияние в настоящее время в большей степени негативное, нежели

позитивное. Язык СМИ играет очень важную роль в распространении современного русского языка и в повышении общей грамотности населения России. Основой возникшего в последнее десятилетие массового нарушения норм литературного языка стало то, что два совершенно различных понятия смешались в единое целое. По мнению Стернина, свобода слова (говори, что хочешь) и свобода речи (говори, как хочешь) стали едины, несмотря на то, что если в обществе существует свобода слова, то свобода речи никак не может быть в таком обществе [4]. Учитывая исключительное отношение населения к телевидению, интернету, печатным изданиям, все средства массовой информации должны, прежде всего, бережно сохранять русский язык и способствовать распространению литературных норм, а не вносить в него необдуманные коррективы и портить, искажать, уничтожать его. Учитывая исключительную роль СМИ в современном российском обществе, можно с уверенностью утверждать: если бы соблюдались нормы литературного языка в СМИ, то показатель общей грамотности населения России значительно бы вырос, поскольку русский народ воспринимает всё так, как это преподносят. Если подача будет правильной и корректной, то люди начнут следовать этому положительному примеру и впитывать, а затем и использовать правильные с точки зрения литературных норм выражения. Тогда общество станет намного богаче, культурнее, грамотнее.

Литература

1. Богданов Д. Социальные функции Интернета / Д. Богданов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». – 2011. – № 1. – С. 114–120 : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://nauchenie.narod.ru/index/0-28>.
2. Лукиева Л. Б. Теория и практика связей с общественностью / Л. Б. Лукиева. – Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2009. – 126 с. : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://textb.net/56/2.html>.
3. Пономарева Е. А. Основные тенденции в развитии русского языка нового времени / Е. А. Пономарева : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://nsportal.ru/shkola/materialy-metodicheskikh-obedinenii/library/2014/01/17/osnovnye-tendentsii-v-razviti>.
4. Свобода слова и свобода речи : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://http://sterninia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/item/195-svoboda-slova-i-svoboda-rechi>.
5. Сетевой этикет : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B5%D1%82.
6. Русский язык : происхождение и отличительные особенности : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nativespeakers.ru/languages/ruslang/>.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ФУНКЦИЙ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Петряева Надежда Алексеевна,
студентка II курса факультета права
и социального управления

Науч. рук.: Богданов А. В.,
кандидат наук по государственному управлению,
доцент кафедры краеведения
Донецкий государственный университет управления

Средства массовой информации – это система учреждений, созданных в обществе для открытой, публичной передачи информации с помощью специальных технических средств. *«Обладая высоким престижем и самыми современными средствами распространения, язык СМИ выполняет в информационном обществе роль своеобразной модели национального языка. Он во многом формирует литературные нормы, языковые вкусы и предпочтения, оказывает влияние на восприятие политики, идеологии, искусства и литературы»* [1].

СМИ оказывают влияние почти на все сферы и институты общества, включая политику, здравоохранение, образование, религию. Массовая культура в различных ее вариантах формируется, распространяется и сохраняется с помощью СМИ. Огромна их роль в формировании, функционировании и эволюции общественного сознания в целом [2].

В медиалингвистике средства массовой информации подразделяются на визуальные (периодическая печать), аудиальные (радио), аудиовизуальные (телевидение, документальное кино) виды. Несмотря на функциональные различия между ними, СМИ объединяются в единую систему массовой коммуникации благодаря общности функций и особой структуре коммуникативного процесса [3].

Инструментом для этого служит язык как основа взаимопонимания, социального мира и развития. Важным условием является эффективность использования функций языка для повышения уровня усвоения информации.

Всем известно, что язык – это средство общения, а общение в свою очередь, осуществляется при помощи обмена информацией, которая передается разными путями. Одним из этих путей и является СМИ. Язык СМИ обладает теми же функциями, что и сам язык.

Целесообразным будет рассмотрение действенности языковых функций в СМИ для определения эффективности их влияния на подачу информации, её восприятие и влияние на мировоззрение получателя.

Рассмотрим коммуникативную функцию СМИ и особенности её реализации в современной медиалингвистике. Коммуникативные процессы в языке СМИ характеризуется следующей формулой: «коммуникатор –

сообщение – канал – реципиент – эффект» [4]. Любой коммуникативный акт осуществляется при помощи взаимных отношений между субъектом и объектом. В этом случае, отдельные индивидуумы, социальные общности людей или государственная власть и общество могут быть коммуникатором и реципиентом. Важной особенностью коммуникации является установление контакта как условия взаимодействия.

Гносеологическая функция СМИ состоит в том, что язык является своеобразной системой ориентиров в восприятии мира, орудием обработки информации. Узнавая предмет, мы называем его словом, а само слово соотносится с другими словами: таким образом, предмет через язык связывается с другими предметами. Кроме того, сами значения слов содержат перечень характерных признаков называемого словом предмета, что позволяет манипулировать понятиями о предметах с помощью слов и даже ставить немислимые для реальных предметов эксперименты.

Профессор Рождественский определяет важнейшие социолингвистические аспекты языка СМИ, говоря о том, что *«массовая информация является глобальным текстом, объединяющим разные языковые сообщества с их различными социальными речевыми структурами»* [2]. При этом, несмотря на различие языковых систем, понимаемых лингвистически, массовая информация обладает принципиальным единством смысла и направленностью содержания. Существенным представляется также наблюдение о регулирующей функции языка СМИ, который выступает в качестве своего рода распространителя речевых стилей и формирует у потребителей массовой коммуникации определённые (часто неосознанные) вкусы и предпочтения в области использования речи во всех её проявлениях.

Информационная функция заключается в предоставлении массовому читателю, слушателю и зрителю актуальной информации о самых различных сферах деятельности людей – деловой, научно-технической, политической, юридической, медицинской и т.п. При этом содержание информации во многом определяется запросами аудитории. Получая большой объем информации, люди не только расширяют свои познавательные возможности, но и усиливают свой творческий потенциал [4]. Знание информации предоставляет возможность планирования и прогнозирования своих действий, а также экономит время, что является очень важным фактором в современном мире. Данная функция, способствуя оптимизации полезной деятельности общества и индивида, играет важную роль в сфере культуры, где ежедневно создаются новые произведения и появляются новые имена.

Познавательная, или когнитивная, функция языка связана с тем, что в знаках языка осуществляется или фиксируется сознание человека. Язык является инструментом сознания, отражает результаты мыслительной деятельности человека.

Любые образы и понятия нашего сознания осознаются нами самими и окружающими только тогда, когда облечены в языковую форму. Отсюда и представление о неразрывной связи мышления и языка.

При этом когнитивность считают важнейшей чертой языка СМИ. Когнитивная функция СМИ заключается в том, что язык СМИ, как и язык других сфер деятельности (религиозно-мифологической, философской, научной, художественной и др.), создает своеобразную картину мира как публичное созидание. Иными словами, публицистическая картина мира позволяет глубже понять природу и специфику публицистической речи, взглянуть на неё как на единую структуру, раскрыть предоставляемые ею возможности описания действительности.

Одна из важных функций СМИ – регулятивность. Регулятивная функция языка СМИ направлена на восприятие объективного бытия, формирование и изменение точки зрения реципиентом. Регулятивная функция воздействует на массовую аудиторию, в которой устанавливает контакт и контролирует общество. С помощью регулятивной функции средства массовой информации влияют на формирование общественного сознания индивидуума и группы. А также формирует общественное мнение и создает определенные социальные стереотипы.

Средства массовой информации являются мощным средством воздействия на человеческий разум. Динамичный по своей сути язык СМИ наиболее оперативно реагирует на все изменения в общественном сознании, отражает его состояние и влияет на его формирование. Именно современные СМИ реализуют максимальное количество языковых функций одновременно. Именно в языке СМИ легко заметить те новые тенденции в изучении языка, которые прослеживаются в современной лингвистике. Можно утверждать, что СМИ создают особый аудиовизуальный мир, воздействию которого вольно или невольно подвергается каждый из нас, что заставляет серьезно ставить вопрос об ответственности средств массовой информации перед обществом.

Литература

1. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.philol.msu.ru/~smi/mediensprache.htm>.
2. Баранов А. Н., Паршин В. В. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. – М., 2003. – С. 233. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.scriu.com/10/50/55589217335.php>
3. Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире : методология анализа и практика исследований / М. М. Назаров. – М., 1999. – С. 233. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ozon.ru/context/detail/id/1149832/>
4. Кривенко Б. В. Язык массовой коммуникации : лексико-семиотический аспект / Б. В. Кривенко. – Воронеж, 2003. – [Электронный ресурс]. – Режим

доступа : <http://www.dissercat.com/content/yazykovye-aspekty-vozdеistviya-na-obshchestvennoe-soznanie-na-sopostavitelnom-materiale-sred>

5. Граудина Л. К., Ширяев Е. Н. Культура русской речи. Учебник для вузов / Под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. – М. : Издательская группа НОРМА-ИНФРА. – М, 1999. – 560 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Gray

СЛЕНГ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Шевчук Валерия Александровна,
студентка IV курса филологического факультета

Науч. рук.: Пономарева Т. А.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий

Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко

В настоящее время интернет занимает одно из важнейших мест в нашей жизни. Большинство людей не представляют своей жизни без интернета – играют в игры, читают книги, слушают музыку и, конечно, общаются в социальных сетях.

Социальная сеть, как и интернет, – всемирная путина, которая затягивает всё больше и больше людей с каждым днём. В первую очередь, это сайты, разработанные с целью познакомить и собрать людей с общими интересами, дать им возможность общаться на различные темы, выкладывать и обсуждать фото и видео, добавлять друг друга в друзья или недруги, загружать и слушать музыку и т.д. Одним из плюсов социальных сетей является возможность найти давно потерянных друзей, родственников.

Первые социальные сети появились на западе. Самые популярные из них – Facebook, Twitter, MySpace, YouTube, Google+. Вскоре и в России стали появляться аналоги, такие как ВКонтакте, Одноклассники.ru, Мой Мир, В кругу друзей, Привет.ru и др.

Социальная сеть – инструмент для общения on-line, который нам предлагает интернет, и у каждого есть выбор, пользоваться им или нет. Некоторые уже зарабатывают миллионы на социальных сетях. Социальные сети так плотно слились с общественной жизнью человека, что нельзя уже и представить, как он без них будет существовать.

В виртуальном общении человек может быть совершенно другим, возможно, поэтому оно так привлекает и затягивает. Люди могут раскрыться совершенно по-новому: стать смелее, общительней, веселее.

Важную роль в социальных сетях занимает своя речь – сленг. Сленг – это терминологическое поле, набор особых слов или новых значений уже существующих слов, употребляемых в различных человеческих объединениях.

Сленг (англ. slang) – экспрессивно и эмоционально окрашенная лексика разговорной речи, отклоняющаяся от принятой литературной языковой нормы. Распространён, главным образом, среди школьников, студентов, военных, молодых рабочих. Сленг подвержен частым изменениям, что делает его языковой приметой поколений. Легко проникая в литературный язык, используется для речевой характеристики героев и авторской речи [1].

В английской лексикографии термин «сленг» получил широкое распространение приблизительно в начале XIX века. Этимология этого слова представляется спорной. На изучение сленга повлияла англоязычная культура.

Дж. Б. Гриноу и Дж. Л. Киттридж охарактеризовали сленг следующим образом: «Сленг – язык-бродяга, который слоняется в окрестностях литературной речи и постоянно старается пробить себе дорогу в самое изысканное общество» [2].

Понятие «сленг» часто смешивается с такими понятиями как «диалектизм», «жаргонизм», «вульгаризм», «разговорная речь», «просторечие». Многие слова и обороты, начавшие свое существование как сленговые, в настоящее время прочно вошли в литературный язык [2].

Употребление термина «сленг» в русистике «не вносит, как нам представляется дефиниционного размежевания и является необоснованным дополнением к термину жаргон». Жаргон, как и сленг, используется в разных группах, объединяющих людей по социальному положению, по общности интересов, хобби, занятий [3].

Исследуя общение в социальных сетях можно сделать вывод, что подростки и молодёжь составили свой словарь. Непосвящённому человеку трудно его понять и вникнуть в суть речи. Теперь приступим к рассмотрению самого сленга. Чтобы было легче его понять, разделим его на несколько групп.

1. Группа – описание человека:

Няшка – это очень милый человек.

Тролль – человек, который шутит с сарказмом.

КЭП (капитан очевидность) – человек, который говорит совершенно понятные и предсказуемые вещи.

Ламер – глупый человек с завышенной самооценкой.

Лол, Лола, Лолка – человек, отличающийся глупым и несуразным поведением и зачастую вызывающий смех.

Бро – названный брат, очень близкий друг.

2. Группа – эмоции:

Ололо – ирония, удивление, восхищение или просто улыбка.

Омг – выражение удивления, чаще выражает отрицательную оценку происходящему.

Кул – классно, круто.

Like – нравится.

3. Группа – слова, напрямую связанные с социальной сетью и интернетом:

Фейк – ненастоящая страница в социальной сети.

Смайлик – способ выражения виртуальных эмоций, он может улыбаться, грустить, плакать, злиться и т.п.

Мем – название информации или фразы, часто бессмысленной, которая приобрела популярность в интернет среде посредством распространения в интернете всеми возможными способами.

Аватар – картинка, которую пользователь выбирает себе в качестве лица.

Забанить – запретить пользователю написание сообщений.

Мыло – электронная почта.

Пост – новость, опубликованная в интернет-ресурсе.

Ник – псевдоним, прозвище.

4. Группа – сокращённые слова:

Спс – спасибо.

Щас – сейчас.

Мб – может быть.

5. Группа – другие:

Видюха – видео.

Троллить – злобно шутить.

Лайкать – ставить лайк на фото, видео и т.д.

В наше время этими словами уже никого не удивишь, поэтому наш небольшой словарь сленга можно дополнить более новыми словами.

6. Группа – слова, заимствованные из английского языка:

Дакфейс – (англ. duck – утка, face – лицо) разновидность снимка в стиле селфи с так называемым «утиным» лицом.

Лифтолук – (лифт + англ. Look – смотреть) фотоснимок самого себя в зеркале лифта.

ИМХО – (ИМНО: In my humble opinion) «по моему скромному мнению».

Скрин – (screen экран) снимок с экрана телефона.

Трэш – (trash – хлам, мусор) – страницы или сайты, не несущие полезной информации.

Хэштэг – (hashtag: hash – символ «решётка», tag – поисковая тема) это слово или фраза, которым предшествует символ #.

Спам, спамить – (spam – бесполезная информация) отправлять письма, сообщения, комментарии, единственной целью которых является реклама.

Итак, мы рассмотрели некоторые особенности функционирования сленга в интернете: он объединяет разных молодых людей в единое целое, позволяет уйти от обыденности, серых будней, это некая игра, которая показывает окружающим, что человек «свой». Он вбирает в себя все качества его носителей – громкий, дерзкий, резкий, выразительный. С каждым годом он обновляется, пополняясь новыми словами и выражениями. У каждого поколения свой сленг, ведь время не стоит на месте.

Сленг в социальных сетях очень специфичен, и непосвящённому человеку трудно его понять. Он результат своеобразного желания переиначить мир на свой манер.

Каким бы интересным не был сленг, и каким бы не было общение в социальных сетях, мы не должны забывать настоящий, богатый русский язык. В наше время легче удивить человека правильной, грамотной и тактичной речью, нежели разговорами, набитыми сленгом.

Литература

1. Большая советская энциклопедия. – М. : Советская энциклопедия. 1969–1978 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru/>.
2. Кёстер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нонстандарт // Русистика. – Берлин, 1993. – № 2 / 3. Кёстер-Тома [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.philology.ru/>.
3. Калита И. В. Стилистические трансформации русских субстандартов, или книга о сленге / И. В. Калита. – М. : Дикси Пресс, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/>.

ФОТОИЗОБРАЖЕНИЯ КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПОЛИКОДОВОГО МЕДИАТЕКСТА

Юдина Виктория Александровна,
студентка III курса факультета экологии
и химической технологии

Науч. рук.: Стеценко Н. М.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры украинского и русского языков
Донецкий национальный технический университет

Современные новостные печатные издания Украины практически отказались от нейтральности визуального оформления публикаций. Большинство газет, позиционирующих себя как информационные издания, используют разнообразные дизайнерские средства для увеличения воздействующего потенциала печатных новостей. Общеизвестно, что невербальные средства аккумулируют большую часть передаваемой информации (около 70%), поэтому, анализируя новости прессы, ни в коем случае нельзя не принимать во внимание невербальную составляющую новостных публикаций. В связи со сказанным полностью разделяем мнение В.Е. Чернявской, что «не только особенности соединения языковых знаков в текстовую ткань, но и графическое, шрифтовое, визуальное, цветное оформление, – то, что называется текстовым дизайном..., попадает в сферу

интересов лингвистов и обуславливает выводы относительно функционирования текстовых смыслов» [3, с. 86].

Цель работы – проанализировать особенности использования фотоизображений в медийных текстах в аспекте воздействия в масс-медиа.

Согласно классификации текстов Карла Гаузенбласа, тексты делятся на: лингвистические (вербальные) тексты, экстралингвистические тексты (невербальные, например, музыкальное произведение, танец и т.д.) и смешанные (тексты с преобладанием либо вербальных, либо невербальных компонентов) [Цит. по: 3, с. 86]. Такие смешанные тексты, особенностью внутренней организации которых является сочетание вербальных и невербальных компонентов, определяются множеством терминов. В данной работе для обозначения данного вида мы остановимся на понятии поликодовый текст. Термин поликодовый текст разработан исследователями Г. В. Ейгером и В. Л. Юхтом для обозначения всех случаев сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т.п.). [Цит. по: 1, с. 189]. Под кодом понимается не только язык как знаковая система, но и визуальный код, широко применяемый СМИ: «кодом называется система условных обозначений, символов, знаков и правил их комбинации между собой для передачи, обработки и хранения (запоминания) информации в наиболее приспособленном для этого виде» [Цит. по: 3, с. 90].

Невербальный компонент поликодового текста составляют паралингвистические средства, к которым относят: иконические знаки (рисунки, фотографии, таблицы, схемы и др.); графическую сегментацию текста, его расположение на бумаге; шрифтовой и красочный наборы, типографские знаки, цифры; необычное написание, нестандартную расстановку пунктуационных знаков и т.д.

Функционирование поликодовых текстов в области графических средств массовой информации вызывает огромный интерес таких современных исследователей как: Е. Е. Анисимова, Л. М. Большиянова, И. В. Вашунина, Н. М. Чудакова, И. В. Юрченко и др., однако взаимосвязь вербальной и невербальной составляющей новостного медиатекста на уровне его структуры в украинских масс-медиа практически не исследована, что обуславливает актуальность данной работы.

Среди паралингвистических средств наибольший интерес представляют фотоизображения. Способность фотоизображения удерживать внимание читателя чрезвычайно важна для повышения популярности новостного материала и издания в целом. Именно вокруг фотографий обычно монтируется газетная страница, поскольку они первыми привлекут внимание читателя к опубликованному материалу.

Фотоизображение представляет собой материальный объект, воспринимаемый органами зрения и обладающий линейностью, т. е. протяженностью во времени и пространстве. Основное использование фото в медийном тексте обуславливается его репрезентативной функцией. Она сводится к тому, что фотоизображение выступает в качестве адекватного

представителя реалий. В связи с этим фотоизображение используется преимущественно в качестве средства отражения, передачи и хранения информации. Одно из главных преимуществ фотоизображения – для его восприятия адресату потребуется затратить гораздо меньше усилий и времени, чем для вербального текста, к тому же фотоизображение «интернационально» и не требует перевода на какие-либо языки.

Исследователь С. Г. Корконосенко выделяет следующие функции фотоизображений в прессе: декоративная, информативная, прагматическая, функция удержания внимания [1, с. 261]. Изучив каждую из них более подробно, можно сказать, что прагматическая функция – наиболее интересная и актуальная в наше время. Далее рассмотрим её детальнее.

В том случае, если фотоснимки отличаются эмоциональным, динамическим характером и способны оказать на зрителя сильное эмоциональное давление, фотоизображения играют роль настраивающего механизма для восприятия новостной информации. В таких случаях фото является способом передачи субъективного отношения к опубликованному материалу и несет на себе печать авторской индивидуальности. Для более ясной картины, можно привести несколько примеров. Рассмотрим новостную заметку *«Кабмин вводит налог на кухню и туалет»* («Итоги недели», 16–22.05.2012). В данном примере в полной мере соблюдены требования нейтральности изложения информации новостного медиатекста: публикация представляет собой перечень сообщений об изменениях в Налоговом кодексе Украины без каких-либо оценочных компонентов вербальной информации. В то же время сопутствующая фотография является не только иллюстрирующим материалом к информации о налоговых реформах, но и выражением субъективной позиции автора к законодательным требованиям. *На фото (рис. 1) мы видим макет дома, из которого в трубу уносятся деньги.* Такая фотоинформация символично изображает огромные траты, с которыми связаны новые налоговые реформы.

Другим примером применения прагматичной функции является статья *«За исполнения гимна СССР можно получить пять лет тюрьмы»* («Аргументы и факты», от 18.05.2015). В ней рассказывается о принятии Петром Порошенко ряда законодательных актов о декоммунизации: о том, какую ответственность будут нести граждане Украины в случае нарушения закона, а, также, процитированы мнения некоторых историков и правозащитников. Информация изложена кратко, в виде сводки новостей, и не содержит субъективного мнения автора, в отличие от фотоизображения (рис. 2), прилегающего к статье. *На нём отчётливо видно «кричащий» лозунг: «С каждым днём всё радостнее жить!» и советскую женщину, уверенно смотрящую вдаль. Согласитесь, нейтральным, по отношению к статье, его не назовёшь.*

Рис. 1. Прагматическая функция («Итоги недели», 16–22.05.2012)

Рис. 2. Прагматическая функция («Аргументы и факты», от.18.05.2015)

Таким образом, фотоизображение как элемент поликодового медийного текста является важным компонентом воспринимаемой печатной информации, с одной стороны – иллюстрируя вербальную информацию, а с другой – дополняя нейтрально изложенные факты субъективным мнением автора.

Литература

1. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст : аспекты изучения / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. – Вып. 20. – Екатеринбург, 2006. – 180 с.
2. Корконосенко С. Г. Основы теории журналистики / С. Г. Корконосенко. – Спб, 1995. – 253 с.
3. Чернявская В. Е. Лингвистика текста : Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009. – 248 с.

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
Республиканской
очно-заочной научной конференции
«НАУКА И МИР В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

20 ноября 2015 г.
г. Макеевка

Ответственные за издание: *Р. Н. Назар, Ю. Н. Новикова*

Компьютерная вёрстка: *Г. Ю. Атанова*

**Авторы научных статей несут ответственность за оригинальность текстов,
а также достоверность изложенных фактов и положений.**

Электронный ресурс. – Режим доступа :
<http://donnasa.org/inform.php?lng=r&pid=2378&art=2379>.